This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlow 605.10
VIII/979.

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“:

БЕЗЪ ДОГМАТА.

РОМАНЪ.

Генрика Сенкевича.

3-е изданіе. Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

КАМО ГРЯДЕШИ?

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ.

РОМАНЪ.

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 3 руб.

Покупающіе „Камо грядеши“ и „Семью Поланецкихъ“ платятъ за обѣ эти книги вмѣстѣ 3 р. 50 к. Подписчики „Русской Мысли“ пользуются уступкой 10%.

Энциклопедическій словарь „Брокгауза и Ефрона“

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ),

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО,

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки).
С. А. Венгеровъ (исторія литературы).
Проф. А. И. Воейковъ (географія).
Проф. Н. И. Карѣевъ (исторія).
А. И. Сомовъ (изящн. искусства).

Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.).
Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство).
Владиміръ Соловьевъ (философія).
Проф. Н. Ѳ. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 38 полутомовъ. Всего полутомовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно русскими учеными и спеціалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно. Значительная часть русской географіи обрабатывается членами географическихъ экспедицій, посѣтившими съ научными цѣлями описываемыя ими мѣстности. Для каждой губерніи и области дается спеціальная карта. Кромѣ географ. картъ приложены разнообразныя иллюстраціи, служащія наглядной составной частью энциклопедическаго цѣлаго.

По соглашенію редакціи Энциклопедическаго Словаря и книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова, подписка принимается въ означенномъ магазинѣ. Уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. № 2—24.

Допускается разсрочка на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся налицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ четырехъ рублей. Правительственныя и частныя учрежденія задатка не вносятъ.

Русская Мысль.

ОТЪ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

журнала Русская Мысль,

В. М. Лаврова,

Москва, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. № 2—24.

Въ виду расширившейся дѣятельности открытаго въ 1894 году при редакціи журнала *Русская Мысль* книжнаго магазина, администрація его имѣетъ честь заявить слѣдующее:

а) Книжный магазинъ журнала *Русская Мысль* принимаетъ **годовую** подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты по цѣнамъ редакцій и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги какъ русскія, такъ и иностранныя.

б) Принимаетъ на себя **составленіе народныхъ библіотекъ и читаленъ** на всевозможныя суммы и даетъ указанія по устройству библіотекъ и складовъ для продажи книгъ (на отвѣтъ должна быть прилагаема 7 коп. марка).

в) Книги по желанію заказчиковъ могутъ быть высылаемы въ переплетахъ. Для обыкновенныхъ книгъ переплеты отъ 15 коп. до 2 руб. и дороже. Для мелкихъ народныхъ изданій переплеты отъ 4 до 15 коп. Для изготовленія переплетовъ требуется отъ 3 до 6 дней.

г) Заказы частныхъ лицъ на сумму, не превышающую 25 руб., исполняются безъ задатка съ наложеніемъ платежа на посланныя книги. При заказахъ на сумму больше 25 руб. просятъ прилагать задатокъ въ размѣрѣ не менѣе $^1/_4$ стоимости всего заказа. При заказахъ на сумму не менѣе 100 руб. магазинъ дѣлаетъ 10% уступки. Большій % уступки находится въ зависимости отъ суммы заказа.

д) **Заказы учебныхъ заведеній, земскихъ и городскихъ управъ и прочихъ правительственныхъ и**

общественныхъ учрежденій исполняются безъ задатка, причемъ требованія должны быть написаны на бланкѣ учрежденія за текущимъ № и подписью завѣдующаго учрежденіемъ. На заказахъ всѣхъ вышеупомянутыхъ учрежденій магазинъ дѣлаетъ постоянную уступку **отъ 10 до 15 процентовъ**, въ зависимости отъ суммы заказа.

За болѣе подробными условіями **магазинъ** проситъ обращаться письменно.

е) Заказы гг. книгопродавцевъ исполняются на условіяхъ вычета обычныхъ 5% коммиссіонныхъ, по возможности въ день полученія заказа.

ж) При выпискѣ книгъ просятъ по возможности точно обозначать автора, названіе и цѣну книги, а также и родъ пересылки (почтой, черезъ транспорт. конт., жел. дор.). При отсутствіи въ требованіяхъ такихъ указаній магазинъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, выбирая то, что, по его мнѣнію, болѣе удобно въ интересахъ заказчика.

з) **Магазинъ также высылаетъ ноты, письменныя и учебныя принадлежности, физическіе аппараты для школъ, глобусы, волшебные фонари и картины къ нимъ, карты и проч.** При подобныхъ заказахъ просятъ обязательно прилагать задатокъ.

и) Всѣ поступающіе въ магазинъ заказы исполняются, въ очередномъ порядкѣ, **ни въ какомъ случаѣ не позже 3-хъ дней**, исключая заказовъ на иностранныя изданія и частью провинціальныя, которыя часто приходится пріобрѣтать на мѣстѣ ихъ изданія.

к) Такъ какъ магазинъ обращаетъ преимущественное вниманіе на аккуратное и быстрое исполненіе заказовъ иногородныхъ покупателей, то администрація магазина покорнѣйше проситъ о всякомъ промедленіи (исключая вышеуказанныхъ случаевъ: выписки книгъ изъ-за границы или другихъ городовъ) доводить немедленно до ея свѣдѣнія, для принятія своевременныхъ мѣръ къ устраненію подобныхъ недоразумѣній, причемъ магазинъ принимаетъ на свой счетъ убытки, происшедшіе отъ неаккуратности или недостаточно-добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу служащихъ магазина.

Поступила въ продажу новая книга изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

ТРАГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛІЯ.

Романъ **Поля Бурже**. Переводъ **М. Н. Ремезова.**

Цѣна 1 рубль.

ПОРТЪ ТАРАСКОНЪ.

Альфонса Додэ. Переводъ *М. Н. Ремезова.*

Цѣна 1 рубль.

МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ.

Романъ **Альфонса Додэ.** Переводъ *М. Н. Ремезова.*

Цѣна 1 рубль.

НАШЕ СЕРДЦЕ.

Романъ **Гюи де-Мопассана.** Переводъ *М. Н. Ремезова.*

Цѣна 1 рубль.

НАШИХЪ ПОЛЕЙ ЯГОДЫ.

Романъ **М. Н. Ремезова.**

Цѣна 1 рубль.

СИЗИФЪ.

Картинки дерев. жизни **К. Юноши.** Переводъ *В. М. Лаврова.*

Цѣна **50** коп.

Покупающіе всѣ упомянутыя шесть книгъ вмѣстѣ платятъ за нихъ **3** р. Подписчики «Русской Мысли» пользуются уступкой 10%.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

предприняла новое изданіе, которое будетъ выходить подъ названіемъ:

„Библіотека Русской Мысли“.

Въ составъ этого изданія войдутъ беллетристическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, и популярныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Въ теченіе года выйдутъ отъ 15 до 20 книжекъ. Первыя книжки:

I.

ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ.

Повѣсть Генрика Сенкевича, переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 40 коп.

II.

КЛЕОПАТРА.

Картинки античной жизни М. Н. Ремезова.

Цѣна 40 коп.

III.

ЮБИЛЕЙ.

(Не совсѣмъ обыкновенная исторія).

М. Н. Альбова.

Цѣна 1 руб.

IV.

ПОБѢДА.—НА СѢВЕРѢ ДИКОМЪ.

К. С. Баранцевича.

Цѣна 1 руб.

V.

МИЛОРДЪ.—БАБУШКА.

Элизы Ожешковой.

Цѣна 50 коп.

VI.

ІУДЕЯ И РИМЪ.

Картинки античнаго міра М. Н. Ремезова.

Цѣна 50 коп.

VII.

ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ.

Вл. И. Немировича-Данченко.

Цѣна 1 руб.

VIII.

Очерки Итальянскаго Возрожденія.

Проф. М. С. Корелина.

Цѣна 1 руб.

IX.

БРАТЬЯ ГОРДѢЕВЫ.— ОХОНИНЫ БРОВИ.

Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Цѣна 1 руб.

X.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В. Н. Ладыженскаго.

Цѣна 25 коп.

XI.

ЛЯЛЬКА.

(Изъ „сказокъ дѣйствительности“).

Вас. И. Немировича-Данченко.

Цѣна 60 коп.

Вышли и продаются въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

Въ слѣдующія книжки войдутъ произведенія *В. А. Гольцева*, *М. Конопницкой*, *М. С. Корелина*, *В. Косякевича*, *Вас. Ив. Немировича-Данченко*, *Э. Ожешковой*, *М. Н. Ремезова*, *К. М. Станюковича*, *А. Шиманьскаго*, *А. П. Чехова*, *А. И. Эртеля* и другихъ.

Поступила въ продажу новая книга изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

ЭМПИРИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

РУССКАГО СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.

(съ атласомъ).

А. М. Бобрищева-Пушкина.

Цѣна 4 рубля.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

„НАДЪ НѢМАНОМЪ“.

Романъ въ 3 частяхъ Элизы Ожешковой. Переводъ съ польскаго **В. М. Лаврова.**

Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ

В. М. Лаврова

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при немъ съ 15 декабря 1895 года

открылась НОТНАЯ торговля,

сначала только для **иногородныхъ.**

Ноты могутъ быть высылаемы какъ за наличныя деньги, такъ и съ наложеннымъ платежомъ.

Выписывающихъ покорнѣйше просятъ обозначать имя автора и opus сочиненія.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
журнала Русская Мысль,

уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24,

продаются по пониженной цѣнѣ оставшіеся экземпляры слѣдующихъ сочиненій:

Головачевъ, А. А. «Десять лѣтъ реформъ». Вмѣсто 3 р. за 1 руб. 50 коп.

— «Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи». Вмѣсто 2 р. 40 к. за 1 р.

Массе. «Исторія кусочка хлѣба». Вмѣсто 1 р. 50 к. за 75 к.

По соглашенію редакціи

„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ"
и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ",

въ книжномъ магазинѣ журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ"
В. М. Лаврова

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НА

„Настольный Энциклопедическій Словарь"
изд. Т-ва ГРАНАТЪ и К°.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА: полному изданію безъ переплета 38 руб., въ изящн. коленкоровомъ переплетѣ (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) 42 руб.

За пересылку **прилачивается** 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ при подпискѣ 5 руб. и, предоставивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впредь до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.-е. 37 руб.) и стоимость пересылки (4 руб. 20 коп.); 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. или каждые три мѣсяца по 6 р., впредь до полной оплаты остающейся суммы за восемь томовъ 32 руб. и стоимости пересылки 4 руб. 20 коп., 7-й томъ сылается по выплатѣ всего 28 руб., а 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ" (4 серіи по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковые будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА II.

1-го разряда
БИБЛІОТЕКА
САПЕРНАГО БАТАЛІОНА.

МОСКВА.
1897.

Стр.

XIII. ШКОЛЬНЫЯ КАССЫ И ШКОЛЬНЫЯ СТОЛОВЫЯ ВО ФРАНЦІИ.—**У. Манскаго** 79

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1897 годъ.—Податныя льготы.—Низкія хлѣбныя цѣны потрясаютъ русское народное хозяйство.—Чрезвычайные успѣхи русской промышленности.—Особенности въ экономической эволюціи Россіи и Запада. — Денежная реформа.— Русско-китайская желѣзная дорога, какъ проводникъ русской культуры. — Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей.—† Е. И. Красноперовъ.—† В. Я. Ѳедоровъ 100

XV. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: «Малый театръ»: *Подорожникъ*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Е. Гославскаго.—*Кумиръ*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Н. А. Борисова. **Ан.** — Музыкальная хроника.—**Александра Барсова** 117

XVI. ДВѢ ГРЯДУЩІЯ ГОДОВЩИНЫ.—**В. А. Гольцева** 132

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** 134

XVIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги:** Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы.—Путешествія, географія.— Юридическія книги.— Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники, дѣтскія книги. II. **Періодическія изданія:** «Русскій Вѣстникъ», *декабрь*. — «Русское Обозрѣніе», *ноябрь—декабрь*. — «Сѣверный Вѣстникъ», *январь*.—«Русское Богатство», *декабрь*. — «Міръ Божій», *январь*. — «Вѣстникъ Европы», *январь*. — «Всходы», *№№ 1 и 2*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1897 г.** 53

XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

МИЛЛІОНЫ.

Повѣсть.

I.

Сверху, съ самаго края площадки, временнаго «амфитеатра» на дворѣ Сорбонны, рядъ низкихъ скамеекъ казался пестрымъ ковромъ. Высокія шляпки съ перьями и цвѣтами заслоняли собою темныя фигуры мужчинъ; женщины захватили аудиторію и до прихода профессора гудѣли, какъ рой осъ.

Въ дверку верхней площадки вошелъ, въ шляпѣ, молодой худощавый блондинъ, небольшого роста, и сталъ обводить амфитеатръ, сквозь стекла pince-nez, тревожнымъ взглядомъ карихъ глазъ съ красноватыми вѣками. Плоскіе волосы, лежащіе двумя прядями на вискахъ, дѣлали его блѣдное лицо еще уже. Рѣдкая бородка торчала клинушками. На немъ ловко сидѣла темная визитка, съ длиннымъ хвостомъ, и парижская манера одѣваться совсѣмъ не подходила къ его бытовому русскому лицу приказчика или купеческаго сына.

Онъ и былъ «купеческій сынъ». Звали его Захаръ Кузьмичъ Фокинъ. Ни имя, ни отчество, ни фамилія—давно ему не нравились; но здѣсь онъ на карточкѣ ставитъ: «Z. Foquine», что, по-французски, звучитъ совершенно прилично.

Нѣсколько разъ поглядѣлъ онъ направо и налѣво, не рѣшаясь сразу сѣсть. На верхнихъ трехъ скамьяхъ были еще свободныя мѣста.

Онъ кого-то искалъ, и врядъ ли женщину. Эта масса расфранченныхъ парижанокъ—больше оттуда, «съ праваго берега» Сены, изъ богатыхъ кварталовъ Биржи и Мадлены — непріятно смущала его. Давно онъ не заглядывалъ въ Сорбонну; а на лекціи этого профессора не былъ еще ни разу. Его почти оскорблялъ такой непомѣрный наплывъ всѣхъ этихъ «перепёлокъ»: онъ мысленно употребилъ жаргонное слово «caillettes».

Зачѣмъ ихъ пускаютъ сюда, точно на какой публичный балъ? Развѣ онѣ имѣютъ что-нибудь общее съ наукой? И настоящихъ-то «студентокъ» онъ недолюбливалъ, тѣхъ, что «шатаются» на лекціи по философіи и естественнымъ наукамъ. Но такихъ тутъ два-три десятка, остальное—все «перепелки».

Ему припомнились скандалы, когда чуть ли не на самый этотъ курсъ французской литературы студенческая молодежь приходила протестовать противъ такого нашествія франтихъ, кричала по пѣтушиному, мяукала, пѣла непристойныя пѣсенки, давала имъ циническія прозвища. И по-дѣломъ! И сегодня не дурно бы затѣять такой же «буканъ», чтобы было имъ «неповадно».

Снизу все прибывали женщины. Наверху скамейки тоже наполнялись.

Фокинъ сѣлъ на самомъ краю одной изъ верхнихъ скамеекъ, посрединѣ амфитеатра.

Тотъ, кого онъ ждалъ, или не пришелъ, или тамъ внизу затертъ между этими безобразными шляпами и рукавами, въ видѣ пузырей. Идти туда искать онъ не рѣшился. Въ толпѣ, даже на бульварѣ, въ кафе, а тѣмъ болѣе въ аудиторіи, онъ былъ всегда стѣсненъ, хотя и не любилъ сознаваться въ этомъ.

Ему назначилъ свиданіе одинъ «французикъ», только что пріѣхавшій изъ Россіи. Онъ пишетъ докторскую диссертацію на «франко-русскую» тему и прожилъ больше года въ Москвѣ и около нея по деревнямъ. Съ нимъ они встрѣчались въ библіотекахъ, и онъ давалъ ему письма въ Москву. Французикъ знакомъ съ тѣмъ профессоромъ, котораго ждетъ вся эта дамская толпа, и просилъ Фокина завернуть сегодня на его лекцію.

Можетъ, онъ и тутъ, да какъ его сыскать? Придется высидѣть цѣлый часъ. Становилось душно. На дворѣ—жаркій майскій день. Запахъ пыли стоялъ въ воздухѣ аудиторіи.

Онъ снялъ свой цилиндръ и бережно поставилъ его рядомъ на скамью. Разсчитанность его движеній мало подходила къ тревожной нервности выраженія лица. Онъ такъ же бережно снялъ pince-nez и протеръ его, потомъ вынулъ изъ наружнаго кармана жакетки цвѣтной шелковый платокъ и прошелся имъ по блѣдному лбу съ чуть замѣтными морщинками.

Ему сдѣлалось тягостно искать глазами знакомаго француза. Онъ—нечего дѣлать!—прослушаетъ лекцію. Профессоръ — одинъ изъ модныхъ «conférenciers», идолъ дамъ—такъ мало интересовалъ его, что онъ ни разу не пошелъ его послушать; а въ этомъ амфитеатрѣ бывалъ, годъ назадъ, на другомъ курсѣ.

Развѣ это наука, какъ онъ ее понимаетъ? Это — битыя сливки литературнаго пустословія. Разбирать современныхъ писателей, романистовъ, драматурговъ передъ аудиторіей изъ «перепелокъ» — чистая профанація самыхъ стѣнъ древней Сорбонны.

И онъ съ брезгливою гримасой прошелся еще разъ взглядомъ по пестрому цвѣтнику шляпокъ, внизъ по спуску амфитеатра.

Гудѣнье женскихъ разговоровъ улеглось. Изъ дверки слѣва показался служитель въ цѣпи, а за нимъ профессоръ, одѣтый въ сюртукъ скромнаго вида, еще молодой брюнетъ, съ головой скорѣе журналиста, чѣмъ университетскаго преподавателя.

Его приняли рукоплесканіями. Онъ раскланялся на обѣ стороны и, низко нагибаясь надъ книгами, которыя принесъ съ собою, съ минуту разбирался въ нихъ, потомъ налилъ себѣ стаканъ воды, откинулся на спинку кресла и поправилъ рукой волосы.

Фокинъ оглядѣлъ его внимательно, и брезгливая усмѣшка снова прошлась по его безкровнымъ губамъ.

Онъ почти пожалѣлъ, что этотъ любимецъ дамъ не оказался гораздо фатоватѣе, вродѣ тѣхъ краснобаевъ, какихъ ему случалось, на первыхъ порахъ житья въ Парижѣ, слышать въ театрахъ, на утреннихъ спектакляхъ, въ тѣхъ залахъ модныхъ театриковъ, гдѣ «продюизируютъ» разныхъ кафешантанныхъ пѣвичекъ.

Но лекторъ и наружностью, и манерами, и тономъ не смахивалъ на «сноба», заговорилъ не громко, искреннимъ тономъ и почти безъ жестовъ. Въ лекціи своей онъ продолжалъ разбирать произведенія одного изъ драматурговъ второй имперіи, говорилъ умно, не скучно, безъ вычурныхъ ораторскихъ пріемовъ.

Но все это не наука, а фельетонъ, много-много статья въ литературномъ журналѣ.

Какъ далеко чувствовалъ себя московскій купеческій сынъ отъ подобныхъ ложенаучныхъ сферъ, онъ, признающій только самую строгую эрудицію — кропотливое изученіе «первоисточниковъ», какъ у «бенедиктинцевъ» съ ихъ аскетическимъ служеніемъ тому, что̀ жалкіе дилетантишки называютъ «архивною пылью».

«Архивная пыль!» — нервно повторилъ онъ про себя, уже не слушая лектора и отдаваясь настроенію, охватившему его подъ впечатлѣніемъ этой аудиторіи.

Съ какой стати тратить время не то что уже на такія общедоступныя лекціи, но и на болѣе серьезные курсы?

Онъ заглянулъ на первыхъ порахъ въ нѣсколько аудиторій Сорбонны и Collége de France и нашелъ, что «шлянье» по лекціямъ — «низменное дѣло». И совсѣмъ пересталъ заглядывать туда.

А доступъ на спеціальные «conférences», для держащихъ на высшія степени, обставлены разными формальностями. Онъ бывалъ, какъ сторонній посѣтитель, на одномъ такомъ спеціальномъ курсѣ по средневѣковой исторіи. Но это отзывается «школярствомъ» и хорошо для тѣхъ, кто пробивается въ доктора. Тексты разбираютъ по выбору профессора. И рефераты дѣлаются все съ тою же цѣлью «натаскать» себя поскорѣе, чтобы смотрѣть—«un jeune homme studieux», достойнымъ того, чтобъ его поддержали.

Нѣтъ, ни въ чемъ такомъ онъ не нуждается! Онъ работаетъ самъ и по своему плану, не спѣша, не забѣгая ни къ кому, не выставляясь, «не подхолимствуя», какъ тѣ монахи бенедиктинцы—безвѣстные и великіе труженики, хоронившіе себя въ кельяхъ.

Горделивыя и сладкія, для него, мысли зароились въ его головѣ. Онъ совсѣмъ пересталъ слушать лектора. Кажется, раза два-три, по аудиторіи проносились волны сдержаннаго смѣха. Что ему до этого? Важное кушанье—остроуміе! Въ кафе, любой подпившій французикъ еще не такъ можетъ потѣшать своихъ пріятелей за стаканомъ абсента.

Залпъ рукоплесканій заставилъ его встрепенуться.

Лекторъ раскланивался со своею аудиторіей.

II.

Толпа туго расходилась. Фокинъ, спустившись во дворъ по задней лѣсенкѣ амфитеатра, прошелъ къ воротамъ, гдѣ на старыхъ, почернѣлыхъ стѣнахъ вывѣшены разныя факультетныя объявленія и программы курсовъ. Онъ вглядывался въ фигуры и лица мужчинъ, ища своего француза.

Тотъ не показывался; быть можетъ, говорилъ еще съ лекторомъ въ комнатѣ, рядомъ съ амфитеатромъ. Фокинъ могъ бы пройти туда и подождать у входа. Но ему не хотѣлось пересѣкать толпу. Ему всякая толкотня была до-нельзя противна.

Пестрые туалеты и шляпки съ перьями и цвѣтами тянулись густою полосой подъ ворота. Нѣкоторые мужчины поворачивали влѣво, вверхъ по двору, или скрывались въ одинъ изъ входовъ того корпуса, гдѣ можно было пробраться въ новое зданіе Сорбонны.

Однимъ изъ послѣднихъ потянулся онъ, лѣнивою и неровною походкой, къ воротамъ, выходящимъ на *Rue de Sorbonne*. Ему было досадно. Онъ потерялъ больше двухъ часовъ совершенно зря. Стало жарче, чѣмъ было утромъ, а въ эти часы онъ сидѣлъ бы или дома, или въ прохладныхъ залахъ библіотекъ.

Идти домой не хотѣлось, ѣхать «на ту сторону воды»—не зачѣмъ. Онъ терпѣть не могъ «шлянья» по большимъ бульварамъ или обязательной прогулки «въ лѣсъ». Парижъ потому и не успѣлъ ему примелькаться до тошноты, что онъ велъ тихую, совершенно провинціальную жизнь въ предѣлахъ «Латинской страны», изрѣдка отправляясь туда, на правый берегъ, когда что-нибудь особенное—выставка, пьеса, засѣданіе или сходка—привлечетъ его.

Онъ спустился по улицѣ вправо и взялъ по фасаду новаго зданія Сорбонны.

Сильно припекало. Свѣтлая сторона *Rue des Ecoles* точно жарилась на солнцѣ. Стѣны не успѣвшаго запылиться новаго отеля противъ воротъ Collége de France отдавали нѣжною розоватою окраской.

Бронзовая, немного грузная статуя Клода Бернара, посреди скверика, выступала оливковымъ продолговатымъ пятномъ.

Ѣзда по *Rue des Ecoles* была не шумная. Съ бульвара *St.-Michel* раздавались сигналы конки, грохотъ громоздкихъ омнибусовъ и хлопанье бичей.

На тротуарѣ Фокинъ, все еще томившійся нерѣшительностью—идти ли ему домой, или присѣсть въ кафе и спросить себѣ стаканъ пива,—пріостановился около главнаго входа Сорбонны.

Со стороны Collége de France показался молодой человѣкъ, весь въ свѣтломъ, бритый, съ хорошенькимъ женоподобнымъ лицомъ, въ соломенной пляпѣ съ трехцвѣтною лентой, довольно полный, виднаго роста.

Онъ обернулся и быстро подошелъ къ Фокину.

— Здравствуйте! — окликнулъ онъ его по-русски высокимъ голосомъ подростка, хотя ему на видъ было уже лѣтъ за двадцать.

— А, это вы?... Мое почтеніе!—отозвался Фокинъ не особенно радостно.

Они подали другъ другу руку.

Говоръ этого русскаго обличалъ коренного москвича. И весь онъ смотрѣлъ крупичатымъ молодцомъ, выхоленнымъ въ богатой купеческой семьѣ.

— Вы опять въ Парижѣ?—спросилъ его Фокинъ.

— Только на одну недѣлю—изучить Салонъ. Не тотъ, что въ Елисейскихъ Поляхъ, а тамъ... на Champ de Mars.

— Декадентовъ?—съ усмѣшечкой подсказалъ Фокинъ.

— О кличкахъ не будемъ спорить, Захаръ Кузьмичъ!

— Вы, вѣдь, изъ Лондона?

— И опять туда. Тамъ тоже выставка. Что за Бёрнъ-Джон-

сы! И сколько удивительныхъ вещей не въ одной только живописи. Прикладное искусство... Уильямъ Моррисъ!... Это — цѣлый новый міръ. Черезъ двадцать лѣтъ Англія совсѣмъ преобразится въ своихъ вкусахъ. И какой интересъ къ изящному! Что за смѣлость взглядовъ!

— Особенно у того... эстета... какъ, бишь, его... который теперь поймался по скандальному дѣлу?

— Оскаръ Уайльдъ? Что-жъ изъ этого? Мнѣ до его нравовъ нѣтъ никакого дѣла! Но книги его, пьесы, романы, это — новое слово!... Вы ничего не читали?

— Нѣтъ-съ,—брезгливо оттянулъ Фокинъ и даже слегка покраснѣлъ.

Онъ не сказалъ, что по-англійски не читаетъ. Это его давно уже можжило, и онъ все сбирался начать ходить на какіе - нибудь курсы по близости.

— Прочтите его *Intentions*.

Русскій выпалилъ англійское заглавіе, видимо щеголяя акцентомъ. А Фокинъ зналъ, что у него и французское произношеніе до сихъ поръ отзывается Москвой, хотя при немъ и живали гувернеры.

Онъ поморщился.

— Я очень радъ встрѣчѣ съ вами, Захаръ Кузьмичъ. Не хотите ли чѣмъ-нибудь прохладиться? Une consommation,—протянулъ онъ, передразнивая манеру парижанъ: растягивать «а» и дѣлать удареніе на этой гласной.

— Пожалуй,—полунехотя согласился Фокинъ.

Они сѣли подъ навѣсъ углового кафе, выходящаго на бульваръ. Всѣ столики были усѣяны молодыми людьми, между ними и нѣсколько женщинъ «квартала», уже не такихъ, какъ прежде, до войны—«въ волосахъ» и даже въ пеньюарахъ—а одѣтыхъ старательно и довольно скромно, смахивающихъ на нѣкоторыхъ посѣтительницъ лекцій.

— Вамъ что угодно, Захаръ Кузьмичъ?—съ оттѣнкомъ купеческой любезности спросилъ русскій.

Фокина внутренно коробило его «имя-отчество»; но онъ не былъ бы доволенъ, еслибъ этотъ «декадентъ» сталъ товарищески звать его только по фамиліи.

Самъ онъ зналъ, какъ того величать по имени и отчеству, но не хотѣлъ. Очень долго онъ его звалъ, за - глаза, «Парчевый Ванечка», потому что у его родителей парчевая и шелковая фабрики подъ Москвой и въ Ярославской губерніи.

Домами они давно знакомы. Этого Ванечку онъ помнитъ еще

гимназистикомъ, но компаніи съ нимъ не водилъ,—самъ онъ былъ уже студентъ и держался и съ нимъ, и съ его родными суховато.

Отецъ—заурядный мужикъ, милліонщикъ, кажется, выпивающій, малограмотный; мать и совсѣмъ простая, ходила еще не такъ давно въ платочкѣ. Оба они состоятъ по одному изъ раскольничьихъ кладбищъ, а теперь вотъ этотъ самый «эстетъ» величаетъ себя «религіознымъ диссидентомъ», хотя онъ просто-на-просто вѣдосѣвецъ по вѣрѣ своихъ родителей.

И удивительное дѣло, какъ въ такой семьѣ, въ какихъ-нибудь восемь-десять лѣтъ, выровнялся вотъ такой англизированный декадентъ! Кажется, «умственность» привила ему какая-то кузина, ѣздившая на Лубянскіе курсы. Потомъ стали брать къ нему гувернеровъ, какъ къ настоящему барчуку, и къ языкамъ онъ выказывалъ большія способности; по-англійски уже рѣзалъ лѣтъ пятнадцати. Учился въ частной гимназіи, сталъ немного баловаться масляными красками, водиться съ художниками, покупать картинки и цѣнныя вещи у антикварщиковъ. Учился не важно, однако въ университетъ поступилъ на филологическій факультетъ. Съ третьяго курса вышелъ. Еще гимназистомъ сталъ разъѣзжать по Европѣ, какъ любитель искусствъ, кажется, и раскопки производилъ «въ самой что ни-на-есть Троѣ», какъ острилъ одинъ его пріятель, и вотъ теперь пишетъ книгу—о *Беато Анжелико да Фьезоле*, ни больше, ни меньше!...

Эта книга всего сильнѣе смущала Фокина. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что всю черновую работу справляли за Ванечку разные итальянскіе оборванцы въ музеяхъ, библіотекахъ, монастыряхъ, а онъ будетъ только снимать сливки и поражать публику глубиной своей эрудиціи и эстетическаго чутья. И книгу выпуститъ онъ на двухъ языкахъ—по-французски и по-англійски.

III.

— Что же вы подѣлываете, Захаръ Кузьмичъ? Гдѣ здѣсь бываете? Въ какихъ сферахъ?

«Парчевый Ванечка» вкусно отпилъ изъ стакана и [illegible] струйки пѣны остались на его сочныхъ губахъ.

Фокинъ не любилъ такихъ вопросовъ.

— Въ какихъ сферахъ? — повторилъ онъ съ усмѣшечкой и сталъ смотрѣть на золотистую жидкость въ своемъ стаканѣ.—Это очень громко, Торсуевъ!...

Онъ назвалъ земляка по фамиліи не безъ ехидства. Очень

она уже была «рядская», пахла лабазомъ и бакалейной лавкой и совсѣмъ уже не шла къ ученой монографіи о «Беато Анджелико да Фьезоле».

— Почему же громко? — немного прищурившись, возразилъ Торсуевъ, снялъ шляпу и обнажилъ темно-каштановые волнистые волосы, съ модным хохломъ на лбу. — Здѣсь такая вездѣ идетъ и явная, и подземная работа! Я равнодушенъ къ соціальному движенію и вообще ко всему, кромѣ искусства. Но еслибъ я былъ, какъ вы, историкъ...

— Это опять громко, Торсуевъ. Я еще не мню себя историкомъ.

И тревожнымъ взглядомъ своихъ нездоровыхъ глазъ Фокинъ добавилъ:

«Я, мой милый, не такой хлыщъ, какъ ты... Чужими руками жаръ не загребаю!»

— Но работаете по этой спеціальности. Ужъ вы ко мнѣ не придирайтесь, Захаръ Кузьмичъ. Какъ будто нельзя, такъ сказать, на чужбинѣ поговорить по душамъ, а?

И онъ прикоснулся бѣлой, пухлой рукой къ колѣну своего собесѣдника.

Фокинъ отхлебнулъ изъ стакана и не сразу отвѣтилъ.

— Шататься безъ толку по лекціямъ и засѣданіямъ я не имѣю охоты, — заговорилъ онъ медленно и вяло, глухимъ тономъ. — Только глупая трата времени...

— Значитъ, дома больше сидите, Захаръ Кузьмичъ?

— Дома... и въ библіотекахъ, — какъ бы нехотя прибавилъ онъ.

— У васъ, вѣдь, своя квартирка? Я совсѣмъ и забылъ... Какъ же, какъ же!... Очень мило. Кажется, и брикъ-а-бракъ имѣется?... Я помню одну вещицу... Какъ будто Фрагонаръ? Или Клодіонъ? Только подлинный ли? Здѣсь, вѣдь, надувастика въ почетѣ, ха, ха! Можетъ, за это время и еще что-нибудь пріобрѣли? Любопытно было бы заглянуть.

Онъ навязывался пригласить его къ себѣ, а этого Фокину рѣшительно не хотѣлось. Съ какой стати будетъ онъ таскаться и надоѣдать болтовней сноба-эстета? Да еще станетъ все обнюхивать, съ видомъ знатока судить и рядить, и давать совѣты, и подтрунивать надъ плохимъ выборомъ или поддѣлкой его вещей.

— Я не собиратель, — также вяло выговорилъ Фокинъ.

— Все, я думаю, у васъ полно книгъ?... Вѣроятно, пріобрѣли много цѣнныхъ увражей? Здѣсь и по этой части не мало соблазновъ. И я, когда попаду на набережную, наровлю поскорѣе пройти, не подходить къ витринамъ антикварщиковъ.

— Чего же вамъ бояться? У папеньки денегъ много, а вы единственное чадо...

— Ну, если родителей поминать, Захаръ Кузьмичъ, такъ капиталы моего отца не выстоятъ противъ милліоновъ Кузьмы Захарыча. И вамъ грѣшно бы было прибѣдниваться! Особенно по своей части... На это никакихъ денегъ не жалко!

Фокинъ зналъ, что его считаютъ скуповатымъ. И это его не то, что огорчало, а задѣвало. Онъ совсѣмъ не скряга; а вотъ такой «Парчевый Ваничка» не можетъ понять, что въ денежныхъ отношеніяхъ и съ отцомъ должна быть извѣстная деликатность. У такого «эстета», небось, нѣтъ и тѣни горделиваго чувства. Знай себѣ залѣзаетъ въ мошну «тятеньки», благо старики на него не надышатся.

— Зря что же накидываться!

Въ лицѣ его не трудно было распознать весьма малое желаніе продолжать бесѣду.

— А диссертація ваша какъ подвигается, Захаръ Кузьмичъ?

— Вамъ кто же говорилъ, что я пишу диссертацію?

— Предполагаю. Не даромъ же вы сдѣлались спеціалистомъ.

— Каѳедры я не добиваюсь. И никакихъ обязательствъ на себя не беру.

— Однако, намѣтили же опредѣленную тему работы?

— Быть-можетъ, у меня и нѣсколько темъ.

Торсуевъ позвалъ гарсона и спросилъ его, сколько слѣдуетъ.

— Позвольте и мнѣ!—окликнулъ его Фокинъ.

— Нѣтъ, ужъ это не по-парижски. Я васъ пригласилъ присѣсть. Это ужъ не порядокъ, Захаръ Кузьмичъ!

Когда гарсонъ ушелъ, Торсуевъ привсталъ и надѣлъ шляпу.

— Извините, что задержалъ. Вамъ въ какую сторону? Я къ Одеону, возьму омнибусъ. Ужасъ люблю ѣздить на имперіалѣ! А вы куда?

— Я въ ту сторону, вверхъ по бульвару.

И Фокинъ поднялся. Они дошли до угла и тамъ простились.

— Такъ васъ въ какіе же часы застать, Захаръ Кузьмичъ?

— По утрамъ... до десяти часовъ. А вечера у васъ самихъ, я маю, на расхватъ?

— Въ Лондонъ не тянетъ васъ?

— Пока еще нѣтъ. Это успѣется.

Торсуевъ приподнялъ еще разъ шляпу и пошелъ черезъ бульваръ, покачиваясь на своихъ крутыхъ бедрахъ.

Фокинъ поглядѣлъ ему вслѣдъ.

Ему стало немного совѣстно, что онъ такъ сухо—просто даже невѣжливо—обошелся съ этимъ землякомъ.

Но ему «выкормки» купеческаго сословія, залетѣвшіе не въ свои хоромы «высшей умственности», были довольно-таки противны. Самъ онъ какъ бы не считалъ себя такимъ же «дворянищимся купчикомъ», продуктомъ того же быта и тѣхъ же наслѣдственныхъ повадокъ. На себя онъ привыкъ смотрѣть какъ на скромнаго и преданнаго служителя строгой науки.

А такіе вотъ «выскочки» и «снобы», какъ этотъ «Парчевый Ванечка»,—безстыдные узурпаторы чужого труда, дурного тона франты, тѣшащіе свою тщеславную душонку; въ сущности они—все тѣ же *Разлюляевы* изъ комедіи Островскаго, только пошедшіе въ «эстеты» вмѣсто того, чтобы въ лисьей шубѣ на отлетѣ, въ поддевкѣ и съ сапогами на выпускъ, тренькать на гармоніи и приставать къ посадскимъ дѣвушкамъ съ куплетомъ:

«Какъ гусара не любить,
Эфто не годится!»

Только затѣмъ, чтобъ отдѣлаться отъ Торсуева, онъ сказалъ, что ему надо вверхъ, по бульвару.

Что-нибудь выдумывать, лгать, хотя бы въ мелочахъ, было ему всегда непріятно.

И все это — и лекція, и жданье француза, и разговоръ съ Торсуевымъ — настроили его безвкусно и тошно.

Мысль о Люксанбургскомъ садѣ напомнила ему, что тамъ, по близости, то кафе съ женской прислугой, куда онъ случайно зашелъ выпить стаканъ «мазагрàна», не предполагая даже, что это—«такое» кафе, и просидѣлъ цѣлыхъ два часа съ одной изъ прислуживающихъ дѣвицъ.

Онъ зашелъ и въ другой разъ. Дѣвица сидѣла на колѣнахъ у студента. Онъ повернулся и ушелъ и цѣлую недѣлю стыдилъ себя тѣмъ, что его могло потянуть въ это «caboulot».

Въ такіе часы тамъ еще не можетъ быть много народа. Ему не хотѣлось сказать себѣ, что онъ идетъ именно туда. Сначала онъ, поднявшись къ Люксанбургскому саду, вошелъ въ аллею и побродилъ около пруда.

Жаръ все такъ же безпокоилъ его. Захотѣлось опять какой-нибудь «consommàtion»,—вспомнилъ онъ, какъ «Парчевый Ванечка» передразниваетъ парижанъ.

IV.

Все кафе уходило въ полусвѣтъ отъ спущенныхъ маркизъ.

Снаружи, на тротуарѣ, не стояло столиковъ, чѣмъ такіе «caboulots» отличаются отъ обыкновенныхъ кофеенъ и пивныхъ. И стекла входной двери вставляютъ цвѣтныя.

Фокину опять сдѣлалось немного стыдно, когда онъ толкнулъ подвижную половину двери и, озираясь, проникъ въ кафе.

За конторкой, между двумя неизбѣжными вазами, съ длинными ложками, высился грузный бюстъ хозяйки. Широкое, нѣсколько заплывшее лицо, съ напудренными щеками и слоемъ пудры, спокойно улыбалось и своими толстыми губами, и сѣрыми глазами на выкатъ. Ея жирную грудь стягивало черное шелковое платье. На лбу были городки, примазанные фиксатуаромъ.

По кафе шелъ запахъ пунша, изъ фаянсовыхъ кувшиновъ, стоявшихъ около конторки, на особаго рода грѣлкахъ.

Посѣтителей было всего двое: одинъ на диванѣ слѣва, худой, студентъ, весь бритый, въ высокой шляпѣ, лицомъ смахивающій на чиновника, а не на студента. И портфель лежалъ рядомъ съ нимъ. Его занимала одна изъ дѣвицъ, рыжая, съ копной волосъ, въ бѣлой батистовой кофтѣ, съ полуобнаженными руками. Она сидѣла противъ него съ рюмкой желтаго ликера, и, въ эту минуту, что-то силилась вырвать у него изъ руки—какой-то блестящій предметъ.

Ея картавый, горловой голосъ одинъ только и раздавался по всей, довольно обширной комнатѣ, съ лѣсенкой въ глубинѣ. Тамъ, у стола, были еще двѣ женщины и играли въ карты на доскѣ, оклеенной зеленымъ сукномъ. Направо, въ углу, студентъ въ беретѣ игралъ въ домино съ четвертой дѣвицей.

Ближе къ конторкѣ, справа у окна, сидѣла еще одна женщина и читала, держа книжку къ свѣту, съ ногами, подобранными подъ себя, облокотясь одной рукой о прямую спинку дивана.

Ее-то Фокинъ и желалъ найти.

Въ свѣтѣ, смягченномъ маркизой,—лицо ея получило отблескъ прозрачной бѣлизны съ блѣдноянтарнымъ отливомъ,—продолговатое, нервное лицо прекрасной натурщицы для какого-нибудь симпатиста. Пепельные волосы, безъ блеска, мягкіе и не густые, падали двумя широкими прядями по сторонамъ ярко-бѣлаго пробора. Только ниже щекъ она ихъ подбирала и соединяла позади ушей, небольшимъ шиньономъ.

Эта прическа и привлекла его, когда онъ, въ первый разъ, шелъ въ кафе. Гдѣ-то, кажется, подъ аркадами *Rue de Rivoli*, онъ видѣлъ фотографію одной актрисы совсѣмъ въ такомъ типѣ.

Огромные свои темносиніе глаза съ утомленными вѣками она лѣниво обратила къ входу и сейчасъ же, узнавъ входившаго русскаго, отложила книгу и спустила ноги.

Станъ у нея былъ стройный и сухощавый, драпированный платьемъ въ видѣ длинной дѣтской рубашки, со складками, изъ свѣтлаго фуляра. Она смотрѣла женщиной Возрожденія, вродѣ «diva Vittoria Colonna»,—и это сравненіе уже приходило Фокину, когда онъ о ней вспоминалъ.

Хозяйка улыбнулась ему и сдѣлала ей знакъ головой.

Фокинъ, все еще немного стѣсненный, прошелъ въ ея сторону.

Она не встала съ своего мѣста, а медленно, съ тихимъ жестомъ обнаженной руки, такой же прозрачной, какъ и лицо, пригласила его зайти съ другой стороны и сѣсть рядомъ съ нею.

На краю мраморной доски столика лежала ея работа—англійское шитье по куску батиста, натянутаго на клеенку, и клубокъ бѣлыхъ нитокъ.

Они были еще на «вы». Ему и раньше понравилось то, что она не стала нахально «тыкать» его, какъ это дѣлается въ такихъ кафе, по первому же разу.

Ее звали Иветта, какъ шансонетную знаменитость, на которую она немного была похожа станомъ и манерой поводить руками.

— Садитесь... чѣмъ васъ угощать?

Она сейчасъ же не сказала, какъ другія: «Qu'est-ce que tu me payes, toi?»

— А вы что желаете?—спросилъ Фокинъ своимъ тягучимъ московскимъ произношеніемъ.

Ему хотѣлось бы говорить такъ же отрывочно, быстро и небрежно, какъ парижане, но онъ не могъ не чувствовать, что никогда *такъ* говорить не будетъ.

— Совсѣмъ пропали. Для русскаго это не любезно.

Она произносила замедленно-слабымъ, но чистымъ голосомъ, безъ противной горловой примѣси звуковъ, которая такъ отталкивала его въ женщинахъ Латинскаго квартала.

И синіе глаза, и ротъ ея, слегка подведенный, улыбались живописно и съ умышленной не то что рисовкой, а условностью, точно она умѣла подражать улыбкѣ актрисъ.

— А вы какъ поживаете?

Онъ не могъ еще овладѣть собою; вопросъ показался и ему самому глуповатымъ.

Иветта пожала плечами и провела правой рукой, съ длинными пальцами.

— И что вы это читаете?—продолжалъ онъ спрашивать, зная, что такія женщины не очень любятъ вопросовъ.

— Du Bourget,—отвѣтила она кратко.

— Вы имъ очень восхищаетесь?

Она покачала отрицательно головой.

— Pas énormément.

Лицо ея стало серьезнѣе. Пряди волосъ бросали тѣнь на тонкую, но не очень свѣжую кожу. Вблизи видно было, что ей больше двадцати пяти лѣтъ.

— Ivette!—окликнула хозяйка.—Et la consommation de monsieur?

— Что же вы желали бы?—еще разъ спросилъ Фокинъ.

Она предложила ему выпить по рюмкѣ кюрасо. Онъ согласился.

Двигалась она такъ же тихо, какъ и говорила; на ходу казалась она рослой и слегка гнулась, идя немного бокомъ, и опять подражала кому-то въ походкѣ.

Рюмки ликера стояли передъ ними. Иветта отхлебнула и глядѣла на Фокина тоже нѣсколько вбокъ, показывая полоску своихъ чудесныхъ зубовъ.

— Вы много читаете?—спросилъ онъ рѣшительнѣе, но не находя того тона, какого онъ желалъ бы держаться съ нею.

— Надо же чѣмъ-нибудь убивать время!

Ему было уже извѣстно, что она: «une demoiselle diplomée», которую жизнь довела до такой профессіи. Узналъ онъ это въ первый ихъ разговоръ. И ему сдавалось, что она не лжетъ. Одна изъ ея товарокъ даже окликнула ее:

— Toi!... La diplomée!... Dis donc...

И этотъ окликъ только вызвалъ на ея лицѣ лѣнивую усмѣшку.

Чувствовалось, что то, что вокругъ нея говорится и дѣлается, какъ будто не существуетъ для нея. Еслибъ онъ сразу сталъ обращаться съ нею, какъ водится въ caboulots, она переносила бы и это, но сама держалась тона молодой женщины, умѣющей говорить «обо всемъ», воспитанной и немного странной, и такъ мало подходящей къ тому мѣсту, гдѣ заработокъ держится за такую же почти профессію, какъ и у тротуарныхъ женщинъ.

Сегодня ему стало ее особенно жаль.

— Вы здоровы?

Вопросъ этотъ вызвалъ бы у всякой другой циническій отвѣтъ; но она поглядѣла на него своими огромными глазами, грустно и ласково, и совсѣмъ простымъ тономъ промолвила:

— Совершенно.

— Скучаете?

— L'ennui est une pose,—немного по театральному отвѣтила она.—Trinquons!

Они чокнулись.

Еще въ первый его приходъ сюда ему захотѣлось спросить ее: не побывала ли она въ актрисахъ. Но онъ и такъ все выспрашиваетъ, рискуя, что ему отрѣжутъ:

— Que tu m'embête, avec tes questions!

V.

Оба студента давно ушли. Остальныя дѣвицы стали накрывать для своего обѣда, въ глубинѣ кафе.

Фокинъ все еще сидѣлъ съ Иветтой. Она пододвинулась очень близко къ нему, въ полоборота, такъ что онъ ощущалъ ея дыханіе съ запахомъ ликера. Щеки ея получили розоватый оттѣнокъ. Глаза стали больше и темнѣе.

Никогда еще, въ своей парижской жизни, онъ не проходилъ черезъ такіе «итоги» въ какихъ-нибудь полчаса.

Вотъ передъ нимъ дѣвушка двадцати семи лѣтъ, старше его на два года, умная, даже очень умная, изъ хорошей семьи; по-нашему: гимназистка съ дипломомъ. И она прислужница въ caboulot,—значитъ, торгуетъ собою и держится за свою должность, чтобы кормиться и жить получше, чѣмъ простая фабричная поденщица.

Онъ не хотѣлъ ее «выспрашивать»; она сама ему разсказала свою исторію. Кажется, она совсѣмъ не изъ тѣхъ, кто сейчасъ желаетъ разжалобить васъ.

Ея исповѣдь полилась, вызванная его замѣчаніемъ, какъ она дѣвушка «съ дипломомъ» и очутилась здѣсь? Сказалъ онъ это искренно, безъ малѣйшаго оттѣнка ироніи.

Иветта такъ его и поняла. Она не отвѣтила ему рѣзкостью.

У ней вырвался только возгласъ:

— Dame! Que vous êtes naïf, mon petit russe!

И въ одномъ этомъ возгласѣ прозвучала такая нота безпощаднаго опыта, что ему стало стыдно за себя, за свою наивность и простоватость.

Развѣ онъ не видалъ на «Вольномъ театрѣ» Антуана пьесу «Blanchette», гдѣ съ жестокой правдой вставлена въ рамки жанровой комедіи судьба такой же гимназистки съ дипломомъ, дочери крестьянина-шинкаря? И та усиленно добивалась мѣста учительницы или гувернантки и сѣла «на шею» родителямъ, и ушла отъ

нихъ, потому что ей стало нестерпимо выносить положеніе хуже батрачки. И послѣ неизбѣжнаго «паденія» она возвращается богатой кокоткой и, на отказъ ея отца-банкрота принять ея денежную услугу, потому что ея деньги—грязныя, она бросаетъ въ лицо всей зрительной залѣ свой вызовъ. Да, она кокотка! Но только въ этой профессіи и нашла она не одинъ кусокъ хлѣба, а привольную жизнь, поклоненіе мужчинъ, независимость, сознаніе своей силы!

У Иветты отецъ былъ не мужикъ-кабатчикъ, а чиновникъ, сначала въ провинціи, потомъ въ Парижѣ, мелкій «rond de cuir», наживший грудную жабу въ пятьдесятъ лѣтъ, умершій на окладѣ въ двѣ тысячи франковъ. И онъ лишалъ себя всего, чтобы сдѣлать изъ нея «une demoiselle diplomée». Мать давно умерла. Свезли на кладбище и отца. Похоронить его и то было не на что, пришлось клянчить пособія у начальства. Ей минуло уже двадцать лѣтъ. И для нея начались все тѣ же, привычныя въ романахъ и драмахъ, мытарства: исканіе мѣста, уроковъ, какихъ-нибудь занятій по письменной части. Потомъ мечта о сценѣ, посѣщеніе курса декламаціи, связь съ *каботиномъ*, ребенокъ, долгая болѣзнь, заброшенность, полная нищета. И тогда всталъ передъ ней «le spectre de la prostitution», какъ она выразилась полудурачливо, съ особеннымъ нутрянымъ смѣхомъ: или поступать въ какую-нибудь «tolérance», или дѣлаться, на свой страхъ, «une fille soumise» и начинать ночную тротуарную службу. Студентъ сжалился надъ ней и привелъ ее къ хозяйкѣ вотъ этого кафе.

Остальное—онъ самъ видитъ.

И ей здѣсь лучше, чѣмъ было бы въ мансардѣ, надъ переписки пьесъ или дѣловыхъ бумагъ, по три су за полный листъ. Вѣдь, и тамъ она не могла бы не принимать поддержки отъ мужчинъ. Это немыслимо! Изъ трехъ парижскихъ увріерокъ двѣ имѣютъ содержателей или прямо торгуютъ собою. И если онѣ привяжутся къ своему сожителю, изъ пяти этихъ «самцовъ» трое будутъ жить на ихъ счетъ, превратятъ ихъ въ свои «marmites», заставятъ ихъ утонуть въ такой грязи, передъ которой ея служба въ *caboulot*—чистая и почетная профессія.

Фокинъ понурилъ голову, подавленный разсказомъ Иветты. ервые его схватило за сердце. На ней уже лежитъ клеймо, на й красивой, интересной дѣвушкѣ, не сумѣвшей устоять. И никогда не смоетъ его съ своего прошлаго. Разсчитывать на ный исходъ изъ теперешней жизни—безуміе. Но можно подься по тѣмъ же ступенькамъ и попасть въ дорогія кокотки, реть въ собственномъ отелѣ или роскошной загородной виллѣ.

— Que le ciel me préserve d'une chose! — воскликнула Иветта и сдѣлала болѣе рѣзкій жестъ правой рукой.

— De laquelle? — тихо спросилъ Фокинъ.

— D'un *emballement!*

Для нея влюбиться это значитъ, въ восьми случахъ на десять, сдѣлаться такой же «marmite», какъ и уличныя женщины, имѣющія своихъ покровителей,—тѣхъ отвратительныхъ содержанцевъ, которымъ «полиція нравовъ» производитъ облавы на бульварахъ, въ поздніе ночные часы.

«А если это «emballement» произойдётъ со мной?» — вдругъ подумалъ онъ, и холодящая струя прошла по его душѣ. Но жалость къ этой дѣвушкѣ не пропадала. Сегодня она ему особенно нравилась, будила въ немъ потребность: встряхнуть свою сухую филистерскую жизнь, пойти на рискъ, познать что-нибудь особенное.

Что стоитъ ему вырвать ее изъ такой профессіи? Быть можетъ, она еще не настолько «пала», чтобы не начать снова жизнь образованной дѣвушки, способной на умственную работу? Мало ли что можно было бы найти для нея?...

А что же именно? Мѣсто гувернантки?... Но кто возьметъ ее изъ «caboulot»? Даже въ конторщицы не примутъ, если пожелаютъ узнать ея прошлое. Да и почему онъ воображаетъ, что ему, иностранцу, удастся отыскать ей прочное мѣсто, когда она сама цѣлый годъ искала, будучи дѣвушкой безупречнаго поведенія?

Купить ей «un fond de commerce»? Но что же это значитъ въ переводѣ на болѣе правдивый языкъ? Взять ее на содержаніе. Сдѣлать это безъ всякихъ видовъ на нее? Но тогда надо подарить ей крупный капиталъ. Иначе на доходъ съ маленькой лавочки или бѣлошвейнаго заведенія она не проживетъ безъ мужской поддержки.

«Это все-таки лучше»,—подумалъ онъ.

Онъ обнялъ ее за талію и тихо, почти стыдливо, сказалъ:

— On pourrait changer votre situation, Ivette.

Она поглядѣла на него, своимъ лѣнивымъ взглядомъ сквозь длинныя рѣсницы, и выговорила съ боковой усмѣшкой:

— Pas de blague, mon petit moscovite!

Вѣроятно, она принимала его за русскаго студентика, какіе расплодились въ Латинскомъ кварталѣ, и кое-какъ пробавляются на двѣсти франковъ въ мѣсяцъ.

Это его задѣло. Онъ отдернулъ руку, и ему захотѣлось сказать ей, что она «дура», что она сама убѣгаетъ отъ своего

счастья, что онъ единственный сынъ фабриканта-милліонера, и еслибъ захотѣлъ, то отецъ еще при жизни выдѣлитъ его, отдастъ ему половину своего состоянія,—на французскія деньги нѣсколько милліоновъ франковъ.

Но скажи онъ ей это, она сочтетъ его за пошлаго хвастуна и подниметъ на смѣхъ, вмѣстѣ съ остальными дѣвушками кафе.

Онъ отодвинулся отъ нея и взялся за шляпу.

— Et le soir... on ne vous verra pas?—спросила она съ тихой вызывающей улыбкой. — Vous savez, a une heure nous sommes libres!

Это было приглашеніе проводить ее домой въ часъ ночи.

— C'est bien,—отвѣтилъ онъ ей почти хмуро, сталъ расплачиваться и оставилъ ей pour boire въ пятьдесятъ сантимовъ.

VI.

Утро. Пробило девять часовъ. Фокинъ одинъ въ своемъ бинетѣ, совсѣмъ уже одѣтый и сбирался въ библіотеку.

Онъ нанималъ антресоль въ четыре комнаты. Къ утдила жена привратника; она прибирала комнаты и ромъ кофе въ маленькой кухнѣ. Совершенное одиноче готило его. Онъ могъ цѣлыми днями сидѣть къ ка ему не совсѣмъ здоровится или онъ работаетъ дом

Мелкими шажками переходилъ онъ изъ кабине купилъ въ отдѣланный безъ оригинальнаго стиля. Всю меб зоряться». Все одномъ изъ большихъ магазиновъ, не жела бронзовыхъ ста было прилично, модно и банально. Только дв на аукціонахъ въ туэтки и нѣсколько картинокъ, куплен съ свѣтлой обивкой и *Salle Drouot*—придавали этому салонч тѣсноватый кабинетъ, портьерами, нѣкоторую физіономію. ставленъ шкапами. Болѣе съ мебелью подъ черное дерево, бы тахъ, занимали шкапчикъ и цѣнныя изданія, въ богатыхъ пере ѣна была занята большой отв въ гостиной. И въ спальнѣ одна крытой этажеркой, переполнен книгами.

Свое письменное бюро, по рижски не особенно помѣститель е, онъ держалъ въ педант ой чистотѣ. Каждую лишнюю бумаж онъ сейчасъ же кидалъ в корзину; не выносилъ и того, чтобы веты валялись по комн амъ.

Онъ очень рѣдко по упалъ газеты; читалъ ихъ въ кафе. Жур лы—ежемѣсячные еженедѣльные—складывалъ аккуратно на бый столъ вмѣст съ брошюрами.

ига II, 97 г.

Пройдясь по двумъ комнатамъ, онъ присѣлъ къ столу и выдвинулъ средній ящикъ, куда клалъ всегда бумажникъ, кошелекъ и записную книжку. Взглядъ его упалъ на красный листокъ, торчавшій изъ подъ бювара.

Какъ могъ онъ туда попасть? Должно быть, вчера онъ самъ заложилъ этотъ листокъ. Да,—онъ вспомнилъ,—ему вручилъ его какой-то носящій «сандвичъ», на бульварѣ, и онъ положилъ его въ карманъ, не прочитавъ.

Онъ хотѣлъ было бросить его въ корзину и поднесъ близко къ своимъ близорукимъ глазамъ, съ раздраженными вѣками.

Это—обращеніе ко «всему Парижу», написанное извѣстнымъ ораторомъ и вожакомъ «разрушителей». Онъ приглашаетъ на цѣлый рядъ бесѣдъ, гдѣ будетъ излагать свои идеи и готовъ выслушивать возраженія противниковъ. Внизу пропечатаны имена всѣхъ ...стныхъ парижанъ; беллетристовъ, поэтовъ, депутатовъ, уче... журналистовъ, философскихъ мыслителей, къ которымъ ...атился съ особымъ приглашеніемъ.

И онъ просмотрѣлъ этотъ длинный списокъ—до ста именъ—всего ...былъ сознаться, что изъ нихъ онъ видалъ или слышалъ ... Изъ-за ...-нибудь трич-етыре человѣка. И ему не стало стыдно. ...ужели для ...будетъ онъ бѣгать смотрѣть на знаменитостей? Нетакого-то ...только, чтобы похвастаться, что онъ такого-то и ...

Текстъ об... «въ лицо»?

...написано убѣжд...ія онъ прочелъ внимательно и нашелъ, что оно ...дора. ...мъ тономъ, безъ выходокъ бранчиваго за...

Онъ далекъ отъ ... такой пропаганды. Для него только и есть спасеніе въ солидной ...; а какая же наука согласима съ повѣдью разрушенія то...? Безуміе—утв...то всемірная культура создавала тысячелѣтіями? Безуміе—утв...ать, что до тѣхъ поръ родъ людской не создастъ на землѣ рая, ...а онъ не уничтожитъ до тла всякій порядокъ, всякую іерархію, в... что составляетъ законнѣйшее главенство умовъ, характеровъ и ...лантовъ, пока онъ не истребитъ всякое подобіе государства и общ...веннаго строя!...

«Для человѣка науки,—часто ...малъ онъ,—не пристало за...ниматься всѣмъ этимъ жалкимъ вздо...мъ. И то уже печально, что такіе вотъ вожаки и проповѣдники мо...гутъ безпрепятственно громить что имъ угодно».

Разговоровъ на такія темы онъ избѣгалъ, когда сталкивал... съ нѣкоторыми русскими—оттуда, изъ *Quartier Mouffetard* или съ высотъ *Rue St-Jacques*. Какая охота нарываться на рѣзкости

или фанатическія выходки людей, у которыхъ нѣтъ никакого грунта, нѣтъ солиднаго историческаго образованія, нѣтъ тѣхъ научныхъ «устоевъ», безъ которыхъ все превращается въ какую-то свалку звѣрскихъ инстинктовъ, ярой вражды, безсмысленнаго отрицанія того, что человѣчество должно считать своей святыней?...

Красный листокъ раздражалъ его своимъ колеромъ. Онъ считалъ и такой символизмъ дѣтскимъ и ненужнымъ задоромъ.

«Непремѣнно на красной, — брезгливо подумалъ онъ,— и цвѣтъ-то точно въ бумажкахъ дешевыхъ леденцовъ».

Но онъ еще разъ прочелъ обращеніе. И ему сталъ припоминаться послѣдній его разговоръ съ Иветтой. Ея исторія развѣ не говорила о томъ, до какой бездушной розни дошло общество, именующее себя цивилизованнымъ?

Въ этомъ Парижѣ два съ половиной милліона жителей копошатся въ ежедневной дикой свалкѣ аппетитовъ и поползновеній. Благотворительность превратилась въ чиновничью рутину, въ забаву свѣтскихъ франтихъ или въ орудіе клерикальныхъ интригъ. И вотъ молодая дѣвушка хорошей фамиліи, съ дипломомъ, умная и способная—кончаетъ службой въ «cabinet» и мирится съ такимъ заработкомъ. Она, небось, отлично знаетъ, что такое хваленая цивилизація столицы міра—высоко культурнаго Парижа! Ей ничего новаго не скажетъ вотъ такое обращеніе поборника разрушительной доктрины, по которой все зданіе государства и общества надо разнести, до тла. Она и сама сумѣла бы проговорить рѣчь, полную безотраднѣйшихъ итоговъ и непримиримой ненависти къ духу розни и хищничества, царящихъ въ яко бы благоустроенномъ обществѣ.

Мысли его потекли въ эту сторону быстро и обильно. Онъ долженъ былъ остановить себя вопросомъ:

«Съ какой стати все это»?

Но лицо Иветты, ея волосы, выраженіе глазъ, ротъ, немного скошенный, въ тѣ минуты, когда она улыбалась, медленная рѣчь, полная колоритныхъ словъ и выраженій, тонъ серьезный, почти безстрастный, съ проблесками тонкаго сарказма—все это охватило его, съ неожиданной, почти жуткой яркостью.

Онъ отперъ снова средній ящикъ бюро и положилъ туда красный листокъ, остановившись, еще разъ, на дняхъ и числахъ «конференцій». Онѣ продлятся четыре недѣли, по субботамъ, въ восемь часовъ вечера. Имя той залы, гдѣ состоятся эти сходки, было ему извѣстно; но онъ никогда не бывалъ тамъ. Это близъ *Rue Monge*, на высотахъ, ведущихъ къ холму св. Женевьевы, патро-

нессы Парижа, въ рабочемъ кварталѣ, стало быть по сю сторону рѣки и не такъ уже особенно далеко отъ центра Латинской страны.

Фокинъ и не замѣтилъ, какъ время подошло къ десяти часамъ. Пора въ библіотеку. Въ послѣдніе три - четыре дня у него множество времени уходитъ даромъ. Сегодня онъ пойдетъ въ ту библіотеку, гдѣ работаютъ и въ послѣ-обѣденные часы. Его портфель, съ тетрадями и отдѣльными листами замѣтокъ, лежалъ уже совсѣмъ готовый. Онъ осмотрѣлся, не забылъ ли чего, и аккуратно заперъ дверь снаружи американскимъ затѣйливымъ ключомъ.

VII.

Сходя съ лѣстницы зданія библіотеки, въ двѣнадцать часовъ, Фокинъ столкнулся съ тѣмъ самымъ французомъ, котораго, на-дняхъ, не нашелъ на лекціи Сорбонны.

Они заговорили по-русски. Французъ, видимо, щеголялъ своей русской рѣчью, съ пріятнымъ акцентомъ, съ не очень сильной картавостью. Онъ и наружностью смахивалъ на благообразнаго худощаваго московскаго приватъ-доцента—бѣлокурый, бородатый, съ прямымъ крупнымъ носомъ и голубыми глазами, довольно хорошаго роста и одѣтый, безъ парижской франтоватости, въ легкую визитку изъ орлеанса.

Онъ сталъ усиленно извиняться, что его тогда задержали, а потомъ онъ уѣзжалъ на нѣсколько дней въ Нормандію. Сегодня привратникъ дома, гдѣ жилъ Фокинъ, сказалъ ему: всего вѣрнѣе захватить его въ библіотекѣ, до часа завтрака.

— Не хотите ли пойти вмѣстѣ позавтракать, тутъ по близости, около Одеона или на бульварѣ?—предложилъ ему Фокинъ.

Французъ согласился.—Васъ какъ по-русски звать? Извините, я забылъ.

Фокинъ зналъ, что тотъ любитъ, чтобъ его величали по имени и отчеству.

— Ха, ха! Альфонсъ Павловичъ... Это очень удачно, что моего отца звали Paul. Но ваши мужички,—выговорилъ онъ старательно,—называли меня всегда Антонъ Павлычъ. И такъ выходитъ гораздо лучше.

Видно было, что онъ сильно подвинулся въ практикѣ языка.

— Вы вѣдь и по деревнямъ поѣздили?—спрашивалъ Фокинъ, когда они спускались отъ Пантеона къ бульвару.

— И весьма! Не только ѣздилъ, но и ходилъ.

Буква «л» еще пошаливала у него, но онъ уже произносилъ ее гораздо тверже.

— Ваши товарищи шлютъ вамъ поклоны.

— Съ кѣмъ же вы больше видались?

Французъ назвалъ двухъ его товарищей—одного учителя гимназіи, другого богатаго купчика, вродѣ «Парчеваго Ванечки», щеголяющаго своими коллекціями старинныхъ русскихъ книгъ и вещей.

— Я имѣлъ удовольствіе познакомиться и съ вашимъ отцомъ.

— Гдѣ же вы его встрѣчали?

Фокинъ помнилъ, что онъ ему не давалъ къ своимъ рекомендательнаго письма.

— Собираясь обратно, узналъ, гдѣ находится его амбаръ,— глаза француза блеснули при произнесеніи этого слова,— и представился.

— Какъ же вы его нашли?

— Какъ вамъ сказать... Мнѣ кажется... здоровье его не очень блестяще... хотя онъ не жаловался. Видно, что скучаетъ о васъ.

Они вошли въ ресторанъ на углу бульвара и заняли одинъ изъ столиковъ въ глубинѣ обширной и темноватой залы, гдѣ было еще немного народа.

Альфонсъ Павловичъ говорилъ тихо и сдержанно, стараясь, чтобы его русская рѣчь звучала плавно. Въ его манерѣ чувствовался будущій профессоръ, «un normalien»,—какъ, до сихъ поръ, любятъ выражаться тѣ, кто не долюбливаетъ бывшихъ воспитанниковъ высшей нормальной школы.

— У меня было еще нѣсколько свободныхъ дней до отъѣзда, и я попросилъ вашего отца позволить мнѣ посѣтить одну изъ вашихъ фабрикъ.

— И какъ вамъ показалось у насъ, Альфонсъ Павловичъ?

Фокинъ прищурился, и кислая усмѣшка повела его губы.

Къ своему будущему положенію крупнѣйшаго фабриканта онъ былъ равнодушенъ и никогда не думалъ о томъ, какъ ему придется вести дѣло по смерти отца.

Французъ аккуратно намазалъ себѣ масла на кусокъ хлѣба и посолилъ розовую, маленькую рѣдиску. Прожевавъ, онъ, потише обыкновеннаго, заговорилъ, какъ бы конфиденціальнымъ тономъ:

— Теперь у васъ все успокоилось; а о волненіяхъ вы, конечно, знаете.

— Нѣтъ, ничего не знаю!—откликнулся Фокинъ и покачалъ головой.

— Быть не можетъ!

— Отецъ мнѣ очень рѣдко пишетъ... мать еще рѣже.

Онъ не хотѣлъ прибавлять, что родители его вообще были плохо грамотны и писали только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

— Да,—протянулъ французъ,—могло кончиться серьезными безпорядками.

— Стачка?

— Именно,—выговорилъ французъ, точно выпаливъ букву «о», и провелъ въ воздухѣ ладонью правой руки.

— Вамъ разсказывали на мѣстѣ?

— О, да!... Я много говорилъ съ фабричными.

— Изъ-за чего же вышло?

— Конечно, какъ всегда... Трудъ и капиталъ... Штрафы... часы работы...

Желая поскорѣе оговориться, французъ прибавилъ:

— Они довольны хозяиномъ... и всѣ готовы служить вашему отцу... батюшкѣ Кузьмѣ Захарычу, — произнесъ онъ, подражая мѣстному выговору.—Управляющій довелъ ихъ до волненія.

— Что жъ... онъ остался?

— Да... Но контора сдѣлала уступки... Тутъ и власти довольно умно выказали себя. Удивительный народъ—ваши рабочіе... и вообще православные,—произнесъ онъ съ улыбкой въ глазахъ.— J'admire ce peuple!

Это восклицаніе по-французски вылетѣло у него горячей нотой.

Не очень нравилось Фокину заигрываніе «французиковъ» съ Россіей и русскими. На него онъ не былъ податливъ и слова «alliance franco-russe» произносилъ всегда русскими звуками и съ оттѣнкомъ иронiи.

— Да, народъ вашъ—удивительный... Чѣмъ больше его узнаешь, тѣмъ онъ ближе сердцу.

И французъ началъ говорить, весело и съ юморомъ, какъ онъ ходилъ по деревнямъ, какъ его вездѣ радушно принимали и не хотѣли вѣрить, что онъ не русскій. Въ одномъ только мѣстѣ его сочли за «цыцарца». Его опять тянетъ въ Россію, и послѣ того, какъ онъ поработаетъ здѣсь надъ своей «тезой» и защититъ ее, онъ надѣется взять командировку отъ министерства просвѣщенія—года на два—для спеціальныхъ изысканій по народной поэзіи и мѣстнымъ нарѣчіямъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Европейской Россіи.

Слушая своего собесѣдника, московскій «купеческій сынъ» чувствовалъ себя странно. Онъ не имѣлъ повода возражать француzу, увлекающемуся его родиной и въ особенности народомъ: «les pravoslavni», какъ начали и здѣсь, въ Парижѣ, называть нѣкоторые руссофилы. Онъ не имѣлъ повода и подозрѣвать его въ «под-

халимствѣ». Если это и увлеченіе, то искреннее. И его вовсе не огорчало то, что онъ, коренной русакъ, сынъ московскаго купца-милліонера, внукъ, съ отцовской и материнской стороны, ярославскихъ мужиковъ—и не находитъ въ себѣ и одной сотой того интереса къ народно-бытовой жизни русскаго люда, какъ этотъ «normalien».

Но все-таки его начинало что-то покалывать. Онъ могъ показаться этому ученому французу—«un sale monsieur», который не зналъ даже, что на фабрикѣ его родного отца происходили волненія, которыя могли кончиться «весьма серьезно».

Это—совсѣмъ уже не «культурно». Можно быть «буржуемъ», съ консервативными взглядами, но нельзя съ такимъ отсутствіемъ интереса относиться къ тому, съ чѣмъ онъ связанъ, какъ наслѣдникъ своего отца.

И оправдываться онъ не хотѣлъ. Онъ сказалъ французу подъ конецъ ихъ завтрака:

— Для васъ, Альфонсъ Павловичъ, все это гораздо занятнѣе. Только ваши увріеры, хоть бы здѣсь, въ Парижѣ, знаютъ всегда чего они добиваются. А у насъ вѣдь непроходимое море всякой дремучей дичи! Какъ при Гостомыслѣ жили, такъ и теперь—тоже толокно, та же лучина, и та же рогожа!

— Это не такъ! — вскричалъ Альфонсъ Павловичъ и даже покраснѣлъ.—Вашъ народъ...

Онъ искалъ выраженія.

— Весь въ будущемъ! Мы знаемъ это. По-русски мы говоримъ: буки-умъ—бу!... Ха, ха!

— Ne dites pas ça!—откликнулся французъ и закурилъ сигару.

Имъ подали кофе.

VIII.

По короткой улицѣ, совсѣмъ безъ лавокъ и движенья, Фокинъ шелъ вдоль тѣневого тротуара, часу во второмъ. День стоялъ яркій, но не очень душный—одинъ изъ прелестныхъ парижскихъ дней [illegible].

Съ особымъ чувствомъ, уже не въ первый разъ, подходилъ онъ старинному зданію, похожему не то на казарму, не то на монастырь. Ряды оконъ въ трехъ этажахъ смотрѣли строго, внизу—желѣзными рѣшотками. Массивныя ворота изъ тесанаго камня ли заперты.

Но онъ зналъ, что надо позвонить къ привратнику, и калитка, въ одной изъ тяжелыхъ половинъ воротъ, мягко пріотворится, издавъ особый звукъ, знакомый тѣмъ, кто живалъ въ Парижѣ.

Онъ перешелъ узкое полотно улицы, поровнялся съ воротами и позвонилъ.

Калитка тотчасъ же щелкнула. Фокинъ наклонилъ голову и юркнулъ въ нее, перешагнувъ черезъ довольно высокій порогъ.

Подъ воротами, справа, была «ложа» привратника. Онъ самъ не вышелъ на звонокъ, но его сѣдая голова въ бархатной шапочкѣ смотрѣла въ высокое оконце. Фокинъ счелъ нужнымъ ему поклониться первымъ, и привратникъ прикоснулся рукой къ своей шапочкѣ и улыбнулся ему своимъ бритымъ, желтоватымъ лицомъ. Его острые глаза говорили: «Идите, идите, я васъ знаю».

И, дѣйствительно, онъ сейчасъ же вспомнилъ, что это «un jeune savant russe» и ходитъ къ отцу, занимающему келью № 37, во второмъ этажѣ, и что они подолгу бесѣдуютъ, конечно, объ ученыхъ предметахъ.

Обыкновенно очень разсѣянный по части мѣстностей, направленія улицъ и расположенія домовъ, Фокинъ отчетливо помнилъ, какъ надо идти къ «отцу Феликсу».

Тотчасъ открывался обширный дворъ, со старыми плитами, кое-гдѣ съ травой въ расщелинахъ. Дворъ замыкался двумя рядами каштановъ, посаженныхъ полукружіемъ. Въ эту минуту онъ былъ совсѣмъ пустъ. И тишина стояла такая, точно этотъ «коллегій» гдѣ-нибудь въ глухомъ провинціальномъ городкѣ.

Влѣво, за угломъ, поднималась лѣстница, безъ всякаго архитектурнаго стиля. Она прямо вела на площадку того этажа, гдѣ была келья отца Феликса; а площадка — къ широкому коридору, полному свѣта, съ цѣлой вереницей оконъ по лѣвую руку. Стѣны выкрашены въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ. Вдоль ихъ —{и у оконъ, и по другой сторонѣ — длинныя скамьи изъ почернѣлаго дуба. На стѣнахъ — рядъ картинокъ, подъ стекломъ, въ деревянныхъ же рамахъ.

Онъ уже зналъ, что это все сцены изъ жизни основателя ордена, Игнатія Лойолы, и главныхъ подвижниковъ, прославившихъ «Общество Іисуса».

Когда онъ въ первый разъ попалъ сюда, по немъ явственно прошлось чувство тревоги, унаслѣдованной отъ всего, что съ дѣтства, въ Россіи, соединено со звукомъ «іезуитъ». Онъ попадалъ въ одно изъ ихъ общежитій — и гдѣ? — въ этомъ самомъ свободомыслящемъ и антиклерикальномъ Парижѣ, гдѣ орденъ не имѣетъ легальнаго существованія. Но ихъ «домъ» процвѣтаетъ. Это тотъ

же монастырь, съ цѣлой сотней братіи и школой, гдѣ приготовляютъ во всѣ высшія спеціальныя заведенія Парижа, привлекающей своими научными традиціями, прекрасными преподавателями и образцовымъ порядкомъ.

Въ Россіи онъ ничего почти не читалъ о томъ, черезъ какой суровый искусъ проходитъ каждый членъ ордена, прежде чѣмъ будетъ вести болѣе досужую келейную жизнь. Когда онъ со всѣмъ этимъ познакомился,— и не отъ «черной братіи», а изъ сторонникъ источниковъ,— онъ понялъ, какой закалъ пріобрѣтаютъ всѣ безъ исключенія члены ордена, черезъ какую работу,—и тяжелую матеріальную, и духовную — проходятъ они долгіе годы. Каждый начинаетъ съ самой грязной и утомительной службы и каждый же долженъ продѣлать долголѣтній курсъ ученія — словеснаго, научнаго, философскаго и богословскаго — и непремѣнно преподавать.

Приди онъ раньше, утромъ, онъ навѣрно бы наткнулся на послушниковъ, справляющихъ работу простой прислуги. Но теперь, послѣ завтрака, по коридорамъ только прогуливались темныя фигуры беззвучно скользящею походкой.

Къ отцу Феликсу далъ ему рекомендацію одинъ изъ профессоровъ Сорбонны. Этотъ ученый іезуитъ считается авторитетомъ по вопросамъ, которые спеціально занимали Фокина. И въ первую же бесѣду тотъ его «очаровалъ».

Вся жизнь такого старика, ушедшаго въ изученіе средневѣковья,—въ монастырѣ, безъ утомительнаго ритуала безконечныхъ церковныхъ службъ, въ уютной, просторной кельѣ, полной рукописей и рѣдкихъ книгъ, въ воздухѣ чисто-духовныхъ, созерцательныхъ радостей, безъ суетныхъ дрязгъ и себялюбивыхъ тревогъ,—явилась передъ нимъ какъ нѣчто желанное. Онъ и въ двадцать пять лѣтъ чувствовалъ себя способнымъ вести такую «блаженную» жизнь человѣка науки, не знающаго ничего выше исканія истины, никакихъ наслажденій дороже того, какое даетъ находка, открытіе, новый взглядъ, установленіе закона, развитіе цѣлаго ряда явленій въ судьбахъ человѣчества.

Но какъ этого достичь? Очень легко для тѣхъ, у кого есть редства, стало-быть и для него. Здѣсь ли, на лѣвомъ берегу Се-ы, или у себя, въ Москвѣ, гдѣ-нибудь на берегу Москвы-рѣки или зы, въ одномъ изъ переулковъ, съ садомъ, въ особнячкѣ, гдѣ жно хранить десятки тысячъ томовъ и сотни драгоцѣнныхъ фоантовъ.

Вотъ и теперь, когда онъ, пройдя широкій свѣтлый коридоръ картинками, повернулъ направо, въ коридоръ поуже, ему при-

помнился особнячокъ одного московскаго «бенедиктинца», страстнаго собирателя и начетчика. И тамъ тишь и безмятежіе, и полная свобода отъ всякихъ житейскихъ дрязгъ. Но такая одиночная обитель—что-то вродѣ добровольной тюрьмы, хотя бы поэтъ и называлъ ее: «башней изъ слоновой кости». Одичаешь, сдѣлаешься маньякомъ, впадешь въ изсушающую боязнь людей.

А тутъ, у отца Феликса, келья—только одна изъ ячеекъ огромнаго тѣла, живущаго въ полномъ общеніи, съ объединяющею цѣлью, съ неустаннымъ напряженіемъ духовныхъ силъ всѣхъ членовъ общины. Это—жизнь «на міру», но не среди шумной, грубой, циничеcкой или жестокой толпы, не среди «новыхъ варваровъ», дышащихъ ненавистью ко всякому духовному превосходству, а въ единеніи съ равными себѣ, съ братьями по обѣту, въ благодѣтельныхъ предѣлахъ, налагаемыхъ этимъ самымъ обѣтомъ, съ чувствомъ своего скромнаго достоинства, безъ гордости и безъ подчиненія чему-либо внѣ идеала, стоящаго на недосягаемой высотѣ.

Но гдѣ существуетъ такое общежитіе ученыхъ и мыслителей? Его надо создать. Его нѣтъ и на Западѣ. Дальше буржуазнаго пансіона или игорнаго клуба не пошла культурная Европа.

Надо быть членомъ «ордена». А для этого нужно призваніе. Его натура не склонна къ полетамъ въ горнія выси. И католичество не привлекаетъ его. Онъ равнодушенъ къ вопросамъ вѣроисповѣднымъ, и отецъ Феликсъ съ большимъ тактомъ избѣгаетъ этой почвы; ни разу не заговорилъ, до сихъ поръ, на тему «возсоединенія», о чемъ теперь любятъ толковать и въ Ватиканѣ.

Передъ одной изъ дверей узковатаго коридора Фокинъ остановился и постучалъ.

Слабый голосъ отвѣтилъ ему оттуда, и онъ вошелъ въ келью отца Феликса.

Его встрѣтилъ старичокъ съ сѣдой бородой, небольшого роста, въ домашней сутанѣ, съ очень кроткимъ и еще свѣжимъ лицомъ, хотя и покрытымъ на лбу и около глазъ мелкими морщинками.

Его помѣщеніе состояло изъ довольно большой комнаты, въ два окна, полной книгъ. Слѣва помѣщается письменный столъ. Въ альковѣ—кровать безъ полога и prie-Dieu, распятіе и образъ Мадонны, съ пучкомъ засохшихъ пальмовыхъ вѣтвей.

IX.

Тихая, но не вкрадчивая, а скорѣе ласкающая ухо рѣчь отца Феликса лилась точно ручей. Онъ слегка картавилъ; но выговари-

валъ медленно, съ прекрасными интонаціями, какія уже пропадаютъ у молодыхъ французовъ.

Чувствовалось, что онъ проникнутъ тонкимъ литературнымъ развитіемъ, много и долго работалъ надъ своимъ устнымъ и письменнымъ языкомъ. Ни аскета, ни даже высохшаго начетчика въ немъ не было. И Фокину дѣлалось минутами странно сознавать, что передъ нимъ сидитъ «іезуитъ»,—членъ того страшнаго сообщества, которое до сихъ поръ держитъ въ своихъ рукахъ и папскій Римъ, создаетъ новые догматы, руководитъ соборами, опутываетъ своей паутиной весь христіанскій міръ.

И этотъ безобидный кабинетный ученый, ушедшій въ свои изысканія, обязанъ—по уставу ордена—исполнять всѣ тайныя порученія, какія «генералъ» дастъ ему, повинуясь слѣпо и безпрекословно.

Но Фокину не становилось страшно. Ему, напротивъ, хотѣлось говорить съ старичкомъ въ сутанѣ іезуита «по душѣ», спрашивать его совѣтовъ, просить о руководительствѣ, признаваться во всѣхъ недочетахъ своихъ свѣдѣній, въ чемъ передъ другими онъ былъ очень замкнутъ и крайне самолюбивъ.

Сегодня разговоръ какъ-то совсѣмъ незамѣтно перешелъ отъ работы отца Феликса къ новой энцикликѣ «святѣйшаго отца», гдѣ глава католической церкви, не въ первый уже разъ, высказывалъ свой взглядъ на борьбу труда съ капиталомъ и призывалъ паству къ чувству братской связи съ міромъ обездоленныхъ, изнывающихъ въ свалкѣ за кусокъ хлѣба, гдѣ царитъ лютое себялюбіе и черствость сердца сытыхъ и высокомѣрныхъ.

Фокинъ ожидалъ скорѣе, что отецъ Феликсъ окажется весьма сдержаннымъ по такому щекотливому вопросу, хотя и не станетъ, конечно, говорить противъ того, что значится въ пастырскихъ воззваніяхъ Льва XIII. Но голосъ старичка сразу зазвучалъ другими нотами, когда онъ сталъ говорить о парижскомъ пролетаріатѣ.

— Святой отецъ указалъ на главную язву современнаго общества. Нельзя отворачиваться отъ судебъ трудовой массы. Еще нѣсколько лѣтъ такого равнодушія, и вся она—въ рукахъ тѣхъ, кто оставитъ камня на камнѣ во всемъ зданіи общества.

Это была одна изъ тирадъ тихаго старичка, на котораго Фокинъ смотрѣлъ какъ на подвижника науки, безусловно отрѣшенного отъ водоворота политической и соціальной жизни.

И іезуитъ не началъ сейчасъ же громить разрушительныя доктрины. У него вырвался возгласъ:

— Будь я на десять лѣтъ моложе, я бы бросилъ все и пошелъ къ рабочимъ, отдалъ бы имъ весь остатокъ моихъ душевныхъ силъ!

— Наука выше всего этого,—сказалъ Фокинъ, какъ бы про себя.

У него нашлось бы много доводовъ за то, что ученому слѣдуетъ стоять внѣ всей этой свалки, въ свѣтлыхъ сферахъ, куда не достигаютъ яростные крики демагоговъ-разрушителей.

Отецъ Феликсъ провелъ рукой по воздуху и на нѣсколько секундъ опустилъ свою лысую голову съ красивымъ лбомъ.

— Духовенство,— выговорилъ онъ убѣжденнымъ тономъ,— могло бы дѣйствовать,—при большей смѣлости. Не надо ничего бояться. Народъ, въ массѣ, еще не утратилъ вѣры своихъ отцовъ... особенно женщины. Надо достичь того, чтобы каждый пролетарій видѣлъ въ служителѣ церкви своего перваго защитника, стоящаго внѣ всякихъ политическихъ страстей и домогательствъ. Можно ли бездѣйствовать и сторониться, когда изъ среды духовныхъ уже выходятъ проповѣдники анархіи?...

— Кто же?—остановилъ его Фокинъ.

Тотъ назвалъ фамилію. Она была какъ разъ того вожака, отъ имени котораго разосланы были и расклеены по Парижу обращенія къ выдающимся силамъ науки, литературы, искусства, политики и журнализма.

— Развѣ онъ бывшій духовный?

— Увы, да!—протянулъ съ тихою усмѣшкой отецъ Феликсъ. Онъ учился въ семинаріи и былъ посвященъ... Но его шумный успѣхъ и показываетъ, какъ не трудно было бы найти въ средѣ парижскаго духовенства людей, способныхъ отдаться борьбѣ съ такими вождями...

— Новыхъ варваровъ,—подсказалъ Фокинъ готовый терминъ.

— О! они вовсе не варвары!—откликнулся іезуитъ.—Они во всеоружіи самаго безпощаднаго анализа. Ихъ отрицательная проповѣдь обострена, какъ лезвіе бритвы. Многое изъ того, что они громятъ въ теперешней цивилизаціи, дѣйствительно гнило и бездушно, противно духу любви и человѣчности, какимъ должно руководиться всякое христіанское общество.

Голосъ старика опять поднялся и зазвучалъ теплѣе и нервнѣе И его глаза, обыкновенно немного затуманенные, получили замѣтный блескъ.

— Вамъ, мой другъ,—продолжалъ онъ, подавшись впередъ к своему гостю,—вамъ, какъ русскому, должны быть особенно близки эти вопросы.

— У насъ, въ печати, называютъ ихъ «проклятыми»,—подсказалъ Фокинъ.

— Проклятые?... Слово устрашающее, но не вѣрное. Вопросы эти рѣшены были Богочеловѣкомъ. Для Него не было и нѣтъ проклятыхъ вопросовъ, а есть только дѣло любви и разума, просвѣтленное вѣрой. Я знаю, въ вашемъ отечествѣ разрушительныя ученія давно уже волнуютъ молодежь! И такіе вожди, какъ этотъ заблудшій сынъ католической церкви,—послѣдователи доктрины, идущей и отъ васъ, русскихъ.

И, точно что вспомнивъ, отецъ Феликсъ спросилъ:

— Вы сами, если не ошибаюсь, сынъ очень крупнаго фабриканта? Скажите же мнѣ: вашъ рабочій, находитъ ли онъ въ крестьянской общинѣ гарантіи, къ которымъ взываетъ нашъ пролетарій?

— Не берусь рѣшить такой вопросъ,—отвѣтилъ Фокинъ, немного сконфуженно.—Я не славянофилъ и на общину не возлагаю особенно пылкихъ надеждъ. Впрочемъ... я, до сихъ поръ, не входилъ въ это... почему и не считаю себя компетентнымъ, даже и для теоретическихъ соображеній.

— Но, вѣдь, вамъ предстоитъ, вѣроятно, сдѣлаться патрономъ?

— Предстоитъ,—глухо отвѣтилъ Фокинъ.

— А сколько у вашего отца рабочихъ?

— На двухъ фабрикахъ до десяти тысячъ человѣкъ—мужчинъ и женщинъ.

— Десять тысячъ!

— Для меня это будетъ не малымъ бременемъ,—вымолвилъ Фокинъ и задумался.—Я не человѣкъ дѣла... и боюсь жизни.

— Безъ жизни, мой другъ, нѣтъ и знанія. Никто теперь не уйдетъ отъ того, что надвигается на современное человѣчество, никто!... Завидная доля тѣхъ, кто, какъ вы, просвѣтляя свой разумъ, готовятся этимъ и къ дѣлу любви и солидарности со всѣми нуждающимися и обремененными.

Фокинъ сжался. Въ него впервые закралось подозрѣніе: не желаетъ ли этотъ іезуитъ повліять на него, какъ «directeur de conscience», пріобщить его—«схизматика»—къ лону римской церкви, привлекая его соціальною проповѣдью? И ему стало досадно, что ихъ разговоръ принялъ такой оборотъ, точно вдругъ изъ чистыхъ сферъ безстрастной и всевидящей науки его опустили въ какую-то яму, гдѣ копошатся ядовитые гады.

X.

Въ Люксанбургскомъ саду Фокинъ присѣлъ на скамью той аллеи, что ведетъ къ воротамъ, противъ задняго фасада театра Одеонъ. Каштаны цвѣли, и ихъ запахъ чуялся въ воздухѣ. Мимо шли, взадъ и впередъ, гуляющіе или просто прохожіе. Дѣтскіе крики доносились сзади, съ лѣвой стороны, съ площадки, куда надо немного подняться въ сторону бульвара St. Michel.

Фокинъ пришелъ сюда послѣ посѣщенія отца Феликса. Разговоръ съ іезуитомъ все еще не улегся въ его головѣ. Въ первый разъ передъ нимъ всталъ вопросъ: какъ онъ будетъ чувствовать, думать и поступать, когда станетъ хозяиномъ двухъ мануфактуръ—вершителемъ судьбы нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ? До сихъ поръ онъ не хотѣлъ останавливаться на этомъ—не то что ужъ внутреннимъ чувствомъ, а даже мыслью. Почти никогда не смотрѣлъ онъ на себя какъ на будущаго милліонера. А когда и думалъ объ этомъ, то ему наслѣдство представлялось только въ видѣ состоянія, капитала въ деньгахъ и недвижимой собственности; а не какъ «дѣло», съ которымъ связанъ «проклятый» вопросъ труда и капитала.

Развѣ онъ за тѣмъ пошелъ сегодня къ старичку, въ его келью? Вмѣсто чисто-научнаго вышелъ такой неожиданный разговоръ. Точно ему подмѣнили отца Феликса. И въ другой разъ не избѣжишь, пожалуй, той же темы.

Взглядъ его ушелъ вдаль и остановился на красныхъ панталонахъ часового, на углу дворца. Маленькая фигура пѣхотинца, въ желтыхъ эполетахъ и въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, заставила его улыбнуться.

«И вездѣ-то у этихъ французовъ торчатъ часовые»!...

Онъ вспомнилъ, что на-дняхъ, по разсѣянности, ступилъ на дернъ съ той стороны этого самаго дворца, гдѣ стоитъ еще солдатикъ, и тотъ съ яростью бросился къ нему, чуть не схватилъ за шиворотъ. Это было наискосокъ мраморнаго памятника живописцу Делакруа.

Поглядѣлъ онъ снова вверхъ по аллеѣ, вдругъ покраснѣлъ и тотчасъ же поднялся. Къ нему шла Иветта въ соломенной шляпѣ. съ высокимъ бѣлымъ перомъ и въ черной накидкѣ. Стекляру блестѣлъ на плечахъ въ отдѣлкѣ мантильи. Она двигалась ме, ленно подъ темно-краснымъ зонтикомъ, и въ теплой тѣни отъ ше ка лицо ея, съ длинными прядями на ушахъ, отливало янтарн прозрачностью и чуть-чуть розовѣло.

Фокина поразило изящество и благородство ея поступи и все ея облика.

Кто могъ бы подумать, что это—дѣвица изъ caboulot? Ему самому стало обидно за нее. Онъ не хотѣлъ какъ бы вѣрить собственнымъ глазамъ. Неужели онъ будетъ такъ бездушенъ, что не поможетъ ей выбраться на другую дорогу, гдѣ ее непремѣнно замѣтятъ, и, прежде всего, на сценѣ?

Онъ рѣшительнымъ шагомъ пошелъ къ ней навстрѣчу. Иветта приближалась все такъ же медленно, съ опущенною головой. Его она издали не замѣтила.

— Mademoiselle Ivette!—тихо окрикнулъ онъ и остановился. Въ эту минуту никто не проходилъ тутъ ни взадъ, ни впередъ.

— C'est vous? Bonjour!

Она безъ жеманства и безъ всякой неловкости кивнула ему головой, но руки не подала.

Ея тактъ сказывался и въ этомъ.

Фокинъ первый взялъ ее за руку въ длинной черной перчаткѣ.

— Вы идете туда?

Онъ указалъ рукой по направленію къ кафе, гдѣ она служила.

— Нѣтъ... Сегодня я свободна. C'est mon jour de sortie,—выговорила она дѣловымъ тономъ.—Я свободна до девяти часовъ вечера. Я хочу взять омнибусъ... у Одеона. Мнѣ надо туда.

И она провела рукой по воздуху.

Не чувствуя никакой неловкости, Фокинъ взялъ ее прямо подъ руку,—какъ дѣлаютъ французы, не по-мужски, а по-дамски,— и повелъ ее вверхъ отъ аллеи на одну изъ площадокъ, гдѣ было больше тѣни.

Иветта ласково взглядывала на него своими темно-синими глазами, но въ нихъ не было ничего вызывающаго. Она начинала понимать, что этотъ чудаковатый русскій оцѣниваетъ ее не такъ, какъ другіе.

Они поднялись на площадку, вдоль которой, влѣво, шла узкая аллея. Ближайшая скамья была пуста.

— Вы не особенно торопитесь, Иветта?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. У меня есть время.

— Если позволите, мы поѣдемъ вмѣстѣ, возьмемъ фіакръ, изъ же, у Одеона.

Его тонъ вызвалъ на ея красивый ротъ усмѣшку. Онъ слишмъ ужъ съ ней деликатенъ, даже для русскаго. Но это ей льсти-. Тутъ нѣтъ никакой обидной для нея игры, никакой злобной lague»; это все серьезно.

— Вы тогда... точно разсердились? Помните?... Въ послѣдразъ?

— Нѣтъ... Съ какой же стати?

— Вы нервны... да? А, должно быть, я васъ задѣла, не желая этого...

Онъ прекрасно помнилъ, на что она намекала.

— Вы меня приняли за хвастуна?—осторожно выговорилъ онъ и заглянулъ ей въ лицо, подъ красноватую тѣнь зонтика.

— Немного,—обронила она и тихо разсмѣялась.

— Я не хвастунъ, Иветта, и готовъ повторить вамъ то, что сказалъ тогда.

Сразу она ничего не отвѣтила.

— Я вамъ... такъ нравлюсь?—спросила она, поведя по немъ боковой взглядъ изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

И, не дожидаясь отвѣта, она выговорила, въ первый разъ такъ дурачливо, съ испанскимъ акцентомъ изъ одной оперетки:

— Mes intentions ne sont pas pures, mais elles sont sérieuses!... C'est ça, mon petit russe?

— Non, ce n'est pas ça, — отвѣтилъ Фокинъ шутливо, но внутренно смущаясь.

— Alors?

Иветта глядѣла на него во всѣ глаза. Ей пришла тутъ же мысль: не хочетъ ли этотъ русскій обращать ее въ вѣру Толстого или вербовать ее въ *армію спасенія?*

— Вы меня не знаете, — свободнѣе заговорилъ Фокинъ, не ища словъ и не стараясь о томъ, чтобы произносить не по-московски.—Вы привыкли имѣть дѣло только съ тѣми, кто приходитъ въ кафе съ извѣстною цѣлью.

— Dame! Que voulez-vous?!

— Развѣ я похожъ на нихъ? Но, впрочемъ, — оговорился онъ,—я и не требую, чтобы вы сейчасъ меня поняли. Надо познакомиться поближе... Только не такъ, какъ вы думаете...

Конецъ фразы онъ договорилъ конфузливо. Но она уже ни въ чемъ недобромъ не подозрѣвала его.

— Je ne demande pas mieux!—вырвалось у ней теплою нотой.

— Будемъ пріятелями. Зайдите какъ-нибудь ко мнѣ... вы, вѣдь, свободны и по утрамъ?

— До трехъ только.

— А я встаю всегда въ семь.

— Вы въ гарни?—спросила Иветта такимъ тономъ, точно она вдругъ на его глазахъ превратилась въ свѣтскую женщину.

— Нѣтъ, у меня квартира.

— Съ своей мебелью?

— Да... Въ двухъ шагахъ отсюда.

— Вы меня приглашаете?

Вопросъ Иветты зазвучалъ насмѣшливо.

— Какъ угодно... Вы будете надо мной смѣяться, — поспѣшилъ онъ добавить, — но я не имѣю на васъ тѣхъ намѣреній, о которыхъ говорится въ опереткѣ.

Глазами она спросила его: «Въ такомъ случаѣ, что же мы будемъ дѣлать у васъ на квартирѣ?»

— Вы очень умны... вы не сочтете меня фарсёромъ. Я не рисуюсь... а просто вы достойны интереса.

Онъ еще разъ повторилъ:

— Digne d'intérêt.

Иветта обернулась къ нему всѣмъ станомъ и протянула руку.

— Je vous crois, jeune moscovite!

Они оба поднялись со скамьи.

— Куда идти?—спросила она тихо и весело.

— Моя квартира по ту сторону сада,—возбужденно отвѣтилъ Фокинъ.

XI.

Въ пяти шагахъ отъ своего дома Фокинъ подумалъ:

«Привратникъ или его жена, но, вѣрно, торчатъ у себя и все увидятъ».

До сихъ поръ къ нему не проникала ни одна женщина. Они сейчасъ же сообразятъ, какого рода «даму» онъ привелъ къ себѣ.

Ложа ихъ помѣщалась по лѣвой рукѣ, въ проходѣ, а лѣстница, въ глубинѣ, поднималась справа.

Онъ пропустилъ Иветту впередъ, быстро шепнувъ ей:

— L'escalier, au fond, à droite, entresol!

Привратника не было дома, а жена его сидѣла у окна, выходящаго на дворъ, и что-то штопала. Оттуда она врядъ ли могла видѣть, кто прошелъ наверхъ. Это успокоило Фокина.

Онъ догналъ Иветту на площадкѣ передъ дверью своей квартиры, завѣшанной восточною портьерой, съ двумя металлическими пятнами.

— Très chic!—обронила Иветта и поглядѣла на него съ новымъ выраженіемъ глазъ.

Вѣроятно, она подумала: «Le jeune homme a des *balles*».

Онъ тихо отперъ дверь американскимъ ключомъ и впустилъ ее. Передняя была отдѣлана такими же восточными портьерами, какъ

и наружная дверь. По стѣнамъ висѣли японскія тарелки. Въ углу для тростей и зонтиковъ стоялъ японскій же фарфоровый цилиндрическій кувшинъ.

Глаза Иветты опять выразительно обвели эту отдѣлку, не особенно оригинальную, но цѣнную.

«Le petit moscovite» живетъ, несомнѣнно, какъ молодой человѣкъ, «qui a des balles».

Изъ кабинета они прошли въ салончикъ. Тамъ Иветту сейчасъ же привлекла одна статуэтка, и она стала ее разбирать съ большимъ пониманіемъ.

«У насъ ни одна барыня изъ дворянскаго общества такъ не сумѣетъ»,—подумалъ Фокинъ и спросилъ тутъ же, какъ ей вообще у него нравится.

— Очень мило!

И, усмѣхнувшись на особый ладъ, она прибавила вполголоса:

— Видно, что здѣсь никогда не хозяйничала женщина... Правда?

Ея тихій смѣхъ сообщился и ему.

— Никогда!—отвѣтилъ онъ ей въ тонъ.

Они присѣли вмѣстѣ на диванчикѣ. Фокину хотѣлось взять ее за талію, но онъ удержался.

Зачѣмъ будетъ онъ опошлять ихъ отношенія? Въ ней то и привлекаетъ его, что она сохранила въ себѣ привлекательность интересной женщины, а не дѣвицы изъ «caboulot».

— Послушайте, Иветта,—заговорилъ онъ.—Такъ вы больше не считаете меня благёромъ?

И онъ взглянулъ ей въ глаза, какъ за полчаса, въ Люксанбургскомъ саду.

— Нѣтъ, не считаю,—серьезно отозвалась она, повернулась къ нему лицомъ и сѣла въ очень ловкую, интимную позу, немного наклонивъ голову.

— Только прошу васъ, — продолжалъ Фокинъ, испытывая опять приступъ волненія,—не думайте, что я имѣю на васъ виды.

— Вы, стало быть, набабъ?—полушутливо спросила она.

— Не набабъ... вотъ видите, мнѣ неловко говорить объ этомъ. Мой отецъ богатый, даже очень богатый человѣкъ...

— Riche à millions?—все еще полушутливо остановила она его.

— Да... особенно на французскія деньги.

— А сколько въ рублѣ франковъ?

— Два франка шестьдесятъ пять сантимовъ, по курсу.

— И у него много рублей?

— Много.

— И вамъ онъ ни въ чемъ не отказываетъ?

— Ни въ чемъ.

Онъ понималъ, что она держится шутливаго тона боясь «être dupée» въ такомъ разговорѣ.

— Скажите, Иветта... съ тѣхъ поръ, какъ вы въ этомъ кафе,—слово «caboulot» онъ не хотѣлъ употреблять,—неужели никто изъ молодыхъ людей не говорилъ вамъ...

— Mes intentions ne sont pas pures?...

— Я васъ серьезно спрашиваю, Иветта?

— Говорили... какъ говорятъ такія вещи женщинамъ, вродѣ меня. Можетъ быть, я пропустила два-три хорошихъ случая... Но что мнѣ предлагали? Идти въ натурщицы или фигурантки въ театръ Шатлѣ, или просто раздѣлить столъ и квартиру со студентомъ. Un collage! Но никто мнѣ не нравился, да я и боюсь увлеченія... Я уже вамъ говорила, кажется. Какой же это выборъ: фигурантка, натурщица! Такой же ничтожный заработокъ... а остальное все тоже...

И она махнула рукой.

— А жить со студентомъ въ одной комнаткѣ гарни и цѣлый день бродить изъ одного кафе въ другое, ссориться, выносить выходки ревности, а то такъ и побои!... И за что? За мѣсто на постели и плохой обѣдъ въ *гарготкѣ!* C'est idiot!—вырвалось у ней рѣзкой нотой.—Ou plutôt,—добавила она мягче,—c'est bien triste!

«Развѣ она не права?»—подумалъ Фокинъ и взялъ ее за руку.

— А чѣмъ бы вы желали быть?

Она не сразу отвѣтила.

— Вы хотите непремѣнно, чтобъ я мечтала съ вами вслухъ?

— Да, хочу.

— Извольте. Я, вѣдь, тоже не имѣю на васъ видовъ. Вы сынъ богача—положимъ. Если я попрошу у васъ une somme ronde, вы не дадите мнѣ ее... на вздоръ. Вы захотите меня устроить, не правда ли? Я допускаю такой капризъ... Или лучше, потребность сдѣлать что-нибудь... не банальное.

И помолчавъ она добавила:

— C'est si bon de pouvoir donner!

— Будемъ мечтать вслухъ!—подсказалъ Фокинъ.—Вы — съ пломомъ. Вы могли бы открыть школу.

— Съ моимъ прошедшимъ?—строго остановила она его.—Это невозможно.

— Но кто же узнаетъ?

— Все узнается, все... Да я и не чувствую въ себѣ никакой охоты учить, по призванію. Нѣтъ, Богъ съ ней, съ школой.

— Съ вашей наружностью и пріятной дикціей... почему не начать опять готовиться къ сценѣ?

Иветта пристально поглядѣла на него.

— Non,—рѣшительно выговорила она,—je méprise le cabotinage.

И по бокамъ ея рта легли двѣ складки горечи.

— Каждая воображаетъ, что она Сара! Таланта... настоящаго таланта я въ себѣ не чувствую. Чтобы пробиться, даже въ провинціи, надо точно также торговать собою,—съ замѣтнымъ усиліемъ промолвила она и отвернула лицо.

— Что же остается... магазинъ цвѣточный или парфюмерный?

— Oh!—перебила она.—Une parfumerie!

И она какъ бы пристыдила его взглядомъ. Онъ даже покраснѣлъ, вспомнивъ, сколько въ Парижѣ есть парфюмерій, прикрывающихъ вывѣскою совсѣмъ другую профессію.

Ему случилось разъ, въ боковой улицѣ, около Итальянскаго бульвара, зайти въ такой магазинъ и купить кусокъ мыла. Двѣ продавщицы показались ему странными своимъ обращеніемъ съ покупателями, а вмѣсто мыла онъ дома нашелъ кусокъ дерева.

— Чтобы было совсѣмъ по мнѣ...

Иветта не докончила. Раздался звонокъ. Фокинъ конфузливо вскочилъ съ дивана и пошелъ отворять.

— Une dépêche,— подалъ ему телеграмму привратникъ въ дверь, приподнявъ свою бархатную скуфью.

Фокинъ въ передней же вскрылъ маленькій голубой пакетикъ.

«Votre père tombé malade... Désire vous voir».

Подписана фамиліей управляющаго одною изъ мануфактуръ. Стало быть, отецъ заболѣлъ не въ Москвѣ, а на фабрикѣ.

Въ смущеніи онъ присѣлъ въ кабинетѣ къ письменному столу. Иветта ждала.

XII.

Фіакръ вползалъ по крутому подъему улицы, такой узкой, что было бы трудно повернуть экипажъ. Справа и слѣва мелькали огни въ лавкахъ и кабачкахъ. На тротуарахъ виднѣлся только рабочій людъ, увріеры въ фуражкахъ и блузахъ; женщины безъ шляпокъ, въ кофтахъ. Ребятишки играли тутъ же, и ихъ голоса врывались во внутренность кареты, откуда Фокинъ смотрѣлъ по сторонамъ, съ довольно тревожнымъ чувствомъ.

Навѣрно, его фіакръ возбуждаетъ «сенсацію». Сюда въ экипажахъ не ѣздятъ. Да и онъ поченялъ на себя, что не отправился въ конкѣ, до ближайшей станціи остановокъ, и не пришелъ пѣшкомъ. Но онъ считалъ себя чрезвычайно неумѣлымъ по части отысканья домовъ вечеромъ. Кучеръ привезетъ прямо къ тому номеру, гдѣ помѣщается зала.

Ему самому казалось страннымъ, что его тянуло на зовъ «разрывнаго» проповѣдника, который обращался къ представителямъ науки и литературы. Красный листокъ лежалъ у него въ боковомъ карманѣ.

Депеша о болѣзни отца должна была погнать его изъ Парижа. Но на слѣдующій день онъ получилъ другую, составленную по-русски французскими буквами. Кое-какъ онъ разобралъ ее. Она была подана отъ имени его отца и въ ней говорилось, что ему совсѣмъ хорошо и онъ проситъ не безпокоиться. Депеша пришла изъ Москвы, стало быть, отецъ имѣлъ силы переѣхать изъ подгородней фабрики.

Во всякомъ случаѣ онъ поѣдетъ домой въ концѣ мѣсяца, хотя ему, по его работамъ, и было бы полезно просидѣть въ Парижѣ до наступленія жаровъ. Если въ Москвѣ все будетъ идти по старому, онъ вернется сюда къ сентябрю.

Наконецъ, карета остановилась передъ входомъ въ кабачокъ. Никакъ нельзя было подумать, что позади помѣщается зала, въ два этажа, съ галлереями, размѣромъ съ добрую церковь.

Фокинъ спросилъ у хозяина, стоявшаго за прилавкомъ, какъ пройти. Тотъ указалъ ему на узкій коридоръ, черезъ него проникаютъ на площадку, гдѣ между двумя дверьми пріютилась будочка съ кассой.

За входъ взимали пятьдесятъ сантимовъ.

Онъ взялъ вправо и какъ только вошелъ въ залу, сейчасъ же очутился въ толпѣ. Только у самаго входа можно еще было кое-какъ двигаться.

И внизу, и по галлереямъ все было усыпано темными фигурами. Въ залѣ стоялъ полусвѣтъ отъ матовыхъ колпаковъ нѣсколькихъ лампъ. Спертый воздухъ, полный человѣческихъ испареній, ударилъ Фокину въ голову. При его близорукости, онъ и въ pince-nez не могъ разглядѣть отчетливо, изъ кого состоитъ эта публика. Около него, между колоннами и ближе ко входнымъ дверямъ, онъ не замѣчалъ настоящихъ увріеровъ. Было не мало молодыхъ женщинъ, похожихъ не на работницъ, а скорѣе на курсистокъ. Мужчины смотрѣли тоже тѣмъ, что у насъ зовется «интеллигенцей». Студентовъ въ беретахъ почти что не было.

Что-то жуткое сейчасъ же заговорило въ Фокинѣ. Точно онъ очутился, сто слишкомъ лѣтъ назадъ, въ одномъ изъ клубовъ первой революціи. Эта зала, съ деревянными колоннами, похожая на огромный сарай, давала чувство эпохи террора. И головы похожи были на якобинскія, только тутъ пахло совсѣмъ не фанатизмомъ государственнаго единства, а напротивъ,—низверженіемъ всѣхъ устоевъ, изъ-за которыхъ Парижъ переживалъ дни якобинскаго террора.

Изъ глубины, съ высокаго помоста, также плохо освѣщеннаго, доходилъ до него одинъ голосъ.

Голосъ этотъ лился нескончаемой лентой,—высокій, пѣвучій, съ переливами и возгласами, какіе Фокину случалось слышать въ католическихъ церквахъ.

Онъ сейчасъ же вспомнилъ, что ему говорилъ про этого вожака отецъ Феликсъ. Да, такое краснорѣчіе долженъ имѣть бывшій семинаристъ. И Фокину издали представлялась худая фигура не въ черномъ сюртукѣ, въ какомъ ораторъ былъ на самомъ дѣлѣ, а въ сутанѣ и даже въ кисейной рубашкѣ проповѣдниковъ и въ многогранной шапкѣ.

Между низенькой каѳедрой и столомъ, гдѣ сидѣли трое членовъ бюро, ораторъ ходилъ взадъ и впередъ, вскидывалъ своими длинными руками или дѣлалъ ими характерные жесты книзу, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ кончалъ тираду и считалъ свои доводы неопровержимыми.

Слова и фразы текли и текли, безъ малѣйшей задержки, точно заученный урокъ; но произносилъ онъ его все съ тѣмъ же пыломъ, то поднимая тонъ, то немного опуская, безъ усталости и замѣтнаго напряженія.

Зала, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подхватывала разныя «словечки», смѣялась и гоготала или хлопала.

И вотъ эта-то приправа его краснорѣчія и то, *какъ* она принималась залой, всего сильнѣе дѣйствовали на Фокина.

Онъ еще не воображалъ, чтобы въ этомъ самомъ Парижѣ, гдѣ онъ уходитъ въ безстрастную обитель науки, съ такимъ чувствомъ чего-то незыблемаго и вѣчнаго,—до такой степени расшатано все, за что держится «общеміровая гражданственность». Да, не то, что ораторъ доказывалъ, смущало его—онъ предвидѣлъ какими приблизительно доводами будетъ тотъ громить современное общество,—а то, какъ спокойно-презрительныя прозвища, клички, остроты и прибаутки звучали безповоротными приговорами надо всѣмъ, что до сихъ поръ признавалось культурнымъ человѣчествомъ.

Вотъ что было дѣйствительно страшно! Впервые овладѣвало имъ чувство, похожее на то, когда взберешься на крутую гору и внезапно передъ тобой обрывъ зіяетъ черною дырой.

А голосъ бывшаго семинариста все звенѣлъ и пронизывалъ насквозь. Отчетливо, фразу за фразой, Фокинъ воспринималъ въ себя цѣлый потокъ его обличеній. Это — не комедія, не чтеніе роли, не рѣчь, произносимая по заказу! Слышится что-то упорное и восторженное,—такой человѣкъ пойдетъ на плаху и на костеръ за свою вѣру.

Чего-нибудь совсѣмъ новаго и разительнаго въ его обличеніяхъ Фокинъ не слышалъ, но онъ не находилъ тотчасъ же, въ своей головѣ, ничего побѣдоноснаго и въ опроверженіе этого проповѣдника всеобщей «ликвидаціи». Одно онъ чувствовалъ,—разъ въ массу проникли такія идеи, и она вбираетъ ихъ всѣмъ своимъ «естествомъ», нельзя закрывать глаза и прятать голову; надо смотрѣть въ лицо надвигающейся катастрофы.

И вдругъ голосъ оборвался на высокой нотѣ—фальцетомъ. Зала загрохотала, и волны криковъ и рукоплесканій прошлись и внизу, и по галлереямъ.

Онъ хотѣлъ было броситься къ двери, но вспомнилъ, что будутъ еще пренія.

XIII.

Фокинъ все шелъ, захваченный своими мыслями, полный неизвѣданнаго имъ настроенія души.

Не замѣчая куда идетъ, онъ очутился на мосту и увидалъ на темномъ пологѣ неба башни Notre-Dame. Ночь была тихая и звѣздная, утромъ шелъ дождь и въ воздухѣ носился свѣжій вѣтерокъ. Изъ-за длинныхъ облаковъ выглядывала луна.

На ту сторону рѣки онъ совсѣмъ и не сбирался; поворачивать назадъ ему не захотѣлось. Онъ дошелъ до площадки, передъ порталомъ собора, и присѣлъ на скамью, около фонарнаго столба.

Въ ушахъ у него еще гудѣли крики залы, откуда онъ убѣжалъ, не дождавшись конца преній.

Хороши «пренія»! Кто входилъ на эстраду и начиналъ говорить противъ того, что фанатиками считается святою истиной, тому сейчасъ же кричали, что онъ пошлякъ, шпіонъ, защитникъ гнусной тиранніи государства и буржуазнаго общества. Одинъ оказался побойчѣе и началъ огрызаться. Тогда на эстраду вско-

чили нѣсколько молодцовъ и стали тащить его оттуда. Вышла драка. Въ залѣ нашлись сторонники у этого оппонента, и дѣло грозило перейти въ общую свалку.

Фокинъ ринулся въ дверь, не изъ трусости, а охваченный негодующимъ чувствомъ.

Теперь оно въ немъ улеглось. Но вся эта сходка еще владѣла имъ. Онъ не могъ уйти отъ цѣлой вереницы вопросовъ. Прежняя почва ускользала у него изъ-подъ ногъ...

Да, надвигается на весь цивилизованный міръ орда «новыхъ варваровъ»,—онъ вспомнилъ выраженіе изъ разговора съ отцомъ Феликсомъ,—и орда эта ждетъ только сигнала, чтобы ринуться. А чѣмъ съ ней бороться? Неужели нечѣмъ, кромѣ сабель, ружей и пушекъ?

Вотъ эти свалки и дѣлаютъ исторію, а не архивная пыль, любезная его сердцу. Развѣ когда-нибудь замирала борьба между сытыми и голодными, власть имущими и безправными?

Онъ долго смотрѣлъ на порталъ и башни средневѣковой базилики. Никогда онъ не видалъ ее въ такомъ освѣщеніи. Никогда эта церковь и не говорила такъ его чувству историка.

И въ его воображеніи всплывали лица, созданныя поэтомъ: король-централизаторъ, ханжа и палачъ, его опричники, его враги-вассалы, архидьяконъ Клодъ Фролло, Квазимодо, Эсмеральда, la cour des miracles, нищіе, висѣльники, заманивающіе кавалеровъ и буржуа въ свои логовища, студенты, клерки и народъ съ его вѣчными аппетитами и глухимъ броженіемъ разрушительныхъ инстинктовъ...

И тогда власть прибирала къ своимъ лапамъ этотъ «дѐмосъ», безъ котораго у исторіи нѣтъ главнаго строительнаго матеріала, камней, кирпичей и цемента. Теперь враги общества: одни взываютъ къ всесильному государству, уравнителю всѣхъ земныхъ благъ; а другіе—къ полному уничтоженію всего, что — не полная свобода личности. Эти «варвары» — самые новые. Они ополчаются на всѣхъ и на все. Для нихъ нѣтъ спасенія внѣ полнаго погрома.

И все это исторія—настоящая, трепетная, многообразная, полная красокъ, съ предвкусіемъ зарева, грохота взрывовъ и потоковъ крови.

Онъ живетъ посреди этой исторіи, въ самомъ ея водоворотѣ и можетъ наблюдать, записывать, вникать, предвидѣть—гораздо вѣрнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ когда онъ стряхиваетъ пыль съ фоліантовъ, объясняя темныя мѣста сомнительныхъ писателей, вѣ-

ря всякой записи монаха или досужаго строчилы потому только, что тотъ жилъ пятьсотъ лѣтъ назадъ.

Глаза его перешли къ фасаду казеннаго зданія, гдѣ половина оконъ не были освѣщены. Онъ сообразилъ, что это—полицейская префектура.

Въ прошломъ году онъ отправлялся туда за одной справкой и былъ принятъ шефомъ муниципальной полиціи. И ждалъ онъ своей очереди въ маленькой комнатѣ съ окнами прямо противъ портала Парижской Богоматери. Оттуда вся обширная площадка съ асфальтомъ лежала передъ нимъ, точно огромный подносъ, и онъ еще удивился тогда, какъ мало было тутъ уличнаго движенія.

Мысль его перешла къ «полиціи нравовъ». Шефъ, принимавшій его, былъ и начальникомъ того бюро, которое вѣдаетъ міромъ явной и тайной проституціи.

Онъ тотчасъ же подумалъ объ Иветтѣ. Очень можетъ быть, что она была извѣстна агентамъ и ее заставляли взять «билетъ», изловивъ ее въ какомъ-нибудь ночномъ гарнй, и возили сюда въ желтой каретѣ, въ «dépot».

Еслибъ Иветта попала съ нимъ сегодня въ ту залу съ деревянными галлереями, она не возмутилась бы ничѣмъ изъ того, что говорилъ проповѣдникъ всеобщаго разрушенія. Она, небось, знаетъ, какъ хваленое «общество» выбрасываетъ на мостовую сотни и тысячи такихъ же неудачницъ?!

А чѣмъ она хуже тѣхъ яко бы честныхъ франтихъ, что бѣгаютъ къ моднымъ лекторамъ Сорбонны?

Его мысль попала точно въ желѣзную клѣтку и билась въ ней. Нужды нѣтъ, что онъ лично не виноватъ въ судьбѣ цѣлаго міра обездоленныхъ, ждущихъ только момента, чтобы прорвать всѣ плотины. Не виноватъ?! Но онъ сынъ милліонера-хозяина. Отецъ можетъ умереть не сегодня-завтра, и вотъ онъ самъ — во главѣ огромнаго дѣла, гдѣ тысячи живыхъ существъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей—день и ночь копошатся у машинъ и гдѣ человѣкъ—ничто, а все—штука миткаля!

Вернется онъ домой,— тамъ можетъ его ждать депеша о скоропостижной смерти отца. Жизнь схватитъ его и стряхнетъ съ его ...а архивную пыль. Онъ не уйдетъ отъ нея, если въ немъ книги ...укописи не вышли души.

И онъ самъ долженъ будетъ «дѣлать исторію», какъ дѣлаютъ ...всѣ, кому хочется дышать и наслаждаться законными дарами ...зни.

...то-то забродило въ немъ новое и не оставитъ его въ покоѣ.

Разрушителемъ онъ не хочетъ и не можетъ быть. Онъ слишкомъ преданъ идеѣ «научнаго закона». Но отъ жизни не уйдешь!

«Не уйдешь!»—повторилъ онъ, глубоко задумавшись.

Грузные шаги заставили его поднять голову. Мимо него, шагахъ въ пяти, прошли два полицейскихъ въ короткихъ мантильяхъ, и косо поглядѣли на него.

Кругомъ было совсѣмъ безлюдно. Всего одинъ фіакръ стоялъ въ отдаленіи, и его два фонаря смотрѣли въ темнотѣ, какъ глаза филина.

Фокинъ поднялся. Онъ немного продрогъ. Поглядѣлъ онъ въ сторону набережной и почему-то ему припомнилось, что недалеко отсюда и знаменитая *Morgue,* гдѣ столько Иветтъ лежало въ мертвецкой, ожидая тѣхъ, кто захочетъ признать ихъ обезображенные трупы.

Неужели она такъ сжилась со своимъ заработкомъ, что ей уже не кинуться въ воду и не попасть въ мертвецкую?

— Cocher! — разбудилъ онъ кучера.— Au Luxembourg!

Его потянуло въ caboulot Иветты.

XIV.

Сквозь щели ставней врывались въ спальню веселыя полосы свѣта.

Фокинъ лежалъ въ постели подъ балдахиномъ, широкой и низкой, какія дѣлаются теперь въ Парижѣ, обитой свѣтлой матеріей съ разводами.

Онъ давно уже проснулся; но сегодня благоразумнѣе будетъ остаться въ постели. Только что онъ измѣрилъ себѣ температуру: тридцать семь двѣ десятыхъ.

Четвертый день у него—родъ инфлюэнцы съ болями въ спинѣ. Докторъ боится осложненія въ сторону почекъ. И въ легкихъ—хрипы. Ничего нѣтъ легче, какъ переходъ къ пневмоніи. Въ Парижѣ это очень часто бываетъ, и не съ одними стариками.

Не любитъ онъ валяться. И всегда допытывается у самого себя, какъ онъ могъ схватить нездоровье.

Но, на этотъ разъ, онъ зналъ, гдѣ простудился. Въ ту ночь когда ѣздилъ туда, въ залу съ деревянными галлереями. Отъ страшной духоты онъ былъ въ сильной испаринѣ и, выйдя, распахнулъ пальто и такъ шелъ, поглощенный своими мыслями, очутился у моста, а потомъ на площадкѣ передъ Notre-Dame, гдѣ сидѣлъ—и также разстегнутый—на скамьѣ и, вѣроятно, больше часа.

На другой же день онъ проснулся съ тяжелою головой, жаромъ и характерною болью въ затылкѣ. Онъ сейчасъ же узналъ инфлюэнцу; черезъ нее онъ уже проходилъ въ Москвѣ.

По натурѣ онъ былъ мнителенъ. Инфлюэнца — «подлая» болѣзнь. Она можетъ «до всего довести» и не такіе жидкіе организмы, какъ у него.

Ему сейчасъ же припомнилась болѣзнь ихъ годового доктора — здоровяка. Когда онъ уѣзжалъ въ Парижъ, два года назадъ, тотъ поражалъ всѣхъ своимъ богатырскимъ складомъ, румяными щеками, зычнымъ голосомъ и заразительною веселостью. И совершенно случайно, въ разговорѣ, онъ узналъ, что докторъ умеръ еще въ маѣ. Изъ дому ему ничего не писали,—не хотѣли огорчать или пугать. Отецъ и мать боялись покойниковъ и всего, что отзывается смертью.

Впервые эта боязнь прошлась и по немъ холодящею струей. И онъ, «заднимъ числомъ», испугался. У него тоже была инфлюэнца и могла унести его.

Жутко ему стало и третьяго дня ночью, когда онъ, безъ сна, лежалъ въ жару, съ ломомъ въ спинѣ и въ ногахъ.

Никогда до того не думалъ онъ, что его жизнь нужна для чего-нибудь. А тутъ первый вопросъ былъ: какъ же это онъ такъ рано умретъ? Вѣдь онъ можетъ оказаться нужнымъ. Для кого и для чего?...

Для науки? Такой самолюбивой мысли ему не пришло. Онъ былъ ей преданъ, но какъ «безвѣстный бенедиктинецъ». Не для науки, а для того «дѣла», которое попадетъ въ его руки, какъ наслѣдника своего отца.

И не «дѣло» само по себѣ, не мануфактуры, не штука миткаля, не тѣ свободные капиталы, которые лежатъ у отца въ банкахъ, не нажива или хозяйское тщеславное чувство силы или почета. Дѣло, какъ нѣчто, связанное съ судьбой нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ...

Прежде онъ никогда объ этомъ не думалъ. Заниматься «дѣломъ» онъ, конечно, не сталъ бы. Пускай идетъ, какъ шло. И еще лучше — образовать паевое товарищество и продать свои паи. А тутъ вотъ захотѣлось жить прежде всего потому, что на немъ лежитъ какой-то «долгъ».

Это его удивило. Вчера, когда ему стало полегче, онъ уже больше не боялся за исходъ болѣзни; но опять сталъ думать о Москвѣ, о здоровьѣ отца, о матери, вспоминать домъ въ Москвѣ и усадьбу съ сосновымъ боромъ около мануфактуры, и фабричное

зданіе, какъ оно ночью свѣтится безчисленными окнами; а машина грохочетъ, какъ морской прибой, и темныя фигуры рабочей смѣны гуськомъ и группами пробираются ко входу, послѣ гулкаго, плачущаго воя, похожаго на пароходный свистокъ, какой завели теперь на Волгѣ.

Сегодня онъ встанетъ попозднѣе, если разрѣшитъ докторъ. Читать тотъ, пожалуй, не позволитъ. Какая тоска валяться въ постели или на кушеткѣ!...

Изъ кухни доносится звукъ посуды; это жена привратника готовитъ ему какую-то «potion», въ большой чашкѣ,—вѣроятно, безвкуснѣйшее лѣкарственное питье. Ни чаю, ни кофе она ему не даетъ. Эта «ma-me Thomas»—очень важная особа и надо ее слушаться. Она выражается отборнымъ языкомъ, потому что постоянно читаетъ газеты и даже литературные журналы, какіе получаютъ жильцы.

Какъ же ему скрасить одиночество? Никого у него нѣтъ по близости, въ Латинскомъ кварталѣ, да и на правомъ берегу Сены. Развѣ послать за тѣмъ французомъ, что вернулся изъ Россіи. Онъ не записалъ его адреса.

Съ Иветтой онъ не видался съ той ночи, какъ простудился и отъ Notre-Dame поѣхалъ къ ней въ кафе. Она не знаетъ, что онъ боленъ. Ему хотѣлось вчера послать ей записку; но онъ воздержался,—точно онъ желаетъ «учесть» впередъ уходомъ за собой то, что онъ можетъ для нея сдѣлать.

Но ихъ разговоръ, тогда, въ его квартирѣ, былъ прерванъ приходомъ депеши о болѣзни отца. И въ кафе, ночью, онъ просидѣлъ не долго. Она должна была «занимать» другого гостя. Это стѣсняло ее въ его присутствіи. И ему стало за нее больно. «Проводить» ее домой, послѣ часа ночи, она ему не предложила, да онъ и самъ къ этому не стремился.

Онъ и теперь готовъ устроить ея судьбу; но хочетъ сдѣлать это, какъ настоящій джентльменъ, не унижая ни ея, ни себя.

Его холостая жизнь—такъ суха и одинока, по его же винѣ. А развѣ онъ ненавистникъ женщинъ? Онъ только сторонится отъ нихъ, больше отъ крайняго самолюбія и щепетильности, а также изъ страха нарушить свой режимъ «научнаго труженика», чтобы ничто не мѣшало ему жить по строгой программѣ, ничѣмъ не возноваться.

Въ коридорчикѣ раздались грузные шаги.

Дверь, задрапированная портьерой, пріотворилась, и madam Thomas внесла на подносѣ чашку лѣкарственнаго питья—въ чер

номъ чепцѣ и сѣромъ люстриновомъ платьѣ, съ шелковымъ передникомъ. Жена привратника двигалась медленно и важно—высокая, плотная, съ усиками смуглаго, мужеподобнаго лица.

Фокинъ немного ее побаивался и говорилъ съ ней, точно она не прислуга, а гостья.

— Il faut prendre cela. C'est apéritif!—выговорила значительно madame Тома подходя къ ночному столику.

— Apéritif?—повторилъ Фокинъ кротко, но съ невольной гримасой.

— Oui, môssieur—произнесла привратница, совершенно такъ, какъ въ «Comédie Française» произносятъ слово «monsieur» въ комедіяхъ Мольера.

Надо было слушаться. Этой внушительной особѣ съ дикціей матроны ему совѣстно будетъ отдать записку къ Иветтѣ, чтобы она послала съ коммиссіонеромъ, да и написать-то записку надо будетъ тайкомъ. Она не позволитъ ему «утомлять себя».

На квартирѣ Иветты онъ не былъ и адресъ забылъ; не былъ даже увѣренъ, дала ли она ему свою карточку, что другая бы сдѣлала давнымъ-давно.

Стало-быть, записка будетъ ждать ее въ кафе, куда она является послѣ завтрака. Если сегодня не ея свободный день, она должна оставаться до поздней ночи и можетъ придти только завтра.

— Il faut boire tout!

Питье казалось ему очень противнымъ; но онъ допилъ, испытывая на себѣ авторитетный взглядъ привратницы.

Въ передней позвонили. Мадамъ Тома не торопилась отворять.

— Môssieur ne reçoit pas?—строго спросила она.

— Oui, oui!—обрадованно приказалъ Фокинъ.

XV.

Спина мадамъ Тома повернулась къ двери. Фокинъ облегченно вздохнулъ.

Посреди спальни, лицомъ къ нему, стояла Иветта. Привратница, съ видимымъ неудовольствіемъ, впустила ее, когда онъ приказалъ ей принять гостью.

Въ полусвѣтѣ комнаты обликъ Иветты выступалъ красивымъ пятномъ, съ пепельными прядями волосъ и огромными глазами. Она стояла сконфуженно улыбалась.

— Простите,—выговорила она вполголоса,—вы нездоровы. Я не знала, что вы не хотите больше меня видѣть.

Взглядомъ она намекала на ту ночь, когда онъ пріѣхалъ для нея и нашелъ ее въ исполненіи ея «служебныхъ обязанностей» съ пьяненькимъ студентомъ.

— Я очень радъ,—заговорилъ оживленно Фокинъ и сѣлъ въ постели, закрывъ себя одѣяломъ до подъ мышекъ.—Благодарю. Я даже хотѣлъ просить васъ зайти.

— Vraі?—радостно кинула она и смѣлѣе стала подходить къ нему.

— Вы знаете... у меня инфлуэнца... не подходите близко. Можете заразиться.

— О! я не боюсь.

Она присѣла на табуретъ, въ проходѣ между кроватью и стѣной.

— Вамъ лучше?—спросила Иветта.

Въ тонѣ ея все еще слышалась нотка сомнѣнія насчетъ того, какъ онъ къ ней относится.

— Теперь лучше... Я боялся въ первые два дня... за легкія или почки.

— Да, это коварная болѣзнь,—выговорила Иветта, сдвинувъ слегка брови.

— Сегодня вы свободны?

— Только до трехъ... какъ всегда. Но я могу и не пойти. Если вы позволите—я останусь... буду вамъ читать. Я хорошо читаю.

Въ тонѣ ея слышались совсѣмъ новыя ноты. Голосъ сталъ звучать ласковѣе. Она не заискивала въ немъ такъ, чтобы было непріятно за нее, но давала чувствовать, что она хоть сейчасъ броситъ противное «caboulot»...

«Когда я исполню то, что обѣщалъ ей» — думалъ Фокинъ, и ему захотѣлось сейчасъ же покончить съ этимъ.

— Да, я думалъ попросить васъ къ себѣ,—возбужденнѣе заговорилъ онъ.—Не для того, чтобы быть моей сидѣлкой.

— Почему же нѣтъ?—подсказала Иветта.

— Нѣтъ, не за этимъ. А я хочу серьезно поговорить о вашей судьбѣ. Тогда нашъ разговоръ былъ прерванъ.

— Вашему отцу лучше, не правда ли? Вы не поѣдете въ Москву?

— Онъ совсѣмъ оправился. Я поѣду, быть-можетъ, но позднѣе. Значитъ, вы не торопитесь, Иветта? Хотите здѣсь позавтракать?

— Я еще не голодна. Только хорошо ли, что вы много говорите?

— Ничего. У меня температура почти нормальная.

Говорить съ нею ему было сегодня особенно пріятно. Она ему нравилась «за-ново». На ней было то самое платье, скроенное дѣт

ской блузой, въ которомъ онъ увидалъ ее въ первый разъ, въ кафе. Но та Иветта точно не существовала для него. Поскорѣе надо дать ей возможность бросить «caboulot». Надо это сдѣлать на-дняхъ, какъ только онъ оправится и будетъ выходить изъ дому.

— Послушайте, Иветта,—началъ онъ уже болѣе дѣловымъ тономъ.—Вы тогда не успѣли досказать... Такъ чего же бы вы желали?

Она вскинула на него глаза, и щеки ея стали розовѣть.

Сказать вамъ... о чемъ я всегда мечтала?

— Скажите, скажите!

— Кабинетъ для чтенія на хорошемъ мѣстѣ. Свѣтлая зала. Много иностранныхъ журналовъ. И русскія газеты также... Всѣ новыя книги... Можно самой читать сколько хочешь. И главное—никого не эксплуатируешь. Нѣтъ мастерицъ и ученицъ. Одну помощницу. Назначить ей порядочное жалованье.

Она опустила свои густыя рѣсницы, продолжая мечтать вслухъ.

Фокинъ слушалъ. Идея удачная, но вѣдь ея «clientièle» кабинета для чтенія составятъ исключительно мужчины. И, разумѣется, такая хозяйка будетъ служить приманкой.

Онъ вдругъ вспомнилъ, что одинъ москвичъ — большой пошлякъ, надоѣдавшій ему въ прошломъ году—разсказывалъ, какъ онъ зашелъ, гдѣ-то около Биржи, въ книжный магазинъ, и хозяйка, съ двумя ея приказчицами, оказались тайными проститутками—все равно, что въ той парфюмеріи, гдѣ ему самому продали «чурку» вмѣсто куска мыла.

Это прошлось холодящей струей по его душѣ.

— И сколько же такой кабинетъ будетъ стоить?

— Если по случаю... Я не знаю, право... тысячъ десять франковъ, съ разсрочкой платежа,—выговорила Иветта, замѣтно смущенная.

— Скажемъ двадцать тысячъ.

— О, столько не будетъ стоить! За такія деньги можно имѣть очень большую библіотеку... Я объ этомъ не мечтаю. Даже за пять тысячъ можно устроиться.

— И жить доходомъ?—спросилъ Фокинъ.

— Конечно!—вырвался возгласъ Иветты.—Я увѣрена, что у ня пойдетъ дѣло. Для него я создана. Дѣло простое и чистое.

Почему-то, тутъ только Фокинъ, впервые, вспомнилъ, какъ етта была брошена тѣмъ «каботиномъ»—мелкимъ актеромъ, орый увлекъ ее. Кажется, она намекала на ребенка.

— Извините,—началъ онъ другимъ тономъ.— Вы позволите нъ нескромный вопросъ?

— Все, что хотите. Какіе же могутъ быть нескромные вопросы? Вы знаете мое прошлое. Я ничего не скрывала и не выдумывала. Хвалиться нечѣмъ,—добавила она съ усмѣшкой.

— Когда тотъ актеръ, про котораго вы мнѣ разсказывали, бросилъ васъ... развѣ вы не собирались быть матерью?

— Да, ребенокъ родился два мѣсяца спустя.

— И онъ живъ?

— Живъ.

— Живетъ съ вами?

— Нѣтъ... въ деревнѣ. Развѣ я могу держать его здѣсь, при себѣ?

— Это мальчикъ?

— Дѣвочка... Ей уже пять лѣтъ.

Она не договорила и отвернула голову. Ему стало совѣстно, точно ее допрашиваетъ.

— Иветта,—окликнулъ онъ ее,—вамъ тяжело вспоминать все это... Я вѣрю всему, что вы говорите.

— Если это и правда,—остановила она его,—почему же вы выбираете меня и хотите устроить мою судьбу? Именно мою? Вѣдь, есть въ Парижѣ сотни и тысячи дѣвушекъ совсѣмъ честныхъ. И онѣ голодаютъ—буквально голодаютъ или еле дышатъ, въ чахоткѣ, съ заработкомъ въ тридцать су? Развѣ я лучше ихъ?

Она встала и, подойдя къ борту кровати, глядѣла на него блѣдная, съ влажными глазами.

— Вы меня не хотите сдѣлать вашей... любовницей,—продолжала она сильно и задушевно.—Вы не покупаете меня. Это прекрасный поступокъ. Но почему же я, а не тысячи другихъ, лучше меня? Вы, вѣдь, читали какъ-то въ газетахъ, что одна русская студентка... отравилась?... Не выдержала голода. Вы слышите—голода?

Фокинъ сильно покраснѣлъ. Онъ былъ тогда здѣсь и читалъ въ газетахъ. А развѣ это извѣстіе настолько поразило его, чтобы вызвать желаніе что-нибудь сдѣлать для такихъ русскихъ дѣвушекъ, застигнутыхъ бѣдой, обреченныхъ на голодную смерть?...

Но онъ не разсердился на Иветту. Въ ней это искренній порывъ, а не рисовка, не разсчетъ тронуть его благородствомъ своихъ чувствъ. Онъ сдѣлаетъ то, что обѣщалъ, обезпечитъ и ее, и участь ея ребенка. Спасибо ей и за то, что она напомнила ему о самоубійствѣ той русской студентки.

— Mônsieur le docteur!—важно доложила превратница, растворивъ дверь.

XVI.

Фіакръ везъ Фокина къ «Площади Согласія» по *Rue Royale*.

Въ открытомъ экипажѣ онъ сидѣлъ, съежившись въ углу, съ ногами, покрытыми пледомъ. А утро было теплое и радостное. На *Rue Royale* шла уже несмолкаемая ѣзда взадъ и впередъ.

Но ему еще не совсѣмъ здоровилось. Онъ знаетъ, что къ вечеру температура поднимется.

Со дня на день откладываетъ онъ свой отъѣздъ въ Россію. И не рѣшается. А тамъ его ждутъ. Теперь—онъ «хозяинъ».

Въ тотъ разъ, по уходѣ доктора, такъ черезъ полчаса, мадамъ Тома подала ему депешу. Онъ попросилъ Иветту подойти къ свѣту и прочесть.

Отецъ скончался, и его спрашивали: дожидаться ли его пріѣзда или хоронить? Онъ хотѣлъ отвѣтить—«дожидаться», но ему сдѣлалось дурно. Когда онъ пришелъ въ себя, то попросилъ Иветту отвѣтить, чтобы не ждали. Онъ не могъ отвѣчать, что выѣдетъ черезъ два дня,—насколько времени затянется болѣзнь.

Вѣсть потрясла его сильнѣе, чѣмъ, быть можетъ, онъ и самъ ожидалъ. Ночью онъ бредилъ и метался. Пригласили сидѣлку. Иветта заходила каждый день и, при ней, онъ чувствовалъ себя лучше. Такъ протянулась цѣлая недѣля. Изъ Москвы было нѣсколько телеграммъ,—отца похоронили днемъ позднѣе обыкновеннаго. Пришло письмо и отъ матери—нѣсколько строкъ, видимо написанныхъ въ большомъ душевномъ разстройствѣ. Завѣдующій «амбаромъ» въ Москвѣ, главное довѣренное лицо, дѣловымъ тономъ извѣстилъ его, что завѣщаніе Кузьмы Захаровича будетъ вскрыто по его пріѣздѣ въ Москву; но, насколько ему извѣстны распоряженія покойнаго—обѣ мануфактуры завѣщаны ему, а капиталъ раздѣленъ между имъ и матерью, причемъ онъ получаетъ двѣ трети. Этотъ капиталъ завѣдующій амбаромъ опредѣлилъ въ шесть милліоновъ.

Ко всему этому онъ оставался равнодушнымъ. Его сильно потянуло къ матери, и онъ каждый день сталъ слать ей депеши, увѣряя, что долженъ скоро оправиться и тогда тотчасъ же поѣдетъ въ Москву.

Сегодня первый его выѣздъ. Докторъ разрѣшилъ. Фокинъ не сказалъ, что онъ поѣдетъ служить панихиду въ *Rue Daru*, заказанную наканунѣ.

Въ церкви, во время службы, онъ тихо плакалъ. Его нервы не выдерживали минорныхъ возгласовъ дьякона и погребальныхъ

напѣвовъ. Никогда еще онъ не чувствовалъ такъ своего одиночества въ этомъ Парижѣ. И упреки себѣ зазвучали горькими нотами.

Еслибъ не его скаредное себялюбіе, онъ долженъ былъ бы тогда, получивъ депешу о томъ, что внезапно заболѣлъ отецъ, тотчасъ же сѣсть въ вагонъ. По крайней мѣрѣ, онъ засталъ бы отца въ живыхъ, и при немъ бы онъ скончался. И мать не была бы одна, въ такіе минуты. Какъ будто онъ не зналъ, что мать тоскуетъ по немъ? А онъ, цѣлыми годами, забывалъ о ней. Все изъ-за «культа науки»—точно будто и въ самомъ дѣлѣ онъ призванъ изумить весь міръ геніальнымъ изысканіемъ!...

Вотъ и теперь, на обратномъ пути изъ русской церкви, онъ продолжаетъ испытывать душевную заброшенность среди этой шумной и нарядной уличной жизни. Въ воздухѣ пахнетъ веселымъ Парижемъ. Господскіе экипажи, ливреи кучеровъ и лакеевъ, всадники, омнибусы, туалеты женщинъ. Солнце играетъ на зелени Елисейскихъ Полей, площадь охорашивается передъ нимъ, съ своими фонтанами и обелискомъ.

А онъ весь съежился. Ему вдругъ все это стало совсѣмъ чужое.

Фіакръ миновалъ мостъ и свернулъ отъ колоннады Палаты депутатовъ налѣво, на *Boulevard St. Germain*.

«Шесть милліоновъ!»—прозвучало у него въ головѣ. Эта цифра выскочила передъ нимъ, точно онъ ее видѣлъ глазами. Двѣ трети оставлены ему. И двѣ мануфактуры. И навѣрно половина домовъ въ Москвѣ. Сколько же это вмѣстѣ? Мануфактуры—онъ вспомнилъ—застрахованы каждая въ два милліона, но стоютъ вдвое.

Сколько же это? Гораздо болѣе десяти, если считать и стоимость домовъ, какіе достанутся ему.

И въ ушахъ его заиграла нѣмецкая фраза. Кажется, такъ озаглавленъ одинъ вальсъ Штрауса, написанный на открытіе выставки?... Что-то въ этомъ родѣ.

— «Seid umschwungen Millionen!»

Онъ выговорилъ—вслухъ.

Фразу эту онъ и прежде повторялъ, не умѣя перевести ея смысла вполнѣ точными русскими словами. Онъ и теперь не увѣренъ въ томъ, что собственно значитъ этотъ глаголъ «umschwingen».

Но не все ли равно?...

«Seid umschwungen Millionen!»

И тотчасъ же онъ покраснѣлъ. Неужели онъ—«бенедиктинецъ», не знавшій ничего выше строгаго и безстрастнаго знанія—способенъ будетъ поддаться на приманку—чего?

Кубышки, пошлой купеческой кубышки! Развѣ не все равно:—

имѣть достатокъ въ пять тысячъ рублей, для безбѣдной и независимой жизни,—а больше ему не надо,—или класть, каждый годъ, въ несгараемый шкафъ барышей на нѣсколько сотъ тысячъ?

Вопросъ заставилъ его задуматься. Но *такія* деньги, какія онъ унаслѣдовалъ—сила, и большая сила. Вѣдь, на французскіе франки у него состояніе въ тридцать слишкомъ милліоновъ.

Въ Америкѣ этимъ не удивишь. Тамъ сотни милліоновъ ни почемъ. Но здѣсь, въ Парижѣ, вы будете считаться *набабомъ* и съ такими деньгами.

Ему вспомнился знаменитый романъ. Во что превратилъ Парижъ выскочку-аферисга? Что за жалкая судьба! И ея не избѣгнуть тому, кто захочетъ, чтобъ о немъ заговорилъ «весь Парижъ». Какъ застраховать себя отъ приманокъ тщеславія? Кто знаетъ—какіе инстинкты поднимутся въ немъ, разъ онъ почуетъ силу денегъ? Вѣдь, онъ московскій купецъ, а во всякомъ купцѣ гнѣздится страсть къ почету. Развѣ его игра въ ученаго—не то же тщеславіе? И, быть можетъ, самое закоренѣлое...

Но цифра еще разъ выплыла передъ нимъ. И, на этотъ разъ, уже округленная... двѣнадцать милліоновъ. Въ дѣйствительности можетъ оказаться и больше.

Вотъ, къ завтраку придетъ, навѣрно, Иветта. Она не знаетъ какой онъ «набабъ»; но ей уже извѣстно, что отецъ его умеръ и главный наслѣдникъ онъ.

Она ведетъ себя съ тактомъ, не притворяется влюбленной, не заискиваетъ, скорѣе выжидаетъ, не дѣлая никакихъ напоминаній. Его она должна считать чудакомъ, въ которомъ «il y a du Tolstoï». Теперь эта формула почти все объясняетъ. Она настолько умна и развита, что допускаетъ всякія фантазіи въ богатомъ русскомъ. Въ ней самой чувствуется доброта. Она уже нѣсколько разъ повторяла:

— C'est si bon de pouvoir donner!

Придетъ она, не зная, что онъ ей скажетъ:

«На-дняхъ я ѣду. Надо покончить наше дѣло».

Сегодня же онъ вытребуетъ изъ Москвы, по телеграфу, десять тысячъ рублей на Ліонскій Кредитъ и, черезъ два дня, поднесетъ ей чекъ въ двадцать пять тысячъ франковъ. На это она заведетъ прекрасный «cabinet de lecture» и отложитъ «un petit pécule» на черный день, на воспитаніе своей дочери.

Разскажи онъ исторію знакомства съ Иветтой любому французу, тотъ навѣрно крикнулъ бы ему:

— Jobard! Mais elle va vous rouler.

Кто же ее знаетъ! Вдругъ она окажется «une fieffée coquine», прекрасно играющая свою роль, въ погонѣ за такими «jobards», какъ онъ. У ней можетъ быть любовникъ, презрѣнный содержанецъ. И тотъ пропьетъ и проиграетъ все, что сумасшедшій русскій отвалитъ ей. Ребенокъ, вѣроятно, давно умеръ; а то такъ его и никогда не существовало. Это больше ничего, какъ «racolage au bébé»: такъ называютъ полицейскіе агенты, надзирающіе за проститутками. Чего же толковѣе было бы прямо поѣхать въ префектуру и навести о ней справки, и тогда вся правда всплыветъ мгновенно.

«Съ какой стати!»—воскликнулъ про себя Фокинъ.—Не все ли равно? Онъ хочетъ вѣрить. Что ему десять тысячъ рублей? Развѣ онъ не осчастливитъ Иветту и если она—не окончательно «падшая», эти деньги вернутъ ее къ другой жизни.

«Какая сила!»—повторилъ онъ, озираясь вокругъ. Онъ и не замѣтилъ, что фіакръ былъ уже въ ста саженяхъ отъ его дома.

XVII.

Иветта стояла у окна, направо, и свѣтъ падалъ на ея пепельные волосы. Фокинъ залюбовался на нее, когда присѣлъ къ бюро.

Какая она живописная! Неужели они не простятся такъ, какъ слѣдовало бы молодымъ людямъ? Это какъ будто начинаетъ ее обижать. Ни одна француженка, да и ни одна женщина, не забудетъ того, что ты не пожелалъ обладать ею, когда могъ. Благородствомъ чувствъ не много возьмешь у нихъ.

Эти вопросы быстро прошли въ его головѣ. Но еслибъ онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за талію, поцѣловалъ,—развѣ онъ сталъ бы добиваться чего-нибудь больше? Добиваться тутъ нечего. Она, конечно, ни въ чемъ ему не откажетъ. Но это было бы «великой пошлостью». Да и никакихъ такихъ побужденій онъ не чувствуетъ. Эта дѣвушка сдѣлалась для него чѣмъ-то совсѣмъ особеннымъ, и онъ хотѣлъ уѣхать изъ Парижа, сохранивъ это чистое отношеніе. «Братское чувство»—заѣзженное выраженіе. Оно и невѣрно: Иветта—не сестра ему, а просто существо, въ судьбѣ котораго онъ сыгралъ такую удачную роль. Не тщеславіе богача заговорило въ немъ, когда онъ въ первый разъ, тамъ, въ «caboulot», пожалѣлъ ее. И теперь не оно радуетъ его.

— Стало быть, рѣшительно... мы ѣдемъ завтра? — спросила Иветта.

Ея «мы» имѣло не прямой смыслъ, а было только пріятельской манерой говорить. Она оставалась вѣрна собѣ: никакой принижен-

ности въ тонѣ съ нимъ у ней не явилось, съ тѣхъ поръ, какъ она увѣрена, что онъ устроитъ ее.

— Да, завтра.

— Развѣ мы себя чувствуемъ совсѣмъ хорошо?

— Совсѣмъ. Тамъ, въ Москвѣ, меня ждутъ.

— Ваша мать?—спросила серьезно Иветта и отошла къ другому окну.

Онъ выдвинулъ ящикъ бюро. Тамъ лежало извѣщеніе Ліонскаго Кредита о переводѣ, по телеграфу, на его имя двадцати пяти тысячъ франковъ.

Ни вчера, ни сегодня, когда Иветта помогала ему, въ спальнѣ, укладывать дорожный сундукъ, она ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не выдала себя. А онъ не хотѣлъ объявлять ей раньше, чѣмъ не придутъ деньги.

— Развѣ мы все уложили? — спросила Иветта, подходя сзади къ его креслу.

Фокинъ вынулъ изъ ящика депешу и извѣщеніе банка.

— Иветта... вотъ то, что пришло изъ Москвы для васъ.

Голосъ его слегка дрогнулъ.

Она не сразу поняла: что.

Онъ повернулъ синій листокъ и поднесъ къ ея глазамъ депешу съ обозначеніемъ суммы.

— Что это?—смущенная и блѣдная, спросила она.

— Прочтите.

Иветта пробѣжала депешу, и ея щеки заалѣли, глаза блеснули.

— И это?

— Все ваше—выговорилъ Фокинъ, отвернулъ голову и положилъ депешу на бюро.

Она быстро опустилась на коверъ, схватила его руку и поцѣловала прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отдернуть.

— Что вы? Ради Бога!

Онъ вскочилъ, поднялъ ее за обѣ руки и впервые поцѣловалъ въ лобъ.

— Я не стою, я не стою!—повторяла она.

Слезинки задрожали на ея длинныхъ и густыхъ рѣсницахъ.

— Ну хорошо, ну хорошо!—остановилъ ее Фокинъ, взялъ пріятельски подъ руку и сталъ прохаживаться по кабинету и салону. Послушайте, что я вамъ скажу. Получить по переводу я долженъ самъ. Давать вамъ довѣренность—долгая исторія. Приходите сюда передъ обѣдомъ. У васъ навѣрно есть рабочій мѣшечекъ?...

— Есть.

— Захватите его... А желаете, мы сейчасъ заѣдемъ къ вамъ на квартиру, и вы возьмете съ собою?...

— Нѣтъ, лучше я приду сюда.

Мгновенно онъ подумалъ; «она не хочетъ впускать меня къ себѣ въ этотъ часъ. Быть можетъ, тамъ ея «soutenеur»?

Но онъ пристыдилъ себя за это подозрѣніе.

— Черезъ сколько времени я должна быть здѣсь?—кротко выговорила Иветта.

— Черезъ три часа. Я успѣю съѣздить.

Она высвободила свою руку,—они были въ салонѣ,—и, не сдерживая своего волненія, вся розовая, съ влажными глазами, положила обѣ руки на его плечи, красивымъ жестомъ.

— C'est beau, c'est très beau!—тихо вымолвила она, и прибавила: il n'y a que les russes pour faire ça!

И прикоснулась губами къ его плечу.

Фокинъ смущенно отвелъ ее рукой.

Иветта выбѣжала изъ комнаты, щелкнула внутренней задвижкой и захлопнула наружную дверь, все это въ нѣсколько секундъ.

Долго простоялъ Фокинъ посреди кабинета; онъ задумался, низко опустивъ голову. Въ первую минуту его наполнила тихая радость. Такой пустякъ для него—чекъ въ двадцать пять тысячъ франковъ—и какое счастье для этой дѣвушки, которая на полицейскомъ жаргонѣ называется, навѣрно, «une fille insoumise».

Что за дѣло! И какое имѣлъ онъ право изрекать безповоротные приговоры моралиста? Если она и причисляется полиціей къ такому «разряду»,—стыдъ и срамъ тому общественному строю, гдѣ дѣвушка съ дипломомъ попадаетъ въ «caboulot»!...

Онъ подошелъ къ одному изъ шкаповъ съ книгами и любовно сталъ глядѣть на рядъ большихъ томовъ въ изящныхъ переплетахъ.

Его схватило за сердце. Неужели онъ простится со всѣмъ этимъ и изъ «бенедиктинца» попадетъ въ «его степенство», московскаго милліонщика, владѣтеля двухъ мануфактуръ?

И дилемма предстала передъ нимъ во всей своей суровости. Двумъ богамъ нельзя служить—или «дѣло», или наука.

Что спасало его, до сихъ поръ, отъ раздвоенія? Онъ былъ равнодушенъ къ тому, что дѣлается тамъ, на фабрикахъ его отца, и не стыдился своего равнодушія. Вотъ что давало ему силу и вѣру въ то, что выше знанія, отраднѣе безстрастнаго труда научнаго изслѣдователя—нѣтъ ничего въ мірѣ.

Въ тихомъ волненіи онъ присѣлъ на табуретъ, продолжая смотрѣть на свои книги. Неужели онъ промѣняетъ обитель, гдѣ онъ вкушалъ безплотныя радости, на хозяйское дѣло, даже если онъ приступитъ къ нему съ самыми благими начинаніями, съ душевною заботой о трудовомъ людѣ? Что онъ можетъ сдѣлать? Накинуть по гривеннику на кусокъ миткаля, прощать штрафы, положить пенсіи всѣмъ престарѣлымъ и увѣчнымъ работникамъ, выстроить имъ цѣлую cité ouvrière, завести клубъ, читальню, театръ?

Все это—капля въ морѣ. Да и для всего этого нужна любовь, высшая жалость къ рабочей «гольтепѣ»; а есть ли она въ немъ?

Не лучше ли тогда отказаться отъ наслѣдства? Или взять изъ него маленькую долю, обезпечить себѣ доходъ въ три-четыре тысячи, а остальное раздать?

«Кому?»—спросилъ онъ и поднялся съ табурета.

Онъ не зналъ, кому надо раздавать. Да и кто это знаетъ? Продать мануфактуры—не значитъ примирить трудъ съ капиталомъ. Это—лазейка, и нехорошая лазейка. Будетъ новый хозяинъ—одинъ или паевое товарищество—и они будутъ выколачивать изъ ткачей и «присучальщиковъ» все, что только сила машины можетъ выколотить изъ нихъ, заставляя работать по двѣнадцати часовъ въ день.

Эти ряды увражей точно съ упрекомъ смотрѣли на него и говорили:

«Одумайся! На что ты хочешь промѣнять насъ? Что ты найдешь тамъ, въ твоей Московіи? Опомнись!»

Весь смущенный, онъ заходилъ по комнатѣ, блѣднѣя подъ наплывомъ этихъ мыслей.

«Пора! — вдругъ крикнулъ онъ про себя. — Надо въ Ліонскій Кредитъ! Иветта будетъ здѣсь черезъ два часа».

XVIII.

Въ четырехмѣстной извозчичьей каретѣ съ «галлереей», на которой стоялъ сундукъ, сидѣли Фокинъ и тотъ французъ, что вернулся изъ Россіи.

Онъ захватилъ его дома какъ разъ въ ту минуту отъѣзда, когда факръ уже стоялъ у воротъ, и вызвался проводить его на «гару» верной желѣзной дороги.

Французъ взялъ съ нимъ особенный минорный тонъ, какъ только узналъ, что отецъ его умеръ.

— Вы останетесь тамъ... при вашей матушкѣ? — спросилъ онъ, когда фіакръ переѣхалъ уже черезъ мостъ *St.-Michel*.

— Да,—не совсѣмъ рѣшительно отвѣтилъ Фокинъ и посмотрѣлъ въ окно.

Сумерки уже опустились надъ Парижемъ, но было еще свѣтло. Послѣобѣденная жизнь вдоль набережной кишѣла пестрою вереницей. Дышалось легко. Всѣ краски вблизи и вдали—деревья, омнибусы, коляски, платья и шляпки женщинъ — все это двигалось точно въ панорамѣ, окруженное полупрозрачною розовою дымкой.

Фокина схватило за сердце. Ему сдѣлалось почти до слезъ жаль Парижа и своей жизни въ Латинскомъ кварталѣ.

— А сюда уже не вернетесь?—продолжалъ спрашивать его французъ.

Фокинъ поглядѣлъ на него унылыми глазами.

— Вернусь... когда можно будетъ.

— Квартиру вы оставляете за собой?

— До новаго года.

— О, времени еще довольно! Но развѣ тамъ, у себя дома, васъ не захватитъ ваше дѣло?

Опять это роковое слово. Отъ него никуда не уйдешь.

— Скажите,—заговорилъ онъ и нервно взялъ Альфонса Павловича за руку пониже локтя.—Еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ...

— И что-жъ?—подтолкнулъ французъ.

— Разумѣется... я себя не сравниваю съ вами. Вы—настоящій ученый... готовите докторскую диссертацію, а я и къ магистерской не готовъ. Да и врядъ ли когда-нибудь напишу ее. Себя я не ставлю высоко, прошу васъ мнѣ вѣрить, Альфонсъ Павловичъ. Но наука, строгій методъ, возможность работать безъ помѣхи, уходить въ прошлое человѣчества—развѣ это не выше всего?

Слезы заслышались въ его глухомъ голосѣ. И никогда еще онъ не говорилъ такъ складно и горячо даже и въ задушевной бесѣдѣ.

— И вы боитесь потерять все это?—спросилъ французъ.

— Одно изъ двухъ — или наука, или дѣло... А что пересилитъ: хозяйскій интересъ или жизнь идей и знаній?

— Да, вы на перепутьи, — выговорилъ вдумчиво спутникъ Фокина и поглядѣлъ въ окно.—Понимаю... понимаю... и весьма, весьма сочувствую вамъ.

— Но отвѣтьте мнѣ: какъ бы вы поступили на моемъ мѣстѣ?

— Вы не можете, однако же,— живѣе отозвался французъ и обернулся лицомъ къ Фокину,—вы не можете бросить... милліонное наслѣдство и такое огромное дѣло?...

— Отчего же не могу? Фактически очень могу. Стоитъ только учредить паевое товарищество... Пайщики найдутся.

— И бросить такое живое дѣло? — воскликнулъ французъ.— Будь это во Франціи, я и самъ на вашемъ мѣстѣ, поступилъ бы такъ же. Здѣсь рабочій испорченъ и обозленъ. Онъ дышетъ ненавистью и завистью. Но вашъ народъ такой славный,— протянулъ онъ,—такой безобидный,—старательно и франтовато выговорилъ онъ.—Я влюбленъ въ него! Un peuple—héros!—вырвался у него возгласъ по-французски.—И получи я такое дѣло, какъ вы,—о! я бы бросилъ свою профессію, даже еслибъ у меня было и громкое имя. Можетъ быть, въ свободное время писалъ бы и читалъ книжки,—произнесъ онъ съ юморомъ,—но всю душу отдалъ бы такому народу!... Foi de normalien!—весело крикнулъ онъ и ударилъ Фокина по колѣну.

Тотъ сидѣлъ съ поникшею головой.

— Какъ же можно бѣгать отъ такой судьбы?—продолжалъ такъ же горячо французъ и развелъ руками. — Нельзя покидать свой постъ. Вы продадите ваши мануфактуры? Кому? — Аферистамъ, какимъ-нибудь евреямъ или нѣмцамъ, или русскимъ кулакамъ?...

Фокинъ молчалъ. Французъ не рисуется, но онъ влюбленъ въ русскій простой народъ, а эту любовь не наживешь въ одинъ день. Можетъ, она и никогда не придетъ...

Ему стало дѣлаться и жутко, и стыдно. Да, постыдно быть дезертиромъ. Почемъ онъ знаетъ, и въ немъ, быть можетъ, зародится самоотверженное чувство, и его родина можетъ захватить, какъ громадное маховое колесо, и втянуть въ многообразную жизнь своего народа, гдѣ некогда будетъ сокрушаться о томъ, что изъ него не выйдетъ начетчика и эрудита?...

Вокзалъ сѣверной дороги, когда они вышли изъ фіакра, показался Фокину на этотъ разъ чрезвычайно грязнымъ. Толкотня у кассъ, небрежный и озорной видъ носильщиковъ, лица и походки, и голоса—все это заставило его сжаться. Онъ почувствовалъ себя сильнѣе, чѣмъ когда-либо, чужимъ среди этой толпы. Какое кому здѣсь дѣло до него! Что онъ такое съ его московскими милліонами? Такъ, «un rastaquouère», глупый иностранецъ, пріѣзжавшій сюда потранжирить и поразвратничать.

Дожидаясь въ хвостѣ пассажировъ, онъ всматривался въ лица прислуги, сновавшей мимо взадъ и впередъ.

Да, Альфонсъ Павловичъ правъ. Здѣсь тлѣетъ подъ тонкимъ слоемъ золы цѣлый очагъ ненависти. Давно ли тутъ, по близости, взорванъ былъ ресторанъ? Оплошай буржуа, еще держащіе власть

въ своихъ рукахъ,—и весь Парижъ взлетѣлъ бы на воздухъ. Много ли для этого нужно? Нѣсколько сотъ снарядовъ,—не больше.

Ну, спуститъ онъ свои мануфактуры и вернется на житье сюда съ своими тридцатью милліонами франковъ. И здѣсь будетъ передъ нимъ та же дилемма: или засѣсть въ «башню изъ слоновой кости» — «la tour d'ivoire» французскаго поэта — или уйти въ здѣшнюю свалку, разыгрывать роль набаба, котораго никто не проситъ соваться не въ свое дѣло.

Онъ посмотрѣлъ на Альфонса Павловича, который, съ его мѣшкомъ въ рукѣ, дожидался въ сторонкѣ.

«Развѣ онъ не правъ?»—подумалъ онъ, и его впервые сильно потянуло домой.

Черезъ четверть часа, сдавши багажъ, онъ прохаживался съ французомъ по платформѣ. Мѣсто онъ уже занялъ въ спальномъ вагонѣ. Имъ безпрестанно попадался служитель, предлагавшій корзинки съ дорожною провизіей. Онъ выкрикивалъ для англичанъ слово «basket», произнося его съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

«Не купить ли?»— спросилъ себя Фокинъ и раздумалъ. Въ спальномъ вагонѣ онъ можетъ закусить.

— Такъ, значитъ, Альфонсъ Павловичъ, вы къ намъ по осени?... Если все устроится такъ, какъ вы разсчитываете?

— Да, да! Это моя драгоцѣннѣйшая мечта.

— Милости прошу остановиться у насъ въ домѣ... Много обяжете.

Въ этомъ приглашеніи заслышался ему самому милліонщикъ-меценатъ.

Французъ приподнялъ шляпу и крѣпко пожалъ ему руку.

— Vous me comblez!

— То, что вы мнѣ сказали дорогой въ фіакрѣ, насчетъ дѣла, я помню, Альфонсъ Павловичъ...

Раздался окрикъ старшаго кондуктора:

— En voiture, messieurs! En voiture!

Фокинъ поднялся въ вагонъ.

И тутъ только вспомнилъ онъ Иветту. Онъ не хотѣлъ, чтобъ она его провожала, изъ особаго стыдливаго чувства, и—обманулъ ее, сказавъ, что ѣдетъ завтра. До него ли ей! Она въ полномъ блаженствѣ. Видовъ на нее онъ и теперь не имѣетъ. Эта дѣвушка осталась для него, во всемъ Парижѣ, милымъ и грустнымъ видѣніемъ.

— Путь добрый!—крикнулъ ему французъ, махая шляпой.

Поѣздъ тронулся.

П. Боборыкинъ.

РЕСПУБЛИКА КАМЕНОЛОМОВЪ *).

(Недѣля въ Санъ-Марино.)

V.

Отъ Сіеравалле къ Борго путь круто, зигзагами, взбирается въ высоты. Когда снизу смотришь на С.-Марино, такъ даже страшно дѣлается. Подъ самую крышку, что называется. Какъ туда попасть съ этимъ тяжелымъ экипажемъ?

Но дороги, какъ всѣ въ Италіи, превосходы. Лучше и придумать нельзя. Хотѣли было с.-маринцы строить зубчатую-желѣзную, да раздумали. Во-первыхъ, пока такой расходъ республикѣ тяжелъ; во-вторыхъ, не безъ основанія она нашего брата боится. Теперь на лошадяхъ еще кого-то когда занесетъ въ орлиное гнѣздо, и потому жизнь въ немъ остается простою, нетребовательною и сношенія несложными; братство, разумѣется, не прежнее, но равенство полное. Трудъ въ полномъ почетѣ и такъ подчасъ невыносимъ, что люди въ немъ закаляются. А тутъ сейчасъ наберутся туристы, зѣваки, лѣнивая сволочь, имѣющая возможность безъ толку разбрасывать деньги направо и налѣво. Явится легкій заработокъ, граничащій съ мошенничествомъ и вымогательствомъ, большіе отели съ ихъ праздной кліентелью моды, роскошь, проституція—и С.-Марино испортится въ конецъ. Нѣтъ, ужъ если, по неизбѣжному теченію дѣлъ человѣчества, все это неизбѣжно, такъ пусть
[illegible] цетъ попозже, впослѣдствіи, а пока республика желаетъ оста-
[illegible] ься въ сторонѣ отъ «большого свѣта». Вѣдь уже компанія игро-
[illegible] о дома нацѣливалась на нее. И не только нацѣливалась, но сю-
[illegible] пріѣзжалъ повѣренный отъ этихъ мерзавцевъ и предлагалъ каж-
[illegible] му члену генеральнаго совѣта взятку отъ 20,000 до 50,000 фр.,

*) *Русская Мысль*, кн. I, 97 г.

чтобы только провести разрѣшеніе открыть здѣсь второе казино, еще роскошнѣе, чѣмъ въ Монте-Карло. Къ счастью, въ совѣтѣ засѣдаетъ народъ простой, честный и разумный. Змія-искусителя спеціальнымъ постановленіемъ изгнали изъ республики, съ тѣмъ, чтобы и впредь онъ сюда не заглядывалъ. Такимъ образомъ С.-Марино уцѣлѣло. На долго ли? Уже очень шибко все нивеллируется въ настоящее время. Общеевропейская стрижка подъ гребенку — хочетъ не хочетъ, а идетъ своимъ путемъ, стирая всѣ особенности, обивая углы, сбивая верхушки... Но пока еще республика живетъ своею прежней, весьма поучительною стариной. Она вѣрна ей, какъ вдова любившая только разъ въ жизни и предпочитающая воспоминанія дѣйствительности. Если это міръ призраковъ и выходцевъ изъ могилы, какъ кто-то его назвалъ, такъ вѣдь эти выходцы когда-то обладали и плотью и кровью. Надо пользоваться возможностью изучить столь наглядно, что въ нихъ было хорошаго, и нельзя ли кое-что изъ этого воскресить.

Извозчикъ, разумѣется, сошелъ съ козелъ. Лошади едва плелись. Ѣзда въ Италіи хороша только на ровномъ мѣстѣ. Малѣйшій наклонъ — тормазъ въ ходъ, и колесо своимъ скрипомъ рѣжетъ вамъ ухо и безцѣльно утомляетъ коней. Самый ничтожный подъемъ — царапается тише идущаго въ гору пѣшехода. При нашей русской нетерпѣливости жизнь проклянешь, пока доберешься до одного изъ этихъ орлиныхъ гнѣздъ, то показывающагося надъ самой вашей головой, — шапкой, кажется, докинешь, — то прячущагося за скалы, сообразно извивамъ дороги. Шапкой докинешь, — а между тѣмъ проходятъ часы, а гнѣздо все тамъ же, надъ вами, и также дразнитъ васъ обманчивою близостью. Еще недавно тутъ не было никакихъ путей. С.-маринцы спускались по козьимъ тропинкамъ. Теперь глядите на эти выбитыя въ утесахъ ступени надъ безднами, и голова кружится. А имъ было съ полгоря. Не только сами сбѣгали и вбѣгали, но ухитрялись еще громадные камни доставлять внизъ, въ Римини, въ Пизаро, въ Фаэнцу, въ Форли, въ Чезену! Какъ это они дѣлали, я рѣшительно отказываюсь понять. Знаменитыя scaletti на Капри — все-таки не такъ дѣйствуютъ на воображеніе. Тутъ въ самомъ дѣлѣ ищешь у людей, гдѣ же ихъ крылья. И теперь с.-маринецъ зачастую презрительно относится къ большой дорогѣ, а просто летитъ себѣ стремглавъ долиною, какъ камешекъ сбрасываясь съ горы. Всего тяжелѣе смотрѣть въ этомъ отношеніи на дѣтей. Отцы и матери любуются, какъ тѣ, свѣсивъ ноги, точно съ края тарелки, висятъ надъ пропастью. Сядутъ рядомъ, какъ сойки на телеграфной проволокѣ, и болтаютъ ногами въ воздухѣ, хоти

подъ ними нѣсколько тысячъ метровъ пустоты. И никто не останавливаетъ ихъ,— привычка! Постороннему жутко глядѣть на эти сытенькія, выхоленныя мордашки, съ живыми глазами и пухлыми, какъ у рафаэлевскихъ ангеловъ, губками.

— Неужели у васъ не падаютъ?

— Куда?

— А въ бездны!

— Зачѣмъ?

— Да развѣ падаютъ «зачѣмъ?» Сорвется—и вся недолга.

С.-маринцы только смѣялись на это.

— Его силой не сорветъ въ бездну; онъ и ходить не умѣлъ, а уже ползалъ надъ нею.

Недалеко отъ Борго по пути, скала точно ладонь впередъ выдвинула. Сначала мнѣ показалось, что она сглажена искусственно. Спросилъ у моего спутника.

— Нѣтъ. Отъ природы такъ. У насъ это называется «смерть измѣнника».

— Странное имя!

— Историческое. Въ тринадцатомъ вѣкѣ, когда епископы Монтефельтро хотѣли во чтобы то ни стало захватить С.-Марино, и между нашими гражданами нашелся предатель—Джакоммо Пелиццаро. Его уличили въ томъ, что онъ вступилъ въ соглашеніе съ епископомъ Кларо-Перуцци, и «капитаны», какъ тогда называли нынѣшнихъ регентовъ, осудили измѣнника на смерть. Пелиццаро привели сюда. Всѣ скалы кругомъ были покрыты народомъ. Собственная мать прокляла Джакоммо. Палача заняли у подесты Монтефельтро. Хоть онъ и задумалъ овладѣть республикой, но за хорошія деньги уступилъ его для того, чтобы обезглавить своего же соучастника. Съ тѣхъ поръ было постановлено, чтобы здѣсь никто не селился.

— Значитъ вовсе не такъ уже была спокойна исторія С.-Марино?

— Да развѣ свобода дается даромъ? Сигизмундъ Малатеста одинъ чего стоилъ! Разъ ему чуть-чуть не удалось захватить насъ врасплохъ. Ночью онъ подобрался къ главному замку и бросился ... своими. Хорошо, что стража на башняхъ бодрствовала. Это онъ ...ди полнаго мира, а придворные называютъ его благороднымъ и ...икодушнымъ. Одному Чезаре Борджіа удалось наложить на республику оковы. Въ 1503 году! Но не надолго. Черезъ нѣсколько ...сяцевъ онъ умеръ, и С.-Марино освободилось отъ тирана, перевъ оставленные имъ въ нашихъ замкахъ гарнизоны. Въ 1542 г. ...вый кондотьери Фабіано да-Монте подступилъ къ той, вонъ, крѣ-

ности,—указалъ онъ на стѣны вверху. Съ нимъ было воиновъ въ пять разъ болѣе всего наличнаго населенія С.-Марино. Но республиканцы не растерялись. Это случилось 4 іюня, день, который у насъ празднуется до сихъ поръ. Съ утра до ночи на стѣнахъ и за стѣнами дрались всѣ, кто могъ держать оружіе въ рукахъ, старики, дѣти, даже женщины. Біанка ди-Борго среди воиновъ Фабіано да-Монте отыскала своего любовника и убила его, воскликнувъ: «Прежде отечество, а потомъ—ты!» Катарина Риччи во главѣ подростковъ и женщинъ дѣлала вылазку изъ тѣхъ, вонъ, воротъ. Кондотьери отступилъ, потерявъ здѣсь половину своего отряда. Черезъ семь лѣтъ другому авантюристу захотѣлось попытать счастья у нашихъ стѣнъ. Леонардо Піо, синьоръ Веруккіо, сунулся было сюда и тоже разбился о нихъ. Но всего героически защищалось С.-Марино отъ воиновъ папы. Его святѣйшеству нѣсколько разъ хотѣлось овладѣть нами. Онъ даже отлучилъ насъ отъ церкви, но наши «капитаны» дали ему гордый отвѣтъ: «Мы къ Богу ближе, чѣмъ ты. Онъ насъ видитъ и знаетъ, чтимъ ли мы Его заповѣди». Климентъ XII прислалъ сюда кардинала Альберони съ войсками. Они захватили Сіеравалле, Борго и другіе наши города внизу. Въ плѣнъ къ нимъ попали именитѣйшіе граждане С.-Марино. Сила, наконецъ, сломала и наше сопротивленіе. Впрочемъ, на помощь ей явилась измѣна. Падре Саллюстіо отворилъ ворота верхняго города кардиналу. Тотъ приказалъ взять Лодовико Белуцци, Альфонсо Джіоджи, капитана-регента, доктора Джіузеппе Онофри и Джироламмо Гоцци. Окруживъ ихъ солдатами и палачами, онъ вывелъ ихъ на площадь, гдѣ теперь стоитъ «памятникъ Свободы». Кардиналъ Альберони приказалъ имъ принести присягу въ вѣрности папѣ, иначе обѣщалъ замучить ихъ въ инквизиціонныхъ тюрьмахъ, но они какъ одинъ человѣкъ, въ виду собравшагося народа, крикнули:

— Viva la repubblica, viva la libertà!

Потомъ капитанъ-регентъ, точно не чувствуя сыпавшихся на него ударовъ, обратился къ народу:

— Санъ-маринцы! По домамъ, защищайте каждый домъ, какъ крѣпость. Лучше умереть свободными, чѣмъ жить рабами!

Поднялась неописуемая свалка.

Папскія войска осаждали каждый домъ, каждую хижину. С.-Марино былъ опустошенъ и разграбленъ, но не подчинился, и 5 февраля 1740 года папа нашелъ, что это «горное гнѣздо проклятыхъ каменщиковъ» слишкомъ дорого стоитъ. Народу было возвращень его правленіе и свобода. За то Наполеонъ Бонапарте не только и

поднялъ руки на С.-Марино, но явился сюда какъ равный къ равнымъ, подарилъ республикѣ пушки, которыя вы и теперь увидите у насъ, и предложилъ даже расширить границы республики, но получилъ на это отвѣтъ, достойный честныхъ каменоломовъ. «Намъ чужого не надо. Мы бережемъ и защищаемъ только свое!» Послѣдняя опасность грозила республикѣ сравнительно недавно. Въ 1825 г. образовался обширный заговоръ съ цѣлью предать С.-Марино папѣ Льву XII, но Антоніо Онофри, тогдашній капитанъ-регентъ, такъ энергично и смѣло повелъ защиту «отечества», что измѣнники частію бѣжали, частію были заключены въ тюрьмы; народъ еще разъ поклялся хранить свою свободу, и правителю данъ былъ титулъ Padre della Patria. Послѣ того С.-Марино являлся вѣрнымъ убѣжищемъ для всѣхъ патріотовъ, гонимыхъ въ разобщенной и подавленной Италіи. Чуждые властители напрасно требовали ихъ выдачи. Въ 1845 году сюда спасся риминійскій патріотъ Пьетро Ренци. Тосканскій герцогъ потребовалъ его выдачи, и на собраніи с.-маринскихъ гражданъ былъ принятъ гордый и краткій отвѣтъ: «Приди и возьми!» Причемъ республика тотчасъ же вооружилась.

— Васъ раздавятъ!—предупреждали ихъ.

— Не сила даетъ побѣду, а Богъ!

Наконецъ, въ 1849 году, когда отправившійся изъ Рима въ Венецію съ двумя тысячами добровольцевъ Гарибальди былъ отраженъ въ двадцать разъ сильнѣйшимъ австрійскимъ отрядомъ и почти охваченъ имъ отовсюду, онъ бросился въ С.-Марино. Крохотная республика не испугалась могущественной и мстительной Австріи. Она немедленно приняла славнаго вождя подъ свою защиту, оказала ему всевозможную помощь, укрыла и спасла его отрядъ. На всѣ угрозы швабскихъ генераловъ капитанъ-регентъ отвѣчалъ одно: «Республика можетъ умереть, потому что на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, но поступать иначе она не должна, ибо тогда самое ея существованіе было бы и нелѣпо, и безцѣльно. Мы вѣрны своимъ принципамъ, ради которыхъ С.-Марино прожило 1400 лѣтъ. Въ 1851 году австрійцы ворвались было сюда съ громадными силами, требуя выдачи политическихъ бѣглецовъ и нашедшихъ здѣсь убѣ-
-ище итальянскихъ патріотовъ. С.-Марино опять рискнуло всѣмъ,
ни одной головы не отдало подъ обухъ австрійскимъ палачамъ.
ъ 1853 году великій герцогъ Тосканскій и папа соединились об-
ими силами, чтобы покончить съ этимъ «осинымъ гнѣздомъ».
-Марино готовилось къ гибели. Нечего было и думать бороться
надвигавшеюся грозой, но тутъ ему на помощь великодушно
илась Франція, и республика еще разъ была спасена. Съ тѣхъ

поръ гордые и смѣлые республиканцы С.-Марино свято и благоговѣйно блюдутъ три дара, оставленныхъ имъ основателемъ маленькаго, но счастливаго народца каменоломовъ: честь, миръ и свободу.

Борго все кипѣло народомъ, когда мы въѣзжали въ него. На главной площади играли въ мячъ и кругомъ, подъ арками, толпились с.-маринцы, любуясь ловкостью и силой своихъ юношей. Съ балконовъ свѣшивались гирлянды цвѣтовъ, слегка колеблемыхъ вѣтромъ. За желѣзною паутиной перилъ съ видимымъ любопытствомъ за нами слѣдовали красивые глаза здѣшнихъ дѣвушекъ и женщинъ. Путешественники здѣсь рѣдки, особенно осенью. Вдали звучали колокола и изъ портала церкви, за которымъ во мракѣ блестѣли сотни огоньковъ, шла медленно и торжественно процессія съ крестами, хоругвями и статуей какого-то разодѣтаго въ шелкъ и бархатъ святого. Борго—средоточіе с.-маринской торговли. Это нѣкоторымъ образомъ банкъ и гостиный дворъ республики, и еслибъ вы видѣли, какъ скромны и крошечны ихъ магазины! «Намъ большаго не надо, роскошь здѣсь не въ ходу, щеголять не зачѣмъ, да и не для кого. Наши женщины пока, къ счастью, украшаютъ себя цвѣтами—и только. А цвѣты на здѣшнихъ поляхъ и зимою не переводятся!» Зная, что вверху, въ столицѣ, лавокъ мало, я искалъ здѣсь какой-либо книги о республикѣ. Кромѣ многотомной ея исторіи, нѣтъ ничего.

— Чѣмъ же довольствуются с.-маринцы?

— Каждый въ дѣтствѣ выноситъ изъ школы полное знаніе своего прошлаго... Ну, а объ туристѣ мы пока не подумали.

И въ тонѣ отвѣта такъ и звучало: чѣмъ васъ меньше будетъ пріѣзжать, тѣмъ лучше.

Чистенькіе дома всѣ настежь. Входи куда хочешь и смотри. Крошечный отель Микетти. Стучусь — не отпираютъ. Толкаю дверь — оказалось не замкнуто. Въ столовой, въ гостиной никого... Номера откровенно показываютъ всѣмъ чистыя постели... Крикнулъ—откуда-то появилась кошка, потянулась, заласкалась у моихъ ногъ, замяукала. И только. Я невольно разсмѣялся. Вспомнилъ сосѣдніе итальянскіе города. Попробуйте-ка тамъ не запереться,—и самого съ чемоданомъ вытащутъ. Впрочемъ, это еще и прежніе путешественники свидѣтельствовали о высокой честности с.-маринцевъ. Оно не удивительно: нѣтъ капиталистовъ, нѣтъ и нищихъ. Всякій сытъ и у каждаго есть работа. Адамсъ писалъ нѣкогда: «Народъ здѣсь славится своею нравственностью и благоговѣйнымъ отношеніемъ къ справедливости». Адвилъ говоритъ: это крохотное государство является великимъ по духу и добродѣтелямъ

своихъ гражданъ. Ботта заносилъ въ свой дневникъ: «Тутъ достоинство обходится безъ тщеславія и показа, спокойствіе и благочиніе безъ тиранніи и притѣсненій, благополучіе безъ зависти; народъ занятъ и производителенъ, благорожденные скромны и непритязательны. Обычаи и бѣдность с.-маринцевъ, ихъ трезвость и строгость—лучшій щитъ противъ заносимой чужестранцами порчи нравовъ. Никто не хочетъ чужого; всякій довольствуется тѣмъ, что имъ заработано. Нѣтъ соблазна видѣть лѣнивое самодовольство, праздную гордость и роскошь, достающуюся безъ труда. Потребности малы и съ избыткомъ удовлетворяются у себя дома». Эти характеристики стараго писателя можно смѣло привести и о настоящемъ С.-Марино. Оно нисколько не измѣнилось; чѣмъ было, тѣмъ и осталось до сихъ поръ, представляя слишкомъ малую приманку для охотниковъ до чужого добра. Авантюризмъ здѣсь не приживается, никакія предпріятія не находятъ себѣ подходящей почвы. Всѣ кончили школу и потому всякій знаетъ свои права и обязанности, не поступится первыми, не станетъ сбрасывать на чужія плечи вторыя. Короче, священникъ въ Римини нисколько не преувеличивалъ, рисуя мнѣ въ концѣ суетливаго, жаднаго и добычливаго XIX вѣка эту удивительную государственную идиллію, осуществленную общиной каменоломовъ на своихъ скалистыхъ вершинахъ!...

VI.

Странный городъ, развѣ во снѣ увидишь такой... Его стѣны, башни, грозныя, защищенныя контрфорсами, ворота, его высокіе дома, церкви—все это дѣйствительно почти выросло изъ утесовъ, вѣнчающихъ вершины Титана. Смотришь—и глазамъ не вѣришь, куда это тебя занесла фантазія. Узкія улицы, по сторонамъ фасады, отъ которыхъ вѣетъ средневѣковою легендой. Эти дома, похожіе на замки, точно надъ головой висятъ. А подъ ними Богъ знаетъ какъ на высотѣ возносятся другіе, и все это сбито въ кучу, скомкано, слѣплено, все это смотритъ на васъ сотнями мрачныхъ оконъ; переулки изгибаются полипами, суживаются въ щели, щели расширяются, давая мѣсто площадямъ въ ладонь. Идешь, идешь по С.-Марино и вдругъ прямо лбомъ упираешься въ сѣрыя, грозныя скалы,—онѣ опять уходятъ въ выси, и на нихъ еще грандіознѣе и тяжелѣе осѣли башни древнихъ крѣпостей... точно каменныя руки, и башни протянули внизъ зубчатыя стѣны и крѣпко держатся за свои утесы. Крытые ходы къ воротамъ, защищеннымъ бой-

ницами; такъ и ждешь: тяжело откроются желѣзомъ кованныя двери, и на плиты этого узкаго коридора выѣдутъ въ стали и кольчугахъ, съ опущенными забралами черныхъ шишаковъ, воины полузабытыхъ романтическихъ сказокъ. И вдругъ чудесный небольшой соборъ, весь бѣлый, свѣтлый, радостный, съ двумя рядами коринѳскихъ колоннъ, такой же бѣлый, художественно-стильный Palazzo del Principe, похожій на тотъ дворецъ, которымъ такъ гордится Флоренція на своей Piazza degli Signori... Смотришь, любуешься, невольно улыбаешься счастливо и ясно этому недавнему сооруженію и переводишь съ него глаза на памятникъ «Свободѣ»: незатѣйливый, маленькій, но какъ онъ къ лицу этой крошечной площади, этому дворцу, всей этой республикѣ каменоломовъ. У него, у этого памятника, своя исторія, и смѣшная, и трогательная, но о ней послѣ... Отсюда ступени внизъ, опять улица, такая же, какъ и вверху... добрая половина ея занята громаднымъ домомъ. Даже и не ожидаешь встрѣтить такой въ С.-Марино. Спрашиваю, что это? Оказывается, мѣстный лицей. Да неужели здѣсь столько найдется учениковъ, чтобы наполнить его обширныя аудиторіи? Нѣтъ. Сюда идутъ учиться со всѣхъ концовъ Италіи... Зачѣмъ, къ чему? Вѣдь королевство полнымъ-полно всякихъ университетовъ, школъ, коллегій, лицеевъ, институтовъ... «Да, но здѣсь молодежь растетъ въ здоровомъ горномъ воздухѣ и въ здоровыхъ человѣческихъ понятіяхъ. Отсюда она выходитъ и чище, и лучше, чѣмъ изъ чиновничьихъ центровъ».

Дѣйствительно, странный городъ. Нѣкоторые называли его орлинымъ гнѣздомъ, но оно слишкомъ разрослось для этого. Я пріѣхалъ сюда, когда въ сторонѣ, надъ Тосканскими Аппенинами, гремѣла гроза и солнце заходило, а надъ С.-Марино изорванныя и испуганныя бѣжали куда-то тучи. Прощальные лучи зажигали ихъ; онѣ горѣли всѣми цвѣтами радуги на зеленоватомъ небѣ, которое такъ любили Корреджіо и Гверинно. Мирное и кроткое, оно спокойно смотрѣло на хаосъ разбушевавшейся стихіи... Кругомъ передо мною былъ такой видъ, какого я не запомню. Я любовался Босфоромъ съ горы надъ Скутари, лазурью и тишиной Средиземнаго моря и бѣшенствомъ океана со скалъ Гибралтара, безчисленными вершинами Швейцаріи съ Монте-Бисбино, долинами Кавказа съ Аварскаго Койсу, но чудная панорама, разстилающаяся въ безконечную даль съ С.-Марино, заставляетъ забывать все. У васъ точно крылья выростаютъ за плечами. Вамъ хочется ринуться въ этотъ просторъ, блещущій тысячами красокъ, ласкающій и манящій несчетными очертаніями. Сколько тутъ долинъ, и каждая дразнит

васъ своимъ особымъ колоритомъ. Однѣ, какъ подставленныя пригоршни, видимы вамъ до послѣдней черточки ютящихся въ ихъ глубинѣ крестьянскихъ домовъ, до малѣйшаго извива золотыхъ дорожекъ и быстро текущихъ ручьевъ, съ ихъ садами, полями, виноградниками, съ цѣпкою ползучею зеленью, точно бархатная мантія, прикрывавшая каменныя плечи утесовъ; другія курятся сѣроватымъ паромъ, и въ его таинственной дымкѣ мерещится вамъ до такой степени прекрасный, поэтическій миражъ, что вы колеблетесь и перестаете вѣрить глазамъ на этомъ рубежѣ обмана волшебной свѣтотѣни и настоящей правды южной природы. Трещинами, щелями легли тѣснины и ущелья. Густо упали на нихъ лиловыя тѣни, и въ нихъ почти черною синью намѣтились выступы горъ, тусклымъ золотомъ—массивы скалъ и какими-то брезжущимися, колеблющимися пятнами (вотъ-вотъ пропадетъ изъ глазъ) — провалы безднъ. Холмы кружатся подъ вами перекрещенные, опоясанные дорогами, повитые сладкою дремой зелени, будто нарочно выросшіе для того, чтобы приподнять поближе къ небу то старую, разъ навсегда задумавшуюся башню, то гнѣздо слѣпившихся каменныхъ лачугъ, то блистающій навстрѣчу закату огненными очами своихъ оконъ крошечный городокъ... А надъ всѣмъ этимъ торжественно и царственно неисчетными грядами одна за другою въ какую-то божественную даль плывутъ Аппенины. Не отдѣльными вершинами, нѣтъ, а именно какъ спокойный вѣтеръ гонитъ по океану чудовищныя складки непрерывающихся во всю свою длину волнъ. Одна гряда подбѣжала къ самому морю, другая догоняетъ ее, сливаясь съ нею подножіями, заплескивая ее, точно пѣною, рощами и лѣсами, третья, могуче изогнувшись, подымается подъ моими ногами, четвертая ужъ торопится сюда отъ заката, а тамъ пятая, шестая и Богъ знаетъ сколько ихъ, и за послѣдними, въ червонномъ золотѣ небеснаго огня, за долгій день заласканное солнцемъ, утомленное и жаждущее прохлады. Земля причащается уже медленно-подступающей ночи... Чу! вотъ надъ тою грядой разорвались тучи, сверкнула молнія,—гремитъ... сѣрою, неясною завѣсью волнуется дождь... изсохшая безъ него долина жадно пьетъ цасительную влагу... но вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе.

Тутъ, надъ С.-Марино, онъ подлинно точно сорвать все съ его есовъ хочетъ, — и дома, и людей, и башни, и руины. Одно за гимъ передъ нимъ уносятся надо мной облака цвѣта стынущей зди и еще глубже зеленоватое благоговѣйное это небо, небо арыхъ итальянскихъ художниковъ и поэтовъ. А тамъ, вдали увоздушная Адріатика. Она припала къ землѣ и ласкается

къ ней. Вонъ въ складкахъ прибрежныхъ рельефовъ Римини... За нимъ къ сѣверу мягко, нѣжно, чуть тронутые кистью геніальнаго художника, легли широкіе, спокойные заливы. Ихъ мысы глубоко врѣзались въ затишье морскихъ водъ, точно и земля хочетъ обнять ихъ своими могучими руками. Тамъ уже нѣтъ горъ. Тамъ зеленая, вся теперь мерцающая въ золотистой фатѣ, равнина древней и монументальной Равенны, задыхающаяся отъ изобилія плодовъ земныхъ, измученная неистовымъ творчествомъ природы. Тамъ все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры и за ней, хоть и знаешь, что это невозможно, но, все-таки, пристально и упорно отыскиваешь влюбленными глазами марева тихой Падуи и августѣйшей Венеціи, этой развѣнчанной королевы, но, все-таки, королевы Адріатическаго моря... А ближе между Равенскою гладью и Аппенинами — неужели это бѣлое пятнышко — Фаэнца, а правѣе Форли и еще Чезена. Обойдите скалы С.-Марино и съ другой стороны вы увидите родину Россини, идиллически свѣтлое Пезаро, еще задыхающееся въ своихъ средневѣковыхъ стѣнахъ, какъ растолстѣвшій рыцарь въ латахъ Фано, и веселую Синигалію. Вонъ громадами своими глубоко ворвался въ море и давитъ его могучею пятой тяжелый массивъ. Тамъ Анкона, хотя вамъ ее не увидѣть отсюда. Зоркіе люди отыскиваютъ на горизонтѣ къ югу и Gran Sasso d'Italia, но я его не различалъ.

Вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе рветъ съ утеса, невольно хватаешься за его выступы, и вдругъ меня опять охватываетъ недавній ужасъ. Всюду скалы точно выпускаютъ свои каменные побѣги надъ провалами въ эту общую бездну вселенной, застывшей въ своей красотѣ подъ гордымъ С.-Марино. Онѣ висятъ надъ пропастями гранитными скрижалями, карнизами, опрокидываются внизъ тысячами расщелившихся капризныхъ отлетовъ, и на нихъ, свѣсивъ ноги, сотни все такъ же сытенькихъ, выхоленныхъ и вымытыхъ краснорожихъ дѣтишекъ. Что у нихъ здѣсь нѣтъ другого дѣла, что ли? Нѣкоторыя лежатъ себѣ на животахъ и болтаются надъ провалами ручонками и кудлатыми головенками. Встрѣчаются и такія, что беззавѣтно взапуски бѣгаютъ по этимъ головокружительнымъ рубчикамъ. Оказывается, сегодня внизу въ Кіезануово, одномъ изъ С.-Маринскихъ городковъ—республиканская «banda musicale даетъ обязательный очередный концертъ. Звуки его хорошо слышатся съ этихъ утесовъ, и дѣти наслаждаются незатѣйливыми маршами и отрывками изъ оперъ съ столь неудобныхъ и опасныхъ позицій.

Когда я пріѣхалъ въ С.-Марино, коляска остановилась у горо

ских монументальныхъ воротъ. По городу ѣздить нельзя, улицы идутъ слишкомъ круто и притомъ иногда ступенями. Вышелъ спокойно носильщикъ, взялъ мои вещи, вскинулъ ихъ себѣ на плечи и поплелся.

— Въ какой отель вы меня ведете?

— Въ лучшій и... единственный: Albergo del Titano.

Всползли изъ одной улицы въ другую,—уморительная гостинница. Чистенькая, ясная. Еще недостроенная. Ее оканчиваютъ, по мѣрѣ того, какъ собираютъ изду съ туристовъ. Комнаты—опрятности поразительной, но точно ячейки въ толщѣ камня. Отъ одной къ другой вверхъ—смѣшная лѣсенка безъ перилъ. И всѣ въ разбродъ, а еще выше только что сложенныя стѣны точно колодезь. Тутъ еще не приладили клѣтушекъ для нашего брата.

— Что стоитъ эта комната?

И хозяинъ, и носильщикъ на меня удивленно взглянули. Вотъ-де невѣжа, чѣмъ интересуется. Наконецъ, первый нехотя отвѣтилъ:

— Сколько дней останетесь?

— Не знаю, какъ поживется.

— Ну, столько лиръ и заплатите.

А лира равняется по курсу нашимъ тридцати пяти копейкамъ. Согласитесь сами, что для столицы великой державы это немного!

Сложили мои вещи. Спросили, не надо ли мнѣ чего. Носильщикъ получилъ свою мелочь и вдругъ заторопился.

— Я бы васъ охотно провелъ по городу и познакомилъ съ нимъ, но... сейчасъ у насъ, несмотря на праздникъ, засѣданіе consiglio generale...

— А вамъ что до этого?

— Мнѣ?... вотъ тебѣ и на! Да я-то, вѣдь, тоже членъ государственнаго совѣта.

Оказался одинъ изъ совѣтниковъ. Спокойно пожалъ мнѣ руку и заторопился въ Palazzo del Principe.

Я упоминалъ выше, въ общемъ очеркѣ города, объ этомъ дворцѣ. Онъ очень красивъ, и С.-Марино имъ гордится по праву. Во-первыхъ, чтобъ его воздвигнуть, надо было маленькой республикѣ прячь всѣ свои силы и пустить въ дѣло всякіе рессурсы. Онъ коится величественнымъ переднимъ фасадомъ на трехъ аркахъ, изводящихъ довольно сильное впечатлѣніе, когда впервые поаешь сюда на этотъ форумъ горнаго гнѣзда свободныхъ и хопихъ людей... За арками, въ глубинѣ — входъ, сквозь который видите монументальную мраморную лѣстницу, ведущую въ иколѣпное зало совѣта, гдѣ теперь, между прочимъ, засѣдалъ

мой носильщикъ. Надъ дворцомъ выросла чудная башня, легкая, стройная, художественная, какъ и весь онъ... Посреди площади, на темномъ цоколѣ — свѣтлая статуя свободы держитъ въ рукѣ знамя республики. Памятникъ милый, изящный, какъ и весь этотъ форумъ со своимъ палаццо... Обхожу «Свободу», и вдругъ позади, въ ея пьедесталѣ вдѣланъ медальонъ съ почтеннымъ дамскимъ профилемъ, ничего не имѣющимъ общаго съ аллегорическимъ изображеніемъ «Libertà». Зачѣмъ онъ тутъ и чѣмъ эта барыня могла прославиться? Всматриваюсь — профиль общенѣмецкій. Въ театрѣ Кролля, въ Берлинѣ, пропасть такихъ «gnaedige Frau» пьютъ пиво и вяжутъ чулки. На мое счастье, Богъ послалъ мнѣ воспитанника мѣстнаго лицея, и нѣмка, во-первыхъ, оказалась американкой, а во-вторыхъ — республика ей именно обязана этимъ памятникомъ. У С.-Марино хватило денегъ на дворецъ, ну, а на монументъ — увы! Казначейство было уже пусто. Тогда нѣкоторая Оттилія Гейротъ Вагенеръ заказала знаменитому скульптору Галетти эту статую и подарила ее республикѣ. Благодарный С.-Марино вдѣлалъ медальонъ съ ея профилемъ въ цоколь памятника и выгравилъ внизу подходящую надпись. А на торжественномъ собраніи генеральнаго или государственнаго совѣта, — называйте его какъ хотите, — правители республики подъ предсѣдательствомъ своихъ капитановъ-регентовъ возвели счастливую Оттилію (Аделаида тожъ) въ высокое достоинство герцогини Аквавива и патриціанки С.-Марино.

— Намъ это, знаете, ничего не стоило, ну, а ей, все-таки, пріятно, — объяснялъ мнѣ на слѣдующій день мой носильщикъ, членъ государственнаго совѣта.

Какъ видите, на свѣтѣ существуютъ не одни абиссинскіе графы, вродѣ нашего Леонтьева, но и герцогини и патриціанки, получающія свои дипломы отъ носильщиковъ. С.-Марино, впрочемъ, имѣетъ и свои ордена и жалуетъ ими тѣхъ, кто ему полезенъ.

Осмотрѣвъ въ первый разъ наскоро самый городъ, я наткнулся на итальянцевъ изъ королевства. Это былъ какой-то настоящій дука, женившійся на старухѣ изъ Милана. Настоящимъ дукамъ здѣсь больше ничего не остается, ибо вѣдь изъ патентовъ и хартій, оставленныхъ знаменитыми предками, штановъ не сошьешь. Въ Италіи не мало потомковъ дожей и знаменитыхъ властителей, вписавшихъ свои имена желѣзомъ и кровью въ мрачную исторію прошлаго. Они служатъ теперь писцами у какихъ-то апокрифическихъ консуловъ Экуадора и Боливіи, чистятъ сапоги на piazza Colonna въ Римѣ и въ счастливомъ случаѣ женятся на международныхъ уродахъ отъ сорока пяти лѣтъ и выше, являющихся сюда,

этотъ всемірный рынокъ титулованныхъ мужей. Одна москвичка, долго жившая въ Неаполѣ, разслабленнымъ отъ удовольствія голосомъ хвасталась мнѣ: «Вы знаете, у меня служанка—графиня...»— и потомъ, дотрогиваясь до звонка, вызывала ея сіятельство. «Анджелика, покажите этому синьору свою визитную карточку». И та охотно предъявляла мнѣ ее, и на ней я видѣлъ ея аристократическое имя подъ тремя соединенными коронами. «Мои предки имѣли даже собственныхъ палачей!»—посвящала она меня въ исторію величія ея рода. А теперь всемогущая—первогильдейское чудище—Акулина Животова жалуетъ ей неудобопоказываемое бѣлье съ своихъ отсыхающихъ ногъ и та принимаетъ его съ благодарностью. Такъ вотъ одинъ изъ такихъ дуковъ, встрѣтившійся мнѣ на с.-маринской площади il Pianello, поразилъ меня удивительнымъ презрѣніемъ къ республикѣ «презрѣнныхъ каменщиковъ», какъ онъ называлъ С.-Марино. Все здѣсь возбуждало его смѣхъ,—и простота нравовъ, и «совѣтники» точающіе сапоги, и капитаны-регенты, и милиція, собирающаяся по торжественнымъ днямъ, и памятникъ свободы. Какъ онъ мнѣ напомнилъ нашихъ отечественныхъ маэстро по части фырканья. Мнѣ то же самое приводилось читать и въ ихъ страничкахъ, посвященныхъ этому горному уголку.

Смѣшна эта mania grandiosa представителя умирающаго отъ голода народа дука, продавшаго себя миланской купеческой старухѣ, существующаго на бабьихъ хлѣбахъ и все-таки искренно считающаго этихъ гордыхъ, независимыхъ, сумѣвшихъ въ теченіе тысячи пятисотъ (почти) лѣтъ отстоять и сохранить свободу и свои прекрасныя учрежденія каменщиковъ—ниже, неизмѣримо ниже своей великолѣпной особы... знакомая картина! И я искренно радовался отвѣту, данному ему однимъ изъ гражданъ С.-Марино:

— Видите ли, можетъ быть, я и смѣшонъ. Какъ смотрѣть на это! Но на мнѣ нѣтъ нитки, которую я бы не заработалъ самъ. Здѣсь на нашемъ поднебесьи нѣтъ человѣка выше меня, нѣтъ также и ниже меня. Мнѣ не передъ кѣмъ опускать глазъ. И я знаю, что такъ было вчера, и будетъ завтра такъ же... Намъ не чадо чужого ничего, и бездѣльникамъ у насъ дѣлать нечего. Имъ остается только смѣяться надъ нами. Что же! Мы имъ это охотно прощаемъ. Для нихъ это единственное утѣшеніе въ ихъ униженіи...

VII.

Небольшой, весь въ бѣлыхъ мраморахъ, изящный, свѣтлый и ростный соборъ С.-Марино отдѣланъ только недавно. Теперь онъ

является палладіумомъ республики, которая хоронитъ здѣсь всѣхъ своихъ выдающихся людей. Соборъ, какъ и дворецъ—общественное достояніе. Какъ-то черезъ нѣсколько дней зашелъ я сюда и былъ невольно пораженъ представившимся мнѣ зрѣлищемъ. На плитахъ сидѣла сотня-другая мѣстныхъ дѣвушекъ, очевидно сошедшихся снизу изъ «городовъ» республики—изъ Монджіардино, Фіорентино, Казоло, Фаэтано и Кіезануово. Мужчинъ не было. На меня удивленно взглянули—и только. Смотрю—священника нѣтъ; что бы это значило? Никто не молится,—напротивъ, идетъ общая болтовня. Потомъ вдругъ веселая и стройная поселянка встала, подошла къ одной изъ капеллъ, гдѣ похороненъ «отецъ отечества», Антоніо Онофри, и, опираясь о мраморную доску, на которой начертано его имя, начала говорить съ большимъ жаромъ, убѣдительностью и даже не безъ нѣкоторыхъ ораторскихъ пріемовъ. Я вслушался. Мѣстное «аргò» все-таки понятно знающимъ итальянскій языкъ. Оказывается, что вся эта милая и здоровая (на полевомъ трудѣ росла) молодежь собралась подать въ Consiglio generale просьбу объ открытіи въ Борго, внизу,—высшей женской школы, которая соотвѣтствовала бы такой же имѣющейся тамъ мужской. Мѣстныя дѣвушки уже не удовлетворяются четырехклассными училищами и требуютъ болѣе широкаго образованія. Синьорина Біанка Каструччіо въ очень сильныхъ выраженіяхъ проводила ту мысль, что «между нами-де бѣлоручекъ нѣтъ. Всѣмъ извѣстно—мы работаемъ теперь какъ наши отцы, братья и женихи. Въ семью мы вносимъ не меньше ихъ. Даже на ломкахъ камня, развѣ, напримѣръ, Франческина Савелли добываетъ менѣе ея Піетро? Почему же мужчины устроили для себя все, что въ средствахъ «реснублики», а о насъ не подумали?... Но если о насъ не заботятся они (и хорошо дѣлаютъ), то мы не должны забывать правила: самъ себѣ помогай. Нечего разсчитывать на другихъ. Мы достаточно сильны, здоровы и неутомимы, чтобы не разсчитывать на чужія плечи и руки. Возьмемся сами за это дѣло и доведемъ его до конца. Испытаемъ сначала все, что можно, постараемся добыть себѣ права на образованіе и возможность его мирными и кроткими путями... а если это не подѣйствуетъ, если il gran conseglio и регенты не дадутъ намъ законнаго удовлетворенія, то мы объявимъ войну. Рѣшимъ, что пока не будетъ осуществлена наша мысль,—ни одна изъ насъ не выйдетъ замужъ...»

Я ожидалъ грома рукоплесканій, но вмѣсто того послышался общій ропотъ. С.-маринки возстали противъ такого крутого оборота. Онѣ всѣмъ могли рискнуть, только... не замужствомъ. І

дѣйствительно, когда всмотришься пристальнѣе въ эти пылающіе глаза, сильные бюсты, рослыя фигуры съ тонкими таліями и широкими бедрами, самою природой предначертанныя на исполненіе великой заповѣди «расититесь и множитесь», мнѣ сдѣлалось совершенно ясно, что на сей разъ синьорина Біанка Каструччіо попала въ просакъ.

— Мы найдемъ способы заставить насъ слушать. Наши женихи не виноваты будутъ, если il gran consiglio заупрямится. Мы всѣ явимся въ palazzo governamentale. Посмотримъ, какъ старики устоятъ.

Они говорили еще долго. Поднялся было вопросъ, зачѣмъ тутъ посторонній,—очевидно, дѣло касалось моей нескромной особы. Но очень живая и бойкая блондинка съ черными глазами и такимъ вздернутымъ носомъ, что ей слѣдовало бы пребывать боровицкою мѣщанкой, а никакъ не гражданкою С.-Марино,—остановила протестантокъ:

— Чего вы раскудахтались. Вѣдь, это если и пѣтухъ, такъ чужой. Пусть онъ вернется и разскажетъ у себя, гдѣ-нибудь тамъ, знаете, далеко, что мы далеко не такъ глупы, какъ другія итальянки. Мы здѣсь ничего постыднаго не говоримъ и не предлагаемъ!...

Такимъ образомъ меня оставили въ покоѣ.

Въ этомъ маленькомъ соборѣ крохотнѣйшей изъ республикъ, прекрасная статуя св. Марино, которому и посвящена базилика (Divo Marino Patrono et libertatis accetori). Тутъ же Лоретская мадонна Гверчино и двѣ милыхъ картины Тоничини. Но величайшею святыней считается все-таки гробница бѣлаго мрамора, въ которой покоится Антоніо Онофри. Въ самомъ дѣлѣ онъ не только умѣлъ наносить смертельные удары врагамъ республики, но и обнаружилъ глубокую государственную мудрость, отказавшись отъ предложеннаго Наполеономъ Бонапарте округленія ея владѣній на счетъ Тосканы и Папской области. Прими онъ этотъ даръ, потомъ, когда императора заперли на св. Елену, самое С.-Марино было бы уничтожено и включено въ предѣлы той же Тосканы. Рядомъ съ соборомъ—капелла, выстроенная Антоніо Серра. Для нея—увы! —уничтожили одну изъ величайшихъ древностей, храмъ просуществовавшій тутъ тысячу двѣсти лѣтъ. Изъ капеллы лѣстница ведетъ васъ въ жилище С.-Марино, къ его каменному ложу, гдѣ отдыхалъ этотъ славный труженикъ, положившій начало республикѣ горнорабочихъ.

Утромъ иду въ знаменитый по здѣшнимъ мѣстамъ садъ Проц-

ци. Едва ли онъ долго просуществуетъ. Содержать его на этихъ камняхъ—дорого, а мѣсто необходимо хозяину для постройки театра, такъ какъ старый малъ и неудобенъ. Сѣлъ на скамью, любуясь чудесными окрестностями. Тихо шелестятъ вверху акаціи, гдѣ-то разбивается струя фонтана о мраморъ бассейна; пахнетъ желтыми «гацциса» и ирисами. Вдругъ явленіе. Баба съ подоткнутымъ подоломъ,—видимое дѣло, сейчасъ отъ корыта,— сѣла рядомъ, оглянула меня и засмѣялась.

— Чему вы?

— Siete forrestiere? (вы иностранецъ?)

— Да.

— То-то я и вижу.

Вижу—дама болтливая. Завелъ съ ней бесѣду о С.-Марино. Что за чудо,—жалуется на скуку, на отсутствіе всякихъ divertimento, на суровые нравы.

— У насъ здѣсь медвѣди... только еще карабинеры есть слава Богу, а то бы хоть умирай.

Ну, думаю, не даромъ тѣ усы крутятъ и всѣмъ корпусомъ выражаютъ готовность.

— Только ихъ у насъ не уважаютъ. Даже регентъ и тотъ ихъ не замѣчаетъ.

— Какъ регентъ? Вѣдь, у васъ ихъ двое капитановъ-регентовъ?

— Да, но я признаю одного... Бонелла... Онъ—nobile!—и она всею своею фигурой выразила видимое благородство его происхожденія.

— Ну, а другой?

— Другой?—Она презрительно скривилась, фыркнула, точно попробовала чего-то до нельзя отвратительнаго.—Другой—plebbeo!

Надо было слышать, какъ она выразительно произнесла это слово. Вышло это вродѣ плеббэо.

— *Я* его не считаю, его поставила партія мужиковъ. Онъ—контадино.

Я даже диву дался, что за аристократка съ подоткнутымъ подоломъ.

— Да вы сами с.-маринка?

— Я? Да избави меня Богъ! Я изъ Римини. Я тутъ шестнад цатый годъ нанимаюсь.

Восемьдесятъ четвертой пробы хамка! Оттуда сюда ее голо выгналъ, тамъ она росла въ невѣроятной грязи, ѣла одну «л ленту», пила скверную воду, трепетала передъ polizia sicure

и передъ guardia municipale, а тутъ, скажите, какая патриціанка вышла! Отъѣлась, отдышалась отъ вѣчнаго страха, отвыкла отъ риминійской вони и вдругъ — плеббээо! Учрежденія республики, дѣйствительно, оригинальны. Первый ея статутъ утраченъ безслѣдно; существующій теперь остался почти безъ измѣненій съ тринадцатаго вѣка. Время и иныя общественныя условія внесли въ нее только нѣсколько смягченій, но не коснулись его по существу. Со времени Констанцкаго мира, когда большинство итальянскихъ свободныхъ городовъ вырабатывали себѣ тѣ или другія демократическія учрежденія, С.-Марино оставалось вѣрно своимъ. По-прежнему и теперь исполнительная власть здѣсь ввѣрена двумъ консуламъ, называемымъ капитанами-регентами, избираемыми съ величайшею торжественностью: одинъ изъ числа «патриціевъ» (nobile—по опредѣленію подоткнутой бабы) и другой непремѣнно изъ крестьянства (plebbeo—она же) на шесть мѣсяцевъ съ 1 апрѣля по 30 сентября и съ 1 октября по 30 марта. Одно и то же лицо можетъ вновь занимать этотъ почетный постъ только черезъ три года, т.-е. по смѣнѣ шести паръ капитановъ-регентовъ. На ихъ отвѣтственности все теченіе дѣлъ. Жалованья отъ республики они не получаютъ никакого,—только въ день выборовъ имъ вручается подарокъ по сту франковъ каждому капитану,—пируй во всю! Возрастъ не служитъ препятствіемъ. Нынѣшній, напримѣръ, plebbeo, такъ возмущающій риминійскую аристократку, не достигъ и тридцати лѣтъ. Государственный совѣтъ состоитъ изъ двадцати нобилей, двадцати горожанъ и двадцати крестьянъ, непремѣнно земледѣльцевъ. Эти избираются пожизненно, и каждый родъ, или большая «фамилія» не можетъ дать болѣе одного члена въ совѣтъ. Ему принадлежитъ власть законодательная. Онъ замѣнилъ собой прежній arringo, составлявшійся до тринадцатаго вѣка изъ всѣхъ отцовъ семействъ. Умирающіе пополняются по указанію самого совѣта. Двѣнадцать членовъ государственнаго совѣта составляютъ постоянную управу. Она называется здѣсь «собраніе XII». Восемь членовъ XII-ти ежегодно перевыбираются, такъ что составъ этой вѣчно-бодрствующей коммиссіи обновляется очень часто. Они изъ своей среды избираютъ двухъ секретарей, одного по дѣламъ внутреннимъ, другого по внѣшнимъ. Сверхъ того, въ дѣлахъ правленія принимаетъ участіе «правительственный конгрессъ изъ девяти гражданъ; онъ занятъ экономическими дѣлами республики и конгресса по сношеніямъ съ (не утите!) заграницей. Трое судей, избираемыхъ каждые три года, вѣдаютъ мѣстную юстицію. Одинъ изъ нихъ Commissario delle legge

судитъ дѣла гражданскія и производитъ слѣдствіе по уголовнымъ. Второй является первою инстанціей для этой уголовщины. Третій рѣшаетъ аппелляціонныя жалобы на первыхъ двухъ. Совѣтъ XII-ти является послѣдней и уже верховной инстанціей. Его постановленія являются закономъ и указаніемъ. Въ то время, когда вся Европа руководствовалась еще варварскимъ и жестокимъ законодательствомъ, отразившимъ на себѣ духъ средневѣковой нетерпимости и мстительности,— уголовный кодексъ республики С.-Марино уже являлся большимъ шагомъ впередъ къ усовершенствованію юстиціи и смягченію нравовъ. Мѣстные итальянскіе авторитеты въ этомъ отношеніи отдаютъ ему преимущество передъ своимъ законодательствомъ. Цукетта называетъ его «великою побѣдой гуманности»; Пагано «усовершенствованіемъ уголовнаго кодекса»; Адреліо Саличетти отдаетъ ему справедливость, какъ труду мудрому и превосходному, и знаменитый Эллеро признаетъ его «великолѣпнымъ памятникомъ итальянской уголовной доктрины» (splendido monumento della dottrina criminale italiana). Въ то время, какъ всюду въ Европѣ смертная казнь существуетъ подъ тѣмъ или другимъ видомъ, 26 августа 1864 года государственный совѣтъ С.-Марино объявилъ ее уничтоженною на вѣки-вѣковъ въ республикѣ какъ остатокъ позорнѣйшаго и жесточайшаго варварства, еще посрамляющаго великія и сильныя христіанскія державы. Между прочимъ, когда король Гумбертъ подписалъ смертный приговоръ солдату-поэту Мисдеа, с.-маринцы обратились къ его величеству съ ходатайствомъ отмѣнить эту казнь, являющуюся осужденіемъ всему нашему вѣку съ его лицемѣріемъ и злобой. Король приказалъ сначала привести рѣшеніе военнаго суда въ исполненіе и, только по полученіи телеграммы о томъ, что бѣдняга Мисдеа разстрѣлянъ во дворѣ замка Castel del ovo въ Неаполѣ, распечаталъ просьбу С.-Маринской республики. Отвѣтилъ онъ на нее, вполнѣ оправдывая ея слова о лицемѣріи нашего вѣка: «Вполнѣ раздѣляя отвращеніе гражданъ С.-Марино къ смертной казни и вмѣстѣ съ ними увѣренный, что она не соотвѣтствуетъ ни христіанскому милосердію, ни высшимъ началамъ справедливости, ни научному движенію послѣднихъ лѣтъ, я крайне сожалѣю о томъ, что петиція ваша была прислана слишкомъ поздно. Молитесь о душѣ бѣднаго Мисдеа вмѣстѣ со мною, чтобы Господь простилъ ему грѣхи за его мученическую кончину».

Совершенно сцена изъ Рейнеке-Фуксъ!... Не правда ли?

VIII.

Позвольте удѣлить нѣсколько строкъ моего бѣглаго очерка воспоминаніямъ с.-маринцевъ о Гарибальди. Они еще тутъ живы и ярки и такъ какъ республика событіями бѣдна, то разсказы объ этомъ возбуждаютъ и теперь такое же впечатлѣніе, какъ и на первыхъ порахъ. Маленькая страна ими, такъ сказать, связала и самую себя съ общимъ героическимъ движеніемъ Италіи въ 1849 г. Разумѣется, для нея было бы безопаснѣе отказать великому народному вождю въ убѣжищѣ. Этимъ самымъ она угодила бы и всемогущимъ тогда австрійцамъ—«жандармамъ народовъ и палачамъ свободы», какъ называетъ ихъ здѣшній исторіографъ Марино Фаттори,—и сыграла бы въ руку герцогу Тосканскому. Но С.-Марино въ самые рискованные моменты своего прошлаго мало сообразовалось съ скоропреходящею выгодой. Оно дѣйствительно служило принципамъ и благодаря имъ существуетъ и до сихъ поръ, нисколько не угрожаемое моремъ объединенной Италіи, волнующимся вокругъ этого маленькаго и спокойнаго островка. С.-Марино въ этомъ эпизодѣ съ Гарибальди ставило на карту все. Я не говорю уже о непосильныхъ для республики расходахъ, но австрійскій главнокомандующій уже обсуждалъ планъ занятія горы Титано съ ея «столицей» и готовилъ манифестъ объ уничтоженіи статута. Въ palazzo governamentale поселился бы швабскій губернаторъ, а въ лицеѣ бы устроили жандармскую команду. Разумѣется, С.-Марино дралось бы отчаянно, но что могла сдѣлать горсть храбрыхъ и убѣжденныхъ людей противу десятковъ тысячъ кроатовъ, гонведовъ, тирольскихъ стрѣлковъ, швабской пѣхоты и вѣнской гвардіи?—Умереть только.

— И наши отцы умерли бы!—разсказывалъ мнѣ, сверкая глазами, юноша, сынъ одного изъ «совѣтниковъ» того времени.

— Титанъ бы сталъ великою могилой маленькаго народа!

Въ ночь на 23 іюля 1849 года капитанъ-регентъ Доменико-Маріа-Бельцони былъ разбуженъ нежданнымъ посѣтителемъ. Ему доложили, что «офицеръ въ красной рубашкѣ», квартирмейстеръ генерала Гарибальди, проситъ его выслушать. Съ утра внизу гремѣли выстрѣлы. Тамъ въ глубокихъ долинахъ шелъ отчаянный бой и прислушиваясь къ его отголоскамъ, с.-маринцы уже знали, что отступающіе защитники Рима отражаютъ нападеніе превосходныхъ непріятельскихъ силъ. «Съ бьющимся сердцемъ и со слезами на глазахъ мы слѣдили за этой трагедіей внизу. Что мы могли сдѣлать на нашихъ скалахъ для этихъ героевъ?»—разсказывалъ

очевидецъ. Бельцони приказалъ ввести посланнаго. Тотъ войдя упалъ, какъ подкошенный, такъ онъ былъ истомленъ. Давъ ему отдышаться, регентъ спросилъ:

— Чѣмъ могу служить вашему доблестному генералу?

— Гарибальди, именемъ нашего общаго отечества, проситъ разрѣшенія пройти черезъ территорію республики съ остатками своего отряда. Это единственная дорога къ морю. Другого пути къ спасенію намъ не остается!

Бельцони колебался. Въ самомъ дѣлѣ, на немъ одномъ лежала теперь отвѣтственность за существованіе республики.

— Сколько вы еще можете продержаться?

— До послѣзавтра.

Регентъ написалъ генералу, что во имя принциповъ, которымъ тотъ служитъ, онъ, Бельцони, умоляетъ его не доводить до гибели «старое убѣжище мира и свободы» (l'antico asilio di pace e di liberta).

Прошли еще сутки. С.-маринцы, сами изнемогая отъ жалости и тоски, слышали опять въ теченіе дня отголоски битвы въ голубыхъ долинахъ внизу. Ружейные залпы то разгорались, то разсыпались и дробились въ трескотню перестрѣлки. Грохотали австрійскія орудія. Порою вспыхивало evviva l'Italia и наверху знали, что это, съ остатками храбрыхъ, Гарибальди, истощая послѣднія усилія, кидается, какъ отступающій левъ, въ аттаку на швабовъ. Наконецъ, къ капитану-регенту опять явился второй посолъ отъ народнаго вождя. Это оказался знаменитый отецъ Уго-Басси. На немъ лица не было. Глаза его блуждали, ноги едва двигались; платье его въ лохмотьяхъ и залито кровью. Голосомъ, дрожавшимъ отъ глубокой печали, онъ только и могъ выговорить:

— Послѣднія силы истощены. Мы деремся голодные второй день. У насъ ничего не осталось. Наши раненые умираютъ въ мучительной агоніи—безпомощные и брошенные на произволъ судьбы. Намъ можетъ помочь только гостепріимная республика. Пошлите намъ хлѣба и воды.

Бельцони былъ тронутъ до слезъ. Онъ понялъ, что есть моменты, когда личный эгоизмъ, спокойствіе цѣлой страны должны быть приносимы въ жертву величія чужого несчастья. Онъ оставилъ Уго-Басси у себя, а самъ сбѣжалъ со скалъ внизъ, будя жителей республики, и приказывалъ имъ сносить къ гарибальдійцамъ съѣстные припасы, платья, одѣяла, поднялъ мѣстныхъ аптекарей и врачей и послалъ ихъ оказать немедленную помощь раненымъ, которымъ открыли дома на границѣ.

Вездѣ зажглись огни, с.-маринцы варили пищу, чтобы тотчас

же отправить ее дальше. Открылись погреба со старымъ виномъ. Никто и ничего не хотѣлъ жалѣть для «братій», какими они считали гарибальдійцевъ. Агентъ австрійскаго правительства, жившій здѣсь, горячо протестовалъ, но Бельцони отвѣтилъ ему, что никакая сила въ мірѣ не можетъ помѣшать ему накормить голодныхъ, напоить жаждущихъ и пріютить раненыхъ.

На зарѣ 30 іюля австрійцы, къ которымъ за ночь подошли еще свѣжіе полки, уже чуть не сто на одного, кинулись на гарибальдійскій отрядъ. Они сверху открыли по нимъ страшный огонь въ то время, какъ пѣхота остановила его въ долинѣ. Полковникъ Форбасъ хотѣлъ еще держаться, но его солдаты стремительнымъ натискомъ швабовъ были опрокинуты на территорію республики. Двѣ тысячи человѣкъ пѣшихъ и конныхъ изнемогали отъ истощенія и ранъ, изодранные, окровавленные поднялись къ Титану съ знаменами и оружіемъ. Австрійцы кинулись было за ними, но на границѣ вдругъ живою стѣной выросли с.-маринцы.

— Пропустите!—кричали имъ нѣмцы.

— Здѣсь республика С.-Марино. Тутъ нѣтъ мѣста ни бойнямъ, ни преслѣдованіямъ.

Спокойствіе и рѣшимость маленькаго народца были таковы, что швабскіе полки остановились какъ заколдованные. Никто изъ австрійскихъ солдатъ не смѣлъ войти въ Сіеравалле.

Усталый Бельцони самъ сходилъ уже внизъ, какъ передъ нимъ, окруженный своимъ штабомъ, точно изъ земли выросъ Гарибальди, верхомъ, въ красной рубашкѣ. Хоть и спокойный, онъ былъ страшно блѣденъ и измученъ; каждая черта его лица говорила о томъ, что онъ вынесъ за послѣднее время. Не сходя съ лошади, онъ обратился къ регенту.

— Гражданинъ-президентъ! Я являюсь къ вамъ какъ бѣглецъ, ищущій убѣжища, и какъ такого—примите меня. Мои солдаты умираютъ отъ усталости и изнеможенія, перешли ваши границы ради хлѣба и отдыха. Они здѣсь сложатъ оружіе и тутъ, на священной землѣ свободы и мира, я прекращаю войну за независимость моей Италіи. Вамъ предоставляю переговоры съ врагомъ о асеніи тѣхъ, кто послѣдовалъ за мной.

— Милости просимъ «ищущихъ убѣжища»,—отвѣчалъ Бельли.—Ваши солдаты будутъ накормлены и одѣты, вашимъ ранемъ оказана всевозможная помощь. Ихъ уже переносятъ въ наро устроенные госпитали. Ни въ лѣкарствахъ, ни во врачебной лощи не будетъ недостатка. Я уже позаботился разослать людей Римини, Пезаро и Чезену, призывалъ сюда медиковъ... Отъ

всей души принимаю на себя порученіе ваше начать переговоры съ австрійцами. Вы такимъ образомъ избавляете нашу республику отъ потрясеній и гибели войны не по силамъ.

— А развѣ вы были готовы на нее?

— Неужели мы остались бы спокойными и равнодушно смотрѣли бы, какъ враги передъ нашею границей начали бы убивать лучшихъ сыновъ Италіи?

— Быть можетъ, гражданинъ-президентъ, настанетъ пора, когда эти золотыя слова будутъ лучшимъ щитомъ для доблестнаго С.-Марино отъ всякихъ покушеній на его свободу и независимость!

Гарибальди пожалъ ему руку и отправился съ своимъ штабомъ въ монастырь капуциновъ, на пути въ одинъ изъ городковъ республики—Фіорентино. Въ обители его съ распростертыми объятіями приняли отецъ Бенедетто де-Фано и отецъ Рафаэль, въ молодости самъ дравшійся за свободу Италіи. Кстати, объединенное и безопасное отъ всякихъ покушеній извнѣ «королевство» отблагодарило какъ слѣдуетъ монаховъ. Оно закрыло около Пезаро монастырь, куда впослѣдствіи перешли оба эти инока, и отецъ Бенедетто, чтобъ не умереть отъ голода, просилъ милостыню, бродя по Адріатическому побережью. От. Рафаэль, къ счастью, догадался умереть.

Монастырь, какъ этотъ, такъ и францисканцевъ, были широко открыты для раненыхъ. Тутъ было больше простору и сюда перенесли ихъ всѣхъ снизу. Гарибальди, хотя и самъ чуть не умиралъ отъ голода, распоряжался этимъ, не отходя отъ своихъ солдатъ. Прежде всего надо было водворить порядокъ между ними. Онъ запретилъ имъ подыматься въ городъ вверху и объявилъ, что всякая непріятность, сдѣланная ими гостепріимнымъ хозяевамъ, повлечетъ за собою строжайшія наказанія. Уложилъ раненыхъ и только убѣдясь, что имъ доставлено все необходимое, отправился въ С.-Марино. Въ его ворота онъ въѣхалъ въ сопровожденіи своей Анниты, Уго-Басси, полковника Марокетти, майора Ченни и другихъ. Всѣ они направились къ хозяину скромной кофейной Симоннини, звавшему ихъ къ себѣ, и тутъ, наконецъ, могли хоть немного передохнуть. Я видѣлъ маленькое и простенькое кафе. Въ немъ при мн крестьяне снизу вели бесѣду о цѣнахъ на вино и на поленту. Въ окна сіяло такое нѣжное, такое лазурное небо, и все кругомъ было такъ спокойно, тихо и кротко, что даже странно было вспоминать о недавней эпопеѣ героическихъ битвъ и великихъ страданій. Вонт въ томъ углу сидѣлъ, опрокинувъ усталую голову на руки, народ ный вождь. Рядомъ съ нимъ едва отводила душу красавица-жен

и кругомъ въ мертвомъ молчаніи отдыхали измученные бойцы, имена которыхъ теперь съ восторгомъ повторяетъ освобожденное отечество. Знали ли они тогда, что вся Италія черезъ какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ покроется мраморными и бронзовыми памятниками въ честь ихъ великаго подвига? Молчаніе царило здѣсь, тяжелое, зловѣщее... Всѣ знали, что посланный отъ республики ведетъ теперь переговоры съ эрцгерцогомъ Эрнестомъ, пододвинувшимся къ Фіорентино. Его высочество, выслушавъ Джіамбатиста Бонелли (впослѣдствіи тоже регентъ С.-Марино) объявило: «Передайте имъ, что я не принимаю никакихъ условій, кромѣ неограниченной покорности. Остального они могутъ ждать отъ моего милосердія, если... я увижу ихъ раскаяніе.»

Милосердіе австрійцевъ было хорошо извѣстно въ тѣ времена. Недаромъ шварценберговскія крѣпости были полнымъ-полны узниками, носившими тамъ вмѣсто именъ нумера и забытыми всѣми. Впрочемъ, это было еще счастьемъ, потому что о нихъ вспоминали только для того, чтобы разстрѣливать впизу, во рвахъ. Для этого не нужно было даже императорскихъ сентенцій. Этимъ страшнымъ правомъ жизни и смерти облечены были сами коменданты, избиравшіеся между людьми, жестокими и безжалостными, но пользовавшіеся репутаціей безусловной преданности.

— Я никогда не приму такого безчестнаго предложенія!—воскликнулъ Гарибальди, когда ему передали рѣшеніе австрійскаго эрцгерцога.

Положеніе было трагическимъ. Измученные солдаты колебались. С.-маринцы знали, что завтра австрійцы наводнятъ республику... но ни одинъ изъ нихъ не предложилъ Гарибальди покориться судьбѣ. Напротивъ, старикъ Симончини, хозяинъ кафе, служившій ему въ этотъ моментъ, проговорилъ сквозь зубы:

— Лучше умирать!...

Было уже два часа по полуночи на 1 августа. Регенты сидѣли въ palazzo, ожидая событій. Готовились къ защитѣ, какъ къ нимъ явился одинъ изъ высшихъ офицеровъ легіона, отъ имени Гарибальди, и передалъ отъ него конвертъ.

Бельцони распечаталъ.

«Условія, поставленныя австрійцами — невозможны, посему оставляю территорію республики. Когда вы получите это письмо, меня уже здѣсь не будетъ». Когда регентъ читалъ это, Гарибальди съ уцѣлѣвшими солдатами уже спускался внизъ, чтобы пробиться сквозь австрійскіе штыки.

Каменоломъ Дзани такъ разсказываетъ объ этомъ событіи:

Въ пять часовъ пополудни этого достопамятнаго дня я съ нѣкоторыми пріятелями сидѣлъ въ кафе Лоренцо Симончини, когда Франческо делла-Бальда, по прозвищу Попугай, вдругъ меня окликнулъ.

— Чего тебѣ?

— Послушай-ка. Ты не прочь отъ одного смѣлаго и хорошаго дѣла?

— Почему же нѣтъ!—отвѣтилъ я, уже догадываясь, въ чемъ суть.

— Такъ вотъ что. Генералъ Гарибальди нуждается въ проводникѣ, который ему укажетъ путь вонъ изъ республики. Но смотри—молчокъ! Понялъ, э?...

— Хорошо, я согласенъ... Вотъ моя рука.

Попугай повелъ меня на верхъ, гдѣ сидѣли Гарибальди съ Аннитой, Марокетти, Ченни, Леджіеро и другіе.

— Генералъ, вотъ надежный проводникъ.

Генералъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости. Делла-Бальда повторилъ ему свои слова. Тотъ всталъ, оглядѣлъ меня съ ногъ до головы (я до сихъ поръ не могу забыть его глазъ), спросилъ меня, знаю ли я горы и готовъ ли на всевозможныя опасности.

Всѣ взоры обратились на меня. Я смутился и ужъ не помню, что отвѣчалъ, смятенный и растерянный,— знаю только, что вызвалъ этимъ улыбку бѣдной Анниты. Гарибальди прошелся по комнатѣ, потомъ опять вернулся ко мнѣ.

— Послушай. Обдумай хорошенько свой планъ. Я хочу быть въ Чезенатико завтра утромъ. До какого мѣста ты ведешь меня?

— До Гаттео, генералъ. За нимъ я плохо знаю горы, но поручу васъ моему другу, который доставитъ васъ и всѣхъ вашихъ къ отмелямъ Чезенатико.

Тутъ вошли Анджелло Брунетти, римлянинъ Чичероваккіо съ сыномъ, Лоренцо и два или три офицера еще. Они съ Гарибальди и прежде уже находившимися въ комнатѣ сѣли за столъ. Всѣ были голодны. Имъ подали ѣсть. Меня пригласили тоже. Я былъ въ крайнемъ затрудненіи, но они заставили меня чуть не силой ѣсть и пить, но такъ ласково и радушно, что смущеніе мое тотчасъ же прошло. Ужинали молча. Всѣ были задумчивы. Къ концу явился посланный съ письмомъ. Гарибальди прочелъ его, подозвалъ всѣхъ своихъ офицеровъ и сказалъ имъ:

— Кто хочетъ со мной—идемъ! Я не сдамся! Мы не капитулировали передъ французами въ Римѣ, не положимъ оружія и передъ австрійцами въ С.-Марино.

Въ 11 часовъ ночи Гарибальди, Аннита, Чичероваккіо и всѣ офицеры спустились къ воротамъ С.-Франческо. Путь отсюда круто спускается внизъ. Кажется непривычному, что падаешь въ бездну. Ворота были заперты, но нашъ поручикъ Тонини тотчасъ же отворилъ ихъ генералу. Тотъ горячо пожалъ ему руку. Мы поѣхали къ Борго. Тамъ собралось двѣсти пятьдесятъ легіонеровъ, и большая часть верхами. Уго Басси съ другими отправился боковымъ путемъ съ моимъ старымъ другомъ Себастіаномъ Мацца, тоже хорошо знавшимъ наши горы.

Бѣдная Аннита! Я какъ будто сейчасъ ее вижу передъ собою. Въ лицѣ ни кровинки, только глаза горятъ. Большіе и печальные. Измученная, страдающая, въ послѣднемъ періодѣ беременности, а впереди еще такая ужасная дорога! Но я во всѣ эти дни не слышалъ отъ нея ни слова жалобы. Гарибальди былъ «затуманенъ» и нѣмъ. Онъ не говорилъ вовсе. Я ихъ провелъ козьими тропинками, въ Лонціано, почти въ виду «подлаго» врага, но такъ, что австрійцы, какъ слѣпые кроты, не замѣтили насъ. Отъ Лонціано до Гаттео путь былъ еще хуже, но, слава Богу, мы его одолѣли. Тутъ я оставилъ генерала.

— Прощай, Дзанни! — пожалъ онъ мнѣ руку. — Отъ всего сердца благодарю тебя и черезъ десять лѣтъ надѣюсь увидѣться съ тобой при болѣе счастливыхъ условіяхъ.

Я плакалъ, разставаясь съ ними. Точно у меня отъ сердца съ кровью отрывали что-то!

IX.

Я познакомился со многими въ этой крошечной республикѣ, видѣлъ членовъ знаменитаго «совѣта XII» и капитановъ-регентовъ, какъ nobile Бонелли, такъ и plebbeo. Все это народъ простой, очень строгій въ своихъ обязанностяхъ и поглощенныхъ работою. Въ ней вся наша сила и защита, говорятъ они. Остальная Италія можетъ бездѣльничать: ежегодно милліоны путешественниковъ привозятъ ей деньги и средства. С.-Марино надѣется только на самого себя! Регенты только разъ въ шесть мѣсяцевъ, въ день своего избранія, являются въ нѣкоторой помпѣ. Народъ ихъ видитъ въ черномъ бархатномъ средневѣковомъ костюмѣ, въ такихъ же мантіяхъ и береттахъ. Старые регенты и вновь избираемые послѣ молебствія въ соборѣ выходятъ на площадь во главѣ наличныхъ военныхъ силъ могущественной республики, состоящихъ изъ двадцати двухъ солдатъ и двухъ офицеровъ.

Пятьдесятъ человѣкъ милиціи, на шляпы которой ощипываются всѣ пѣтухи въ С.-Марино, поражаютъ восхищенныхъ гражданъ своимъ бравымъ видомъ и тоже состоящая въ спискахъ «дѣйствующей арміи» banda musicale играетъ національный гимнъ и маршъ къ вящему восторгу здѣшнихъ дамъ и дѣвицъ. Регенты новые приносятъ присягу,— старые выслушиваютъ благодарность. Совѣтъ въ palazzo governamentale дѣлаетъ тѣмъ и другимъ подобающее внушеніе, и затѣмъ всѣ расходятся на шесть мѣсяцевъ. Торжество это въ послѣдній разъ стоило С.-Марино четыреста пятьдесятъ франковъ, включая и подарокъ регентамъ. По окончаніи его, мантіи, бархатные беретты, кафтаны, пестрые пояса, шелковые чулки, башмаки съ пряжками складываются въ шкапъ—и все входитъ въ обычный порядокъ. Регенты садятся на свои троны въ залѣ «большого совѣта» и контролируютъ дѣйствія старыхъ, вышедшихъ въ отставку; старые—спокойно садятся на ословъ и уѣзжаютъ въ свои виноградники, сады или уходятъ въ каменоломни. Милиція расходится по мастерскимъ, магазинамъ, полямъ, и офицеръ, поражавшій васъ только что великолѣпіемъ пѣтушьяго убора, начинаетъ спокойно стругать дерево, боронить землю, отвѣшивать бакалеи... Только «banda musicale» этотъ и слѣдующій день обходитъ все государство, утѣшая слухъ его горожанъ и поселянъ аріями изъ «Фаворитки», «Травіаты», «Луччіи...» Простые и скромные люди начинаютъ свое простое и скромное дѣло, и когда явится нежданно-негаданно такой туристъ, какъ я, — они съ искреннимъ удивленіемъ размышляютъ, что это ему здѣсь понадобилось,—кажется, нѣтъ у нихъ ничего особеннаго, хотя именно это отсутствіе особенностей и составляетъ ихъ истинное счастіе.

Въ послѣдній день я лазилъ въ замки, видѣлъ тюрьму. Она очень внушительна. Точно гнѣздо, прилѣпилась къ верхушкѣ скалы и въ самое небо взвилась громадною башней, но у дверей ея сидѣлъ сторожъ. Лѣтъ ему семьдесятъ, и такъ какъ тутъ работа—общій законъ—и этотъ страшный церберъ вязалъ чулокъ.

— Можно посмотрѣть тюрьму?

— А смотрите, что вамъ мѣшаетъ.

— Но ваши преступники?

— Какіе?—и онъ удивленно поднялъ на меня подслѣповатые глаза.

— Какъ какіе... обыкновенно какіе бываютъ.

— А что имъ здѣсь дѣлать! Три года тому назадъ, правда, сидѣлъ одинъ такой. А теперь все благополучно.

Тюрьма, дѣйствительно, оказалась пуста. Подъ смягчающимъ

вліяніемъ довольства и образованія въ этой идиллической республикѣ прекратились даже частыя нѣкогда «coltellata». Ссоры оканчивались ударами стилета. Но съ тѣхъ поръ, какъ всѣ проходятъ черезъ школу и старое невѣжество отодвинулось въ область преданій, «поножовщины» не случается больше. Кровавая месть даже прекратилась, а воровать и грабить незачѣмъ,—каждому достаточно своего!... С.-Марино уже теперь проектируетъ нѣкогда страшную тюрьму обратить въ музей, благо помѣщеніе нынѣшняго очень тѣсно... Остальные замки почти пустуютъ. Со своихъ грозныхъ скалъ, такъ мрачно нависшихъ надъ мирными долинами, онѣ намъ только свидѣтельствуютъ о далекихъ тяжкихъ временахъ, которыя достались на долю этой республикѣ...

Я уѣзжалъ отсюда въ яркую лунную ночь.

Облитое серебрянымъ свѣтомъ, все это поднебесье долго еще видѣлось мнѣ торжественными башнями, стѣнами, обрывами въ глубину безднъ, откуда курились туманы, скалами, увѣнчанными замками, со всѣмъ миражемъ, такъ выпукло остающимся въ памяти... Жалко было уходить въ долины, внизъ, оставлять навсегда кроткій уголокъ, гдѣ царствуетъ трудъ и достатокъ въ обрѣзъ, гдѣ нѣтъ притѣснителей и жертвъ, нѣтъ искусственныхъ потребностей и отсутствуетъ зависть. Даже не вѣрилось, что на землѣ еще сохранился такой уголокъ!... Да хранитъ его судьба долго еще отъ нашихъ разочарованій и несбывшихся надеждъ, отъ горделиваго величія однихъ и подлой приниженности другихъ...

Потомъ, когда я проѣзжалъ на этотъ разъ по всему адріатическому поморью и заглядывалъ въ бѣлые плоскокровельные городки Апуліи, мнѣ часто приходило въ голову С.-Марино на своихъ скалахъ. Тутъ все кругомъ кипѣло разладомъ, бѣшенствомъ, враждою. Страна, разоренная непосильными вооруженіями, негодующая на своихъ правителей, извѣрившаяся во всемъ, народъ, бѣгущій отъ нищеты и преслѣдованій въ Америку, подъ убійственное солнце, въ пустыни Амазонки и Ориноко, язва чиновничества, разъѣдающая благословенныя небомъ, плодороднѣйшія въ мірѣ земли, и всюду подпочвенная работа новыхъ силъ, подтачивающихъ старыя твердыни... Невольно рисовалась мнѣ эта тихая, серебристая ночь, спящій подъ луною городъ, его пустующіе замки и вся трудящаяся сама на себя и ни подъ чье иго не склоняющая своей выи—эта крошечная республика каменоломовъ.

Вас. Немировичъ-Данченко.

АРМАТУРА *).

Романъ Поля Эрвьё.

VII.

Жакъ д'Эксирёйль.

Послѣ обѣда Жизель, не совсѣмъ здоровая, прилегла на кушетку въ своей комнатѣ. Молодая женщина поблѣднѣла немного, но была все такъ же хороша въ голубомъ бархатномъ капотѣ, обшитомъ мѣхомъ, ласкавшимъ ея шею. Отъ времени до времени Жизель громко кашляла, но въ сущности то была легкая простуда, захваченная ею,—какъ она думала,—въ театрѣ, въ ложѣ Сафра, или на обѣдѣ у Диди де-Мюлевиль, или же въ концертѣ, куда она ѣздила съ Бреганами и опять-таки съ неизбѣжнымъ барономъ Сафромъ. Мадамъ д'Эксирёйль давно уже выискивала всякіе поводы къ тому, чтобъ уменьшить число вечеровъ, проводимыхъ ею вдвоемъ съ мужемъ. Въ прежнее время, наоборотъ, она прибѣгала къ разнымъ хитростямъ, чтобъ избавиться отъ выѣздовъ и провести время въ милой бесѣдѣ съ Жакомъ. Но эта добрая привычка миновала, и даже сердце не влекло уже къ ней вернуться.

И въ этотъ вечеръ Жизель углубилась въ чтеніе, отдѣлываясь тѣмъ отъ разговоровъ, сдѣлавшихся для нея настоящей пыткой. Молодая женщина предпочитала теперь молчать, подчиняясь общему закону, въ силу котораго людямъ не о чемъ говорить, разъ они не могутъ все сказать другъ другу.

Жакъ д'Эксирёйль тоже доволенъ былъ молчаніемъ и отдался думамъ объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ, сообщать о которомъ женѣ онъ пока не находилъ нужнымъ. Недавно онъ замѣтилъ, что богатству Сафра грозитъ большой погромъ. Повинуясь

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1897 г.

кастовому чувству товарищества, Жакъ счелъ своею первою обязанностью, налагаемою свѣтскими приличіями, предупредить объ этомъ графа де-Громмелена. Сдѣлавши это, онъ принялся убѣждать самъ себя въ неосновательности пессимизма. Постоянныя сношенія съ барономъ успѣли показать ему на дѣлѣ, какъ управляется со всякими затрудненіями финансовый богатырь, съ которымъ ему приходилось теперь дѣйствовать заодно. Наслушавшись его безстыдныхъ сужденій о людяхъ и дѣлахъ, Жакъ приходилъ почти къ убѣжденію, что Сафръ приберегаетъ на всякій случай какое-нибудь совершенно неправдоподобное средство, и разсчитывалъ, какъ въ послѣднюю минуту ни передъ чѣмъ не остановится и выйдетъ побѣдителемъ тотъ, кого онъ съ фамильярностью истиннаго почитателя называлъ «своимъ старикомъ», когда только одна Жизель могла это слышать... и обязана была этому посмѣяться.

Жакъ стоялъ у камина, заложивши руки назадъ, въ спокойной позѣ человѣка, считающаго себя вправѣ не стѣсняться. Вошелъ слуга и тотчасъ же удалился, подавши г-ну д'Эксирёйлю на серебряномъ подносѣ телеграмму. Тотъ съ неторопливою небрежностью оторвалъ пробитые и заклеенные края посланія.

— Что это такое?—спросила Жизель, на секунду отрываясь отъ чтенія.

Выраженіе лица Жака нисколько не измѣнилось, онъ только удивленно раскрылъ глаза.

— Пустяки,—отвѣтилъ онъ.—Безсмыслица!

— Безсмыслица спѣшная, во всякомъ случаѣ, такъ какъ вамъ ее телеграфируютъ.

Изъ голубой бумажки онъ скомкалъ шарикъ. Надо было какъ можно скорѣе уничтожить ее, чтобы предупредить даже возможность показать ее. Жакъ бросилъ депешу въ каминъ, она отскочила и покатилась по ковру. Д'Эксирёйль быстро подхватилъ ее щипцами и засунулъ въ огонь.

— Это забавно,—замѣтила Жизель, слѣдя за движеніями мужа.—Что значитъ это секретничанье?...

Она притворно разсмѣялась. Но все, что дѣлалось вокругъ нея сколько-нибудь необычнымъ образомъ, представлялось таинственнымъ ея чрезмѣрной подозрительности.

— Пустяки! — возразилъ Жакъ. — Тутъ была гадость, и я сжегъ ее!...

Жизель не настаивала и принялась опять за книгу, откинувшись плечами на спинку кушетки. Глаза молодой женщины были внимательно устремлены на раскрытую страницу, но строки, точ-

но въ туманѣ, сливались въ темныя линейки, лишенныя всякаго смысла.

Жакъ, раздраженный необходимостью напрягать мысль болѣе, чѣмъ обыкновенно, возбужденный безсильнымъ бѣшенствомъ, не находящимъ, на кого обрушиться, терялся въ предположеніяхъ относительно происхожденія полученнаго посланія. Никто изъ всѣхъ его знакомыхъ не казался ему способнымъ на подобную мерзость. А помимо этого круга, у него враговъ нигдѣ не было. Онъ не могъ себѣ представить даже повода къ злобѣ на него съ чьей-либо стороны. Тѣмъ не менѣе, фактъ былъ на-лицо и ясно свидѣтельствовалъ о существованіи жестокой ненависти, вооружившейся противъ Жака. И онъ чувствовалъ, какъ судорожно сжимались его пальцы, державшіе за минуту передъ тѣмъ доказательство отвратительной злобы!... Ему казалось допустимымъ одно предположеніе, что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, самъ того не подозрѣвая, онъ возбудилъ чью-нибудь зависть. Весьма возможно, что онъ разрушилъ чьи-нибудь разсчеты, перешелъ кому-нибудь дорогу, занявши мѣсто, настолько выгодное, какъ то, которое доставило ему довѣріе барона Сафра.

Одну за другою Жакъ разбиралъ фразы, написанныя на «голубой бумажкѣ»... Изъ всѣхъ злостныхъ инсинуацій, поистинѣ, самою неудачною была фраза, въ которой говорилось о томъ, что онъ сдѣлался «посмѣшищемъ всего Парижа». Чтобы разсѣять всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи, автору анонимной клеветы достаточно было бы видѣть Жака нѣсколько часовъ назадъ, въ то время, какъ онъ, передъ обѣдомъ, заходилъ въ клубъ. Всякій могъ легко убѣдиться въ томъ, какъ ухаживаютъ за нимъ, какъ разспрашиваютъ его и какъ внимательно слушаютъ его отвѣты о политикѣ и о биржѣ Ринженленъ и Арколь, и маркизъ де-Фе... и цѣлая толпа... Противъ очевидности никакой споръ невозможенъ! Жакъ отлично сознавалъ, что къ его совѣтамъ обращаются, точно къ оракулу, съ тѣхъ поръ, какъ его выдающіяся способности такъ высоко цѣнятся самимъ барономъ Сафромъ!...

А затѣмъ, на какого «искренняго друга» намекаетъ безымянный доносъ?... Кого можно было бы заподозрить? Никого изъ пріятелей, принятыхъ въ домѣ, нельзя было назвать «искреннимъ другомъ»... Правда, Жакъ и Жизель были хороши со многими, но—хороши почти одинаково со всѣми въ мѣру, допускаемую самыми строгими приличіями. Изъ наиболѣе близкихъ, Мюльвиль, Кайстрёнъ, Бреганъ—женаты. Тарсюль, Шаласе и Реневъ, правда, холостые. Но никто изъ нихъ не былъ принятъ въ домѣ на болѣе

короткой ногѣ, чѣмъ такой человѣкъ, котораго нельзя считать ни другомъ, ни пріятелемъ, а самое большее — полезнымъ знакомымъ, то былъ баронъ Сафръ!

Что же касается упрека въ томъ, будто онъ на содержаніи у жены, то Жакъ находилъ его еще болѣе нелѣпымъ и дикимъ, чѣмъ все остальное... Милая бѣдняжка! Жакъ первый отъ всей души жалѣлъ ее, лишенную семьи, поддержки близкихъ родныхъ, вынужденную всегда и во всемъ разсчитывать только на силы мужа... который можетъ умереть, заболѣть... О! Жакъ отлично зналъ, чуть не сантимъ въ сантимъ, что тратитъ Жизель, что получаетъ она отъ него одного, мужа-труженика, работа котораго сразу сдѣлалась продуктивною, хорошо оплачиваемою, благодаря барону Сафру...

Однако, постоянное повтореніе этого имени заставило, наконецъ, Жака сообразить, какое на самомъ дѣлѣ значеніе пріобрѣтаетъ баронъ въ его жизни. Фигура барона Сафра неизмѣнно оказывается въ перспективѣ, при всѣхъ разсужденіяхъ о побѣжденныхъ затрудненіяхъ, объ удачахъ, при всѣхъ сравненіяхъ кого бы то ни было изъ знакомыхъ.

Само собою разумѣется, Жакъ не поддался искушенію проявить даже мысленно неблагодарность злобнымъ чувствомъ къ благодѣтелю... Но, все-таки, не виноватъ ли баронъ Сафръ въ томъ, что на него, Жака, сдѣлано это анонимное нападеніе? На самомъ дѣлѣ, не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ враждебно-гадкія предположенія вызваны поведеніемъ барона, его полнымъ презрѣніемъ къ тому, что «могутъ подумать», что «могутъ сказать», его грубою и высокомѣрною манерой одолжать людей безъ малѣйшей осторожности. И вотъ, такимъ одолженіемъ Жакъ воспользовался, хотя былъ удивленъ, пораженъ даже, когда Сафръ устроилъ для него у себя въ правленіи нѣчто вродѣ синекуры, которую принять оказалось возможнымъ лишь потому, что это почетное и доходное мѣсто. Жакъ д'Эксирёйль сознавалъ, конечно, что своими способностями и дѣловитостью онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе барона Сафра, сдѣлавшаго въ его лицѣ очень счастливый выборъ! Но Жакъ отлично помнилъ, какъ слегка возмущался его тактъ вначалѣ тѣмъ, что выборъ этотъ,— очень лестный для него,—состоялся по внѣшнему виду, такъ сказать.

Вдругъ мысль, простая и ясная, съ опредѣленностью инстинктивнаго пониманія возникла въ головѣ Жака и разсѣяла всѣ пустыя и обманчивыя думы, вертѣвшіяся въ ней.

О, до подозрѣнія въ чемъ-либо Жизели было еще далеко!... То былъ лишь проблескъ ясновидѣнія, по милости котораго онъ начи-

налъ въ смутныхъ формахъ различать правду и постепенное нарастаніе своихъ чувствъ антипатіи, недовѣрія, глубокой непріязни къ Сафру...

Дѣло въ томъ,—разсуждалъ онъ самъ съ собой,—что, еслибъ жена измѣняла мнѣ, развѣ я не чувствовалъ бы себя точь-въ-точь такъ же, какъ въ настоящую минуту?... Вздоръ это, разумѣется, такое предположеніе нелѣпо, но, вѣдь, это же и есть только предположеніе... И что же выходитъ? Я бы думалъ, что этого нѣтъ, какъ разъ такъ, какъ думаю это теперь! Вѣрю я женѣ такъ же точно, какъ вѣрили своимъ женамъ всѣ мужья, надъ которыми я самъ потѣшался!... Я убѣжденъ въ томъ, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Но гдѣ же доказательства тому? Изъ чего это явствуетъ? Какъ узнать это доподлинно?... Сходство между мною и наивными мужьями бросается въ глаза, а различіе, если таковое существуетъ, остается, разумѣется, невидимымъ и ничѣмъ доказано быть не можетъ, кромѣ моего довѣрія!...

А тутъ еще меня увѣдомляютъ, предостерегаютъ меня... Правда, не говорятъ ничего опредѣленнаго, но мнѣ пишутъ, однако, о такихъ вещахъ, на которыя мнѣ слѣдовало бы, по меньшей мѣрѣ, обратить вниманіе... А я стою тутъ цѣлые полчаса, спокойный, какъ ни въ чемъ ни бывало, не притрогиваясь даже къ этому вопросу!...

И Жакъ д'Эксирёйль почувствовалъ настоятельнѣйшую необходимость какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ того настроенія, которому онъ поддался. Если бы ему грозили теперь всѣ громы небесные, онъ не примирился бы съ мыслью о возможности быть обманутымъ!...—Да въ сущности, — продолжалъ онъ думать,—кто подозрѣваетъ, тотъ уже не обманутъ, а если и былъ обманутъ, то съ минуты возникновенія подозрѣнія обмана уже не существуетъ.— И, подъ вліяніемъ такого-то горькаго утѣшенія, онъ отдался самымъ жестокимъ подозрѣніямъ.

Онъ всматривался въ жену, лежащую въ красивой позѣ, съ неподвижнымъ лицомъ, ничего не выражающимъ. И въ эту минуту Жакъ соображалъ, что она выказала очень странное безучастіе къ тому, что только-что произошло, не поинтересовалась узнать содержаніе полученной телеграммы. Что могло удержать отъ разспросовъ его жену, всегда крайне торопливую и настойчивую съ своимъ любопытствомъ?

Жакъ сказалъ:

— Надѣюсь, вы не въ претензіи на меня?

Жизель покачала головой отрицательно, не отрывая глазъ отъ

книги. Жакъ замѣтилъ, что, при молчаливомъ отвѣтѣ, она не высказала ни малѣйшаго удивленія... Почему она не спросила его предварительно, за что могла она быть въ претензіи? Не ясно ли, что все время ея мысль была занята этимъ, въ сущности, ничтожнымъ случаемъ?...

— Я поступилъ, быть можетъ, опрометчиво, — продолжалъ д'Эксирёйль.—Вы могли, пожалуй, заключить изъ этого, что и у меня есть какая-нибудь тайна, которую я скрываю отъ васъ?

Жизель не подняла головы, отвѣтила такимъ же молчаливымъ отрицаніемъ, немного лѣниво и какъ будто разсѣянно.

Неужели она до такой степени увлечена своимъ чтеніемъ?... Жакъ вспомнилъ, что недавно еще она была совершенно другою, когда онъ, хотя бы издали, начиналъ говорить съ нею. Бывало, она тотчасъ же выпускала изъ рукъ какое бы ни было занятіе, романъ или вышиваніе, чтобы слушать мужа, не спуская глазъ съ него...

А затѣмъ ему казалось, будто Жизель такъ и застыла въ своей неподвижной позѣ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ стало очевиднымъ, что она не позаботилась даже перевертывать страницы книги. Жакъ насторожился весь, затаилъ дыханіе и слѣдилъ за женой, увѣренный на этотъ разъ, что относительно одного пункта, по крайней мѣрѣ, онъ словитъ ее, выждавши торопливо возможность уличить ее.

Жакъ зналъ уже достовѣрно, что ея чтеніе было простою комедіей! Но о чемъ же задумалась Жизель?... Совершенно неправдоподобно было предполагать, что она въ какой-либо мѣрѣ зачуяла встревожившее его содержаніе телеграммы... А, впрочемъ, не могла она развѣ знать заранѣе, что нѣчто подобное угрожаетъ ей?... Если она въ самомъ дѣлѣ измѣнила, то должна же она чувствовать себя въ опасности и ждать каждую минуту, что такъ или иначе обнаружится обманъ!... О, какъ дознать, скрывается что-нибудь или ничего не таится въ этой обожаемой головкѣ, быть можетъ, ненавистной уже до отвращенія?... Да, какъ разобрать въ недоступномъ мракѣ чужихъ мыслей, притворство ли укрываетъ тайну, или набѣжали думы, чуждыя какой бы ни было лжи?...

Вдругъ Жакъ окликнулъ жену такимъ голосомъ, въ которомъ она разслышала огромную тревогу.

— Жизель!—крикнулъ онъ и смолкъ.

Обращая къ нему свое задумчивое лицо, она придала ему, на этотъ разъ, удивленное выраженіе, но въ то же мгновеніе растерялась, увидавши его странный взглядъ, упорно устремленный на

нее. Черты ея лица ничуть не измѣнились, не дрогнули даже, — настолько велико, почти грандіозно было ея смущеніе. Въ эту секунду, когда всѣ нравственныя и чувственныя связи этихъ двухъ существъ подсказывали имъ обоюдно наступленіе чего-то трагическаго, идеальнѣйшій изъ психическихъ феноменовъ совершился въ молодой женщинѣ. По всей кожѣ ея проступила краснота,— обличительная волна всколыхнувшейся совѣсти.

Краснота Жизели усиливалась, разгоралась какимъ-то адскимъ пламенемъ. Несчастная женщина чувствовала себя беззащитною, выданною головой таинственной уликой тѣла, отказывающагося прикрывать измѣну души и возмущеннаго ея виновностью.

Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній это молчаливое признаніе горѣло, точно свѣтъ правды, въ тишинѣ комнаты.

Жакъ, не помня себя, бросился къ женѣ.

Не зная, не соображая, что дѣлать, что говорить, Жизель чувствовала, какъ замерла ея мысль, исчезли силы, пропали всѣ уловки хитрости и лжи, почти допустимой въ той крайности, когда смертельный страхъ овладѣваетъ всѣмъ существомъ слабой женщины... Наконецъ, все въ ней трепещущее и объятое ужасомъ, все еще живое, было сдавлено сильными пальцами, сомкнувшимися на ея рукахъ, точно желѣзными тисками.

Придвинувшись близко, смотря прямо въ глаза женѣ, Жакъ выговорилъ рѣшающее слово, уничтожающее всякую надежду на сомнѣніе, всякую возможность отрицанія, подавляющее слово, неотразимое, ужасное:

— Сафръ!...—прохрипѣлъ онъ.

Этимъ сказано было все. Ему нечего было добавлять, ей отвѣчать было нечего. Этотъ короткій возгласъ все объяснялъ обоимъ. Жизель не разжала губъ и только отвернула лицо отъ страшнаго дыханія, которое жгло его.

— Стало быть, правда?...

Она опять не проговорила ни слова, только стонъ вырвался изъ ея груди. Жизель закрыла глаза и судорожно билась, пытаясь инстинктивно высвободить руки, стиснутыя до невыносимой боли.

— Да отвѣчайте же что-нибудь!... Говорите... кричите, что ли! — неистовствовалъ д'Эксирёйль, встряхивая ее, чтобы поднять на ноги.

Движеніе было настолько рѣзко, что она не устояла и упала на колѣни.

— Мнѣ отвѣчать нечего...—проговорила она, рыдая.—Наконецъ, я вздохнула, такъ какъ не лгу больше!

— Вы знаете, чего заслуживаетъ такая женщина, какъ вы?

— Да, ты можешь убить меня... Теперь я освободилась отъ лжи... я счастлива... люблю тебя!

— Молчите!

— Люблю тебя!... люблю! — повторяла она восторженно.

И она припала губами къ рукамъ мужа, только-что причинявшимъ ей такую жестокую боль.

— Довольно гримасъ!... Негодница, сдѣлавшаяся любовницей стараго развратника!

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты не долженъ говорить это!... Жакъ, ты знаешь, что это неправда, что не было этого... Еслибы ты способенъ былъ повѣрить этому, я уже не могла бы любить тебя. Ты былъ бы хуже меня!... О, этотъ отвратительный человѣкъ... я была только его жертвой въ ужасныя минуты... рабой, которую тиранятъ, которою чудовищно тѣшатся!...

— Не вздумайте увѣрять, что ваша добродѣтель подверглась насилію.

— А, ты насмѣхаешься, а въ дѣйствительности такъ это и было. Я клянусь въ томъ!...

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы скрывали отъ меня?... Вы обязаны были тотчасъ же сказать, чтобъ я могъ немедленно отомстить за насъ обоихъ.

Жизель ничего не отвѣтила.

— Стало-быть, — продолжалъ д'Эксирёйль, — вы простили этому господину?... Не дальше, какъ вчера вечеромъ, вы, повидимому, довольно снисходительно относились къ нему...

— О, мучитель! ты отлично сознаешь, что только правду открываю я тебѣ моимъ любящимъ сердцемъ!... Выпытывай же ее всю, хотя бы цѣною моей жизни, только сразу!

— Довольно фразъ!... Послѣ того, какъ вы, по вашимъ словамъ, подверглись насилію, повторялись или нѣтъ покушенія этого разбойника?

— Я всегда ненавидѣла его, отталкивала, осыпала оскорбленіями!

— И этимъ онъ довольствовался?

— О, Боже мой!—стонала Жизель въ отчаяніи.—Выслушай меня, Жакъ! Послѣ того ужаснаго дня, я вновь испытала тотъ же позоръ... А! сжалься! Не убивай меня, дай мнѣ кончить!... Да, его требованія вскорѣ повторились, принудили меня переживать

стыдъ, отъ котораго я чуть не умирала. И я видѣла, что нѣтъ мнѣ отъ него спасенія, что нѣтъ конца моимъ страданіямъ!

Жакъ выпустилъ ея руки и въ припадкѣ бѣшенства сжималъ кулаки.

— Ты! — воскликалъ онъ.—Ты и этотъ человѣкъ! Онъ обнималъ тебя, какъ я обнималъ... цѣловалъ, какъ я!...

И онъ провелъ руками по глазамъ, какъ бы отгоняя отъ себя страшное видѣніе.

Сидя на колѣнахъ, Жизель закрывала лицо руками и низко опустила голову.

Жакъ подошелъ къ женѣ, грубо схватилъ ее за бѣлокурые волосы, собранные въ косу на затылкѣ, и, дикимъ движеніемъ приподнявъ, откинулъ назадъ ея голову.

— Зачѣмъ вы это дѣлали?... Какъ вы могли дѣлать это?

Едва дыша, Жизель отвѣчала слабымъ голосомъ:

— Я не заслуживаю пощады... Все, чему учили меня въ жизни, всѣ убѣжденія мои доказываютъ мнѣ, что нѣтъ мнѣ прощенія, что нѣтъ болѣе ужаснаго оскорбленія, чѣмъ то, въ которомъ ты требуешь отчета... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, внутри меня что-то протестуетъ противъ твоего осужденія и противъ осужденія всѣхъ, что-то возмущается во мнѣ и вопіетъ въ мою защиту!

Жакъ пересталъ терзать ее физически, выпустилъ ея волосы и проговорилъ:

— Теперь, объясненія! Мнѣ нужны они... и безъ увертокъ!

Оставаясь все еще на колѣняхъ, Жизель выпрямилась.

— Позволь мнѣ,—умоляла она,—говорить долго, по крайней мѣрѣ, пять минутъ. Не сердись, если я сумѣю объяснить лишь то, что знаю... Какъ это случилось?... Да, какъ?... Но и ты тоже, и ты долженъ припомнить, что собирался уѣхать на край свѣта. Ты сказалъ мнѣ, что намъ необходимо разстаться на годъ, на два, быть можетъ, на три года. Для меня это было равносильно разлукѣ навсегда... Ты мирился съ мыслью, что можно продолжать жить, не будучи вмѣстѣ! А, вѣдь, ты очень любилъ меня, не такъ ли?

Она пріостановилась, осмѣлившись, наконецъ, взглянуть на мужа. Слезы катились по ея пылающимъ щекамъ и крупными каплями падали на пушистый мѣхъ воротника.

— Такъ, вѣдь, такъ... — продолжала она, складывая руки, точно на молитву,— ты очень любилъ меня!... Развѣ и теперь не вижу я, что ты все-таки меня любишь!... О, не говори «нѣтъ»: ты любишь, любишь! И это мнѣ всего тяжелѣе!... Нѣтъ большей

пытки, какъ знать это, услышать отъ тебя, еслибы ты опять захотѣлъ повторить мнѣ это, какъ бывало!...

При этой мысли, она откинулась назадъ съ безумнымъ отъ страха взоромъ.

— Тебѣ, какъ мужчинѣ,— снова заговорила она,— казалось возможнымъ, вполнѣ естественнымъ даже, покинуть меня, оставить одну, чтобы самому бодро исполнить долгъ чести. Такъ ужъ рѣшено заранѣе, такъ установлено, что для мужчинъ честь выше всего и удовлетворена должна быть прежде всего. Противъ этого любовь не можетъ ничего подѣлать, любви вы отдаете лишь остатки своего времени и своихъ чувствъ... А я — женщина, любящая женщина, обожавшая тебя... обожающая и теперь, вѣрь мнѣ, Жакъ, вѣрь мнѣ... И когда любовь къ тебѣ говорила во мнѣ со всею силой страсти, я уже не думала о моей чести. Ради любви ты могъ мнѣ все предложить: уѣхать вмѣстѣ съ тобою куда бы ни было, дѣлать что пришлось бы или умереть вмѣстѣ... Я на все была согласна, на все готова, умоляла тебя объ этомъ, лишь бы съ тобою, лишь бы не разставаться!... Нѣтъ, мнѣ легче было стать преступною женой, лгать тебѣ каждый день, опозорить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ... Мнѣ легче было изнывать и ждать такой минуты, какъ эта, когда ты отвернешься отъ меня съ отвращеніемъ. Но выше силъ моихъ было разстаться съ тобой, не видать тебя, не быть около тебя, не слыхать твоего голоса, хотя бы дрожа отъ угрызеній совѣсти, отъ сознанія своей вины!... И вотъ, видя, что удержать тебя остается только одно омерзительное средство, я слишкомъ слабо и трусливо защищалась... Но и сейчасъ развѣ не чувствуешь ты, какое счастье для меня, что ты здѣсь, со мною... презираешь меня, ненавидишь, растопчешь, если захочешь... и все же не можешь помѣшать мнѣ ползать у твоихъ ногъ, цѣловать твои слѣды?...

И Жизель ползала у его ногъ, склонялась къ нимъ головой, обнимала его колѣна, какъ бы умоляя убить ее тутъ же на мѣстѣ, если не хочетъ онъ спасти ее отъ крушенія...

Въ душѣ Жака д'Эксирёйля шевельнулось чувство жалости. Онъ поднялъ несчастную женщину. И, какъ умирающій, по неуловимымъ признакамъ ощущаетъ возвратъ къ жизни, такъ Жизель почувствовала, что она спасена.

Жакъ не проговорилъ ни слова, страшная судорога сдавила ему горло, и онъ залился слезами.

— А! вотъ что я заслужила,— воскликнула Жизель. — Это наказаніе мнѣ тяжелѣе всего, передъ нимъ я совсѣмъ изнемогаю.

Она почти упала на кресло, къ которому ее подвелъ мужъ. Новые разспросы, рѣзкіе и мучительные, вернули ее къ дѣйствительности.

Жакъ отеръ слезы и старался казаться спокойнымъ. Онъ спрашивалъ холодно, торопливо, безъ раздраженія, хотѣлъ знать все, во всѣхъ подробностяхъ... Твердо и послѣдовательно, съ безстрастіемъ судьи, ведущаго уголовный процессъ, онъ допытывался до самой сокровенной глубины дѣла. И такъ поразительно велико было воздѣйствіе раскрываемой истины, что, при каждомъ новомъ признаніи, мужу казалось, будто онъ мало-по-малу возвращаетъ себѣ свою жену.

Волненіе обоихъ, видимо, улеглось. Невыносимая жажда томила Жизель. Молодая женщина робко заявила объ этомъ, точно сомнѣваясь въ томъ, что это позволительно теперь. Мужъ приготовилъ ей питье и придерживалъ стаканъ въ ея рукѣ, дрожавшей отъ нервной тревоги и отъ холода.

Времени прошло много, и каминъ давно погасъ. Постель молодой женщины оказалась приготовленною заранѣе, въ виду нездоровья, вынудившаго ее цѣлый день провести въ своей комнатѣ. Жакъ предложилъ женѣ лечь, укрыться хорошенько, и самъ помогъ ей раздѣться.

Жизель послушно легла въ постель и почувствовала громадное облегченіе. Жакъ сѣлъ на кресло у ногъ своей жены... О, какъ сладко было ей видѣть его около себя! Онъ не покинулъ ее, не ушелъ въ свою комнату, сѣлъ безъ колебанія на мѣсто, принадлежащее ему по праву.

Ни онъ, ни Жизель не думали о снѣ. Оба они молчали, по временамъ ихъ взгляды встрѣчались и тотчасъ же уклонялись въ сторону.

Покорный своей участи и задумчивый, Жакъ сдвигалъ свои черныя брови и сознавалъ всю тяжесть собственной отвѣтственности. Онъ самъ разрушилъ ихъ семейное счастье, по его винѣ,—безсознательной, правда,—опозорена его жена, и, что всего ужаснѣе, опозорена изъ-за страстной любви къ нему... И, не имѣя силъ отдаться всецѣло своему раскаянію, онъ рѣшительно погрузился въ думы о мщеніи...

... Было семь часовъ утра, когда Жакъ вдругъ поднялся на ноги. Онъ открылъ драпировки окна и, при слабомъ свѣтѣ наступающаго дня, увидалъ въ зеркалѣ свое лицо, истомленное безсонницей, блѣдное, осунувшееся, съ выраженіемъ готовности на всякое злодѣйство.

Не медля ни секунды, онъ направился къ двери.

Жизель приподнялась на постели.

— Куда ты?—спросила молодая женщина.—О, не оставляй меня одну... побудь со мной.

И, видя, что онъ не возвращается, она встала, послѣдовала за нимъ, хотѣла удержать его, обвившись руками вокругъ его шеи.

Жакъ рѣзкимъ движеніемъ высвободился изъ ея объятій и проговорилъ злымъ, угрожающимъ голосомъ:

— Не мѣшайтесь въ то, что васъ не касается!

— Что ты хочешь дѣлать?—прошептала она, блѣднѣя.

— Идти къ барону Сафру.

Она заломила руки въ отчаяньи.

— Жакъ... что ты задумалъ?

Онъ отвѣтилъ просто, точно это было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, неизбѣжнымъ и вполнѣ своевременнымъ:

— Убить его!

— О, нѣтъ! Не ходи къ нему... Это ужасный человѣкъ, съ которымъ ты ничего не можешь сдѣлать!... Онъ сумѣетъ обрушить на тебя все несчастье!

Жакъ взглянулъ на жену съ выраженіемъ непоколебимой рѣшимости и возразилъ:

— У кого на сердцѣ все то, что меня укрѣпляетъ, тотъ одолѣетъ самаго сильнаго!

Жизель опустила голову передъ пылкостью такого чисто-мужского чувства, сознавая еще разъ невозможность что-либо возражать противъ него. Въ бѣшенствѣ мужа ей слышались опять грозныя требованія чести, заглушающія боязливый голосъ любви.

— По крайней мѣрѣ, не ходи безоружнымъ!—умоляла молодая женщина.

Д'Эксирёйль отвѣтилъ, задыхаясь и кусая губы:

— Я схвачу его за горло, вырву ему языкъ и глаза, ногами размозжу ему голову!...

Отъ обѣщанія такой расплаты дрожь пробѣжала по тѣлу Жизели.

— А, да, Жакъ... убей его! — вырвался у нея страстный крикъ.

При уходѣ мужа, въ тревогѣ инстинктивнаго прощанія, ихъ уста безсознательно встрѣтились и слились въ поцѣлуѣ, дышащемъ одинаковою ненавистью, равною жаждой убійства, охватившею обоихъ супруговъ.

VIII.

Баронесса Сафръ.

Отсутствіе барона Сафра продлилось цѣлую недѣлю, вмѣсто двухъ дней, какъ онъ предполагалъ, уѣзжая. Прежде всего онъ потерпѣлъ полную неудачу при окончательныхъ переговорахъ съ англійскими банками. Хватаясь за послѣднее средство и пытаясь отсрочить свою собственную увѣренность въ неизбѣжности крушенію, онъ рѣшился проѣхать прямо въ Германію и обратиться къ тамошнему рынку. Но и это крайнее усиліе оказалось такимъ же безплоднымъ, и въ чужеземномъ финансовомъ мірѣ ему удалось вызвать только удивленіе своими странными выходками.

Позднимъ вечеромъ, разстроенный и растрепанный, вернулся Сафръ въ свои роскошныя палаты. Неряшливый, совсѣмъ грязный видъ барона ясно указывалъ на то, что онъ давно уже не заботится о своей внѣшности. Этотъ контрастъ съ его обычными привычками къ щегольству бросился въ глаза слугѣ, подавшему почту, письма и карточки, накопившіяся за время отсутствія хозяина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слуга объяснилъ, что господинъ д'Эскирёйль пріѣзжалъ два раза, настоятельно требовалъ, чтобъ его приняли, и не хотѣлъ вѣрить, что господинъ баронъ находится въ отъѣздѣ, не извѣстивши его о томъ предварительно.

— А, надоѣлъ онъ мнѣ!—крикнулъ Сафръ, выходя изъ себя безъ достаточнаго повода. — Чего онъ лѣзетъ?... Пусть оставитъ меня въ покоѣ и не раздражаетъ! Я не обязанъ извѣщать его о томъ, что дѣлаю и куда ѣзжу...

Потомъ, успокоившись такъ же безпричинно и съ совершенно излишнею разговорчивостью, онъ добавилъ:

— Къ тому же, съ дороги я телеграфировалъ ему, чтобъ онъ явился завтра. Слѣдовательно, онъ долженъ былъ знать, что меня нѣтъ дома.

Онъ прошелъ прямо въ свою комнату и, не снимая дорожнаго мѣхового платья, бросился въ кресло передъ топящимся каминомъ, протянулъ ноги на рѣшетку, не замѣчая, что онѣ очутились совсѣмъ близко отъ огня. Голова Сафра была утомлена болѣзненно, и онъ самъ съ собой разговаривалъ громко и безпорядочно, не чувствуя, что отъ его обуви уже распространяется запахъ горящей кожи.

Въ теченіе довольно долгаго времени онъ не мѣнялъ своего положенія и не замѣчалъ, что баронесса Сафръ вошла въ комнату, стоитъ около него.

Баронесса принуждена была нѣсколько разъ поздороваться съ мужемъ, чтобъ обратить на себя его вниманіе.

Сафръ повернулъ, наконецъ, голову въ томъ направленіи, откуда раздавался ея жиденькій голосокъ.

— Хорошо вы съѣздили?—спрашивала баронесса.

— Нѣтъ!

— Вы, повидимому, очень утомлены?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Вотъ,— продолжала она,— вы всегда насмѣхались надъ моею маленькою маніей къ гигіенѣ. А вамъ тоже слѣдовало бы побольше заботиться о своемъ здоровьѣ. За послѣдніе годы вы слишкомъ растрачивали его... на всѣ лады!... Вы страшно злоупотребляли своими силами... и поступали неблагоразумно, очень неблагоразумно!—закончила она рѣшительнымъ тономъ, до сихъ поръ никогда не слыханнымъ барономъ Сафромъ и на этотъ разъ выведшемъ его изъ оцѣпенѣнія.

Онъ выпрямилъ свой внушительный станъ и провелъ обѣими руками по лицу, какъ бы желая разгладить на немъ морщины мрачныхъ думъ.

— Я чувствую себя очень хорошо, — проговорилъ онъ.— Я совершенно здоровъ, ничего у меня не болитъ.

Онъ самъ не умѣлъ объяснить себѣ, съ чего онъ встревожился замѣчаніемъ жены и зачѣмъ ему вздумалось передъ нею сдѣлать не такое лицо, какое было у него въ дѣйствительности.

А баронесса пришла къ мужу единственно потому, что ей хотѣлось какъ можно скорѣе объясниться съ нимъ.

— Съ моей стороны,— продолжала она,—было бы непростительнымъ легкомысліемъ, если бы я не волновалась тѣмъ, что могло сильно повліять на васъ... А теперь я знаю!

Она проговорила это настолько рѣзкимъ и увѣреннымъ тономъ, что ея слова, точно остріе, кольнули Сафра.

— Что же вы такое знаете?—зарычалъ онъ.

Движеніе его бровей во всякое другое время заставило бы его жену замолчать и состроить невинную физіономію. Но времена эти прошли.

— Если позволите,— возразила она, — поговоримъ прямо и искренно... Я, впрочемъ, и пришла сюда не за тѣмъ, чтобъ предъявлять вамъ мои упреки, а чтобы предупредить ваши упреки мнѣ.

Сафръ всталъ, озадаченный необычною смѣлостью баронессы, за которою скрывалось что-то таинственное. Всѣмъ оставшимся еще въ немъ воображеніемъ онъ ухватился за одно, — за мысль,

что вмѣшательство жены является чѣмъ-то благодѣтельнымъ и должно его спасти.

— Что вы хотите сказать?—живо спросилъ онъ.

— Я говорю о вашихъ дѣлахъ. Мнѣ сообщили, что они въ крайне плохомъ положеніи...

Въ силу многолѣтней привычки, безъ малѣйшаго вмѣшательства воли и безъ усилія изнемогающаго разума, лицо барона мгновенно прояснилось.

Онъ опять очутился, съ улыбкой на устахъ, въ своей сферѣ дѣловаго вранья.

Сафръ отвѣтилъ женѣ такъ, какъ онъ сталъ бы говорить съ Гаппарсгеймомъ или съ кѣмъ бы ни было въ своей конторѣ:

— Никогда мое положеніе, во всѣхъ отношеніяхъ, не было лучшимъ, чѣмъ въ эту минуту!

Баронесса покачала головой отрицательно.

— Нѣтъ,—сказала она,—ваши дѣла покончены! Какъ только меня предупредили объ этомъ, я не стала терять времени, посовѣтовалась съ серьезными людьми, вполнѣ благонадежными... Быстро и ловко собраны были всѣ свѣдѣнія, и мнѣ доставлены во множествѣ самыя печальныя доказательства...

Лицо Сафра измѣнилось еще разъ. Онъ озирался страшнымъ взоромъ разъяреннаго звѣря, готоваго растерзать всякаго, кого бы назвала въ эту минуту его жена.

— Я мать семейства,—говорила она,— и при такихъ обстоятельствахъ не могла сидѣть, сложивши руки...

При всей своей растерянности, баронъ видѣлъ, что ему готовится окончательный ударъ, угадывалъ, что подавляющая опасность надвигается на него и на тѣ обломки богатства, за которыми онъ еще укрывался. Находя несвоевременнымъ прямо отрицать правду и снова прибѣгать къ безстыдной лжи, онъ обратился къ тому, что считалъ наиболѣе спѣшнымъ:

— Не вступайтесь вы во все это!... Если хотите, чтобы мы остались добрыми друзьями, сидите смирно и не рискуйте предпринимать что-либо.

Баронесса торопилась поставить между собою и мужемъ главную мысль, побудившую ее начать такой разговоръ съ Сафромъ, высказать рѣшающее слово съ тѣмъ, чтобы потомъ укрыться за него. Она быстро проговорила:

— Мнѣ нужно, однако, позаботиться о выдѣлѣ моей части состоянія...

Лицо Сафра сдѣлалось угрожающимъ.

— — О!—воскликнулъ онъ. — Вы не посмѣете сдѣлать такую подлость!

Жена не возражала, а лишь поблѣднѣла еще больше.

Баронъ былъ окончательно подавленъ. Ни о чемъ уже не думая и жестикулируя машинально, какъ бы для того, чтобы отражать наносимые ему удары, Сафръ разразился цѣлымъ потокомъ фразъ:

— Несчастная!... Выдѣлъ вашей части будетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія! Посудите сами... Есть ли на свѣтѣ финансистъ, чье состояніе устояло бы при такомъ подрывѣ кредита, при рѣзкой остановкѣ его операцій? Нѣтъ, нѣтъ! Вы не совершите надо мной такого злодѣйства, которое и для васъ самой окажется не менѣе гибельнымъ... Такъ же точно не захотите вы принять на себя отвѣтственность за это передъ вашими дѣтьми, всю будущность которыхъ вы разрушаете подъ тѣмъ предлогомъ, будто хотите ее обезпечить!

Баронесса возразила твердо:

— Что касается будущности, то мы можемъ разсчитывать лишь на то, что я успѣю лично реализировать изъ остатковъ вашего состоянія.

— А!—воскликнулъ Сафръ.— Не дамъ я вамъ зарѣзать себя такой штукой... Да и слишкомъ глупо это!... Скажите, сколько думаете вы получить отъ выдѣла?

— Три милліона пять сотъ тысячъ франковъ, которые вы получили отъ меня, при женитьбѣ на мнѣ, и одиннадцать милліоновъ, доставшихся мнѣ потомъ по наслѣдству...

— И за такую-то мелочь вы хватаетесь, когда у насъ съ вами въ общемъ дѣлѣ до четырехъ сотъ милліоновъ!...

— Да все это уже погибло...

— Нѣтъ, не погибло!... Мой капиталъ пущенъ въ оборотъ съ тѣмъ, чтобы вернуться ко мнѣ удвоеннымъ!... Такъ не мѣшайте же мнѣ довести мое дѣло до конца, не мѣшайте пустить въ ходъ всѣ мои силы! Не я ли одинъ сумѣлъ пріобрѣсти девять десятыхъ этого громаднаго капитала, имѣя въ рукахъ лишь то, что вы принесли мнѣ въ приданое и что я получилъ отъ моихъ родителей?... Развѣ этимъ не доказалъ я моего умѣнья управляться съ деньгами?... Поймите, что вотъ съ этою головой можно стать первымъ человѣкомъ въ мірѣ!—уже вопилъ онъ, колотя себя кулакомъ по лбу и по головѣ.

Сафръ продолжалъ говорить со всею пылкостью отчаянія. Онъ хорошо зналъ, что дѣла его непоправимы, но сознаніе это стано-

вилось все болѣе и болѣе смутнымъ, и баронъ принимался безумно разсчитывать на какія-то случайности, могущія все поправить къ концу мѣсяца. Онъ толковалъ объ этомъ съ вѣрою новичка, съ наивною надеждой неопытнаго человѣка, которую онъ самъ такъ недавно поднималъ на смѣхъ, когда ею утѣшали себя разорившіеся свѣтскіе люди. Теперь онъ, старый биржевой боецъ, въ свою очередь, увлекался несбыточною фантазіей, отдаваясь шовинизму, совершенно неумѣстному въ денежныхъ дѣлахъ.

Баронесса слушала его, молча, съежившись и оставаясь непоколебимою. Она воздерживалась отъ противорѣчія мужу, почтительно выжидая момента, когда ей можно будетъ заявить о томъ, что въ данное время надлежало узнать Сафру. Она не говорила ни слова, желая съ меланхолическимъ достоинствомъ выдержать до конца роль приличной супруги, хотя была убѣждена въ томъ, что, по милости такихъ волненій, жертвовала своимъ здоровьемъ и, въ виду высшихъ соображеній, отступала отъ обычныхъ заботъ о своемъ долгоденствіи.

Сафръ тревожно и пространно усиливался посвятить свою жену во всѣ необъятныя прелести, въ настоящемъ и въ будущемъ, финансовыхъ операцій, при крушеніи которыхъ онъ ясно видѣлъ свою неизбѣжную гибель. Упорное молчаніе баронессы онъ истолковывалъ въ смыслѣ одобренія всѣхъ его безумствъ. Онъ сіялъ отъ торжества, путался въ безконечныхъ объясненіяхъ, сыпалъ безъ разбора навертывавшіеся на языкѣ термины, кое-какъ выпутывался опять и, наконецъ, совершенно сбился съ толку, замолчалъ, озираясь безсмысленнымъ взглядомъ, не зная, что говорить дальше...

Баронесса воспользовалась такимъ перерывомъ, чтобы покончить съ дѣломъ.

— Я должна предупредить васъ,—сказала она,—что заявленіе мною уже подано.

Сафръ смотрѣлъ на нее глазами помѣшаннаго. Потомъ онъ понялъ ужасающій смыслъ ея словъ и двинулся къ баронессѣ. Она сочла за лучшее проворно удалиться на противоположную сторону длиннаго стола, занимавшаго середину комнаты.

О странномъ недугѣ, охватывавшемъ барона, его жена не имѣла ни малѣйшаго представленія, но чисто животный инстинктъ заставилъ ее вздрогнуть, подобно тому, какъ собаки безсознательно чуютъ ту, которая изъ нихъ взбѣсилась.

— Вы осмѣлились сдѣлать это?—хрипѣлъ Сафръ.—Осмѣлились безъ моего согласія!... Пишите сію же минуту вашему стряп-

чему не давать никакого хода взбалмошной затѣѣ больной женщины!

Она дрожала всѣмъ тѣломъ, но голосъ ея продолжалъ звучать металлическимъ тономъ:

— Дѣло въ томъ,—возразила она,—что, по закону, такое требованіе должно быть опубликовано въ трехдневный срокъ... И я получила извѣщеніе о томъ... что сегодня утромъ... это сдѣлано!

Пораженный въ самое сердце, баронъ Сафръ ринулся впередъ, самъ не понимая зачѣмъ, самъ не зная, что онъ сдѣлаетъ своими могучими, поднятыми вверхъ руками,—раздавитъ ли ими свою жену, или, выбѣжавши вонъ, куда попало, задушитъ перваго встрѣчнаго, на комъ-нибудь сорветъ бѣшеную злобу за смерть своего кредита...

Но физическія силы измѣнили Сафру. Дыханіе оборвалось, и онъ сжатыми кулаками оперся на столъ, по другую сторону котораго стояла его жена, зорко слѣдя за нимъ.

Своими разстроенными умственными способностями Сафръ могъ сообразить только одно,—а именно, съ какою поразительною быстротой начато и будетъ окончено его полное разореніе... И на самомъ дѣлѣ, къ его положенію непримѣнима была та медленность, съ которою ведутся процессы о разлученіи супруговъ, затрогивающіе интересы сердца и совѣсти людей, касающіеся свободы ихъ существованія и права распоряжаться своею личностью. Имущественный раздѣлъ супруговъ, установляющій права на капиталы, пользуется исключительными преимуществами ускоренной процедуры. Въ какой-нибудь мѣсяцъ могло быть удовлетворено требованіе, предъявленное къ Сафру.

— Вы сами не знаете,—говорилъ онъ, задыхаясь,—что вы сдѣлали!... Вы подстроили мнѣ болѣе чѣмъ разореніе... Я могъ бы еще извернуться, будь у меня хотя немного времени... А теперь — это несостоятельность... банкротство!

Баронесса не нашла нужнымъ отвѣчать. Она исполнила свою обязанность, сказала мужу всю правду и думала лишь о томъ, какъ бы поскорѣе выбраться отсюда.

Лицо Сафра багровѣло отъ усилія, съ которымъ онъ произносилъ свои фразы.

— Вы... когда я не остерегался васъ... вы доконали меня!... Теперь вся шайка бросится на меня... начнетъ трепать, рвать на части!... Не слышите вы развѣ, какъ они вопятъ, что я мошенникъ?... И они останутся правы! Противъ скупщиковъ есть зако-

ны... законы есть противъ всѣхъ, кого сшибли съ ногъ!... И тогда не придется ли мнѣ отправляться въ тюрьму?...

При этомъ послѣднемъ словѣ его глаза расширились еще больше, и онъ громко захохоталъ. Судорожныя движенія мускуловъ придали на секунду его лицу необыкновенно веселое выраженіе.

— Ха, ха, ха!—вопилъ онъ.—Баронъ Сафръ въ тюрьмѣ!... Восхитительно! Славно устроили!... А вы этого и не предполагали?

Его лицо моментально сдѣлалось неподвижнымъ, и онъ продолжалъ:

— Зачѣмъ вы сдѣлали это, не посовѣтовавшись со мной?... Зачѣмъ?... Да отвѣчайте же хоть что-нибудь... моя каналья!...

И онъ, медленно, съ блуждающимъ взглядомъ, съ крѣпко сжатыми губами, приближался къ женѣ. Она прошептала, отодвигаясь все дальше и дальше:

— Я слишкомъ боялась васъ, я не посмѣла бы ничего сдѣлать, если бы увидала васъ раньше такимъ, каковъ вы теперь!

Проговоривши это, она убѣжала, заперлась въ своихъ комнатахъ всѣми замками и задвижками дверей.

... Почувствовавши себя въ полной безопасности, баронесса первымъ дѣломъ поспѣшила лечь въ постель безъ посторонней помощи. Въ то же время она позаботилась принять капли, которыя почти всегда усыпляли ее довольно быстро и нѣсколько возбуждали аппетитъ послѣ сна. Но какое же лѣкарство,—разсуждала она сама съ собой,—можетъ подѣйствовать при такихъ волненіяхъ?...

Тѣмъ не менѣе, она начала засыпать очень спокойно, когда раздался осторожный стукъ въ дверь, соединявшую ея комнату съ помѣщеніемъ служанки.

— Кто тамъ?—крикнула баронесса испуганно.

— Госпожа баронесса,—отвѣтилъ голосъ служанки,—сейчасъ приходилъ Жозефъ и говорилъ, что никогда не видалъ своего господина въ такомъ состояніи, какъ теперь... Онъ сказывалъ, что господинъ баронъ неистовствуетъ, что господинъ баронъ, того гляди, убьетъ себя!...

О, да что же еще могла жена барона Сафра предпринять послѣ всего того, что она принудила себя совершить?... Чего еще хотятъ отъ нея?... Что она въ силахъ сдѣлать?... Кажется, она не пощадила себя до послѣднихъ границъ. И вотъ опять начинаетъ удручать ее сердцебіеніе!... Весьма естественно, что такой деспотъ, какъ ея мужъ, неистовствуетъ прежде, чѣмъ смириться, при такихъ обстоятельствахъ. Ему необходимо было бы остаться совсѣмъ одному, успокоиться хорошенько... А себя онъ не убьетъ! Развѣ

люди подобнаго закала способны на такое малодушіе? До этого могли бы довести его, пожалуй, скандальная отвѣтственность и безчестіе, на которыя онъ намекалъ сейчасъ. Но, вѣдь, онъ и говоритъ-то это лишь для того, чтобы напугать жену и повліять на нее. Можно ли видѣть въ этомъ что-либо, кромѣ пустыхъ угрозъ, придуманныхъ изобрѣтательнымъ бѣшенствомъ?... Однако, если онъ въ самомъ дѣлѣ покусится на самоубійство? Тогда уже ни малѣйшаго сомнѣнія не останется въ томъ, что она, баронесса Сафръ, нисколько не преувеличивала грозящей имъ опасности... Боже мой, Боже!—кто бы могъ подумать, что отецъ семейства доведетъ жену и дѣтей до такого позора?... Неужели имъ придется въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ переживать всѣ тревоги уголовнаго процесса? Да уже не мѣсяцы, а цѣлые года семейство Сафра будетъ обречено на затворничество, если барона присудятъ къ тому, о чемъ онъ говорилъ?

И баронессѣ уже представлялось, что вотъ-вотъ нагрянетъ полиція, ворвется въ ея домъ, начнетъ распоряжаться въ немъ, все описывать... точно у какихъ-то нищихъ!...

— Скажите Жозефу,—крикнула баронесса горничной,—чтобы онъ оставилъ своего господина въ покоѣ... ничѣмъ бы его не раздражалъ, ни въ чемъ бы не противорѣчилъ ему.

О снѣ она уже не думала. Ее приводило въ ужасъ все то, что рано или поздно должно было измѣнить теперешнее положеніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она смутно опасалась, какъ бы не затянулось это надолго, желала въ безсознательномъ нетерпѣніи, чтобы все это поскорѣе кончилось...

Нѣсколько минутъ спустя, горничная снова постучала въ дверь и стонала испуганно:

— Сударыня, сударыня, извольте прислушаться! У насъ Богъ знаетъ что дѣлается: господинъ баронъ все ломаетъ, все опустошаетъ въ домѣ!

На этотъ разъ баронесса однимъ прыжкомъ соскочила съ кровати, боязливо пріотворила дверь и начала прислушиваться. Снизу доносились крики, звонъ и трескъ разбиваемыхъ предметовъ.

Сафръ вопилъ, уничтоживши свой великолѣпный портретъ, который съ площадки лѣстницы какъ бы царилъ надъ удивительнымъ собраніемъ драгоцѣнныхъ вещей, наполнявшихъ роскошныя палаты... Статуэтки и вазы, мраморы, бронзы и фаянсы, расшвыриваемые богатырскими руками, летѣли вдребезги о мозаичный полъ сѣней или о дорожки зимняго сада. Кидаясь бѣгомъ черезъ

обломки и осколки, Сафръ уже ревѣлъ въ галлереяхъ, гдѣ столько сокровищъ было во власти его бѣшенства.

Хозяйка дома не могла долѣе заблуждаться относительно характера несчастья, разразившагося подъ ея кровлей, и опасныхъ его послѣдствій — для другихъ, въ особенности. Все ея тщедушное тѣло дрожало отъ ужаса и отъ энергіи.

— Приказать всѣмъ слугамъ,— распорядилась она,— бѣжать скорѣе и тщательно присматривать за ихъ господиномъ. Послать за нашими докторами, какъ только освободится кто-нибудь... Нельзя же покидать человѣка въ такомъ положеніи!...

И она тотчасъ опять заперлась въ своей комнатѣ, бережно охраняя свою особу, какъ нѣчто наиболѣе хрупкое, а слѣдовательно и наиболѣе цѣнное...

Баронесса Сафръ рѣшилась обратиться къ суду, по весьма обстоятельному совѣту нотаріуса, не сообщивши предварительно объ этомъ ни дочерямъ, ни сыну. Въ отсутствіе ихъ отца, она сочла не совсѣмъ пристойнымъ говорить съ ними о дѣлѣ, касающемся, главнымъ образомъ, самого барона, и отклонила такимъ образомъ ихъ вмѣшательство въ исторію, затрогивающую ихъ чувства уваженія къ родителю.

Но на слѣдующій же день послѣ сценъ, разыгравшихся въ домѣ Сафра, она вызвала дѣтей записками, составленными въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ.

Артуръ Сафръ явился первымъ на призывъ матери. Онъ одаренъ былъ большею частью качествъ, необходимыхъ для того, чтобы считаться хорошимъ сыномъ, то-есть — холостымъ онъ не дѣлалъ долговъ и женился на дѣвушкѣ, которую выбрали для него родители, по своему усмотрѣнію, озабочиваясь тѣмъ, чтобы сынъ сдѣлалъ «приличную партію».

Въ короткихъ словахъ Артуру было сообщено о двойномъ несчастьи, постигшемъ его отца въ денежномъ отношеніи и въ умственномъ. Артура это очень огорчило. Онъ кинулся въ объятія матери, которую это выраженіе сыновнихъ чувствъ тронуло исключительно въ смыслѣ физическаго толчка, причиненнаго ей. Молодой человѣкъ не выразилъ ни однимъ словомъ сожалѣнія о потерѣ огромнаго состоянія. Онъ заявилъ даже, что считаетъ себя болѣе богатымъ, чѣмъ то нужно для его потребностей, и глубоко печалился о бѣдѣ, лично постигшей барона Сафра.

— Я не предлагаю тебѣ повидать его,—сказала баронесса.—

Доктора, только-что уѣхавшіе отъ насъ, объяснили мнѣ, что всякое волненіе можетъ сильно повредить ему.

Артуръ и не настаивалъ, впрочемъ. Его огорченіе, совершенно искреннее и сердечное, на этотъ разъ ослаблялось въ его умѣ исключительною заботой, захватившей уже почти всѣ его помыслы. Нѣсколькими часами позднѣе, ему предстояла честь читать публично въ академіи небольшое, представленное имъ изслѣдованіе,— поэтому-то онъ и поторопился болѣе, чѣмъ его сестры, пріѣхать до завтрака. О такомъ торжествѣ онъ хлопоталъ давно, облазилъ не мало лѣстницъ... Направляясь сюда, онъ только и думалъ о своемъ чтеніи и теперь, сокрушаясь о несчастной участи отца, онъ не могъ выкинуть изъ головы мысли о своей академической карьерѣ. Прискорбное извѣстіе натолкнулось на раздутое тщеславіе и, разумѣется, утратило изрядную долю своего значенія. И на самомъ дѣлѣ, чтобы вполнѣ почувствовать горе, надо имѣть на то полный досугъ, совершенно свободное время раздумывать о немъ безъ помѣхи. А въ данную минуту Артуръ Сафръ торопился,—не до того ему было. Прощаясь съ матерью, онъ вдругъ спросилъ:

— Вы распорядились, надѣюсь, чтобы не распространился въ публикѣ слухъ о томъ, что здѣсь произошло?

Онъ испугался новаго удара судьбы, по милости которой, въ виду его семейныхъ обстоятельствъ,— чего добраго, можетъ быть отмѣнено засѣданіе и нарушенъ порядокъ безсмертныхъ трудовъ Института.

... Во время послѣдовавшаго затѣмъ посѣщенія Брегановъ, Оливье велъ себя далеко не такъ стоически. Съ той поры, какъ случай помогъ ему жениться столь диковинно, Брегань относился къ будущему богатству съ настоящею страстностью изобрѣтателя къ своему изобрѣтенію. Наслѣдство Сафра представлялось ему заслуженною наградой за многіе годы, въ теченіе которыхъ всѣ мысли его были направлены на то, какъ наилучшимъ образомъ распорядиться «благопріобрѣтенными» капиталами... И вотъ, нежданно-негаданно, исчезаетъ передъ нимъ златоносная страна, открытая имъ во время изслѣдованій Парижа,— страна, въ которой онъ, по праву завоевателя, разсчитывалъ въ самомъ близкомъ будущемъ сдѣлаться герцогомъ или маркизомъ.

Замѣтивши его удрученную физіономію, баронесса Сафръ нашла нужнымъ утѣшить его, указала ему на мадамъ Брегань, залившуюся слезами, и проговорила, какъ бы намекая на своего другого зятя:

— Вы все таки счастливы въ своей семьѣ... Повѣрьте, ми

лый мой Оливье, вамъ выпала на долю завидная участь: съ вами остается неразлучною любящая васъ подруга жизни!

Бреганъ соображалъ въ эту минуту, что придется ему лишиться и тѣхъ ста тысячъ франковъ, которые онъ получалъ ежегодно отъ тестя сверхъ приданаго, взятаго за женой. При сочувственныхъ словахъ тещи, онъ взглянулъ на заплывшую жиромъ, на всю жизнь неразлучную съ нимъ подругу, и въ первый разъ увидалъ всю чудовищность ея безобразія... Домъ и два милліона, пріобрѣтенные съ нею вмѣстѣ, показались ему такимъ ничтожнымъ вознагражденіемъ, что онъ готовъ былъ кричать во все горло о томъ, какъ его, такого красиваго малаго, безсовѣстно эксплуатировали. Всѣмъ существомъ своимъ онъ очень искренно возмущался тѣмъ, что ему навязали на шею молодую особу такого сорта и обобрали, лишивши наслѣдства!

... Баронесса Сафръ съ нетерпѣніемъ и тревогой ждала визита графа де-Громмелена. Она пригласила его очень настоятельнымъ письмомъ, отправленнымъ въ его домъ улицы Клебера, гдѣ онъ продолжалъ жить, не видаясь съ женою.

Громмеленъ явился на приглашеніе тещи. Къ извѣстію о разореніи Сафра онъ отнесся совершенно холодно, такъ какъ нисколько не разсчитывалъ на наслѣдство. Но графа видимо тронуло жалкое положеніе больного Сафра. Онъ высказалъ свое соболѣзнованіе, какъ то и полагается человѣку твердыхъ принциповъ, который не любитъ никакихъ пертурбацій въ семейной жизни, допускаетъ только правильное и невозмутимое ея теченіе, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, и легальныя мѣропріятія въ случаяхъ исключительныхъ.

Баронесса Сафръ поспѣшила воспользоваться благодушнымъ настроеніемъ собесѣдника, чтобъ уладить примиреніе супруговъ. Самымъ задушевнымъ материнскимъ желаніемъ ея было уговорить зятя сойтись съ Мари-Бланшъ, которая иначе могла, пожалуй, очень стѣснить ее, явившись къ ней на жительство.

— Теперь,— заговорила баронесса,— позвольте мнѣ, въ эти тяжелыя для насъ минуты, умолять васъ быть снисходительнымъ... отказаться, пока еще не поздно, отъ вашего намѣренія разойтись съ моею дочерью...

Громмеленъ, очень вѣжливо, попытался жестомъ остановить ее.

— Послушайте,—продолжала она,—одно важное соображеніе, о которомъ вы недостаточно подумали, должно побудить васъ исполнить мою просьбу: это—интересъ вашихъ дѣтей.

— Сударыня, дѣти мои ничего не потеряютъ отъ того, что мамаша не будетъ ихъ воспитывать.

— А состояніе, которое имъ достанется отъ нея?... Въ настоящее время все, что принадлежитъ вашей женѣ, обезпечено въ наслѣдство дѣтямъ брачнымъ контрактомъ... Что же будетъ, если вашъ бракъ окажется расторгнутымъ?

— Разлученіе супруговъ, о чемъ я хлопочу, не даетъ женѣ права распоряжаться имуществомъ.

— Это такъ. Но черезъ три года что можетъ помѣшать Мари-Бланшъ требовать и получить, вѣроятно, формальный разводъ? Тогда она получитъ возможность распоряжаться своимъ состояніемъ... Увѣрены ли вы въ томъ, что она воспользуется этимъ благоразумно?

Громмеленъ призадумался.

— Тогда вы позаботитесь,—возразилъ онъ,—объ учрежденіи администраціи надъ имуществомъ вашей дочери...

— А, другъ мой, можно ли предугадать моментъ, чтобы сдѣлать это во-время?... Вы сами видите, до какого ужаснаго положенія мы дошли, ничего не подозрѣвая!... Нѣтъ, нѣтъ, не предоставляйте ничего случайности, не пріотворяйте той двери, которая такъ хорошо охраняетъ состояніе вашей жены... Къ тому же, я имѣю основаніе предполагать, что жить мнѣ остается не много...

И она покачала головой, какъ бы въ удостовѣреніе того, что все случившееся быстро приближаетъ ее къ могилѣ.

— Тогда, — продолжала она неустрашимо, — голова Мари-Бланшъ можетъ закружиться отъ наслѣдства, которое достанется на ея долю, и я не знаю, на какія безумства она способна... А я смѣю завѣрить васъ, что весьма значительна еще и та часть, которую она получитъ послѣ меня. Нотаріусъ, приводившій въ извѣстность одну стоимость недвижимаго имущества...къ сожалѣнію, немного его у барона Сафра... нотаріусъ, говорю я, полагаетъ, что уже въ настоящее время я вступила во владѣніе имѣніями на десять или двѣнадцать милліоновъ, по самой низкой оцѣнкѣ... Остальную часть долга я разсчитываю получить деньгами. Конечно, это очень не много въ сравненіи съ тѣмъ доходами, которые проходили черезъ этотъ домъ. Но и тѣмъ, что у меня остается, я все-таки могу кое-что сдѣлать для своихъ.

Громмеленъ, невольно и изъ уваженія къ пожилой женщинѣ, поддавался до нѣкоторой степени вліянію, которое пріобрѣла баронесса, захватившая въ свои прозрачныя отъ худобы руки послѣдніе остатки богатства Сафровъ, рухнувшаго такъ нежданно.

Она рискнула сдѣлать зятю слѣдующее предложеніе:

— Почему бы вамъ не увезти вашу жену изъ Парижа, дать ей пожить нѣкоторое время спокойно, на чистомъ воздухѣ, вдали отъ всякихъ соблазновъ?

— Неужели вы думаете, — воскликнулъ онъ, — что ваша дочь согласится прожить хотя бы одинъ день въ деревнѣ при такихъ условіяхъ?

— А я знаю, напротивъ, что она очень склоняется къ такому рѣшенію. Она охотно готова стушеваться, удалиться на время отъ свѣтской жизни, вслѣдствіе всего, что постигло ее... какъ супругу... какъ дочь... Ея положеніе въ обществѣ сдѣлалось неловкимъ, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ. Она сочтетъ очень приличнымъ удалиться такимъ образомъ, подчиниться этому, какъ сроку траура, для нея обязательному, какъ она хорошо это понимаетъ.

Громмеленъ не отвѣтилъ ни да, ни нѣтъ. Очевидно, достаточно корректнымъ выходомъ изъ конфликта было увезти жену изъ Парижа и устроить ее въ деревнѣ, въ относительномъ уединеніи. Міръ салоновъ отнесется къ такой мѣрѣ съ бо̀льшимъ одобреніемъ, чѣмъ къ судебному разбирательству, уже потому, что не произойдетъ никакого скандала и не будетъ затронута публично святость брачнаго союза. И еслибы даже попуталъ чортъ и графиня де-Громмеленъ нашла возможность опять обманывать мужа въ тиши деревни, то, по мнѣнію Громмелена, это не имѣло бы такого неудобнаго значенія, какъ на виду у парижскаго общества. Тамъ онъ могъ бы распорядиться, какъ ему вздумается, и не былъ бы вынужденъ въ теченіе нѣсколькихъ годовъ сообразоваться съ тѣмъ, какъ ведутъ себя передъ обществомъ всѣ мужья, попавшіе въ одинъ цехъ съ нимъ.

Настоянія баронессы сдѣлались еще опредѣленнѣе.

— Вы могли бы поселиться съ моею дочерью въ Озерпи.

— Въ Озерпи?—проговорилъ графъ удивленнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, злобнымъ тономъ.—Но Бреганы считаютъ это помѣстье своимъ до тѣхъ поръ, пока оно не продано.

— Нѣтъ, я вступаю лично во владѣніе этимъ имѣніемъ. Оно куплено на мое имя и даже на мои деньги, доставшіяся мнѣ въ прошломъ году отъ сестры.

Это представлялось уже совсѣмъ соблазнительнымъ старшему зятю, получавшему такимъ образомъ возможность разсчитаться съ Бреганомъ за старую обиду. Громмеленъ почувствовалъ, какъ раскрылась давнишняя рана, нанесенная его дворянскому сердцу непризнаніемъ его преимущественныхъ и прирожденныхъ правъ на землевладѣніе и на охоту.

Баронесса, побуждаемая крайнимъ желаніемъ обезпечить успѣхъ своихъ предложеній, не могла, однако, не взвѣсить убыточности послѣдняго изъ нихъ.

— Я передамъ,—заговорила она нерѣшительно и запинаясь,—вамъ и вашей женѣ... право пользованія... полнаго владѣнія... этимъ... всѣмъ имѣніемъ!...

Громмеленъ сдѣлалъ величественный жестъ, долженствовавшій означать, что его согласіе обусловливается лишь высшими соображеніями.

— Ваше замѣчаніе,—отвѣтилъ онъ,—о моихъ дѣтяхъ заставитъ меня подумать очень серьезно. На самомъ дѣлѣ, я не вправѣ подвергать моихъ бѣдныхъ мальчиковъ какимъ-либо лишеніямъ... Я это обдумаю...

— А, другъ мой, разъ уже начала смягчаться ваша строгость, не откладывайте вдаль рѣшенія, будьте добрымъ до конца... Ваша жена здѣсь, въ той комнатѣ... Дозвольте мнѣ привести ее сюда, въ постигшихъ меня несчастьяхъ утѣшьте, поддержите меня вашимъ примиреніемъ съ нею!

Не выжидая согласія Громмелена, она побѣжала за дочерью и, минуту спустя, заставила супруговъ коснуться концами пальцевъ другъ друга.

Этимъ прикосновеніемъ они оба какъ бы возобновляли брачный союзъ. Они соглашались снова вступить въ сожительство, очень живо помня, какія гадости дѣлали другъ другу, и сознавая, что ради обоюдной выгоды имъ ничего иного не остается, какъ продолжать вести себя попрежнему. Разочарованные и озлобленные, они теперь могли легче достигнуть соглашенія, чѣмъ въ то время, когда легкомысленно обмѣнивались клятвами передъ алтаремъ. Всего важнѣе въ супружествѣ — хорошо знать другъ друга... А ужъ они-то другъ друга знали!

Баронесса нашла, однако, неудобнымъ длить это первое свиданіе супруговъ, вторично вступившихъ въ бракъ. Она матерински выпроводила Мари-Бланшъ и удержала зятя, чтобъ обсудить съ нимъ многіе трудные вопросы, совершенно неотложные въ виду финансоваго и умственнаго краха барона Сафра.

О немъ самомъ не вспомнили ни Бреганы, ни Громмелены, какъ бы считая его совсѣмъ покончennымъ. Никто не поинтересовался узнать, остается ли у него хотя что-нибудь, если не въ смыслѣ психическомъ, то въ матеріальномъ отношеніи. Никому, повидимому, дѣла не было до владѣльца этихъ великолѣпныхъ палатъ,

такъ недавно распоряжавшагося въ нихъ самовластно и почти грандіозно...

Не забылъ о немъ только одинъ человѣкъ, только что успѣвшій пробраться въ домъ и не имѣвшій никакого понятія о томъ, что произошло здѣсь наканунѣ. Человѣкъ этотъ былъ Жакъ д'Эксирёйль.

Шесть дней и шесть ночей посѣтитель этотъ лихорадочно ждалъ своей очереди и полагалъ, что теперь она наступила.

Въ то утро, когда Эксирёйль въ первый разъ явился сюда съ своею местью, баронъ уѣхалъ часомъ раньше на два дня, какъ говорили. По прошествіи этихъ двухъ дней гостю было отказано подъ тѣмъ предлогомъ, что Сафръ еще не вернулся. Эксирёйль заподозрилъ, что баронъ, съ своей стороны тоже предупрежденный, уклоняется отъ встрѣчи съ нимъ изъ осторожности. Жакъ напрасно подкарауливалъ врага повсюду, гдѣ могъ разсчитывать увидать его. И лишь получивши телеграмму, которою Сафръ съ дороги приглашалъ его къ себѣ, Эксирёйль однимъ словомъ выразилъ свою затаенную мысль, сказавши женѣ: «Завтра!»...

Когда на слѣдующій день, около трехъ часовъ, онъ явился въ отель Сафра, Эксирёйль былъ крайне удивленъ отвѣтомъ слуги, что господинъ баронъ вернулся, но никого не принимаетъ. Гость напрасно толковалъ о депешѣ, приглашавшей его лично, по неотложному дѣлу,—добиться свиданія оказалось невозможнымъ. Д'Эксирёйль рѣшился прибѣгнуть къ хитрости и спросилъ, принимаетъ ли баронесса. Слуга, не получившій на этотъ счетъ исключительныхъ приказаній, пропустилъ его, такъ какъ зналъ, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ считается своимъ въ домѣ барона.

Какъ разъ въ эту минуту баронесса приступила къ обсужденію съ Громмеленомъ различныхъ мѣръ, которыя предстояло ей предпринять передъ администраціей, передъ судомъ и свѣтомъ. Слуга, доложившій объ Эксирёйлѣ, передалъ ему просьбу хозяйки повременить немного, дождаться, когда она покончитъ съ занимавшимъ ее дѣломъ.

Черезъ минуту въ головѣ д'Эксирёйля сложился опредѣленный планъ добраться во что бы то ни стало до своей цѣли. Надо было воспользоваться тѣмъ, что баронесса занята съ другими. Расположеніе дома было ему достаточно извѣстно, и онъ сообразилъ, что въ комнаты Сафра можно пройти, минуя сѣни и парадную лѣстницу.

Чтобы на всякій случай имѣть руки свободными, онъ надѣлъ шляпу, наперекоръ приличіямъ, и среди великолѣпія роскошныхъ

палатъ сразу получилъ видъ человѣка подозрительнаго, ворвавшагося насильно, готоваго ломать всѣ преграды.

Черезъ рядъ богато убранныхъ комнатъ, по витой лѣстницѣ, онъ дошелъ до кабинета. Въ комнатѣ никого не было. Разложенныя на столѣ бумаги и разставленная въ порядкѣ мебель ясно свидѣтельствовали о томъ, что хозяинъ не входилъ сюда съ той поры, какъ все убрано слугами. Въ монументальномъ каминѣ не было никакого признака недавней топки, несмотря на холодъ. Эксирёйль подумалъ, что его врагъ боленъ. Но въ такомъ случаѣ почему же слуги ничего не сказали о столь уважительной причинѣ отказа?... Провѣрить это было очень легко, такъ какъ спальня Сафра тутъ же рядомъ, и Эксирёйль, не задумываясь, вошелъ въ нее.

Съ перваго взгляда онъ убѣдился въ томъ, что баронъ не въ постели... и тѣмъ лучше!... Большая комната, отдѣланная рѣзнымъ деревомъ, была перегорожена во всю ширину раздвинутыми ширмами. Изъ-за нихъ, на шумъ шаговъ, вышелъ молодой врачъ и принялъ посѣтителя за близкаго родственника, считающаго себя вправѣ являться безъ доклада и со шляпой на головѣ.

Молодой человѣкъ поклонился и спросилъ:

— Вы соблаговолите, быть можетъ, побыть нѣкоторое время при баронѣ?

Эксирёйль былъ слишкомъ возбужденъ для того, чтобы разбирать, какое значеніе могло имѣть присутствіе тутъ неизвѣстнаго молодого человѣка,—вѣроятно, какого-нибудь недавно взятаго мелкаго секретаря.

— Да, отвѣтилъ Эксирёйль, —сколько будетъ нужно... Почему вы спросили?

— Потому, что мнѣ нужно написать, и я воспользуюсь тѣмъ, что вы побудете здѣсь за меня...

— Хорошо, идите,—сказалъ д'Эксирёйль, желая скорѣе остаться съ глазу-на-глазъ съ Сафромъ и раздѣлаться съ нимъ.

Неудобный свидѣтель вышелъ... Эксирёйль двинулся впередъ, готовый обѣими руками вцѣпиться въ своего врага, задушить его при первой попыткѣ крикнуть. Но то, что Жакъ увидалъ, заставило его попятиться назадъ и вскрикнуть самому.

Сафръ былъ крѣпко привязанъ къ высокой спинкѣ кресла. Руки, скрученныя горячечною рубашкою, оставляли его корпусъ безъ защитнымъ, какъ неподвижный пень. Могучая когда-то голова свѣсилась на грудь, и только всклокоченная грива напоминала прежняго льва. На багровомъ лицѣ тускло свѣтились налитые кровью глаза.

Въ вихрѣ разнородныхъ ощущеній, волновавшихъ Эксирёйля, наиболѣе раздражающимъ было сознаніе, что его личная месть стала теперь невозможною...

Сафръ, послѣ двѣнадцати часовъ остраго помѣшательства и буйнаго бреда, связанный, истомленный до безсилія, въ безуміи своемъ дошелъ до полнаго безсмыслія; онъ уже не понималъ и не чувствовалъ ничего, что вокругъ него дѣлается.

Эксирёйлю не оставалось ничего иного, какъ отказаться отъ задуманной расплаты съ злодѣемъ, уйти скорѣй и избавиться отъ возмутительнаго зрѣлища.

Онъ вернулся тою же дорогой и едва успѣлъ войти въ пріемную баронессы, какъ появилась сама хозяйка дома. Она извинилась въ томъ, что заставила гостя слишкомъ долго ждать, и выразила свое удовольствіе по тому поводу, что онъ пожелалъ ее видѣть, вмѣсто барона, который никого принять не можетъ. Затѣмъ она разсказала всю правду о происшедшемъ съ ея мужемъ.

Заговоривши о денежныхъ дѣлахъ Сафра, баронесса поблагодарила Эксирёйля очень сердечно за предупрежденіе о готовившейся катастрофѣ, которымъ она ему обязана, какъ только-что сообщилъ ей Громмеленъ.

Эксирёйль отвѣтилъ:

— Громмеленъ совершенно напрасно указалъ на меня... Я, дѣйствительно, вслѣдствіе нашихъ давнишнихъ добрыхъ отношеній, счелъ своею обязанностью дать ему важный совѣтъ. Но это сдѣлано было совершенно конфиденціально, и ему не слѣдовало бы выдавать меня.

— Не сердитесь на него... Если онъ произнесъ ваше имя въ разговорѣ, который я только-что кончила съ нимъ, то сдѣлалъ онъ это для того, чтобъ указать на васъ, какъ на человѣка, способнаго лучше, чѣмъ кто-либо, продолжать оказывать мнѣ и моимъ очень большое одолженіе...

— Я, сударыня?—воскликнулъ Эксирёйль, удивленно поднимая голову.—Какимъ образомъ?

Въ глубинѣ ихъ встрѣтившихся взглядовъ вспыхнулъ одновременно таинственный огонекъ, зажженный у нея любопытствомъ, у него — мучительнымъ подозрѣніемъ... Обоимъ имъ отнынѣ очень мало было дѣла до личности и роли барона Сафра, превратившагося физически и нравственно въ жалкую развалину, въ полу-бездушное тѣло, привязанное къ креслу и запертое въ одной комнатѣ. Но въ недавніе сравнительно дни, этотъ дерзко-предпріимчивый, ни

передъ чѣмъ не останавливавшійся человѣкъ, создалъ необычайныя отношенія между двумя собесѣдниками, полными жизни и энергіи, сидѣвшими теперь лицомъ къ лицу... Черные глаза Эксирёйля жадно пытались прочесть во взглядѣ баронессы, *знаетъ ли она?... Знаетъ ли онъ?*—доискивалась она подсмотрѣть въ его неопредѣленномъ взорѣ.

— Мосьё д'Эксирёйль,—заговорила баронесса,—вамъ хорошо извѣстна большая часть дѣлъ моего мужа. Помощь человѣка настолько вѣрнаго и опытнаго, какъ вы, необходима намъ... Мое здоровье слишкомъ слабо для того, чтобы я могла одна вынести всю тяжесть хлопотъ, предстоящихъ мнѣ съ нынѣшняго же дня. Въ виду процессовъ, которые должны начаться, и значительности той доли въ товариществѣ, которую мнѣ удастся, быть можетъ, спасти, въ виду сложности управленія дѣлами, которыя останутся потомъ на моихъ рукахъ, мнѣ на многіе года, навсегда желательно было бы пользоваться дружескимъ содѣйствіемъ такого выдающагося человѣка, какъ вы... Я не могу ни въ чемъ положиться на сына, такъ какъ онъ ненавидитъ всякіе счета, ни на зятьевъ: одинъ изъ нихъ уѣзжаетъ въ деревню, другой не смѣетъ отлучиться отъ жены... Я нахожу лишнимъ добавлять, что предоставляю вамъ самимъ опредѣлить ваши права на нашу живѣйшую благодарность.

Первымъ движеніемъ Эксирёйля было—отказаться. Единственнымъ его желаніемъ было—навсегда порвать всякія денежныя связи со всѣми, кто носитъ имя Сафра.

Баронесса продолжала настаивать:

— Я не отъ своего имени только обращаюсь къ вамъ съ этою просьбой и прошу васъ также по порученію моего зятя де-Громмелена, питающаго къ вамъ самую глубокую симпатію... Надѣюсь, вы не откажете вашему другу.

На самомъ дѣлѣ, она обратилась къ Эксирёйлю по рекомендаціи и совѣту графа, которому очень не хотѣлось, чтобъ очутился въ нищетѣ человѣкъ, близкій ему по давнишнимъ семейнымъ отношеніямъ. Въ немъ Громмеленъ видѣлъ такого же родовитаго господина, какимъ былъ самъ, и любилъ такого же мужа, какъ онъ,—хорошо обманутаго. И, вслѣдствіе той же солидарности, которая побудила Эксирёйля предупредить его о послѣднихъ неудачахъ Сафра, Громмеленъ воспользовался случаемъ расплатиться съ нравственнымъ долгомъ очень пристойно, вполнѣ благородно, изъ кармана своей тещи.

Пока баронесса убѣждала Эксирёйля, онъ соображалъ, что, кромѣ недавно полученнаго жалованья,—жить на которое было,

къ тому же, до крайности противно, — у него нѣтъ никакихъ средствъ въ перспективѣ. Разсуждалъ онъ самъ съ собою и о томъ еще, что чужое состояніе, къ участію въ которомъ его привлекали, не будетъ имѣть никакого отношенія къ колоссальному богатству, созданному его заклятымъ врагомъ, барономъ Сафромъ, подорвавшимъ и разрушившимъ сразу свое гигантское сооруженіе. Но самое элементарное уваженіе къ себѣ и невыразимое отвращеніе заставили его отогнать всякую мысль о согласіи. Онъ отклонилъ предложеніе баронессы, отговариваясь обязательными дѣлами, которымъ онъ долженъ посвятить себя, ссылаясь на необходимость скоро уѣхать изъ Парижа, быть можетъ, изъ Франціи, и надолго.

— Подумайте, я не тороплю,—говорила баронесса, прощаясь.—Вашъ отвѣтъ я не считаю окончательнымъ. Поговорите съ мадамъ д'Эксирёйль и рѣшите вмѣстѣ, какъ найдете для себя наиболѣе приличнымъ...

Послѣднее слово баронессы оказало тотчасъ же свое вліяніе на Эксирёйля.

Да, разумѣется, приличіями нельзя пренебрегать! Нельзя не обсудить того, что они могутъ понудить дѣлать. Во всякомъ случаѣ, это наводило на соображенія первостепенной важности для свѣтскаго человѣка, снова попавшаго въ обычную колею всякихъ условностей.

Но, прежде всего, мужъ чувствовалъ, что ему надо какъ можно скорѣе вернуться къ женѣ. Вспомнивши, въ какомъ мучительномъ состояніи, въ какой неизвѣстности и тревогѣ онъ оставилъ Жизель, какъ понялъ, насколько нехорошо онъ поступаетъ по отношенію къ ней. Онъ умилился отъ жалости къ ней и къ себѣ, увидавши всю несоразмѣрность того страха, который она все еще переживаетъ въ его отсутствіе, и полнаго ничтожества того, что онъ самъ испытываетъ теперь. По выходѣ изъ дома Сафра всѣ заботы его были направлены на то, чтобы скорѣе найти фіакръ.

Сдѣлавши нѣсколько шаговъ по улицѣ, Эксирёйль столкнулся носъ къ носу съ Тарсюлемъ. Этотъ отправлялся на развѣдки, побуждаемый любопытствомъ вызнать настроеніе баронессы. О томъ, что произошло съ барономъ, Артуръ Сафръ поспѣшилъ тотчасъ же сообщить всегдашнему совѣтнику ихъ семьи во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Эксирёйль и Тарсюль встрѣтились съ тою сдержанностью, которая несомнѣнно обличала твердое намѣреніе обоихъ говорить обо всемъ, кромѣ того, что они могли бы сказать другъ другу.

— Ну, что? — спросилъ Тарсюль, поправляя свой монокль съ ехидною гримасой.

— А что?—отвѣтилъ Эксирёйль.

Они посмотрѣли другъ на друга подозрительно... Но разстроенное лицо д'Эксирёйля настолько выдавало его, что Тарсюль, сохраняя полную невозмутимость, попытался все-таки завязать разговоръ. Онъ проговорилъ:

— Вотъ какія необычайныя исторіи происходятъ!

Эксирёйль отвѣтилъ просто:

— Про нихъ каждый день слышишь...

Наступило опять молчаніе, которое Тарсюль прервалъ словами:

— Что меня касается, то я порѣшилъ разъ навсегда ничему не удивляться.

— Всего лучше было бы и всѣмъ поступать такъ!—замѣтилъ Эксирёйль глухимъ голосомъ.

Это навело Тарсюля на догадку, что финансовый погромъ очень неблагопріятно отразился на средствахъ къ существованію угрюмаго собесѣдника, и Тарсюль, принимая благодушный видъ, сказалъ:

— Я надѣюсь, что васъ нисколько не коснулось то, что здѣсь произошло?—и онъ, небрежно, большимъ пальцемъ указалъ черезъ плечо на отель Сафра.

Подъ сочувственнымъ тономъ вопроса Эксирёйлю почудилась цѣлая вереница инсинуацій и покушеній его уязвить. Его сильно покоробило, и онъ возразилъ:

— Меня?... Чѣмъ же это можетъ меня касаться? Объясните!

— Я доподлинно не знаю... я думалъ... мнѣ говорили, будто Сафръ и вы... ну, словомъ, что вы принимали участіе въ его операціяхъ...

Въ намекѣ, вырвавшемся у Тарсюля, Жакъ д'Эксирёйль услышалъ какъ бы донесшійся до него отголосокъ свѣтскихъ толковъ, тѣхъ единодушныхъ обвиненій, которыя возникнутъ противъ него, какъ супруга, по случаю банкротства Сафра. Эксирёйль вздрогнулъ и покрутилъ усы съ вызывающимъ видомъ, приглашавшимъ Тарсюля разносить повсюду объясненіе его поведенія.

— Милый мой,—заговорилъ Жакъ рѣшительно и опредѣленно,—въ дѣла барона я вмѣшивался лишь настолько, насколько это нужно было для защиты интересовъ баронессы. На это я согласился... вы слушаете меня внимательно?... я согласился по настоятельной и повторенной просьбѣ баронессы и моего стараго друга де-Громмелена... Обратились они ко мнѣ слишкомъ поздно для то-

го, чтобъ я могъ предупредить катастрофу. Но теперь необходимо спасти обломки, и я продолжаю свое дѣло. Баронесса,—права она или нѣтъ, это все равно,—убѣждена въ моей компетентности и сейчасъ только опять умоляла меня не покидать ее... Никогда я ничего не дѣлалъ иначе, какъ въ качествѣ ея представителя, и моя искренняя преданность обязываетъ меня остаться ея представителемъ до конца!

Разъ навсегда, точно исправному глашатаю, былъ данъ Тарсюлю этотъ отвѣтъ, приличный, похожій на правду, очень удобный даже для опубликованія его по салонамъ, среди тѣхъ, кому желательно что-нибудь говорить въ свою очередь, и тѣхъ, кто не знаетъ, чему противорѣчить.

Затѣмъ Эксирёйль направился твердымъ шагомъ на прежній ладъ продолжать свое существованіе, выбитое было изъ колеи неожиданнымъ взрывомъ.

Тарсюль, ничуть не поддаваясь обману, былъ тѣмъ не менѣе озадаченъ сообщеніемъ, что Сафры и Эксирёйли продолжаютъ оставаться вмѣстѣ, все еще чѣмъ-то и какъ-то связанные другъ съ другомъ... И, оставаясь вѣрнымъ своей системѣ, онъ съ удовольствіемъ убѣждался въ прочности, въ чудодѣйственности, въ неразрушимости единственно лишь денежной связи, поддерживающей взаимныя отношенія людей въ общественной, свѣтской и семейной жизни.

Такъ вотъ, теперь катаклизмъ разрушилъ колоссальное богатство, сгубилъ могучій умъ!... И первое, что появляется изъ-подъ страшныхъ обломковъ крѣпкимъ, цѣлымъ и невредимымъ, это—маленькая «арматура», которую ради своего каприза смастерилъ баронъ Сафръ, бывшій денежный воротило, кончившій помѣшательствомъ!

МІРСКОЕ ДИТЯ *).

Разсказъ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

VII.

Съ субботы на воскресенье Павелъ не сомкнулъ глазъ. Онъ горѣлъ какъ въ лихорадкѣ; ему все казалось, что придетъ кто-нибудь и отыметъ письмо, присланное вечеромъ отъ баронессы для пропуска въ монастырь. Она могла передумать и раскаяться въ своей добротѣ...

Павелъ вертѣлся на своемъ нищенскомъ ложѣ и измышлялъ дикія рѣшенія на случай, еслибъ его опасенія осуществились.

Между тѣмъ забрезжило утро, и кромѣ созданій горячечной фантазіи другихъ враговъ не появлялось. Однако, безпокойство не покидало Павла. Уже въ четыре часа стоялъ онъ около колодца и тщательно умывался: вымылся весь съ головы до ногъ, надѣлъ чистую рубашку, штаны и куртку, которая была подвергнута основательному обновленію; на самомъ истрепанномъ мѣстѣ, какъ разъ противъ сердца, красовалась пестрая заплатка, кусокъ матеріи въ ладонь величиною, оставшійся при кройкѣ новаго корсажа Вински. Павелъ рѣшилъ отпороть этотъ лоскутъ и подарить Миладѣ, если онъ придется ей такъ же по вкусу, какъ ему. Веселый и нарядный двинулся онъ въ путь, не встрѣтивъ въ деревнѣ ни живой души. Особенно поспѣшно проскользнулъ онъ мимо стѣны замка, а тамъ пошелъ шагать съ горки на горку, съ тайнымъ безпокойствомъ, какъ бы его не нагнали и не воротили назадъ.

Добравшись до вершины, съ которой почти два года тому назадъ онъ слѣдилъ за каретой, увозившей сестру, Павелъ вздохнулъ

*) *Русская Мысль* 1897 г., кн. I.

свободнѣе. Онъ вспомнилъ, какъ красиво блестѣли тогда городскія башни. Сегодня небо было подернуто осенними облаками, скрывавшими отъ глазъ видъ на городъ. На поляхъ, блиставшихъ тогда яркою зеленью, теперь лежали большіе, твердые комья земли, поднятые плугомъ и точно сохранившіе на себѣ его металлическій блескъ. Павелъ шелъ далѣе, по временамъ терялъ изъ виду цѣль своего путешествія, но ему ни разу не пришло въ голову, что можно сбиться съ дороги.

Послѣ трехчасового пути, онъ отчетливо услышалъ бой часовъ на одной изъ городскихъ башенъ и подошелъ къ низенькимъ домикамъ предмѣстья.

Передъ нимъ лежалъ мостъ, о которомъ онъ часто слыхалъ дома; подъ мостомъ бурно клокотала вода,—въ жизнь свою не видалъ онъ ничего подобнаго. А Милада каждый день видитъ чудо, которому онъ удивляется, подумалъ Павелъ. Онъ почувствовалъ гордость и почтеніе къ сестрѣ. На мосту сидѣла старая женщина и продавала яблоки. Конечно, Милада попрежнему любитъ ихъ; хорошо бы снести ей парочку. Въ это время торговка отвернулась отъ него и стала рыться въ ящикѣ съ товаромъ. Стянуть пару яблоковъ—не хитрое дѣло... Взять или нѣтъ? Внутренній голосъ остановилъ его: нельзя нести Миладѣ краденое добро... Онъ колебался. Старуха обернулась, замѣтила Павла и любезно предложила купить яблоковъ.

— У меня нѣтъ денегъ,—запинаясь сказалъ мальчикъ.

Любезность торговки какъ рукой сняло.

— Нѣтъ денегъ, такъ ступай прочь!—грубо крикнула она.

Знакомый возгласъ. Павелъ почувствовалъ себя дома и почти съ довѣріемъ спросилъ старуху, какъ ближе пройти въ женскій монастырь.

— На что тебѣ женскій монастырь?—проворчала торговка.—Приходилъ бы вчера. Тамъ подаютъ по субботамъ.

Павелъ солгалъ, самъ не зная зачѣмъ; онъ сказалъ, что хорошо знаетъ порядки монастыря, еще разъ освѣдомился о дорогѣ и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, пошелъ къ большому дому, возвышавшемуся, какъ большая желтая коробка, на противоположномъ концѣ площади. Окна дома были поразительно малы. Сбоку нѣсколько ступеней спускалось къ низенькой дверкѣ.

Долго стоялъ Павелъ безпомощно противъ двери, стучалъ въ [illegible], дергалъ за ручку,—дверь не отворялась, стукъ оставался безъ отвѣта. Въ это время къ монастырю приблизилась толпа ребятишекъ: одинъ изъ нихъ спустился по лѣстницѣ, повисъ на ручкѣ

звонка и, быстро опустивъ ее, бросился прочь. Внутри дома раздался продолжительный звонъ; дверка открылась, Павелъ вошелъ въ нее и снова очутился передъ запертою дверью; впрочемъ, дверь была стеклянная, сквозь нее видны были сѣни съ низкими сводами, опирающимися на колонны; стѣны были покрыты разводами сырости. Наконецъ, появилась монахиня, смѣрила строгимъ взглядомъ посѣтителя и спросила:

— Зачѣмъ ты такъ громко звонилъ? Что тебѣ надо?

— Миладу,—пробормоталъ заикаясь Павелъ. Онъ сознавалъ, что находится подъ одной кровлей съ сестрой, и его охватило мучительное нетерпѣніе.—Гдѣ она?—закричалъ онъ.

— О комъ ты говоришь?—спросила монахиня. Здѣсь нѣтъ никакой Милады; ты, вѣроятно, ошибся.

Она уже собиралась выпроводить его вонъ, какъ Павелъ вспомнилъ о талисманѣ и передалъ письмо баронессы.

Монахиня долго смотрѣла на адресъ:

— Вотъ что!—сказала она.—Дитя мое, твою сестру зовутъ у насъ Маріей. Теперь ее нельзя видѣть, она въ церкви.

Павелъ заявилъ, что желаетъ идти въ церковь; при этомъ лицо его приняло такое рѣшительное и злое выраженіе, что привратницѣ стало страшно. Она терпѣливо объяснила ему, что онъ долженъ подождать конца обѣдни, затѣмъ проводила въ сосѣднюю комнату, оставила одного и заперла дверь на замокъ.

Павелъ оказался плѣнникомъ. Изъ мрачной комнаты, гдѣ онъ находился, былъ только одинъ выходъ, за то три окна съ тяжелыми, выгнутыми рѣшетками. Они выходили на площадку, обсаженную плодовыми деревьями, посрединѣ возвышалась статуя Божьей Матери изъ сѣраго вывѣтрившагося камня, на головѣ у нея былъ пестрый вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. «Навѣрное, его сплела Милада,—подумалъ Павелъ.—Шла бы она, шла бы скорѣе! Скорѣй бы кончилась обѣдня». Послышался благовѣстъ передъ пресуществленіемъ; Павелъ упалъ на колѣни и горячо молился: «Милосердый Боже, пошли ко мнѣ сестру!» Онъ желалъ, надѣялся и ждалъ. Колокола давно отзвонили къ послѣднему благословенію, а малютка все еще не появлялась. Кругомъ было тихо, какъ въ пустой церкви. Въ саду ни души, въ сосѣдней комнатѣ ни звука, ни шороха. Павелъ бросился къ двери и принялся стучать въ нее руками и ногами, пока хватило силъ. Все напрасно: никто не являлся освободить заключеннаго.

Выбившись изъ силъ, онъ въ отчаяніи опустился на полъ, около

ножекъ большого стола, который съ нѣсколькими стульями составлялъ всю меблировку комнаты.

«Она найдетъ, найдетъ! Меня заперли и забыли»,—повторялъ онъ сперва съ злобнымъ раздраженіемъ на чудовищный, невѣроятный поступокъ; затѣмъ тупо покорился неизбѣжному. Голова его отяжелѣла, вѣки сомкнулись—онъ заснулъ.

Павелъ спалъ крѣпкимъ, глубокимъ сномъ, даже шумъ порывисто отворенной двери не разбудилъ его; онъ пришелъ въ себя только тогда, когда его обхватили нѣжныя рученки и милый, любимый голосокъ радостно воскликнулъ:

— Павелъ, Павелъ, наконецъ-то ты пришелъ!

Онъ открылъ глаза, вскочилъ на ноги, взглянулъ, покраснѣлъ, какъ ракъ, хотѣлъ что-то сказать и не могъ, хотѣлъ прижать ее къ сердцу—и не рѣшился. Чудно красивой представлялъ онъ себѣ сестру, но такой, какъ она оказалась въ дѣйствительности—никогда!

На ней было синее платье, напоминавшее покроемъ священническій таларъ; на груди висѣлъ серебряный крестъ. Бѣлокурые волосы, заплетенные въ косу, спускались ниже таліи; на лбу, на вискахъ и затылкѣ непокорно вились золотистые локончики и точно сіяніе окружали головку. Въ нѣмомъ восторгѣ глядѣлъ Павелъ на малютку, вдругъ взоръ его омрачился; онъ поднялъ руки и закрылъ ими лицо. Такой неожиданный пріемъ на нѣсколько минутъ обезкуражилъ дѣвочку, однако, она снова обняла брата и лаской прогнала страхи, возникшіе у него при видѣ ея красоты. Онъ сѣлъ, посадилъ ее на колѣни, цѣловалъ, прижималъ къ груди и заставилъ разсказать до мельчайшихъ подробностей, какъ она живетъ, что дѣлаетъ, чему учится, но прежде всего... чѣмъ ее кормятъ. Онъ удивился, какъ мало значенія придавала она такому существенному вопросу. Милада заботилась только о томъ, чтобы стать лучшею дѣвочкой въ монастырѣ и добиться признанія этого факта.

— Очень трудно быть лучшей, потому что здѣсь много хорошихъ дѣтей; а я, все-таки, лучшая! —сказала она, весело выпрямляясь, и добавила скорѣе утвердительнымъ, чѣмъ вопрошающимъ тономъ:—вѣдь, ты также лучшій?

— Я?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.—Какъ мнѣ быть хорошимъ?

Не отымая скрещенныхъ пальцевъ отъ его затылка, она вытянула руки, откинулась назадъ, взглянула ему въ глаза и сказала:

— Какъ тебѣ быть хорошимъ? Да такъ, какъ вообще бываютъ хорошими... не дѣлать ничего дурного... Вѣдь, ты не дѣлаешь ничего дурного?

Онъ покачалъ головой, стараясь высвободиться изъ ея рукъ и главное избѣжать ея взора.

— Какъ же мнѣ не дѣлать дурного?—бормоталъ онъ,—безъ этого не проживешь.

— А что ты дѣлаешь дурного, напримѣръ?

— Напримѣръ?... я беру чужое...

— Что чужое?

— Странно, какъ ты спрашиваешь? Что-жъ еще брать? Что всегда бралъ: овощи, рѣпу, дрова...

Съ возрастающимъ страхомъ, но и съ надеждой малютка закричала:

— Значитъ ты воръ?

— Ну, да!

— Неправда! Скажи, что неправда, что ты не безчестный! Ради Бога, скажи!...

Она ласкалась, угрожала и страшно смутилась, когда онъ сказалъ въ свое оправданіе:

— Мнѣ мудрено не быть дурнымъ! У насъ были дурные родители.

— Именно поэтому ты долженъ быть хорошимъ,—вскричала она.—Какъ ты не понимаешь? Поэтому я должна быть лучшей во всемъ монастырѣ, а ты лучшимъ въ деревнѣ... чтобы милосердый Господь простилъ родителямъ, чтобы ихъ души были спасены... Подумай о душѣ нашего отца, гдѣ она теперь...

Мгновенная блѣдность покрыла ея розовыя щеки.

— Мы должны всегда молиться,—продолжала она,—молиться, молиться, дѣлать добрыя дѣла и при каждомъ добромъ дѣлѣ повторять: за несчастную душу, которая мучится въ чистилищѣ!

Павелъ подтвердилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ:

— Ужъ, конечно, мучится!

— Царь небесный!... А знаешь ли, что я думаю?—прошептала малютка,—если мы будемъ дурными, душа отца будетъ сильнѣе мучиться; тогда Господь подумаетъ, дѣти плохи потому, что получили дурной примѣръ...

Она замолчала, нѣсколько разъ вздохнула, широко открыла глаза и съ глубокимъ состраданіемъ взглянула на брата. Потомъ порывисто схватила обѣими руками его голову, приложила свое лицо къ его лицу и спросила:

— Зачѣмъ ты воруешь?

— Ну, что тамъ... оставь меня въ покоѣ!

Она крѣпче обняла его и еще разъ настойчиво повторила:

— Скажи мнѣ, скажи!

Но такъ какъ онъ упорно молчалъ, она стала отгадывать:

— Ты, можетъ быть, воруешь съ голоду... Ты бываешь иногда голоденъ?

Онъ пренебрежительно усмѣхнулся:

— Я всегда голоденъ!

— Всегда!

— Но я не обращаю на это вниманія,—старался онъ успокоить сестру, замѣтивъ, какъ огорчилъ ее такой отвѣтъ. Малютка не слушала его, она выбѣжала изъ комнаты, на ходу бормоча себѣ упреки.

Милада вскорѣ вернулась въ сопровожденіи бѣлицы, которая несла полную тарелку хлѣба съ мясомъ. Она поставила ѣду на столъ и пригласила Павла кушать.

Онъ отдалъ честь угощенію — ѣлъ жадно, но поразительно быстро насытился.

— Только и всего?—спросила монастырская служительница и привѣтливо взглянула на него молодыми, ясными глазами.—Ты не привыкъ къ ѣдѣ, сейчасъ и сытъ, знаю я это. Откуда онъ? Кто такой?—обратилась она къ Миладѣ.

— Изъ дому,—отвѣтила та,—это мой братъ.

— Ну, да, братъ во Христѣ; каждый нищій намъ братъ во Христѣ.

— Нѣтъ, онъ мой настоящій братъ!—настаивала Милада и разсердилась, когда бѣлица стала ее уговаривать, во-первыхъ, не раздражаться; во-вторыхъ, даже въ шутку не говорить неправды.

— Да, вѣдь, я не говорю неправды, сестра Филиппина, спросите мать настоятельницу, спросите сестру привратницу...—горячо настаивала дѣвочка.

Бѣлица возразила добродушно убѣдительнымъ тономъ:

— Успокойтесь, Марія, не капризничайте; вы давно не капризничали. Не надо повторять прежнихъ ошибокъ, иначе мнѣ придется доложить о васъ, вы отлично знаете, что я должна о всемъ докладывать.

Она поспѣшно взяла тарелку, весело поклонилась дѣтямъ и вышла.

— Монахиня не хочетъ вѣрить, что я твой братъ,—сказалъ Павелъ немного спустя.

Милада снова прижалась щекой къ его щекѣ и шепнула на ухо:

— Я думаю, что она, все-таки, повѣрила.

— Все-таки, повѣрила?... Зачѣмъ же она притворяется? И зачѣмъ ты ей хорошенько не объяснила? Почему ты сейчасъ же за-

молчала?... Я молчу, когда правъ, потому что мнѣ пріятно оставлять людей въ дуракахъ. Тогда я думаю: «Что взяли, ослы?» Впрочемъ, тебѣ это не нужно.

— Мнѣ-то! Я молчу не изъ упрямства и высокомѣрія, какъ ты, а изъ смиренія и самоуничиженія,—она била себя въ грудь, ея личико сіяло гордостью,—чтобы ангелы на небеси радовались на меня!

Ей льстило восхищеніе, съ какимъ братъ смотрѣлъ на нее. Дѣвочка продолжала:

— Павелъ, я не смѣю писать къ матери, но ты долженъ написать ей; напиши, что я постоянно молюсь за нее и хочу непремѣнно быть святой... Да!... и что я о ней забочусь; напиши, что я каждый день чего-нибудь себя лишаю, и каждый день дѣлаю хоть одно доброе дѣло для нея... а ты, Павелъ,—перебила она себя, взяла брата за плечи,—что ты дѣлаешь для нашей матери?

— Я,—отвѣтилъ онъ,—я ничего не дѣлаю.

— Не можетъ быть! Тебѣ надо что-нибудь дѣлать...

— А что? Я не знаю.

— Хочешь, я тебя научу? Ты долженъ подумать, что дѣлать матери, когда она вернется: куда ей дѣться? Гдѣ жить нашей бѣдной матери?

И вотъ, Милада предложила совершенно готовый планъ. Павелъ купитъ землю и выстроитъ на ней домъ для матери.

Онъ разсердился.

— Какъ строить домъ, когда у меня нѣтъ денегъ?

— За то у меня есть! —вскричала малютка.—Подожди, я ихъ сейчасъ принесу... сиди смирно и жди.

Дѣвочка поспѣшно выбѣжала вонъ; много времени прошло, прежде, чѣмъ она вернулась. За ней шла привратница и не спускала глазъ съ предмета, который Милада несла въ рукахъ.

— Послушайте,—спросила монахиня,—что вы хотите сдѣлать?

— Я подарю деньги брату; мнѣ разрѣшила мать-настоятельница.

Привратница неодобрительно посмотрѣла на дѣвочку и протяжно спросила: «Правда?»—затѣмъ медленно удалилась, не слышно ступая по полу.

Милада съ торжествомъ помахала вязанымъ кошелькомъ, сквозь петли котораго блестѣли и сіяли серебряныя монеты. Въ немъ заключались ея сбереженія; она получала еженедѣльно отъ баронессы карманныя деньги и отложила тридцать четыре гульдена. Даже

непрактичный Павелъ понималъ, что на такую сумму нельзя купить земли и выстроить домъ. Все-таки, это было основаніе, первая собственность, начало большихъ надеждъ. Дѣти придумывали, какъ увеличить капиталъ. Милада рѣшила, что Павелъ долженъ усердно работать и что-нибудь зарабатывать.

Павелъ возражалъ:

— Какъ мнѣ что-нибудь заработать? Пока я у пастуха, мнѣ ничего не заработать... Да!—вскричалъ онъ,—да, если бы...— У него въ головѣ блеснула мысль; необычайное волненіе вызвало лихорадочное возбужденіе,—если бы мнѣ остаться здѣсь; у васъ въ монастырѣ есть мыза; если бы монахини дали мнѣ мѣстечко...

— Мѣстечко?—спросила Милада и широко открыла глаза.

— Я бы сталъ ходить за быками, лошадьми, коровами, что-нибудь работать; только бы остаться здѣсь и не возвращаться въ деревню. Онъ взялъ сестру за руки и убѣждалъ похлопотать за него у монахинь.

Стоило его неповоротливой фантазіи раскачаться,—она неудержимо летѣла впередъ. Онъ будетъ такимъ превосходнымъ работникомъ, что его не замедлятъ назначить надсмотрщикомъ, а тамъ не далеко и до мызника. На заработанныя деньги онъ выстроитъ матери на родинѣ домъ. Пусть она живетъ тамъ; самъ онъ останется съ сестрой; они будутъ часто видаться и разговаривать, какъ сегодня. Если это случится, онъ будетъ счастливъ, сдѣлается честнымъ, покончитъ съ воровствомъ и безобразіемъ; покончитъ съ... Павелъ сжалъ кулаки и погрозилъ невидимому существу: съ Винской, хотѣлъ онъ сказать, но ему пришло въ голову, что этого имени не слѣдуетъ произносить въ присутствіи сестры. Малютка прильнула къ брату, не противорѣчила, слушала его мечты, какъ интересную сказку, и только по временамъ прибавляла красокъ къ картинѣ, которую онъ рисовалъ.

— Хорошо, ты будешь мызникомъ, а я—святой!—весело воскликнула она. Въ это время раздался громкій, протяжный звонъ колокола. Милада глубоко вздохнула.

— Это знакъ,—сказала она.

— Какой знакъ?

— Что тебѣ пора уходить.

— Я не уйду!... Ты же сама сказала, что я могу здѣсь остаться!—вскричалъ Павелъ.

Милада въ смущеніи возразила:

— Что ты? Развѣ я смѣю?

Звонокъ раздался у самой двери; она отворилась; вошла привратница и, не говоря ни слова, продолжала громко звонить.

Въ то же время появилась сестра Филиппина и сказала Павлу:

— Пріемный часъ конченъ, давно пора прощаться; скорѣй, скорѣй!

Онъ ничего не отвѣчалъ и не повиновался. Монахиня повторила приглашеніе. Павелъ сидѣлъ на мѣстѣ, опустивъ голову и крѣпко стиснувъ руки. Привратница позвала еще бѣлицу и приказала выпроводить упрямца; Миладѣ она велѣла оставить комнату. Малютка колебалась. Монахиня приблизилась къ ней и взяла ее за руку.

— Вы пойдете въ классъ,—сказала она, съ трудомъ скрывая дрожаніе въ голосѣ и стараясь напускною кротостью побѣдить сопротивленіе ребенка. Ея темные глаза смотрѣли недоброжелательно, и кроткія слова, обращенныя къ воспитанницѣ, звучали неласково. Малютка прислушивалась къ нимъ съ напряженнымъ, робкимъ вниманіемъ и вдругъ воскликнула:

— Прощай, Павелъ, прощай!—и поспѣшно вышла вонъ.

Павелъ вскочилъ, оттолкнулъ въ сторону бѣлицу, которая хотѣла удержать его, и стремглавъ бросился за Миладой.

— Останься!—кричалъ онъ,—развѣ ты забыла, что мы хотѣли сдѣлать, что должно случиться? Останься и разскажи монахинямъ все.— Онъ становился все необузданнѣе и угрожалъ служительницамъ, которыя рѣшились выпроводить его силой. Мирной обители грозила опасность стать мѣстомъ дѣйствія кулачной расправы. Неожиданно отворилась дверь, ведущая въ садъ, и пропустила рядъ монахинь, во главѣ которыхъ шла настоятельница. Съ кроткой улыбкой на прекрасномъ лицѣ, съ выраженіемъ легкаго удивленія обратила она большіе, ясные глаза на возбужденную привратницу и остановилась въ дверяхъ. Привратница точно окаменѣла, бѣлицы присѣли до половины своего роста, Милада сдѣлала глубокій поклонъ, склонила головку на бокъ и то краснѣла, то блѣднѣла.

— Что такое? Что здѣсь случилось?—спросила настоятельница. Чистый, металлическій звукъ ея голоса былъ такъ же пріятенъ для уха, какъ благородныя черты для глазъ. — Привратница дала нѣсколько сбивчивое объясненіе; при этомъ она не пощадила Павла; настоятельница слушала ее съ чисто ангельскимъ терпѣніемъ; взоръ ея кротко покоился на нарушителѣ тишины.

— Ты хочешь поговорить съ монахинями?—сказала она ему;—говори, дитя мое, онѣ передъ тобой!

При звукѣ ласковыхъ словъ, Павелъ затрепеталъ отъ восторга

и воскресшей надежды, но не рѣшался приступить къ дѣлу. Робко смотрѣлъ онъ на лучезарную, величественную женщину въ темной одеждѣ и не могъ шевельнуть языкомъ. Онъ испытывалъ такое чувство, точно передъ нимъ стояла Пресвятая Дѣва... Когда взоръ его скользнулъ по рукамъ, ему показалось, что въ тонкихъ пальцахъ, скрещенныхъ на поясѣ блеснулъ ключъ отъ неба. Вдругъ, точно сильная рука схватила его и бросила на колѣни; губы тихо и пламенно прошептали:

— Избавленія, избавленія!

Минуту спустя сестра опустилась рядомъ съ нимъ на колѣни и стала тоже умолять только громче и смѣлѣй:

— Избавленія, избавленія!... Избавьте его, мать настоятельница.

Та, къ которой обращена была просьба, сдѣлала жестъ, точно желая оборониться, затѣмъ протянула къ Миладѣ обѣ руки, подняла ее и сказала:

— Я не знаю, чего вы хотите? Такъ не просятъ, и ты, молодой человѣкъ, встань и скажи яснѣе, чего тебѣ надобно?

Павелъ быстро поднялся; его щеки пылали; капли пота выступили на лицѣ; онъ хотѣлъ говорить, но изъ губъ его вылетало одно хриплое бормотанье.

— Скажи за него, чего онъ хочетъ?—обратилась настоятельница къ Миладѣ.

— Ему бы хотѣлось остаться здѣсь!—прошептала дѣвочка въ смущеніи;—онъ бы сталъ ходить за коровами или за лошадьми.

Настоятельница разсмѣялась; разсмѣялись и всѣ ея спутницы, высокія и низкія, толстыя и худыя, добродушныя и строгія.

— Какъ пришла ему такая мысль? Надоумилъ его кто-нибудь?... Сестра экономка, есть у насъ мѣсто на мызѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтила одна изъ монахинь.

Павлу показалось, что обѣ женщины молча обмѣнялись взглядомъ.

— Можетъ быть, мызникъ думаетъ отпустить кого-нибудь изъ рабочихъ?—снова спросила настоятельница.—Мальчикъ могъ это узнать раньше насъ; не такъ ли?

— Нѣтъ, я знаю навѣрно, что мызникъ не собирается никому отказывать.

— Такъ, такъ!—протянула настоятельница.—Ты видишь, дитя мое, что дѣлать нечего; приславшіе тебя ошиблись. Иди домой, дитя мое, иди съ Богомъ; а ты, Марія, иди въ классъ!

Она повернулась и пошла дальше. Павелъ бросился къ ней;

благоговѣйный страхъ связывалъ до сихъ поръ ему языкъ; отчаяніе развязало его.

— Ради Бога, милостивая, благословенная начальница, ради Бога, оставьте меня здѣсь; не отсылайте меня въ деревню!—кричалъ онъ, хватаясь за ея платье.—Милада говоритъ, что я долженъ быть честнымъ; въ деревнѣ я не могу быть честнымъ... Здѣсь я буду честнымъ, оставьте меня!... Въ деревнѣ я—воръ и долженъ быть воромъ...

— Дитя, дитя! Что ты говоришь?—перебила настоятельница.—Никто не долженъ воровать; каждый человѣкъ можетъ заработать честный кусокъ хлѣба.

— Я не могу!—закричалъ Павелъ и обернулся къ двумъ монахинямъ, которыя по знаку настоятельницы хотѣли оттащить его.—Я не могу!... Все, что я заработываю, Виргилій отымаетъ и пропиваетъ; я за него работаю и ничего не получаю... Міръ долженъ давать мнѣ одежду и не даетъ... Когда Виргилиха идетъ къ нимъ и говоритъ: у парня нѣтъ рубахи, у парня нѣтъ куртки, они отвѣчаютъ: А у насъ нѣтъ денегъ!... Ходить на охоту и въ трактиръ—у нихъ всегда есть деньги...

Настоятельница неодобрительно покачивала головой и дѣлала по временамъ возраженія; Павелъ немедленно разбивалъ ихъ. Молчаливый юноша весь высказался въ правдивой, грубо-жесткой рѣчи. Его слова не были плодомъ долгаго размышленія; они явились слѣдствіемъ сознанія своего несчастія и надежды на избавленіе. Каждое новое обвиненіе противъ своей пріемной матери-общины, каждый порывъ гнѣва и отчаянія онъ заключалъ жалобной просьбой:

— Оставьте меня здѣсь, не отсылайте въ деревню.

Но каждый разъ, когда глаза его обращались со страхомъ или надеждой къ высокой женщинѣ, которой онъ приписывалъ власть измѣнить его злосчастную судьбу,—онъ встрѣчалъ одно и то же кротко-неумолимое выраженіе. Она смотрѣла безконечно-благочестиво, безконечно-безучастно и подобно ей смотрѣли всѣ спутницы.

Туго соображавшій Павелъ, наконецъ, понялъ, что всѣ просьбы напрасны.

— Иди, дитя мое,—сказала настоятельница,—иди съ Богомъ и будь увѣренъ, что гдѣ бы ты ни былъ, Богъ всегда защититъ тебя. Если Господь съ нами, что могутъ намъ сдѣлать люди? Что намъ ихъ дурной примѣръ и испытанія, которыя мы черезъ нихъ переносимъ? Иди съ миромъ, дитя мое, и да хранитъ тебя Богъ.

Она подала знакъ привратницѣ; та поспѣшно открыла двери сѣней. Молча, не прощаясь, пошелъ Павелъ къ выходу. За нимъ

раздался раздирающій душу крикъ. Милада, которая стояла все время неподвижно, съ опущенными глазами и покорно склоненною набокъ головкой, бросилась за братомъ.

— Подожди, я иду съ тобой!—вскричала она; бросилась ему на шею и, осыпая его поцѣлуями, всхлипывала:—Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!

Внѣ себя, она била кулаками монахинь, которыя подошли къ ней и ласково уговаривали успокоиться. Она судорожно всхлипывала и взвизгивала:

— Оставьте меня, я пойду съ нимъ, потому что онъ бѣденъ, потому что онъ—воръ... Посмотрите, посмотрите на него,—онъ въ лохмотьяхъ; ему нечего ѣсть; я тоже хочу ходить въ лохмотьяхъ; я тоже хочу голодать; не хочу быть святой и идти на небо, если онъ будетъ въ аду!

Она кричала, точно хотѣла крикомъ надорвать себѣ грудь. Павелъ, смущенный порывистостью сестры, обрадованный неожиданнымъ выраженіемъ ея любви, сконфуженный и счастливый, въ оцѣпенѣніи смотрѣлъ на нее и не шевельнулся, когда монахини образовали около нихъ тѣсный кругъ, отцѣпили руки малютки отъ его шеи и крѣпко держа ее за ноги и за руки, понесли прочь. Все это дѣлалось очень бережно, безъ малѣйшаго признака нетерпѣнія; лица благочестивыхъ женщинъ выражали только глубокую грусть и искреннее сожалѣніе, когда ихъ воспитанница продолжала сопротивляться.

— Павелъ,—кричала она,—Павелъ, отыми меня!... Уйдемъ, уйдемъ прочь... Пойдемъ вмѣстѣ работать! пойдемъ на каменоломню, какъ прежде, когда мы были маленькими... Я буду о тебѣ заботиться, чтобы ты не былъ воромъ... Отыми меня!... Возьми съ собой... Не уходи одинъ... Если ты уйдешь, я тебя никогда не увижу... Онѣ тебя никогда больше не пустятъ ко мнѣ. Никогда! Никогда!...

Ея крики перешли въ рыданія и окончились судорожнымъ кашлемъ. Павелъ жалобно стоналъ. Крикъ Милады о помощи надрывалъ ему сердце, но онъ сохранилъ настолько здраваго смысла, чтобы понять, что ея требованія неисполнимы, и благія намѣренія превышаютъ силы.

Наконецъ, она умолкла,—вѣроятно, отъ истощенія. Павелъ не могъ ее видѣть: ихъ раздѣляли сплошные ряды монахинь. Вмѣсто напряженнаго голоса сестры мальчикъ услышалъ серебристые звуки, которые успокоивали, уговаривали, убѣдительно, робко, тихо, тихо... Павелъ задержалъ дыханіе и прислушался — малютка

умолкла. Только по временамъ слышалось ея всхлипыванье, вырывавшееся изъ глубины измученной груди. Ему казалось, что при этомъ она произносила его имя. Онъ не могъ долѣе выдержать, бросился впередъ, чтобы прорваться черезъ ряды монахинь, скрывавшихъ отъ него сестру. Онъ ожидалъ сопротивленія и ошибся; какъ по командѣ разступились монахини на обѣ стороны, и онъ увидалъ Миладу, которая стояла рядомъ съ настоятельницей и держала ее за руку. Блѣдная, дрожащая, съ наплаканными глазками, склонивъ набокъ головку, она молча смотрѣла въ землю. Ему непреодолимо захотѣлось схватить ее на руки и бѣжать прочь. Двери были отворены; нѣсколько шаговъ—и они на свободѣ, а тамъ пусть монахини попробуютъ догнать его!... А потомъ что? Куда поведетъ онъ сестру? Въ нищенскій уголъ! И онъ побѣдилъ горячее желаніе.

— Подойди ближе,—сказала настоятельница,—скажи сестрѣ своей: прощай!

Онъ исполнилъ приказаніе и по собственному побужденію прибавилъ:

— Въ будущее воскресенье я приду опять.

Малютка снова разразилась слезами и, не подымая глазъ, прошептала:

— Можно ему придти?

— Я не могу обѣщать этого заранѣе,—отвѣтила настоятельница,—это зависитъ не отъ меня, а отъ тебя, отъ твоего поведенія. Твой братъ можетъ приходить всегда, когда ты будешь умной, послушной и,—она съ особеннымъ удареніемъ произнесла:—терпѣливой.

— Хорошо!—весело вскричалъ Павелъ. Такое условіе подѣйствовало на него успокоительно. Онъ не могъ понять, почему Милада грустно и недовѣрчиво покачала головкой, когда, обнимая и цѣлуя ее, онъ обѣщалъ непремѣнно придти черезъ недѣлю.

Когда малютку увели, а Павелъ, по приказанію привратницы, оставилъ сѣни и вышелъ на площадь, онъ почему-то разсмѣялся.

Мальчикъ смѣялся надъ глупою дѣвочкой, которая спокойно перенесла нѣсколько лѣтъ разлуки, а теперь убивалась изъ-за одной недѣли. Бѣдная малютка, какъ она его любитъ! Онъ этого и не воображалъ! Она всѣмъ была готова пожертвовать для него: прекраснымъ домомъ, хорошимъ платьемъ, вкусною ѣдой... и даже небесными благами... Онъ вознаградитъ ее за это; ужъ онъ знаетъ какъ; онъ станетъ достойнымъ ея любви.

Блаженная гордость, счастливая увѣренность охватили все его существо; что-то хорошее, непостижимое наполнило его сердце.

Онъ не могъ дать себѣ отчета, что это такое; онъ не могъ назвать этого чувства; оно было ему такъ ново, такъ чуждо,—онъ впервые испытывалъ счастіе. Подъ вліяніемъ совершившагося внутри него чуда, юноша ожидалъ другого извнѣ. Медленно шагая впередъ, онъ пришелъ понемногу къ убѣжденію, что въ близкомъ будущемъ его ожидаетъ перемѣна судьбы, что онъ на пути къ началу новой, лучшей жизни.

Павелъ шелъ почти часъ и едва прошелъ четверть пути; тутъ нагналъ его посланный, который также шелъ изъ города въ деревню; старый знакомецъ, ночной сторожъ Венделинъ Мухъ. Каждое воскресенье, рано утромъ, баронесса посылала его въ монастырь. Онъ приносилъ Миладѣ карманныя деньги, письмо настоятельницѣ и подарки для ея бѣдныхъ. Баронесса получала черезъ него недѣльный отчетъ о своей воспитанницѣ.

На этотъ разъ къ обычному отчету настоятельница на-скоро прибавила слѣдующія строки: «Свиданіе дѣтей не принесло желаннаго результата. Оно пробудило каплю бродяжнической крови, къ сожалѣнію, текущей въ жилахъ нашей любимицы. Мы боимся, что потребуется много времени, прежде чѣмъ удастся изгладить вредъ, который причинило это первое и, если госпожа баронесса захочетъ послѣдовать нашему совѣту, послѣднее свиданіе дѣтей».

VIII.

Подъ вечеръ, когда Павелъ возвратился назадъ, онъ еще издали увидалъ на улицѣ Виргилиху, которая, казалось, кого-то поджидала. Она окликнула его, ласково поздоровалась и съ участіемъ спросила о путешествіи. Онъ отдѣлался односложными отвѣтами, подозрительно взглянулъ на нее и подумалъ: «что ты лебезишь, старая колдунья?»

Онъ не долго оставался въ неизвѣстности. Настойчивость, съ которой старуха шла за нимъ, робкое упрашиваніе, чтобъ онъ подождалъ ее и не бѣжалъ впередъ, открыли ему глаза.

«Виргилиха хочетъ удержать меня подальше отъ дома, значитъ, тамъ происходитъ что-нибудь, чего мнѣ не слѣдуетъ видѣть»... Едва явилось подозрѣніе, какъ онъ бросился бѣжать, быстро достигъ лачужки пастуха, сильно толкнулъ дверь и вошелъ въ сѣни. Павелъ бросилъ взглядъ въ комнату: Винска, красивая и нарядная, сидѣла на постели и, закрывъ лицо руками, всхлипывала.

Передъ ней стоялъ Петръ, съ миной кающагося грѣшника, красный, какъ ракъ; его шапка, украшенная тремя павлиньими перьями, съѣхала на затылокъ.

Когда Павелъ появился на порогѣ, Винска быстро вскочила и закричала:

— Ты опять здѣсь? Что тебѣ надо? Зачѣмъ пожаловалъ?

Онъ злобно посмотрѣлъ на шляпу Петра, украшенную перьями, и мрачно спросилъ:

— Ему подарила?

На мгновеніе Винска смутилась. Сынъ старосты высокомѣрно сказалъ:

— Чего собака суется не въ свое дѣло? Это тебя не касается. Проваливай!

Павелъ широко разставилъ ноги, уперся ими въ полъ и грубо проворчалъ:

— Я не для тебя кралъ перья; отдай ихъ Винскѣ!

Петръ повернулъ голову, проворчалъ протяжное, угрожающее: «Ты?!»—и замахнулся на Павла кулакомъ. Въ одно мгновеніе Винска повисла у него на рукѣ всею тяжестью своего сильнаго, упругаго тѣла. Она вытерла о его плечо слезу, блестѣвшую на щекѣ, и прошептала:

— Оставь его; онъ ничего не знаетъ; онъ непроходимо глупъ!

— Кто?—закричалъ Павелъ, и холодный потъ выступилъ у него на лбу.

— Тотъ, кто спрашиваетъ! — отвѣтила дѣвушка.—А теперь слушай и замѣть себѣ: все, что принадлежитъ мнѣ, принадлежитъ и ему,—она ткнула пальцемъ въ грудь Петра,—мнѣ нѣтъ надобности дарить ему что-нибудь, потому что я сама принадлежу ему отъ головы до пятокъ. До тѣхъ поръ, пока онъ желаетъ владѣть мной, — я его, а когда я не буду ему нужна, то утоплюсь въ рѣчкѣ.

Сынъ старосты повторилъ свое: «Ты?!»—но на этотъ разъ оно относилось къ возлюбленной и выражало нѣжный упрекъ. Толстый, самодовольный парень рядомъ съ безпомощною, преданною дѣвушкой казался ничтожествомъ.

— Не рюмь,—сказала Винска, вздыхая,—въ концѣ концовъ мнѣ не миновать рѣчки. Вѣдь, ты не можешь жениться на бѣдной дѣвушкѣ.

— Жениться? Онъ на тебѣ? — Павелъ разразился грубымъ смѣхомъ.—Жениться!... Вотъ что выдумала!

— Никогда,—грустно возразила Винска.—Я никогда ничего не воображала, кромѣ того, что онъ мой первый любовникъ; онъ меня погубитъ,—многія погибаютъ отъ своихъ первыхъ любовниковъ. Я не могу совладать съ собой и, если узнаю, что Петръ по-

слушался отца и женится на богачкѣ Милославѣ, не говоря ни слова, брошусь въ рѣчку.

— Дитя, дитя!—вскричалъ Петръ, топнувъ ногой, взялъ въ руки ея круглую головку и страстно поцѣловалъ ее въ лобъ.

Павелъ выбѣжалъ вонъ. Онъ отмахивался, точно на него напалъ рой пчелъ, отъ котораго онъ старается избавиться. Затѣмъ, несмотря на усталость, пошелъ безцѣльно бродить по деревнѣ.

«Какое ему дѣло до того, что Винска, несмотря на данное слово, осталась любовницей Петра?—старался онъ убѣдить себя.—А вотъ, что дочь пьяницы Виргилія и его безшабашной супруги вознамѣрилась стать снохой старосты — это непозволительно, чудовищно! Дѣло не обойдется безъ возмездія: Винскѣ не миновать рѣчки».

При одной мысли онъ почувствовалъ рѣзкую, невыносимую боль и въ то же время злобную радость, что врагу придется испытать часть его муки.

Наступили сумерки; все замолкло; тишина раздражала несчастнаго, который не могъ найти успокоенія и усмирить свою бушующую кровь.

Странствуя по деревнѣ, Павелъ приблизился къ дому старосты и остановился противъ него у забора. Въ это время дверь дома отворилась, оттуда вышли два человѣка; Павелъ узналъ ихъ по голосамъ, когда они переходили улицу: это были два старѣйшихъ члена общины.

— Дѣло плохо; онъ недолго протянетъ. Какъ по-твоему?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Очень недолго,—отвѣтилъ другой.

«Кто? Бога ради, кто не долго протянетъ?... Староста?» — Павелъ вдругъ припомнилъ, что недавно встрѣтилъ послѣдняго и не узналъ,—до того тотъ перемѣнился.—«Староста боленъ и умретъ, тогда Петръ будетъ самъ себѣ голова и женится на Винскѣ... если захочетъ»...

Крестьяне направились къ трактиру; Павелъ послѣдовалъ за ними, стараясь подслушать ихъ разговоръ, но не въ состояніи былъ разобрать ни одного слова: сильный стукъ и шумъ въ головѣ заглушалъ звуки, приходящіе извнѣ. Мысль, приведшая его на мгновеніе въ бѣшенство, потеряла всю силу передъ другой, не менѣе мучительной, но болѣе чудовищной; онъ въ реальныхъ образахъ видѣлъ то, что недавно считалъ невозможнымъ: ненавистная, горячо-любимая стояла передъ алтаремъ въ вѣнчальномъ головномъ уборѣ, на который не имѣла болѣе права. Онъ почувствовалъ не-

стерпимую боль, душевная борьба его разрѣшилась злобнымъ желаніемъ: «Пусть лучше бросится въ рѣчку!»

Къ шедшимъ впереди крестьянамъ присоединились другіе; кучка остановилась на нѣкоторое время передъ открытою дверью трактира, посудачили и вошли внутрь.

Павелъ пробрался въ сѣни, идти дальше у него не хватало смѣлости. Комната была полна народу, хотя на этотъ разъ танцевъ и музыки не было: играли въ карты, курили, пили, спорили. Нѣкоторые парни угощали дѣвушекъ мясомъ и виномъ. За однимъ столикомъ, между работникомъ и работницей почтмейстера сидѣлъ Арностъ; передъ ними стояла кружка пива, изъ которой всѣ трое поочередно прихлебывали. Тщедушный юноша за послѣднее время значительно выровнялся, смотрѣлъ сытымъ, былъ аккуратно одѣтъ и даже обзавелся собственной трубкой. Годъ тому назадъ онъ потерялъ своего безпутнаго отца и съ тѣхъ поръ зажилъ хорошо; онъ зарабатывалъ на содержаніе себѣ и матери, не позволялъ старухѣ торговать краденымъ добромъ. Когда она попробовала ослушаться, немилосердно исколотилъ ее.

Съ товарищами дѣтства онъ почти не знался, Павла оставилъ совсѣмъ въ покоѣ, только отъ времени до времени оказывалъ ему маленькія услуги, въ воспоминаніе многихъ пòроковъ, которыя тотъ перенесъ за него.

Когда Арностъ увидалъ подпаска, засматривающаго въ дверь, то обратилъ на него вниманіе своихъ компаніоновъ,—ему показалось, что Павелъ, по обыкновенію, голоденъ. Маленькое общество поднялось; Арностъ заплатилъ и, получивъ сдачу съ серебряной монеты, хвастливо бросилъ издали Павлу крейцеръ. Тотъ поймалъ его, съ минуту подержалъ въ поднятой рукѣ, затѣмъ, раскрылъ ее и пустилъ монету на полъ.

Арностъ закричалъ:

— Глупый малый, сыщи же его, сыщи крейцеръ!

Павелъ засунулъ руки въ карманы:

— Ищи самъ, я не нуждаюсь въ твоихъ деньгахъ, у меня есть свои!—отвѣтилъ онъ и вытащивъ кошелекъ съ торжествомъ потрясъ имъ въ воздухѣ, такъ что серебряные гульдены зазвенѣли.

— Деньги! У нищаго, оборванца—деньги!

Поднялась суматоха; многіе встали съ своихъ мѣстъ, въ дверяхъ произошла давка. Рабочій схватилъ Павла за шиворотъ, трясъ и приговаривалъ:

— Откуда у тебя деньги? Откуда? Воръ!

На этотъ разъ юноша долженъ былъ благословлять судьбу, что

его куртка была ветха и немедленно подалась, какъ только онъ уперся ногами въ колѣни рабочаго и сильнымъ толчкомъ вырвался на свободу. Оставивъ кусокъ сѣрой матеріи въ рукахъ непріятеля, Павелъ помчался къ двери и выскочилъ на темную улицу. Несясь по улицѣ, онъ слышалъ за собой топотъ преслѣдующихъ. Въ порывѣ злобы онъ обернулся и закричалъ: «Откуда у меня деньги?— укралъ!»—и съ грубымъ хохотомъ помчался впередъ. Толпа деревенскихъ парней, съ Арностомъ во главѣ, грозя и ругаясь, бросилась на голосъ.

Павелъ завернулъ въ переулокъ, который велъ къ площади, гдѣ находилась школа. Въ переулкѣ онъ наткнулся на мирно шагавшаго ночного сторожа, сбилъ старика съ ногъ, такъ что тотъ свалился, какъ снопъ, споткнулся о него самъ, быстро вскочилъ и побѣжалъ дальше. Крикъ сторожа показалъ путь потерявшимъ слѣдъ парнямъ. Затравленному оставалось одно — броситься въ школу. Дверь была не заперта; онъ вошелъ, задвинулъ засовъ и вбѣжалъ по лѣстницѣ въ комнату учителя; между тѣмъ Арностъ съ товарищами уже стучали въ дверь и шумѣли на улицѣ.

Хабрехтъ сидѣлъ среди комнаты за столомъ и при яркомъ свѣтѣ небольшой лампочки читалъ. Онъ оперся локтями о столъ, подперъ кулаками щеки; его обыкновенно блѣдное лицо пылало, всегда усталые, тусклые глаза горѣли болѣзненнымъ блескомъ. Точно свалившись изъ другого, чудно-печальнаго міра на скорбную землю, учитель смотрѣлъ полуиспуганно, полусердито на бурно ворвавшагося юношу и при этомъ непроизвольнымъ движеніемъ закрылъ книгу.

— Г-нъ учитель,—задыхаясь бормоталъ Павелъ,—г-нъ учитель, возьмите деньги.

Онъ передалъ свой кошелекъ и быстро, отрывочными фразами, разсказалъ, откуда взялось его богатство, какъ онъ ввелъ въ заблужденіе людей, которые теперь ломятся въ двери.

— Чортъ тебя надоумилъ! — привѣтствовалъ его Хабрехтъ; подошелъ къ окну, открылъ его и закричалъ изъ всѣхъ силъ, чтобы буяны убирались. Онъ арестуетъ мальчика и завтра самъ сведетъ къ старостѣ. Слова не подѣйствовали, учителю пришлось спуститься для переговоровъ внизъ, чтобы помѣшать буянамъ высадить дверь. Пока старикъ велъ переговоры, Павелъ стоялъ среди комнаты, съ пылающей головой, плотно прижавъ къ груди злосчастное сокровище.

«Никогда, никогда больше не буду такъ говорить!»—думалъ онъ.

Безконечно долго тянулось время, наконецъ, шумъ стихъ. Ар-

ность съ компаніей направился назадъ, и долго еще доносились ихъ возбужденные голоса. Учитель вошелъ въ комнату, онъ былъ разгорячень, его жидкіе, торчащіе волосы были въ страшномъ безпорядкѣ.

— Наконецъ-то, ушли,—сказалъ Павелъ.

— Только бы не вернулись!—проворчалъ Хабрехтъ.

— Пусть сунутся,—сказалъ Павелъ, выразительно глядя на кувшинъ съ водой, который стоялъ въ уголкѣ, возлѣ кровати.— Пусть, вернутся, я окочу ихъ водой!

— Успокойся, ты этого не сдѣлаешь. Лучше подумаемъ, куда спрятать твои деньги. Смотри сюда!

Учитель отодвинулъ столъ къ стѣнѣ и приподнялъ часть пола, на которой онъ стоялъ. Подъ нимъ оказалось незначительное пустое пространство, куда старикъ положилъ книгу, за которой его засталъ Павелъ, и деньги. Затѣмъ тщательно закрылъ отверстіе.

Мальчикъ внимательно наблюдалъ за учителемъ и, когда все было приведено въ порядокъ, столъ поставленъ на прежнее мѣсто, спросилъ:

— Что это за книга? Волшебная?

Хабрехтъ разсвирѣпѣлъ:

— Глупо и нахально! Ты не знаешь, что меня всего больше огорчаетъ! Хочешь, чтобы я также сталъ твоимъ врагомъ, мало у тебя ихъ? Я часто удивлялся,—все болѣе разгорячаясь продолжалъ онъ,—что всѣ противъ тебя; ничего нѣтъ удивительнаго, иначе быть не могло, ты самъ кругомъ виноватъ. Кого ты любишь? Кого уважаешь?... У тебя даже ко мнѣ нѣтъ капли уваженія... Волшебная книга!

Онъ повторилъ это слово съ новымъ взрывомъ негодованія и укоризненно потрясъ поднятыми вверхъ руками.

Павелъ покраснѣлъ, надулся, губы задрожали, точно онъ хотѣлъ разразиться слезами. Однако, онъ овладѣлъ собой и собравшись съ силами объявилъ учителю, что съ нынѣшняго дня рѣшилъ начать новую жизнь, какъ обѣщалъ утромъ сестрѣ.

Учитель вздрогнулъ и мрачно засмѣялся.

— Правильно поступлено, юноша на вѣрной дорогѣ; умно задумалъ—безумно сдѣлалъ, бѣло началъ—черно кончилъ.

Онъ схватился за голову и съ мучительной болью простоналъ:

— Глупый малый, бѣдняга! мнѣ это знакомо, я бы могъ кое-что поразсказать—не тебѣ,—прервалъ онъ себя, махая указательнымъ пальцемъ подъ носомъ Павла.—Не для тебя такіе разсказы,—сказалъ онъ, замѣтивъ съ какимъ напряженнымъ ожиданіемъ смотрѣлъ

на него мальчикъ.—Еще рано, можетъ быть, позже, когда ты будешь разумнѣе, сознательнѣе. Теперь ты только получаешь раны, но мимоходомъ, поверхностныя, неглубокія; погоди, пока онѣ изъязвятъ тебя, тогда вспомнишь обо мнѣ, позже—въ старости. Тогда ты узнаешь, что всего хуже страдать подъ старость отъ безумныхъ поступковъ, совершенныхъ въ юности. Не особенно крупныхъ, многіе поступаютъ гораздо хуже и живутъ себѣ преспокойно въ мирѣ съ собой и людьми. Заносчивость, дурацкое хвастовство, ничтожная ложь—и здѣсь адъ кромешный!

Онъ билъ себя въ грудь кулакомъ, потомъ сѣлъ на стулъ, опрокинулся головой на столъ и замолчалъ. Долго лежалъ онъ, вздрагивая, какъ въ лихорадкѣ. Павелъ съ состраданіемъ смотрѣлъ на него и не смѣлъ пошевельнуться. Что же дѣлалъ г-нъ учитель?... всхлипывалъ? Отчего вздрагивало его тщедушное тѣло, точно потрясенное неудержимыми рыданіями? Боже мой, чѣмъ огорчается человѣкъ? Какую несправедливость испыталъ онъ въ юности? Отчего подъ старость не можетъ жить спокойно?... Вообще, Павелъ не былъ любопытенъ, однако, охотно узналъ бы тайну учителя и также охотно помогъ бы ему, а съ нимъ вмѣстѣ и себѣ. Онъ даже придумалъ какимъ образомъ. Весь день въ головѣ его шла бурная работа.

— Г-нъ учитель,—началъ онъ, приближаясь и тихонько ударяя его пальцемъ по плечу.—Г-нъ учитель, послушайте, я хочу вамъ кое-что сказать.

Хабрехтъ поднялъ голову, мрачно улыбнулся и сказалъ:

— Ты еще здѣсь, глупый малый, ступай домой. Ступай,—повторилъ онъ строго, послѣ того какъ первое приказаніе осталось безъ послѣдствій.

Павелъ не шелохнулся и стоялъ, какъ воплощенная рѣшимость. Спокойно глядя учителю въ глаза, онъ заявилъ, что не пойдетъ сегодня домой и начнетъ новое дѣло. Онъ уже хотѣлъ начать его въ монастырѣ, но тамъ оно не выгорѣло, поэтому онъ просилъ у г-на учителя позволенія начать дѣло здѣсь.

— Что начать?—спросилъ тотъ.

— Новую жизнь,—отвѣтилъ Павелъ и поразительно разумно объяснилъ, какъ онъ ее себѣ представляетъ.

Въ монастырѣ онъ усердно просилъ, чтобы его оставили; учителю же обѣщалъ точно въ утѣшеніе, что съ этихъ поръ останется у него и будетъ заботиться, чтобы изъ ихъ совмѣстной жизни былъ прокъ для обоихъ.

Учителю часто приходилось сердиться на небрежность, съ ка-

кой община относилась къ своимъ обязанностямъ: поля, принадлежащія школѣ, стояли необработанными. Теперь онъ займется полями и также садомъ; пусть посмотрятъ, какъ они преобразятся и долго ли садъ останется пустыремъ. Медленно излагалъ Павелъ свои планы: платы за трудъ ему не нужно, — онъ выговаривалъ себѣ только кровъ и пропитаніе. Деньги можно заработать глубокой осенью и зимой на фабрикѣ, гдѣ платятъ гульденъ въ день. Когда накопится тысяча гульденовъ, онъ купитъ клочокъ земли и выстроитъ на ней домъ.

Сестра, съ своей стороны, будетъ продолжать копить; онъ будетъ по возможности часто навѣщать ее,— тяжело ему было такъ долго не видаться съ ней. Подъ конецъ онъ опять заговорилъ въ успокоительномъ тонѣ и обѣщалъ, аккуратно каждый вечеръ проводить съ учителемъ, «чтобы вы не были такъ одиноки; при мнѣ вы почитаете свою,—онъ чуть не сказалъ волшебную книгу, но къ счастью проглотилъ первое слово и произнесъ только второе,— а я буду считать свои деньги».

Хабрехтъ предоставилъ ему говорить и только по временамъ со вздохомъ бормоталъ: «Глупый малый!» Однако Павелъ замѣтилъ, что учитель не совсѣмъ отрицательно относился къ его планамъ.

— Все это прекрасно,—сказалъ онъ, наконецъ,—или, по крайней мѣрѣ, не такъ глупо, какъ отъ тебя можно было ожидать; но мы ничего не смѣемъ предпринять безъ разрѣшенія общины.

— Съ ней не трудно поладить: стоитъ только г. учителю приняться за дѣло, — думалъ Павелъ. Онъ съ непоколебимою твердостью выразилъ свое мнѣніе и на всѣ возраженія съ упорнымъ терпѣніемъ повторялъ одинъ и тотъ же доводъ, до тѣхъ поръ, пока учитель не сдался.

— Ну, Богъ съ тобой, оставайся, если тебя ничѣмъ не выживешь, репейникъ!

Тогда Павелъ радостно прыгнулъ, такъ что полъ заскрипѣлъ и задрожалъ.

— Я зналъ, что г. учитель мнѣ поможетъ!

Учитель велѣлъ ему умѣрить дикіе порывы и неуклюжія движенія; самъ, ворча, но съ глубоко-искреннимъ выраженіемъ на блѣдномъ старческомъ лицѣ, занялся приготовленіемъ къ водворенію и угощенію гостя. Павелъ получилъ кусокъ хлѣба съ масломъ, такого вкуснаго, какого ни раньше, ни позже ему не приходилось пробовать. Затѣмъ, учитель открылъ дверь въ чуланчикъ рядомъ съ комнатой, бросилъ на полъ толстый войлокъ и сказалъ:

— Растягивайся и храпи!—покрылъ новаго жильца плащемъ и заперъ дверь.

Павелъ остался въ темнотѣ и охотно послѣдовалъ бы совѣту учителя, но это ему не удалось: все существо его ликовало! Итакъ, новая жизнь началась. Онъ не лежитъ дрожа и скорчившись въ сѣняхъ у пастуха, гдѣ пронизывающій, леденящій вѣтеръ дуетъ во всѣ щели. Онъ покрытъ теплымъ плащемъ; въ чуланѣ чудесно пахнетъ разными вещами: старымъ платьемъ, персидской ромашкой, сапогами, кислымъ молокомъ. Какъ хорошо! Онъ заранѣе предвкушаетъ радость Милады, когда она узнаетъ о его счастіи! При мысли о сестрѣ онъ закрылъ глаза, а когда снова открылъ ихъ, серпъ молодого мѣсяца глядѣлъ въ окно. Павелъ привѣтствовалъ его словами: «Ты тоже начинаешь новую жизнь; мы начинаемъ вмѣстѣ!» И несмотря на новую обстановку, на то новое, что въ немъ начинало бродить и пускать ростки, онъ впервые послѣ долгаго, долгаго времени испыталъ чувство человѣка, вернувшагося на родину. Онъ вспомнилъ, какъ въ былыя времена проводилъ ночи съ отцомъ и матерью подъ навѣсомъ каменоломни, въ чужихъ людяхъ, но все-таки дома, потому что вся домашняя нищета была съ собой. И вотъ, у него снова свой уголъ, даже гораздо лучшій, чѣмъ прежде: не придется бояться отца, а мать далеко... Положимъ, мать вернется и тогда... Дрожь пробѣжала по всему тѣлу; онъ плотнѣе закутался въ плащъ и произнесъ краткую, выразительную молитву: «Милосердый Боже, ты видишь, что я вступилъ на правильный путь; теперь, милосердый Боже, позаботься, чтобы мнѣ не пришлось его покинуть».

IX.

На слѣдующій день, когда учитель пришелъ къ старостѣ, тотъ лежалъ въ постели. Собственныя страданія сдѣлали его совершенно равнодушнымъ къ несчастію ближняго. Какъ только Хабрехтъ заговаривалъ о Павлѣ, староста сводилъ рѣчь на себя, на свои страданія, жаловался на врача, который радъ выманивать денежки, а помогать не помогаетъ. То ли дѣло, какъ вылѣчили его работницу! Ту самую, которая недѣли двѣ тому назадъ отъ слабости едва держалась на ногахъ. Теперь она бодра и здорова. А почему? Потому что съ самаго начала и слышать не хотѣла о докторахъ, а прямо послала за снадобьемъ къ женѣ пастуха. Средство помогло, черезъ часъ больная стала поправляться.

— Хм, хм!—проворчалъ учитель и снова заговорилъ о Павлѣ, на что больной вторично разсказалъ исторію исцѣленія дѣвушки.

— Какъ же вы рѣшите относительно Павла?—спросилъ учитель и получилъ, наконецъ, отвѣтъ:

— Обратитесь къ остальнымъ членамъ общины.

Хабрехтъ обошелъ всѣхъ членовъ поочередно; его выслушивали серьезно и терпѣливо, и каждый говорилъ:

— Прежде всего, вамъ надо спросить старосту.

— Староста послалъ меня къ вамъ.

— Да? Тогда надо спросить остальныхъ.

Мирныя бесѣды поодиночкѣ не привели никого къ самостоятельному рѣшенію или къ выясненію мнѣній. Хабрехтъ боялся дѣйствовать слишкомъ настойчиво, чтобы не возбудить въ столпахъ деревни подозрѣнія, что онъ хлопочетъ изъ корыстныхъ цѣлей. Онъ пошелъ, наконецъ, въ замокъ, чтобы тамъ похлопотать о своемъ протеже, но попалъ не въ добрый часъ. Письмо изъ монастыря достигло цѣли. Баронесса жестоко упрекала себя въ слабости, слѣдствіемъ которой было свиданіе дѣтей. О Павлѣ она не желала слышать, была сильно раздражена противъ него и посовѣтовала учителю, разъ навсегда, оставить негодяя на произволъ судьбы.

Прошла недѣля. Виргилій ежедневно приходилъ за Павломъ въ школу; но юноша или скрывался, или оказывалъ открытое сопротивленіе. Потерявъ терпѣніе, пастухъ съ женой отправились къ старостѣ, чтобы силою его власти принудить питомца вернуться. Больной обѣщалъ исполнить все, о чемъ они просили и, послѣ каждаго, съ трудомъ произнесеннаго слова, умоляющимъ взоромъ смотрѣлъ на цѣлительницу; наконецъ, охая указалъ на правый бокъ:

— Здѣсь!... Здѣсь сидитъ дьяволъ!

— Боже мой, Боже!—заговорила женщина.— Справа? Да, справа!... Вотъ гдѣ болитъ; это—печень!

— Печень?... Ну, да—она хоть что-нибудь говоритъ!... Она говоритъ, что это печень. Докторъ не говоритъ, что это печень; онъ ничего не говоритъ.

— Ничего не говоритъ и ничего не понимаетъ,—сказала женщина, дѣлая презрительную гримасу.—Не умѣетъ даже облегчить страданій; ничего не умѣетъ! — Виргилиха подняла сложенныя руки къ губамъ и бормотала сквозь пальцы:—Господи, Боже мой! Когда подумаешь, что такъ легко помочь г. старостѣ!

Больной поднялся на постели:

— Ты увѣрена?... Ну, такъ помоги мнѣ!

— Кабы я смѣла, — перебила она, бросая искоса хитрый взглядъ.—Кабы я смѣла кое-что прислать!... Черезъ двѣ недѣли вы бы поправились.

— Такъ присылай лѣкарство, присылай! Только держи языкъ за зубами... понимаешь?...

Онъ остановился, боязливо прислушался къ приближающимся шагамъ и голосамъ и прибавилъ тихонько:

— Когда стемнѣетъ, я пришлю работницу!

— Я пришлю лучше малаго; вы ему кстати намыльте голову и скажите: «живи тамъ, куда тебя отдали». Пусть дѣвушка покараулитъ его у сараевъ.

Староста утвердительно кивнулъ головой.

— Въ девять! Уходите! Уходите!

Виргилій съ женой быстро исполнили приказаніе, но въ дверяхъ столкнулись съ Петромъ и съ докторомъ. Послѣдній строго спросилъ непрошеннаго коллегу, что ей здѣсь надо? Петръ подозрительно осмотрѣлъ стариковъ.

Супруги молча поплелись домой.

Придя въ хижину, старуха покопалась въ ящикѣ и вынула грязную коробку, обернутую тряпицей, откуда достала два пузыречка. На одномъ изъ нихъ была этикетка городской аптеки съ надписью: «Ромашковыя капли». Вторая содержала въ себѣ буровато-желтую жидкость съ густымъ бѣлымъ отстоемъ.

Женщина внимательно посмотрѣла пузырекъ на свѣтъ и затѣмъ принялась медленно взбалтывать жидкость. Виргилій сѣлъ на скамью.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ онъ неожиданно.—Или хочешь помочь? Оставь его.

— Кто ему поможетъ!—отвѣтила жена.—Онъ уже въ лапахъ смерти!

— Въ лапахъ смерти?... Что ты задумала?... Не мѣшайся въ это дѣло!

Она пожала плечами.

— Съ полгода или годъ онъ еще можетъ протянуть.

— Съ годъ?—смущенно произнесъ Виргилій; подумалъ и вдругъ злобно вскричалъ:—замѣтила, какъ обошелся съ нами сынокъ?

— Изъ страха передъ отцомъ,—возразила жена.—Онъ готовъ насъ исколотить изъ трусости. И на ея долю перепадетъ не мало колотушекъ—только позже!—Она съ особеннымъ удареніемъ произнесла послѣднее слово и сверкнула своими кошачьими глазами.—Позже, когда выдохнется влюбленность, а она быстро выдыхается. Знаю я этихъ мерзавцевъ! Тогда милая только и услышитъ: «Проваливай-ка, на кой ты мнѣ!» Дѣвчонка знаетъ, что этимъ кончится! Куда ей тогда сунуться—одна дорога въ рѣчку.

Виргилій испуганно вскрикнулъ и три раза перекрестился:

— Спаси, Господи, неразумную дѣвушку!

— Нашу не спасти,—возразила старуха съ глубокимъ убѣжденіемъ,—она себя погубитъ!

— А можетъ и не погубитъ?!

— Дожить бы только до этого!

— Доживемъ! Предположимъ, что плуту нечего будетъ больше бояться. Что тогда?

— Тогда онъ возьметъ ее; на свѣтѣ будетъ одной несчастной дѣвушкой меньше. Хорошо, кабы старикъ скорѣе померъ; теперь, пока еще Петръ зарится на нее... Ахъ, еслибъ это сталось! кабы только!...—старуха разразилась смѣхомъ:—тогда и онъ отвѣдаетъ колотушекъ!

Сначала Виргилій принималъ участіе въ ея шумномъ весельѣ, но скоро замолчалъ, притворно сложилъ губы и, глубоко вздыхая, произнесъ:

— Дай Богъ, чтобы милосердый Господь поскорѣе разрѣшилъ душу бѣднаго старосты!

— Можетъ быть, Господь пошлетъ, — сказала сурово старуха. — Теперь иди и приведи малаго.

— Онъ не пойдетъ.

— Скажи, что староста велѣлъ.

— Все равно, не пойдетъ.

— Ну, такъ скажи, что за нимъ прислала Винска.

Пастухъ всталъ и направился къ выходу. Тамъ онъ остановился, оглянулся назадъ и сказалъ:

— Слушай, не помогай ему, но и вреднаго давать не смѣй!

Она сердито взглянула на старика.

— Ладно, тамъ посмотримъ!

Цѣлыхъ два часа заставилъ себя ждать Павелъ. Онъ пришелъ почти ночью, постучалъ въ дверь и спросилъ Винску. Малаго нельзя было уговорить войти въ хижину.

Провожавшій его пастухъ прислонился къ стѣнѣ и стоялъ неподвижно. У сосѣдей царила мертвая тишина, нарушаемая по временамъ сильнымъ храпѣніемъ Арноста, который спалъ подъ окномъ. На порогѣ показалась Виргилиха.

— Винска уже спитъ,— сказала она,— теперь ты ея не увидишь; зачѣмъ пришелъ такъ поздно? Тебѣ надо скорѣе идти къ старостѣ.

— Мнѣ?

— Ты долженъ самъ попросить, чтобъ онъ позволилъ тебѣ

остаться у г-на учителя,—она понизила голосъ до едва слышнаго шепота,—и также снести ему снадобье.

— Ага!

Павелъ тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло. Ему не впервой приходилось исполнять роль тайнаго посла своей принципалки; онъ раздѣлялъ вѣру всей деревни въ ея искусство и цѣлебное свойство ея медикаментовъ. Онъ протянулъ руку и сказалъ:

— Давайте!

Виргилиха вручила ему пузырекъ съ мутной жидкостью и строжайше предписала принять всѣ мѣры предосторожности:

— Иди черезъ садъ,—заключила она, когда юноша уже потерялъ терпѣніе и слушалъ ее изъ пятаго въ десятое,—держись подальше отъ улицы, чтобы не попасться на глаза ночному сторожу. Работница знаетъ, что ты придешь; она отопретъ тебѣ.

Въ два прыжка Павелъ очутился въ полѣ; одну минуту на темномъ горизонтѣ мелькнулъ его силуэтъ и исчезъ.

Старуха подошла къ мужу, взяла его за руку и протащила за собой нѣсколько шаговъ.

— Бѣги за малымъ и скажи ему: «жена совсѣмъ было забыла: вотъ это надо сейчасъ выпить и пузырекъ прислать назадъ; она его истолчетъ въ ступкѣ, а порошокъ разсыплетъ на семи кротовыхъ норкахъ; безъ этого снадобье не поможетъ». Скажи все это и отдай лѣкарство.

Она всунула ему въ руку маленькій холодный предметъ, отъ прикосновенія котораго онъ содрогнулся.

— Ради Бога, тутъ что-нибудь вредное?

— Это противъ болей; онѣ утихнутъ.

Онъ разсердился:

— Зачѣмъ не отдала ты всего сразу мальчишкѣ? Зачѣмъ еще мнѣ ходить?

Старуха захихикала:

— Чтобъ, если стрясется бѣда, ты не могъ сказать: «я ничего не зналъ». Чтобы мнѣ не попасться одной, если дѣло сорвется; вотъ почему, дармоѣдъ. Ну, проваливай...

Пастухъ отошелъ отъ жены и сказалъ:

— Я не пойду!

— Тогда пусть онъ мучится! Одному Богу извѣстно, сколько придется несчастному еще страдать. Родной сынъ не могъ бы ничего лучше сдѣлать, какъ освободить его отъ мученій. Онъ еще будетъ просить сына: «Убей меня, а то я тебя прокляну!...» Ступай, ступай же!.:. Ты еще упираешься?... Ну, что же! пусть его

мучается, какъ искусанная собака, а Винска тѣмъ временемъ бросится въ рѣчку; пусть проклинаетъ сына и самъ лишается вѣчнаго блаженства.

Она говорила медленно, съ сильнымъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ. Виргилій судорожно вздрагивалъ подъ градомъ ея словъ, точно отъ укола тысячи иголокъ.

— Доброе дѣло, — заключила она, — дѣло христіанскаго человѣколюбія избавить ближняго отъ мученій. Настоящій человѣкъ сдѣлалъ бы это для Бога.

Старикъ тяжело дышалъ; ему страшно было глядѣть на жену, у которой въ темнотѣ глаза блестѣли фосфорическимъ свѣтомъ.

— Для Бога!... Значитъ, для Бога, — повторилъ онъ, повернулся и двинулся въ путь.

Переулокъ, куда завернулъ пастухъ, состоялъ изъ нѣсколькихъ амбаровъ и изгороди старостина сада. Дойдя до угла, Виргилій остановился. У изгороди что-то зашуршало... Старикъ услыхалъ шепотъ, — нѣжный шепотъ влюбленныхъ, вздохъ, ласку, поцѣлуй, прощанье на одну ночь, точно влюбленные разставались навѣки... «Наша парочка», — подумалъ Виргилій, — ишь, мерзавецъ, ласкаетъ и цѣлуетъ, а я долженъ ради него идти на преступленіе... Долженъ ли?... Вчера я былъ на исповѣди и черезъ мѣсяцъ пойду опять... Въ этомъ нельзя будетъ покаяться... За это нѣтъ прощенія... За это — адъ!» Прошлое воскресенье священникъ говорилъ объ адѣ и наглядно рисовалъ его муки.

Пастухъ все шелъ впередъ; зубы его стучали, въ груди громко хрипѣло. Скрежетъ зубовъ и хрипъ — это начало ада; онъ уже носитъ его внутри себя... Ночной мракъ, его окружающій — это внѣшній адъ... Что такое движется передъ нимъ? Какая-то широкая, черная тѣнь, чернѣе ночи. «Это Павелъ!» — блеснуло въ хаосѣ его мыслей. — Окликни его, окликни!... — убѣждаетъ себя старикъ. — Зачѣмъ? Чтобъ отдать ему ядъ...» — онъ не могъ окончить мысли. Ему казалось, что голова его растетъ и принимаетъ размѣры десятиведерной бочки; ноги слабѣютъ и становятся тонкими, какъ плети; слабыя ноги должны нести неимовѣрно большую голову и адъ, клокочущій въ груди! Это невозможно, совершенно невозможно... Что случилось? Милосердый Боже!... Черная тѣнь мѣняетъ форму, — это не Павелъ; это воплощенный дьяволъ, по слѣдамъ котораго идетъ Виргилій; дьяволъ даже ни разу не оглянулся, — онъ такъ увѣренъ, что старикъ идетъ за нимъ. У пастуха закружилась голова и потемнѣло въ глазахъ. «Нѣтъ, — закричалъ

онъ,—нѣтъ! Я этого не сдѣлаю! Царь Небесный, пресвятая Троица, простите мои беззаконія!»

Отъ святого имени призракъ исчезаетъ. Къ старику нагибается Павелъ и спрашиваетъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Я, я? — заикается Виргилій и плотно обхватываетъ его обѣими руками. — Я, ничего! Я долженъ былъ нести ядъ, но не понесу...

Онъ поднялся, крѣпко держа Павла за руку, раздавилъ пузырекъ и бросилъ осколки на землю.

— Смотри на меня, — закричалъ онъ, — останься здѣсь и смотри на меня!

— Пустите; вы опять пьяны,—сказалъ юноша, вырвался изъ рукъ Виргилія и перепрыгнулъ черезъ заборъ.

На слѣдующее утро Павелъ только-что проснулся отъ глубокаго сна. Дверь чуланчика, который учитель отдалъ ему вмѣсто комнаты, быстро отворилась; въ полумракѣ сѣраго осенняго дня показался учитель и закричалъ:

— Встань поскорѣе, надо благовѣстить по покойникѣ.

— По комъ? — спросилъ Павелъ, вытягивая одеревенѣвшіе члены.

— По старостѣ.

Юноша вскочилъ, какъ ужаленный.

— Онъ умеръ; я иду туда; позаботься о благовѣстѣ, — сказалъ Хабрехтъ и быстро вышелъ.

Павелъ удивился и перепугался. Староста, которому онъ снесъ вчера лѣкарство, не поправился! умеръ... не поправился!... Средство не помогло! На то воля Божья. Милосердый Господь пожалѣлъ Павла. Можетъ быть, Онъ допустилъ старосту умереть, чтобы тотъ не принудилъ Павла жить у пастуха.

Юноша выбѣжалъ изъ дому, перебѣжалъ дворъ, влѣзъ на колокольню и заблаговѣстилъ; онъ звонилъ съ благоговѣніемъ, ревностно, съ торжественной медлительностью и при этомъ про себя горячо молился объ успокоеніи души усопшаго. Спускаясь съ колокольни, онъ встрѣтилъ священника, который возвращался съ Дарами отъ усопшаго и направлялся въ церковь. Павелъ упалъ на колѣни; священникъ бросилъ на него взоръ, полный упрека и осужденія, такъ что юноша весь съежился отъ страха и, ударяя себя въ грудь, спрашивалъ: «Почему онъ сердится на меня? Можетъ быть, онъ также думаетъ, что староста долженъ былъ умереть изъ-за меня?»

Павелъ вернулся въ школу и только что вошелъ въ свою комнату, какъ къ нему шмыгнула Винска. Растерянная, внѣ себя, она едва накинула на плечи одежду; платокъ съѣхалъ съ растрепанной головы на затылокъ; лицо было смертельно блѣдно. Въ порывѣ безумнаго отчаянія она бросилась Павлу въ ноги.

— Сжалься, сжалься!—кричала она,—ты лучше всѣхъ насъ! Милый Павелъ, ты добръ, сжалься надъ нами... Мы всегда плохо поступали съ тобой, но, все-таки, сжалься; сжалься надъ старикомъ, сжалься надъ матерью, сжалься надо мною!

Она прижималась лицомъ къ его колѣнямъ, обнимала ихъ и умоляющимъ взоромъ смотрѣла ему въ глаза. Онъ былъ блѣднѣе дѣвушки; злобная радость наполняла все его существо.

— Что тебѣ надо?—спросилъ онъ.

— Павелъ,—отвѣтила дѣвушка и плотнѣе прижалась къ нему,—пузыречекъ, который ты отнесъ вчера, нашли у мертваго въ рукахъ; всѣ говорятъ, и также Петръ, что въ пузырькѣ былъ ядъ.

— Ядъ?—ему вспомнилась ночная сцена съ Виргиліемъ.—Да, твой старикъ болталъ что-то про ядъ... Змѣиное отродье! Вы задумали отравить старосту...

— Видитъ Богъ,—увѣряла Винска,—я ничего не знала... И также, клянусь тебѣ, не случилось ничего дурного... Повѣрь мнѣ, староста умеръ отъ болѣзни, только раньше, чѣмъ разсчитывалъ докторъ; средство, которое ты отнесъ, было хорошее... На судѣ разберутъ. Петръ хочетъ довести дѣло до суда.

Въ страшномъ возбужденіи, порывисто дыша, она съ трудомъ выговаривала послѣднія слова и неподвижно уставилась въ глаза Павлу.

— Если это такъ, чего же ты боишься?—спросилъ Павелъ.

— Чего? Видно, не знаешь людей? Если мать попадетъ подъ судъ и будетъ оправдана, скажутъ: оправдана не значитъ невиновна... Мать не должна быть подъ судомъ... Павелъ, Павелъ!

Она жалобнымъ тономъ повторяла его имя и, извиваясь, какъ змѣйка, льнула къ нему.

Всей душой желая устоять противъ искушенія, полный ненависти и непріязни, онъ пожиралъ ее глазами.

— Я не могу помочь вамъ,—пробормоталъ онъ.

— Можешь, если захочешь, тебѣ достаточно сказать слово... скажи его, милый, дорогой Павелъ!

— Что сказать?

— Что тебя никто не посылалъ,—робко пробормотала она,—что ты пошелъ къ нему самъ по себѣ.

— Самъ по себѣ!—рѣзко оборвалъ онъ.—Съ какой стати пошелъ бы я къ нему? И что могъ я ему снести? Никакихъ снадобій у меня нѣтъ!

— Ахъ, милый, безцѣнный, у пастуха всегда есть снадобья. Вѣдь, ты не разъ варилъ травы для больныхъ козъ и овецъ, тебѣ могло придти въ голову, что человѣку поможетъ то, что помогало животнымъ... Скажи такъ, Павличекъ, когда тебя будутъ спрашивать.—Она поцѣловала его въ горячія губы, чему онъ болѣе не сопротивлялся.—Скажи такъ, а потомъ разсказывай, какъ было на самомъ дѣлѣ, какъ ты пробрался къ нему въ комнату, что онъ сказалъ, какъ на тебя смотрѣлъ.

— Да, онъ ничего не сказалъ.

— Ничего не сказалъ?

— Ничего, только страшно таращилъ глаза.

— А ты?

— А я просилъ его оставить меня у г-на учителя.

— А потомъ? Дальше, Павличекъ, дальше!

— Потомъ онъ помоталъ головой,—нѣтъ, нѣтъ, вытаращилъ глаза на пузырекъ и сдѣлалъ знакъ, чтобы дать ему лѣкарства.

— И ты далъ?

— Да.

— При этомъ никого не было?

— Никого.

— А служанка? Развѣ она осталась за дверью?

— Она осталась на дворѣ.

— А что она сказала?

— Она сказала: «Дай Богъ, чтобъ лѣкарство помогло!»

— А ты?

— Я тоже сказалъ: «Дай Богъ!»

— Когда ты вернулся въ садъ, тамъ никого не было?

— Петръ,—грубо отвѣтилъ юноша.—Онъ услыхалъ меня и что-то крикнулъ въ догонку.

— Хорошо, прекрасно, ты долженъ все это объяснить,— прошептала Винска и такъ крѣпко обняла его, точно хотѣла задушить.

— Съ тобой ничего не случится, а намъ ты поможешь... я еще разъ прошу тебя: сжалься, сжалься надъ нами.

Она смотрѣла на него, какъ погибающій на спасителя, въ рукахъ котораго находится его судьба. Злорадное сознаніе силы наполняло грудь злосчастнаго юноши.

— Что мнѣ будетъ, если исполню твою просьбу?— спросилъ

онъ заносчиво и схватилъ ее за руки.—Прогонишь тогда Петра и возьмешь меня на его мѣсто!

Неистовая злоба исказила ея черты; въ порывѣ ярости она забыла благоразуміе.

— Дуракъ, этого еще не доставало!—почти прокричала она, стараясь вырваться изъ его объятій.

Онъ глумился надъ ней.

— Не хочешь? Зачѣмъ же цѣлуешься со мной и называешь безцѣннымъ?... Тебѣ хочется, чтобъ я пошелъ за васъ въ судъ, а Петръ на тебѣ женился? Такъ что ли?

— Такъ,— отвѣтила она мрачно,—это необходимо, глупый малый!...

Она отступила нѣсколько шаговъ назадъ и заломила руки за голову.

— Мнѣ нужно или женой войти въ домъ старосты, или... въ рѣчку.

— Тебѣ нужно, нужно, нужно?—Онъ понялъ и мучительно простоналъ:—Негодница!

Глаза ея закрылись, по щекамъ потекли слезы.

— Я думала, что ты меня любишь и поможешь,— сказала она мягкимъ голосомъ,—а ты не хочешь.

Она замолчала. Отъ злобы и боли ему перехватило дыханіе. Съ минуту они молчали, стоя другъ противъ друга. Онъ—охваченный желаніемъ броситься на нее и задушить, она—готовая на все безъ сопротивленія.

— Винска,—сказалъ онъ, наконецъ, и, несмотря на грубость тона, къ ней вернулась надежда.

— Что, мой милый, дорогой Павелъ?

— Негодница!—повторилъ онъ сквозь стиснутые зубы.

Она снова хотѣла броситься передъ нимъ на колѣни; онъ схватилъ ее на руки, донесъ до двери и вытолкнулъ вонъ. Убитая, уничтоженная, она еще разъ обернулась и пробормотала:

— Что ты скажешь на судѣ?

— Тамъ видно будетъ... Проваливай!

Она повиновалась.

X.

Въ домѣ старосты царили смятеніе и ужасъ. Петръ въ десятый разъ разсказывалъ любопытнымъ, приходившимъ поклониться постойнику, какъ еще въ полночь онъ разговаривалъ съ отцомъ и за-

тѣмъ пошелъ спать въ сосѣднюю каморку, какъ часа два спустя его разбудило какое-то хрипѣнье... Какъ онъ вскочилъ, вбѣжалъ къ отцу, засталъ его при послѣднемъ издыханіи, послалъ работника за священникомъ, а служанку за докторомъ... И какъ оба явились слишкомъ поздно... Какъ докторъ, взявъ умершаго за руку, съ трудомъ могъ разжать стиснутый кулакъ, чтобы вынуть наполовину опорожненную стклянку, плотно сжатую закоченѣвшими пальцами.

Слушатели выражали свое сочувствіе вздохами и словами сожалѣнія. Петръ продолжалъ:

— Священникъ взглянулъ. «Что это такое?»—сказалъ онъ. Докторъ также взглянулъ, но, по своему обыкновенію, ничего не сказалъ. «Боже милостивый!—вскричалъ священникъ,—неужели онъ не могъ вынести страданій и совершилъ смертный грѣхъ?»

— Онъ умеръ отъ кровоизліянія,—перебилъ докторъ и поднесъ пузырекъ къ носу,—это ромашковыя капли!—сказалъ онъ.

— Кто бы могъ подумать!—вставила свое словечко старушка вдова. Петръ всхлипывалъ.

— Кто бы могъ подумать?—сказалъ и я.—Отцу принесли ядъ, вечеромъ я видѣлъ, какъ изъ сада крался бездѣльникъ; я, кажется, узналъ его! Притаскиваю служанку и спрашиваю: «Кто былъ вчера вечеромъ въ комнатѣ отца?» «Павелъ,—брякнула она и повалилась въ ноги,—вашъ батюшка приказали впустить его... Убейте меня, какъ передъ истиннымъ Богомъ, вашъ батюшка сами велѣли впустить его, я говорю всю правду и больше ничего не знаю».

На этомъ пунктѣ разсказа Петръ аккуратно каждый разъ разражался отчаянными рыданіями. Онъ бросался на трупъ отца, и крупный, дюжій малый ревѣлъ какъ ребенокъ:

— Давно умерла матушка, а теперь нѣтъ у меня и батюшки! На кого вы покинули круглаго сироту?

Въ публикѣ, которая съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за выраженіемъ скорби, послышались голоса противъ Павла. Дрянной мальчишка играетъ не послѣднюю роль въ несчастіи со старостой. Бездѣльнику показалось трудно работать у пастуха; онъ задумалъ уйти на свободу, но такъ какъ все зависѣло отъ старосты, который, несмотря на всѣ упрашиванія, не давалъ согласія, то негодяй въ отместку и сжилъ его со свѣту.

Легенда быстро сложилась и понеслась во всѣ концы деревни, люди повѣрили и проявили необычайную энергію. Лишенная главы община отправила посла въ окружное управленіе, съ просьбой прислать, на всякій случай, жандарма; нѣкоторые изъ ревнителей на-

правились въ школу, чтобы, также на всякій случай, исколотить отравителя. Они нашли домъ запертымъ.

Какъ только до учителя дошли слухи, угрожавшіе безопасности Павла, онъ произвелъ мальчику допросъ, послѣ чего заперъ его въ классной комнатѣ, а самъ направился къ доктору. Онъ засталъ тамъ священника, Петра, кузнеца Антона и нѣсколькихъ крестьянъ.

Священникъ сидѣлъ въ большомъ черномъ креслѣ около окна, рядомъ съ нимъ, заложивъ руки за спину, стоялъ докторъ, противъ нихъ, образуя правильный полукругъ, расположились крестьяне.

— Ахъ, вотъ и г-нъ учитель!—сказалъ священникъ тихимъ, слегка хриплымъ голосомъ.

— Вы, конечно, знаете, о чемъ идетъ рѣчь,—замѣтилъ докторъ, на синеватыхъ губахъ котораго играла едва уловимая усмѣшка.

Петръ закричалъ:

— Павелъ отравилъ моего отца!

— Это еще не доказано,—пробурчалъ Антонъ.

— И будетъ отданъ подъ судъ,—продолжалъ Петръ.

— Это еще не доказано,—повторилъ Антонъ.

На что Петръ настойчиво заявилъ:

— Я не отступлюсь, онъ пойдетъ подъ судъ!

— Пока,—сказалъ Хабрехтъ,—я заперъ его въ школѣ.

Священникъ изумился.

— Какъ, и вы тоже вѣрите?—и съ испугомъ перервалъ рѣчь, какъ человѣкъ, который невзначай проболтался.

Хабрехтъ замѣтилъ его смущеніе и съ злорадствомъ ухватился за выразительное словечко, невзначай слетѣвшее съ языка.

— Тоже,—повторилъ онъ съ удареніемъ,—какъ ваше благословеніе!

Легкая краска покрыла впалыя щеки священника.

— Я имѣлъ въ виду vox populi,—сказалъ онъ.

— Вотъ какъ!—искаженное vox Dei.

Дверь отворилась. На порогѣ показался крестьянинъ Барошъ, высокій, сгорбленный отъ старости, съ желтоватыми волосами и кирпично-краснымъ лицомъ. Онъ подошелъ къ священнику, приложился къ рукѣ и объявилъ, что жандармъ скоро будетъ.

— Къ чему жандармъ?—спросилъ его Хабрехтъ.

Барошъ уставился въ него неподвижными, всегда удивленными, точно просящими прощенія глазами пропойцы и смиренно отвѣтилъ:

— Чтобъ вести малаго въ окружное управленіе.

— Что ему дѣлать въ окружномъ управленіи?

— Сознаться въ преступленіи.

— Въ какомъ?

— Въ томъ, что принесъ старостѣ какое-то зелье.

— Въ этомъ онъ и такъ сознается.

— Вотъ какъ!—сказалъ священникъ:—онъ вамъ сознался?

— Онъ сознался бы въ томъ же самомъ и передъ вами.

— Это любопытно, г-нъ учитель. Я бы попросилъ васъ... прикажите позвать его, будьте добры.

— Я иду за нимъ!—закричалъ Петръ и хотѣлъ уже бѣжать, но Антонъ крѣпко схватилъ его.

— Не ты, ты совсѣмъ одурѣлъ! Я пойду, г-нъ учитель.

Хабрехтъ отказался отъ предложенія, вышелъ изъ комнаты и, немного спустя, возвратился въ сопровожденіи своего питомца.

Съ трудомъ могли помѣшать Петру броситься на послѣдняго; онъ грозилъ ему и кричалъ, задыхаясь отъ злости:

— Смотрите на собаку! Достаточно одного взгляда, чтобъ сказать, что это сволочь!

И правда, состояніе, въ какомъ юноша предсталъ передъ высшей деревенской инстанціей, не могло произвести благопріятнаго впечатлѣнія: онъ весь пылалъ; лицо выражало робость и безпокойство; изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ сверкали полные непримиримой ненависти взоры, направленные на главнаго обвинителя, Петра.

Хабрехтъ положилъ ему руку на плечо и продвинулъ мальчика къ окну, въ промежутокъ между священникомъ и докторомъ.

Священникъ молча разсматривалъ юношу; затѣмъ откашлялся и спокойно, дѣловымъ тономъ спросилъ:

— Правда ли, что ты вчера вечеромъ проникъ въ домъ старосты и принесъ ему что-то?

Павелъ утвердительно кивнулъ головой. Въ толпѣ крестьянъ пронесся ропотъ негодованія.

— Что такое ты ему принесъ?

— Хорошее лѣкарство.

— Откуда ты взялъ хорошее лѣкарство? — вставилъ слово Хабрехтъ.

Павелъ замолчалъ, а учитель продолжалъ допросъ:

— Можетъ быть, кто-нибудь послалъ тебя къ старостѣ съ хорошимъ лѣкарствомъ?

Юноша испугался и поспѣшно возразилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я принесъ его самъ отъ себя.

— Откуда, однако, ты знаешь о хорошихъ лѣкарствахъ? — вмѣшался докторъ.

— Пастухъ много кой-чего знаетъ, отвѣтилъ Павелъ.

— Онъ лжетъ, сказалъ учитель; онъ не можетъ или не смѣетъ сказать правду.

— А что вы считаете правдой?—спросилъ священникъ, спокойный тонъ котораго особенно оттѣнялъ нервное возбужденіе Хаберехта.

Послѣдній отвѣтилъ:

— Я считаю правдой, что мальчика послала къ старостѣ знахарка, жена пастуха.

— Она меня не посылала,—вскрикнулъ Павелъ,—я самъ пошелъ!

Петръ гнѣвно повторилъ:

— Самъ пошелъ! Онъ сознается. А г-нъ учитель хочетъ запутать въ дѣло невинныхъ людей... Да проститъ Богъ г-ну учителю! Малый давно ушелъ отъ бѣдныхъ людей, которыхъ г-нъ учитель хочетъ запутать, и давно живетъ въ школѣ у г-на учителя.

— Меня одно удивляетъ,—возразилъ ему докторъ,—какъ твой отецъ безъ дальнихъ разсужденій выпилъ то, что ему мальчикъ принесъ самъ отъ себя; одно развѣ: можетъ быть, онъ нарочно заказалъ это лѣкарство, что мнѣ также не совсѣмъ понятно.

Разскажи попорядку, какъ все случилось,—обратился къ Павлу священникъ.

— Вчера, значитъ, ты пробрался къ старостѣ въ домъ?

— Да.

— И что ты сказалъ?

— Добрый вечеръ, г-нъ староста.

— А что онъ сказалъ?

— Ничего.

— А что онъ сдѣлалъ?

— Поманилъ меня и показалъ знакомъ, чтобы дать ему лѣкарства.

— Онъ зналъ, значитъ, что ты принесъ лѣкарство?

Павелъ ничего не отвѣтилъ; онъ вытянулъ шею и прислушался; за дверью послышались голоса и шумъ приближающихся шаговъ.

Дверь отворилась; показался жандармъ Кохаутекъ, по прозвищу Горячій, въ сопровожденіи деревенскихъ судей.

Нестерпимая духота въ комнатѣ разомъ такъ усилилась, точно внесли жарко истопленную печку; казалось, жара эта исходила отъ пылающаго служебнымъ рвеніемъ Кохаутека.

Внутренній пылъ испускали только глаза; маленькія капельки пота, блестѣвшія на носу, выдавали также, что его обладателю жарко. Лицо было прекраснаго свѣтло-оливковаго цвѣта и никогда не краснѣло. Жандармъ немедленно приступилъ къ отправленію служебныхъ обязанностей и началъ предварительный допросъ. Обращаясь къ обвиняемому, онъ былъ весь воплощенная угроза, и тѣмъ не менѣе послѣдній чувствовалъ себя увѣреннѣе и смѣлѣе. Онъ считалъ себя подъ особымъ покровительствомъ Кохаутека съ тѣхъ поръ, какъ былъ однажды обвиненъ въ кражѣ живности и оказался невиннымъ.

Жандармъ предложилъ Павлу тѣ же самые вопросы, которые предлагались раньше, получилъ тѣ же отвѣты и дошелъ, наконецъ, до темнаго мѣста въ дѣлѣ, вопроса о происхожденіи corpus delicti, пузырька. Мальчикъ долженъ былъ дать отвѣтъ, откуда взялся пузырекъ? Кохаутекъ приложилъ всѣ старанія, чтобы добиться этого: онъ спрашивалъ, ободрялъ, предупреждалъ объ опасности, которую Павелъ навлекаетъ на себя упрямымъ молчаніемъ. Все напрасно. Мальчикъ смотрѣлъ на жандарма почти съ довѣріемъ и оставался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ и къ мольбамъ Хабрехта; онъ точно не слыхалъ ругани Петра и его единомышленниковъ.

Подъ конецъ Павелъ совсѣмъ замолчалъ, въ чемъ крестьяне увидали убѣдительное доказательство его виновности.

Петръ крикнулъ мальчику прямо въ лицо:

— Онъ пойдетъ подъ судъ! Онъ отравилъ моего отца.

— Ромашковыми каплями?—сказалъ докторъ и, вынувъ изъ кармана пузырекъ, поднесъ его къ носу кузнеца Антона, самаго хладнокровнаго изъ присутствующихъ.

Тотъ понюхалъ, пожалъ плечами и сказалъ:

— Да, да—пахнетъ ромашкой—но?...

— Ну, какое тамъ но?...

— Но неизвѣстно, какое это лѣкарство.

Учитель, у котораго внутри все дрожало, непрерывно бормоталъ себѣ подъ носъ: «благоразуміе, благоразуміе, нервы, успокойтесь»; но тутъ не выдержалъ и, обратясь къ крестьянамъ спросилъ:

— Какъ вы думаете, если бы это, правда, былъ ядъ, сталъ бы я его пить? Смотрите! я пью!—Онъ взялъ изъ рукъ доктора пузырекъ и хлебнулъ изъ него.—Смотрите же, я выпилъ и здоровъ, и завтра буду такъ же здоровъ, какъ сегодня.

Крестьяне нѣсколько смутились, искоса взглянули на учителя, тѣснѣе сдвинулись и стали шептаться.

— Какъ по-вашему? Что скажете?—спросилъ Хабрехтъ.

Барошъ вздохнулъ, покачалъ головой, улыбнулся во весь ротъ и изрекъ, наконецъ:

— Да, да, теперь не хитро выпить, когда ничего ядовитаго не осталось.

— Какъ такъ? вѣдь, это тотъ же самый пузырекъ, и въ немъ тоже, что было раньше, т.-е. немного меньше количествомъ, чѣмъ прежде.

— Да, только ядовитое уже выпито; староста выпилъ его съ первымъ глоткомъ... Ядъ легче и плаваетъ наверху.

— Плаваетъ наверху!— прогремѣлъ Петръ. Учитель подскочилъ на мѣстѣ отъ раздраженія и гнѣва.

— Слышите, слышите! — вскричалъ онъ, обращаясь къ священнику. Тотъ все время сохранялъ печальную мину и на возгласъ Хабрехта отвѣтилъ только грустнымъ взглядомъ. Жандармъ стоялъ неподвижно и распространялъ во всѣ стороны тепло; докторъ, напротивъ, потерялъ терпѣніе. Про него говорили, что онъ скупъ на слова, точно цѣнитъ каждое не меньше гульдена; не выдержавъ, онъ разразился рѣчью:

— О, неуязвимая, вѣчно торжествующая глупость!... Ядъ легче и плаваетъ наверху! Чего-жъ намъ еще? этимъ все сказано! Никакая сила въ мірѣ не дастъ лучшаго доказательства! Если бы самъ Всевышній сошелъ съ небесъ и захотѣлъ опровергнуть ихъ доводъ и доказать противное, Онъ бы потерялъ напрасно время!

Крестьяне слушали обвиненіе, не понимая хорошенько, на что оно нужно; за то Павелъ съ возрастающимъ восторгомъ ловилъ каждое слово. Докторъ удивился тому осмысленному, торжествующему выраженію, какое свѣтилось въ глядѣвшихъ на него въ упоръ глазахъ. Въ первый разъ въ жизнь мальчикъ съ гордостью поднялъ голову; онъ буквально впивалъ, какъ живительную влагу, каждое слово доктора, и, когда тотъ кончилъ, разразился дикимъ, вызывающимъ смѣхомъ.

Тогда толпа освирѣпѣла. Въ первую минуту Кохаутекъ не въ состояніи былъ помочь; несмотря на отчаянное сопротивленіе, Павла повалили на землю, били и топтали ногами. Жандарму пришлось призвать на помощь всю силу своего авторитета, а Антону всю силу кулаковъ, чтобъ оградить юношу отъ порыва безсмысленной ярости непрошенныхъ судей. Послѣ краткаго совѣщанія со священникомъ, докторомъ и учителемъ, Кохаутекъ рѣшилъ взять Павла съ собой.

— Я дѣлаю это не потому, что считаю его виновнымъ,—за-

кричалъ онъ,—а потому, что вы скоты, отъ которыхъ его надо обезопасить. Запрягай кто-нибудь лошадей.

— Я,—закричалъ Петръ,—я повезу его!—и въ одинъ прыжокъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Священникъ посмотрѣлъ въ окно. Около дома толпился народъ, прислушивался къ доносившемуся изъ комнаты шуму, ловилъ отдѣльныя слова и съ большимъ возбужденіемъ обсуждалъ ихъ.

Возбужденіе достигло высшаго предѣла, когда подъѣхалъ въ телѣжкѣ Петръ и на порогѣ докторскаго дома показался жандармъ, въ сопровожденіи Павла и учителя, который не хотѣлъ покинуть юношу въ трудную минуту жизни. Хабрехтъ вскочилъ къ Петру на козлы, на заднемъ сидѣньѣ, рядомъ съ обвиняемымъ, помѣстился жандармъ. Проклятія, угрозы, сердитые взоры провожали экипажъ. Петръ медленно ѣхалъ деревней, такъ что вся дѣтвора успѣла сбѣжаться, чтобы конвоировать повозку. Съ крикомъ и хохотомъ неслась толпа.

— Вотъ, онъ ѣдетъ!— раздался одинъ голосъ,—вотъ, онъ ѣдетъ!—подхватили хоромъ.

— Куда ѣдешь?—закричалъ маленькій, горбатый уродецъ.

Хорошенькая, какъ картинка, голубоглазая крестьянская дѣвочка, самая веселая спутница въ компаніи, которая подъ предводительствомъ Павла отправлялась въ лѣсъ красть дрова, съ хохотомъ крикнула прямо въ лицо:

— Къ отцу ѣдешь, или къ матери?

Насмѣшку подхватили и безъ конца повторяли на всѣ лады. Наконецъ, по приказанію жандарма, Петръ кнутомъ разогналъ опьянѣвшую отъ злорадства толпу.

Всѣ бросились прочь; затѣмъ, кратчайшимъ путемъ забѣжали впередъ и стали насторожѣ у статуи св. Іоанна, скрывавшейся въ зелени на концѣ деревни. Когда экипажъ поровнялся съ засадой, его встрѣтили громкимъ крикомъ и градомъ камней и комьевъ земли. Кохаутекъ ругался; Петръ гналъ лошадей; Хабрехтъ молча натянулъ пальто на голову, только Павелъ неподвижно сидѣлъ на мѣстѣ. Когда повозка отъѣхала, онъ нагнулся и сталъ спокойно выкидывать изъ нея каменья. Выбросивъ всѣ, кромѣ одного, самаго маленькаго, Павелъ взялъ его въ руки и долго въ раздумьѣ внимательно разсматривалъ, потомъ спряталъ въ карманъ.

— Зачѣмъ тебѣ камень?—спросилъ жандармъ.

— Когда я буду строить себѣ домъ,—а я непремѣнно построю домъ,—сказалъ онъ въ отвѣтъ,—то положу этотъ камень подъ по-

рогъ, чтобы каждый разъ входя и выходя вспоминать, какъ хорошо относились ко мнѣ люди.

Часъ спустя пріѣхали къ мѣсту назначенія. Судья позвалъ Павла и, повидимому, вынесъ впечатлѣніе не въ пользу обвиняемаго.

— Что касается меня,—сказалъ онъ,—я обыкновенно думаю о человѣкѣ не самое плохое, а наиподлѣйшее.

Началось судебное слѣдствіе. Произвели вскрытіе тѣла старосты. За отсутствіемъ состоящаго при судѣ химика, анализъ производилъ его замѣститель, очень самоувѣренный молодой человѣкъ. Онъ констатировалъ присутствіе яда въ желудкѣ и кишкахъ умершаго, о чемъ написалъ обширный докладъ. Для Павла наступилъ рядъ тяжелыхъ дней; но онъ оставался твердымъ и держалъ себя передъ оффиціальными судьями такъ же, какъ на предварительномъ допросѣ, въ деревнѣ. Пріѣздъ химика положилъ конецъ его страданіямъ; тотъ подвергъ провѣркѣ работу своего юнаго соперника, обнаружилъ ея неудовлетворительность и сообща съ окружнымъ врачомъ доказалъ, что староста умеръ не отъ яда, а отъ своей болѣзни.

Вскорѣ затѣмъ Павелъ былъ отпущенъ на свободу. Его главный обвинитель, сынъ старосты, долженъ былъ заплатить судебныя издержки.

Въ послѣднее воскресенье, которое Павелъ проводилъ въ подслѣдственномъ отдѣленіи, Хабрехтъ получилъ разрѣшеніе навѣстить его. Учитель былъ сильно взволнованъ во время свиданія.

— Два мѣсяца въ заключеніи!—вскричалъ онъ, — вотъ что ты надѣлалъ; ты самъ себѣ врагъ! Павелъ, Павелъ, много зла причинили тебѣ люди, но больше всѣхъ—ты самъ!

Онъ спросилъ, о чемъ Павелъ думалъ въ долгіе дни и ночи одиночнаго заключенія?

— Я не особенно много думалъ; ночью спалъ, а днемъ работалъ; мнѣ дали инструменты,—сказалъ Павелъ и вытащилъ изъ-подъ кровати модель дома. Онъ съ удивительною тщательностію сдѣлалъ въ миніатюрѣ свое будущее жилище, съ окнами, дверью и соломенной крышей. Поразительный контрастъ составляла эта тонкая работа съ грубыми руками юноши. Онъ сдѣлалъ домикъ для Милады и просилъ Хабрехта захватить его съ собой и переслать сестрѣ; онъ также просилъ учителя написать дѣвочкѣ, что братъ ея невиненъ. Хабрехтъ обѣщалъ; онъ скрылъ отъ Павла, что отправилъ къ настоятельницѣ два обширныхъ посланія, гдѣ по совѣсти, обстоятельно изложилъ положеніе дѣла и представилъ маль-

чика бѣлѣе пасхальнаго ягненка изъ чистаго сахара. Оба посланія по формѣ и содержанію представляли изъ себя образецъ деликатности и сердечной доброты. Къ сожалѣнію, они не принесли желаннаго результата: письма остались безъ отвѣта.

Январь приближался къ концу; погода стояла мягкая; снѣгъ началъ таять; узкіе, бурые ручейки побѣжали по склонамъ. Печально свѣтило солнце сквозь бѣлесоватыя облачка; голыя деревья едва бросали тѣнь на грязную дорогу, по краю которой шелъ къ деревнѣ Павелъ. Онъ часто думалъ, сидя въ заключеніи, только бы вырваться на свободу, на свѣжій воздухъ, побѣгать на просторѣ, и все пойдетъ хорошо. Вотъ онъ свободенъ, идетъ домой, а на душѣ такъ тяжело. Будущее представляется ему унылымъ, холоднымъ, безъ радостей,—точно зимній пейзажъ, лежащій передъ глазами.

Павелъ направился прямо къ избушкѣ пастуха. Печку въ сѣняхъ очистили отъ хламу. Передъ ней стояла на колѣняхъ Винска и мѣшала дрова, которыя горѣли яркимъ, веселымъ огонькомъ. Молча, не глядя на дѣвушку, Павелъ прошелъ прямо въ комнату. Старики вскрикнули, когда онъ появился передъ ними; Виргилиха закрыла лицо фартукомъ, а мужъ, какъ заклинатель передъ сатаной, выставилъ навстрѣчу вошедшему четки, причемъ самъ дрожалъ съ головы до ногъ. Павелъ скрестилъ на груди руки и сказалъ:

— Негодяй и ты мерзавка, я снова здѣсь; у меня въ карманѣ лежитъ бумага, гдѣ говорится, что я невиненъ. Совѣтую вамъ оставить меня въ покоѣ, а то какъ бы не вышло худо. Языкъ у меня не приросъ. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать!—заключилъ онъ, повернулся и вышелъ.

Старикъ въ смущеніи смотрѣлъ ему во слѣдъ.

— Вотъ измѣнился-то въ два мѣсяца!... Ушелъ мальчикомъ, вернулся мужчиной; выросъ и не похудѣлъ!

Н. К.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

УГОЛОКЪ КОЛХИДЫ *).

IV.

Прошелъ мѣсяцъ, и Маржецкій отлично устроился въ городѣ. Онъ какъ-то необыкновенно скоро освоился съ провинціальной жизнью; обзавелся знакомыми, съ утра до вечера находился въ салонахъ у губернаторши, которой онъ все болѣе и болѣе нравился. И по мѣрѣ того, какъ онъ осваивался съ провинціальною жизнью и сближался съ мѣстнымъ обществомъ, отчужденіе его отъ Маруси вырастало все больше и больше.

— Я не думала, что ты такъ скоро войдешь во вкусъ провинціальной жизни,—говорила ему Маруся.—Помнишь, съ какою тоскою ты разставался въ Петербургомъ? Ты уѣзжалъ какъ будто въ ссылку или погребалъ себя заживо... Неужели тебѣ такъ ужъ здѣсь нравится?—ревниво спрашивала она.

Онъ сердился.

— Отстань, пожалуйста. Мнѣ уже потому здѣсь нравится, что тебѣ стало видимо лучше.

— Да, я, дѣйствительно, поправилась. Но сказать, что здѣсь слишкомъ весело—затрудняюсь. Цѣлыми днями одна,—это хоть кого приведетъ въ печаль.

— Ну, сѣла теперь на своего конька,—ворчалъ Маржецкій и вскорѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ, уходилъ изъ дому и возвращался только вечеромъ.

Какъ только Марусѣ становилось лучше, у него какъ будто пропадало всякое къ ней чувство. Онъ и самъ не могъ объяснить себѣ этого феномена.

Конечно, онъ ни съ кѣмъ не познакомилъ Маруси; да это было бы и невозможно. Провинціальное общество чопорно и высокомѣр-

*) *Русская Мысль*, кн. I, 97 г.

но, и чѣмъ оно провинціальнѣе, тѣмъ чопорнѣе и высокомѣрнѣе. Въ столицѣ всякій можетъ жить самъ по себѣ, и потому рѣдко приходится считаться съ «мнѣніемъ свѣта»; наконецъ, тамъ есть возможность жить въ своемъ кружкѣ, въ провинціи же жить приходится на виду у всѣхъ, и провинціальное общество, кромѣ чопорности, обладаетъ еще любопытствомъ. Оно слѣдитъ за новыми своими членами съ зоркостью опытнаго сыщика и неумолимо осуждаетъ ихъ за каждый ложный шагъ, за каждое неосторожно вырвавшееся слово. За Марусей считалось нѣсколько преступленій: «нелегальность» положенія, принадлежность ея къ артистическому сословію, которое по средневѣковымъ взглядамъ, переживаемымъ нынѣ нашей провинціей, все еще считается отверженнымъ, и, наконецъ, «надменный видъ». И она была осуждена немедленно, безповоротно.

Во всякомъ случаѣ, Маржецкій былъ новинкой въ городѣ, и новинкой довольно интересной. И имъ занялись съ удвоеннымъ вниманіемъ.

Въ салонѣ губернаторши о немъ много разговаривали.

— Tu ne sais pas,—говорила княжна Варвара Старостина своей сестрѣ,—я дешифрировала его тайну...

— Чью тайну?—подойдя къ нимъ, спросила Лиза Хомякова.

Княжны поморщились.

Онѣ терпѣть не могли Lise fin de siècle и рѣшительно не могли понять, какъ Наталья Сергѣевна рѣшается принимать эту эксцентричную и дурно воспитанную дѣвушку съ ея «вульгарной маменькой» въ своемъ домѣ. Лиза, въ свою очередь, платила имъ тою же монетой и рѣдко отказывала себѣ въ удовольствіи пошутить и поиронизировать надъ ними.

— Чью тайну вы открыли?—переспросила она, въ упоръ глядя на княжну Варвару и смѣясь одними глазами.

— Маржецкаго...—недовольнымъ тономъ отвѣтила княжна.

— А, это интересно,—сказала Лиза.—И это тайна?...

— Но, chère Lise, если это тайна, то ее нельзя разглашать всюду и вся...

— И всякому встрѣчному? Не стѣсняйтесь. Мнѣ можете говорить смѣло,—я другъ Маржецкаго.

— А, вотъ какъ!—поджавъ губы, сказала княжна Варя.—Je vous fais mes compliments... Я бы не считала за честь хвалиться дружбой съ человѣкомъ... съ человѣкомъ... который... C'est dégoutant, что она говоритъ,—шепнула она сестрѣ.

Та пожала плечами.

— Что же «человѣкъ, который?»—пристала Лиза.—За нимъ есть какой-нибудь грѣхъ?

— Ну, если ужъ вы такъ хотите знать тайну *вашего друга*, извольте: она...

— Кто? Тайна?

— Ахъ, Боже мой, не тайна, а *она*—балетчица!

— Dieu!—вздохнула княжна Надя.

— Какой ужасъ!—съ комическимъ негодованіемъ произнесла Лиза и покачала головой.—Это, должно быть, нѣчто ужасное—«балетчица», какъ вы говорите?

— Une espèce d'écuyère...

— А вы съ ней не знакомы?—вдругъ серьезно спросила Лиза.

Обѣ княжны вспыхнули.

— На вашу шутку можно было бы обидѣться, если бы... не..—начала Варя и не докончила отъ волненія фразы.

— Если бы не что?—спокойно спросила Лиза.

— Если бы мы давно не привыкли къ вашимъ шуткамъ.

— D'un très mauvais goût, — достаточно тихо, чтобы могла услышать Лиза, вздохнула княжна Надя.

Лиза не обратила ни малѣйшаго вниманія на этотъ вздохъ.

— Не сердитесь на меня,—смиренно начала она,—право, я такъ только... Меня самоё это возмущаетъ. Но что вы еще знаете объ этомъ?

Княжны внимательно посмотрѣли на нее, стараясь понять, шутитъ она или говоритъ, на этотъ разъ, серьезно.

— Нѣтъ, право, это очень, очень интересно.

— А будто вы этого сами раньше не знали?

— Увѣряю васъ нѣтъ,—успокоила ихъ Лиза.

— Такъ слушайте. У Маржецкаго есть родители—очень важные въ Петербургѣ люди, нашъ отецъ знаетъ; они не очень богаты.

«Какъ и вы»,—подумала Лиза.

— Но и не бѣдны. Во всякомъ случаѣ живутъ прилично, и нашъ Маржецкій—leur fils unique. Они ему давали содержаніе, и онъ жилъ у нихъ. Онъ былъ на хорошей дорогѣ... какъ вдругъ сталъ посѣщать балетъ и сдѣлался, какъ папа называетъ, «балетоманомъ». Очень понятно, это не могло понравиться его родителямъ, и они его предупреждали. Ну, однимъ словомъ... я только не знаю,—прервала себя княжна,—сдѣлался ли онъ балетоманомъ ради нея, или сталъ ходить въ балетъ самъ и высмотрѣлъ ее. Во всякомъ случаѣ онъ укралъ ее изъ балета...

— Почему же «укралъ?»—все еще серьезно спросила Лиза.

— Боже мой, всегда изъ балета похищаютъ.

— Ахъ, я и не знала! — замѣтила Лиза.

— Да, да. Ну, само собой, онъ разошелся съ родителями, пересталъ жить у нихъ, они его хотѣли проклясть, но потомъ раздумали и перестали давать содержаніе...

— Это, пожалуй, похуже проклятія...— вставила Лиза.

— Какая вы легкомысленная! — воскликнула Варя и, увлеченная своимъ разсказомъ, продолжала: — Ну, конечно, жить въ Петербургѣ стало трудно, появились долги. Вѣдь эти женщины ужасны... Онѣ не могутъ жить безъ крюшона изъ земляники и ванны изъ одеколона.

— Да неужели? — удивлялась Лиза.

— Право, я не выдумываю. Это намъ разсказывалъ нашъ cousin, драгунъ; онъ былъ въ Петербургѣ два года въ офицерской школѣ и имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми... Да, и потомъ онѣ цѣлое утро дома танцуютъ передъ зеркаломъ въ коротенькихъ юбочкахъ и... и... въ трико. Онъ называетъ юбочки тюниками.

— Зачѣмъ же онѣ дѣлаютъ это? — спросила Лиза.

— Чтобы сохранить la souplesse des jambes...

— Mesdemoiselles! Гдѣ вы? — услышали онѣ голосъ губернаторши. — Куда вы спрятались? Васъ вездѣ ищутъ, кавалеры соскучились. Ахъ, и вы здѣсь, Lise? — прибавила она, замѣтивъ дѣвушку. — Ну, тогда я пари держу, что вы тутъ разсказываете другъ другу исторіи à dormir debout... Но у васъ, по крайней мѣрѣ, весело, а тамъ, у насъ, скучно... Вы не знаете,— обратилась она къ Лизѣ,— m-r Маржецкій будетъ сегодня?

— Право, не знаю, дорогая Наталья Сергѣевна, — смутилась Лиза.

— Нѣтъ, я думала, можетъ быть, вы встрѣтили его на бульварѣ или въ саду?

— Нѣтъ, не встрѣчала,— сухо отвѣтила Лиза.

— Мнѣ почему-то казалось, что у васъ одни часы прогулокъ... Я, можетъ быть, ошиблась?

— Вы, навѣрное, ошиблись,—еще суше замѣтила Лиза.

— Такъ что же, вы придете къ намъ?—спросила губернаторша.

— Сейчасъ, сейчасъ, chère Наталья Сергѣевна, — защебетали княжны.—Мы только докончимъ одну исторію.

— Ну, какъ хотите... Только тамъ вашъ cousin Бѣльскій все волнуется... Въ которую изъ васъ онъ влюбленъ — я не могу разобрать что-то?

Княжны засмѣялись.

— Ахъ, что вы! Онъ влюбленъ въ своего командира и эскадронныхъ лошадей...

Губернаторша улыбнулась и сказавъ еще разъ: «такъ вы придете?» — ушла изъ маленькой гостиной.

Три барышни опять комфортабельно усѣлись около рояля и продолжали прерванный разговоръ.

— Такъ кромѣ крюшона, ванны и танцевъ, что онѣ еще любятъ? — спросила Лиза.

Княжна Варя хотѣла уже отвѣчать, когда въ комнатѣ раздался звонъ шпоръ. Вошелъ драгунъ.

— Ah, Voldemar, vous voilà! — воскликнула княжна Надя.

— Что же, вы очень кстати... Мы были en train разсказывать chère Lise о балетныхъ нравахъ. Это ее очень интересуетъ, потому что близко касается *ея друга* Маржецкаго.

— Онъ — вашъ другъ? — покрутивъ усы, звякнувъ шпорами и перегнувшись въ сторону Лизы, процѣдилъ драгунъ. — Но, въ такомъ случаѣ...

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь; мнѣ очень интересно послушать...

— Вы знаете, я ни въ чемъ не могу отказать вамъ... Но я не знаю, что именно вы желаете знать.

— Все то, что вы знаете, если вы... знаете что-нибудь.

Драгунъ немедленно обидѣлся.

— Какъ, я не знаю? Mais j'étais très lié... — онъ запнулся, чуть-чуть не сказавъ глупость. И тотчасъ же, воодушевившись, началъ говорить, позируя въ роли знатока балета, который для провинціальной публики всегда былъ заманчивымъ, но темнымъ царствомъ. — Я нахожу, — говорилъ онъ, — что балетъ въ Петербургѣ падаетъ. У кассы, гдѣ всегда бывало rendez-vous золотой молодежи изъ общества...

— У кассы? — переспросила Лиза.

— Ну, да, это — техническое выраженіе. «У кассы» называется такая комната — une espèce d'antichambre, которая ведетъ на сцену... — пояснила княжна Варя.

— А! Такъ у кассы?... — спросила Лиза.

— Теперь уже не видать этой блестящей молодежи. Ожидаютъ танцовщицъ студенты, статскіе, даже гимназисты старшаго класса...

— Какой ужасъ! — воскликнула Лиза.

— Да, не правда ли? — спросилъ, не понявъ, Бѣльскій. — Гдѣ

же, я васъ спрашиваю, графы, князья, гусары, кавалергарды?... Танцовщица спустилась до студента; студентъ промѣнялъ ученую дѣвицу въ очкахъ и пледѣ на жрицу Терпсихоры...

— И въ этомъ вы видите «паденіе балета»? — серьезно спросила Лиза.

— Ну, да. А какъ же?

— А можетъ быть это—сближеніе искусства съ наукой? Наука внесла немного серьезности въ искусство, а искусство немного оживило науку?...— продолжала она шутить.

— Право, не знаю,— затруднился Бѣльскій. — Знаю только, что прежде похищали танцовщицъ, а теперь онѣ охотно идутъ замужъ за студентовъ, чиновниковъ и всякихъ несвѣтскихъ людей, и не только идутъ замужъ, но и съ радостью, при первой возможности, покидаютъ балетъ... Это уже дезертирство, деморализація... Я не знаю, что̀ именно внесла сюда наука... но я знаю, что теперь балетныя живутъ по-семейному, часто бѣдно, нуждаясь въ самомъ необходимомъ. О брильянтахъ нечего и говорить. Прежде хористки—изъ оперы, когда имъ случалось участвовать вмѣстѣ въ спектакляхъ, всегда шипѣли на балетныхъ: «смотри, смотри, у этой брильянты и на лбу роковыя слова...» И балетныя за это ихъ, во время своихъ танцевъ, якобы нечаянно, толкали руками и ногами, сбивая въ кучу... Ну, теперь брильянтовъ мало на комъ видно, все больше стразы...

Драгунъ увлекся, княжны слушали его напряженно, Лиза—неопредѣленно улыбаясь.

Онъ замѣтилъ эту улыбку, немного смѣшался и перемѣнилъ тонъ.

— Нѣтъ, право,—началъ онъ, послѣ небольшой паузы,— какая была, напримѣръ, цѣль... этой Мани Кошевой тащиться сюда и за кѣмъ же?—За Маржецкимъ!

— Voldemar, prends garde! Не трогай господина Маржецкаго... Il paraît que...

— Ну да, онъ мой другъ,—просто заявила Лиза, — и вы это готовы повторять на всѣ лады. Но зачѣмъ вамъ это нужно такъ часто повторять, когда я сама объ этомъ заявляю громогласно? Простите, Владиміръ Семеновичъ, — обратилась она къ Бѣльскому,—я не понимаю, почему же ей не поѣхать было за Маржецкимъ?

— Но что же такое Маржецкій, je vous demande un peu? Чиновникъ особыхъ порученій?

— Развѣ ей лучше было поѣхать за драгунскимъ офицеромъ?—рѣзко спросила она.

Бѣльскій сдѣлалъ видъ, что нисколько не смутился; онъ вынулъ портсигаръ, облѣпленный весь вензелями и росчерками и, не отвѣтивъ на задорный вопросъ Лизы, почтительно склонивъ голову, спросилъ:

— Вы позволите?

Онѣ ему разрѣшили.

— Я не знаю, право, что лучше,—закуривъ началъ Бѣльскій, демонстративно вертя въ рукахъ портсигаръ и усиленно вглядываясь въ его монограммы.—Я не спорю, все зависитъ отъ вкуса.

— Какъ отъ вкуса?—засмѣялась Лиза.—Я думаю, что рѣшеніе женщины зависитъ прежде всего отъ любви къ тому человѣку, за которымъ она рѣшается идти?...

— Я про то и говорю. Однѣ женщины *любятъ* военныхъ, другія—статскихъ.

«Bienheureux les pauvres d'esprit, car l'empire des cieux leur appartient»,—подумала Лиза и замолчала.

— У васъ что-нибудь новое на портсигарѣ?—спросила у Бѣльскаго Лиза,—и вы жаждете показать это? Покажите.

— Я не дѣлаю изъ этого секретовъ. Смотрите.

— Ой, сколько вензелей!—вскрикнула Лиза.—И это все воспоминанія побѣдъ?

— Подъ Шипкой и Плевной?—звонко засмѣялся Бѣльскій.—Нѣтъ, тутъ много товарищескихъ...

— Ахъ, вотъ и балетная туфелька подъ эмалью...—сказала Лиза, отыскавъ, наконецъ, тотъ предметъ, которымъ, очевидно, хотѣлъ похвастаться Бѣльскій.

Драгунъ тронулъ усы.

— Не правда ли, милая работа?—нашелся онъ.—Только въ Петербургѣ умѣютъ дѣлать такія вещицы...

— Скажите, Владиміръ Семеновичъ,— спросила Лиза, въ то время, какъ портсигаръ взяли изъ ея рукъ княжны и начали шептаться:—вы очень любили эту танцовщицу?

— Какъ вамъ сказать? Je m'amusais...

Лиза рѣзко встала и быстро вышла изъ комнаты.

Въ большой гостиной губернаторскаго дома было много гостей. Наталья Сергѣевна сидѣла на кругломъ диванѣ, окруженная дамами мѣстнаго бомонда, которыя, почтительно наклонивъ въ ея сторону головы, внимательно слушали ея рѣчь и, изрѣдка, въ тактъ одобрительно кивали. Генеральша говорила медленно, отчеканивая каждое слово, ни на минуту не запинаясь и искусно владѣя дыха-

ніемъ. Издали ея разговоръ, дѣйствительно, походилъ на какую-нибудь академическую рѣчь, по его ровному тону и плавности.

Лизѣ была очень знакома эта картина «губернаторшина салона» и ея священнодѣйствіе высокопоставленной хозяйки, среди «вассальныхъ дамъ». Это все были любимыя словечки Лизы, которыми она смущала свою мать и даже слегка терроризировала ее, такъ какъ старуха Хомякова боялась, какъ бы Лиза—эта «необузданная дѣвчонка» ни проговорилась когда-нибудь въ обществѣ.

На лицѣ губернаторши было написано величавое спокойствіе и сознаніе, что каждое ея слово цѣнно и должно не только дойти до сознанія слушателя, но и оставить въ немъ нѣкоторый слѣдъ. Однимъ словомъ, Наталья Сергѣевна «вела салонъ», а когда она вела салонъ, то дѣлалась совершенно другой женщиной, чѣмъ въ обыденной жизни.

При входѣ Лизы, Наталья Сергѣевна слегка наморщила свой красивый бѣлый лобъ. Она говорила съ Маржецкимъ.

Маржецкій сидѣлъ противъ нея и цвѣтника дамъ на низенькомъ стулѣ, слушалъ ее наружно-внимательно, какъ требовалъ того губернаторскій декорумъ и этикетъ этого оффиціальнаго салона и поддерживалъ разговоръ, въ которомъ, въ сущности, не было настоящаго оживленія.

— Вы говорите судьба, Наталья Сергѣевна,—очевидно, возражалъ Маржецкій,—но я позволю себѣ спросить васъ: Что же такое—судьба?

— Судьба?... Но это судьба, больше ничего, le sort...

— Но что такое—le sort?

— La distinée...

— Mais qu'est-ce que c'est que la destinée?

— Mon Dieu... c'est l'imprévue... enfin je vous repondrai toujours en termes pareils et vous me questionnez toujours par des «qu'est-ce que c'est».

Лизѣ вдругъ захотѣлось пошутить, смутить эту натянутую академичность салона, взбѣсить эту «маркизу Рамбулье».

— Мнѣ кажется,—вступилась она безъ всякой почтительности въ голосѣ,—по русски есть отличное опредѣленіе слова — «судьба».

— Vraiment?—протянула Наталья Сергѣевна, краснѣя пятнами и приготавливаясь къ какой-нибудь выходкѣ Лизы: —et c'est?...

— Судьба—индѣйка...

Маржецкій улыбнулся, дамы быстро метнули взоры въ сторону Лизы и перевели ихъ еще быстрѣе на губернаторшу; нѣкото-

рымъ понравилось это вмѣшательство бойкой дѣвушки, которое избавляло ихъ отъ напряженнаго вниманія къ скучному переливанію изъ пустого въ порожнее. Старуха Хомякова молительно смотрѣла на Наталью Сергѣевну, какъ бы испрашивая прощенія своей взбалмошной дочкѣ. Наталья Сергѣевна успокоила ее взглядомъ, криво усмѣхнулась и кисло произнесла, не обращаясь прямо къ Лизѣ, а куда-то въ пространство:

— Я ничего лучшаго и не ожидаю отъ cette chère Lise. C'est plus audacieux qu'ingénieux ça... Elle fait toujours l'enfant terrible. Elle fait ce qu'elle peut...

— Конечно, Наталья Сергѣевна, какъ это говорится? Овому талантъ, овому ни одного.

Маржецкій продолжалъ улыбаться и ласково глядѣть на Лизу. Наталью Сергѣевну передернуло.

— Вы находите это смѣшнымъ?—замѣтила она ему вскользь, и, не дожидаясь отвѣта, обратилась къ женѣ прокурора съ какимъ-то вопросомъ..

Разговоръ расклеился и пересталъ быть общимъ, разбившись на кружки. Подавали чай, и это внесло болѣе свободы и непринужденности. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, Маржецкій покинулъ свое неудобное мѣсто «на юру» и, выбравъ маленькій угловой столикъ, поставилъ на него свой стаканъ чаю.

Онъ облегченно вздохнулъ, разсчитывая остаться одинъ, отдохнуть отъ всѣхъ этихъ, набившихъ ему уже оскомину, разговоровъ.

Но къ нему подошелъ Титовъ. Этому онъ обрадовался, какъ старому другу. Что-то влекло его къ нему. Онъ не отдавалъ себѣ еще яснаго отчета, что именно, но съ Титовымъ онъ не чувствовалъ себя стѣсненнымъ; въ немъ была какая-то особенная мягкость, почти женственность, и каждое его слово дышало искренностью.

— Ну, что,—началъ Титовъ,—подвергались экзамену? Наши дамы разспрашивали васъ о разныхъ петербургскихъ дѣлахъ?

— Какъ же!—засмѣялся Маржецкій.—Одна—кажется, жена губернскаго казначея—спрашивала, правда ли, что будетъ назначенъ новый министръ финансовъ, и если будетъ назначенъ, то когда именно. Другая просила телеграфировать въ штабъ, узнать, прошло ли назначеніе ея мужа.

— И вы отвѣтили?

— Одной назначеніемъ, другой отказомъ, за неимѣніемъ знакомыхъ въ штабѣ.

— Ну, вы—человѣкъ конченный для нашихъ дамъ. Такъ нельзя отвѣчать; надо всегда говорить что-нибудь неопредѣленное. За то наши дѣвицы заинтересованы вами.

— Да ну?—недовѣрчиво и безъ особеннаго увлеченія усомнился Маржецкій.

— Да, да... Княжны только и говорятъ о васъ; Лиза стала вашимъ другомъ, и это очень вредитъ вамъ въ глазахъ нашей губернаторши; кажется, Настя Зуева ревнуетъ васъ къ Лизѣ, а Зорина и Рувимская усердно злословятъ по поводу...

Титовъ вдругъ оборвалъ себя и сразу смолкъ, немного смутившись.

— По поводу? — проговорилъ Маржецкій, глядя ему прямо въ глаза.

— Ну... по поводу васъ... вообще,—вынутывался Титовъ.

— И моего семейнаго положенія?—твердо выговорилъ Маржецкій.

— Да, и по поводу этого, конечно,— отвѣтилъ Титовъ и засмѣялся,—ну, вотъ я, какъ истая провинціальная кумушка, посплетничалъ съ вами.

— Да... мое семейное положеніе...— неопредѣленно проговорилъ Маржецкій и тотчасъ смолкъ. Но въ этихъ словахъ Титовъ подмѣтилъ нотку сожалѣнія къ самому себѣ, и это ему очень не понравилось въ Маржецкомъ.

Къ нимъ присоединилась Лиза.

— Я только что вынесла головомойку отъ мамаши,— сказала она, — за мою выходку. На меня тамъ, въ салонѣ Рамбулье, не обращаютъ никакого вниманія; я предпочла удалиться сюда, въ мѣста не столь отдаленныя.

— Ахъ, мой милый Лизокъ,— шутливо проговорилъ Титовъ, изрѣдка позволяя себѣ эту вольность съ давно и хорошо знакомой ему дѣвушкой,—наживете вы себѣ бѣды съ вашимъ языкомъ.

— Надоѣли они мнѣ всѣ хуже горькой рѣдьки!—съ озлобленіемъ вскрикнула Лиза, пожимая плечами. — Ломаются, ломаются, какъ... свиньи на веревкѣ.

Она была видимо раздражена мамашиной головомойкой, которая, очевидно, была на этотъ разъ сильнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Ну, вотъ видите, какія у васъ все выраженія: головомойка, свиньи на веревкѣ, горькая рѣдька,—шутя журилъ ее Титовъ.

— Ахъ, оставьте, Алексѣй Александровичъ, хоть вы-то меня съ нотаціями. Ну, какая есть, такая и есть. Никому не навязываюсь. Хотите любите меня, какая я есть, не хотите—не надо; не

нуждаюсь. Только и знаютъ, что злословить да языки чесать про другихъ. Это все дѣло! Ну, да Богъ съ ними,—до смерти они мнѣ надоѣли! Хоть бы уѣхать куда, что ли, отсюда.

Она встала и ушла отъ нихъ.

— Хорошая барышня!—сказалъ про нее Титовъ, обращаясь къ Маржецкому.—Немножко злая на языкъ, но съ открытымъ сердцемъ, съ прямою душой.

«Какъ ты самъ»,—подумалъ Маржецкій.

— И вотъ такая у насъ не имѣетъ успѣха,—продолжалъ Титовъ.— Она, видите ли, всѣхъ шокируетъ. А почему? — Потому, что она ведетъ себя не такъ, какъ другія. И не только ведетъ себя, а и думаетъ не такъ, и чувствуетъ не такъ. Она головой выше всѣхъ нашихъ.

— Ужъ вы не влюблены ли?—пошутилъ Маржецкій и замѣтилъ складку, сложившуюся на лицѣ Титова послѣ этихъ его словъ.

— Былъ когда-то, былъ,—сознался онъ и вздохнулъ.

— Отчего же вы не женились?—съ осторожностью въ голосѣ продолжалъ Маржецкій.

— Гм... отчего?... Да оттого, что она мнѣ не отвѣчала... Я какъ-то совершенно не подхожу ни по виду, ни по манерѣ держаться къ типу влюбленнаго. Мы съ ней всегда только были друзьями,—не больше. Да и вообще какъ-то такъ сложилось, что я всегда оказываюсь только другомъ женщинъ.

— Это очень почетно, — вставилъ Маржецкій. — Женщины рѣдко дружатъ съ мужчинами, и тотъ, котораго онѣ дѣлаютъ своимъ другомъ, долженъ быть, дѣйствительно, хорошимъ человѣкомъ.

— Благодарю васъ. Все это можетъ быть, но только, воля ваша, это невесело. У меня большія семейныя наклонности, но я потерялъ уже надежду сдѣлаться когда-нибудь семьяниномъ.

— Отчего же? Вы, вѣдь, далеко еще не стары.

— Нѣтъ, конечно, но... не въ ту колею я попалъ.

Онъ замолчалъ. Маржецкому показалось, что Титовъ вздохнулъ.

«Славный человѣкъ»,—опять подумалъ онъ.

— Послушайте, Аполлонъ Викторовичъ,—началъ послѣ молчанія Титовъ и положилъ руку на колѣно Маржецкаго, — отчего вы не познакомите меня съ Марьей Егоровной?

Маржецкій вздрогнулъ. Съ нимъ въ первый разъ заговорили о ней прямо, открыто, назвавъ полнымъ именемъ ту, чье присутствіе въ городѣ всѣмъ было извѣстно, но о комъ не принято бы-

ло говорить и имя которой считалось предосудительнымъ произносить въ обществѣ.

Онъ благодарно взглянулъ на Титова и крѣпко пожалъ ему руку.

— Спасибо,—сказалъ онъ смущенно.—Вы добрый, славный человѣкъ.

— Добрый?—изумился тотъ.—Но за что же? Я просто хочу познакомиться съ симпатичной, хорошенькой женщиной. Увѣряю васъ, это не изъ провинціальнаго любопытства.

Они помолчали.

— Да,— спохватился Титовъ,—губернаторъ имѣетъ на васъ виды.

Маржецкій принялъ удивленный видъ.

— Виды?—переспросилъ онъ.

— Да, я забылъ только сказать вамъ. Николай Ивановичъ рѣдко говоритъ, вѣдь, со мной о дѣловыхъ предметахъ, но тутъ счелъ почему-то долгомъ посовѣтоваться со мной. Получены извѣстія о появленіи холеры въ губерніи. Онъ хочетъ командировать васъ по селеніямъ... удостовѣриться въ справедливости этихъ извѣстій. И вообще какіе размѣры она приняла и способы борьбы. Съ вами командируется врачъ Миткинъ, Петръ Петровичъ.

— Это такой толстый?

— Да, онъ самый. Ну такъ вотъ. Николай Ивановичъ спрашивалъ, въ состояніи ли вы отнестись серьезно къ этой задачѣ. Я и подумалъ: Марья Егоровна останется одна чуть не на цѣлый мѣсяцъ. Она никого здѣсь не знаетъ. Понятно, ей будетъ скучно. Я хоть и не веселый собесѣдникъ, ну, а, все-таки, буду изрѣдка навѣщать ее; мало ли что можетъ понадобиться?

Маржецкій еще разъ горячо поблагодарилъ Титова. Предстоящая командировка не нравилась ему. Онъ уже привыкъ къ губернаторскому дому и столу, къ городу и обществу. Онъ обсидѣлся. Ему лѣнь было трогаться въ путь, лишиться обстановки, къ которой привыкъ, комфорта, безъ котораго онъ всегда чувствовалъ себя скверно. Но дѣлать было нечего; нельзя было на первыхъ же порахъ отказываться или отлынивать отъ служебнаго порученія.

Къ нимъ опять подошла Лиза.

— Послушайте,—сказала она Маржецкому: — знаете вы послѣднюю нашу новость?

— Нѣтъ,—нерѣшительно отвѣтилъ онъ и подумалъ о командировкѣ.—Ужъ не говорите ли вы о холерѣ?

— О холерѣ?—удивилась она.—Откуда вы взяли? Развѣ есть

холера?—И она посмотрѣла на Титова, который дѣлалъ глазами знаки своему собесѣднику.—Ахъ,—разсмѣялась она,—это губернская тайна! Какой вы еще неопытный чиновникъ!—укорила она Маржецкаго.—Развѣ можно разглашать такія тайны? Вотъ вамъ задастъ за это Алексѣй Александровичъ. Ну, не бойтесь, не бойтесь, никому не скажу. А будетъ въ самомъ дѣлѣ холера—въ сестры милосердія пойду.

— А какая же ваша новость?—спросилъ Маржецкій.

— О, совсѣмъ другого сорта. Я открыла, что губернаторша влюблена въ васъ.

— Въ меня?—чуть не вскрикнулъ Маржецкій.

— Въ васъ.

И она опять быстро вышла изъ комнаты.

— Этакая болтушка, этакая болтушка! — пробормоталъ съ смущеннымъ видомъ Титовъ вслѣдъ Лизѣ.

— У васъ такой видъ,—засмѣялся Маржецкій,—какъ будто вы, дѣйствительно, вѣрите въ эту шутку.

Титовъ взглянулъ на него и ничего не отвѣтилъ.

— А что вы думаете? — началъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, допивъ свой стаканъ чая.— Вѣдь, она способна на это.

— Какъ, влюбиться въ меня?—удивился Маржецкій.

Титовъ не сразу понялъ его.

— Нѣтъ, я не про губернаторшу,—отвѣтилъ онъ,—я говорю, что Лиза способна была бы пойти въ сестры милосердія.

— Да что вы?

— Право. Вы не смотрите, что она кажется такой пустой болтушкой. У нея золотое сердце.

— Да вы въ нее до сихъ поръ влюблены, Алексѣй Александровичъ!—воскликнулъ Титовъ.

— Я уже вамъ сказалъ, что—нѣтъ.

— Послушайте, какое же у нея золотое сердце, если она до сихъ поръ никого не полюбила?

— Кто вамъ сказалъ? Она любила, любила сильно, готова была пожертвовать своимъ положеніемъ, своимъ добрымъ именемъ, всѣмъ...

— Вотъ какъ!—удивился Маржецкій.

— Я, можетъ быть, не долженъ былъ бы разсказывать вамъ объ этомъ. А, впрочемъ,—у насъ, вѣдь, всѣ объ этомъ знаютъ. C'est le secret de Polichinelle, какъ говоритъ Наталья Сергѣевна. Сюда пріѣзжалъ одинъ полковникъ генеральнаго штаба изъ Петербурга. Онъ началъ ухаживать за ней и вскружилъ бѣдной дѣвуш-

кѣ голову. Она готова была на все. Кажется, они уговорились вмѣстѣ уѣхать отсюда въ Петербургъ. Я знаю, онъ требовалъ отъ нея этой жертвы.

— Но, позвольте, отчего же онъ просто не сдѣлалъ ей предложенія?

— Потому что онъ былъ женатъ, но съ женой разошелся давно.

— И чѣмъ же все это кончилось?

— Онъ уѣхалъ въ Петербургъ одинъ. Лиза должна была пріѣхать послѣ. Ну, само собой, страстныя письма съ обѣихъ сторонъ, пылкія изліянія изъ Петербурга на Кавказъ; потомъ письма изъ Петербурга стали рѣже и холоднѣе, съ Кавказа чаще и страстнѣе. Ну, а затѣмъ письма изъ Петербурга прекратились вовсе.

— Что же оказалось?

— Молодого полковника произвели въ генералы и назначили на очень выдающійся постъ. Но ему надо было исправить свое семейное положеніе, и онъ сошелся опять съ супругой. Вотъ и все.

— Такъ вотъ откуда ненависть къ петербуржцамъ! — улыбнулся Маржецкій.

— Развѣ она ненавидитъ петербуржцевъ? — удивился Титовъ.

V.

Наталья Сергѣевна пригласила Маржецкаго на «кавказскій завтракъ». У нея былъ поваръ имеретинъ, который европейскія блюда готовилъ неважно, на кавказскій ладъ, но за то туземную кухню зналъ въ совершенствѣ. Подали чихиртму — кисленькій супъ изъ курицы, потомъ чихохбили изъ утки, пловъ изъ баранины и рису и шашлыкъ; въ видѣ десерта были фрукты, кофе по-турецки, съ гущей на днѣ маленькихъ чашечекъ; вино пили кахетинское. Маржецкій оказалъ честь кавказской кухнѣ, ѣлъ съ аппетитомъ, и все ему очень нравилось. Къ кахетинскому вину, которое ему еще такъ недавно казалось кислымъ и отвратительнымъ на вкусъ, онъ не только привыкъ, но даже и пристрастился. Тогда, на пикникѣ въ «Урочищѣ», онъ съ ужасомъ думалъ, что ему предстоитъ выпить этой «бурдючной кислятины» шесть стаканчиковъ, теперь онъ свободно выпивалъ бутылку и не чувствовалъ ни малѣйшей тяжести въ головѣ; только мысли текли свободнѣе и быстрѣе и веселѣе становилось на душѣ.

Губернаторша на него дулась. Она была очень недовольна

своимъ послѣднимъ вечеромъ и его поведеніемъ на немъ. Онъ былъ разсѣянъ, вялъ, отвѣчалъ невпопадъ; нелѣпымъ выходкамъ Лизы смѣялся отъ души, а къ концу вечера удалился съ «этимъ противнымъ Титовымъ» въ уголъ, откуда его нельзя было добыть никакими средствами. Не только она, но и многія дамы не одобряютъ его поведенія. Онъ говоритъ съ ними въ какомъ-то странномъ тонѣ, въ которомъ столько же пренебреженія, сколько и насмѣшки; хорошо, что онѣ не понимаютъ этого, но она-то отлично научилась распознавать этотъ его «невыносимый тонъ». И, потомъ, что онъ находитъ въ Лизѣ? Эта дѣвушка «распускается» все болѣе и болѣе; ее необходимо подтянуть; конечно, во многомъ виновата ея недалекая маменька. Лиза доведетъ себя до того, что ее перестанутъ принимать въ порядочномъ обществѣ. Послѣ ея скандальной исторіи съ полковникомъ генеральнаго штаба, которую она, Наталья Сергѣевна же, постаралась замять и потушить и взяла Лизу подъ свое покровительство, эта барышня «закусила удила» и потеряла вовсе надлежащій тонъ. Такимъ образомъ она никогда не найдетъ себѣ жениха.

— Ахъ, матушка, — прервалъ эти изліянія губернаторъ,— намъ, право, не до того; ты можешь читать эти лекціи когда-нибудь въ другой разъ, на свободѣ; теперь намъ необходимо поговорить о дѣлѣ.

— У тебя всегда дѣла и именно тогда, когда я начинаю о чемъ-нибудь говорить,— замѣтила Наталья Сергѣевна и сдвинула брови, какъ дѣлала это часто, будучи чѣмъ-нибудь обижена.

Маржецкій опять замѣтилъ, что эта складка между бровями необыкновенно старила ея моложавое лицо.

— Ты весь поглощенъ службой и рѣшительно не хочешь замѣчать своей жены,— продолжала она, все болѣе и болѣе раздражаясь и выходя изъ обычнаго ей спокойнаго состоянія.—Au fond — мнѣ это довольно безразлично, но заботиться о нашемъ домѣ, вести его, все-таки лежитъ на моей обязанности, и я въ своемъ домѣ не допущу того тона, который вноситъ въ него Лиза.

— И прекрасно, и прекрасно,— небрежно проговорилъ губернаторъ.—Это твое дѣло... Ты чѣмъ-то, очевидно, раздражена противъ бѣдной дѣвочки, но это меня не касается. Дай намъ поговорить о дѣлѣ...

— Сколько угодно,—сказала Наталья Сергѣевна и нервно двинула тарелку.

— Вамъ уже говорилъ Титовъ о командировкѣ?—обратился губернаторъ къ Маржецкому.

— Какъ же, ваше превосходительство...

— Нѣтъ, пожалуйста, зовите меня Наколай Ивановичъ. Что?

— Слушаю-съ, ваше... Николай Ивановичъ.

— Вы поѣдете на будущей недѣлѣ, въ понедѣльникъ; зайдите въ канцелярію получить прогоны и открытый листъ...

— Какъ, ты посылаешь m-r Маржецкаго?—не удержалась Наталья Сергѣевна.

— Ну, да! А что?—ледянымъ тономъ спросилъ губернаторъ и поднялъ одну бровь, какъ бы желая сказать: «ужъ не прикажешь ли съ тобою совѣтоваться, кого мнѣ послать?»

Наталья Сергѣевна измѣнилась въ лицѣ. Сегодня она была особенно нервно настроена и ей, повидимому, нездоровилось; по лицу ея пошли пятна и брови не раздвигались.

Маржецкій съ любопытствомъ слѣдилъ за нею и за этой «губернаторской стычкой». Супруги не стѣснялись при немъ, и онъ привыкъ къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ, которыя онъ давно уже опредѣлилъ по-своему. Она казалась ему женщиной давно оскорбленной въ своемъ женскомъ достоинствѣ, замкнувшейся въ броню равнодушія и холодности къ мужу; онъ походилъ на человѣка, поглощеннаго дѣлами и нетерпѣливо отмахивающагося отъ назойливо надоѣдавшей ему мухи.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтила Наталья Сергѣевна.—Я хотѣла только сказать, что ты, вѣроятно, забылъ одно обстоятельство...

— Какое? — нетерпѣливо крикнулъ губернаторъ.

— Ты отлично знаешь, что я просила m-r Маржецкаго заняться организаціей чтенія для арестантовъ. Нашъ комитетъ уже выработалъ программу, и это дѣло уже совершенно налажено.

— Да, но что же дѣлать, ma chère, есть дѣла поважнѣе твоихъ арестантовъ. Что?

— Поважнѣе моихъ арестантовъ?—проговорила она, упирая на слово «моихъ».—Но ты—вице-президентъ тюремнаго комитета и они скорѣе *твои*, чѣмъ мои. О. Василій даже выбралъ чтенія: «О блудномъ сынѣ», а m-r Маржецкаго я просила прочесть что-нибудь историческое. И первое чтеніе, съ волшебнымъ фонаремъ, назначено на вторникъ.

— Такъ назначьте его на воскресенье и пусть, наконецъ, читаетъ Титовъ. Довольно, что ты и Титова отвлекла отъ его прямыхъ обязанностей, не могу же я тебѣ отдать всѣхъ чиновниковъ... для твоихъ затѣй.

— Для моихъ затѣй! Но ты самъ относился очень сочувственно къ этой моей затѣѣ. Ты самъ говорилъ и о громадномъ нрав-

ственно-воспитательномъ вліяніи этихъ чтеній, и объ уменьшеніи растлѣвающаго вліянія тюрьмы... Скоро же ты остылъ.

— Voyons, ma chère,—наконецъ, строго сказалъ Николай Ивановичъ,—fichez moi la paix. Здѣсь не мѣсто и не время... Дѣлай чтеніе въ воскресенье—это даже вполнѣ подходящій къ случаю день...

Такъ какъ завтракъ кончился, то онъ, не говоря больше ни слова, всталъ и увелъ къ себѣ въ кабинетъ Маржецкаго.

Губернаторша послала за Титовымъ.

— Какъ не хорошо съ вашей стороны, что вы не предупредили меня о командировкѣ Маржецкаго!—сухо сказала она ему.—Разошлите повѣстки, что чтеніе для арестантовъ состоится въ воскресенье... И такъ какъ Маржецкій долженъ готовиться ѣхать, то не откажите прочитать что-нибудь историческое—вы.

Тонъ ея былъ отрывистъ и нервенъ. Титовъ первый разъ слышалъ въ ея устахъ этотъ тонъ, и онъ показался ему новымъ.

Онъ сдержанно поклонился и хотѣлъ выдти. Она его задержала.

— Надолго ѣдетъ Маржецкій?—уже другимъ тономъ спросила она.

— Ближе мѣсяца не будетъ.

— Вотъ какъ!—протянула она.

— Иванъ Петровичъ пріѣхалъ изъ отпуска,—сообщилъ ей Титовъ.

Лицо губернаторши измѣнилось. Она даже чуть поблѣднѣла.

— Но срокъ его отпуска, вѣдь, не кончился?—тревожно спросила она.

— Онъ вернулся раньше срока.

— Съ лицомъ все такого же сфинкса, какъ всегда?

— Какъ всегда,—улыбнулся Титовъ.

— Я увѣрена, что онъ ѣздилъ въ Петербургъ разнюхивать, чѣмъ тамъ пахнетъ... И подготовить почву...

— Почву для чего?

— Вы отлично знаете... Чтобы подкопаться подъ мужа. Господину Бальцеру надоѣло быть вице-губернаторомъ и онъ ведетъ свою политику. И съ его каменнымъ лицомъ и каменною душою онъ скоро достигнетъ своего. Такіе люди опасны. Ихъ нельзя держать около себя. И когда онъ, обиженный, что не его назначили губернаторомъ, хотѣлъ перевестись отсюда, не слѣдовало его удерживать... Только Николай Ивановичъ съ своей недальнозоркостью могъ сдѣлать такой неполитическій шагъ и создать около себя какого-то постояннаго цензора, критически слѣдящаго за нимъ и

вѣчно и во всемъ ему противодѣйствующаго. Но Николай Ивановичъ, какъ всѣ безхарактерные люди, упрямъ и не хочетъ слушать моихъ совѣтовъ. Я говорю съ вами какъ съ другомъ, Титовъ; у Бальцера большія связи въ Петербургѣ, а Николай Ивановичъ добился своего положенія исключительно службой... Enfin, это все не мое дѣло... какъ говоритъ тотъ же Николай Ивановичъ.

Титовъ ушелъ, Наталья Сергѣевна осталась одна и задумалась.

Она терпѣть не могла этого вице-губернатора, высокаго, сухого человѣка, въ темныхъ очкахъ, съ его загадочнымъ, вѣчно иронически улыбающимся лицомъ и дѣловитою, уравновѣшенною душою. Она отлично замѣчала его презрительно-снисходительное отношеніе къ Николаю Ивановичу и его дѣятельности въ губерніи; она также замѣчала и его отношеніе къ ней самой и къ ея предсѣдательствованіямъ въ различныхъ комитетахъ—швейныхъ школъ, чайныхъ и ночлежныхъ домовъ, чтенія для арестантовъ и другихъ. Ко всему этому онъ относился какъ-то брезгливо и въ тѣ рѣдкія минуты, когда удостоивалъ ее разговоромъ, очень не тонко высказывалъ свои взгляды. По его мнѣнію, ночлежные дома слѣдовало бы уничтожить, каждый долженъ зарабатывать себѣ деньги на ночлегъ и на пищу. Даровой ночлегъ и даровая пища—льгота тунеядцамъ; кто, по физической немощи, не въ состояніи зарабатывать себѣ необходимый кровъ и пропитаніе, долженъ ложиться въ больницу или, по дряхлости лѣтъ, идти въ богадѣльню. Той же участи должны подвергнуться и чайныя,—въ нихъ скапливаются неблагонадежные элементы, разные шелопаи и бездѣльники; тамъ раздаются праздные разговоры и даже обсуждаются губернскія дѣла. Кажется, сторожа этихъ чайныхъ домовъ были его клевретами и доносили ему о «внутренней политикѣ» этихъ учрежденій. Вообще «босяковъ», «золоторотцевъ» города, этотъ опасный и вредный элементъ—слѣдуетъ держать въ уѣздѣ, а вовсе не поить чаемъ; да и само чаепитіе—занятіе не важное, оно требуетъ слишкомъ много времени и располагаетъ къ болтливости. Онъ противъ этого «культа босяка» и всегда будетъ ратовать противъ него. Къ швейнымъ школамъ онъ относится тоже отрицательно; по его мнѣнію, это институтъ будущихъ проститутокъ. По этому поводу онъ много не любилъ распространяться, но, повидимому, это было его самымъ твердымъ убѣжденіемъ. Но онъ не только все отрицалъ; у него были и положительные идеалы,—правда, нѣсколько странные для свѣжаго человѣка, но къ которымъ Наталья Сергѣевна уже прислушалась. По его мнѣнію, которое дошло до нея, впрочемъ, стороною, губернаторами слѣдовало бы назначать

людей исключительно холостыхъ; тогда не было бы губернаторшъ, а слѣдовательно и предсѣдательницъ всякихъ благотворительныхъ и иныхъ комитетовъ. Тогда не было бы и чтеній для арестантовъ, которымъ нужны не чтенія, а скорѣе ежевыя рукавицы. Тогда не было бы и самихъ комитетовъ. Единственно, что нужно городу и губерніи, это — твердую, властную правящую руку, которая бы безъ послабленія и сантиментальностей утверждала бы законъ и слѣдила за точнымъ его исполненіемъ. Отмѣна крѣпостного права, по мнѣнію Бальцера, была если и не политическою ошибкой, то, во всякомъ случаѣ, крупною несвоевременностью. Это можно было бы исправить, и онъ въ головѣ своей лелѣялъ проектъ этого исправленія. Всѣхъ незаконнорожденныхъ дѣтей можно было бы обращать въ крѣпостное состояніе; если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые наполняютъ воспитательные дома; такимъ образомъ составился бы незамѣтно и постепенно особый классъ крестьянъ, вродѣ класса бывшихъ когда-то государственныхъ крестьянъ. Этотъ удивительный проектъ былъ разработанъ имъ въ формѣ доклада, во всѣхъ подробностяхъ, съ историческимъ обозрѣніемъ вопроса, въ видѣ обширнаго предисловія, и статистическими данными и таблицами, въ видѣ приложеній. Проектъ давно уже лежалъ у него въ столѣ и выжидалъ благопріятнаго момента для своего появленія на свѣтъ. Губернаторъ долженъ быть, по его мнѣнію, непремѣнно родовитъ, имѣть сословныя и бюрократическія связи въ Петербургѣ, которыя бы давали ему точку опоры и вѣсъ его авторитету. Онъ долженъ быть богатъ, чтобы чувствовать свою независимость и достойно представлять въ губерніи правительство. Вотъ почему Ахлениновъ ни съ какой стороны не годился въ губернаторы и представлялъ, въ его глазахъ, одно лишь временное недоразумѣніе, которое давно слѣдовало бы устранить.

Наталья Сергѣевна отлично знала всѣ эти планы, проекты и мечты Бальцера. Она отлично понимала и его прямолинейный, настойчивый характеръ, и она была увѣрена, что онъ рано или поздно—и даже скорѣе рано, чѣмъ поздно—устранитъ «недоразумѣніе» въ лицѣ ея мужа. Бальцеръ ѣздилъ періодически въ Петербургъ, гдѣ его ближайшій родственникъ занималъ высокій постъ и гдѣ у него былъ собственный домъ; напротивъ, у Николая Ивановича не было ни родственниковъ, ни домовъ въ Петербургѣ; онъ былъ «бѣднымъ губернаторомъ», избѣгавшимъ давать обѣды и вечера, копившимъ жалованье и урѣзывавшимъ суммы, отпускавшіяся на представительство, прогоны для разъѣздовъ по губерніи и на непредвидѣнные расходы. Бальцеръ «третировалъ» Николая Ивано-

вича: рѣдко бывалъ у него въ домѣ, не встрѣчалъ его по возвращеніи губернатора изъ поѣздокъ, отговариваясь нездоровьемъ, и оспаривалъ его предписанія и распоряженія. Да, это былъ очень неудобный вице-губернаторъ для Николая Ивановича, но его нужно было терпѣть, какъ китайскіе мандарины и вице-короли терпятъ приставленныхъ къ нимъ соглядатаевъ.

Все это пронеслось вихремъ по душѣ Натальи Сергѣевны, и ей сдѣлалось горько. Она плохо понимала общее направленіе политики, но и она смутно чувствовала, что времена «послабленій» и «диктатуры сердца» прошли, повѣяло чѣмъ-то новымъ; вездѣ устанавлялась власть на твердыхъ началахъ и провозглашался принципъ твердаго правительственнаго режима. Пожалуй, дѣйствительно, Николай Ивановичъ съ его безхарактерностью и неимѣніемъ опредѣленной программы, съ его шатаніями и недоумѣніями очутится вскорѣ не ко двору и долженъ будетъ уступить мѣсто Бальцеру съ его принципами неукоснительной власти и твердой руки.

Но не одно это ее угнетало. Въ послѣднее время она рѣшительно не могла сообразить, что съ нею творится. Въ эти два мѣсяца въ ея душѣ выросло что-то новое, неизвѣданное, странное. При Маржецкомъ она еще чувствовала себя прекрасно; когда же его не было, ею овладѣвала скука,—не та скука, въ которой онъ упрекалъ ее въ первое же ихъ свиданіе и знакомство, выражавшаяся въ излюбленномъ ею словечкѣ «скушно», произносившемся ею на московскій ладъ,— нѣтъ, эта скука переходила во что-то ноющее, какъ зубная боль, во что-то тягучее и постоянное, что можно было бы назвать сердечною тоской.

Иногда ночью ей приходило на умъ, ужъ не любовь ли это? И она сама смѣялась этой «сумбурной идеѣ», пробовала себя увѣрить, что это невозможно, что это просто даже смѣшно. Вѣдь ей 38 лѣтъ! Это просто отъ жизни въ этомъ захолустьѣ. И, право, кажется, будетъ даже хорошо, если Николай Ивановичъ оставитъ мѣсто губернатора. Они куда-нибудь уѣдутъ изъ этой провинціальной дыры. Во всякомъ случаѣ, у нихъ останется то же жалованье въ видѣ пенсіи,— это можно будетъ всегда выхлопотать,— но за то расходовъ будетъ меньше, не надо будетъ содержать этого огромнаго дома и какъ-никакъ кормить столько «некчемныхъ» людей. И опять при мысли объ отъѣздѣ выплывалъ образъ Маржецкаго, и ей становилось странно - жутко. Вѣдь онъ мальчишка въ сравненіи съ нею; и онъ связанъ съ другою женщиной. Да и она занимаетъ такое положеніе и находится въ такомъ возрастѣ, когда всякое увлеченіе вызываетъ въ другихъ обидную улыбку снисхо-

дительной жалости. Да нѣтъ! Это совсѣмъ не то!—пробовала она утѣшать себя.—Но тогда зачѣмъ же бьется такъ странно ея сердце, когда она слышитъ мягкіе шаги Маржецкаго по мягкому ковру своей гостиной? Но тогда почему ей дѣлается жутко въ его отсутствіе и почему ее гложетъ мысль, что онъ въ это время находится въ присутствіи другой женщины? Какая это женщина? Что это за невидимка? Она ее еще ни разу не видала. Прячетъ ли онъ ее такъ тщательно изъ ревности, или ему совѣстно ее показывать? Вѣдь, могла бы она ее увидѣть на бульварѣ, гдѣ никому не запрещено ходить, ни даже незаконнымъ женамъ? Или въ городскомъ саду, или, наконецъ, въ театрѣ? Почему она, Наталья Сергѣевна, такъ не взлюбила эту несносную Lise fin de siècle? Она стала къ ней чувствовать родъ органическаго отвращенія. Эта дерзкая дѣвчонка—дѣйствительно «необузданная», какъ ее называетъ старуха Хомякова. И у ней несомнѣно что-то есть съ Маржецкимъ. Что онъ нашелъ въ ней? Залихватскія манеры, бравированье велисипедомъ и верховою ѣздой...

И чѣмъ больше она думала о Лизѣ и о Маржецкомъ, тѣмъ болѣе росло раздраженіе противъ обоихъ. Она охотно бы уступила теперь Титова Николаю Ивановичу, съ тѣмъ, чтобы Маржецкій замѣнилъ его при ней; но, конечно, Николай Ивановичъ на это не пойдетъ. А Маржецкій? Онъ, кажется, тоже не прочь поухаживать за этой Лизой. И что они всѣ,—она припомнила увлеченіе Титова, въ ней находятъ?

Она опять стала вспоминать первое знакомство съ Маржецкимъ. Какимъ онъ ей тогда показался «петербургскимъ» молодымъ человѣкомъ, съ готовыми словами и банальными комплиментами на устахъ, съ цвѣтистою рѣчью и выработанными манерами! Даже добродушный Титовъ тогда тонко ухмылялся его рѣчамъ, его довольно неискреннимъ восторгамъ.

А теперь? Что же перемѣнилось въ немъ? Онъ все такой же; только она стала другою. И вотъ онъ теперь уѣдетъ, уѣдетъ на цѣлый мѣсяцъ, а она останется съ Титовымъ, съ чайными, съ арестантскими чтеніями; и эти чтенія-то она затѣяла, чуть ли не съ тайною цѣлью щегольнуть передъ Маржецкимъ своимъ просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи, своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ. Но онъ вообще кажется «сухарь», и его ничто не интересуетъ, кромѣ его самого. Одно время онъ пробовалъ ей говорить что-то цвѣтисто-поэтическое, о правахъ женщины на любовь, о томъ, что женщинѣ всегда столько лѣтъ, сколько ей кажется, даже очень тонко намекалъ, что не прочь увлечься ею. Но она сама его оста-

новила. Ужъ очень все это было неискренне и главное обидно-снисходительно. Какъ будто она у него выпрашивала что-то или добивалась чего-то!... Нѣтъ, Богъ съ нимъ, такого, какъ онъ есть, ей не нужно!

Но, тогда, отчего же сердце ея сжимается при одной мысли объ его отъѣздѣ? Ахъ, какъ ей будетъ тогда опять «скушно»!

VI.

Небольшая и не очень свѣтлая комнатка была полна народу. Тутъ, въ особо отгороженномъ мѣстѣ, толпились арестанты; среди этой толпы было много характерныхъ, типичныхъ лицъ русскихъ и туземцевъ всевозможныхъ народностей Кавказа. Было и нѣсколько женщинъ; около двухъ-трехъ изъ нихъ, держась за ихъ юбки, стояли дѣти. Это были тѣ несчастныя дѣти преступныхъ матерей, которымъ некуда было дѣваться, за неимѣніемъ въ городѣ отдѣла общества попеченія о дѣтяхъ ссылаемыхъ по приговорамъ судовъ родителей. И они оставались при осужденныхъ матеряхъ. Тутъ же, на особой эстрадѣ, на которой былъ установленъ волшебный фонарь, сидѣли священникъ о. Василій, учитель физики изъ мѣстной классической гимназіи, управляющій фонаремъ, почетный мировой судья и Титовъ.

За особою рѣшеткой, въ небольшомъ залѣ, сидѣла публика. Въ первомъ ряду на простыхъ вѣнскихъ стульяхъ расположилась губернаторша и ея штатъ: Марья Львовна Зорина, старуха Хомякова, полковникъ въ черкескѣ, Петръ Петровичъ Миткинъ, губернскій и домашній врачъ губернаторши, и Маржецкій.

Маржецкій, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, суетился и бѣгалъ по порученіямъ Натальи Сергѣевны съ эстрады въ публику и обратно. Во второмъ ряду было нѣсколько приглашенныхъ: Бѣльскій, Зуева, Рувимская и обѣ княжны, которыя было сунулись въ первый рядъ, но, увидя, что тамъ все занято, сдѣлали гримасу, пожимали плечами и усѣлись рядомъ съ Бѣльскимъ. Лиза Хомякова была тоже тутъ и нашла себѣ мѣсто около княжны Вари.

Чтеніе началось съ пѣнія. О. Василій подошелъ къ арестантамъ, пошептался съ ними, пустилъ двѣ-три низковатыя ноты, откашлялся и затянулъ «Царю Небесный». Арестанты подхватили. Сначала хоръ шелъ нестройно, потомъ все наладилось и вышло недурно.

— Вы ѣздили къ вице-губернатору?—спросила вполголосау Маржецкаго Наталья Сергѣевна, во время пѣнія.

— Какже!—быстро проговорилъ Маржецкій. — Онъ меня не принялъ. Выслалъ извиниться и сказать, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

— Ну да, конечно!—критически проговорила Наталья Сергѣевна.

Послѣ пѣнія началось чтеніе. Титовъ, невнятно и запинаясь, хотя читалъ по книгѣ, прочелъ *Сказку о золотой рыбкѣ* и *О томъ, какъ собиралась земля русская*, причемъ учитель физики показывалъ картинки волшебнаго фонаря, сначала очень неудачно, но потомъ все удачнѣе и удачнѣе.

— Имъ бы лучше что-нибудь о *Золотой ручкѣ* прочесть, чѣмъ о *Золотой рыбкѣ*, — сострилъ Бѣльскій и самъ первый засмѣялся.

— Taisez-vous, Voldemar, — толкнула его локтемъ одна изъ княженъ.

— Почему имъ читаютъ о *Золотой рыбкѣ?*—уже серьезно спрашивалъ полковникъ, нагнувшись къ Зориной.

— И прескверно читаютъ... нужно отдать справедливость Титову,—добавилъ кто-то.

— Да, просто, мнѣ кажется, потому, что въ фонарѣ не нашлось другихъ картинъ,—догадалась Лиза, и это ея замѣчаніе, сказанное неосторожно громко и попавшее какъ нарочно въ паузу, сдѣланную Титовымъ, услышала Наталья Сергѣевна.

Она наморщила брови и, нагнувшись къ Маржецкому, сказала ему:

— Попросите, пожалуйста, отъ моего имени, не разговаривать такъ громко приглашенныхъ.

Онъ поклонился и волей-неволей подошелъ къ Лизѣ, такъ какъ губернаторша, повернувъ въ ея сторону голову, очевидно настоятельно ждала исполненія своего приказанія.

— Не трудитесь,—сказала спокойно Лиза, когда Маржецкій очутился въ двухъ шагахъ отъ нея.—Я уже слышала.

Чтеніе тянулось долго въ залѣ, погруженномъ во тьму.

Оно, очевидно, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, понравилось арестантамъ, потому что изъ толпы раздавались одобрительные возгласы и сдержанный смѣхъ. Особенно радовались дѣтишки, когда на экранѣ появлялась картинка. Около арестантовъ-туземцевъ стоялъ переводчикъ и вполголоса переводилъ, насколько умѣлъ и насколько успѣвалъ, за Титовымъ сказку. Но такъ какъ онъ переводилъ на одномъ языкѣ, то для другихъ чтеніе оставалось все-таки непонятнымъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ они слушали съ

напряженнымъ вниманіемъ, ловили каждое слово, морщили свои лбы, стараясь постичь смыслъ прочитаннаго, и находились въ какомъ-то сосредоточенно-праздничномъ настроеніи. Чувствовалось, что жажда духовной пищи, жажда человѣческаго добраго слова была велика въ этихъ людяхъ. Когда въ залѣ дѣлалось темно, они становились смѣлѣе, рѣшительнѣе смѣялись и вырывавшіяся слова становились громче и яснѣе.

Но «публикѣ» затянувшееся чтеніе стало надоѣдать, и въ рядахъ ея начались посторонніе разговоры. Полковникъ въ черкескѣ раза два зѣвнулъ и, извинившись передъ сосѣдомъ, безшумно всталъ и отправился курить; къ нему присоединилось еще двое. На свободное кресло, очутившееся около губернаторши, сѣлъ Маржецкій.

Наталья Сергѣевна очень обрадовалась этому сосѣдству. Ей самой дѣлалось скучно. Монотонный голосъ Титова усыплялъ ее и внутри ея все еще не улеглись тѣ мысли, которымъ она два дня тому назадъ такъ малодушно позволила овладѣть ею. И она сильно пониженнымъ голосомъ заговорила съ Маржецкимъ.

— Итакъ, вы уѣзжаете? — сказала она. — Это рѣшено безповоротно?

— Да, уѣзжаю, — просто отвѣтилъ Маржецкій.

— Вы это такъ сказали, какъ будто очень этому радуетесь?

Маржецкій, подумавъ съ минуту и сдѣлавъ видъ, что прислушивается къ чтенію Титова, отвѣтилъ·

— Конечно, радуюсь, Наталья Сергѣевна.

— Но почему же? — раздраженно спросила она его.

— Мнѣ очень интересно прокатиться, познакомиться немного со страной...

— Я съ самаго начала нашего знакомства опредѣлила васъ вѣрно.

— Какъ? — спросилъ онъ не безъ любопытства.

— Вы — сухарь.

— Почему же — сухарь? — удивился онъ.

— Какъ! Вы уѣзжаете съ легкимъ сердцемъ, вы покидаете здѣсь на цѣлый мѣсяцъ два женскихъ сердца, которыя бьются только для васъ...

Маржецкаго передернуло. Онъ сообразилъ не сразу и съ любопытствомъ поглядѣлъ на губернаторшу.

— *Два* женскихъ сердца? — повторилъ онъ. — Какихъ два женскихъ сердца?

— Ахъ, Боже мой! Одно то, съ которымъ вы сюда пріѣхали...

Маржецкій нахмурилъ брови. Онъ очень не любилъ, когда начинали говорить о Марусѣ.

— А другое?—сухо спросилъ онъ, и сердце его дрогнуло. Ему вдругъ пришла на умъ нелѣпая идея: «а вдругъ она назоветъ себя?»

— Какой вы дипломатъ! — прошептала она. — Какъ будто не знаете? А Лиза?

— Лиза? — повторилъ онъ и смутился. — Но вы ошибаетесь, Наталья Сергѣевна...

Онъ взглянулъ на нее сбоку и, несмотря на царившую въ залѣ тьму, ему показалось, что на ея лицѣ появилось недоброе выраженіе.

«Неужели Лиза права была?» — подумалъ онъ, вспомнивъ ея выходку на губернаторскомъ вечерѣ.

И ему вдругъ безумно захотѣлось испытать губернаторшу. Онъ не сталъ продолжать начатой фразы и вдругъ, почти неожиданно само собой вырвалось у него восклицаніе:

— Можетъ быть и третье сердце найдется?

Онъ увидѣлъ, какъ Наталья Сергѣевна вздрогнула съ ногъ до головы. Въ первомъ ряду было достаточно свѣтло, чтобъ увидѣть, какъ по лицу ея пошли пятна. Она, очевидно, испугалась такого рѣзкаго прямого намека и не знала, какъ къ нему отнестись.

— О комъ вы говорите? — тихо, дрожащимъ отъ волненія голосомъ спросила она, и онъ почувствовалъ въ этомъ вопросѣ признаніе.

Онъ уже раскаивался въ своей смѣлости.

Она смотрѣла на него пристально, въ самые его зрачки, какъ будто хотѣла проникнуть въ самую сокровенную суть, въ самую глубину его души. И въ этомъ вопросительномъ взорѣ было столько тревоги, столько тепла, столько обиды за свое нераздѣленное чувство, что ему стало жаль ее, и онъ въ это краткое мгновеніе все понялъ.

Онъ хотѣлъ отвѣтить—какъ?—онъ и самъ не зналъ. Первое, что подвернулось бы на языкъ, можетъ быть, было бы самымъ лучшимъ отвѣтомъ. Но, въ это время, раздался звонокъ. Первое отдѣленіе кончилось. Залъ ярко освѣтили, публика стала шумно вставать; задвигали стульями, громко заговорили. Губернаторшу тотчасъ окружили.

— Хорошъ!—оживленно заговорила она, обращаясь къ полковнику,—курить пошелъ!

Тотъ оправдывался, добродушно улыбаясь:

— Что дѣлать, Наталья Сергѣевна, еслибъ я былъ арестантомъ, и то я предпочелъ бы, чтобы мнѣ разрѣшили курить, вмѣсто того, чтобы слушать чтеніе нашего милѣйшаго Алексѣя Александровича.

Всѣ засмѣялись.

Титовъ вошелъ въ залъ. Онъ былъ мраченъ. Совсѣмъ это не его дѣло читать. Онъ и не любитъ этого и не умѣетъ. Онъ страшно волнуется и конфузится. Хорошъ и Маржецкій—ловко сумѣлъ отказаться подъ видомъ командировки. «Не успѣлъ бы приготовиться». Губернаторша благодарила Титова и просила его не хмуриться. Зорина его хвалила и расточала похвалы губернаторшѣ за блестящую идею чтеній, которая не пришла бы въ голову даже ея мужу.

— На то, вѣдь, онъ и прокуроръ! — вполголоса раздалось около нея, и она сдѣлала видъ, что не слыхала этой фразы.

Но въ этомъ голосѣ Маржецкій узналъ тотъ ворчливый, недовольный голосъ, который обозвалъ его «петербургскимъ фазаномъ» на пикникѣ въ «Урочищѣ». Этотъ голосъ принадлежалъ Миткину, тому именно доктору, съ которымъ послѣ завтра Маржецкому предстоитъ совершить «холерное турне» по губерніи.

«Ахъ, вотъ ты каковъ!»—подумалъ Маржецкій и съ любопытствомъ оглядѣлъ доктора.

Онъ воспользовался случаемъ и ускользнулъ отъ губернаторши. Онъ упрекалъ себя за неосторожно вырвавшіеся слова. «Какъ это было пошло и глупо!—говорилъ онъ себѣ,—вѣдь, такъ не далеко было и до объясненія, до настоящаго объясненія,—думалъ онъ,—и тогда что? Или притворяйся и разыгрывай комедію все время, или хоть опять переводись куда-нибудь».

Онъ еще разъ взглянулъ въ сторону губернаторши. Она показалась ему блестящей, молодой, свѣтской дамой. У нея бывали удивительно счастливыя минуты. Морщинки между бровями и въ углахъ глазъ расправлялись, щеки розовѣли, глаза пріобрѣтали особый блескъ. И тогда вся она дышала молодостью и не нашлось бы ни одного человѣка, который далъ бы ей ея 38 лѣтъ.

— Любуетесь своей патронессой?—услыхалъ онъ около себя чей-то голосъ, который не могъ сразу узнать.

Это говорила Лиза.

Лиза была раздражена, и глаза ея горѣли лихорадочнымъ пламенемъ.

— Вы знаете, мнѣ она надоѣла, ваша начальница, съ своими преслѣдованьями,—рѣзко начала она, обрушиваясь на Маржец-

каго.—И какая безтактная! Мнѣ присылаетъ приказъ молчать, а сама пустозвонитъ съ вами во все время чтенія. Что она, въ любви вамъ объяснялась, что ли?

Маржецкій посмотрѣлъ на нее въ удивленіи.

— Я въ первый разъ вижу васъ въ такомъ возбужденіи,— спокойно проговорилъ онъ.

— Она мнѣ надоѣла, надоѣла, надоѣла!— упорствовала на своемъ Лиза.

— И прекрасно,—наконецъ, разсердился онъ,—но я-то тутъ при чемъ? За что вы мнѣ дѣлаете эту сцену?

— Сцену?—она вдругъ засмѣялась.—Я не имѣю права дѣлать вамъ сценъ! На это имѣли право другія.

— Другія?—повторилъ онъ.—Кто же?—и посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Да хотя бы госпожа ваша начальница.

— На правахъ?...—протянулъ онъ.

— Ну, конечно, начальницы, а не любовнины!—рѣзко сказала она.—До этого-то, можетъ быть, и не дошло еще.

Онъ все больше и больше изумлялся. «Какая муха ее укусила?—думалось ему.

— И никогда не дойдетъ,—твердо выговорилъ онъ.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

Она круто повернулась и хотѣла удалиться, но онъ остановилъ ее. Онъ въ этотъ вечеръ былъ какъ-то смѣло настроенъ и ему захотѣлось теперь испытать Лизу.

— А знаете, о чемъ мы говорили съ Натальей Сергѣевной?— спросилъ онъ ее.

— Очень нужно!—небрежно проговорила Лиза.

— О васъ.

— Обо мнѣ? Вотъ какъ! Это—ново...

— Да, о васъ.

— И что же?

— Представьте себѣ, Наталья Сергѣевна обвиняетъ васъ въ томъ же, въ чемъ вы ее обвинили, тогда на вечерѣ у нея.

— То-есть? Говорите яснѣе. Мало ли въ чемъ я ее обвиняла?

— Что она влюблена въ меня...

— Ахъ, вотъ что!—вскрикнула она и громко захохотала.— И вы, конечно, этому повѣрили?

— Нѣтъ, конечно... но...

— И напрасно! Это совершенно вѣрно.

Она опять захохотала и довольно искренно, какъ показалось Маржецкому.

— Только, вѣдь, это никому не опасно,—вернувшись къ нему на минуту, сказала она,—«мою любовь, широкую какъ море, вмѣстить не могутъ жизни берега»...

— Почему?—спросилъ онъ.

— Потому, что моя любовь—бѣлая акація!...

И она быстро отъ него удалилась.

«Шутитъ она или не шутитъ?»—промелькнуло у него въ головѣ.

Онъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ. Ея воздушная фигурка производила на него какое-то отрадное, жизнерадостное впечатлѣніе:—«это совсѣмъ не то, что губернаторша»,—подумалось ему. Она была одѣта просто, какъ всегда, но съ большимъ вкусомъ. И всегда, при ея приближеніи, онъ чувствовалъ какое-то странное волненіе, ощущеніе чего-то такого новаго, неизвѣданнаго.

Вокругъ него о чемъ-то говорили, перешептывались, кивали головами по одному и тому же направленію; всѣ взоры женщинъ были устремлены въ отдаленный уголъ залы, и онъ, невольно заинтересовавшись, посмотрѣлъ туда же.

Онъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ, что колѣни его начинаютъ подгибаться. Можетъ ли это быть? Кажется это ему, или онъ видитъ это на-яву? Да, это несомнѣнно она, это—Маруся. Какъ она могла сюда попасть? Чья это шутка? На что разсчитанъ этотъ скандалъ? Кѣмъ онъ подстроенъ? Кровь стала приливать къ его лицу. Маруся скромно стояла въ уголку, прислонившись къ стѣнѣ, на виду у всѣхъ, и въ ея большихъ мечтательныхъ и грустныхъ глазахъ стояло смущеніе, почти испугъ. Бѣгло осматривала она залу, какъ будто ища чьей-нибудь опоры, и на блѣдныхъ щекахъ ея вспыхивалъ румянецъ, тотчасъ же смѣнявшійся обычной блѣдностью. Она была въ черномъ платьѣ, которое отлично шло къ ней и представляло изъ себя чудесную рамку къ ея блѣдной, умирающей красотѣ.

— Une esquège!—услышалъ онъ около себя шипящій голосъ княжны Вари.—Этого не доставало! Кто ввелъ ее сюда?

Маржецкій повторялъ въ десятый разъ тотъ же вопросъ: «кто ввелъ ее сюда?»—но ему некогда было отвѣчать себѣ на этотъ вопросъ. Онъ озирался, какъ раненый звѣрь. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Мелькомъ взглянулъ онъ на губернаторшу. Онъ видѣлъ, какъ Рувимская, скромная и забитая провинціальная дама, жена мѣстнаго казначея, воспользовавшись столь экстраординарнымъ случаемъ, осмѣлилась прервать разговоръ Натальи Сер-

гѣевны съ Настей Зуевой и обратить вниманіе губернаторши на появленіе новой особы.

Губернаторша сначала удивилась бойкости забитой дамы и выслушивала ее, высоко поднявъ брови, что служило у нея знакомъ удивленія, перемѣшаннаго со снисхожденіемъ. Но потомъ, выслушавъ до конца, она быстро вооружилась лорнетомъ на длинной черепаховой ручкѣ и еще быстрѣе обернулась въ роковой уголъ. Подробно осмотрѣвъ новую гостью, она встрѣтилась глазами съ Маржецкимъ и спокойно сѣла на свое мѣсто.

Взгляды публики переходили съ взволнованнаго лица Маруси на Маржецкаго. Одни снисходительно, чуть замѣтно ухмылялись, другіе смотрѣли съ ехидствомъ, которое онъ не могъ перевести себѣ иначе, какъ «что, попался, голубчикъ?» третьи съ плохо скрытымъ злорадствомъ: «ну, наконецъ-то, хоть маленькій скандальчикъ».

«Подлецы!»—подумалъ Маржецкій и стиснулъ зубы. Ему захотѣлось отомстить. Онъ чувствовалъ, что Марусѣ не по себѣ, что она готова провалиться сквозь землю отъ всѣхъ этихъ устремленныхъ на нее взоровъ, что она ищетъ его взгляда, чтобы найти въ немъ опору, помощь, сочувствіе. Тѣмъ хуже для нея! Онъ демонстративно отвернулся и опустилъ глаза. Съ презрѣннымъ малодушіемъ онъ не узналъ ее.

Нервно выхватилъ онъ часы. Какъ тянется проклятое время! Хоть бы ужъ начинали скорѣе второе отдѣленіе.

Наконецъ, всѣ сѣли.

Позади онъ слышалъ опять отрывки разговоровъ двухъ княженъ съ Бѣльскимъ; къ нимъ присоединилась и Настя Зуева—«пламенная дѣвица», какъ ее прозвала Лиза. Они, очевидно, судачили о Марусѣ. «Пошли теперь кумйть»,—вспомнилось ему невольно любимое выраженіе балетнаго жаргона Маруси.

— Она совсѣмъ, совсѣмъ неграціозна,—говорила княжна.—Я не знаю, что мужчины могутъ находить въ подобныхъ женщинахъ.

— И потомъ она подкрашена,—прибавила другая.

Бѣльскій протестовалъ. Онъ-то ужъ хорошо знаетъ, что значитъ быть подкрашенной. Вотъ его корифеечка, Лена Ермолаева, та дѣйствительно занимается «ричи-пучи», и онъ сдѣлалъ рукой жестъ, какъ бы нарумянивая себѣ щеки, и, по обыкновенію, первый же довольно громко расхохотался своей остротѣ.

— Вы знаете, Лена Ермолаева обѣщала сюда заѣхать. Она теперь на водахъ.

— Какой ужасъ!—взвизгнула княжна.

— Я хотѣла бы быть танцовщицей! — горячо сказала Настя Зуева.

— А у васъ ноги хороши?—нагнувшись къ ней, буркнулъ Бѣльскій.

— Покажи ему, онъ знатокъ,—фыркнула княжна Надя, и всѣ трое зашептались.

Все это говорилось не громко, но Маржецкій напряженно слушалъ и слышалъ почти все.

— Она довольно... какъ бы сказать?—продолжала княжна,—elle est usée... въ ней нѣтъ свѣжести.

— Я думаю!—поддержала ее сестра,—у нихъ послѣ спектакля всегда оргіи.

— Да, да, — подтвердилъ драгунъ, — онѣ всегда ѣздятъ къ Кюба, Контану, въ Малый Ярославецъ ужинать и тамъ затѣваютъ танцы.

— Ахъ, какъ это интересно! — воскликнула Настя.—Послушай, Lise, что разсказываетъ Бѣльскій про балетъ, — обратилась она къ Лизѣ, пробиравшейся на свое мѣсто.

— Что именно? — проговорила она, оглядѣвшись. Она тоже давно уже замѣтила Марусю и мелькомъ осмотрѣла ее.

Бѣльскій повторилъ свой разсказъ объ оргіяхъ.

— Ему можно вѣрить, онъ—балетоманъ!—убѣжденно заявила Настя.

— Не знаю, балетоманъ ли онъ,— сухо промолвила Лиза,—по-моему, онъ скорѣе похожъ на Мома.

— На Мома?!—удивились княжны.—У васъ, Лиза, всегда какія-то сакраментальныя словечки... Что это такое—Момъ?

— Вы тоже не знаете, что такое Момъ?—задорно обратилась Лиза къ драгуну.

Тотъ тронулъ свои усы.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, звякнувъ шпорами.

— Развѣ васъ не учили миѳологіи,—спросила она,—въ кавалерійскомъ училищѣ?—и, не дожидаясь отвѣта, сказала:—Момъ—богъ злословія. Это былъ большой насмѣшникъ и... и... клеветникъ. Вы знаете, онъ лопнулъ со злости, когда не могъ найти въ Аѳродитѣ никакихъ недостатковъ. Но вы не Момъ, вы—Момчикъ; вы не богъ, а божокъ и вы злословите не по злости... «а по глупости»,—хотѣла она сказать, но удержалась и рѣзко замолчала.

«Ахъ, какая славная эта милая Лиза»,—подумалъ Маржецкій.

Въ эту минуту на эстраду взошелъ, наконецъ, о. Василій, и чтеніе началось снова.

Сильное впечатлѣніе на присутствующихъ произвела сказанная священникомъ притча «о блудномъ сынѣ». Трогательная, высокогуманная идея, которой она проникнута, потрясла арестантовъ. Священникъ, по поводу этой притчи, сказалъ слово. Онъ развивалъ эту идею всепрощенія, любви къ падшему и заблудшему, подавалъ надежду всякому раскаявшемуся и пришедшему въ домъ отца своего за прощеніемъ. И всѣ слышали, какъ одинъ изъ арестантовъ заплакалъ и у него невольно вырвались слова, которыя онъ, не будучи въ силахъ удержаться, повторилъ вслѣдъ за о. Василіемъ: «Отче, согрѣшихъ на Небо и предъ тобою».

Посѣтителями овладѣло волненіе. Многія дамы прикладывали къ своимъ глазамъ платки. Всѣ поняли теперь, какое огромное воспитательное значеніе имѣютъ эти чтенія и какимъ они могли бы служить коррективомъ тюрьмѣ, которая, будучи предоставлена самой себѣ, можетъ дѣйствовать на нравственную сторону человѣка только разрушающимъ образомъ, воспитывая въ населяющихъ ее порочныхъ людяхъ только дурные инстинкты.

Этотъ взглядъ развивалъ Николай Ивановичъ, только что прибывшій на чтеніе и выслушавшій теплую бесѣду о. Василія. Онъ говорилъ объ этомъ вполголоса съ полковникомъ въ черкескѣ, во время послѣдовавшаго краткаго перерыва.

— Дурное вліяніе тюрьмы не ограничивается ея стѣнами,— говорилъ онъ.— Среда тюрьмы — тяжелая, гнетущая, деморализирующая. Слѣдуетъ внести свѣтъ въ эту мрачную атмосферу и для этого, право, не нужно много усилій: нужно только любить человѣка и хоть капельку вѣрить, что въ душѣ каждаго преступнаго человѣка все же тлѣетъ еще искра Божія. Къ сожалѣнію, такихъ людей мало, а тѣхъ, кто добровольно пошелъ бы на помощь преступному брату, еще того меньше, не правда ли?

Полковникъ поморщился и криво усмѣхнулся.

— Вы со мной не согласны?

— Не совсѣмъ, Николай Ивановичъ, — почтительно отвѣтилъ тотъ.

— Вотъ какъ! Но почему же?

— Сантиментальничанье съ преступниками — оружіе обоюдоострое. Я увѣренъ, всѣ они теперь, послѣ рѣчи почтеннаго батюшки, рады раскаяться, ради того, чтобы съѣсть жирнаго барана, котораго мы должны зарѣзать въ честь ихъ возвращенія въ отчій домъ. Ну, а потомъ можно опять выйти на дорогу...

— Какая жестокая шутка! — сказала Наталья Сергѣевна, слушавшая этотъ разговоръ.

— По-моему, — продолжалъ нисколько не смущаясь полковникъ, — единственно, что имъ нужно, это — твердую руку и неослабный надзоръ.

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на него своими добрыми глазами и подумалъ: «А, и ты перешелъ въ лагерь Бальцера!» — и грустно усмѣхнулся.

— Давно вы видѣли Ивана Петровича? — перемѣнивъ тонъ, просто спросилъ онъ его.

— Сегодня поутру. Онъ чувствуетъ себя утомленнымъ послѣ поѣздки въ Петербургъ.

— Да, я знаю объ этомъ, — сказалъ губернаторъ и отошелъ отъ полковника.

«И этотъ примкнулъ къ оппозиціи», — шутливо подумалъ онъ.

— Какъ я тебѣ благодарна, Николай Ивановичъ, за твои хорошія слова, — сказала ему Наталья Сергѣевна. — Я уже думала, ты перемѣнилъ мнѣніе объ этихъ чтеніяхъ...

— Почему же ты такъ думала?

— Ты тогда такъ грозно крикнулъ: «есть и поважнѣе дѣла твоихъ арестантовъ».

— Ахъ, матушка, конечно есть... но, извини, мнѣ некогда, — и, не обращая болѣе на нее вниманія, онъ быстро вышелъ изъ залы.

Она обиженно сѣла на свое мѣсто. Конечно, она привыкла къ тому, что мужъ не обращалъ на нее никакого вниманія и давно предпочиталъ всякій дѣловой разговоръ разговору съ ней. Но ей на этотъ разъ почему-то особенно хотѣлось убѣдиться, что она для него еще существуетъ, и она муссировала свое чувство къ мужу, надѣясь найти въ немъ хоть тѣнь отзвука. Въ этомъ она увидѣла бы оплотъ противъ того чего-то сложнаго, что роковымъ образомъ надвигалось на нее въ послѣднее время. Но онъ былъ все тотъ же съ нею, даже не сухъ и не холоденъ, — это было бы все-таки лучше и могло бы служить ей до нѣкоторой степени оправданіемъ, — нѣтъ, онъ просто не замѣчалъ ея, уничтожалъ ее своимъ полнымъ, безпредѣльнымъ равнодушіемъ.

Священникъ опять говорилъ слово, взявъ текстъ изъ Евангелія Іоанна: «Сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ...»

Онъ говорилъ легко, плавно, спокойно, не обременяя своей импровизаціи текстами, обыкновенно плохо понимаемыми слушате-

лями. Но что важнѣе всего, въ самомъ тонѣ его рѣчи звучали искреннія, согрѣтыя настоящимъ чувствомъ, ноты. И арестанты, какъ русскіе, такъ и туземцы, слушали его съ умиленіемъ, жадно впиваясь въ слова любви и прощенія, которыя онъ вѣщалъ имъ, быть можетъ, иногда даже и не понимая настоящаго значенія ихъ.

По окончаніи чтенія, Наталья Сергѣевна отправилась посмотрѣть на мастерскія при тюрьмѣ. Ихъ было нѣсколько—столярная, кожевенная и башмачная; была также и школа грамотности. Наталья Сергѣевна по праву гордилась всѣмъ этимъ благоустройствомъ тюремнаго быта, такъ какъ многое было организовано и проведено при ея ближайшемъ участіи, а многому и данъ былъ ею починъ.

Маржецкій не пошелъ за губернаторшей; залъ быстро опустѣлъ, какъ будто всѣ обрадовались, что можно вырваться на свѣжій воздухъ, такъ какъ въ залѣ было дѣйствительно невыносимо душно.

Воспользовавшись этой минутой, Маржецкій быстро подошелъ къ Марусѣ, все еще стоявшей на прежнемъ мѣстѣ.

Лицо его было блѣдно и искажено отъ гнѣва. Она видѣла его часто сердитымъ, но такимъ, какимъ онъ представился ей теперь, она его видѣла въ первый разъ. И она отшатнулась.

— Благодарю васъ, благодарю! — сказалъ онъ ей дрожащимъ голосомъ.

— За что? — не поняла она.

— За скандалъ, милая, за скандалъ!

Маруся нахмурила брови.

— Нельзя ли говорить потише?—сдержанно проговорила она.—Если кто дѣлаетъ скандалъ, такъ это ты, въ настоящую минуту.

— И кто тебя пустилъ сюда?—продолжалъ онъ, чувствуя, что въ груди у него закипаетъ и что ему страстно хочется наговорить ей чего-нибудь смертельно-обиднаго.—Я тебя спрашиваю, кто тебя сюда приглашалъ?

Онъ ее такъ подавилъ своимъ гнѣвомъ, что она, дѣйствительно, растерялась и робко отвѣтила ему:

— Алексѣй Александровичъ.

— Титовъ?

— Да, онъ самый.

«Нечего сказать, удружилъ»,—подумалъ Маржецкій.

— Вотъ билетъ...—показала ему Маруся.

— Очень хорошо! — вскрикнулъ онъ.—Я увѣренъ, что ты ради перваго знакомства представилась ему жертвой; тебя держатъ заперти, я — злой волшебникъ Черноморъ, а ты — прекрасная...

Людмила.—Онъ злобно разсмѣялся.—Понятно, ему ничего другого не оставалось, какъ предложить тебѣ билетъ.

— Аполлонъ! — силилась она удержать его отъ дальнѣйшихъ оскорбленій.

— Но тебѣ слѣдовало бы отказаться. И ты пріѣхала сюда вовсе не развлекаться, а... а лѣчиться.

Наконецъ, онъ не выдержалъ и кинулъ ей въ лицо:

— Балетная Людмила!

Онъ первый разъ въ жизни упрекнулъ ее балетомъ. На ея глазахъ показались слезы, и голосъ ея дрогнулъ.

— Аполлонъ, Аполлонъ,— проговорила она,— за что это, за что?... Я вѣдь и такъ два мѣсяца сижу дома.

— Ну, да,— рѣзко остановилъ онъ ее,— не достаетъ теперь упрековъ и слезъ: какъ разъ для этого мѣсто.

Но тутъ случилось нѣчто очень странное.

Къ нимъ приближался Титовъ, за нимъ шла Лиза.

Губернаторша кончила осмотръ и отправилась домой. Освободившись отъ своихъ обязанностей, Титовъ поспѣшилъ въ залу.

Онъ подошелъ прямо къ Марусѣ и, почтительно поклонившись ей, проговорилъ:

— Простите, Марья Егоровна, я не могъ подойти къ вамъ раньше... пытался нѣсколько разъ, но была такая толпа... Ну, какъ вамъ понравилось наше чтеніе?

Маруся поспѣшила «подтянуться», слезы быстро высохли на ея глазахъ.

— Благодарю васъ,—привѣтливо сказала она, протягивая ему руку.— Это было очень трогательно.

«Говоритъ какъ свѣтская дама»,— подумалось Маржецкому, и его недоброе чувство стало понемногу утихать.

Лиза все время держалась поодаль, какъ бы выжидая, когда кончитъ говорить Титовъ. Ея присутствіе очень стѣсняло Марусю.

— Я забылъ васъ предупредить,— обратился Титовъ къ Маржецкому,— что просилъ Марью Егоровну посѣтить наши чтенія, ужъ извините...— прибавилъ онъ, оглядывая иронически его все еще смущенную фигуру.

— А что же вы про меня забыли, Алексѣй Александровичъ?— проговорила, наконецъ, Лиза и увидѣла, какъ Маруся вздрогнула.

— Ахъ, вотъ вѣдь я какой! — хлопнулъ себя по лбу Титовъ добродушно разсмѣявшись.— Марья Егоровна,— обратился онъ къ смущенной Марусѣ,— вотъ наша милая барышня, которую мы всѣ

называемъ «Lise конца вѣка», очень желаетъ съ вами познакомиться.

Маруся вспыхнула до корня волосъ; Маржецкій съ изумленіемъ смотрѣлъ на Лизу, и въ глазахъ его отразилось недовѣріе.

Лиза быстро подошла къ Марусѣ, протягивая ей руку.

— Да, я очень хотѣла познакомиться съ вами, — просто и тепло сказала она.

У Маруси опять навернулись слезы на глазахъ.

— Благодарю васъ,— прошептала она,— благодарю.

Титовъ отвелъ Маржецкаго въ сторону и заговорилъ о дѣлахъ.

Маруся и Лиза остались однѣ.

— Васъ совсѣмъ не видно... нигдѣ...— проговорила Лиза.— Правда ли, что вы пріѣхали лѣчиться сюда?

— Да, это правда. У меня слабая грудь.

— И вы отлично сдѣлали,— продолжала Лиза.— У насъ то, что нѣмцы называютъ Luftcurort. Только надо больше быть на воздухѣ, кататься, гулять... У насъ есть городской садъ на самомъ берегу рѣки и много хорошихъ окрестностей. Вы еще не были въ «Урочищѣ»?

— Нѣтъ, не пришлось.

— И у «Сторожки»?

— Тоже не была.

— Ну, вотъ, видите.

— Не пора ли домой, Маруся? — сказалъ, подойдя къ нимъ, Маржецкій, и въ тонѣ его голоса послышались мягкія ноты.

— Maman уѣхала безъ меня, потому что m-r Титовъ обѣщалъ проводить меня,— заявила Лиза.— Алексѣй Александровичъ, давайте проводимъ ихъ до дому,— обратилась она къ Титову.— Вы позволите?— спросила она Марусю.

— Какая вы милая!...— проговорила та.

Онѣ пошли впередъ. Маржецкій съ Титовымъ шли за ними поодаль.

— Неправда ли, какая наша Лиза славная, теплая дѣвушка?

— Ахъ, не говорите! — вздохнулъ Маржецкій.

В. Свѣтловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НА ЯСНОМЪ БЕРЕГУ *).

Повѣсть **Генрика Сенкевича**.

Переводъ съ польскаго.

— Говорятъ, что Монте-Карло защищено лучше, чѣмъ Ментона,—сказала вдова,—но, ахъ! какъ по временамъ оно мучитъ меня! Этотъ вѣчный говоръ, это движеніе, эти знакомства, которыя нужно заводить, хочешь или не хочешь. По временамъ я испытываю желаніе убѣжать оттуда и остатокъ зимы провести гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь тихомъ углу, гдѣ я могла бы видѣть только тѣхъ людей, кого я хочу видѣть. Какая изъ здѣшнихъ окрестностей болѣе всего нравится вамъ?

— Я очень люблю Сенъ-Рафаэль: тамъ пиніи такъ близко подходятъ къ морю.

— Да, но это далеко отъ Ниццы,—тихимъ голосомъ проговорила пани Эльзенъ,—а въ Ниццѣ ваша мастерская.

Наступила минута молчанія, потомъ пани Эльзенъ спросила:

— А Антибы?

— Да!... Я забылъ объ Антибахъ.

— И это такъ недалеко отъ Ниццы. Останьтесь подольше послѣ обѣда, мы поговоримъ, куда бы убѣжать отъ людей.

Онъ заглянулъ въ глубь ея глазъ и спросилъ:

— А вы взаправду хотѣли бы убѣжать отъ людей?

— Будемъ откровенны, — отвѣтила пани Эльзенъ,— въ вашемъ вопросѣ слышится сомнѣніе. Вы подозрѣваете, что я говорю для того, чтобы представиться вамъ лучшей, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, менѣе поверхностной... И вы имѣете право думать такъ, вы вѣчно видите меня въ свѣтскомъ круго-

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1897 г.

воротѣ. Но я отвѣчу на это, что иногда человѣкъ идетъ въ силу инерціи только потому, что его разъ толкнули въ извѣстномъ направленіи... и противъ воли несетъ послѣдствія предыдущей жизни. Что касается меня, то, можетъ быть, въ этомъ кроется слабость женщины, которая безъ чужой помощи не можетъ проявить достаточно энергіи,—я сознаюсь... но это не мѣшаетъ мнѣ совершенно искренно тосковать по какомъ-нибудь тихомъ уголкѣ и по болѣе спокойной жизни. Пусть говорятъ, что угодно, но мы—точто вьющіяся растенія,—если не можемъ взбираться кверху, то полземъ по землѣ... Поэтому люди часто и ошибаются, когда думаютъ, что мы ползаемъ по своей охотѣ. Подъ этимъ я подразумѣваю жизнь безцѣльную... свѣтскую, лишенною всякой высшей мысли. Но позвольте, какъ, напримѣръ, я могу сопротивляться ей?... Кто-нибудь проситъ моего знакомаго представить себя мнѣ, потомъ дѣлаетъ визитъ, другой, третій, десятый... Что я могу сдѣлать? Не приглашать его? Почему? Напротивъ, я приглашаю, хотя бы потому, что чѣмъ болѣе толпится у меня народу, тѣмъ болѣе я равнодушна ко всѣмъ, тѣмъ болѣе никто не можетъ занять исключительнаго положенія.

— Вотъ это вы говорите правду,—замѣтилъ Свирскій.

— Ну, вотъ, видите! Но такимъ-то манеромъ и образуется то теченіе свѣтской жизни, изъ котораго своими силами я вырваться не могу и которое подчасъ такъ утомляетъ меня, такъ мнѣ надоѣдаетъ, что мнѣ хочется плакать отъ усталости.

— Я вѣрю вамъ.

— Вы должны мнѣ вѣрить, но вѣрьте также и тому, что я лучше, что я менѣе пуста, чѣмъ кажусь. Когда на васъ найдутъ сомнѣнія или когда люди будутъ говорить обо мнѣ дурно, подумайте про себя такъ: вѣдь, и у нея есть кое-какія хорошія стороны. А если вы не подумаете такъ, я буду очень несчастна.

— Даю вамъ слово, что я всегда желаю думать о васъ самое лучшее.

— Такъ и нужно, — отвѣтила пани Эльзенъ мягкимъ голосомъ. — Даже еслибъ все хорошее, что во мнѣ есть, заглохло еще больше, то и оно ожило бы въ вашемъ присутствіи... Все зависитъ отъ того, съ кѣмъ сближается человѣкъ. Я хотѣла бы сказать еще что-то, но боюсь...

— Говорите.

— Но вы не обвините меня ни въ экзальтаціи, ни въ чемъ-нибудь еще болѣе дурномъ?... Нѣтъ, нѣтъ, я не считаю себя экзальтированной, я говорю, какъ женщина трезвая, которая

подтверждаетъ только то, что̀ дѣйствительно, и немного удивляется. Въ вашемъ присутствіи я нахожу свою прежнюю душу, такую спокойную и ясную, какая у меня была въ мои младенческіе годы. А теперь я старуха, мнѣ тридцать пять лѣтъ...

Свирскій повернулъ къ ней свое ясное, чуть не влюбленное лицо, неторопливо поднялъ къ своимъ губамъ ея руку и сказалъ:

— Да вы въ сравненіи со мной еще совсѣмъ ребенокъ: мнѣ сорокъ восемь, и вотъ моя эмблема.

Онъ указалъ рукою на заходящее солнце.

Пани Эльзенъ повернулась въ сторону свѣтила, которое отражалось въ ея разгорѣвшихся глазахъ, и тихо, какъ бы про себя, проговорила:

— Великое, чудное, дорогое солнце!

Потомъ наступило молчаніе. Солнце дѣйствительно заходило,— великое и чудное. Ниже, подъ нимъ, легкія, развѣянныя тучки принимали формы лилій и свѣтились золотомъ. У берега море было погружено въ тѣнь, за то дальше, открытое пространство было залито неимовѣрно-яркимъ блескомъ. Внизу неподвижные кипарисы отчетливо рисовались на лиловомъ фонѣ воздуха.

II.

Гости, приглашенные пани Эльзенъ, собрались въ Hôtel de Paris въ семь часовъ вечера. Имъ отведена была особая зала вмѣстѣ съ сосѣдней маленькой гостиной,—тамъ послѣ обѣда должны были пить кофе. Правда, хозяйка говорила объ обѣдѣ «безъ церемоній», но мужчины знали, что̀ объ этомъ думать, и явились во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, а пани Эльзенъ выступила въ блѣднорозовомъ открытомъ платьѣ съ одной большой складкой, идущей сзади отъ ворота лифа до шлейфа. Она казалась свѣжей и молодою. Голова у нея была маленькая, лицо не крупное,—этимъ она въ началѣ знакомства и восхитила Свирскаго. Ея полныя плечи, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тѣло выступало изъ платья, своимъ тономъ и прозрачностью походили на жемчужную раковину, за то руки отъ плечей до локтя казались слегка розовыми, словно шероховатыми. Но это только усиливало впечатлѣніе ихъ наготы. Вообще, она сіяла радостью, хорошимъ расположеніемъ духа и тѣмъ особеннымъ блескомъ, которымъ отличаются женщины въ минуты, когда онѣ чувствуютъ себя счастливыми.

Изъ приглашенныхъ, кромѣ Свирскаго и де-Синтена, явился старикъ Кладскій съ племянникомъ Зигмунтомъ, молодымъ помѣ-

щикомъ, не особенно привыкшимъ къ обществу, но очень самонадѣяннымъ, который уже черезчуръ выразительно поглядывалъ въ сторону пани Эльзенъ и не умѣлъ скрывать этого; потомъ князь Валерій Пожецкій, человѣкъ лѣтъ сорока, лысый, съ широкимъ лицомъ и остроконечнымъ черепомъ ацтека; панъ Вядровскій, богатый владѣлецъ нефтяныхъ источниковъ въ Галиціи, любитель искусствъ и артистъ-дилетантъ и, наконецъ, Кресовичъ, студентъ и временный учитель Ромула и Рема. Пани Эльзенъ пригласила его потому, что Свирскій любилъ его фанатическое лицо.

Молодой хозяйкѣ хотѣлось всегда, а тѣмъ болѣе теперь, чтобъ у нея собиралось общество, какъ она выражалась, «интеллектуальное», но она не могла никакъ отвлечь разговора отъ мѣстныхъ сплетенъ и курьезовъ изъ игорнаго дома (Вядровскій называлъ его «славянщиной» и утверждалъ, что слышитъ въ немъ болѣе славянскихъ языковъ, чѣмъ какихъ-нибудь другихъ). Вообще вся жизнь Вядровскаго въ Монте-Карло слагалась изъ издѣвательства надъ своими соотечественниками и меньшими братьями славянскаго племени. Это былъ конекъ, на который онъ съ удовольствіемъ садился и галопировалъ безъ отдыха. Теперь онъ только-что началъ разсказывать, какъ, два дня назадъ, въ «Cercle de la Méditerranée» въ шесть часовъ утра осталось только семь персонъ, и всѣ славянскаго происхожденія.

— Мы съ этимъ уже родимся,—сказалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ.—Видите ли, гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ люди считаютъ такъ: девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать etc., но каждый истый славянинъ невольно скажетъ: девять, десять, валетъ, дама, король,—да!... На Корнишъ пріѣзжаютъ сливки нашего общества, а здѣсь выжимаютъ изъ нихъ сыръ.

На это князь Валерій съ остроконечнымъ черепомъ изрекъ тономъ человѣка, который открываетъ неизвѣстныя истины, что всякая страсть, которая переходитъ предѣлы,—пагубна, но что къ «Cerle de la Méditerranée» принадлежитъ много образованныхъ иностранцевъ, съ которыми не только важно, но и выгодно свести знакомство. Вездѣ можно служить своему отечеству. Такъ, напримѣръ, три дня назадъ онъ встрѣтилъ въ кружкѣ одного англичанина, друга Чэмберлена. Англичанинъ разспрашивалъ его о взаимныхъ отношеніяхъ въ нашей странѣ, и онъ, князь Валерій, на своей визитной карточкѣ изобразилъ экономическое и политическое положеніе вообще, а въ особенности общественныя стремленія страны. Карточка несомнѣнно дойдетъ если не до Чэмберлена,—его тутъ нѣтъ,—то до Сольсбери, а это будетъ еще лучше. Очень

вѣроятно, они сойдутся съ Сольсбери на балу, который даетъ французскій адмиралъ на Формидаблѣ. Весь Формидабль будетъ à giorno освѣщенъ электричествомъ.

Кресовичъ, который былъ не только чахоточнымъ, но и человѣкомъ другого лагеря и ненавидѣлъ общество, гдѣ долженъ былъ обращаться въ качествѣ гувернера Ромула и Рема, услыхавъ о визитной карточкѣ, началъ фыркать иронически и вмѣстѣ съ тѣмъ ехидно, словно гіена, а пани Эльзенъ, желая отвлечь отъ него вниманіе, сказала:

— Здѣсь люди чудеса дѣлаютъ. Я слышала, что вся дорога отъ Ниццы до Марселя будетъ освѣщена электричествомъ.

— Такой планъ составлялъ инженеръ Дюкло, но онъ умеръ два мѣсяца назадъ, — замѣтилъ Свирскій. — Онъ былъ такъ приверженъ къ электричеству, что, кажется, завѣщалъ, чтобъ его могила освѣщалась электричествомъ.

— Значитъ,—добавилъ Вядровскій,—на могилѣ у него должна быть надпись: «Вѣчный покой подаждь ему, Господи, и свѣтъ электрическій да свѣтитъ ему во вѣки вѣковъ. Аминь!»

Старикъ Кладскій обидѣлся,— какъ можно шутить надъ вещами, которыя не поддаются никакимъ остротамъ,—а потомъ напалъ на всю Ривьеру. Все это фальшь и ничтожество, начиная съ людей и кончая вещами. Все это какъ будто «маркизы, конты и виконты», а на самомъ дѣлѣ смотри, какъ бы кто-нибудь не стащилъ у тебя носового платка. Что касается удобствъ, то... Его канцелярія въ Вепшковискахъ по крайней мѣрѣ въ пять разъ больше той конуры, какую ему дали въ отелѣ. Доктора послали его въ Ниццу на свѣжій воздухъ, а Promenade des Anglais воняетъ, какъ любой краковскій задворокъ. Ей-Богу, воняетъ! Племянникъ его, Зигмунтъ, можетъ засвидѣтельствовать.

Но Зигмунтъ пялилъ глаза на плечи пани Эльзенъ и не слыхалъ, что говорилось.

— Тогда переѣзжайте въ Бордигьеру, — сказалъ Свирскій,— итальянская грязь, по крайней мѣрѣ, артистична, а французская— отвратительна.

— А вы, однако, живете въ Ниццѣ.

— Потому что по той сторонѣ Вентимильи я не нашелъ бы мастерской. Наконецъ, я если и переѣду, то въ противоположную сторону,— въ Антибы.

Онъ посмотрѣлъ на пани Эльзенъ. Та улыбнулась уголками губъ и опустила глаза.

Прошла минута, и хозяйка, видимо желая навести разговоръ

на артистическую дорогу, заговорила о выставкѣ у Румпельмайера и о новыхъ картинахъ, которыя она видѣла два дня назадъ. Ее сопровождалъ французскій журналистъ Краусъ и назвалъ эти картины импрессіонистско-декадентскими. Вядровскій поднялъ вилку кверху и спросилъ тономъ Пиррона:

— Что такое вообще декаденты?

— Съ извѣстной точки зрѣнія,—отвѣтилъ Свирскій,— это — люди, которые предпочитаютъ искусству различные соусы, которыми обыкновенно приправляютъ искусство.

Князь Пожецкій, однако, чувствовалъ себя уязвленнымъ словами Кладскаго о «маркизахъ, контахъ и виконтахъ». Даже и мошенники, которые сюда пріѣзжаютъ, принадлежатъ къ мошенникамъ высшаго сорта и не удовлетворяются тасканіемъ карманныхъ платковъ. Здѣсь встрѣчаются корсары возвышеннаго стиля. Но вмѣстѣ съ ними пріѣзжаетъ все, что на свѣтѣ есть изящнаго и богатаго, а если крупные финансисты здѣсь стоятъ на равной ногѣ съ кровными аристократами, то тѣмъ лучше, пусть полируются. Панъ Кладскій долженъ прочитать, напримѣръ, *Трагическую идиллію* и тогда убѣдится, что на-ряду съ подозрительными людьми здѣсь встрѣчаются и «высшія общественныя сферы», такія собственно, какія мы увидимъ на Формидаблѣ, который, ради этого случая, будетъ освѣщенъ à giorno электричествомъ.

Пожецкій, видимо, забылъ, что онъ еще раньше сообщилъ извѣстіе объ освѣщеніи Формидабля. На его слова никто не обратилъ вниманія, и разговоръ перешелъ на *Трагическую идиллію*. Молодой Кладскій, говоря о героѣ этого романа, замѣтилъ, что «такому было хорошо», но что онъ былъ глупъ, отрекшись отъ любимой женщины для друга, и что онъ, Кладскій, не сдѣлалъ бы этого для десяти друзей, даже для родного брата,—«то одно дѣло, а это другое!» Но Вядровскій перебилъ его,— французскіе романы, которыми онъ восхищался, составляли другой его конекъ, на которомъ онъ проявлялъ фокусы высшей верховой ѣзды, гарцуя по авторамъ и ихъ произведеніямъ.

— Что меня приводитъ въ окончательное бѣшенство,—сказалъ онъ,— такъ это продажа подкрашенныхъ лисицъ за настоящихъ. Если эти господа — реалисты, то пусть пишутъ правду. Вы обратили вниманіе на ихъ героинь. Начинается трагедія. Хорошо. Дама борется сама съ собою, терзается страшнѣйшимъ образомъ цѣлыхъ полтома, а я, ей-Богу, съ первой страницы знаю, что будетъ и чѣмъ окончится. Какъ это скучно и сколько разъ это уже повторялось! Я согласенъ на прожигательницу жизни и на ея право въ литера-

турѣ, только не выдавайте же мнѣ «прожигательницу» за трагическую жрицу. Что это за трагедія, когда я знаю, что у этой разбитой души и до трагедіи были любовники, и послѣ трагедіи будутъ. И снова она будетъ терзаться, и снова все кончится точно такъ же. Что за фальшь, что за утрата моральнаго чутья, чутья правдивости, и что за забиваніе головы! И подумать, что у насъ это читаютъ, что этотъ товаръ принимаютъ у насъ за настоящій, эти буржуазные фарсы — за драмы, относятся къ нимъ серьезно! Такимъ образомъ сглаживается разница между хорошею женщиной и потаскушкой и вырабатывается право существованія кукушекъ, у которыхъ нѣтъ собственныхъ гнѣздъ. Потомъ такая французская позолота переходитъ на нашихъ куколъ, и тѣ все позволяютъ себѣ подъ эгидой подобныхъ авторовъ. Ни правилъ, ни характеровъ, ни сознанія обязанностей, ни моральнаго чутья,—ничего, кромѣ фальшивыхъ вожделѣній и фальшивой позировки на психологическую загадочность!

Вядровскій былъ настолько уменъ, чтобы понимать, что, говоря такимъ образомъ, онъ бросаетъ до нѣкоторой степени камень въ огородъ пани Эльзенъ, но онъ такъ пропитался злобой, что говорилъ умышленно. Пани Эльзенъ слушала его слова съ тѣмъ бо̀льшимъ неудовольствіемъ, что въ нихъ было много правды. Свирскаго разбирала охота отвѣтить, и отвѣтить рѣзко, но онъ соображалъ, что нельзя принимать слова Вядровскаго такъ, какъ будто они имѣли отношеніе къ кому-нибудь, и рѣшилъ затронуть дѣло съ другой стороны.

— Меня во французскихъ романахъ удивляетъ совсѣмъ иное,— сказалъ онъ, — а именно, что это міръ безплодныхъ женщинъ. Гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, если люди любятъ другъ друга,— все равно, законно или беззаконно,—послѣдствіемъ союза является ребенокъ, а здѣсь ни у кого нѣтъ дѣтей. Какъ это странно! Вѣроятно, господамъ, которые пишутъ романы, даже въ голову не приходитъ, что любовь можетъ не остаться безнаказанною.

— Каково общество, такова и литература,—отвѣтилъ старикъ Кладскій.— Всѣмъ извѣстно, что населеніе Франціи уменьшается. Въ высшихъ сферахъ ребенокъ — это рѣдкость.

— Mais c'est plus commode et plus élégant,—вставилъ Синтенъ.

Но Кресовичъ,—онъ давно уже фыркалъ,—сказалъ:

— Литература сытыхъ тунеядцевъ, которая должна погибнуть вмѣстѣ съ ними.

— Что вы изволили сказать?— переспросилъ Синтенъ.

Студентъ повернулъ къ нему свое яростное лицо.

— Я сказалъ: литература сытыхъ тунеядцевъ.

А Пожецкій снова открылъ Америку:

— У всякаго класса общества свои обязанности и свои удовольствія. У меня двѣ страсти: политика и фотографія.

Обѣдъ близился къ концу и, спустя четверть часа, все общество перешло въ сосѣднюю гостиную пить кофе. Пани Эльзенъ закурила тоненькую папироску и, удобно прислонившись къ спинкѣ кресла, положила ножку на ножку. Ей казалось, что маленькая небрежность должна понравиться Свирскому, какъ артисту и немножко цыгану. Пани Эльзенъ была небольшого роста и немного широка въ бедрахъ, и ея платье при такой позѣ поднялось черезчуръ высоко. Молодой Кладскій тотчасъ же уронилъ спичку и такъ долго искалъ ее на полу, что старикъ дядя незамѣтно толкнулъ его въ бокъ и сердито прошепталъ:

— Ты забываешься! Гдѣ ты находишься?

Молодой человѣкъ выпрямился и тоже шепотомъ отвѣтилъ:

— То-то и дѣло, что не знаю.

Пани Эльзенъ по опыту знала, что мужчины, даже хорошо воспитанные, если только могутъ себѣ хоть немного позволить, становятся дерзкими, въ особенности въ присутствіи беззащитной женщины. Правда, она не видала движенія молодого Кладскаго, но, замѣтивъ его небрежную, чуть не циничную улыбку, съ которой онъ отвѣчалъ дядѣ, была увѣрена, что разговоръ идетъ о ней. И вдругъ въ сердцѣ она почувствовала отвращеніе ко всему этому обществу за исключеніемъ Свирскаго и Кресовича, котораго подозрѣвала, что онъ, при всей своей соціальной ненависти къ женщинамъ ея среды, влюбленъ въ нее. Вядровскій чуть не довелъ ее до нервнаго припадка,—ей казалось, что за все выпитое и съѣденное имъ онъ хочетъ отравить каждую ложечку ея кофе, каждую ея минуту. Вядровскій говорилъ о женщинахъ вообще, не называя никого по именамъ и не переходя предѣловъ приличія, но все-таки въ его словахъ слышался не только цинизмъ, но и намекъ на характеръ пани Эльзенъ и ея общественное положеніе,—намекъ положительно обидный для нея и крайне невыносимый, въ особенности въ присутствіи Свирскаго, который и страдалъ, и горячился въ одно и то же время.

Точно камень свалился съ ея сердца, когда гости, наконецъ, разошлись и остался одинъ художникъ.

— А-а! — глубоко вздохнула пани Эльзенъ. — У меня начинается мигрень. Я и сама не знаю, что со мною дѣлается.

— Васъ измучили гости?

— Да, да, и даже болѣе, чѣмъ измучили.

— Зачѣмъ вы ихъ приглашаете?

Она, какъ будто не владѣя своими нервами, быстро подошла къ нему.

— Сядьте и не двигайтесь съ мѣста. Не знаю... можетъ быть я потеряю себя въ вашихъ глазахъ, но мнѣ это необходимо, какъ лѣкарство... Вотъ такъ!... Хоть минуту пробыть съ добрымъ человѣкомъ... Вотъ такъ!...

Она сѣла возлѣ него и, прислонившись лицомъ къ его плечу, закрыла глаза.

— Минуту такъ!... минуту!

Вдругъ слезы хлынули изъ-подъ ея рѣсницъ, но она приложила палецъ къ губамъ, чтобы Свирскій не говорилъ ничего и позволилъ ей остаться въ молчаніи.

Свирскій взволновался; при видѣ страданій женщины онъ смягчался какъ воскъ. Довѣріе, какое она оказывала ему, тронуло его и наполнило его сердце мягкимъ чувствомъ. Онъ понялъ, что рѣшительная минута подошла, обнялъ ее рукою и сказалъ:

— Останьтесь такъ возлѣ меня навсегда, дайте мнѣ право...

Пани Эльзенъ не отвѣчала ничего, только изъ ея глазъ все лились тихія, крупныя слезы.

— Будь моею,—повторилъ Свирскій.

Тогда она забросила ему на плечо руку, и, перегнувшись, прильнула къ нему, какъ ребенокъ къ матери.

Свирскій, нагнувшись, поцѣловалъ ее сначала въ лобъ, потомъ сталъ отирать поцѣлуями слезы съ ея глазъ и чувствовалъ, какъ его охватываетъ огонь. Черезъ минуту онъ схватилъ ее въ свои богатырскія объятія, изо всей силы прижалъ къ груди и искалъ своими губами ея губы.

Она начала сопротивляться.

— Нѣтъ, нѣтъ!—говорила она задыхающимся голосомъ,—ты не таковъ, какъ другіе... Потомъ! Нѣтъ, нѣтъ... Сжалься!

Свирскій перегнулъ ее назадъ и держалъ въ своихъ объятіяхъ. Въ эту минуту онъ именно и былъ такимъ, какъ другіе, но, на счастье пани Эльзенъ, кто-то слегка постучался въ дверь. Она и Свирскій тотчасъ же бросились въ разныя стороны.

— Кто тамъ?—спросила пани Эльзенъ съ оттѣнкомъ неудовольствія.

Въ дверяхъ показалось угрюмое лицо Кресовича.

— Извините,—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ,—Ре-

мулъ кашляетъ; кажется, у него жаръ... Я думалъ, что нужно сказать вамъ.

Свирскій поднялся съ мѣста.

— Не пойти ли за докторомъ?

Но къ пани Эльзенъ возвратилось ея обычное самообладаніе.

— Благодарю васъ,—сказала она,—если нужно, мы пошлемъ изъ отеля, сначала я сама должна увидать ребенка... Благодарю! А пока я должна уходить... Значитъ, до завтра.

Она протянула руку, и Свирскій поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— До завтра,—и каждый день. До свиданія.

Пани Эльзенъ, оставшись съ Кресовичемъ, пытливо посмотрѣла на него.

— Что съ Ромуломъ?

Кресовичъ поблѣднѣлъ еще больше и отвѣтилъ почти рѣзко:

— Ничего.

Пани Эльзенъ нахмурила брови.

— Что же это значитъ?

— Это значитъ, что... лучше прогоните меня, иначе я сойду съ ума!

Онъ повернулся и ушелъ изъ комнаты. Пани Эльзенъ еще съ минуту простояла съ гнѣвно сверкающими глазами и нахмуренными бровями, но мало по-малу лобъ ея начиналъ разглаживаться. Ей, дѣйствительно, было тридцать пять лѣтъ и, несмотря на то, вотъ новое доказательство, что никто не могъ до сихъ поръ устоять противъ ея обаянія... И немного погодя она подошла къ зеркалу, какъ будто ища въ немъ подтвержденія своей мысли.

Свирскій возвращался въ пустомъ вагонѣ въ Ниццу и постоянно подносилъ къ носу руку, которая пахла геліотропомъ. Онъ былъ не покоенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ счастливъ, и кровь била ему въ голову, когда онъ втягивалъ въ себя запахъ любимыхъ духовъ пани Эльзенъ.

III.

На другой день онъ, однако, проснулся съ тяжелой головой, какъ будто послѣ сильной попойки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ большою тревогой въ сердцѣ. Когда дневной свѣтъ падетъ на театральную декорацію, все, что вечеромъ казалось волшебнымъ, теперь оказывается скверною мазней. Въ жизни часто бываетъ то же самое. Свирскаго не встрѣтила никакая неожиданность. Онъ зналъ, къ чему идетъ, до чего долженъ дойти и, однако, теперь, когда ще-

колда опустилась, испытывалъ чувство непонятнаго страха. Онъ подумалъ, что вчера еще можно было отступить,—и его охватило сожалѣніе. Напрасно онъ повторялъ себѣ, что теперь нѣтъ времени на размышленія,—различные упреки, которыми онъ раньше осыпалъ себя, пани Эльзенъ, а болѣе всего мысль жениться на ней, теперь возраждались въ его головѣ съ новою силой. Голосъ, который передъ этимъ постоянно шепталъ ему: «не будь дуракомъ!»—теперь началъ кричать: «ты дуракъ!» И онъ не могъ заглушить его ни выводами противоположнаго свойства, ни частымъ повтореніемъ слова «свершилось!»—разумъ, все-таки, твердилъ, что свершилась глупость, причина которой лежитъ въ его слабости.

И при этой мысли имъ овладѣлъ стыдъ. Еслибъ онъ былъ молодъ, то, по крайней мѣрѣ, могъ бы сослаться на свою молодость. Еслибъ онъ узналъ эту барыню только на Ривьерѣ, а раньше ничего бы не слыхалъ о ней, то могъ бы оправдаться незнаніемъ ея характера и ея прошлаго, но въ томъ-то и дѣло, что онъ встрѣчался съ ней раньше. Правда, видалъ ее онъ рѣдко, за то наслушался о ней довольно, потому что въ Варшавѣ о ней говорили больше, чѣмъ о комъ-нибудь другомъ. Тамъ ее называли «отчаянною», и мѣстные остряки точили на ней свой языкъ, какъ ножъ на оселкѣ, что, впрочемъ, не мѣшало мужчинамъ толпиться въ ея салонѣ. Женщины, хотя и меньше къ ней расположенныя, также принимали ее, считаясь съ родствомъ и свойствомъ, которыя связывали ее съ мѣстнымъ обществомъ. Иныя дамы, въ особенности тѣ, которыя желали, чтобъ общественное мнѣніе вообще не было бы очень суровымъ, даже становились на защиту прекрасной вдовы. Другія, не такъ снисходительныя, тѣмъ не менѣе, не смѣли захлопнуть передъ нею дверь, потому что не хотѣли брать на себя иниціативы. Одинъ драматургъ, услыхавъ, что кто-то причисляетъ пани Эльзенъ къ полусвѣту, отвѣчалъ, что это «ни весь свѣтъ, ни полусвѣтъ, а скорѣе три четверти»... А такъ какъ въ большихъ городахъ все сглаживается, то мало-по-малу сгладилось и положеніе пани Эльзенъ. Пріятельницы ея говорили: «хотя къ Еленѣ и нельзя предъявлять чрезмѣрныхъ требованій, но, право, и у нея есть свои хорошія стороны». И безсознательно всѣ признали за ней право и большую свободу, чѣмъ полагается другимъ. По временамъ кто-нибудь еще вспоминалъ, что она разошлась съ мужемъ за нѣсколько лѣтъ до его смерти, кто-нибудь ворчалъ, что она воспитываетъ Ромула и Рема паяцами или, пожалуй, даже вовсе не заботится о нихъ, но на подобные недоброжелательные отзывы обратили бы вниманіе лишь тогда, еслибъ пани Эльзенъ была менѣе красива

менѣе богата и не держала такого открытаго дома. За то мужчины не сдерживали себя въ разговорахъ объ «отчаянной». Даже тѣ, которые были влюблены въ нее, бранили ее изъ ревности; обыкновенно молчалъ лишь тотъ, кто былъ счастливъ въ данную минуту, или хотѣлъ казаться болѣе счастливымъ, чѣмъ другіе. Но, все-таки, злоязычіе простиралось до такой степени, что утверждалось, будто у пани Елены для зимняго пребыванія въ городѣ одинъ, а для лѣтняго сезона другой. И Свирскій зналъ обо всемъ этомъ. Зналъ даже больше другихъ, потому что нѣкая пани Броничъ, близкая пріятельница молодой вдовы, разсказывая о какомъ-то непріятномъ случаѣ съ пани Эльзенъ, закончившемся такою же непріятною болѣзнью, добавляла: «что выстрадала въ это время бѣдная Елена, Богу только одному извѣстно и, можетъ быть, Онъ въ своемъ милосердіи такъ повелѣлъ, что событіе совершилось раньше времени, и избавилъ ее отъ большихъ моральныхъ страданій»... Правда, Свирскій предполагалъ, что «преждевременное событіе» могло быть чистѣйшею выдумкой, но тѣмъ не менѣе не могъ заблуждаться относительно прошлаго пани Эльзенъ, по крайней мѣрѣ, не могъ думать, что это была женщина, которой безопасно можно ввѣрить свое спокойствіе.

Какъ бы то ни было, всѣ эти слухи, возбуждавшіе его любопытство, собственно и тянули его къ ней. Услыхавъ о ея пребываніи въ Монте-Карло, онъ пожелалъ, можетъ быть, не съ особенно чистыми намѣреніями, сблизиться съ ней и узнать ее лучше. Ему, и какъ артисту, хотѣлось подробно изслѣдовать, что это за обаяніе, которое производила на мужчинъ всѣми поносимая женщина.

Сначала онъ испыталъ только одно разочарованіе. Она была красива и въ извѣстномъ смыслѣ привлекательна, но Свирскій замѣтилъ у ней отсутствіе доброты и снисходительности къ людямъ. Человѣкъ интересовалъ ее постольку, поскольку находился съ нею въ какихъ-нибудь отношеніяхъ, былъ для нея почему-либо необходимъ, ко всему остальному она была равнодушна, какъ камень. Свирскій не замѣтилъ въ ней ни малѣйшаго уваженія ни къ духовной жизни, ни къ литературѣ, ни къ искусству. Она брала изъ нихъ то, что ей было нужно, не давая взамѣнъ ничего. А онъ, какъ артистъ и какъ человѣкъ мыслящій, хорошо понималъ, что подобное отношеніе, въ сущности, обнаруживаетъ натуру себялюбивую, грубую и варварскую, несмотря на изящную внѣшность. Наконецъ, подобныя женщины ему были давно знакомы. Онъ зналъ, что онѣ импонируютъ людямъ тою силой, какую даютъ рѣшительность и великій, ни съ чѣмъ не считающійся, эгоизмъ. О существахъ такого

рода при немъ не разъ говорили: «холодная, но умная женщина», но онъ, все-таки, думалъ о нихъ съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ. По его мнѣнію, то были существа, лишенныя не только высшей духовной организаціи, но даже и ума, потому что такимъ умомъ, который захватываетъ себѣ все, не признавая ни за кѣмъ право ни на что, обладаютъ и животныя. Какъ въ пани Эльзенъ, такъ въ Ромулѣ и Ремѣ онъ видѣлъ типы, въ которыхъ культура начинается и кончается на кожѣ, оставляя нетронутымъ плебейское, неотесанное нутро. Кромѣ того, Свирскаго отталкивалъ и ея космополитизмъ. Дѣйствительно, она была словно монета, затертая до такой степени, что трудно было узнать, какой странѣ она принадлежитъ. Свирскому это было въ высшей степени непріятно. Онъ и самъ придерживался противныхъ мнѣній и, сталкиваясь съ людьми, дѣйствительно, высшаго общества, зналъ, что аристократія и въ Англіи, и во Франціи, и въ Италіи не только не открещивается отъ почвы, на которой она возросла, но смотритъ прямо съ презрѣніемъ на ницшія растенія безъ корня.

Вядровскій былъ правъ, когда говорилъ, что Ромула и Рема воспитывали какъ будущихъ комми-вояжеровъ или швейцаровъ большихъ гостиницъ. Всѣмъ было извѣстно, что отецъ пани Эльзенъ носилъ титулъ, но дѣдъ былъ управляющимъ, и Свирскому, который тонко умѣлъ подмѣчать комичность положенія, казалось чрезвычайно забавнымъ, что правнуки экономa не только не знаютъ по-польски, но и не выговариваютъ буквы *р*, какъ настоящіе парижане. Они были ему противны и какъ артисту. Мальчики были хорошенькіе, даже очень хорошенькіе, но Свирскій своимъ тонкимъ артистическимъ чутьемъ понималъ, что въ этихъ, похожихъ другъ на друга, птичьихъ черепахъ и птичьихъ лицахъ красота не была чѣмъ-то унаслѣдованнымъ отъ цѣлаго ряда поколѣній, но являлась какой-то физіологическою случайностью. И напрасно онъ говорилъ себѣ, что ихъ мать была такъ же красива, у него все оставалось чувство, что и матери и сыновьямъ это не принадлежало по праву, и что съ какой точки зрѣнія на нихъ ни посмотри, все-таки, они выскочки. И лишь только дальнѣйшее общеніе съ ними ослабило это впечатлѣніе.

Пани Эльзенъ съ начала знакомства начала отличать его отъ другихъ и приманивать къ себѣ. Онъ стоилъ дороже остальныхъ ея знакомыхъ, носилъ хорошую фамилію, обладалъ большимъ состояніемъ и большою извѣстностью. Правда, ему недоставало молодости, но и пани Эльзенъ было тридцать пять лѣтъ, и притомъ его геркулесовская фигура могла замѣнять молодость. Въ концѣ-

концовъ, выйти за него замужъ женщинѣ, о которой говорили такъ легкомысленно, это то же самое, что возстановить свое доброе положеніе. Конечно, она могла подозрѣвать, что и натуры и вкусы у нихъ разные, но онъ былъ добръ и, какъ всякій артистъ, съ большимъ запасомъ наивности въ душѣ,—и пани Эльзенъ разсчитывала, что сумѣетъ подчинить его себѣ. Наконецъ, ей руководилъ не одинъ разсчетъ,—по мѣрѣ того, какъ онъ давалъ увлекать себя, онъ увлекалъ и ее. Въ концѣ-концовъ она начала говорить себѣ, что любитъ его, и даже увѣровала въ это.

А съ нимъ случилось то, что случается со многими, даже совершенно умными людьми. Умъ его замолкъ съ той минуты, когда заговорили страсти, даже еще хуже — подчинился имъ и, вмѣсто того, чтобъ бороться съ ними, долженъ былъ доставлять имъ готовые аргументы. Такимъ образомъ тотъ Свирскій, который все понималъ и разумѣлъ, началъ все оправдывать, смягчать, объяснять. «Правда,—говорилъ онъ себѣ,—что ни ея натура, ни ея поведеніе до сихъ поръ не даютъ никакого ручательства, но кто мнѣ докажетъ, что она не утомлена этой жизнью и не стремится всею душою къ другой? Въ ея тактикѣ несомнѣнно много кокетства, но, опять-таки, кто поручится, что она не пускаетъ этого качества въ ходъ только потому, что искренно полюбила меня. Воображать себѣ, что у человѣка, хотя бы извращеннаго, полнаго недостатковъ, нѣтъ никакихъ хорошихъ сторонъ,—совершенное ребячество. Ахъ, что за смѣсь въ человѣческой душѣ! Нужны только соотвѣтственныя условія, чтобъ добрыя стороны могли развиться, а все дурное заглохнуть. Пани Эльзенъ прожила уже первую молодость. Глупо было бы предполагать, что въ ней не отзывается ни одного голоса о тихой и достойной жизни, о спокойствіи и умиротвореніи. По этому поводу такая-то именно женщина больше чѣмъ другая и будетъ цѣнить добраго человѣка, который обезпечитъ ей спокойствіе». Въ особенности послѣднее замѣчаніе Свирскому казалось необыкновенно удачнымъ и глубокимъ. Прежде здравый разсудокъ говорилъ ему, что пани Эльзенъ хочетъ поймать его, а теперь Свирскій отвѣчалъ ему: «совершенно вѣрно! о всякой, наидеальнѣйшей женщинѣ, которая жаждетъ соединиться съ любимымъ человѣкомъ, можно сказать, что она хочетъ поймать его». Что касается будущаго, то его успокоивала надежда имѣть дѣтей. Онъ думалъ, что тогда ему будетъ, что любить, а она должна будетъ порвать связь со свѣтской, суетной жизнью, потому что у нея не будетъ времени для этого. Прежде чѣмъ дѣти подрастутъ, молодость ея совсѣмъ пройдетъ, а тогда долгъ будетъ манить ее къ се-

бѣ больше, чѣмъ свѣтъ. Наконецъ, онъ говорилъ себѣ: «Все равно, жизнь какъ-нибудь устроится, а прежде, чѣмъ наступитъ старость, я проживу нѣсколько лѣтъ съ прелестной и интересной женщиной, съ которой каждый будничный день обратится для меня въ праздникъ».

Эти «нѣсколько лѣтъ» въ сущности представляли для него главную приманку. Правда, для пани Эльзенъ было въ высшей степени оскорбительно то, что онъ не опасался никакихъ необыкновенныхъ случаевъ только потому, что ея молодость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность подобныхъ случаевъ скоро должны пройти. Но Свирскій и самому себѣ не признавался, что эта мысль служитъ основаніемъ его надеждъ, и продолжалъ обманывать себя все дальше и дальше, какъ это всегда дѣлаютъ люди, умъ которыхъ сталъ потакать страстямъ.

Однако, теперь, послѣ событій вчерашняго вечера, онъ проснулся съ сильной тревогой и въ дурномъ расположеніи духа. Онъ не могъ не думать о двухъ вещахъ: во-первыхъ, что еслибъ кто-нибудь мѣсяцъ назадъ сказалъ, что онъ объяснится въ любви съ пани Эльзенъ, то онъ счелъ бы своего собесѣдника дуракомъ; во-вторыхъ, что обаяніе, которое крылось въ неувѣренности, во взаимномъ отгадываніи мыслей, въ недоговоренныхъ словахъ, въ невысказанныхъ признаніяхъ и во взаимномъ привлеченіи, было больше того, которое истекало изъ теперешней перемѣны положенія. Свирскому было пріятнѣй подготовляться къ роли жениха, чѣмъ стать женихомъ,—а теперь онъ думалъ, что если положенія мужа еще хуже, чѣмъ положеніе жениха, то чортъ бы побралъ такую судьбу. Были моменты, когда онъ чувствовалъ, что онъ уже связанъ, что для него нѣтъ выхода, и что въ свою жизненную ладью,—хочетъ или не хочетъ,—онъ долженъ взять пани Эльзенъ, вмѣстѣ съ Ромуломъ и Ремомъ,—и это казалось ему совершенно невыносимымъ. Тогда, какъ человѣкъ приличный, не желая бранить пани Эльзенъ, онъ бранилъ Ромула и Рема, ихъ грассированье, ихъ птичьи, узкія головы и птичьи черепа.

«У меня были свои непріятности, но въ концѣ-концовъ я былъ свободенъ какъ птица и могъ всю душу вкладывать въ свои картины, — говорилъ онъ себѣ, — а теперь дьяволъ знаетъ, какъ пойдетъ дѣло!» И въ живописи бываютъ свои непріятности, пришло ему въ голову, и это окончательно испортило его расположеніе духа. Пани Эльзенъ и вопросъ о женитьбѣ начали отодвигаться на второй планъ, а на первый выступала его картина «Сонъ и смерть», надъ которою онъ работалъ нѣсколько мѣсяцевъ и которой прида-

валъ огромное значеніе, потому что она должна была явиться протестомъ противъ общепринятаго понятія о смерти. Не разъ, въ разговорахъ съ знакомыми художниками, Свирскій негодовалъ на христіанство, которое въ жизнь и искусство ввело скелетъ, какъ олицетвореніе смерти. Свирскому представлялось, что смерти оказали величайшую несправедливость. Греки воображали себѣ Танатоса какъ крылатаго генія, и это было справедливо. Что можетъ быть отвратительнѣй и страшнѣй скелета? Уже христіане, которые въ смерти видятъ врата въ новую жизнь, во всякомъ случаѣ не могутъ ее изображать такою. По мнѣнію Свирскаго, это понятіе порождено угрюмымъ германскимъ духомъ,—тѣмъ самымъ духомъ, который создалъ готику, — торжественную и великолѣпную, — но такую угрюмую, какъ будто храмъ былъ ступенью, ведущею не къ небесному свѣту, но въ подземную и безнадежную бездну. Свирскій всегда удивлялся, какъ Возрожденіе не реформировало символъ смерти. Еслибъ она не была вѣчнымъ молчаніемъ и хотѣла бы жаловаться, то могла бы сказать: «Зачѣмъ люди изображаютъ меня въ образѣ скелета? вѣдь, скелетъ и есть то, чего я не хочу брать и оставляю на землѣ!» И вотъ на картинѣ Свирскаго геній сна тихо и ласково отдавалъ тѣло дѣвушки генію смерти, который, наклоняясь надъ нею, вмѣстѣ съ тѣмъ гасилъ огонь лампады, горящей у ея изголовья. Рисуя, Свирскій повторялъ себѣ: нужно, чтобы человѣкъ, который посмотритъ на это, прежде всего сказалъ бы: «какъ это удивительно тихо!» Ему хотѣлось бы, чтобъ на зрителя этимъ молчаніемъ вѣяло отъ линій, отъ фигуръ, отъ выраженія, отъ колорита. Онъ думалъ, что если ему удастся вызвать такое настроеніе и если картина будетъ говорить сама за себя, то станетъ произведеніемъ недюжиннымъ и новымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его интересовало и нѣчто другое. Идя за общимъ теченіемъ времени, онъ соглашался съ тѣмъ, что художество должно избѣгать литературныхъ идей, но понималъ, однако, что есть огромная разница между отреченіемъ отъ этого и безсмысленнымъ отраженіемъ внѣшняго міра, какъ его отражаетъ фотографическое клише. Форма, колоритъ, пятно—и больше ничего! какъ будто художникъ обязанъ убить въ себѣ мыслящее существо. И онъ вспоминалъ, что когда ему приходилось видѣть картины, напримѣръ, англійскихъ художниковъ, его прежде всего поражалъ ихъ высокій умственный уровень. По ихъ полотнамъ было видно, что то мастера высокой духовной культуры, выработавшіеся психически, глубоко мыслящіе, часто даже ученые. За то въ поляхъ онъ постоянно видѣлъ что-то совершенно противоположное.

За исключеніемъ нѣсколькихъ, — въ самомъ лучшемъ случаѣ, нѣсколькихъ десятковъ,—все остальное состояло изъ людей способныхъ, но мало мыслящихъ, очень мало развитыхъ и лишенныхъ всякаго образованія. Жили они нѣсколько уже выдохшимися крохами доктринъ, падающихъ съ французскаго стола, не допуская ни на минуту, что можно и самостоятельно подумать объ искусствѣ, а тѣмъ паче творить самостоятельно, по-польски. Для Свирскаго было ясно, что доктрина, рекомендующая безсмысліе, должна была прійтись имъ по сердцу. Носить званіе артиста и имѣть возможность оставаться чернорабочимъ — вещь выгодная. Читать, знать, мыслить—на кой чортъ такой трудъ?

Свирскій думалъ, что если даже и пейзажъ является отраженіемъ состоянія души, то нужно, чтобъ эта душа была впечатлительна, тонка и развита. Онъ ссорился за это съ коллегами и велъ съ ними горячія бесѣды. «Я не требую отъ васъ,— кричалъ онъ, — чтобъ вы рисовали такъ же хорошо, какъ французы, англичане или испанцы, я требую, чтобъ вы рисовали лучше, а прежде всего—рисовали бы по-своему! Кто не стремится къ этому, пусть остается котельщикомъ!» Онъ доказывалъ,—представляетъ ли картина стогъ сѣна, куръ, роющихся на задворкѣ, картофельное поле, лошадей на пастбищѣ или уголокъ стоячаго пруда,—главнымъ образомъ во всемъ должна проявляться душа. Онъ влагалъ въ свои портреты столько души, сколько могъ, и кромѣ того «высказывался» въ другихъ картинахъ, изъ которыхъ послѣднею должна была быть «Гипнозъ и Танатосъ».

Два генія были уже почти окончены, но съ головою дѣвушки дѣло не шло на ладъ. Свирскій понималъ, что она должна быть не только прекрасна, но и очень индивидуальна. Приходили, правда, недурныя модельки, но не достаточно оригинальныя. М-me Лажа, у которой Свирскій нанималъ мастерскую, и которая была его давнишнею знакомою, обѣщала поискать, но это шло медленно. Какая-то новая модель должна была прійти именно сегодня и не пришла, хотя было уже больше одиннадцати часовъ.

Все это, вмѣстѣ со вчерашнимъ объясненіемъ въ любви, привело къ тому, что Свирскій началъ тревожиться не только о своемъ спокойствіи, но и своей артистической будущности вообще и о своей картинѣ въ особенности. Гипнозъ въ эту минуту казался ему тяжелымъ, Танатосъ глупымъ. Наконецъ, онъ

сказалъ себѣ, что если не можетъ взяться за работу, то ему лучше выйти на берегъ, гдѣ видъ воды и солнца, можетъ быть, прояснитъ его мысли и душу.

Но въ ту минуту, когда онъ собирался выходить, въ прихожей послышался звонокъ, а вслѣдъ за тѣмъ въ мастерской появились два шотландскихъ тартана, двѣ чолки и двѣ птичьихъ головы — Ромула и Рема, за которыми слѣдовалъ Кресовичъ, болѣе блѣдный и угрюмый, чѣмъ когда-либо.

— Добрый день! добрый день! — кричали мальчики.— Maman посылаетъ вамъ эти розы и проситъ завтракать.

Они вручили Свирскому пучки чайныхъ и моховыхъ розъ и начали бѣгать и разсматривать мастерскую. Въ особенности ихъ удивляли эскизы, представляющіе голыя тѣла, потому что передъ каждымъ они останавливались и толкали другъ друга локтями.

— Tiens!

— Regarde!

Но Свирскій, — это сердило его, — посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Если мы хотимъ поспѣть къ завтраку, то намъ нужно ѣхать сейчасъ.

Они вышли на улицу. По близости мастерской извозчика не было, — пришлось идти пѣшкомъ. По дорогѣ Свирскій спросилъ Кресовича:

— Ну, какъ ваши ученики?

Кресовичъ повернулъ къ нему свое озлобленное, насмѣшливое лицо и отвѣтилъ:

— Мои ученики? Да ничего. Здоровы какъ нельзя лучше и отлично себя чувствуютъ въ шотландскомъ костюмѣ. Будетъ отъ нихъ утѣшеніе, только не мнѣ.

— Почему такъ?

— Потому что завтра я ухожу.

— Какъ?— съ нѣкоторымъ удивленіемъ переспросилъ Свирскій, — я ничего не зналъ, мнѣ никто не говорилъ объ этомъ. Очень жаль.

— Имъ бѣды отъ этого не будетъ,—отвѣтилъ Кресовичъ.

— Развѣ потому, что они еще не въ состояніи понять этого.

— Они никогда не будутъ въ состояніи понять это... Ни сегодня, ни когда-либо въ жизни... никогда!

— Я надѣюсь, что вы ошибаетесь,—сухо отвѣтилъ Свирскій,—и во всякомъ случаѣ мнѣ это грустно слышать.

Но студентъ продолжалъ, какъ будто разговаривалъ самъ съ собою:

— Напротивъ! Жалко, конечно, но жалко времени. Какое имъ дѣло до меня или мнѣ до нихъ? Даже лучше, если они будутъ такими, какими будутъ. Кто хочетъ сѣять рожь, тотъ долженъ запахать траву, а запахать ее тѣмъ легче, чѣмъ она хуже. Долго пришлось бы говорить объ этомъ, но не стоитъ, въ особенности для меня не стоитъ. Микробы и такъ источатъ меня.

— Вамъ ничто не угрожаетъ. Пани Эльзенъ, прежде чѣмъ пригласить васъ на урокъ, разспрашивала о вашемъ здоровьѣ у доктора,—вы не должны удивляться этому,— дѣло шло объ ея дѣтяхъ. Но докторъ завѣрилъ, что вамъ не грозитъ никакой опасности.

— Конечно, не грозитъ. Наконецъ, я самъ нашелъ неотразимое средство противъ микробовъ.

— Какое средство?

— Оно будетъ оглашено въ газетахъ. Такихъ открытій не держатъ въ секретѣ.

Свирскій посмотрѣлъ на Кресовича, какъ бы хотѣлъ убѣдиться, не въ горячкѣ ли онъ это говоритъ, но въ это время они дошли до желѣзнодорожнаго вокзала, переполненнаго народомъ.

Обитатели Ниццы, по обыкновенію, уѣзжали утромъ въ Монте-Карло. Свирскій покупалъ билетъ въ ту минуту, когда Вядровскій замѣтилъ его и приблизился къ нему.

— Добрый день!—сказалъ онъ.—Въ Монте?

— Да. У васъ есть билетъ?

— У меня мѣсячный. Тѣсно намъ будетъ въ вагонѣ.

— Мы поѣдемъ въ коридорѣ вагона.

— Настоящій «Исходъ», а? и всякій везетъ свой грошъ вдовицы... Добрый день, панъ Кресовичъ! Что вы думаете о здѣшней жизни? Дайте намъ какое-нибудь опредѣленіе съ точки зрѣнія вашей партіи.

Кресовичъ заморгалъ глазами, какъ будто не понимая, чего отъ него хотятъ, потомъ сказалъ:

— Я записываюсь въ партію молчащихъ.

— Знаю, знаю!... Строгая партія: или молчитъ, или производитъ взрывъ.

И Вядровскій засмѣялся.

Дали звонокъ, нужно было спѣшить. Съ платформы слышались возгласы: *en voiture! en voiture!* Черезъ минуту Свирскій, Вядровскій, Кресовичъ и два мальчика очутились въ коридорчикѣ вагона.

— Пріятная это вещь съ моею ломотой! — сказалъ Вядровскій.—Смотрите, что творится! О мѣстѣ и думать нечего. Чистое переселеніе народовъ.

Не только всѣ отдѣленія, но и коридоры были набиты народомъ разныхъ національностей. Ѣхали поляки, русскіе, англичане, французы, нѣмцы, — всѣ ѣхали сорвать банкъ, который каждый день отражалъ и ломалъ ряды этой толпы, какъ скала, далеко выступившая въ море, ломаетъ волну. Къ окнамъ льнули женщины, отъ которыхъ струился запахъ ириса и геліотропа. Солнце освѣщало искусственные цвѣты на шляпкахъ, бархатъ, кружева, искусственныя или настоящія драгоцѣнныя каменья въ серьгахъ, туго стянутые корсеты на надутыхъ, гуттаперчевыхъ грудяхъ, начерченныя брови, лица, покрытыя пудрой или румянами и возбужденныя надеждой на удовольствіе и на игру. Самый опытный глазъ не могъ отличить потаскушекъ, притворяющихся женщинами большого свѣта, отъ женщинъ большого свѣта, притворяющихся потаскушками. Мужчины, съ букетами фіалокъ въ петлицахъ сюртуковъ, окидывали толпу женщинъ пытливымъ и нахальнымъ взглядомъ, осматривая платья, лица, плечи и бедра съ такою холодною пунктуальностью, съ какою, напримѣръ, осматриваютъ выставленныя на продажу вещи. Въ этой толкотнѣ была и какая-то базарная безтолочь и какая-то торопливость. Поѣздъ то врывался въ мракъ туннелей, то снова въ окна заглядывало солнце и открывалась картина неба, моря, пальмовыхъ и оливковыхъ лѣсовъ, виллъ, миндальныхъ деревьевъ. Станція мелькала за станціей. Новыя толпы людей тѣснились въ вагоны, разряженныхъ, изящныхъ, точно стремящихся на какой-то великій и святой праздникъ.

— Какая вѣрная картина жизни... сломя голову,— сказалъ Вядровскій.

— Что вы называете вѣрною картиной?

— Этотъ поѣздъ. Я могъ бы философствовать объ этомъ вплоть до завтрака, но такъ какъ я предпочитаю философствовать послѣ завтрака, то не позавтракаете ли вы со мной?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Свирскій,—извините, меня пригласила пани Эльзенъ.

— Въ такомъ случаѣ я отступаю.

И Вядровскій улыбнулся. Предположеніе, чтобы Свирскій могъ жениться на пани Эльзенъ, ни на минуту не приходило ему въ голову. Напротивъ, онъ былъ увѣренъ, что художникъ добивался того же самаго, чего и другіе, и, какъ поклонникъ артистовъ вооб-

ще, а Свирскаго въ особенности, былъ доволенъ, что Свирскій побѣждаетъ своихъ соперниковъ.

«Я представляю состояніе,—думалъ онъ:—Пожецкій—титулъ, младшій Кладскій—молодость, а Синтенъ—представитель свѣта модныхъ дураковъ. Все это, въ особенности здѣсь, имѣетъ не малую цѣнность, и, однакоже, «отчаянная» избрала Свирскаго. Какъ бы то ни было, она женщина со вкусомъ».

И, смотря на художника, онъ забормоталъ:

— «Jo triumphe, tu moraris aureos curros...»

— Что вы говорите?—спросилъ Свирскій,—онъ не разслышалъ отъ шума поѣзда.

— Ничего. Такъ, отрыжка изъ Горація. Я говорю, что если вы отказываете мнѣ, то я устраиваю *завтракъ утѣшенія* себѣ, де-Синтену, Пожецкому и Кладскому.

— Скажите, пожалуйста, послѣ чего же это вы хотите утѣшаться?—спросилъ Свирскій, внезапно приближаясь къ Вядровскому и заглядывая ему въ глаза чуть не съ угрозой.

— Послѣ потери вашего общества, — хладнокровно отвѣтилъ Вядровскій.—А вы, дорогой мой, что предположили?...

Свирскій стиснулъ зубы и ничего не отвѣтилъ. За то онъ подумалъ, что на ворѣ шапка горитъ, и что женись онъ у себя на родинѣ на какой-нибудь обыкновенной дѣвушкѣ, то ему и въ голову бы не пришло, что если кто-нибудь говоритъ злостно и язвительно, то непремѣнно имѣетъ ее въ виду.

Поѣздъ остановился въ Монте-Карло. Пани Эльзенъ, свѣжая, молодая и прекрасная, ждала на станціи. Видимо, она только что пришла,—дышала она скоро, а лицо ея разгорѣлось такъ, что это можно было приписать волненію. И когда, при встрѣчѣ со Свирскимъ, она протянула ему обѣ руки, Вядровскій подумалъ:

«Такъ! Онъ побилъ насъ всѣхъ на семь дистанцій. Она кажется совсѣмъ влюбленною».

И онъ посмотрѣлъ на нее почти благосклонно. Въ бѣломъ фланелевомъ платьѣ съ матросскимъ воротникомъ, съ разгорѣвшимися глазами, она, несмотря на легкій слѣдъ пудры на лицѣ, показалась ему такою молодой, какъ никогда. Спустя минуту, ему сдѣлалось жаль, что не онъ былъ счастливцемъ, котораго она пришла встрѣтить, и подумалъ, что метода, при помощи которой онъ старался добиться расположенія, то-есть постоянно говорилъ дерзости, оказалась глупою методой. Но онъ утѣшился мыслью о томъ, какъ онъ будетъ потѣшаться надъ Синтеномъ и другими, оставшимися за флагомъ.

Свирскій поблагодарилъ пани Эльзенъ за розы, а она слушала въ смущеніи, отъ времени до времени поглядывая на Вядровскаго и какъ будто стыдясь, что онъ является свидѣтелемъ этихъ изъявленій благодарности.

Вядровскій понималъ, что ему лучше уйти, но, тѣмъ не менѣе, они поднялись вмѣстѣ на подъемной машинѣ на гору, на которой находится игорный домъ. По дорогѣ пани Эльзенъ совершенно оживилась.

— Завтракать, сейчасъ же завтракать! — весело болтала она, — аппетитъ у меня, какъ у кита!

Вядровскій потихоньку проворчалъ, что желалъ быть хотя бы Іоной, но громко этого не высказалъ. А ну какъ Свирскій схватитъ его за воротъ и выброситъ вонъ, — острота вполнѣ это заслуживаетъ, — падать придется съ приличной высоты.

Въ саду онъ простился съ ними и пошелъ, но, обернувшись, увидалъ, какъ пани Эльзенъ, опершись на руку Свирскаго, что-то шептала ему на ухо.

«Условливаются насчетъ десерта послѣ завтрака!» — подумалъ онъ.

Но онъ ошибался. Пани Эльзенъ, обративъ свою хорошенькую головку къ художнику, шепотомъ спросила:

— Развѣ Вядровскій уже знаетъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Свирскій, — я встрѣтилъ его только въ поѣздѣ.

И онъ отчасти встревожился при мысли, что пани Эльзенъ объ обрученіи думаетъ, какъ о дѣлѣ покончennомъ, и что нужно объ этомъ извѣстить всѣхъ, но въ то же время близость молодой женщины, ея красота и обаяніе начали на него вліять такъ, что онъ прояснился и прибодрился.

За завтракомъ присутствовали Ромулъ, Ремъ и Кресовичъ, который въ теченіе всего времени не обмолвился ни словомъ. Послѣ завтрака пани Эльзенъ позволила мальчикамъ, подъ надзоромъ молодого человѣка, пойти по направленію къ Rocca Brune, а сама спросила Свирскаго:

— А вы хотите пройтись или проѣхаться?

Онъ болѣе всего хотѣлъ бы пойти къ ней въ домъ и тамъ совершить хотя «полпути до рая», испытать хотя бы «половину спасенія», но подумалъ, что если она не хочетъ, то это служитъ доказательствомъ, какъ серьезно и благородно она смотритъ на ихъ отношенія, и въ душѣ сказалъ самому себѣ, что долженъ быть признателенъ за это.

— Если вы не утомлены, то пойдемте куда-нибудь, — отвѣтилъ онъ вслухъ.

— Хорошо. Я вовсе не утомлена. Но куда мы пойдемъ? Можетъ быть, вы хотите посмотрѣть, какъ стрѣляютъ по голубямъ?

— Съ охотой, только тамъ мы не будемъ одни. Синтенъ и младшій Кладскій, вѣроятно, упражняются до завтрака.

— Да, но они не будутъ намъ мѣшать. Когда дѣло идетъ о голубяхъ, они становятся глухи и слѣпы ко всему, что дѣлается вокругъ нихъ... Наконецъ, пускай меня всѣ видятъ вмѣстѣ съ моимъ великимъ человѣкомъ!

И, поднявъ голову, она посмотрѣла на него смѣющимися глазами.

— Можетъ быть, великій человѣкъ не хочетъ этого?

— О, напротивъ, пусть насъ всѣ видятъ!—отвѣтилъ Свирскій и поднесъ ея руку къ своимъ губамъ.

— Тогда мы спустимся внизъ, — я люблю смотрѣть на стрѣльбу.

— Хорошо.

Немного погодя они были на большой лѣстницѣ, ведущей къ тиру.

— Какъ здѣсь ясно, какъ хорошо, и какъ я счастлива,—сказала пани Эльзенъ, и, хотя по близости никого не было, — прибавила шепотомъ:

— А вы?

— Мой свѣтъ возлѣ меня!—отвѣтилъ Свирскій, прижимая къ груди ея локоть.

И они начали спускаться внизъ. День, дѣйствительно, стоялъ болѣе ясный, чѣмъ обыкновенно, воздухъ былъ насыщенъ золотомъ и лазурью, море издали казалось гранатнаго цвѣта.

— Остановимся здѣсь,—сказала пани Эльзенъ.—Клѣтки хорошо можно видѣть отсюда.

Подъ ихъ ногами простирался зеленый, покрытый муравой полукругъ, глубоко заходящій въ море. Въ полукругѣ были уставлены на землѣ клѣтки съ голубями. То и дѣло какая-нибудь изъ клѣтокъ вдругъ раскрывалась, испуганная птица взлетала вверхъ, потомъ раздавался выстрѣлъ, и голубь падалъ на площадку или въ море, гдѣ на волнахъ колебались лодки, выжидая добычи.

Но иногда случалось, что выстрѣлъ не попадалъ въ цѣль,— тогда голубь летѣлъ къ морю и, описавъ кругъ, возвращался искать убѣжище въ углубленіяхъ карнизовъ игорнаго дома.

— Отсюда мы не видимъ стрѣлковъ и не знаемъ, кто стрѣля-

етъ,—сказала весело пани Эльзенъ,—давайте гадать: если первый голубь упадетъ, то мы останемся въ Монте-Карло, если полетитъ,—поѣдемъ въ Италію.

— Хорошо,—согласился Свирскій,—слышите! вотъ!

Дѣйствительно, въ эту минуту клѣтка распахнулась, но голубь, какъ одурманенный, остался на мѣстѣ. Его вспугнули деревяннымъ шарикомъ, потомъ грянулъ выстрѣлъ. Но птица не упала сразу,—она сначала высоко взлетѣла, потомъ направилась прямо къ морю, постепенно спускаясь къ водѣ, какъ будто была ранена, и, наконецъ, совсѣмъ исчезла въ солнечномъ блескѣ.

— Можетъ быть упалъ, а можетъ быть и нѣтъ,—будущее не выяснилось!—смѣясь сказалъ Свирскій.

Но пани Эльзенъ надулась, какъ разсерженный ребенокъ.

— Это несносный Синтенъ!—сказала она.—Пари готова держать, что онъ. Сойдемъ внизъ.

Они спускались все ниже и ниже къ тиру, среди кактусовъ, мезембріантемума и каприфолій, прицѣпившихся къ каменной стѣнѣ. Пани Эльзенъ останавливалась при каждомъ звукѣ выстрѣла. Въ своемъ бѣломъ платьѣ, на гигантской лѣстницѣ и на фонѣ зелени она напоминала статую.

— Никакая ткань кромѣ фланели не образуетъ такихъ чудесныхъ складокъ,—замѣтилъ Свирскій.

— Ахъ! Эти артисты!—отвѣтила молодая женщина.

Въ голосѣ ея слышался оттѣнокъ ироніи. Она чувствовала себя нѣсколько затронутою тѣмъ, что Свирскій въ настоящую минуту думалъ не о ней, а о складкахъ, которыя образуютъ ткани различныхъ сортовъ.

— Пойдемъ!

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗВѢРЬ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ *).

(Дюре Рейнъ)

(Изъ семейной хроники).

Романъ Іонаса Ли. Переводъ съ датскаго.

III.

Осень.

Вангенскія барышни расхаживали съ озабоченными, тревожными лицами, ожидая возвращенія отца и его конторскаго состава.

Судья съ помощникомъ и прочими служащими отбывалъ обычные осенніе съѣзды, числомъ девять, въ различныхъ мѣстахъ, причемъ каждый продолжался по нѣсколько дней.

Почти цѣлый мѣсяцъ въ домѣ управлялись однѣ женщины, но въ эту осень время не проходило, какъ обыкновенно, въ хозяйственныхъ хлопотахъ по дому... На этотъ разъ въ синей комнатѣ не происходило обычной процедуры щипанья и чистки пера, во время которой всѣ обвертывались простынями и кашляли отъ пуха, набивавшагося въ носъ и въ ротъ.

Собранные за годъ перо и пухъ для подушекъ и перинъ остались нетронутыми въ мѣшкахъ и корзинахъ.

Ткацкіе станки такъ и стояли съ недоконченнымъ холстомъ, тикомъ и шерстяною тканью. Починка и приготовленіе къ зимѣ теплой и мѣховой одежды были отложены, а всевозможныя подновленія по дому—крашенье и бѣленье дверей и потолковъ—и совсѣмъ отмѣнены на этотъ годъ. Всѣ необходимыя хозяйственныя хлопоты по двору и молочному хозяйству были всецѣло сданы на попеченіе Маріаннѣ, съ тѣмъ, чтобъ она возможно меньше безпокоила мать.

*) *Русская Мысль*, кн. I, 97 г.

Весь досугъ и силы послѣдней, а также всѣхъ остальныхъ дочерей поглощало другое дѣло.

Въ тотъ же самый день, какъ судья уѣхалъ, всѣ рабочія руки, и мужскія и женскія, какія только нашлись въ самой Вангенской усадьбѣ и можно было нанять на сторонѣ, были привлечены къ разбивкѣ новаго, столь долго желаннаго сада и парка. Все должно было быть окончено и готово къ возвращенію мужчинъ.

Съ ранняго утра до поздняго вечера, пока не смеркалось, хозяйка пеклась на солнцѣ, мокла подъ дождемъ съ саженью и веревкою въ рукахъ, размѣряла, отмѣчала и наблюдала. Вся земля была вскопана и удобрена навозомъ.

Скоро были разбиты просторныя лужайки съ купами кустовъ и деревьевъ, высаженныхъ изъ питомника; тамъ и сямъ насыпаны были клумбы для цвѣтовъ. По скату спускались шпалеры изъ розъ, окаймленныя скороспѣлками и перловникомъ. Отводки ягодныхъ кустовъ и плодовыя деревца были также разсажены въ изобиліи; питомникъ, многолѣтній запасной складъ хозяйки, былъ совсѣмъ опустошенъ.

Старый заплеснѣвѣвшій прудъ былъ вычищенъ; фонтанчикъ исправленъ, и дорожка вокругъ него расчищена и убита щебнемъ.

Внизу у рощи и рѣчки стучали топоры, устраивался паркъ съ бесѣдками и скамеечками, раскиданными тамъ и сямъ среди зелени.

Съ перваго же дня были посажены за работу и два городскихъ плотника — обтесывать и ставить столбы для ограды; бревна возъ за возомъ доставлялись во дворъ съ лѣсопильнаго завода.

Сегодня судью ожидали домой, и то одна, то другая изъ дочерей подбѣгала къ зальнымъ окнамъ, пытливо вглядываясь въ подернутую дымкой вечерняго тумана даль.

Онѣ озабоченно посматривали другъ на друга... «Какъ-то приметъ это отецъ? Онъ всегда, вѣдь, такъ рѣшительно высказывался противъ сада!»

Снизу доносились непрерывные, частые, рѣзкіе удары молотковъ. Это приколачивали перекладины къ столбамъ длинной ограды, спускавшейся внизъ и исчезавшей подъ горою; конецъ ограды былъ еще не оконченъ; торчали одни столбы.

Вотъ пріѣхалъ старикъ Геншинъ въ одноколкѣ, запряженной буланкой; сзади экипажа былъ привязанъ чемоданъ съ дѣлами по опекѣ.

Затѣмъ Августинусенъ, Шмидтъ и Квигстадъ въ двухмѣстной телѣжкѣ.

Они тотчасъ же скрылись съ сумками и прочимъ багажомъ въ контору.

Немного погодя, почти въ сумерки, въѣхалъ во дворъ и судья съ помощникомъ. Онъ велѣлъ выслать за собой на мѣсто послѣдняго съѣзда собственную коляску.

Вотъ онъ вылѣзъ изъ экипажа и вдругъ такъ и замеръ на мѣстѣ, съ поднятымъ до ушей воротникомъ, воззрившись на новенькую, сіяющую бѣлизной ограду.

Губы его сжимались все плотнѣе и плотнѣе... Онъ сразу уразумѣлъ проявленную безъ него властную распорядительность, понялъ, что было сдѣлано въ его отсутствіе!

И, весь покраснѣвъ отъ гнѣва, онъ рѣзко повернулъ къ дому и прямо прошелъ къ себѣ.

Вышелъ онъ только къ ужину. Хозяйка угощала на этотъ разъ свѣжею рыбой. Она полагала, что послѣ всѣхъ этихъ отпоенныхъ телятъ и жареныхъ поросятъ, которыми закармливали мужчинъ на съѣздахъ цѣлый мѣсяцъ, они не прочь будутъ отвѣдать чего-нибудь полегче.

Сестры потчивали и разносили кушанья въ довольно нервномъ, напряженномъ состояніи.

— Не трогайте головы, Рейнъ!—отважилась пошутить Маріанна. — Оставьте папѣ на вторую порцію. Рыбьи головки — его привилегія.

Судья сидѣлъ съ окаменѣвшимъ лицомъ, ковыряя рыбу вилкой.

— Ну, какъ шли дѣла на съѣздахъ? Конечно, каждый вечеръ за картами съ Фогтомъ, прокуроромъ и пасторомъ? — обратилась хозяйка черезъ столъ къ мужу, внимательно выбирая себѣ кусокъ рыбы.

— Завтра же возьмитесь за дѣло о незаконной порубкѣ въ казенномъ лѣсу, Рейнъ! — перебилъ ея вопросъ судья. — Ленсманъ сдѣлалъ заявленіе еще до нашего отъѣзда.

— Да-а,—задумчиво протянулъ Геншинъ.—Въ случаѣ, если сына Гроберга присудятъ къ штрафу, надо слѣдить, чтобъ онъ не получилъ изъ опеки имущества послѣ матери, — съ него самого взять нечего.

— Да онъ-то, бѣдняга, попался! — сказалъ Квигстадъ. — А, вѣдь, извѣстное дѣло, весь городъ рубитъ и тащитъ казенное добро.

— Возня будетъ съ допросомъ и свидѣтелями! — замѣтилъ судья.

— И мы-таки повозились это время! — вмѣшалась хозяйка, снимая нагаръ съ одной изъ двухъ красовавшихся на столѣ саль-

ныхъ свѣчей.—Копали, сажали и разбили, наконецъ, давно задуманный садъ... Теперь вамъ не придется безпокоиться, что у васъ отнимутъ рабочихъ для этого дѣла!—пошутила она.

— И завтра же пошлите вызовъ свидѣтелямъ! Вообще примитесь за это дѣло!—нервно продолжалъ судья, пропуская мимо ушей новость насчетъ сада.

— Я разучила кое-какія сонаты Моцарта для фортепьяно и скрипки, пока тебя не было,—попробовала, немного погодя, нарушить наступившее молчаніе Алида.

Судья бросилъ мимолетный косой взглядъ на комнаты, гдѣ стояло фортепьяно.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое... Я усталъ, сейчасъ же лягу!

Да онѣ всѣ стакнулись противъ него!... Проходя мимо Меретэ, которая смотрѣла на него такимъ страдальческимъ взглядомъ, онъ слегка провелъ рукой по ея волосамъ и вышелъ, сохраняя на лицѣ замкнутое, оскорбленное выраженіе.

Побывавъ у себя наверху и закуривъ трубки, служащіе принялись бродить вокругъ и внутри высокой, бѣлѣющей въ сумеркахъ холоднаго осенняго вечера садовой ограды, чтобы насколько возможно ознакомиться съ столь неожиданною новинкой въ домѣ.

Когда вышли и дамы, закутанныя въ платки и шали, начались деликатные вопросы и осторожное вывѣдыванье.

— Да, странно-таки было бы, напримѣръ, вернуться къ себѣ и найти новый домъ вмѣсто стараго!—нѣсколько колко замѣтилъ Рейнъ.

— А что же, по-вашему, это былъ бы пріятный сюрпризъ или непріятный?—добродушно откликнулась на шутку Маріанна.— Женская натура, скажу я вамъ, словно шелковая нитка. Все зависитъ отъ того, сумѣетъ ли мужчина обвить ее вокругъ пальца. Такой вотъ, какъ вы, напримѣръ, кто всегда знаетъ, чего онъ хочетъ,—продолжала она дружески, понижая голосъ и направляясь съ нимъ къ оградѣ.

Внизу стояла Барбара и съ жаромъ описывала, какъ Андерсъ и Ларсъ окапывали гряды для спаржи и какъ жирно удобряли ихъ навозомъ. Сколько будетъ спаржи—страсть! Только раньше какъ черезъ три года нечего и думать полакомиться ею!

Евфемія вздернула носъ,—«навозные» разговоры Барбары коробили ее,—и удалилась, кутаясь въ свою шаль.

— Разумѣется, все дѣло тутъ въ паркѣ! Онъ придаетъ всей картинѣ настоящій видъ!—строго уронила она съ высоты своего величія.

Геншинъ, мучимый сомнѣніями, приблизился къ кружку и тихонько дотронулся до руки Алиды.

— Надѣюсь, все это огромное дѣло затѣяно не совсѣмъ помимо судьи, іомфру?—осторожно освѣдомился онъ съ почтительной фамильярностью многолѣтняго служаки.

— «Студены бабьи совѣты»! Такъ, по-вашему, Геншинъ? — вдругъ громко вмѣшался Рейнъ, прерывая свою бесѣду съ Маріанной.—Разумѣется, супругъ долженъ быть счастливъ, разгуливая въ райскомъ саду, насажденномъ для него супругой... Знай смакуй себѣ всякіе плоды, рѣпу и брюкву и прочее...

«Щечки дѣвы круглы, красны,
Голосъ ласкою звучитъ.
Съ вида яблочко прекрасно,
Но внутри червякъ сидитъ!»—

продекламировалъ онъ въ полоборота къ Маріаннѣ.

Дѣвушки потихоньку ретировались. Отъ такого грубіяна лучше подальше...

И онѣ продолжали свою обычную вечернюю прогулку; Барбара съ Геншиномъ, показывая и объясняя ему все, что касается новаго сада, а Маріанна съ Августинусеномъ и Шмидтомъ, которые съ возрастающею ревностью слѣдили за ней во время ея дружеской бесѣды съ Рейномъ. Она привѣтливо выслушивала и того, и другого,—оба спѣшили выложить ей все, что у нихъ накопилось на сердцѣ за время поѣздки,—но глазами не переставала испытующе слѣдить за Рейномъ, прищуривая ихъ все больше и больше.

Квигстадъ былъ въ этотъ вечеръ осчастливленъ вниманіемъ Алиды и остроумно описывалъ ей этотъ четырехнедѣльный адъ на съѣздахъ—съ выпивкой, безсонными ночами и бѣшено-кипучею работой. Очутиться опять дома, въ Вангенѣ, было для него снова вернуться въ рай.

— Только бы папа какъ-нибудь примирился съ этимъ садомъ, Квигстадъ! — вдругъ облегчила она передъ нимъ свое наболѣвшее сердце.—Просто больно смотрѣть, когда онъ что-нибудь приметъ такъ близко къ сердцу... Это совсѣмъ не въ его характерѣ... Онъ, вѣдь, всегда такъ готовъ радоваться всему!...

— О, еслибъ отъ меня зависѣло помочь вашему горю, іомфру Алида, то!...

Тутъ онъ почувствовалъ, что сбился съ тона, и быстро простился съ дѣвушкой. Этотъ порывъ дружеской откровенности съ ея стороны отуманилъ его... Іомфру Алида была для него олицетворе-

ніемъ чистоты и всѣхъ женскихъ добродѣтелей, идеаломъ—увы!—недостижимымъ для мелкаго служащаго. Тѣмъ болѣе теперь! Всѣмъ его честолюбивымъ воздушнымъ замкамъ былъ положенъ предѣлъ: тетушка Ра закрѣпила Алиду за Гротомъ, сыномъ крупнаго заводчика; онъ богатъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ куда ниже ея!

Меретэ долго ходила по двору одна, сдерживая негодованіе; наконецъ, не выдержала и бросила Рейну въ лицо:

— Стыдно!... Вы злой человѣкъ!... Я не хотѣла лечь спать, не высказавъ вамъ этого!... Стыдно!—донеслось до него еще разъ, когда она исчезала за дверью въ сѣняхъ.

На другое утро судья стоялъ на крыльцѣ въ какомъ-то раздумьѣ...

— Ларсъ! Гдѣ Ларсъ?—вдругъ сердито раздался его голосъ.—Конюшня вѣчно настежъ!... Выведи Фигаро!

«Хочетъ проѣхаться, какъ всегда, утромъ»,—подумала Меретэ, стоявшая тутъ же.

— Ты успѣлъ за это время справиться съ пустячной работой, которую я поручилъ тебѣ? Вывезъ удобреніе въ поле?— спросилъ судья парня, осматривая своего любимца Фигаро.

— Да-а! Только не въ поле... Барыня велѣла все въ садъ свозить.

— На парники для спаржи! — осторожно пояснила Меретэ.

— Удобреніе?... Мое удобреніе? — разразился судья, весь побагровѣвъ отъ гнѣва.

Въ это время къ лошади подошелъ Рейнъ, наклонился и пощупалъ одну изъ заднихъ ногъ Фигаро.

— Тутъ какъ будто опухоль надъ бабкой,— сказалъ онъ.—Я замѣтилъ, что лошадь слегка поджимаетъ ногу. Мало движенія... застоялась.

Судья нагнулся и тоже пощупалъ ногу.

— Пройдетъ послѣ хорошаго моціона!—сказалъ Рейнъ.—Добрый конь... Немножко крутой крестецъ, какъ у всѣхъ этихъ горныхъ породъ...

— Да, да. Онъ какъ разъ такой породы. Вы знаете толкъ въ лошадяхъ! — замѣтилъ судья.

— Во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ въ людяхъ! — какъ-то вскользь проговорилъ Рейнъ.— Но взгляните, какъ Фигаро насторожилъ уши при нашемъ разговорѣ. Онъ пугливъ... Это можетъ стать дурной привычкой у лошади... Начнетъ пугаться. Слишкомъ темно въ конюшнѣ; животное стоитъ тамъ день-деньской задомъ къ свѣту, головой въ темный уголъ.

— Да, слѣдовало бы отвести ему другое мѣсто... Но скажите вы мнѣ, отчего же это такъ устроилось шиворотъ на выворотъ: хвосты къ свѣту вмѣсто головъ?... Точно и свѣтъ сначала былъ созданъ на изнанку? — сорвалъ свое сердце судья и, демонстративно отвернувшись отъ новой садовой ограды, рѣшительно зашагалъ въ контору.

— Благодарю за вчерашній урокъ, іомфру Меретэ! — сказалъ Рейнъ, собираясь послѣдовать за судьей. — Вы не можете себѣ представить, какъ хорошо дѣйствуетъ на человѣка такая головомойка со стороны ближняго... Знать, что кому-нибудь есть до тебя дѣло!...

«Онъ еще благодаритъ!—пронеслось въ умѣ Меретэ.—Ужъ не насмѣхается ли онъ надъ ней? Но взглядъ у него былъ такой открытый, даже милый... Нѣтъ, этого человѣка не разберешь!...

— Алида! Фемія! Маріанна! Барбара!—раздался вечеромъ голосъ Меретэ изъ окна семейной комнаты.—Закройте глаза и угадайте, кто спускается сейчасъ съ откоса?

— Конечно, Гротъ! — лаконически заявила Алида.

— Нѣтъ, спасибо! Взгляни-ка!

— Санковичъ! — закричали всѣ на перебой.

— Кто бы подумалъ! Вотъ кстати! Для папы-то!...

И всѣ выбѣжали на крыльцо.

Весь въ пыли, съ бородой настоящаго дикаря, усталый, изнуренный предсталъ передъ ними въ лучахъ заходящаго солнца Санковичъ, еще издали начавшій махать имъ своей мягкой шляпой.

— О, да всѣ Вангенскія барышни на крыльцѣ!—съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ привѣтствовалъ онъ ихъ, сразу настраиваясь на веселый ладъ.

Онѣ всѣ обступили его.

— Откуда вы теперь, Санковичъ? — начала Маріанна.

— Отъ супруги Фогта! Уфъ! — и онъ устало опустился на скамейку.— Я обошелъ пять приходовъ... вездѣ настраивалъ инструменты. Ахъ, какъ она не музыкальна, эта супруга Фогта! Какъ корова!... И хочетъ, чтобы дочки играли труднѣйшія вещи. Ужасная мука съ ними!... Я и ушелъ, какъ настроилъ имъ фортепьяно. — Онъ отеръ лобъ клѣтчатымъ платкомъ. — Ахъ, да! Мнѣ очень грустно, барышни! Поляки проиграли битву при Остроленкѣ... Охъ! сердце мое въ Польшѣ... Ахъ, еслибъ и тѣло мое было тамъ...

— Но откуда вы знаете все это, Санковичъ?—спросила Алида.

Онъ вытащилъ изъ кармана письмо.

— Я получилъ его по почтѣ... Отъ одного друга изъ Данцига. Тутъ все и сказано...

И онъ печально поникъ головой и задумался.

— Ну, пойдемте же въ домъ, Санковичъ! — пригласила его Алида.—Вамъ нужно отдохнуть послѣ такого пути.

— Да, да... Двѣ мили! Да я не чуялъ земли подъ ногами, какъ получилъ это письмо... Такое горе!...

Для музыкальной семьи судьи бывалъ настоящій праздникъ, когда къ нимъ два раза въ годъ заходилъ погостить полу-эмигрантъ, нѣмецкій полякъ Санковичъ, кочевавшій изъ года въ годъ по округу, промышляя настройкой фортепьяно и уроками музыки и пѣнія.

Когда судья сошелъ внизъ, Санковичъ уже сидѣлъ за фортепьяно, снявъ съ него крышку.

— Крѣпкая натура у этого инструмента! — привѣтствовалъ онъ судью.—Отлично держится... даромъ что, пожалуй, отдыхаетъ только по ночамъ въ этомъ домѣ!

И онъ началъ перебирать пальцами по клавишамъ съ опытностью врача; настраивая, провѣряя звуки по камертону и наигрывая, онъ засидѣлся за фортепьяно до самаго ужина.

Вечерняя трапеза прошла нѣсколько наскоро и въ подавленномъ молчаніи. За то, едва сестры, убирая со стола, вышли за дверь, началось шушуканье.

— Я въ первый разъ вижу, что мама такъ любезна съ Санковичемъ, Алида!—шептала Меретэ.—Угощала его, потчивала и велѣла Инге приготовить ему комнату наверху вмѣсто того, чтобъ отослать его къ Августинусену и Шмидту, какъ всегда. А папа все вертѣлся, ежился да поглядывалъ въ сторону,—отлично понялъ, зачѣмъ это все дѣлается... Но когда онъ вдругъ взялъ да пригласилъ Санковича оставаться у насъ вплоть до Рождества,—завертѣлась и заежилась мама!... Вотъ была озадачена! — разсмѣялась дѣвушка.—Папа никогда, вѣдь, прежде не дѣлалъ ничего такого безъ спроса у нея!

— Ахъ, одно то, что всѣ эти конторщики сидятъ тутъ за столомъ и смекаютъ, что въ домѣ что-то неладно!—вмѣшалась Евфемія.—А несносный Рейнъ еще позволяетъ себѣ колкія замѣчанія... Просто не глядѣла бы на него, не слушала бы его! —дала она исходъ накипѣвшей въ ней досадѣ.

— Да, пріятное житье-бытье пойдетъ у насъ въ домѣ! — сказала Меретэ.— Папа не хочетъ слушать мамы, мы не хотимъ слу-

шать другихъ,— всякій несетъ свое и все наобумъ... А вы помните, папа однажды шесть недѣль не бралъ въ руки скрипки? Что это былъ за ужасъ!... Точно умерло все въ домѣ.

— А мама, какъ ни въ чемъ не бывало, стоитъ себѣ и смотритъ, подвинулась ли сегодня ограда! — усмѣхнулась Маріанна.— Все-таки не хочетъ отступиться отъ своего...

Изъ комнаты уже слышалось бѣглое перебиранье клавишъ, и затѣмъ Санковичъ началъ фантазировать.

Сестры одна за другой проскользнули въ комнату.

Судья откатилъ себѣ кресло въ самый темный уголъ; время отъ времени на полу возлѣ него вспыхивалъ огонекъ,— это онъ, приходя въ себя изъ забытья, дѣлалъ нѣсколько глубокихъ затяжекъ изъ длиннѣйшаго чубука своей пѣнковой трубки.

Съ фортепьяно лились дивныя мелодіи и фантазіи.

Санковичъ игралъ сегодня удивительно!

Онъ сидѣлъ, подпѣвалъ себѣ почти беззвучно и игралъ, игралъ такъ, что не скоро можно было забыть!...

О, эти заунывные славянскіе мотивы, полные желанія и тоски!...

Звуки росли, замирали... звучали мягкимъ ласкающимъ шепотомъ... проносились порывомъ вѣтра, стонами бури... лились дождемъ слезъ надъ безконечными равнинами...

Родные мотивы вырывались изъ самой души Санковича... фортепьяно словно говорило на чужомъ языкѣ...

Вдругъ въ комнатѣ настала мертвая тишина, Санковичъ откинулся на спинку стула и застылъ, вперивъ взглядъ въ пространство, точно продолжая всматриваться во что-то...

Маріанна подошла къ столу и сняла нагаръ со свѣчей. Затѣмъ въ комнатѣ поднялся тихій говоръ, обмѣнъ впечатлѣній.

— Счастье быть такимъ артистомъ! Онъ можетъ высказать все, что у него на душѣ, вылить свои чувства передъ цѣлымъ свѣтомъ. Они не задушатъ его. Въ груди у него всегда точно въ хорошо провѣтренной комнатѣ! — вырвалось у Рейна въ полоборота къ Меретэ.

Она сидѣла на дѣтской скамеечкѣ и завивала стружками бумажную розетку для свѣчки. «Опять онъ со своими загадками!»— мелькнуло у нея. Недоумѣвающая мина дѣвушки вызвала на его лицо улыбку.

— Можете вы представить себѣ человѣка, у котораго никогда не было никого, съ кѣмъ бы отвести душу и никогда не будетъ?— вдругъ спросилъ онъ мрачно и тутъ же разсмѣялся.— Вы такъ

испуганно смотрите! Нѣтъ, я не воръ, не поджигатель и не убійца!... Говорятъ, у меня была когда-то сестренка,—произнесъ онъ задумчиво.—И я все думаю о томъ, какъ хорошо было бы, еслибъ она осталась жива... и мы могли бы бесѣдовать съ ней... Такая вотъ прямая, дѣтски-непосредственная натура, которая сказала бы человѣку, когда надо, «стыдно!»—посмотрѣла бы на него своими правдивыми, строгими глазами... и могла бы обуздать въ немъ звѣря!... Этого не добьешься мудрыми и красивыми рѣчами, скажу я вамъ, іомфру Меретэ!

Меретэ сама не знала, какъ это объяснить... Но ее какъ будто бережно, нѣжно усадили бесѣдовать съ тѣмъ самымъ тихимъ, грустнымъ человѣкомъ, котораго она уже видѣла прежде на этомъ самомъ стулѣ въ тотъ вечеръ...

И, какъ тогда, онъ словно прочелъ ея мысли...

Санковичъ, несмотря даже на то, что бывалъ подчасъ несносенъ со своими вѣчными, и кстати и не кстати вырывавшимися у него изліяніями на счетъ Польши, былъ просто золотой человѣкъ въ домѣ въ пору семейной неурядицы.

По утрамъ, когда онъ давалъ уроки музыки барышнямъ, всѣ знали—какъ и то, что часы сейчасъ пробьютъ одиннадцать, что войдетъ судья, постоитъ сначала немного у фортепьяно, потомъ спроситъ, что играютъ. И затѣмъ всегда почти найдется вещица, которую онъ вспомнилъ и которую хотѣлъ наиграть. А черезъ полчаса, какъ только часы пробьютъ половину двѣнадцатаго, онъ сразу оборветъ игру, и все—точно ножомъ отрѣжетъ! Судья направится, осторожно ступая кожаными галошами по вязкому осеннему мѣсиву, черезъ дворъ въ контору.

Погода стояла сырая, мозглая; дождь моросилъ не переставая. Бочки подъ водосточными трубами стояли переполненными, и въ канавкахъ вода поднялась до краевъ. Ручьи вздулись и бурлили, такъ что мельничныя колеса опять пошли въ ходъ и кружились въ брызгахъ бѣлой пѣны.

На дворъ въ теченіе всего короткаго темнаго дня въѣзжалъ, громыхая, возъ за возомъ съ дровами, и подъ навѣсомъ выростали все новыя и новыя полѣницы въ запасъ на зиму. Телѣжки подъѣзжали къ конторѣ всѣ забрызганныя грязью; на конторское крыльцо тоже было натаскано ногами много грязи.

Судья продолжалъ свои утреннія прогулки верхомъ до послѣдней возможности, прибѣгая къ толстому плащу съ капюшономъ и длиннымъ сапогамъ. Садовая ограда продолжала не существовать

для него, равно какъ и всѣ замѣчанія и рѣчи жены. Если въ хозяйствѣ случалась неотложная нужда въ наличныхъ деньгахъ, за ними приходилось являться къ отцу въ контору одной изъ дочерей, дежурной въ эту недѣлю.

И въ такую-то распутицу Рейнъ то вдругъ являлся домой поздно ночью, весь промокшій до костей, съ форелью въ рукахъ, которую ему удавалось поймать гдѣ-то въ рѣчкѣ, то, вставъ до свѣта, приносилъ рано въ кухню какую-нибудь крупную дичь. «Вотъ носило его съ ружьемъ и собакой по горамъ да по доламъ! И когда только спалъ? Что за здоровякъ человѣкъ!»...

Къ конторскимъ занятіямъ онъ, однако, относился строго педантично взапуски съ Геншиномъ. А послѣдній все-таки стоялъ на своемъ. Рейнъ—не служака; къ этому надо имѣть призваніе! Но, конечно, онъ былъ малый съ головой и могъ таки постоять за себя въ дѣлѣ, такъ что даже подзадоривалъ на чудеса Квигстада. Да и мысли-то его были не *тутъ* а *тамъ*, въ лѣсу или у рѣки. Сидѣлъ и думалъ больше всего не о сводѣ законовъ, а о дичи да о форели, о томъ, куда бы ему направиться вечеромъ, послѣ того, какъ запасется бутербродами въ кладовой, вмѣсто того, чтобы идти ужинать за общимъ столомъ.

Къ концу осени у самой хозяйки и у всѣхъ дочерей были полны руки дѣла,—приходилось все обдумать, устроить и наладить къ зимѣ и къ Рождеству.

За выкрашенными красною краской кухонными столами мѣстечка не оставалось свободнаго во время частыхъ дневныхъ трапезъ,—столько работало во дворѣ взрослыхъ и подростковъ.

Сушили и чесали ленъ, на гумнѣ молотили хлѣбъ. День-деньской грохотала картошка, которую сваливали съ возовъ въ подвалъ.

Одна изъ дочерей дежурила по хозяйству, двѣ поперемѣнно сидѣли за ткацкимъ станкомъ, чтобъ изготовить красивое клѣтчатое сукно на зимнія платья; на остальныхъ двухъ лежали всѣ прочія работы внѣ дома, а также сученье фителей толстыхъ и тонкихъ для фонарей и свѣчей; впереди была еще долгая процедура самаго литья свѣчей.

Въ долгія послѣобѣденныя сумерки, когда люди работали въ кухнѣ при свѣтѣ лучины, хозяйка съ дочерьми сидѣли въ семейной комнатѣ, освѣщенной одною сальною свѣчой, расчесывая, прядя и сматывая въ клубки шерсть, подъ аккомпаниментъ разговоровъ о томъ, сколько чего надо заколоть, зажарить, напечь и наварить къ праздникамъ.

А тамъ дѣло дошло и до составленія списка рождественскихъ гостей. Какихъ друзей Іесса надо пригласить!... Можетъ быть, отпустятъ погостить и Христіану Гедде, если мать настоитъ, чтобы Іессъ самъ побывалъ у полковника и передалъ ея собственноручное приглашеніе... Будетъ, разумѣется, приглашенъ и Гротъ.

Въ одно холодное сырое утро Рейнъ, вернувшись изъ лѣса предсталъ передъ направлявшейся въ помѣщеніе для катка Меретэ, размахивая кистью рябины и цѣлою связкой сѣрыхъ дроздовъ.

— Вотъ чѣмъ я занимался сегодня утромъ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать творить зло людямъ!—громко заговорилъ онъ.—Вотъ! и онъ поднесъ ей кисть рябины:—эта кисть и еще двѣ-три такія же красныя соблазнили этихъ семерыхъ бѣдняжекъ... Я видѣлъ, какъ попалась въ силокъ послѣдняя... Сначала она подпрыгнула на вѣткѣ и стала отодвигаться все дальше и дальше, потомъ вдругъ вспорхнула, опять сѣла и начала коситься однимъ глазкомъ на соблазнительныя свѣжія красныя ягоды. Она, видимо, прямо боролась съ самой собою... подъ конецъ даже страдала: совсѣмъ сощурила глазки и разинула клювъ, точно задыхалась... И вдругъ, безъ оглядки ринулась въ петлю—точь въ точь, какъ мы люди!... Во мнѣ, какъ видите, сидитъ до нѣкоторой степени натуралистъ!

— Гадко!—вспылила Меретэ.—Сейчасъ же унесите ихъ прочь, въ кухню! Слышите? Просто жалость взглянуть! Совсѣмъ еще теплыя, бѣдняжки!...

— О, только бы съ глазъ долой, не видѣть ихъ!—ѣдко замѣтилъ Рейнъ.—А потомъ можно, пожалуй, съ аппетитомъ и скушать ихъ—подрумяненыхъ на сковородкѣ... И лучше что ли, какъ вотъ предстоитъ теперь мнѣ, заманить въ петлю бѣднягу мужика, который ради жены и дѣтей покривилъ немножко душой, выманить у него сознаніе, которое приведетъ его на каторгу!—продолжалъ Рейнъ въ то время, какъ къ крыльцу подъѣзжала телѣжка, въ которой онъ съ Августинусеномъ долженъ былъ отправиться на допросъ одного крестьянина.—Его придется соблазнять совсѣмъ другого рода рябиной... выспрашивать, выпытывать... разставлять сѣти, куда тоньше охотничьихъ силковъ... Такъ вотъ, и представьте себѣ, Меретэ,—сказалъ онъ вдругъ рѣзкимъ тономъ, близко подойдя къ ней:—что мнѣ тяжело идти на такое дѣло и что я въ это холодное сырое утро закалялъ себя тамъ въ лѣсу...

Телѣжка съѣхала со двора; Меретэ стояла у катка и смотрѣла вслѣдъ Рейну.

И какъ это выходило всегда? Одну минуту она бывала такъ зла на него, готова была вспылить, а минуту спустя...

Послѣ ужина барышни и конторскіе служащіе сидѣли въ столовой, а судья съ Санковичемъ увлеклись въ семейной комнатѣ музыкой, разыгрывая на фортепьяно со скрипкой безконечныя сонаты. Въ столовой затопили печку и стало такъ славно, уютно... особенно въ сравненіи съ холодною осеннею изморозью на дворѣ.

Хозяйка велѣла сегодня подать орѣховъ и яблоковъ, на которыя въ нынѣшнемъ году былъ большой урожай. Очистивъ и попробовавъ два-три сорта, она прошлась взадъ и впередъ по комнатѣ, а потомъ, утомленная дневными хлопотами, отправилась къ себѣ въ спальню.

Молодежь расположилась вокругъ большого обѣденнаго стола, и скоро закипѣла веселая игра въ «черномазые» *). Мужчины возсѣдали съ лицами, испещренными черными пятнами и полосами, тогда какъ дамы отдѣлывались, пріобрѣтая маленькія хорошенькія мушки и родинки.

У Квигстада брови выросли въ густые усы, а маленькій краснощекій Шмидтъ былъ превращенъ въ настоящее страшилище съ огромною бородой и усищами.

Главною темой для загадочныхъ намековъ и шутокъ служило то обстоятельство, что настоящаго-то «черномазаго», Рейна, какъ разъ и не было тутъ,—онъ, по возвращеніи съ допроса, ушелъ къ себѣ.

Такъ кому же выпадетъ на долю быть здѣсь его замѣстителемъ?...

— Берегитесь, іомфру Барбара!—сказалъ Геншинъ.—«Черномазый» рыщетъ—добычи ищетъ! Берегитесь!—И онъ лукаво протянулъ ей вверхъ крапомъ карты, изъ которыхъ она должна была выбрать одну.

— У!—зажмурилась Барбара и вытянула себѣ карту.—Ага! Нѣтъ, на этотъ разъ я ушла отъ него!—возликовала она.

Очередь была за Шмидтомъ. Онъ долго колебался, желая избѣгнуть несчастной карты.—Опасно таки!—Онъ потянулъ карту и какъ будто обжегъ себѣ пальцы.

— Да, берешь наобумъ и что тебѣ попадется не знаешь!—сказала, задумчиво покачивая головой, Маріанна, собираясь вытянуть карту у Шмидта.

---

*) Карточная игра вродѣ нашей „въ фофаны"; проигравшему мажутъ угломъ или жженою пробкой кончикъ носа, усы, бороду, брови и прочія части лица.

Примѣч. перев.

— Форель или глухарь, хотите вы сказать?—весело-лукаво подхватилъ Шмидтъ; ему сегодня выпало счастье имѣть сосѣдкой Маріанну.

— Или трубочистъ, который испачкаетъ и замажетъ тебѣ сажей весь свѣтъ!—заворчалъ Квигстадъ.

— Да, въ смыслѣ оживленія нельзя сказать, чтобъ онъ былъ кладомъ для нашего дома!—процѣдила Евфемія.

— Уфъ! Не пора ли бросить этого черномазаго!—не выдержала Меретэ.—По моему и скучно, и глупо!...

— Серьезно говоря,—вдругъ высказала свою мысль Маріанна:—онъ ничего себѣ... Хоть и нѣсколько страненъ... этотъ самый господинъ Дюре Окисенъ Рейнъ!...

— Есть такіе люди, которые присвоиваютъ себѣ привилегію капризничать и говорить другимъ колкости!—сказала Алида.—Все и всѣ должны приноравливаться къ ихъ настроенію.

— Даже Аяксъ!—подхватилъ Квигстадъ.—Онъ и то ужъ держитъ ухо востро, примѣчаетъ, когда надо быть веселымъ и лаять, и когда поджать хвостъ и смотрѣть исподлобья... Ну, Августинусенъ!—расшевелилъ онъ послѣдняго.—Вамъ сдавать!

Августинусенъ съ однимъ намазаннымъ усомъ сидѣлъ какъ-то безучастно. Онъ, видимо, думалъ о другомъ весь этотъ вечеръ.

Бородатый Шмидтъ подозрительно покосился на него,—ужъ не вышло ли у него чего-нибудь съ іомфру Маріанной?

— Да, странный случай былъ сегодня! — вдругъ заговорилъ Августинусенъ и даже бросилъ карты, точно рѣшившись, наконецъ, заговорить о томъ, что его занимало.—Происшествіе довольно-таки любопытное!

— Что, что такое?!—И всѣ уставились на него.

— Да вотъ съ Рейномъ сегодня вышло... Довольно-таки... гмъ!... странно....

— Да что же, что?—посыпались нетерпѣливые вопросы.

— Да видите... мы только-что покончили съ допросомъ, записали все, какъ вдругъ видимъ—всѣ сколько было тутъ народа, и свои, и чужіе, повалили на задворки, къ хлѣву... Я, конечно, за ними... Гляжу, коровница заливается слезами и показываетъ диковиннаго теленка... Я долженъ предупредить васъ, что сейчасъ услышите нѣчто такое, отъ чего содрогнетесь: у теленка было двѣ головы, и онъ таращился двумя парами глазъ и тянулся къ молоку, разѣвая двѣ пасти съ двумя языками!... Пренепріятное зрѣлище!... Оборачиваюсь—за мной стоитъ Рейнъ съ вытаращенными глазами, весь бѣлый; видно не можетъ сказать слова... и вдругъ

грохнулся навзничь!... Я подумалъ, что съ нимъ ударъ, подскочилъ, началъ разстегивать платье, ради скорости разорвалъ воротъ рубашки и закричалъ, чтобы подали холодной воды. Только, пока я тутъ суетился, онъ вдругъ открылъ глаза, вскочилъ, промчался, какъ безумный сквозь толпу и— въ домъ, въ комнату... Слышно было, какъ замокъ щелкнулъ,—заперся! Немного погодя, вышелъ, какъ будто ничего себѣ... Былъ уже совсѣмъ одѣтъ въ дорогу и заторопилъ отъѣздомъ: «Поскорѣе велите запречь лошадь, Августинусенъ! Я почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо; но это пройдетъ на свѣжемъ воздухѣ».

Всѣ были поражены.

— Ай, какой ужасъ!—содрогнулась Меретэ.

Маріанна обвила руками одно колѣно и покачивала ногою, погрузившись въ думы.

— Мужчинѣ не полагается падать въ обморокъ, какъ дамѣ!— прервала молчаніе Евфемія.

— А еще охотникъ... кровь проливаетъ!

— Какъ же это?—покачалъ головою Геншинъ.— Не понятно!

— И что бы это значило, что онъ заперъ за собою дверь?— недоумѣвалъ Августинусенъ.

— Не догадываетесь?— шутливо сказалъ Квигстадъ.— Онъ предусмотрительно заперъ себя въ конюшню, какъ конь, который знаетъ, что вотъ-вотъ сейчасъ закуситъ удила и понесетъ!... Я, впрочемъ, того мнѣнія, что такіе кони—самые лучшіе.

— Мама была права!—буркнула Барбара.—Она сразу сказала, что онъ чудакъ съ претензіями... Онъ прежде всего написалъ, чтобы ему отвели отдѣльную комнату. Онъ и живетъ теперь тамъ точно самъ по себѣ. Никогда не знаешь, гдѣ онъ—ни утромъ, ни вечеромъ!... Иной разъ не возвращается съ своихъ прогулокъ и къ тому времени, когда Инге приноситъ ему на верхъ завтракъ!— критиковала она.

— Да, ужъ претензій не оберешься!—рѣшился излить накопившуюся желчь и Геншинъ. — И на съѣздахъ никакъ не могъ обойтись безъ отдѣльной комнаты, наравнѣ съ самимъ судьей! Какъ же! Заявилъ, что глазъ не сомкнетъ всю ночь, если будетъ чувствовать, что тутъ же въ комнатѣ дышетъ и спитъ другой человѣкъ... И вездѣ приходилось ломать старый порядокъ, устраивать для него все по-новому!

— Не слѣдовало ли бы вамъ, Геншинъ, посвятить папу во всѣ эти исторіи? — предложила съ видомъ оскорбленнаго достоинства Евфемія, когда музыканты окончили свою игру, и судья вошелъ

въ комнату въ самомъ благодушномъ настроеніи, хлопая въ ладоши и крича:

— Спать пора! Спать пора!

Прибирая съ сестрами въ комнатѣ, гдѣ играли музыканты, Маріанна прошептала, видимо продолжая думать свою думу:

— Онъ, впрочемъ, больше чѣмъ просто чудакъ, по-моему...

— Да! И больше чѣмъ претенціозенъ! — подхватила Евфемія.—Онъ точно шагаетъ черезъ все въ домѣ, въ своихъ непромокаемыхъ сапожищахъ.

— Да-а... пожалуй... пожалуй... онъ тутъ не ко двору!—закончила Маріанна.

— Бѣда, что нельзя теперь напустить на отца маму! — горячилась Евфемія. — Все вышло изъ колеи, изъ-за этой исторіи съ садомъ!

— Да, вѣдь, я думаю, *отцу* нуженъ помощникъ-то, а не *вамъ!*—вырвалось у Меретэ, которая бросилась на стулъ и съ вызывающимъ видомъ болтала ногами.

— Тебя тутъ не спрашиваютъ!—отрѣзала ей Евфемія.

— Еще бы!... Вы, конечно, объ отцѣ главнымъ образомъ хлопочете!— продолжала Меретэ. — А онъ самъ говорилъ, что очень доволенъ Рейномъ.

— И ты не меньше, какъ видно!— сказала Маріанна.— Онъ въ послѣднее время удостоиваетъ дѣвочку своей откровенностью, посвящаетъ въ свои глубокомысленныя соображенія.

— Да, а вы, по-моему, ужъ черезчуръ много заняты конторскими дѣлами!—послѣдовалъ негодующій отпоръ.

— Послушайте-ка ее!... Право, дѣвчонка, кажется, тоже завела амуры!—издѣвалась Евфемія.

Меретэ вдругъ разразилась слезами, выбѣжала изъ комнаты и бросилась къ себѣ наверхъ.

— Вотъ какъ!—сказала Маріанна, глядя ей въ слѣдъ. Рябоватое лицо ея слегка покрылось румянцемъ.—Такъ, пожалуй, пора спровадить отсюда этого господина!—заключила она, кивая головой, и въ глазныхъ щелочкахъ ея словно блеснулъ огонекъ.— Я думаю, надо будетъ мнѣ съѣздить завтра къ тетушкѣ Ра... Придумаю какое-нибудь дѣло, Евфемія!... И *тетушка* поговоритъ съ отцомъ.

Судья только что вернулся съ долгой послѣобѣденной прогулки верхомъ къ тетушкѣ Ра.

Фигаро сталъ весь сѣрый до самаго крупа отъ облѣпившей его грязи. И погода стояла сѣрая, и расположеніе духа судьи было сѣрое.

Онъ бросилъ Ларсу поводья и, сердито опустившись на стулъ въ сѣняхъ, молча предоставилъ служанкѣ помогать ему стащить высокіе сапоги, взамѣнъ которыхъ Инге принесла другіе, навакс енные и начищенные до самыхъ ушекъ.

Войдя въ семейную комнату, онъ разсѣянно уставился въ окно и задумался, не отвѣчая на вопросъ Алиды о тетушкѣ Ра.

«Пренепріятное положеніе... Главное, что онъ собственно не чувствовалъ тутъ подъ ногами почвы.

«Приходилось дѣйствовать въ сферѣ, меньше всего имѣвшей отношеніе къ нему лично или къ его служебнымъ обязанностямъ... Напротивъ, совершенно частныя, семейныя обстоятельства... разныя практическія соображенія... необходимыя... цѣлесообразныя и проч., и проч... Чисто домашняго характера!»

Въ сущности онъ чувствовалъ сильнѣйшую потребность потолковать съ женой... обсудить съ ней дѣло и узнать ея мнѣніе.

«А то ни съ того, ни съ сего взять да уволить такого помощника, какъ Рейнъ... такого дѣльнаго человѣка, съ которымъ у него вдобавокъ нашлось еще столько общихъ интересовъ: и хозяйство, и природа, и лошади... Рейнъ—живой человѣкъ, не какая-нибудь деревяшка! Да и къ тому же уволить именно теперь, когда Геншинъ того и гляди получитъ мѣсто ленсмана, о которомъ хлопоталъ...

«И поводъ, поводъ?... Положимъ, дѣвочкамъ въ этой глуши нужно общество образованныхъ, воспитанныхъ людей... Вотъ оно! Въ этомъ-то, пожалуй, вся и суть...

«Да, чортъ возьми, кто поможетъ ему разобраться въ этомъ, кромѣ Боллеты!»

И онъ шагалъ взадъ и впередъ, изъ семейной комнаты въ столовую, гдѣ жена кропла что-то.

— Натяни матерію, Меретэ! Надо, чтобы лежала ровно, тогда мы выкроимъ и другую половинку спинки по этой!—сказала мать, и ножницы быстро задвигались, рѣзко звякая объ столъ.

Судья на минуту пріостановился, словно раздумывая, и поглядѣлъ на жену. Но потомъ опять возобновилъ свое шаганье черезъ дверной порогъ, все больше и больше замедляя поступь и покашливая...

— Алида!—начала госпожа Орнингъ, дѣлая попытку казаться равнодушной и продолжая кроить.—Какъ бы не забыть заливного изъ дроздовъ, что Маріанна приготовила вчера для тетушки Ра... Еслибъ погода была получше, вы съ Меретэ могли бы отнести ей

его завтра. Или отвезти, если буланка и телѣжка свободны.—Эти слова сопровождались косвеннымъ взглядомъ въ сторону судьи.—Позже по осени будетъ не до визитовъ и любезностей.

Судья украдкой покосился на столъ. Его такъ и подмывало пробить брешь въ стѣнѣ долгаго молчанія.

— Гм... Гм...—откашлялся онъ и пріостановился.

Ножницы продолжали свое дѣло, а губы жены, показалось ему, складывались въ ироническую усмѣшку.

Когда же онъ опять переступилъ порогъ, въ глаза ему кинулась блестящая отъ дождя новая садовая ограда. И онъ, словно принявъ рѣшеніе, крякнулъ и вышелъ изъ столовой.

— Маріанна!—заговорилъ онъ въ коридорѣ такъ громко, чтобы слышно было въ столовой.—Я по нѣкоторымъ причинамъ думаю уволить Рейна.

И направился въ контору.

— Папа, папа!—вдругъ раздалось позади него.

Это была Меретэ, которая бѣжала за нимъ по лѣстницѣ.

— Папа, нельзя... нельзя... увольнять Рейна! — прошептала она чуть слышно.

Судья озадаченно посмотрѣлъ на нее, и на лицо его набѣжала серьезная дума.

Но онъ не сказалъ ничего.

Меретэ же отскочила отъ него и словно внѣ себя бросилась назадъ черезъ кухню.

Судья медленно и задумчиво поднялся на крыльцо.

Тонъ ея словъ подсказалъ ему, что онъ сейчасъ слышалъ вопль сердца, невольно вырвавшійся изъ груди его любимицы.

А. и П. Ганзенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРЕСТОНОСЦЫ.

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

I.

Въ Тыньцѣ, на заѣзжемъ дворѣ «Подъ Лютымъ Туромъ», принадлежащемъ аббатству, сидѣли нѣсколько человѣкъ и слушали разсказы бывалаго солдата, который пришелъ изъ дальнихъ странъ и заговорилъ о приключеніяхъ, какія ему пришлось испытать на войнѣ и во время путешествія.

Солдатъ былъ человѣкъ бородатый, въ расцвѣтѣ силъ, плечистый, почти огромнаго роста, но худой; волосы онъ носилъ въ сѣткѣ, унизанной бисеромъ. На немъ былъ кожаный кунтушъ съ полосами, оставленными панцыремъ, и подпоясанный поясомъ изъ мѣдныхъ пластинокъ, за поясомъ ножъ, въ роговыхъ ножнахъ, а у бока короткій дорожный кортикъ.

Рядомъ съ нимъ, за столомъ, сидѣлъ мальчикъ, съ длинными волосами и веселымъ взглядомъ, видимо его спутникъ или даже, можетъ быть, пажъ, потому что одѣтъ онъ былъ также по дорожному и на его кожаномъ кунтушѣ панцырь оставилъ такія же полосы. Остальное общество состояло изъ двухъ земледѣльцевъ изъ окрестностей Кракова и трехъ горожанъ, въ красныхъ шапкахъ, которыя своими остроконечными концами низко свѣшивались на бокъ. Хозяинъ, нѣмецъ, въ желтомъ кафтанѣ съ воротникомъ, вырѣзаннымъ зубцами, наливалъ гостямъ крѣпкое пиво въ глиняные жбаны и съ любопытствомъ прислушивался къ разсказу солдата.

Но еще съ бо̀льшимъ любопытствомъ слушали горожане. Въ тѣ времена ненависть, которая при Локеткѣ раздѣляла городъ съ рыцарями, владѣвшими землей, значительно уже остыла, и горожане носили голову гораздо выше, чѣмъ это было впослѣдствіи. Въ то

время ихъ еще называли «des allerdurchluchigsten Kuniges und Herren» и цѣнили ихъ готовность «ad concessionem pecuniarum», поэтому въ тавернахъ не разъ приходилось видѣть, какъ купцы пьютъ за панибрата съ дворянами. Ихъ даже принимали болѣе охотно, какъ людей, которые свободнѣе распоряжались готовыми деньгами и обыкновенно платили за гербоносцевъ.

Такъ и теперь горожане сидѣли и разговаривали, отъ времени до времени подмигивая хозяину, чтобъ онъ вновь наполнилъ жбаны.

— Такъ вы, благородный рыцарь, порядочно походили по свѣту?—спросилъ одинъ изъ купцовъ.

— Не многіе изъ тѣхъ, которые теперь со всѣхъ сторонъ стекаются въ Краковъ, видѣли столько,—отвѣтилъ рыцарь.

— А съѣдется народу не мало,—продолжалъ горожанинъ.—Большіе торжества и большое счастье для королевства! Говорятъ, король приказалъ всю ложницу королевы обить парчею, расшитою жемчугомъ, и поставить такой же балдахинъ. Будутъ игры и состязанія, какихъ до сихъ поръ міръ не видалъ.

— Кмотръ Гамротъ *), не перебивай рыцаря!—сказалъ другой купецъ.

— Я не перебиваю, кмотръ Эйертретеръ **), я только такъ думаю, что и ему пріятно будетъ узнать, о чемъ говорятъ, потому что и самъ онъ вѣроятно ѣдетъ въ Краковъ. Сегодня мы и такъ не возвратимся въ городъ,— ворота уже запрутъ до этого, — времени у насъ достанетъ на все.

— Да вы на одно слово отвѣчаете двадцатью. Старѣетесь вы, кмотръ Гамротъ.

— Я еще могу нести подъ мышкой штуку мокраго сукна.

— Ну, да! такого, которое просвѣчиваетъ, какъ сито.

Ссору горожанъ прекратилъ захожій солдатъ. Онъ сказалъ:

— Конечно, я останусь въ Краковѣ, потому что слышалъ о ристалищахъ и не прочь испробовать своей силы на аренѣ. Да и мой племянникъ, хотя онъ молодъ и еще безусый, не одинъ уже панцырь видѣлъ передъ собой на землѣ.

Гости посмотрѣли на мальчика. Тотъ весело улыбнулся, заложилъ за уши свои длинные волоса и поднесъ къ губамъ сосудъ съ пивомъ.

Старшій рыцарь добавилъ:

---

*) **) Современныя фамиліи, вѣрнѣе—прозвища.

— Да, наконецъ, еслибъ мы и хотѣли куда возвратиться, то намъ некуда.

— Какъ же это такъ?—спросилъ одинъ изъ дворянъ.—Вы откуда и какъ ваше имя?

— Меня зовутъ Мацько изъ Богданьца, а вотъ это сынъ моего родного брата и называется Збышко. Мы герба Тупой Подковы, по знаку Грады.

— Гдѣ находится вашъ Богданецъ?

— О! лучше спросите, гдѣ онъ былъ, потому что теперь его нѣтъ. Еще во время распри Гримальтовъ съ Наленчами нашъ Богданецъ сожгли до тла, а что было—разграбили; слуги наши также разбѣжались. Осталась голая земля,—крестьяне, которые были по сосѣдству, ушли дальше, въ лѣсъ. Мы построились съ братомъ, отцомъ вотъ этого подростка, а черезъ годъ насъ разорило наводненіе. Потомъ братъ умеръ, а какъ умеръ, то я остался одинъ съ сиротою. Думаю себѣ: не усижу! А въ то время говорили о войнѣ и о томъ, что Ясько изъ Олесницы, котораго король Владиславъ выслалъ въ Вильно за Николаемъ изъ Москожова, усердно ищетъ рыцарей въ Польшѣ. Я знаю достойнаго аббата Янка изъ Тульчи,—заложилъ ему землю, на деньги купилъ вооруженіе, лошадей, снарядился, какъ слѣдуетъ на войну, мальчика,—ему въ то время было двѣнадцать лѣтъ,—посадилъ на запасную лошадь и маршъ къ Яську изъ Олесницы.

— Съ подросткомъ?

— Тогда его еще и подросткомъ нельзя было назвать, но онъ былъ крѣпокъ съ малолѣтства. Бывало, на двѣнадцатомъ году, упрется самострѣломъ въ землю, нажметъ животомъ и такъ натянетъ тетиву, что ни одинъ изъ тѣхъ англичанъ, которыхъ мы видѣли подъ Вильномъ, лучше не сдѣлаетъ.

— Такой былъ сильный?

— Шлемъ носилъ за мною, а когда ему минуло тринадцать лѣтъ, то и щитъ.

— Въ войнѣ-то у васъ недостатка не было.

— По милости Витольда. Сидѣлъ князь у крестоносцевъ и, что ни годъ, набѣги на Литву, подъ Вильно дѣлалъ. Съ нимъ шелъ разный народъ: нѣмцы, французы, англичане, лучшіе въ мірѣ лучники, чехи, швейцарцы и бургундцы. Лѣса порубили, по дорогѣ наставили замковъ и въ концѣ жестоко разорили Литву огнемъ и мечомъ, такъ что весь народъ, который живетъ на этой землѣ, хотѣлъ было уже бросить ее и искать другой, хотя бы на краю свѣта, хотя бы жить среди дѣтей Веліала, только бы отъ нѣмцевъ подальше.

— И здѣсь было слышно, что всѣ литовцы хотѣли уйти съ женами и дѣтьми, но мы этому не вѣрили.

— А я смотрѣлъ на это. О, еслибъ не Николай изъ Москожова, не Ясько изъ Олесницы, и, безъ похвальбы молвить, еслибъ и не мы, то Вильно уже не было бы.

— Мы знаемъ. Вы не сдали крѣпости.

— То-то что не сдали. Слушайте внимательно, потому я человѣкъ служилый и войну знаю. Еще старики говорили: «неукротимая Литва», и правда! Сражаются они хорошо, но съ рыцарями не имъ въ полѣ мѣряться. Когда нѣмецкіе кони увязнутъ въ болотѣ или если густой лѣсъ, —тогда дѣло иное.

— Нѣмцы хорошіе рыцари!—воскликнули горожане.

— Стѣной стоятъ одинъ рядомъ съ другимъ въ своихъ желѣзныхъ панцыряхъ, такъ закованные, что едва у него, у собаки, глаза разглядишь. И идутъ стѣной. Ударитъ, бывало, на нихъ Литва, и разсыплется, какъ песокъ, а не разсыплется, то нѣмцы ее въ лоскъ уложатъ и растопчатъ. Да не одни тутъ нѣмцы,—что ни есть народовъ въ свѣтѣ, всѣ у крестоносцевъ служатъ. И храбрые же! Иной разъ наклонится рыцарь, выставитъ копье впередъ и одинъ, еще передъ битвой, ударитъ въ цѣлое войско, какъ ястребъ въ стаю птицъ.

— Христе!—воскликнулъ Гамротъ,—кто же изъ нихъ лучше?

— Кто къ чему. Къ арбалету больше всего способенъ англичанинъ, онъ стрѣлой панцырь пробиваетъ и на сто шаговъ въ голубя попадетъ. Чехи страшно рубятся топорами. Для двухручнаго клинка нѣтъ лучше нѣмца. Швейцарецъ ловко желѣзнымъ цѣпомъ шлемы разбиваетъ, но самые великіе рыцари тѣ, которые изъ Французской земли происходятъ. Французъ будетъ биться и съ конницей и съ пѣхотой, да притомъ наболтаетъ тебѣ кучу такихъ рыцарскихъ словъ, какихъ и не поймешь; говоръ такой, какъ будто одна оловянная миска стукается о другую, хотя народъ они благочестивый. Они обвиняли насъ, черезъ нѣмцевъ,—что мы язычниковъ и сарацинъ отъ креста защищаемъ и обѣщались подтвердить это рыцарскимъ поединкомъ. Вотъ такой-то Божій судъ произойдетъ между четырьмя ихними и четырьмя нашими рыцарями, а назначенъ при дворѣ, у Вацлава короля римскаго и чешскаго *).

Тутъ еще большее любопытство охватило дворянъ и купцовъ. Всѣ обратили головы въ сторону Мацька изъ Богданьца и начали разспрашивать:

---

*) Исторически.

— А изъ нашихъ кто? Да говорите скорѣй!

Мацько поднесъ сосудъ къ губамъ, отхлебнулъ и отвѣтилъ:

— Э, не бойтесь за нихъ. Янъ изъ Влощовы, каштелянъ Добжиньскій, Николай изъ Вашмунтова, Ясько изъ Здакова и Ярошъ изъ Чехова, — всѣ рыцари на славу, богатыри. На копья ли пойдутъ, на мечи, или на топоры, — имъ не въ новинку. Будетъ глазамъ человѣческимъ на что смотрѣть, будетъ ушамъ что слушать... я вѣдь сказалъ, — французу на горло ногой наступишь, а онъ все тебѣ рыцарскія слова говоритъ. Да поможетъ мнѣ Богъ и Святой Крестъ, а я думаю, что тѣ прогадаютъ, а наши побьютъ.

— Будетъ слава, только благословилъ бы Богъ, — сказалъ одинъ изъ дворянъ.

— И святой Станиславъ! — добавилъ другой.

Потомъ опять пошли разспросы:

— Ну, разсказывайте дальше! Вы прославляли нѣмцевъ и другихъ рыцарей, что они храбры и легко Литву побивали. А съ вами имъ не труднѣй было? Съ такой же отвагой они шли на васъ? Вамъ-то какъ Богъ помогалъ? Похвалите и нашихъ.

Видимо Мацько изъ Богданца не былъ самохвалъ, потому что отвѣтилъ скромно:

— Которые только-что явились изъ чужихъ краевъ, тѣ отважно нападали на насъ, а попробовали разъ, другой, и шли ужъ не съ такимъ легкимъ сердцемъ. Нашъ народъ закоренѣлый, и за эту закоренѣлость насъ часто бранили: «Вы, — говорятъ, — смертью пренебрегаете, а сарацинамъ помогаете, — быть вамъ за это осужденными навѣки!» А въ насъ закоренѣлость еще больше росла, потому что это неправда! Король и королева Литву окрестили, и всякій человѣкъ тамъ признаетъ Господа Христа, хоть и не всякій умѣетъ. Извѣстно всѣмъ, что и нашъ милостивый повелитель, когда изъ плоцкаго собора вытащили идола и бросили на земь, приказалъ ему поставить огарокъ, и только ксендзы растолковали ему, что этого дѣлать не годится. Что-жъ тутъ толковать о простомъ человѣкѣ! Не одинъ говоритъ самому себѣ: «приказалъ мнѣ ксендзъ окреститься, — я окрестился; приказалъ Христу бить челомъ, — я бью, а чего ради мнѣ жалѣть горсти творога для старыхъ языческихъ идоловъ, отчего мнѣ не бросить имъ печеной рѣпы или не сплеснуть имъ пѣны съ пива? Не сдѣлаю я этого, — кони мои падутъ, или коровы запаршивѣютъ, или въ молокѣ у нихъ кровь покажется, или на поляхъ какая-нибудь бѣда приключится». И многіе такъ дѣлаютъ, отчего и попадаютъ въ подозрѣніе. А они дѣлаютъ это по незнанію, идоловъ боятся. Прежде этимъ идоламъ было

лучше. И лѣса у нихъ были, и большія нумы, и кони для ѣзды, и десятину они брали. А нынѣ лѣса вырублены, ѣсть нечего, въ городахъ звонятъ колокола,—вотъ вся эта нечисть въ самые густые боры забралась и воетъ тамъ отъ тоски. Пойдетъ литвинъ въ лѣсъ, то одинъ дьяволъ, то другой дергаетъ его за кожухъ и говоритъ: «дай!» Иные даютъ, но есть и такіе смѣлые, что не только ничего не хотятъ давать имъ, а еще и самихъ ихъ хватаютъ. Одинъ крестьянинъ насыпалъ гороху въ воловій пузырь, такъ туда сразу тринадцать дьяволовъ влѣзло. Онъ заткнулъ ихъ рябиновымъ колышкомъ и принесъ продавать въ Вильно отцамъ францискинцамъ. Тѣ ему съ охотой дали двадцать скойцевъ*), чтобы враговъ имени Христова уничтожить. Я самъ видѣлъ этотъ пузырь. Смрадъ отъ него шелъ такой, что еще издали христіанину носъ зажимать приходится,—вотъ какъ нечистые духи выказываютъ свой страхъ передъ святою водой.

— А кто считалъ, что ихъ было тринадцать?—бойко спросилъ купецъ Гамротъ.

— Литвинъ считалъ. Видѣлъ же онъ, какъ влѣзали. Видно и то, что они сидятъ въ пузырѣ,—это можно и по смраду понять, а колышка никто вынимать не хочетъ.

— Дивное дѣло!—воскликнулъ одинъ изъ дворянъ.

— Не мало я видѣлъ тамъ великихъ чудесъ, и хоть не скажешь, что это добрый народъ, а все у нихъ по-своему. Всѣ они кудлатые и только кто-нибудь изъ князей волоса себѣ завиваетъ; живутъ печеною рѣпой и считаютъ эту ѣду за лучшую, — говорятъ, отъ этого храбрость у нихъ прибавляется. Въ нумахъ своихъ вмѣстѣ со скотиной и ужами живутъ, въ питьѣ и ѣдѣ удержу не знаютъ. Замужнихъ женщинъ ни во что не ставятъ, но дѣвокъ очень уважаютъ и считаютъ за ними большую силу: кому дѣвка натретъ животъ сухимъ яферомъ, у того колика проходитъ.

— Не жаль и колики получить, если женщины хороши! — воскликнулъ кмотръ Эйертретеръ.

— Объ этомъ спросите у Збышка, — сказалъ Мацько изъ Богданца.

Збышко засмѣялся такъ, что подъ нимъ задрожала вся скамья.

— Бываютъ чудныя!—сказалъ онъ.—Развѣ Рингалла была не хороша?

— Что это за Рингалла,—прелестница какая или что-нибудь другое?

---

*) Монета временъ Пястовъ, 2 гроша или $^1/_{24}$ гривны.

— Какъ? Вы не слыхали о Рингаллѣ?—спросилъ Мацько.

— Не слыхали ни слова.

— Сестра князя Витольда, жена Генрика, князя Мазовецкаго.

— Что вы говорите? Какого князя Генрика? Одинъ князь Мазовецкій этого имени былъ епископомъ, электромъ плоцкимъ, да и тотъ умеръ.

— Онъ самый и былъ. Изъ Рима должно было прійти разрѣшеніе, но смерть дала ему разрѣшеніе раньше, потому что, видимо, онъ не очень утѣшилъ Бога своимъ поступкомъ. Ясько Олесницкій послалъ меня съ письмомъ къ князю Витольду, когда въ Ритершвердеръ пріѣхалъ князь Генрикъ, электоръ плоцкій. Въ то время Витольду война надоѣла, потому собственно, что онъ не могъ взять Вильно, а нашему королю надоѣли родные братья и ихъ развратъ. Король видѣлъ, что у Витольда и ловкости, и ума больше, чѣмъ у его родныхъ, и послалъ къ нему епископа уговаривать, чтобъ онъ бросилъ крестоносцевъ и покорился, а за это ему будетъ отдано правленіе Литвой. Витольду всегда были пріятны перемѣны, и онъ благосклонно выслушалъ посольство. Были тогда и пиры, и турниры. Электоръ съ охотой садился на коня, хотя другіе епископы этого не одобряютъ, и на аренѣ показывалъ свою рыцарскую силу. А всѣ князья изъ Мазовецкаго рода—богатыри. Извѣстно, что даже дѣвчонки этой крови легко ломаютъ подковы. Такъ вотъ, князь вышибъ съ сѣдла одинъ разъ трехъ рыцарей, другой разъ пятерыхъ; изъ нашихъ свалилъ меня, а подъ Збышкомъ конь при стычкѣ сѣлъ на заднія ноги. А награды всѣ онъ принималъ изъ рукъ прекрасной Рингаллы и въ полномъ вооруженіи преклонялъ предъ ней колѣна. И такъ они пришлись по душѣ другъ другу, что на пирахъ его дергали за рукавъ *clerici,* которые съ нимъ пріѣхали, а ее удерживалъ братъ Витольдъ. Наконецъ, князь говоритъ: «Я самъ себѣ дамъ разрѣшеніе, а папа если не римскій, то авиньонскій подтвердитъ его, а свадьба должна быть сейчасъ, иначе я сгорю!» Великое было поношеніе Божіе, но Витольдъ не хотѣлъ противиться, чтобъ посла королевскаго не обидѣть,—и свадьбу отпраздновали. Потомъ они поѣхали въ Суражъ, а потомъ въ Слуцкъ къ великому огорченію Збышка, который, по нѣмецкому обычаю избралъ княгиню Рингаллу дамою сердца и поклялся ей въ вѣрности до гроба...

— Да!—неожиданно прервалъ Збышко,—это правда! Но потомъ люди говорили, что княгиня Рингалла сообразила, что ей непристойно быть женою электора (онъ, хотя и женился, отъ ду

ховнаго своего сана не хотѣлъ отречься) и что надъ такимъ союзомъ не можетъ быть Божьяго благословенія, отравила мужа. Услыхавъ это, я просилъ одного благочестиваго пустынника подъ Люблиномъ, чтобъ онъ разрѣшилъ меня отъ этого обѣта.

— Пустынникъ-то онъ пустынникъ, — смѣясь, отвѣтилъ Мацько, — а благочестивый ли онъ, не знаю. Мы пріѣхали къ нему въ лѣсъ въ пятницу, а онъ топоромъ разбиваетъ медвѣжьи кости и мозгъ высасываетъ.

— Да вѣдь онъ говорилъ, что мозгъ—это не мясо, и, кромѣ того, испросилъ себѣ на это разрѣшеніе, потому что послѣ мозга его ночью посѣщаютъ чудесныя видѣнья, и онъ можетъ пророчествовать до полудня.

— Ну, ну!—сказалъ Мацько.—А прекрасная Рингалла теперь вдова и можетъ призвать тебя на службу.

— Понапрасну бы стала звать, потому что я изберу себѣ даму сердца и буду ей служить до гроба, а потомъ и жену найду.

— Сначала найди рыцарскій поясъ.

— Вотъ еще! Развѣ не будетъ состязаній послѣ родинъ королевы? А передъ этимъ или послѣ этого король не одного опояшетъ. Я хоть противъ кого пойду. Князь Мазовецкій не свалилъ бы меня, еслибъ мой конь не сѣлъ на заднія ноги.

— Будутъ и получше тебя.

При этомъ дворянинъ изъ-подъ Кракова воскликнулъ:

— Клянусь Богомъ! передъ королевой выступятъ и не такіе, какъ ты, а самые славные рыцари въ свѣтѣ. Будетъ состязаться Завиша изъ Гарбова, и Фарурей, и Добко изъ Олесницы, и Поваландъ Тачева, и Пашко Злодзей изъ Бискупицъ, и Ясько Нашанъ, и Абданкъ изъ Гуры, и Андрей изъ Броховицъ, и Кристинъ изъ Острова, и Якубъ изъ Кобылянъ!... Гдѣ же тебѣ мѣряться съ ними,—съ ними ни здѣсь, ни на чешскомъ дворѣ, ни на венгерскомъ никто мѣряться не можетъ. Что ты толкуешь: ты лучше ихъ, что ли? Сколько тебѣ годковъ?

— Восемнадцать,—отвѣтилъ Збышко.

— Тогда тебя каждый раздавитъ.

— Посмотримъ.

Мацько сказалъ:

— Я слышалъ, что король щедро награждаетъ рыцарей, которые вернулись съ литовской войны. Вы — здѣшніе, скажите, правда ли это?

— Ей-Богу, правда!—отвѣтилъ одинъ изъ дворянъ.—Щедрость короля извѣстна во всемъ свѣтѣ, только теперь протол-

каться къ нему будетъ не легко, потому что Краковъ такъ и кишитъ гостями. Всѣ съѣзжаются на родины и на крестины, всѣмъ хочется государю нашему честь отдать или доказать свою вѣрность. Долженъ быть король венгерскій, будетъ, говорятъ, и римскій цезарь, и разные князья, а комесовъ и рыцарей какъ маку,—всякій надѣется, что съ пустыми руками не уйдетъ. Говорили даже, что самъ папа Бонифацій пріѣдетъ просить милости и потребуетъ помощи нашего государя противъ своего авиньонскаго врага. Въ такой тѣснотѣ доступъ будетъ не легокъ, но если добиться и пасть къ ногамъ государя, то онъ ужъ щедро наградитъ заслуженнаго.

— Вотъ я паду, потому что я заслужилъ, а если будетъ война, то и опять потащусь. Положимъ, есть у меня кое-какая добыча, кое-что досталось въ награду отъ князя Витольда; нужда въ глаза не заглядываетъ, но все-таки вечерняя пора приближается, а подъ старость, когда сила изъ костей выйдетъ, человѣку хотѣлось бы имѣть спокойный уголъ.

— Король съ радостью видитъ тѣхъ, которые служили въ Литвѣ подъ предводительствомъ Яська изъ Олесницы и возратились изъ Литвы, и всѣ они теперь живутъ въ довольствѣ.

— Вотъ оно что! А я все воевалъ. Надо вамъ сказать, что примиреніе короля съ княземъ Витольдомъ отозвалось на нѣмцахъ. Князь хитро выманилъ заложниковъ, а потомъ какъ ударитъ на нѣмцевъ! Замки разрушилъ, пожегъ, рыцарей побилъ, народу погубилъ многое множество. Нѣмцы хотѣли мстить вмѣстѣ съ Свидригелломъ, который убѣжалъ къ нимъ. Снова былъ большой походъ. Самъ магистръ Конрадъ пошелъ съ большою ратью. Обложили Вильно, пробовали съ метательныхъ машинъ разрушать замки, пробовали брать ихъ измѣной,—ничего не добились! А на обратномъ пути ихъ столько полегло, что и половины не осталось. Выходили мы еще противъ Ульрика Юнгингена, брата магистра,—онъ былъ правителемъ въ Самбіи. Но правитель испугался князя и съ плачемъ убѣжалъ. Отъ этого бѣгства водворилось спокойствіе, и городъ вновь отстраивается. Одинъ святой монахъ, который можетъ ходить босыми ногами по раскаленному желѣзу, пророчествовалъ, что съ той поры до конца міра Вильно не увидитъ ужъ подъ своими стѣнами вооруженнаго нѣмца. А если это сбудется, — чьи руки это сдѣлали?

И Мацько изъ Богданца вытянулъ впередъ свои ладони, широкія и могучія, а прочіе утвердительно закивали головами.

— Да, да! онъ правду говоритъ. Да!

Дальнѣйшую бесѣду прервалъ громкій говоръ, доходящій чрезъ окна, изъ которыхъ были вынуты рамы, затянутыя пузыремъ, потому что ночь стояла теплая и погожая. Издали слышался стукъ оружія, людскіе голоса, фырканье коней и пѣсни. Посѣтители заѣзжаго двора удивились,—время было уже позднее, и луна высоко стояла на небѣ. Хозяинъ вышелъ наружу, но не успѣли гости выпить до дна послѣдней кружки, какъ онъ поспѣшно прибѣжалъ назадъ и крикнулъ:

— Дворъ какой-то ѣдетъ.

Спустя минуту въ дверяхъ показался пажъ въ голубомъ кафтанѣ и красной шапкѣ на головѣ. Онъ остановился, посмотрѣлъ на присутствующихъ и, увидавъ хозяина, сказалъ:

— Вытереть столы и засвѣтить огонь: княгиня Анна Данута остановится здѣсь на ночлегъ.

Сказавъ это, онъ повернулся и ушелъ назадъ. Въ комнатѣ поднялось движеніе; хозяинъ началъ звать челядь, а гости съ недоумѣніемъ посматривали одинъ на другого.

— Княгиня Анна Данута, — сказалъ кмотръ Эйертретеръ, — вѣдь это жена Януша Мазовецкаго. Она уже двѣ недѣли въ Краковѣ, только выѣзжала въ Заторъ къ князю Вацлаву къ гости, а теперь, должно быть, возвращается назадъ.

— Кмотръ Гамротъ, — отвѣтилъ другой горожанинъ, — пойдемъ-ка въ сарай на сѣно,—намъ не по плечу такая компанія.

— Что они ѣдутъ ночью, меня не удивляетъ, — отозвался Мацько,—днемъ жарко; но почему они остановились на заѣзжемъ дворѣ, когда рядомъ монастырь?

Тутъ онъ обратился къ Збышкѣ:

— Родная сестра Рингаллы,—понимаешь?

А Збышко отвѣтилъ:

— И, должно быть, мазовецкихъ панекъ съ нею куча, ай-ай!

II.

Въ это время въ двери вошла княгиня,—женщина среднихъ лѣтъ, съ улыбающимся лицомъ. На ней былъ красный плащъ и узкое зеленое платье, стянутое золотымъ поясомъ, спускающимся вдоль бедеръ и низко застегнутымъ большою пряжкой. За госпожею шли придворныя панны, и старыя и еще подростки, съ розовыми и лиловыми вѣнками на головахъ и съ лютнями въ рукахъ. Были и такія, которыя держали въ рукахъ пучки свѣжихъ цвѣтовъ, видимо только что собранныхъ по дорогѣ. Комната наполнилась, по-

тому что за паннами показалось множество дворянъ и малыхъ мальчиковъ. Всѣ вошли весело, съ веселыми лицами, съ громкими рѣчами, съ пѣснями, какъ бы упоенные погожею ночью и яркимъ свѣтомъ мѣсяца. Въ числѣ дворянъ было двое рибальтовъ *), одинъ съ лютней, другой—съ гуслями у пояса. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати несла за княгиней тоже лютню, но маленькую, изукрашенную мѣдными гвоздями.

— Да будетъ прославлено имя Іисуса Христа!— сказала княгиня, останавливаясь посредине комнаты.

— Во вѣки вѣковъ, аминь,—отвѣтили присутствующіе, отвѣшивая низкіе поклоны.

— А гдѣ хозяинъ?

Нѣмецъ, услышавъ зовъ, выступилъ впередъ и преклонилъ колѣна по нѣмецкому обычаю.

— Мы остановимся здѣсь отдохнуть и подкрѣпиться,—сказала княгиня.—Да поскорѣй, а то мы голодны.

Горожане уже ушли, теперь два мѣстныхъ дворянина, а также Мацько изъ Богданьца и молодой Збышко поклонились во второй разъ и также сбирались оставить комнату, не желая мѣшать двору княгини.

Но княгиня задержала ихъ.

— Вы тоже дворяне,—вы не мѣшаете намъ. Познакомьтесь съ нашими. Откуда Богъ несетъ?

Началось перечисленіе именъ, гербовъ, знаковъ и деревень, откуда кто происходилъ. Узнавъ отъ Мацько, откуда онъ возвращается, княгиня захлопала въ ладоши и сказала:

— Какъ хорошо это случилось! Говорите мнѣ о Вильнѣ, о моемъ братѣ и сестрѣ. Пріѣдетъ сюда князь Витольдъ на родины королевы и на крестины?

— Онъ хотѣлъ бы, но не знаетъ, можно ли ему будетъ пріѣхать, поэтому послалъ впередъ съ ксендзами и боярами серебряную колыбель въ даръ королевѣ. Въ дорогѣ и мы съ племянникомъ охраняли колыбель.

— Она здѣсь? мнѣ хотѣлось бы видѣть ее. Вся серебряная?

— Вся серебряная, но ея здѣсь нѣтъ. Ее уже повезли въ Краковъ.

— А вы что дѣлаете въ Тыньцѣ?

— Мы остановились, чтобы повидаться съ нашимъ родствен-

---

*) Итальянское *ribaldo*, *rubaldo*, дьячокъ, псаломщикъ. Въ Польшѣ рибальты разносили по странѣ историческія и народныя пѣсни.

никомъ, монастырскимъ прокуроромъ, и отдать на сохраненіе святымъ отцамъ то, что удалось взять на войнѣ и чѣмъ насъ одарилъ князь.

— Значитъ, Богъ послалъ вамъ счастье. Большая добыча? Но скажите, почему братъ не увѣренъ, пріѣдетъ ли онъ?

— Онъ готовитъ походъ на татаръ.

— Знаю я это. Только одно меня удручаетъ,— королева не предвѣщаетъ счастливаго конца этому походу, а что она предскажетъ, то всегда сбывается.

Мацько улыбнулся.

— Королева наша благочестива, спора нѣтъ, но съ княземъ Витольдомъ пойдетъ множество нашихъ рыцарей, крѣпкихъ мужей, съ которыми не легко сравиться.

— А вы не пойдете?

— Я былъ посланъ съ колыбелью, а кромѣ того пять лѣтъ не снималъ съ себя панцыря,—отвѣтилъ Мацько, указывая на полосы, образовавшіеся на его кожаномъ кунтушѣ,—но какъ отдохну, то пойду и я, а если самъ не пойду, то племянника своего, Збышка, отдамъ пану Спышку изъ Мельштына. Подъ его начальствомъ и всѣ наши рыцари пойдутъ.

Княгиня Данута посмотрѣла на статную фигуру Збышка, хотѣла было что-то сказать, но тутъ явился монахъ изъ монастыря и, послѣ привѣтствія, началъ кротко упрекать ее, что она не прислала гонца съ увѣдомленіемъ о своемъ пріѣздѣ и не остановилась въ монастырѣ, а на простомъ заѣзжемъ дворѣ, недостойномъ ея сана. Въ монастырѣ нѣтъ недостатка въ домахъ и постройкахъ, гдѣ всякій, даже самый простой человѣкъ найдетъ гостепріимство, не говоря уже о сановныхъ лицахъ, въ особенности о супругѣ князя, предки и родственники котораго всегда осыпали ихъ аббатство благодѣяніями.

Но княгиня весело отвѣтила:

— Мы сюда вступили только отдохнуть немного, а утромъ намъ нужно ѣхать въ Краковъ. Выспались мы днемъ и ѣдемъ ночью ради прохлады. Пѣтухи уже начали пѣть, и я не хотѣла будить благочестивую братію, въ особенности съ такою компаніей: они больше думаютъ о пѣсняхъ и пляскахъ, чѣмъ о душевномъ спокойствіи.

Монахъ все настаивалъ, и тогда княгиня прибавила:

— Нѣтъ. Мы ужъ здѣсь останемся. Время за мірскими пѣснями пройдетъ у насъ весело, а къ утрени мы поспѣемъ въ костелъ, чтобы начать день съ Богомъ.

— Мы отслужимъ обѣдню за здравіе милостиваго князя и ваше, милостивая княгиня,—сказалъ монахъ.

— Князь, мой супругъ, пріѣдетъ сюда только черезъ четыре или черезъ пять дней.

— Господь Богъ и издали пошлетъ ему свое благословеніе, а тѣмъ временемъ да дозволено будетъ намъ, убогимъ, прислать сюда хоть вина изъ монастырскихъ погребовъ.

— Мы съ радостью отблагодаримъ,—сказала княгиня и, когда монахъ ушелъ, крикнула:

— Дануся, Дануся! влѣзай на скамью и увесели наше сердце тою пѣсней, что, помнишь, ты напѣвала въ Заторѣ.

Дворяне быстро выдвинули скамью на середину комнаты. Рибальты сѣли по краямъ, а между ними помѣстилась дѣвочка, которая несла за княгиней лютню, изукрашенную мѣдными гвоздиками. На ней было голубое платье и красные башмаки съ длинными носками, а на головѣ красовался вѣнокъ. Стоя на скамьѣ, она казалась малымъ ребенкомъ, но прелестнымъ,—точно какая-то статуя изъ костела. Видимо, ей не въ первый разъ приходилось стоять на скамьѣ и пѣть въ присутствіи княгини,—въ ней не было видно ни малѣйшаго смущенія.

— Начинай, Дануся, начинай!—заговорили придворныя панны.

Дануся протянула впередъ лютню, подняла кверху голову, какъ птица, которая хочетъ пѣть, закрыла глаза и начала серебристымъ голоскомъ:

«Еслибъ далъ мнѣ крылья
Богъ какъ вольной птицѣ,
Я бы полетѣла
Къ Ясю на чужбину».

Рибальты тотчасъ же подхватили ея пѣсню, одинъ на гусляхъ, другой—на лютнѣ.

Княгиня, которая больше всего любила мірскія пѣсни, начала покачивать головою, а дѣвочка пѣла дальше, тоненькимъ, дѣтскимъ голоскомъ, свѣжимъ, какимъ поютъ весною въ лѣсу птицы:

«На плетнѣ усѣвшись,
Я бы щебетала:
Посмотри, Ясенько,
На меня сиротку».

Рибальты вновь заиграли. Молодой Збышко изъ Богданьца, который съ дѣтства привыкъ къ войнѣ и ея жестокости, и ничего

подобнаго не видалъ въ жизни, толкнулъ въ плечо стоящаго рядомъ мазура и спросилъ:

— Кто это такая?

— Дѣвочка изъ свиты княгини. У насъ нѣтъ недостатка въ рибальтахъ, которые увеселяютъ дворъ, но она лучше всѣхъ, и княгиня ничьихъ пѣсенъ съ такою жадностью не слушаетъ.

— Меня это не удивляетъ. Мнѣ показалось, что это совсѣмъ ангелъ, я насмотрѣться не могу. А какъ ее зовутъ?

— Развѣ ты не слыхалъ? Дануся. Ея отецъ Юрандъ изъ Спыхòва, могущественный и храбрый комесъ.

— Такой и глаза человѣческіе не видали.

— Ее всѣ любятъ и за пѣніе и за красоту.

— А кто ея рыцарь?

— Да она еще ребенокъ.

Дальнѣйшій разговоръ прервало пѣніе Дануси. Збышко сбоку смотрѣлъ на ея свѣтлые волосы, на поднятую кверху голову, на полузакрытые глаза, на фигуру, освѣщенную и блескомъ восковыхъ свѣчей, и луннымъ свѣтомъ, врывающимся въ открытое окно, и приходилъ все въ большее изумленіе. Ему казалось, что онъ уже видѣлъ ее когда-то, но забылъ гдѣ,—не то во снѣ, не то въ Краковѣ, на стеклѣ церковнаго окна.

И, снова дотронувшись до дворянина, онъ спросилъ тихимъ голосомъ:

— Она не изъ вашихъ придворныхъ?

— Ея мать пріѣхала изъ Литвы съ княгиней Анной Данутой, а та выдала ее замужъ за графа Юранда изъ Спыхòва. Дѣвушка была красивая, изъ знатнаго рода; княгиня любила ее больше, чѣмъ всѣхъ другихъ паненъ, и она тоже любила княгиню. Поэтому ея дочери дали тоже самое имя—Анна Данута. Но пять лѣтъ тому назадъ, когда нѣмцы напали на насъ при Злоторыѣ, она умерла отъ страха. Тогда княгиня взяла къ себѣ дѣвочку и съ тѣхъ поръ воспитываетъ ее. Отецъ также часто пріѣзжаетъ ко двору и радуется, что его дочка здорова и живетъ въ милости у княгини. Одно только, какъ посмотритъ на нее, такъ и зальется слезами,—покойницу свою вспомнитъ,—а потомъ возвращается отомщевать на нѣмцахъ свою обиду лютую. Онъ такъ любилъ свою жену, какъ до той поры никто не любилъ во всей Мазовіи, и страсть сколько нѣмцевъ положилъ за нее.

Глаза Збышка сразу вспыхнули, жилы на лбу налились кровью.

— Такъ нѣмцы ея мать убили?— спросилъ онъ.

— Убили и не убили. Она сама умерла отъ страха. Пять лѣтъ

тому назадъ миръ былъ, никто о войнѣ не думалъ и всѣ ходили безъ опаски. Поѣхалъ князь въ Злоторый одну башню строить, безъ войска, только со свитой, какъ бываетъ и въ мирное время. Тѣмъ временемъ измѣнники нѣмцы напали на насъ, безъ объявленія войны, безъ всякой причины... Самого князя, позабывъ страхъ Божій и то, что они были облагодѣтельствованы его предками, привязали къ коню и похитили, людей нашихъ перебили. Долго князь сидѣлъ у нихъ въ неволѣ и только когда король Владиславъ погрозилъ имъ войною, испугались и отпустили его. Вотъ при этомъ нападеніи и умерла мать Дануси,—сердце ея подошло къ горлу и задушило ее.

— А вы были при этомъ? Скажите, какъ ваше имя?—я позабылъ.

— Зовутъ меня Николай изъ Длуголяса, а прозвище мое—Обухъ. При нападеніи я былъ, видѣлъ, какъ мать Дануси одинъ нѣмецъ съ павлиньими перьями на шлемѣ хотѣлъ приторочить къ сѣдлу, и какъ она сразу вся побѣлѣла. Меня самого полоснули алебардой,—знакъ и до сихъ поръ остался.

Онъ указалъ на широкій шрамъ, который тянулся отъ волосъ до брови.

Наступила минута молчанія. Збышко долго смотрѣлъ на Данусю, потомъ спросилъ у своего сосѣда:

— Вы сказали, что у нея нѣтъ рыцаря?

Но отвѣта онъ не дождался, потому что въ ту же минуту пѣсня смолкла. Одинъ изъ рибальтовъ, человѣкъ толстый и тяжелый, приподнялся сразу, вслѣдствіе чего скамья наклонилась въ одну сторону. Дануся покачнулась, взмахнула руками, но прежде, чѣмъ могла упасть или соскочить, Збышко, какъ дикій котъ, бросился къ ней и подхватилъ ее на руки.

Княгиня въ первую минуту крикнула было со страха, но потомъ весело разсмѣялась и проговорила:

— Вотъ рыцарь Дануси! Подойди-ка сюда, молодой рыцарь и отдай намъ нашу милую пѣвунью!

Збышко пошелъ по направленію къ княгинѣ, держа на рукахъ Данусю, которая одною рукою обнимала его за шею, а другою высоко поднимала кверху лютню изъ опасенія, какъ бы не сломать ее. Лицо ея было радостное и улыбающееся, хотя тѣнь испуга еще не сошла съ него.

Збышко, дойдя до княгини, поставилъ передъ нею Данусю, а самъ сталъ на колѣна, и, поднявъ голову, проговорилъ съ неожиданной для его возраста смѣлостью:

— Да будетъ по вашимъ словамъ, милостивая госпожа! Пора этой прекрасной паннѣ имѣть своего рыцаря, пора и мнѣ имѣть свою даму, красоту и добродѣтели которой я буду провозглашать повсюду. И вотъ, съ вашего разрѣшенія я хочу принести ей свой обѣтъ и оставаться ей вѣрнымъ до смерти, какія бы приключенія меня ни встрѣтили.

По лицу княгини промелькнуло изумленіе, но не отъ словъ Збышка, а отъ того, что все это произошло такъ внезапно. Рыцарскій обычай давать обѣтъ дамѣ былъ не польскаго происхожденія, но Мазовія, лежащая на нѣмецкой границѣ и видавшая рыцарей даже изъ самыхъ дальнихъ странъ, знала его хорошо и довольно часто прибѣгала къ нему. Княгиня слышала о немъ давно, еще при дворѣ своего великаго отца, гдѣ всѣ западные обычаи считались за законъ и образецъ для благородныхъ воиновъ,—поэтому въ желаніи Збышка не нашла ничего такого, что бы могло оскорбить ее или Данусю. Напротивъ, она обрадовалась, что милая ея сердцу дѣвочка начинаетъ привлекать къ себѣ очи и вниманіе рыцарей.

И, съ довольнымъ лицомъ, она обратилась къ своей любимицѣ:

— Дануся, Дануся! Хочешь ли имѣть своего рыцаря?

Дануся въ три прыжка очутилась около княгини, обхватила ее руками за шею и закричала съ такою радостью, какъ будто ей обѣщали забаву, которою могутъ пользоваться только старшіе:

— Хочу, хочу, хочу!

Княгиня хохотала до слезъ и, только освободившись изъ объятій Дануси, сказала Збышку:

— Ну, давай обѣтъ, давай! Въ чемъ-то ты ей поклянешься?

Но Збышко, который среди всеобщаго смѣха сохранилъ непоколебимую важность, также серьезно заговорилъ, не вставая съ колѣнъ:

— Клянусь, что прибывъ въ Краковъ, я повѣшу на стѣнѣ заѣзжаго дома щитъ, а на немъ вызовъ, который искусный въ письмѣ клирикъ составитъ какъ надлежитъ, что панна Данута Юрандъ самая прекрасная и самая добродѣтельная изъ дѣвицъ всего міра. А кто будетъ противорѣчить этому, съ тѣмъ я буду сражаться до тѣхъ поръ, пока не погибну, или онъ не погибнетъ.

— Хорошо! Видно, что ты знаешь рыцарскій обычай. А что еще?

— Еще,—узнавши отъ пана Николая изъ Длуголяса, что мать панны Юрандъ испустила послѣднее дыханіе по милости нѣмца съ павлиньимъ гребнемъ на шлемѣ, я обѣщаюсь по голому тѣлу опоясаться конопляною веревкой, и хотя бы она врѣзалась мнѣ до ко-

стей, до тѣхъ поръ не снимать ее, пока я не сорву трехъ такихъ гребней съ нѣмецкихъ шлемовъ, побивая передъ этимъ рыцарей, и не сложу ихъ у ногъ моей госпожи.

Княгиня сдѣлалась серьезна и спросила:

— Ты не для смѣха ли клянешься?

Збышко отвѣтилъ:

— Да поможетъ мнѣ Богъ и Святой Крестъ. Обѣтъ мой я повторю въ костелѣ передъ ксендзомъ.

— Похвально бороться съ лютыми врагами нашего племени, но мнѣ тебя жаль: ты молодъ и легко можешь погибнуть.

До сихъ поръ Мацько изъ Богданьца только пожималъ плечами, но теперь нашелъ приличнымъ вмѣшаться въ бесѣду.

— Что касается этого, то не тревожьтесь, милостивая госпожа. Смерть грозитъ въ битвѣ каждому, а для воина, молодой ли онъ, или старый, это почетъ. Но война не чужда моему племяннику; хотя лѣтъ ему немного, а все-таки ему приходилось сражаться верхомъ и пѣшимъ, на копьяхъ и на топорахъ, длинными или короткими мечами, со щитомъ и безъ щита. Это новый обычай, что рыцарь даетъ обѣтъ паннѣ, которую видитъ въ первый разъ, но что Збышко обѣщалъ своей паннѣ три павлиньихъ гребня, этого я ему въ вину не ставлю. Онъ уже билъ нѣмцевъ, пусть еще попробуетъ, пусть отъ этого еще пара череповъ треснетъ,—славы ему еще больше прибудетъ.

— Я вижу, мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-нибудь мальчишкой,—отвѣтила княгиня и обратилась къ Данусѣ:

— Садись на мое мѣсто,—ты теперь первая особа. Только не смѣяться, это негодится.

Дануся усѣлась на мѣсто княгини и хотѣла было придать себѣ важный видъ, но глаза ея такъ и смѣялись, глядя на колѣнопреклоненнаго Збышка, а ноги сами такъ и двигались отъ радости.

— Дай ему перчатки,—сказала княгиня.

Дануся протянула перчатки. Збышко почтительно взялъ ихъ и, прижимая къ своимъ губамъ, сказалъ:

— Я пришпилю ихъ къ своему шлему, а кто потянется за ними—горе тому! Потомъ онъ поцѣловалъ руку и ногу Дануси и всталъ. Но тутъ прежняя важность покинула его, а сердце наполнилось великою радостью, что отнынѣ онъ при этомъ дворѣ будетъ считаться зрѣлымъ мужемъ, и, потрясая перчатками Дануси, онъ крикнулъ полурадостно, полузапальчиво:

— Милости просимъ, собачьи сыны съ павлиньими перьями! милости просимъ!

Въ это время въ комнату вошелъ тотъ самый монахъ, который былъ уже раньше, а съ нимъ еще двое братьевъ, постарше. За ними монастырскіе слуги несли ивовыя корзины съ винными баклагами и различными закусками, наскоро собранными. Старшіе монахи, послѣ привѣтствій опять начали упрекать княгиню, что она не пріѣхала въ аббатство, а княгиня опять стала объяснять, что она и ея дворъ выспались днемъ и ѣдутъ ночью ради прохлады, что отдыха ей не нужно, и что, не желая безпокоить святого аббата и достойную братію, она предпочла остановиться на заѣзжемъ дворѣ.

Послѣ множества любезныхъ словъ порѣшено было на томъ, что послѣ утрени и ранней обѣдни княгиня приметъ завтракъ и отдохнетъ въ монастырѣ. Вѣжливые монахи пригласили вмѣстѣ съ мазурами браковскихъ дворянъ и Мацька. У него и такъ было намѣреніе отправиться въ аббатство, чтобы оставить тамъ все добытое на войнѣ ими отъ щедротъ Витольда и предназначенное для выкупа Богданьца. Но молодой Збышко не слыхалъ приглашенія,— онъ со всѣхъ ногъ бросился къ своимъ телѣгамъ, стоящимъ подъ надзоромъ слугъ, чтобы переодѣться и предстать передъ княгиней и Данусей въ болѣе пристойной одеждѣ. Онъ приказалъ перенести вещи изъ телѣги въ людскую избу и началъ переодѣваться. Подвивъ поспѣшно волоса, онъ прикрылъ ихъ шелковою сѣткой, унизанной сзади янтарными бусами, а спереди настоящимъ жемчугомъ, потомъ надѣлъ бѣлый шелковый кафтанъ, расшитый золотыми грифами и обрамленный внизу оторочкою, и подпоясался двойнымъ золоченымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ кортикъ, оправленный серебромъ и слоновою костью. Все это было ново, блестѣло и совсѣмъ не было забрызгано кровью, хотя составляло добычу, взятую у молодого фризскаго рыцаря, служившаго крестоносцемъ. Потомъ Збышко натянулъ чудеснѣйшіе штаны,— одна штанина состояла изъ красныхъ и зеленыхъ продольныхъ полосъ, другая— изъ фіолетовыхъ и желтыхъ,—и все это заключалось наверху широкими клѣтчатыми сборками. Оставалось надѣть еще пурпуровые башмаки съ длинными носками и Збышко, красивый, разряженный, направился въ общую комнату.

И, дѣйствительно, лишь только онъ остановился въ дверяхъ, какъ его видъ произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Княгиня поняла теперь, какой красивый рыцарь отдалъ себя на служеніе Дануси, и еще больше обрадовалась, а Дануся тотчасъ же, какъ серна, бросилась къ Збышку. Но красота молодого человѣка и удивленные голоса придворныхъ задержали ее. Она остановилась,

не дойдя до него одного шага, и опустила глаза, покраснѣвшая и смѣшавшаяся. Вслѣдъ за ней приблизились и другіе,—сама госпожа, придворные и придворныя, и рибальты и монахи,—всѣмъ хотѣлось получше разсмотрѣть Збышко. Мазовецкія панны смотрѣли на него какъ на картину, и всякая жалѣла, что онъ не ее избралъ своею дамой, тѣ, которыя постарше, дивились цѣнности наряда, а Збышко стоялъ по серединѣ съ хвастливою улыбкой на своемъ молодомъ лицѣ и повертывался на мѣстѣ, чтобъ его получше разсмотрѣли.

— Кто это?—спросилъ одинъ изъ монаховъ.

— Племянникъ вонъ того рыцаря,—сказала княгиня, указывая на Мацько,—онъ только что сейчасъ произнесъ обѣтъ Данусѣ.

Монахи не выказали удивленія, потому что такой обѣтъ не обязывалъ ни къ чему. Обѣты часто давались женщинамъ замужнимъ, а въ знатныхъ родахъ, знакомыхъ съ западными обычаями, почти у каждой дамы былъ свой рыцарь. Если же рыцарь давалъ обѣтъ дѣвушкѣ, то вслѣдстіе этого отнюдь не становился ея женихомъ,—напротивъ, она чаще всего избирала другого мужа, а онъ, поскольку у него хватало постоянства, не переставалъ быть ей вѣрнымъ, но женился на другой.

Немного болѣе удивлялъ монаховъ юный возрастъ Дануси, да и то не особенно, потому что въ тѣ времена шестнадцатилѣтніе подростки бывали каштелянами. Сама великая королева Ядвига, въ минуту своего пріѣзда изъ Венгріи, насчитывала только пятнадцать лѣтъ, а тринадцатилѣтнія дѣвочки часто шли замужъ. Наконецъ, въ эту минуту больше смотрѣли на Збышка, чѣмъ на Дануся, и прислушивались къ словамъ Мацька, который, гордясь своимъ племянникомъ, разсказывалъ, какимъ образомъ онъ добылъ такое цѣнное платье.

— Годъ и девять недѣль тому назадъ,—говорилъ Мацько,—саксонскіе рыцари пригласили насъ въ гости. Былъ у нихъ въ гостяхъ также нѣкій рыцарь изъ далекой Фризской земли, что лежитъ тамъ, у моря, и сынъ его былъ года на три старше Збышка. Разъ на пиру этотъ сынъ началъ непристойно разговаривать со Збышкомъ, что у него ни усовъ нѣтъ, ни бороды. Збышко,—онъ у меня горячій,—не могъ спокойно слушать это, схватилъ его губу и всѣ волосы изъ нея вырвалъ,—вотъ мы потомъ и бились на смерть или на неволю.

— Какъ это—*вы* бились?—спросилъ рыцарь изъ Длуголяса.

— Отецъ вступился за сына, а я за Збышка. Бились мы вчетверомъ, въ присутствіи гостей, на утоптанной землѣ. Договоръ мы

заключили такой, что кто побѣдитъ, тотъ беретъ и телѣги, и коней, и слугъ побѣжденнаго. И Богъ помогъ намъ. Побили мы фризовъ, хотя и съ немалымъ трудомъ, ибо у нихъ ни въ мужествѣ, ни въ силѣ недостатка не было, а добычу мы взяли знаменитую: телѣгъ было четыре и четыре огромныхъ жеребца, и слугъ девять, и двое воинскихъ доспѣховъ, какихъ у насъ мало найдешь. Шлемы, правда, въ бою мы немного помяли, но Господь Богъ насъ въ другомъ утѣшилъ, потому что дорогихъ одеждъ былъ цѣлый кованый сундукъ, и та, въ которую теперь Збышко нарядился, была тамъ же.

Два краковскихъ дворянина и всѣ мазуры съ большимъ уваженіемъ начали смотрѣть на дядю и племянника, а панъ изъ Длуголяса, по прозвищу Обухъ, сказалъ:

— Вижу я, народъ вы крѣпкій, теперь можно повѣрить, что племянникъ вашъ добудетъ три павлиньихъ гребня!

Мацько смѣялся. Дѣйствительно, въ его наружности было что-то хищное.

Тѣмъ временемъ монастырскіе слуги достали изъ ивовыхъ корзинъ вино и закуски, а прислуга притащила миски, наполненныя дымящейся яичницей, окруженной колбасами, отъ которыхъ по комнатѣ распространился вкусный запахъ свиного сала. Всѣ двинулись къ столамъ.

Княгиня сѣла посрединѣ и приказала Збышку и Данусѣ занять мѣсто напротивъ.

— Слѣдуетъ, — сказала она, — чтобы вы съ Данусей ѣли изъ одной миски, но ты не наступай ей на ноги и не дотрогивайся колѣнами ея колѣнъ, какъ дѣлаютъ другіе рыцари, — она еще слишкомъ молода.

Збышко отвѣтилъ:

— Я не буду дѣлать этого, милостивая госпожа, развѣ черезъ два или черезъ три года, когда Богъ дозволитъ мнѣ исполнить свой обѣтъ, а наступать ей на ноги я, еслибъ и хотѣлъ, не могу, потому что они болтаются въ воздухѣ.

— Правда, — сказала княгиня, — пріятно видѣть, что ты знаешь хорошіе обычаи.

Воцарилось молчаніе, потому что всѣ принялись за ѣду. Збышко отрѣзывалъ самые жирные куски колбасы и подавалъ ихъ Данусѣ, а дѣвочка улыбалась и ему, и княгинѣ.

Монастырскіе слуги начали наливать сладкое и душистое вино, — рыцарямъ въ изобиліи, дамамъ понемногу, но любезность Збышка въ особенности проявилась тогда, когда принесли полныя чашки присланныхъ изъ монастыря орѣховъ. Были и простые, были и

рѣдкіе въ то время, потому что ихъ привозили издалека, волошскіе, на которые и набросились всѣ пирующіе. Но напрасно бы кто подумалъ, что Збышко помышлялъ только о себѣ; онъ предпочиталъ скорѣе доказать княгинѣ и Данусѣ свою рыцарскую силу и воздержность, чѣмъ унизить себя въ ихъ глазахъ жадностью. Забирая полную горсть орѣховъ, онъ сжималъ ихъ въ своихъ желѣзныхъ пальцахъ, выбиралъ изъ скорлупы зерна и подавалъ ихъ Данусѣ. Онъ выдумалъ даже для нея забаву и, поднося ко рту ладонь, могучимъ дыханіемъ подбрасывалъ скорлупу до потолка. Дануся смѣялась такъ, что княгиня, боясь, какъ бы дѣвочка не задохнулась, приказала прекратить эту забаву, но, видя довольное лицо дѣвочки, спросила:

— А что, Дануся, хорошо имѣть своего рыцаря?

— О, хорошо! — отвѣтила дѣвочка.

И потомъ, протянувъ свой розовый пальчикъ, она дотронулась было до бѣлой шелковой одежды Збышка, но тотчасъ же отдернула его и спросила:

— А завтра онъ также будетъ мой?

— И завтра, и въ воскресенье,—до самой смерти,—отвѣтилъ Збышко.

Ужинъ затянулся; подали сладкіе пирожки съ начинкой изъ изюма. Инымъ дворянамъ хотѣлось танцовать, другіе желали бы слушать пѣніе рибальтовъ или Дануси, но у Дануси глаза такъ и слипались, а голова качалась то въ ту, то въ другую сторону. Она еще разъ протерла глаза и, съ великимъ довѣріемъ преклонивъ голову къ плечу своего рыцаря, уснула.

— Спитъ? — спросила княгиня. — Вотъ тебѣ твоя «дама».

— Она для меня милѣе, когда спитъ, чѣмъ другая, когда танцуетъ, — отвѣтилъ Збышко, сидя прямо, чтобы не разбудить дѣвочку.

Но ее не разбудила даже музыка и пѣніе рибальтовъ. Рыцари притопывали въ тактъ музыкѣ или брянчали мисками, но чѣмъ шумъ былъ больше, тѣмъ дѣвочка спала крѣпче.

Проснулась она лишь тогда, когда при пѣніи пѣтуховъ и колокольномъ звонѣ всѣ поднялись со скамей.

— Мы пойдемъ пѣшкомъ, во славу Бога,— сказала княгиня и, взявъ за руку проснувшуюся Данусю, вышла первая изъ комнаты, а за нею высыпалъ весь дворъ.

Ночь уже побѣлѣла. На востокѣ виднѣлась полоса, розовая внизу, зеленоватая вверху, а подъ ней какъ бы узкая золотая лента, которая постепенно все расширялась. На западѣ мѣсяцъ

точно отступалъ передъ нарождающимся свѣтомъ. Свѣтъ разливался все ярче. Міръ просыпался влажный отъ обильной росы, радостный и подкрѣпленный сномъ.

— Богъ далъ погоду, но жара будетъ страшная, — говорили дворяне княгини.

— Это ничего, — успокоивалъ ихъ рыцарь изъ Длуголяса,— мы выспимся въ аббатствѣ, а въ Краковъ пріѣдемъ передъ вечеромъ.

— Навѣрное, опять на пиръ.

— Теперь тамъ каждый день пиры, а послѣ родинъ и турнировъ будутъ еще болѣе пышные.

— Посмотримъ, какъ покажетъ себя Данусинъ рыцарь.

— Э, они народъ здоровый!... Вы слышали, что они говорили о четверномъ поединкѣ?

— Можетъ быть, присоединятся къ нашему двору, — видите, совѣщаются другъ съ другомъ.

Они, дѣйствительно, совѣщались. Старый Мацько не особенно радовался тому, что произошло, нарочно отсталъ отъ толпы и теперь говорилъ племяннику:

— Правду сказать, ничего для тебя изъ этого не выйдетъ. Я-то какъ-нибудь протискаюсь къ королю, хотя бы съ этимъ дворомъ,— можетъ быть, мы что-нибудь и получимъ. Страшно мнѣ хотѣлось бы какой-нибудь замокъ или городокъ... Ну, да увидимъ. Богданецъ, само собою, выкупимъ отъ залога,— чѣмъ отцы наши владѣли, тѣмъ и намъ владѣть надлежитъ. Но откуда взять крестьянъ? Кого аббатъ поселилъ, того и назадъ возьметъ, а земля безъ крестьянъ ничего не стоитъ. Теперь сообрази-ка, что я тебѣ скажу: ты давай, не давай обѣты кому хочешь, а все-таки тебѣ съ Мельштынскимъ паномъ идти къ Витольду, а оттуда на татаръ. Если протрубятъ на войну передъ родинами королевы, тебѣ нельзя будетъ ждать рыцарскихъ состязаній, а нужно идти, — тамъ можно найти выгоду. Князь Витольдъ, самъ знаешь, какой щедрый, а тебя, кромѣ того, онъ уже знаетъ. За всякую услугу богато одаритъ. А наипаче всего, пошлетъ Богъ, невольниковъ наберешь безъ числа. Татаръ на бѣломъ свѣтѣ что муравьевъ. Въ случаѣ побѣды достанется штукъ по шестидесяти на брата.

И Мацько,—онъ былъ жаденъ на землю и любилъ хозяйство,— началъ мечтать:

— Боже ты мой! Пригнать полсотни человѣкъ и поселить въ Богданьцѣ! Порядочный кусокъ лѣса расчистили бы. Мы вотъ бы

какъ высоко поднялись! А ты знай, что нигдѣ столько не наберешь, сколько можно набрать тамъ.

Но Збышко отрицательно покачалъ головой.

— Ну да! Конюховъ нагнать, тѣхъ, которые живутъ конскою падалью, а съ полемъ обращаться не умѣютъ. Къ чему они пригодятся въ Богданьцѣ?... А притомъ я обѣщалъ три нѣмецкихъ гребня. Гдѣ же я найду ихъ между татаръ?

— Обѣщалъ потому, что ты глупъ,—таковъ и твой обѣтъ.

— А моя воинская и рыцарская честь... какъ съ нею быть?

— А какъ было съ Рингаллой?

— Рингалла отравила князя, и пустынникъ освободилъ меня отъ обѣта.

— Такъ тебя и теперь здѣшній аббатъ освободитъ. Аббатъ-то все получше пустынника,— тотъ больше на разбойника смахиваетъ, чѣмъ на аббата.

— А коли я не хочу.

Мацько остановился и спросилъ съ видимымъ гнѣвомъ:

— Ну, такъ какъ же будетъ?

— Поѣзжайте одни къ Витольду, потому что я не поѣду.

— Ахъ, ты, неучъ! А кто королю поклонится?... И не жаль тебѣ моихъ костей?

— Если на ваши кости дерево свалится, такъ и то ихъ не поломаетъ. Да хотя бы мнѣ и было васъ жаль, не хочу я ѣхать къ Витольду.

— Что же ты будешь дѣлать? Въ сокольничьи или рибальты къ мазовецкому двору поступишь?

— А развѣ сокольничьимъ быть плохо? Если вы хотите ворчать, а не слушать что я говорю, то ворчите.

— Куда же ты поѣдешь? Богданець-то тебѣ, видно, ничего не значитъ? Ногтями будешь пахать землю? Безъ крестьянъ?

— Не правда! Ловко вы придумали насчетъ татаръ! Слышали вы, что русины говорятъ? что татаръ найдешь столько, сколько ихъ на полѣ лежитъ, а невольника никто не поймаетъ, потому что за татариномъ въ степи не угоняешься. Да и на чемъ я буду гоняться за ними? На нашихъ, что ли, тяжелыхъ коняхъ, которыхъ мы отбили у нѣмцевъ? Вотъ оно что! А добыча какая? Паршивые кожухи и ничего больше. Вотъ богачомъ-то я въ Богданець пріѣду! пожалуй, комесомъ назовутъ!

Мацько замолчалъ, потому что въ словахъ Збышка было много правды, и только немного погодя проговорилъ:

— А князь Витольдъ наградилъ бы тебя.

— Вы сами знаете, одному онъ даетъ ужъ черезчуръ много, другому ничего.

— Такъ говори, куда ты поѣдешь.

— Къ Юранду изъ Спыхова.

Мацько отъ злости стиснулъ поясъ на своемъ кожаномъ кафтанѣ и сказалъ:

— Ты обезумѣлъ, кажется, Боже упаси!

— Послушайте,—спокойно отвѣтилъ Збышко.—Я толковалъ съ Николаемъ изъ Длуголяса, и онъ говоритъ, что Юрандъ мститъ нѣмцамъ за жену. Я пойду помогать ему. Во-первыхъ, вы сами же сказали, что мнѣ ужъ не въ диковинку сходиться съ нѣмцами, потому что я ихъ знаю, и знаю, какъ обращаться съ ними. Во-вторыхъ, я возлѣ границы легче добуду павлиньи гребни, а въ-третьихъ, знайте, что павлиній гребень не кнехты какіе-нибудь носятъ на шляпахъ, и если Господь Богъ благословитъ мнѣ достать гребни, то благословитъ и добычей. Наконецъ, тамошній невольникъ не татаринъ. Такого посадить въ лѣсу—вотъ это дѣло.

— Да ты, парень, умомъ, должно быть, рехнулся: теперь и войны нѣтъ, и Богъ вѣсть, когда будетъ.

— Охъ, вы, милый мой! Заключили медвѣди миръ съ овцами и пасѣкъ не портятъ, и меду не ѣдятъ! Ха-ха-ха! А это въ новинку вамъ, что хотя большія войска не воюютъ, и хотя король съ магистромъ на пергаментѣ печати положатъ, на границѣ всегда страшная мутъ? За каждую отбитую корову и деревни сжигаютъ, и замки осаждаютъ. А мужиковъ и бабъ не похищаютъ? а купцовъ на большихъ дорогахъ не грабятъ? Вспомните, что вы мнѣ сами разсказывали о давнишнихъ временахъ. Плохо было тому Наленчу, который сорокъ рыцарей, что ѣхали къ крестоносцамъ, схватилъ, посадилъ въ подземелье и до тѣхъ поръ не выпускалъ, пока магистръ не прислалъ цѣлый возъ гривенъ? А Юрандъ изъ Спыхова ничего другого не дѣлаетъ и на границѣ всегда готова работа.

Съ минуту они шли въ молчаніи. Теперь совсѣмъ разсвѣло, и ясные лучи солнца падали на скалы, на которыхъ было выстроено аббатство.

— Богъ вездѣ можетъ послать счастье,— наконецъ, сказалъ смягчившимся голосомъ Мацько,—проси, чтобъ Онъ благословилъ тебя.

— Это вѣрно, что повсюду Его милосердіе.

— И думай о Богданьцѣ. Ты меня не разувѣришь, что ты не ради Богданьца хочешь ѣхать къ Юранду изъ Спыхова, а ради этого дрянного утенка.

— Не говорите такъ, а то я разсержусь. Мила она мнѣ, и я въ этомъ не запираюсь, да и теперешній мой обѣтъ не таковъ, какой я далъ Рингаллѣ. А красоту-то ея вы замѣтили?

— Что мнѣ въ ея красотѣ! Лучше женись на ней, какъ она подрастетъ,— все-таки дочь сильнаго комеса.

Лицо Збышка прояснилось молодою, доброю улыбкой.

— И то можетъ быть. Ни иной госпожи, ни иной жены! Когда ваши кости устарѣютъ, вы еще будете нашихъ внуковъ няньчить.

Въ свою очередь улыбнулся и Мацько и сказалъ уже совсѣмъ весело:

— Грады! Грады!... пусть ихъ будетъ, какъ граду. На старость радость, а послѣ смерти спасеніе. Пошли, Господи!

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Всеобщее обученіе въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ и школьная сѣть *).

VIII.

Объ отношеніи крестьянъ къ отдѣленіямъ народныхъ школъ мы имѣемъ слѣдующіе отзывы. Благочинный о. Пляшкевичъ пишетъ о Будовскомъ отдѣленіи: «Приближаясь къ образцовому состоянію народной школы, какъ по внутреннему своему виду, такъ и по внѣшнему, и обѣщая отрадное будущее — возможность научиться дѣтямъ крестьянъ элементарнымъ свѣдѣніямъ,— эта школка пользуется поэтому и сочувствіемъ населенія, окружающаго ее и обучающаго въ ней своихъ дѣтей, что выражалось неоднократно въ благодарностяхъ этого населенія основателямъ школки». О томъ же пишетъ и руководитель школки г. Макаровъ. О томъ, что крестьяне довольны Волковскимъ отдѣленіемъ школы, сообщаетъ благочинный о. Бароновъ. То же самое пишетъ о Холмовской школкѣ благочинный о. Черскій, прибавляя, что «крестьянамъ особенно нравится возможность обучать дѣтей по близости отъ своихъ домовъ». Объ отношеніи крестьянъ дер. Кошелева къ мѣстной школкѣ священникъ о. Городскій пишетъ: «отношеніе населенія къ ней, насколько я могъ лично убѣдиться на мѣстѣ, весьма хорошо: крестьяне деревни Кошелева хотятъ къ будущей зимѣ пріобрѣсти для своей школы новое помѣщеніе и единодушно хвалятъ учительскаго помощника». По словамъ учителя-руководителя г. Соболевскаго, эти крестьяне уже сдѣлали денежный сборъ и купили новый срубъ, который въ текущемъ году и будетъ поставленъ для школы. «Крестьяне,— продолжаетъ г. Соболевскій,— очень сочувственно относятся ко мнѣ и къ о. законоучителю за устройство школки; признательность ихъ выражается въ томъ, что они не отказываютъ дѣтямъ въ выпискѣ книгъ, въ покупкѣ бумаги, перьевъ, чернилъ и проч., а также заботятся о доставленіи помощнику полностью положеннаго провіанта и объ отопленіи и освѣщеніи школки».

Не менѣе сочувственно относится мѣстное населеніе и къ Вититневской

*) *Русская Мысль*, кн. I.

филіальной школкѣ. Священникъ о. Мурашкинъ пишетъ о Денисовской школкѣ слѣдующее: «крестьянамъ нравится усидчивость, съ какою учитель занимается съ ихъ дѣтьми. Правда, что сначала,— по словамъ о. Мурашкина,— когда дѣло обученія пошло по-новому, звуковой методъ не всѣмъ понравился, и особенно агитировалъ противъ школки одинъ изъ мѣстныхъ грамотеевъ, недовольный новшествами въ пріемахъ преподаванія.

Когда въ 1888 году, по постановленію ельнинскаго земскаго собранія объ открытіи въ видѣ опыта двухъ отдѣленій при народныхъ школахъ, учителя двухъ сельскихъ училищъ предложили мѣстнымъ крестьянамъ объ устройствѣ въ отдаленныхъ отъ центральной школы деревняхъ школьныхъ отдѣленій, то разныя селенія на перебой предлагали отъ себя помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе и даже парты, лишь бы выборъ палъ на ихъ деревню. Отдѣленія были открыты въ деревняхъ: Денисовкѣ, гдѣ крестьяне наняли на свой счетъ за $2^1/_4$ р. въ мѣсяцъ 10-ти аршинную избу, свѣтлую, просторную и теплую, съ освѣщеніемъ, отопленіемъ и партами отъ хозяина избы, и Вититновѣ, гдѣ крестьяне наняли избу также съ отопленіемъ и мебелью дороже—за 25 р. во всю зиму. Въ послѣднемъ обществѣ крестьяне единогласно постановили занятія начинать съ 1 ноября и оканчивать 1 мая; отдавать дѣтей въ школу не моложе 9-ти лѣтъ и не старѣе 15-ти, въ количествѣ 35 человѣкъ. Помощниками, съ согласія крестьянъ, назначены въ послѣднюю школу окончившій курсъ въ двухклассномъ министерскомъ училищѣ, а въ первую—въ одноклассномъ училищѣ, но уже пріобрѣвшій нѣкоторую опытность въ преподаваніи. Оба условились получать по 25 р. въ зиму отъ земства. При этомъ крестьяне вититновскаго общества объявили учителю, что и сами не забудутъ его, «если онъ этого заслужитъ».

По заявленіямъ учителей-руководителей, каждый изъ нихъ могъ открыть въ районѣ своей школы не менѣе трехъ отдѣленій и вездѣ крестьяне охотно дали бы отъ себя помѣщеніе и отопленіе для школы.

Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ письма народныхъ учителей, входившихъ въ переговоры съ крестьянами по устройству такихъ отдѣленій, и изъ нихъ мы видимъ, что такихъ школокъ въ каждомъ уѣздѣ можно открыть хоть сотню, и для каждой изъ нихъ крестьяне дадутъ помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе.

Г-жа Штевенъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ отношенія крестьянъ къ такимъ школамъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ: «Иногда встрѣчаются и такія глухія деревни, гдѣ еще слышишь, что ученье пахарю не нужно, что ученыя дѣти не станутъ слушаться родителей и что нечего тратить деньги на пустяки. Но надъ такими, очевидно, стоящими на шагъ позади остальныхъ, деревнями уже смѣются ихъ сосѣди, называя ихъ «деревней», и ни одно сердитое заявленіе, что ученье—вздоръ, я знаю сотни горячихъ рѣчей о пользѣ ученья и о томъ, что не вѣкъ дураками быть. Когда о своемъ желаніи завести у нихъ школу я передаю крестьянамъ черезъ третьихъ лицъ, мнѣ не разъ еще приходится получать отказы. Но тутъ почти всегда играетъ роль какое-нибудь недоразумѣніе, чье-либо косвенное враждебно

вліяніе или простая недобросовѣстность старосты, избѣгающаго хлопотъ. Стоитъ пріѣхать въ село, собрать сходъ и объяснить крестьянамъ, что къ міру ни малѣйшихъ требованій не предъявляешь, что платить и учиться будетъ только тотъ, кто пожелаетъ, что платить нужно будетъ самую бездѣлицу, а учить дѣйствительно будутъ,—и тотчасъ же становится возможнымъ нанять квартиру и набрать достаточное число учениковъ. А какъ много любопытнаго и симпатичнаго случалось мнѣ видѣть въ толпѣ мужиковъ, набившихся въ тѣсную избу для обсужденія вопроса о школѣ. Каковъ бы, впрочемъ, ни былъ результатъ переговоровъ и какъ бы великъ ни былъ шумъ на сходѣ, я въ немъ никогда рѣшительно не встрѣчала ничего оскорбительнаго для себя и все болѣе убѣждалась, какъ добродушна эта на видъ грубая толпа и какъ она чутко умѣетъ щадить чувства людей, не принадлежащихъ къ ней по своимъ привычкамъ. Нерѣдко, впрочемъ, мое присутствіе на сходѣ уже излишне. Узнавъ чрезъ волостного старшину или черезъ другое лицо о томъ, что я желала бы устроить у нихъ школу, крестьяне сами собираютъ сходъ, нанимаютъ помѣщеніе для училища, составляютъ списокъ желающимъ учиться и присылаютъ мнѣ бумагу, въ которой просятъ «ея высокородіе, госпожу учительшу», пожаловать къ нимъ и начать ученье. Случилось разъ, что такая бумага затерялась, и я только черезъ мѣсяцъ, узнавши о томъ, могла исполнить желаніе крестьянъ. Они очень недовольны были этимъ и нашли, что я плохо исполняю свои обязанности; и это ихъ неодобреніе доставило мнѣ еще больше удовольствія, чѣмъ ихъ сердечное спасибо за стараніе въ другихъ случаяхъ. Главное, для чего нужно участіе крестьянъ при открытіи школы, это выборъ подходящаго помѣщенія и опредѣленіе его стоимости. Квартиры нанимаются очень различныя. Есть хозяева, которые отдаютъ для школы особую, довольно просторную комнату и получаютъ за это, вмѣстѣ съ отопленіемъ, отъ 15 до 25 руб. въ годъ, есть такіе, которые пускаютъ учиться въ свою же избу за одни дрова или за 6, за 7, за 10 руб. въ зиму. Деньги эти раскладываются на учениковъ, причемъ въ бѣдныхъ или малолюдныхъ деревняхъ я даю отъ себя рубля 3 или 5, или же, послѣ уплаты каждымъ ученикомъ опредѣленнаго взноса въ размѣрѣ 30, 40, 50 копеекъ, доплачиваю сама остальное, съ тѣмъ, чтобъ ученики не боялись увеличенія расхода даже въ случаѣ, еслибъ уменьшилось число плательщиковъ-учениковъ. Есть села, гдѣ для школы имѣются даровыя помѣщенія въ церковныхъ сторожкахъ и въѣзжихъ избахъ, но большинство изъ нихъ темны, тѣсны или холодны; только въ двухъ школахъ изъ 31 помѣщеніе дѣйствительно удобно. Мѣстами крестьяне на общественный счетъ снабжаютъ школу партами, мѣстами же приходится довольствоваться сборными столами и скамейками; мѣстами можно требовать отъ хозяевъ соблюденія порядка и тишины, мѣстами же приходится мириться съ присутствіемъ посторонннихъ лицъ, съ говоромъ и дѣтскимъ крикомъ. Но и этими неудобствами особенно затрудняться нечего. Переговоры съ крестьянами приходится вести еще и по поводу платы учителю. При этомъ крестьяне

разсказываютъ часто о томъ, какъ дорого и плохо было единственно доступное имъ ученье въ старые годы, какъ драли за волосы и подолгу ничему не выучивали прежніе дьячки, оставные солдаты и старики, и какъ тотъ или другой остался безграмотнымъ, потому что спрятался въ коноплю, когда хотѣли отдать его въ ученье, а теперь очень жалѣетъ объ этомъ. Тутъ же приходится слышать и весьма курьезные взгляды на ученье вообще. Иногда родители, недовольные тѣмъ, что не всему еще ихъ ребята выучились въ первый же годъ, а иногда они находятъ, что въ первый же годъ ребята такъ хорошо всему выучились, что учить ихъ больше незачѣмъ. Но разъяснить такія недоразумѣнія не слишкомъ трудно, и большею частію крестьяне соглашаются, что дѣти ихъ должны учиться три года и доучиваться до экзамена. Передъ отъѣздомъ я спрашиваю учениковъ, а главное—ихъ родителей: довольны ли они учителемъ. Бываютъ, конечно, случаи неповиновенія со стороны учениковъ и дурного обращенія со стороны учителя, но большей частью мнѣ приходится слышать съ обѣихъ сторонъ хорошіе отзывы другъ о другѣ. Не знаю, что покажетъ дальнѣйшій опытъ, но думаю, что установленію добрыхъ отношеній между крестьянами и мальчикомъ-учителемъ способствуетъ, между прочимъ, и то, что онъ въ домахъ всѣхъ учениковъ по-очередно завтракаетъ, обѣдаетъ и ужинаетъ. Перспектива такого кочующаго образа жизни вначалѣ нѣсколько пугаетъ новичка-учителя, но крестьяне всегда усердно убѣждаютъ его, что стѣсняться ему нечего, что онъ скоро привыкнетъ къ нимъ, какъ къ роднымъ, что они даже рады ему будутъ, если, въ благодарность за ихъ хлѣбъ-соль, онъ вечеромъ займется съ ихъ дѣтьми, или почитаетъ, или разскажетъ имъ что-нибудь. И, дѣйствительно, эти вечернія бесѣды и чтенія въ семьѣ нравятся и приносятъ свою долю пользы, а учитель всегда остается вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ. Кормятъ его какъ можно лучше, а положеніе гостя, при которомъ ему не хочется уронить своего достоинства, какъ и все вообще въ дѣятельности учителя, имѣетъ очень хорошее вліяніе на крестьянскаго юношу и нерѣдко совершенно его преображаетъ. Ставши постарше, многіе изъ этихъ юношей, можетъ быть, уже не захотятъ довольствоваться получаемымъ ими скромнымъ вознагражденіемъ и постараются стать писарями; но такъ какъ и хорошіе волостные писаря крайне намъ нужны, то я не буду считать этого несчастьемъ и надѣюсь, что въ школахъ на смѣну однимъ учителямъ найдутся другіе».

IX.

Для учредителей чрезвычайно важенъ вопросъ, во что можетъ обойтись содержаніе такихъ школъ и обученіе одного учащагося.

Въ Шадринскомъ уѣздѣ въ 1886—87 году приходилось учащихся на одно такое параллельное отдѣленіе 24,5 человѣка. Земство израсходовало на содержаніе всѣхъ такихъ 64 школокъ 6,984 руб., что составляетъ

109 р. 47 к. на одну школу и 4 р. 45 к. на одного ученика. Прибавивъ сюда расходы по найму помѣщенія, получимъ 4 р. 82 к. на ученика, не считая стоимости отопленія, учебниковъ и проч.

Въ Смоленской губерніи въ 1888 году на содержаніе такихъ отдѣленій земствами 2 уѣздовъ было ассигновано только 225 р. (125 р. Ельнинскимъ и 100 Вяземскимъ), т.-е. по 31 руб. 50 к. на одну школу. Учащихся въ этихъ школахъ было 217, т.-е. по 36 на каждую школу среднимъ числомъ, причемъ цифра учащихся въ одной школѣ поднималась до 90 учениковъ, а за то въ другой опускалась до 18. Такимъ образомъ, одинъ учащійся обошелся земству въ 1 р. 4. к. Изъ суммъ, отпускаемыхъ земствами, выдается обыкновенно отъ 25 до 30 р. въ годъ жалованья учительскому помощнику, занимающемуся подъ руководствомъ учителя центральной школы, а остальная сумма идетъ на пріобрѣтеніе учебниковъ и учебныхъ пособій. Опытъ показалъ, впрочемъ, что для снабженія одного параллельнаго отдѣленія книгами, учебниками и письменными принадлежностями необходимо увеличить ассигновку. Требуется также добавочная сумма и на устройство и поддержаніе дѣтскихъ и народныхъ библіотекъ въ такихъ отдѣленіяхъ.

У г-жи Штевенъ о содержаніи ея школокъ находимъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Въ очень бѣдныхъ или пользовавшихся вначалѣ даровымъ обученіемъ школахъ я требую съ каждаго ученика только по 40 к. въ зиму; въ другихъ мѣстахъ они платятъ по 50 коп. и въ очень многихъ, кромѣ того, родители по-очереди кормятъ учителя, что, конечно, представляетъ для него значительную выгоду. При общемъ числѣ въ 840 учениковъ, на каждую школу въ среднемъ приходится 27 человѣкъ; но въ нѣкоторыхъ учится только человѣкъ 12—15, и взносы составляютъ всего рублей 5 или 6; въ такихъ школахъ учатъ самые молоденькіе, начинающіе учителя, которые, при добавочной платѣ отъ меня, получаютъ не болѣе 2 руб. за учебный мѣсяцъ или 12 р. за зиму. Во второй или третій годъ учительства они получаютъ уже $2^1/_2$ или 3 р. за учебный мѣсяцъ, и мнѣ приходится нѣсколько увеличивать доплату имъ отъ себя или же переводить ихъ въ школу съ болѣе значительнымъ сборомъ съ учениковъ».

Существенный недостатокъ только что описанныхъ нами филіальныхъ школокъ разныхъ губерній заключается, при ихъ настоящей организаціи, въ томъ, что онѣ служатъ теперь только для дѣтей болѣе или менѣе состоятельныхъ крестьянъ. Правда, что въ деревняхъ, удаленныхъ отъ нормальныхъ училищъ, безъ этихъ отдѣленій даже люди средняго достатка не имѣли бы возможности дать своимъ дѣтямъ даже простой грамотности. Благодаря же филіальнымъ школкамъ, всякій крестьянинъ, имѣющій возможность заплатить рубль въ зиму за помѣщеніе и отопленіе школы, можетъ дать своему сыну грамотность. Ему не придется даже тратиться на теплое платье для сына: школка такъ близко, что ребенокъ добѣжитъ до нея и въ той одеженкѣ, въ какой его обыкновенно выпускаютъ на улицу. Но кому не извѣстно, что въ нашихъ деревняхъ есть и такія дѣти, за обу-

ченіе которыхъ некому заплатить и одного рубля въ зиму. А до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ ребенокъ не можетъ, по бѣдности своихъ родителей, научиться читать, писать и считать, мы не можемъ признать организацію школьнаго дѣла сколько-нибудь справедливою. Если высшее и среднее образованіе еще можетъ составлять привилегію богатыхъ, то было бы безчеловѣчіемъ лишать бѣдныхъ дѣтей даже такого обученія, какое даетъ фиіальная школка. Много горя и зависти перечувствуетъ оставшійся за порогомъ школы ребенокъ, много прольетъ онъ слезъ, когда увидитъ, что всѣ его сверстники учатся въ школѣ; какую отраву вольетъ въ его душу сознаніе, что для него одного только, по бѣдности его родителей, затворены двери школки, куда съ такою любовью и радостью бѣгутъ дѣти сосѣдей. Да и не въ духѣ русскаго народа не допускать бѣдноту до образованія. Некрасовскій дядюшка Яковъ даромъ даетъ азбуку деревенской сироткѣ и прибавляетъ: «коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!» Начальное образованіе должно быть даровымъ, потому что безъ этого оно не можетъ быть всеобщимъ. Оно составляетъ право каждаго ребенка и опирается на естественное право человѣка. Самъ законъ нашъ требуетъ, чтобы родители давали своимъ дѣтямъ «воспитаніе» и «образованіе»; но исполненіе этого требованія станетъ для всѣхъ возможнымъ только съ тѣхъ поръ, когда начальныя школы станутъ повсемѣстными, а обученіе въ нихъ даровымъ. И если ужъ справедливо облагать кого платою, то уже никакъ не тѣхъ, кто отдаетъ дѣтей своихъ въ школу, а развѣ тѣхъ, кто не хочетъ дать своимъ дѣтямъ требуемаго нашими законами «воспитанія» и «образованія». Министерскія инструкціи о платѣ за обученіе въ нормальныхъ начальныхъ школахъ («Инструкція для сельскихъ министерскихъ училищъ», 55) требуютъ пересмотра. Деревенскій мальчикъ можетъ идти въ кабакъ и въ трактиръ, слушать тамъ пьяную брань и непристойныя пѣсни, смотрѣть драку и за это не налагаютъ на его родителей штрафа; но лишь только онъ задумаетъ поучиться закону Божьему, чтенію и письму и придетъ въ школу, съ него могутъ потребовать три рубля,—сумму, опредѣленную инструкціею. На содержаніе школъ идутъ, между прочимъ, земскія и казенныя деньги, собираемыя *со всѣхъ*, —слѣдовательно, тоже для всѣхъ должна существовать, по крайней мѣрѣ, первоначальная школа, а это возможно только при даровомъ обученіи. Правда, бѣднѣйшія дѣти освобождаются отъ платы за ученье.

Но слишкомъ хорошо извѣстно, что значитъ подобное освобожденіе. Во многихъ случаяхъ освобожденію предшествуютъ низкіе поклоны, униженныя просьбы. И безъ того у насъ много уроковъ низкопоклонства съ одной стороны и чванства съ другой. Кто сегодня оказываетъ благодѣянія за низкіе поклоны, завтра, можетъ быть, будетъ гнуть спину передъ выше его поставленнымъ лицомъ. Мы не нуждаемся въ новыхъ мѣропріятіяхъ для развитія этихъ двухъ качествъ, воспитанныхъ въ насъ исторіею. Впрочемъ, недостатокъ, нами только что указанный, нельзя считать неустранимымъ. Уже примѣръ кошелевскаго общества, сдѣлавшаго сборъ и купившаго избу

для школки, указываетъ способъ, съ помощію котораго обученіе можно сдѣлать даровымъ. Для этого стоитъ только, чтобы всѣ расходы по школкамъ приняло на себя земство и сельскія общества, а не родители учащихся. Несомнѣнно, что такъ современемъ и будетъ. Если въ настоящее время эгоистическіе интересы мірскихъ горлановъ, не имѣющихъ дѣтей школьнаго возраста, и кулаковъ, не желающихъ принять на себя лишній расходъ за обученіе сироты, составляютъ препятствіе къ тому, чтобы расходы на школку разложить подушно, то съ ними, намъ кажется, можетъ успѣшно бороться земство, обусловивъ открытіе школки въ данной деревнѣ тѣмъ, чтобы всѣ мѣстные расходы приняло на себя общество, а не родители учениковъ. Еще проще было бы, еслибы земство приняло на себя всѣ расходы по устройству и содержанію школокъ, но, можетъ быть, не всѣ земства склонны будутъ къ такимъ пожертвованіямъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно много поучительнаго представляетъ для насъ Англія. Тамъ, какъ извѣстно, среднія и высшія учебныя заведенія есть дѣло частное и содержатся на счетъ родителей учащихся, а начальныя школы есть дѣло общественное, земское и государственное и содержатся на средства земскія и казенныя, собираемыя только съ людей состоятельныхъ. Тамъ, стало быть, бѣдныя дѣти учатся на счетъ богатыхъ. Мы уже не говоримъ, что и у насъ дѣло образованія должно быть поставлено такъ же. Но намъ кажется справедливымъ, чтобы у насъ, гдѣ высшіе и средніе классы населенія получили образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ значительною частью на крестьянскія средства, земство и казна не отказывались взять на себя участіе въ содержаніи сельскихъ школъ потому только, что тамъ большій % учащихся падаетъ на дѣтей крестьянъ, а земскія и казенныя средства поступаютъ со всѣхъ сословій.

Къ установленію платы за ученье вынуждена была придти, какъ мы видѣли выше, и г-жа Штевенъ. Изъ ея разсказа мы видимъ, какъ отражается плата на числѣ учащихся. «Съ осени 1891 г. такихъ школъ было у меня 5, и я вынуждена была нѣсколько перемѣнить систему, т.-е. требовать съ каждаго ученика небольшую плату за ученье, а именно по 40 к. за учебный годъ, что повело за собой нѣкоторое уменьшеніе числа учениковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ученье сперва было совсѣмъ даровое. Такого уменьшенія не было бы, еслибы, какъ это было въ Петлинѣ, возложить расходъ по школѣ на общество; но хотя, въ случаѣ надобности, я считаю вполнѣ возможнымъ убѣдить его членовъ принести нѣкоторыя жертвы не личному своему, а общему благу, пользоваться этой возможностью я не стала, такъ какъ это требуетъ значительной траты времени и причиняетъ неудовольствіе тѣмъ, кого общество вынуждаетъ платить и кто притомъ школой не пользуется».

X.

Главная заслуга въ устройствѣ отдѣленій народныхъ школъ принадлежитъ, несомнѣнно, учителямъ центральныхъ училищъ. Они были душою

отдѣленій, и если отдѣленія имѣютъ удобныя помѣщенія и хорошихъ учительскихъ помощниковъ, если тамъ введена правильная организація занятій и раціональные пріемы преподаванія, если отношенія учащихъ къ учащимся были добрыя, если успѣхи учащихся въ этихъ отдѣленіяхъ заслуживаютъ хорошихъ отзывовъ, приведенныхъ нами выше, если въ первую же зиму своего существованія отдѣленія эти пріобрѣли довѣріе и симпатіи къ себѣ со стороны мѣстнаго населенія, то все это главнымъ образомъ благодаря энергичной и разумной дѣятельности учителей центральныхъ училищъ. Они входили въ переговоры съ сельскими обществами объ отводѣ удобныхъ помѣщеній и о снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ, они выбирали себѣ помощниковъ изъ своихъ же бывшихъ учениковъ, ими же подготовленныхъ къ преподаванію; они же заботились о снабженіи отдѣленій пособіями, книгами и учебниками; ходатайствовали о нуждахъ отдѣленій передъ училищнымъ совѣтомъ и инспекторомъ народныхъ училищъ. Они составляли для своихъ отдѣленій расписанія уроковъ, ѣздили руководить своими помощниками, разъясняли имъ методы преподаванія, указывали ошибки, выдавали и рекомендовали книги для чтенія, давали примѣрные уроки. Отнимите вліяніе учителей-руководителей—и останется обыкновенная школка грамотности съ однимъ механическимъ безсознательнымъ чтеніемъ, безъ всякаго развивающаго вліянія на учениковъ. Вѣроятно, что въ послѣдующіе годы учительскіе помощники, пріобрѣвши уже нѣкоторую опытность, не будутъ нуждаться въ такомъ усиленномъ содѣйствіи учителя-руководителя, и послѣдній въ будущемъ можетъ ограничиться посѣщеніями школки разъ или два въ мѣсяцъ, но въ первую зиму всю тяжесть этого новаго дѣла выноситъ на себѣ учитель-руководитель, онъ одинъ можетъ дать ручательство за успѣхъ. Крестьяне съ удивительною, при ихъ почти поголовной безграмотности, прозорливостью поняли это значеніе учителя-руководителя. Имѣя въ виду, что успѣхъ дѣла будетъ, главнымъ образомъ, зависѣть отъ энергіи и способностей учителей-руководителей, я въ 1888 г. послалъ предложеніе объ открытіи отдѣленій только такимъ учителямъ центральныхъ училищъ Смоленской губерніи, на которыхъ можно было положиться. Замѣчательно, что всѣ они дѣйствовали совершенно безкорыстно, имъ не было положено никакого особаго вознагражденія за труды по устройству и руководству своими отдѣленіями; нѣкоторые изъ нихъ должны были на свои личныя средства нанимать подводу, чтобъ осматривать отдѣленія, такъ какъ при первоначальномъ открытіи нѣкоторыхъ отдѣленій забыли выговорить мірскую подводу для учителей центральной школы. И несмотря на то, когда, по нѣкоторымъ соображеніямъ, Вититневское отдѣленіе предполагалось передать въ завѣдываніе другому центральному училищу, учитель-руководитель возсталъ противъ этого и протестовалъ такъ горячо, что пришлось оставить отдѣленіе попрежнему подъ его вѣдѣніемъ. Но, тѣмъ не менѣе, основывать все дѣло развитія отдѣленій народныхъ школъ на безкорыстіи народнаго учителя, очевидно, невозможно. Безкорыстныхъ людей чрезвычайно мало. Нельзя требовать, чтобъ ихъ было особенно много и въ этой средѣ,

и это тѣмъ болѣе, что трудъ учителя и безъ того чрезвычайно скудно оплачивается. Необходимо назначить въ той или другой формѣ вознагражденіе учителямъ за руководство отдѣленіями. Въ одной изъ волостей Курской губерніи священнику за руководство школками грамотности крестьяне платятъ по 30 рублей въ годъ за каждую школку. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вознагражденія трудъ сельскаго учителя-руководителя; но въ организаціи школьнаго дѣла, которую мы предлагаемъ ниже, это вознагражденіе входитъ въ общую цифру содержанія учителя.

Контроль и руководство со стороны учителя центральной школы устраиваются весьма различно, смотря по мѣстнымъ условіямъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ центральная школа находится при церкви, ученики параллельныхъ отдѣленій, если послѣднія расположены вблизи, съ помощниками во главѣ, въ каждое воскресенье отъ обѣдни будутъ заходить въ центральное училище, гдѣ учитель и произведетъ имъ нѣчто вродѣ испытанія, просмотритъ ихъ письменныя работы, займется съ ними, дастъ примѣрные уроки, а распустивъ ихъ, побесѣдуетъ съ помощниками, укажетъ имъ замѣченные недостатки, дастъ совѣты, какъ поправить сдѣланные промахи, снабдитъ ихъ книгами, руководствами, пособіями. Въ другихъ мѣстахъ такой порядокъ можетъ быть признанъ неудобнымъ. Тамъ учитель въ воскресный день, а иногда, воспользовавшись уроками законоучителя, и въ будни, посѣтитъ филіальныя школки, на мѣстѣ послушаетъ преподаваніе, увидитъ строй и организацію занятій, познакомится съ дисциплиною и мѣрами, какими она поддерживается, переговоритъ съ крестьянами-родителями дѣтей, выслушаетъ ихъ желанія, жалобы, если онѣ будутъ, и посовѣтуется вмѣстѣ съ помощникомъ, какъ лучше удовлетворить справедливыя требованія родителей.

По собраннымъ нами свѣдѣніямъ относительно 5-ти учителей руководителей, ими въ теченіе зимы 1887—88 года посѣщаемы были отдѣленія въ праздничное или другое свободное время 87 разъ, по 17 посѣщеній среднимъ числомъ на каждую школу, причемъ ими было дано 124 урока, по 25-ти среднимъ числомъ на каждаго. Кромѣ того, ученики Холмовскаго и Кошелевскаго отдѣленій вмѣстѣ съ учительскимъ помощникомъ 18 разъ приходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ послѣ обѣдни въ центральное училище, гдѣ съ ними занимался учитель-руководитель. Нѣкоторые учителя-руководители по воскреснымъ днямъ брали къ себѣ на просмотръ письменныя работы учащихся въ отдѣленіяхъ.

Г-жа Штевенъ, руководившая такими школками въ Арзамасскомъ уѣздѣ, разсказываетъ: «Послѣ молебна при открытіи школы я обыкновенно сама даю первый урокъ, разсказываю какой-нибудь, по возможности интересный для слушателей, эпизодъ изъ священной исторіи и для начала объясняю напряженно слушающимъ ребятамъ, что ученики должны хорошо вести себя, должны быть вѣжливы, не должны пить вина и не должны браниться. А затѣмъ нерѣдко заводится у насъ не столько съ еще робѣющими и недоумѣвающими ребятами, сколько съ ихъ отцами и матерями

живой, хорошій разговоръ по поводу древней истины, что ученье—свѣтъ, а неученье—тьма, и что не хлѣбомъ однимъ живъ будетъ человѣкъ. А затѣмъ я прощаюсь съ ребятами и большими и уѣзжаю, выслушавъ послѣднюю просьбу молоденькаго учителя, умоляющаго какъ можно скорѣе навѣстить его въ томъ, дѣйствительно, затруднительномъ положеніи, въ которомъ его поневолѣ и всякій разъ не безъ тревоги оставляешь. И, дѣйствительно, не мало бываетъ затрудненій въ первое время то съ хозяиномъ квартиры, то съ черезчуръ требовательными родителями, то съ неумѣлымъ, а иногда и непригоднымъ къ дѣлу учителемъ. Много есть, впрочемъ, и такихъ счастливыхъ школъ, гдѣ съ перваго пріѣзда, при первомъ взглядѣ на веселыя лица учителя и учениковъ, видно, что дѣло пойдетъ».

XI.

Возможно возраженіе противъ устройства филіальныхъ отдѣленій со стороны, такъ сказать, формальной. Имѣютъ ли подобныя отдѣленія право на существованіе при училищахъ учебнаго вѣдомства, по дѣйствующимъ нынѣ законоположеніямъ?

§ 43 Высочайше утвержденной 29 октября 1871 года инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ возлагаетъ на этихъ должностныхъ лицъ обязанность заботиться объ открытіи при существующихъ училищахъ параллельныхъ отдѣленій тамъ, гдѣ, при существованіи училищъ съ значительнымъ числомъ учащихся, учрежденіе особыхъ училищъ оказывается почему-либо неисполнимымъ.

По смыслу § 24 Инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, утвержд. 4 іюня 1875 года, въ случаѣ многочисленности желающихъ поступить въ училище могутъ быть открываемы параллельныя отдѣленія при томъ или другомъ классѣ съ особымъ для каждаго отдѣленія преподавателемъ, на счетъ мѣстныхъ средствъ.

Правила, изданныя 21 марта 1870 года о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, допускаютъ и для дѣтей сихъ послѣднихъ устройство особыхъ отдѣленій.

Отдѣленія, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ и всякія параллельныя отдѣленія, суть части начальныхъ училищъ; ихъ учителя суть помощники учителей начальныхъ училищъ, а посему законъ, который допускаетъ существованіе начальныхъ училищъ и учительскихъ помощниковъ, тѣмъ самымъ допускаетъ и отдѣленія народныхъ школъ. Не только министерство народнаго просвѣщенія, но и св. синодъ точно такъ же смотритъ на отдѣленія при народныхъ школахъ. Проектъ положенія о высшихъ совѣщаніяхъ по дѣламъ начальнаго обученія въ губерніяхъ Европейской Россіи, гдѣ не введены земскія учрежденія, составленный въ святѣйшемъ синодѣ (по журналу совѣщанія при св. синодѣ отъ 4 мая 1887 года), гласитъ: «Высшее

совѣщаніе имѣетъ предметами своихъ занятій: а) обсужденіе и принятіе мѣръ къ упроченію начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія *съ ихъ отдѣленіями* и церковно-приходскихъ со школами грамотности». Ясно, что и по мнѣнію высшаго совѣщанія, бывшаго при св. синодѣ, отдѣленія начальныхъ училищъ имѣютъ такое же право на существованіе, какъ и всякій другой типъ признанныхъ закономъ учебныхъ заведеній, и что они находятся въ такихъ же отношеніяхъ къ народнымъ школамъ учебнаго вѣдомства, въ какомъ школы грамотности къ церковно-приходскимъ.

Между тѣмъ у насъ очень распространено мнѣніе, будто подобныхъ отдѣленій нельзя устраивать, будто бы правила 1884 г. о приходскихъ школахъ положили конецъ начавшимся съ 1882 г., со времени обнародованія извѣстнаго циркуляра министра народнаго просвѣщенія бар. Николаи, и удавшимся во многихъ уѣздахъ попыткамъ устройства такихъ отдѣленій. Такое недоразумѣніе было причиною закрытія по распоряженію оберъ-прокурора св. синода очень многихъ отдѣленій въ Смоленской губ. и остановки въ движеніи, обѣщавшемъ прекрасные результаты. Поэтому крайне желательно, чтобы права содержателей школъ на устройство параллельныхъ отдѣленій были подтверждены правительствомъ. До тѣхъ же поръ, пока этого не будетъ сдѣлано, лучше всего руководиться разъясненіемъ г. попечителя петербургскаго учебнаго округа о параллельныхъ отдѣленіяхъ при начальныхъ училищахъ. «Одинъ изъ директоровъ народныхъ училищъ,—пишетъ г. попечитель,—обратился въ управленіе округа съ ходатайствомъ о разрѣшеніи открывать при начальныхъ народныхъ училищахъ параллельныя отдѣленія. По сему вопросу послѣдовало нижеслѣдующее разъясненіе:

Количество лѣтъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ ни Положеніемъ о сихъ училищахъ, Высочайше утвержденнымъ 25 мая 1874 года, и никакими послѣдующими узаконеніями или распоряженіями не установлено: дѣти въ начальныхъ школахъ могутъ обучаться и годъ, и два, и три, сколько угодно. Никакихъ отдѣленій по закону не существуетъ; можетъ быть одно, два, три и больше. Существующія въ дѣйствительности обычныя три отдѣленія образовались лишь фактически, установились практикою, поэтому если открывается какая-либо земская начальная школа, то не только нѣтъ надобности, но и положительно невозможно требовать, чтобы принятыя въ эту школу дѣти были распредѣлены на два или на три отдѣленія. Каждая начальная земская школа можетъ быть совершенно правильно организована и при одномъ только отдѣленіи. Необходимо только, чтобы въ ней преподавались учебные предметы, указанные въ ст. 3-й Высочайше утвержденнаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, причемъ объемъ преподаванія этихъ предметовъ обозначенъ въ самыхъ общихъ чертахъ и никакими строго опредѣленными программами не установленъ. Программы по С.-Петербургскому учебному округу предложены лишь для руководства, а не къ исполненію; онѣ имѣютъ въ виду лишь облегчить преподавателей при распредѣленіи учебнаго матеріала по тремъ

отдѣленіямъ, гдѣ таковыя существуютъ, и ни въ чемъ не могутъ стѣснять руководителей начальныхъ школъ и преподавателей въ оныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ училищѣ есть не три, а два или одно отдѣленіе. Самое отсутствіе обязательныхъ къ исполненію въ начальныхъ народныхъ училищахъ программъ указываетъ на то, что законодатель имѣлъ въ виду предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, обществамъ и частнымъ лицамъ открывать начальныя народныя училища съ весьма разнообразнымъ по объему проходимыхъ въ нихъ предметовъ курсомъ, нисколько не стѣсняя обучающихся въ нихъ дѣтей требованіемъ пребыванія въ школѣ того или другого количества лѣтъ. Дѣти могутъ учиться въ начальной школѣ и годъ, и два, и три и т. д. Если позволяютъ средства имѣть нѣсколькихъ учителей и учительницъ и дѣти имѣютъ охоту учиться, а родители не только тому не препятствуютъ, напротивъ желаютъ, то закономъ вовсе не возбраняется устроить въ той же школѣ и четыре отдѣленія или больше. Народное просвѣщеніе отъ такой постановки учебнаго дѣла можетъ только выиграть. Съ другой стороны, въ мѣстностяхъ съ населеніемъ рѣдкимъ и крайне бѣднымъ нечего и думать объ открытіи школъ со многими отдѣленіями; въ такихъ школахъ можетъ существовать только два или даже можетъ не быть ни одного. Къ тому же такая школа обойдется значительно дешевле и будетъ болѣе соотвѣтствовать даннымъ условіямъ. Открытіе таковыхъ упрощенныхъ и удешевленныхъ земскихъ школъ, въ виду необходимости распространенія грамотности, по возможности и въ мѣстностяхъ глухихъ, съ населеніемъ бѣднымъ, въ высшей степени желательно и своевременно.

Министерство народнаго просвѣщенія постоянно заботилось и продолжаетъ заботиться объ открытіи именно таковыхъ земскихъ начальныхъ школъ, курсъ обученія въ коихъ нисколько не превышалъ бы самыхъ элементарныхъ требованій начальнаго обученія и указанные статьею 3-й Положенія о начальныхъ училищахъ учебные предметы преподавались въ оныхъ, по возможности, въ наименьшемъ объемѣ. Открытіе таковыхъ школъ во многихъ мѣстностяхъ вызывается настоятельною потребностью. Дѣйствительно, нельзя даже ни въ чемъ и сравнивать начальное народное училище, открытое, напримѣръ, въ столицѣ, съ таковымъ же училищемъ, существующимъ въ какой-либо глухой и бѣдной деревнѣ. Очевидно, что требованія, которыя можно предъявлять къ тому и другому, будутъ весьма различны, такъ какъ и тѣ условія, при которыхъ открыты и существуютъ эти училища, тоже весьма различны.

При этомъ, однако, всякое начальное народное училище, несмотря на разнообразіе объема преподаваемыхъ въ немъ учебныхъ предметовъ, должно во всемъ соотвѣтствовать положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ, а посему и нѣтъ никакихъ основаній удешевленныя и упрощенныя земскія начальныя народныя училища подводить подъ какой-либо иной типъ или признавать ихъ какъ бы за параллельныя отдѣленія той или другой школы. Таковыя училища могутъ быть открываемы не въ видѣ параллель-

ныхъ отдѣленій, а какъ самостоятельныя, упрощенныя и удешевленныя земскія школы. То обстоятельство, что учителя въ этихъ школахъ будутъ получать жалованья менѣе, чѣмъ въ другихъ школахъ, ровно никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ размѣръ жалованья для учителей вполнѣ зависитъ отъ лицъ или учрежденій, содержащихъ школу. Что учителя въ эти школы будутъ назначаться не изъ лицъ, имѣющихъ дипломъ, тоже безразлично, ибо по закону отдается только предпочтеніе лицамъ, имѣющимъ право преподаванія въ начальныхъ школахъ, а это не есть безусловное требованіе. Школы эти открываются и могутъ существовать на основаніи ст. 3469, 3478, 3484 и 3486, т. XI, ч. I. Св. зак. изд. 1893 г. Называть же такія упрощенныя и удешевленныя школы, если онѣ открываются въ такой мѣстности, гдѣ другой начальной земской школы нѣтъ, параллельными нѣтъ достаточныхъ основаній и можетъ повести лишь къ ненужнымъ и вреднымъ для дѣла народнаго образованія пререканіямъ.

XII.

Самый главный недостатокъ всѣхъ подсобныхъ школокъ, разсмотрѣнныхъ нами выше, заключается въ томъ, что онѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ дадутъ народу только грамотность, только умѣнье читать, писать, считать, знаніе молитвъ и немного священной исторіи. Это лучше, чѣмъ ничего, это необходимо сдѣлать вездѣ, гдѣ будетъ признано невозможнымъ устроить нормальное начальное училище; но такія школки не много дадутъ знаній народу, не много повысятъ уровень его понятій, мало сдѣлаютъ въ смыслѣ умственнаго и нравственнаго развитія, мало будутъ содѣйствовать смягченію его нравовъ, не поколеблятъ почти его предразсудковъ. И это будетъ крайне несправедливо—лишить часть населенія самаго цѣннаго, что будетъ давать нормальная школа жителямъ всѣхъ остальныхъ селеній, стоящихъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. И тѣ, кто живетъ въ малонаселенныхъ районахъ, лишенныхъ правильно организованной школы, и тѣ, кто, по счастливой случайности, пользуется ею, платятъ одни и тѣ же налоги, несутъ однѣ и тѣ же обязанности по отношенію къ правительству, обществу и земству и потому имѣютъ совершенно равное право и на обученіе своихъ дѣтей.

Пройдутъ, можетъ быть, цѣлыя десятилѣтія прежде, нежели въ такихъ мѣстахъ признано будетъ возможнымъ устроить нормальныя школы, цѣлыя поколѣнія крестьянъ будутъ поставлены въ невозможность получить даже тѣ элементарныя знанія, какія даетъ старшее отдѣленіе народной школы. Ребенокъ, какъ бы онъ даровитъ и любознателенъ ни былъ, не услышитъ отвѣтовъ на свои самые простые вопросы о природѣ, о человѣкѣ. Необходимо, стало быть, отыскать способы, по возможности сглаживающіе эту неравномѣрность распредѣленія образовательныхъ средствъ между населеніемъ, необходимо такъ поставить дѣло, чтобы и жители малонаселенныхъ районовъ имѣли возможность доставить своимъ дѣтямъ не только грамот-

ность, но и всѣ тѣ знанія, какія даетъ обыкновенное начальное училище. Но какъ этого достигнуть безъ обремененія населенія непосильными налогами? Мы предложили бы для разрѣшенія поставленной нами задачи слѣдующую организацію школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Можно было бы исходить въ разсчетахъ о числѣ школъ, учителей и учащихся изъ теоретическихъ соображеній. Въ этомъ случаѣ, на основаніи данныхъ, о которыхъ намъ не разъ уже приходилось высказываться въ печати, мы приняли бы за среднюю норму, что тысяча жителей мужского пола даетъ 67 учащихся мальчиковъ при трехгодичномъ курсѣ ученья. Затѣмъ по статистическимъ свѣдѣніямъ о школахъ данной мѣстности (одинъ уѣздъ можетъ дѣлиться на части, непохожія въ этомъ отношеніи одна на другую) мы нашли бы, сколько учащихся дѣвочекъ приходится на сотню учениковъ. И тогда съ цифрами о числѣ жителей, въ каждомъ населенномъ пунктѣ, мы опредѣлили бы, сколько учащихся можно ожидать въ каждомъ селеніи. Конечно, эти среднія нормы, смотря по условіямъ мѣста и времени, въ дѣйствительности то повышаются, то падаютъ. Такъ, напримѣръ, въ то время, когда Буняковскій составлялъ свои демографическія таблицы, процентное отношеніе дѣтей въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ ко всему населенію было въ Европейской Россіи 7,2%, а теперь оно 6,7%. Предѣлы этихъ колебаній можно опредѣлить для разныхъ областей или для разныхъ лѣтъ отъ 60 до 80 на тысячу. Несомнѣнно, что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ эти уклоненія отъ средней величины будутъ еще значительнѣе. Но школа устраивается не на одинъ годъ, а навсегда или по крайней мѣрѣ на продолжительное время, въ среднемъ же за продолжительный періодъ времени даже въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ число дѣтей даннаго возраста приближается къ тѣмъ же вышеуказаннымъ нормамъ, а потому мы не сдѣлаемъ очень большой ошибки, если при составленіи школьной сѣти именно эти нормы и примемъ въ разсчетъ. Допустимъ, что намъ надо опредѣлить, сколько дѣтей будетъ посѣщать школу, напримѣръ, въ селѣ съ 1,500 жителей обоего пола. Допускаемъ, что будутъ учиться всѣ мальчики въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ. Считая по 67 мальчиковъ на тысячу жителей мужского пола, будемъ имѣть 50 учащихся мальчиковъ. Чтобы опредѣлить вѣроятное число учащихся дѣвочекъ, беремъ по отчетамъ о школахъ общее число учащихся въ уѣздѣ мальчиковъ и опредѣляемъ, какую часть этого числа составляютъ учащіяся дѣвочки. Допустимъ—одну пятую. Это будетъ значить, что въ данной школѣ надо ожидать 60 учащихся. Но подобный разсчетъ имѣетъ мѣсто только при условіи, если предполагается установить обязательное обученіе мальчиковъ. Когда же рѣчь идетъ, какъ это и бываетъ въ настоящее время на самомъ дѣлѣ, только объ общедоступности обученія, то этотъ разсчетъ непрактиченъ. Легко можетъ случиться, что не всѣ мальчики школьнаго возраста будутъ учиться, или что среднее число лѣтъ обученія не будетъ равно тремъ *). Наконецъ, данныя о числѣ жителей не всегда вѣрны. Надо поэтому найти другой способъ разсчета, бо-

*) Какъ составить школьную сѣть въ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются точныя данныя

лѣе отвѣчающій нормамъ, выработаннымъ самою жизнью. Въ земскихъ губерніяхъ, гдѣ введено обязательное взаимное страхованіе, существуетъ точная статистика учащихся обоего пола въ сельскихъ училищахъ. Вотъ съ этими-то цифрами, всего менѣе возбуждающими сомнѣній, и долженъ оперировать тотъ, кто хочетъ составить школьную сѣть на основаніи болѣе точныхъ данныхъ какъ это практиковалось въ московскомъ губернскомъ земствѣ, при составленіи нормальной школьной сѣти въ губерніи. Составитель сѣти, соображаясь съ условіями мѣстности, устанавливаетъ сначала максимальный школьный районъ въ уѣздѣ. Допустимъ, что это будетъ 3-верстный районъ *). Затѣмъ на картѣ уѣзда онъ съ помощью циркуля обводитъ кружками въ три версты, по масштабу, всѣ существующія земскія школы. Далѣе онъ на основаніи данныхъ страхового земскаго отдѣла разсчитываетъ, сколько дворовъ находится во всѣхъ безъ исключенія селеніяхъ, заключающихся внутри школьныхъ районовъ; но онъ, конечно, не долженъ брать при этомъ селеній, не попавшихъ въ школьные районы. Положимъ, что онъ такимъ образомъ насчиталъ во всѣхъ селеніяхъ, пользующихся школою, т.-е. удаленныхъ отъ нея не далѣе трехъ верстъ, 10,000 дворовъ. Теперь онъ изъ училищныхъ отчетовъ беретъ общее число учащихся обоего пола во всѣхъ тѣхъ земскихъ школахъ, съ какими онъ имѣетъ дѣло. Если были отказы въ пріемѣ учениковъ, ему придется увеличить цифру учащихся на все число отказовъ. Положимъ, что во всѣхъ этихъ школахъ обучается 2,500 дѣтей обоего пола. Посредствомъ простого дѣленія находимъ тогда, что на каждые 100 дворовъ въ среднемъ приходится 25 учащихся обоего пола. Съ этимъ числомъ онъ и будетъ оперировать при составленіи школьной сѣти уѣзда **). Затѣмъ онъ разобьетъ на картѣ съ помощью циркуля мѣстности, лишенныя школъ, на трехверстные районы.

Всѣ существующія школы, не исключая и министерскихъ, и церковно-приходскихъ, конечно, тоже надо будетъ обвести кружками даннаго масштаба, чтобы выдѣлить всѣ селенія, уже имѣющія возможность пользоваться школами. Разбивая лишенныя школъ части уѣзда на районы, необходимо между прочимъ принимать во вниманіе слѣдующія требованія: школа, по возможности, должна помѣщаться въ болѣе многолюдномъ селеніи или вблизи отъ двухъ или нѣсколькихъ многолюдныхъ селеній, чтобы при наименьшемъ числѣ школъ послѣднія вмѣщали наибольшее число учащихся; проектируемые районы должны охватить, по возможности, и

о числѣ жителей по селеніямъ—объ этомъ мы говоримъ въ своей книгѣ *Всеобщее обученіе* 1897 г.

*) Большинство корреспондентовъ, отвѣчавшихъ на запросы II съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, а также московскаго комитета грамотности признали за максимальный районъ—трехверстный.

**) Конечно, данное отношеніе будетъ приблизительно вѣрнымъ только для даннаго момента. Жизнь идетъ впередъ. Потребность населенія въ образованіи возрастаетъ съ каждымъ годомъ и то число школъ, какое сегодня считается достаточнымъ, черезъ два-три года придется увеличить.

безъ особеннаго обремененія бюджета всѣ селенія, остающіяся внѣ существующихъ школьныхъ районовъ, и потому каждый кружокъ долженъ обнимать, по возможности, больше селеній и большее число дворовъ. Это будетъ легче сдѣлать, если предварительно нанести на карту рядомъ съ названіемъ каждаго селенія цифру его дворовъ. Когда вся эта работа сдѣлана, не трудно будетъ опредѣлить и вѣроятное число учащихся въ каждомъ районѣ,—стоитъ только сложить число дворовъ во всѣхъ селеніяхъ, входящихъ въ районъ, и помножить на отношеніе, полученное выше путемъ дѣленія общей цифры учащихся на общую цифру дворовъ. Предположимъ, что въ какой-нибудь районъ войдутъ два или нѣсколько селеній съ 200 дворовъ въ сложности. Это будетъ значить, что здѣсь, при допущенномъ выше отношеніи (25 учащихся на 100 дворовъ), надо ожидать около 50 учащихся; районъ въ 600 дворовъ дастъ 150 учащихся и т. д. Конечно, во всѣ эти разсчеты мѣстныя условія внесутъ многоразличныя поправки. Иной уѣздъ можетъ дѣлиться на такія части, изъ коихъ въ одной потребность въ образованіи сильнѣе и потому сто дворовъ дадутъ не 25, а можетъ быть 30 и болѣе учащихся, а въ другомъ эта потребность сознана меньше, и сотня дворовъ дастъ, можетъ быть, только 20 учащихся.

Въ такихъ случаяхъ вѣрнѣе находить среднее число учащихся на сотню дворовъ не сразу по всему уѣзду, а раздѣливъ его предварительно на части, и для каждой части сдѣлать особыя вычисленія. Иной школьный районъ придется уменьшить, въ виду неудобныхъ путей сообщенія, и исключить изъ него селенія, отдѣленныя отъ мѣста предполагаемой школы, напримѣръ, болотомъ, иногда лѣсомъ и т. д. Въ виду этого, когда проектъ сѣти станетъ готовъ, будетъ чрезвычайно полезно выслушать мнѣнія о ней отъ заинтересованныхъ сельскихъ обществъ. Для этого стоитъ только сообщить каждому сельскому обществу, къ какой изъ проектируемыхъ школъ предположено, такъ сказать, причислить входящія въ его составъ деревни и просить отъ общества отзыва, насколько удобна для него предполагаемая школа. Эти отзывы дадутъ возможность внести въ сѣть поправки сообразно съ условіями каждой отдѣльной мѣстности. Совсѣмъ не лишнее будетъ ознакомиться и съ мнѣніями мѣстныхъ гласныхъ, врачей, учителей, священниковъ, разославъ всѣмъ этимъ лицамъ проектируемыя сѣти.

Въ каждомъ районѣ, гдѣ, по числу дворовъ, можно разсчитывать болѣе, нежели на 25—30 учащихся, обыкновенно признается нужнымъ открывать нормальную школу. Въ районахъ, гдѣ число учениковъ будетъ превышать 60 учащихся, признается болѣе выгоднымъ расширять помѣщеніе и назначать второго учителя; въ селеніяхъ, гдѣ это число превышаетъ 120 учащихся, назначать третьяго учителя. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ необходимо сдѣлать оговорку. Несомнѣнно, что въ интересахъ экономіи выгоднѣе содержать одну школу съ 120 учащимися, чѣмъ двѣ съ 60. Одинъ законоучитель, одно помѣщеніе, одна библіотека, одни пособія, одна прислуга — все это значительно сокращаетъ расходы. Эта система представляетъ большія преимущества и въ учебномъ отношеніи. Гораздо успѣш

нѣе пойдетъ дѣло преподаванія тамъ, гдѣ на три отдѣленія два учителя, чѣмъ тамъ, гдѣ со всѣми отдѣленіями занимается одинъ учитель, вынужденный дѣлить учебное время между группами учащихся, различающихся и по возрасту, и по развитію, и по времени пребыванія въ школѣ, и по познаніямъ. Но, съ другой стороны, для населенія гораздо удобнѣе посылать дѣтей въ школу, отстоящую за одну версту, нежели за три, а потому въ интересахъ доступности обученія выгоднѣе устроить двѣ небольшихъ школы въ двухъ разныхъ пунктахъ, чѣмъ крупную въ одномъ. Въ виду того, что трехверстный районъ все-таки представляетъ для дѣтей значительныя затрудненія, особенно же для дѣвочекъ, мы отдали бы предпочтеніе послѣднему соображенію предъ первымъ. Тѣ самыя данныя, на основаніи которыхъ изслѣдователи установили максимальный школьный районъ въ три версты въ радіусѣ, показываютъ, что уже на разстояніи 2 верстъ отъ школъ число учащихся въ ней значительно падаетъ. Когда всѣ предполагаемыя нормальныя школы нанесены на карту, когда затѣмъ опредѣлено будетъ, какія надо будетъ открыть дополнительныя школы или назначить новыхъ учителей въ существующихъ уже школьныхъ районахъ, если наличныя школы не вмѣщаютъ всѣхъ желающихъ учиться, останутся районы, гдѣ, по числу учащихся, дорого будетъ устроить нормальную школу. Таковы всѣ районы, гдѣ число учащихся будетъ меньше, напримѣръ, 25 человѣкъ. Какова же должна быть организація школьнаго дѣла въ такихъ районахъ? Мы предложили бы слѣдующую.

Въ центрѣ каждаго такого района помѣщается филіальное отдѣленіе съ двухлѣтнимъ курсомъ. Это отдѣленіе оффиціально носитъ то же самое названіе «начальнаго народнаго училища», открывается на основаніи того же самаго Положенія о нач. нар. училищ. 25 мая 1874 г. и тѣмъ же самымъ порядкомъ, при той же процедурѣ утвержденія учителей, какъ и нормальная школа, но курсъ обученія здѣсь уже будетъ не трехлѣтній, а двухлѣтній, программа преподаванія будетъ меньше, учитель можетъ не имѣть учительскаго званія, стоимость содержанія будетъ въ нѣсколько разъ меньше. Что все это не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій со стороны учебнаго вѣдомства, въ этомъ убѣждаетъ насъ вышепомѣщенный циркуляръ г. попечителя Петербургскаго учебнаго округа, отъ 18 ноября 1895 года, разрѣшающій содержателямъ устраивать упрощенныя и удешевленныя начальныя школы съ курсомъ и менѣе трехъ лѣтъ, съ сокращенною программой, съ маленькимъ бюджетомъ, съ учителями безъ дипломовъ. Въ такой школкѣ учитель можетъ въ двѣ зимы научить читать и понимать читаемое, пріучить къ чтенію просто изложенныхъ книгъ изъ дѣтской библіотеки, писать красиво и правильно, считать и рѣшать задачи, по Закону Божію онъ пройдетъ не менѣе курса младшаго отдѣленія. Но ученикамъ не будетъ доставать того развитія и тѣхъ знаній, какія можетъ сообщить только развитой и опытный учитель. Вотъ для пополненія этого важнаго пробѣла и нуженъ еще, такъ сказать, второй этажъ, другая организація въ этихъ малонаселенныхъ районахъ. Этою дополнительною организаціей

должно быть, по нашему мнѣнію, передвижное старшее отдѣленіе съ развитымъ и опытнымъ учителемъ во главѣ. Судя по результатамъ работъ, произведенныхъ въ уѣздахъ, гдѣ уже составлены школьныя сѣти, можно думать, что на каждое филіальное отдѣленіе въ малонаселенныхъ районахъ придется въ среднемъ около 15 учащихся. При этомъ условіи едва ли будетъ признано непосильнымъ назначать одного старшаго учителя на три филіальныхъ школки, т.-е. на 45 учащихся. Такой учитель будетъ, во-первыхъ, руководителемъ ввѣренныхъ ему школокъ, а во-вторыхъ, учителемъ старшихъ учениковъ. Обучая въ одной школкѣ учениковъ старшаго отдѣленія по программамъ нормальнаго народнаго училища и непосредственно руководя своимъ младшимъ товарищемъ въ ней, устраивая по вечерамъ вечернія народныя чтенія, двѣ другія школки онъ посѣщаетъ на обывательскихъ очередныхъ или же волостныхъ подводахъ по праздничнымъ днямъ, экзаменуетъ ихъ учениковъ, дѣлаетъ указанія ихъ учителямъ, даетъ примѣрные уроки, вступаетъ въ сношенія съ сельскими обществами и земствомъ, устраиваетъ тамъ народныя чтенія, слѣдитъ за правильною организаціей школьныхъ и народныхъ библіотекъ. Затѣмъ онъ переноситъ свою резиденцію въ другую школку и, наконецъ, въ третью. Если въ школкахъ больше 20 учениковъ въ среднемъ, то старшій учитель безъ особаго обремененія школьнаго бюджета можетъ быть назначенъ только на двѣ школки; еслибы, паче чаянія, случилось, что на каждую школку въ среднемъ приходилось меньше десяти учащихся, то одному старшему учителю можно было бы поручить четыре школки. Во всѣхъ этихъ случаяхъ расходы земства на одного ученика не были бы чрезмѣрными. Мы уже видѣли, что въ Ельнинскомъ и Вяземскомъ уѣздахъ Смоленской губерніи содержаніе одного параллельнаго отдѣленія въ среднемъ обошлось въ 37 р. 50 к., а въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи,— 109 р., причемъ въ первой на одну школу приходилось среднимъ числомъ 36 учащихся, а во второй около 25. Допустимъ, что содержаніе одного параллельнаго отдѣленія въ 15 учениковъ обойдется въ 100 руб., что старшему учителю будетъ положено вознагражденіе за занятія въ одной школкѣ и за руководство одною или двумя другими въ 400 р. *), мы получимъ стоимость содержанія трехъ школокъ и одного передвижного старшаго отдѣленія въ 700 руб. въ годъ, что на одного ученика дастъ въ среднемъ около 15—16 руб. въ годъ, а это совсѣмъ не такая уже большая сумма, чтобъ ее нельзя было дать на осуществленіе всеобщаго начальнаго обученія въ самыхъ захолустныхъ, самыхъ глухихъ мѣстахъ уѣзда. Такіе же приблизительно расходы потребуются и въ томъ случаѣ, если въ каждомъ отдѣленіи будетъ въ среднемъ болѣе 20-ти учащихся и одинъ старшій учитель будетъ назначенъ на два отдѣленія. Немногимъ больше станетъ

*) Вторымъ съѣздомъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію минимальный размѣръ учительскаго жалованья въ нормальной школѣ опредѣленъ въ 240—300 руб.

расходъ и въ тѣхъ очень рѣдкихъ, но, конечно, возможныхъ случаяхъ, когда 40 учащихся дадутъ не два, не три, а четыре малонаселенныхъ района. Въ эти разсчеты наши не вошли расходы на народныя чтенія, на передвижную библіотеку, тогда какъ безусловно необходимо, чтобъ этими двумя просвѣтительными учрежденіями пользовались и самые глухіе уголки каждаго уѣзда. Болѣе выгодною въ матеріальномъ отношеніи системой представляется намъ слѣдующая организація библіотеки. При каждой школѣ существуетъ постоянная школьная библіотека изъ книгъ, разсчитанныхъ на малоразвитого читателя и потому постоянно требуемыхъ. Но сверхъ того на нѣсколько пунктовъ должна существовать еще другая передвижная библіотека, разсчитанная на болѣе подготовленныхъ и развитыхъ читателей, состоящая изъ книгъ болѣе цѣнныхъ, но обыкновенно рѣже требуемыхъ. Эта послѣдняя дѣлится на части, по числу пунктовъ, и каждая изъ частей въ опредѣленные сроки передвигается изъ одной школы въ другую, что дастъ населенію возможность пользоваться все новыми и новыми книгами. Но книги въ наше время такъ дешевы, каждая книга живетъ такъ долго, что ежегодные расходы на содержаніе такихъ библіотекъ не могутъ быть особенно значительны. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на организаціи передвижной коллекціи туманныхъ картинъ и другихъ пособій для народныхъ чтеній, потому что мы пишемъ объ этомъ въ другой статьѣ своей, имѣющей появиться особымъ изданіемъ. Замѣтимъ только, что передвиженіе книгъ и туманныхъ картинъ въ школахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, гораздо удобнѣе, потому что дѣло это здѣсь будетъ въ рукахъ старшаго учителя, посѣщающаго всѣ школки своего района. Вторымъ съѣздомъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, разработавшему, между прочимъ, вопросъ о стоимости школъ, вычислено, что при 40—60 ученикахъ въ школѣ на поддержаніе и обновленіе библіотеки понадобится ежегодно отъ 10 до 20 рублей, а единовременно на обзаведеніе библіотеки 25—50 руб. Принявъ для передвижной библіотеки высшія изъ этихъ нормъ, мы увеличимъ исчисленный нами расходъ на начальное обученіе въ трехъ школьныхъ районахъ всего только на 20 рубл. ежегодно, опредѣливъ такимъ образомъ бюджетъ трехъ школокъ въ 720 рубл. Попробуемъ примѣнить эту норму къ какой-нибудь опредѣленной мѣстности въ Россіи.

Предъ нами подробно разработанная школьная сѣть въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Эту сѣть составляютъ 150 нормальныхъ начальныхъ школъ, въ которыхъ могутъ и будутъ, по разсчету составителей обучаться 10,735 дѣтей школьнаго возраста, что даетъ въ среднемъ болѣе 70 человѣкъ на одну школу. Но внѣ этихъ районовъ осталось еще 24 района, гдѣ, по малонаселенности, комиссія, работавшая надъ составленіемъ сѣти, не признала возможнымъ устроить нормальныя училища. Въ этихъ районахъ могутъ и будутъ, по мнѣнію комиссіи, при условіи существованія школъ, обучаться 382 учащагося обоего пола, т.-е. на каждый школьный районъ придется въ среднемъ всего только 16 учащихся.

Для такого числа учениковъ нормальная школа представляется пока неосуществимою мечтой. Самое бо́льшее, на что рѣшилась коммиссія, это на устройство во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ филіальныхъ отдѣленій, которыя дадутъ только одну грамотность. Между тѣмъ организація, предлагаемая нами, дала бы лишняго ежегоднаго расхода на всѣ эти 24 пункта 3,360 рублей, считая здѣсь траты на жалованье 8 старшимъ учителямъ и на пополненіе библіотеки и исключая содержаніе самихъ филіальныхъ отдѣленій, такъ какъ ихъ бюджетъ уже внесенъ коммиссіею, при составленіи сѣти, въ проектируемую смѣту расходовъ по осуществленію всеобщаго обученія. Такъ какъ ежегодный расходъ на содержаніе всѣхъ начальныхъ училищъ нормальной школьной сѣти исчисленъ коммиссіею въ 65 тысячъ рублей, то предлагаемая нами организація увеличиваетъ школьный бюджетъ всего только на 5%. Петровскій уѣздъ принадлежитъ къ среднимъ мѣстностямъ Европейской Россіи, по густотѣ населенія. Въ мѣстахъ гуще населенныхъ проектируемая организація будетъ стоить дешевле, въ мѣстахъ малонаселенныхъ дороже, но нигдѣ она не потребуетъ непосильныхъ расходовъ на то, чтобы сдѣлать начальное образованіе доступнымъ всѣмъ безъ исключенія селеніямъ, какъ бы раскинуты и малолюдны они ни были. Еще легче осуществить предлагаемую нами дополнительную организацію передвижныхъ старшихъ учителей въ Московской губерніи. Коммиссія по народному образованію, состоящая при московскомъ губернскомъ земствѣ, въ составленной ею нормальной школьной сѣти для всей губерніи предполагала сначала во всѣхъ школьныхъ районахъ, имѣющихъ менѣе 100 дворовъ, устраивать филіальныя отдѣленія. Такихъ районовъ въ губерніи нашлось 154. Полагая одного учителя — руководителя на каждые три района и прибавляя къ содержанію старшихъ учителей еще по 20 рублей на ежегодное пополненіе передвижной библіотеки, мы нашли бы, что дополнительная организація къ параллельнымъ отдѣленіямъ обойдется въ 21,420 рублей, что по отношенію ко всѣмъ смѣтнымъ расходамъ, по осуществленію всеобщаго обученія, исчисленнымъ въ 575,865 рублей, составило бы только 3,7%. Но теперь, впрочемъ, для московскаго земства нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ какимъ-нибудь подобнымъ организаціямъ, потому что въ послѣднее время оно нашло возможнымъ устраивать и въ такихъ малолюдныхъ районахъ нормальныя начальныя училища, хотя и болѣе дешеваго типа.

Какой срокъ остается старшій учитель въ каждой школѣ?—этотъ вопросъ можетъ быть рѣшаемъ различно, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Казалось бы, наиболѣе цѣлесообразнымъ представляется слѣдующій порядокъ при трехъ школахъ. Старшій учитель остается въ одной школѣ круглый годъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій годъ переѣхать въ сосѣднюю, а затѣмъ въ третью. На четвертый годъ онъ опять вернется въ первую школу, гдѣ его будутъ ожидать два выпуска учениковъ, окончившихъ двухлѣтній курсъ филіальной школы. То обстоятельство, что впослѣдствіи онъ будетъ имѣть дѣло сразу съ тремя выпусками, тремя возрастами уча-

щихся,—не особенно повредитъ успѣхамъ обученія, потому что всѣ они получили одинаковую подготовку. Но тамъ, гдѣ существуютъ отхожіе зимніе промыслы для подростковъ, или тамъ, гдѣ подростки отъ 11 до 13 лѣтъ заняты зимою какими-нибудь работами, не позволяющими имъ посѣщать школу, придется дѣлить учебный годъ на столько періодовъ, сколько въ районѣ старшаго учителя отдѣленій, т.-е. большею частью на три. Если въ данной мѣстности учебный годъ продолжается 120 дней, то, значитъ, старшій учитель пробудетъ въ одной школкѣ 40 дней, затѣмъ въ другой и третьей тоже по 40 дней. Эта послѣдняя система въ педагогическомъ отношеніи хуже первой. Здѣсь ученики находятся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ учителя только $^1/_3$ учебнаго года, а тамъ цѣлый годъ. Еще болѣе мелкія дѣленія,—напримѣръ, двѣ недѣли въ одной школѣ и по двѣ недѣлѣ въ двухъ другихъ,—еще менѣе удобны, чѣмъ второй порядокъ. Не успѣетъ учитель освоиться съ учениками, овладѣть ихъ вниманіемъ, пріучить ихъ къ своимъ пріемамъ, какъ ему уже надо ѣхать въ другую школку.

Что касается до формальныхъ затрудненій при введеніи проектируемой организаціи, то они легко разрѣшаются. Мы уже видѣли, какъ просто открыть, пользуясь разъясненіемъ г. попечителя Петербургскаго учебнаго округа, филіальныя отдѣленія на основаніи положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 г., назвавъ ихъ «начальными народными училищами» съ двухлѣтнимъ курсомъ. Останется только санкціонировать зависимость учителей этихъ школокъ отъ старшаго учителя. Но этого тоже легко будетъ достигнуть, если содержатели, т.-е. большею частью земства, изберутъ старшихъ учителей попечителями школокъ. Права попечителей Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ опредѣляетъ очень широко. По точному смыслу ст. 14, онъ завѣдуетъ дѣлами ввѣренныхъ ему школъ, входитъ въ сношенія съ инспекторомъ и вполнѣ отвѣтствуетъ за порядокъ въ сихъ заведеніяхъ. По силѣ ст. 13, онъ засѣдаетъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ и подаетъ голосъ по дѣламъ своихъ школъ. У насъ часто и вполнѣ справедливо жалуются на то, что голосъ учителей отсутствуетъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ. Вотъ средство, допускаемое закономъ, пополнить этотъ пробѣлъ.

В. Вахтеровъ.

По поводу сочиненія проф. А. Ф. Кистяковскаго

Изслѣдованіе о смертной казни. Второе изд. подъ редакціей Т. С. Спб., 1896 г.

Еще въ 1838 г. Капплеръ въ своемъ *Руководствѣ къ литературѣ уголовнаго права* приводилъ 232 сочиненій, статей и замѣтокъ, трактующихъ о смертной казни. А такъ какъ съ того времени, и въ особенности въ 60-хъ годахъ, появились новыя и наиболѣе выдающіяся изслѣдованія, то покойный проф. Кистяковскій имѣлъ полное право начать предисловіе къ своему замѣчательному труду (появился въ Кіевѣ въ 1867 г.) заявленіемъ, вѣрнымъ для этого времени, что «ни одинъ вопросъ уголовнаго права не пользуется такою извѣстностью и такимъ свойствомъ привлекать къ себѣ духъ изслѣдованія, какъ смертная казнь». Но такое «обиліе сочиненій и общеизвѣстность предмета» не даютъ основаній къ утвержденію, что «смертная казнь—вопросъ избитый и не стоющій дальнѣйшей работы спеціалиста». «О смертной казни нельзя сказать ничего новаго лишь съ *отвлеченно-схоластической* точки зрѣнія» и было бы «безполезною и пустою работой возобновлять вѣчный и безысходный споръ *о справедливости и несправедливости* этого наказанія». Иначе обстоитъ дѣло съ *философско-исторической стороной* смертной казни, которая *мало разработана и даетъ богатѣйшій матеріалъ* для изслѣдованія. Авторъ и сосредоточилъ вниманіе *на* этой *исторической сторонѣ вопроса, указалъ и прослѣдилъ связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ развитіемъ человѣка.* Въ этой-то научно-вѣрной постановкѣ предмета изслѣдованія съ *историко-культурной* точки зрѣнія, которая или совершенно игнорировалась предшественниками проф. Кистяковскаго, или же слабо и скорѣе случайно затрогивалась ими, съ подчиненіемъ ея пріемамъ и положеніямъ слишкомъ отвлеченнымъ и недостаточно обоснованнымъ, заключается первая, самая *существенная заслуга автора.* А такъ какъ этотъ пріемъ выдержанъ съ большою послѣдовательностью, а анализъ отдѣльныхъ факторовъ общественно-исторической жизни, вліявшихъ на постановку смертной казни въ законодательствѣ, практикѣ и въ доктринѣ, проведенъ чрезъ все изслѣдованіе съ большою глубиной и рѣдкимъ объекти

визмомъ, то задуманный трудъ не остался въ области однѣхъ широко намѣченныхъ строго научныхъ задачъ, но и *далъ на самомъ дѣлѣ плодотворные выводы,* представляющіе цѣну не только съ исторической и чисто-научной точки зрѣнія, но и для законодателя (ad legem ferendam). Въ этомъ—вторая, тоже значительная заслуга автора, которая, въ соединеніи съ первой, возвышаетъ его изслѣдованіе на степень «классическаго», могущаго быть названнымъ по вѣрному замѣчанію нашей критики (проф. Сергѣевскій, Бѣлогриць-Котляревскій, издатель Т. С. и друг.)—«лучшимъ произведеніемъ во всей европейской литературѣ». Вѣрность научно-историческаго пріема и добытыхъ изслѣдованіемъ результатовъ въ связи *съ большою фактическою и идейною полнотой* разсматриваемаго труда, которая является третьимъ несомнѣннымъ его достоинствомъ, приводятъ къ тому, что появленіе всякаго новаго изслѣдованія по этому вопросу, *при современномъ положеніи знаній*, равно какъ и новыхъ законодательныхъ опредѣленій, могутъ имѣть значеніе отнюдь не принципіальное, а лишь дополнительное, ничуть не измѣняющее ни существенныхъ положеній, добытыхъ проф. Кистяковскимъ, ни того конечнаго и ничѣмъ неотвратимаго поступательнаго движенія законодательствъ культурныхъ народовъ по пути къ полной отмѣнѣ явно вымирающаго института смертной казни, которое можетъ быть лишь задерживаемо какъ разными болѣзненными (реакціонными), всегда временными вспышками въ общественномъ настроеніи и законодательствахъ отдѣльныхъ странъ, такъ и крайними направленіями новыхъ школъ въ наукѣ уголовнаго права (напримѣръ, такъ называемой антропологической). Благодаря книгѣ покойнаго Кистяковскаго, всѣ мыслящіе серьезно и «sine ira et studio» получаютъ возможность отнестись критически къ различнымъ теченіямъ и настроеніямъ, прорывающимся иногда въ наукѣ и въ жизни современныхъ обществъ, не страшась за окончательное торжество аболиціонистовъ. Въ справедливости этой мысли вполнѣ убѣждаетъ насъ превосходный очеркъ (вмѣсто предисловія), который г. Т. С. предпослалъ второму изданію высокопоучительнаго труда проф. Кистяковскаго. Достоинства «вмѣсто предисловія» г. Т. С. заключаются въ томъ, что: 1) авторъ даетъ въ немъ правильную характеристику извѣстнѣйшихъ писателей о смертной казни—Гетцеля и Гауса, изслѣдовавшихъ это наказаніе тоже съ исторической точки зрѣнія, и Гольтцендорфа, поставившаго вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи смертной казни на чисто юридическую почву; г. Т. С. не только ознакомляетъ такимъ способомъ читателей съ другими виднѣйшими представителями науки, занимавшимися этимъ вопросомъ, т.-е. содѣйствуетъ пополненію свѣдѣній читателя, но и даетъ имъ возможность болѣе правильно оцѣнить значеніе и заслуги самого Кистяковскаго; 2) авторъ вводитъ здѣсь читателя, а отчасти и въ своихъ дополненіяхъ къ VI-й главѣ изслѣдованія, въ дальнѣйшую (съ конца 60-хъ годовъ) *Исторію* тѣхъ *законодательныхъ, а частью и научныхъ движеній*, нерѣдко реакціоннаго свойства, которыя являются, какъ замѣчено выше, временными задержками въ историческомъ ходѣ вымиранія смертной

казни, причемъ автору вполнѣ удалось уяснить чисто случайный и преходящій характеръ этихъ попытокъ къ возстановленію отмѣненной уже смертной казни, къ дальнѣйшему ея распространенію или, наконецъ, къ теоретическому оправданію ея, сдѣланному, напримѣръ, антропологическою школой. Вѣрно охарактеризовавъ главную ошибку этой послѣдней, заключающуюся «въ черезчуръ абсолютномъ примѣненіи дарвиновской теоріи», законы которой съ каждымъ шагомъ развитія человѣческаго общества «настолько модифицируются, что совершенно теряютъ свой первоначальный характеръ», издатель останавливаетъ вниманіе читателей на знаменательномъ фактѣ, что такъ-называемая «позитивная школа» уголовнаго права, создавшаяся подъ вліяніемъ толчка, даннаго доктринами Ломброзо и его послѣдователей, придерживаясь болѣе соціологическаго, чѣмъ біологическаго направленія, «не можетъ относиться сочувственно къ смертной казни», которую, надо прибавить, отрицали, со стороны ея цѣлесообразности, даже представители самой антропологической школы (напримѣръ, Enrico Ferri, у насъ — Дм. Дриль). Издатель не отрицаетъ положительнаго результата, достигнутаго этою послѣдней школой въ вопросѣ о смертной казни: на-ряду съ повтореніемъ избитыхъ аргументовъ старыхъ школъ въ защиту смертной казни, она дала «болѣе правильное освѣщеніе культурно-исторической роли смертной казни». Практическое же рѣшеніе вопроса о томъ: быть или не быть этому наказанію—заключается для настоящаго времени «не въ борьбѣ принциповъ, а *въ борьбѣ интересовъ*». Это объясняетъ «какъ несомнѣнное ослабленіе интереса къ этому вопросу въ научныхъ кругахъ», такъ равно и малые шансы на отмѣну смертной казни «при существованіи извѣстныхъ условій» (напримѣръ, въ Германіи—въ 70-хъ годахъ). Но, во всякомъ случаѣ, «на сторонѣ смертной казни теперь—меньшинство, за отмѣну же ея стоитъ не только большая часть криминалистовъ и судей, но и всего мыслящаго народонаселенія». И «не надо быть пророкомъ, — справедливо замѣтилъ Н. С. Таганцевъ (лекціи, IV, стр. 1450), — чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнетъ изъ уголовныхъ кодексовъ, и для нашихъ потомковъ самый споръ о ея цѣлесообразности будетъ казаться столь же страннымъ, какимъ представляется теперь для насъ вопросъ о необходимости и справедливости колесованія или сожженія преступниковъ».

Выше была уже отмѣчена заслуга Кистяковскаго, заключающаяся въ умѣломъ и послѣдовательномъ примѣненіи историко-культурнаго пріема въ изслѣдованіи смертной казни. Въ первой половинѣ нашего столѣтія (съ 30-хъ годовъ) вопросъ былъ поставленъ почти исключительно на теоретическую почву и разсматривался съ точки зрѣнія абстрактныхъ, метафизическихъ началъ, господствовавшихъ не только въ государственныхъ и юридическихъ наукахъ, но отражавшихся даже въ практической законодательной дѣятельности. Понятно, что всѣ соображенія, приводившіяся противниками смертной казни съ точки зрѣнія «высшей справедливости», «права государства» наказывать смертью, «ненарушимости» человѣческой жизни, проти-

рѣчія этой кары христіанской религіи и проч., встрѣчали со стороны защитниковъ этого наказанія возраженія, нерѣдко не менѣе вѣскія, опиравшіяся на тѣ же принципіальныя положенія абстрактно-метафизическаго свойства. Весь споръ оказывался, такимъ образомъ, если не совсѣмъ безплоднымъ, то, во всякомъ случаѣ, недостаточно плодотворнымъ и оставлявшимъ открытое поле для субъективизма и случайныхъ рѣшеній. И вотъ, со второй половины переживаемаго нами вѣка, вопросъ переходитъ на утилитарную почву: теоретическія сужденія о справедливости смертной казни замѣняются спорами о вредѣ или полезности ея, т.-е. системой и пріемами изслѣдованія, выдвинутыми еще раньше въ Англіи. Это «утилитарно-соціологическое» направленіе, распространенію котораго много содѣйствовалъ Миттермайеръ, значительно дискредитировало первое (строго-теоретическое), а съ конца 60-хъ годовъ, поднявшись на высоту историческаго изслѣдованія смертной казни, связаннаго съ изученіемъ вліянія на нее политическихъ и юридическихъ учрежденій, это новое «историко-культурное» направленіе, окончательно восторжествовавъ въ наукѣ, подарило послѣднюю тремя капитальными сочиненіями: *Гетцеля* («Смертная казнь въ ея культурно-историческомъ развитіи», 1869 г.), *Гауса* (*Haus*—«Смертная казнь, ея прошедшее, настоящее и будущее», 1867 г.) и разсматриваемое сочиненіе Кистяковскаго, появившееся *въ началѣ 1867 г.*, самостоятельно и внѣ всякаго вліянія первыхъ двухъ. *Пальма первенства принадлежитъ между ними сочиненію нашего соотечественника.* Дѣйствительно, книга Гетцеля,—лучшая въ нѣмецкой литературѣ,—заманчива по заглавію, грандіозна по замыслу, но далеко не удовлетворяетъ ожиданій по своему содержанію. Справедливо замѣтилъ Гейеръ, что содержаніе этой книги скорѣе исчерпывалось бы скромнымъ заглавіемъ: *Смертная казнь въ исторіи литературы и политики.* Излагая весьма обстоятельно исторію смертной казни въ законодательствахъ различныхъ странъ и временъ, а также взгляды изслѣдователей этого вопроса, *Гетцель* совершенно *устраняетъ* изъ своего изслѣдованія *анализъ* громаднаго *вліянія общественной, политической жизни и нравственныхъ чувствъ на законодательство и литературу о смертной казни, а также всю исторію самой смертной казни.* Въ этомъ сочиненіи нельзя найти, по вѣрному замѣчанію г. Т. С., ничего, относящагося до фактическаго распространенія смертныхъ казней у народовъ въ разныя эпохи и до способовъ ея совершенія, или къ вопросамъ объ отношеніи къ ней народныхъ массъ и о вліяніи ея на общество. И самая основная точка зрѣнія этого автора, весьма близкая къ первому (метафизическому) направленію нѣмецкой доктрины, все еще напираетъ на «несправедливость» наказанія смертью. Что же касается изслѣдованія Гауса, то и оно по содержанію гораздо у́же заглавія,—оно изслѣдуетъ скорѣе исторію постепенной отмѣны этого наказанія въ законодательствахъ и вымиранія его на практикѣ и не отличается, какъ замѣчаетъ г. Т. С., «широтою историческаго взгляда». *Эти-то серьезные недостатки изслѣдованій Гетцеля и Гауса чужды сочиненію Кистяковскаго*, который умѣлъ

положилъ «соціологическую подкладку въ основу объясненія законодательныхъ реформъ и такихъ явленій общественной жизни, какъ вымираніе какого-нибудь института». Эта характерная черта изслѣдованія покойнаго кіевскаго профессора даетъ намъ нѣкоторое право видѣть въ немъ (и *отчасти* въ покойномъ Н. А. Неклюдовѣ, по его магистерской диссертаціи) одного изъ первыхъ серьезныхъ сторонниковъ новѣйшаго «соціологическаго направленія» въ наукѣ уголовнаго права. Эта характерная особенность сочиненія, въ связи съ высокимъ объективизмомъ историческаго изслѣдователя, «безпристрастно слѣдящаго за законами историческаго развитія», придаетъ ей тотъ «особенно широкій и разносторонній интересъ», который независимъ отъ спеціально-научнаго значенія этой книги при разрѣшеніи юридическаго вопроса о смертной казни.

Что касается общеинтересныхъ и имѣющихъ высокую научную цѣнность выводовъ, къ которымъ авторъ приходитъ въ своемъ изслѣдованіи, то они сводятся къ слѣдующимъ:

Въ первой главѣ авторъ излагаетъ два направленія въ изученіи вопроса о смертной казни: философско-метафизическое и философско-позитивное; уяснивъ безплодность перваго, онъ останавливается въ особенности на Миттермайерѣ, какъ на представителѣ второго направленія, и приходитъ къ заключенію, что разработка вопроса дала *прочные результаты* только благодаря тому, что изслѣдованіе смертной казни стало опираться на опытъ, на факты изъ жизни народовъ (стр. 23). Тѣмъ не менѣе, «осталась еще неизслѣдованною *исторія смертной казни*, сторона предмета чрезвычайно обширная и могущая доставить многочисленныя данныя *даже для практическаго рѣшенія* этого вопроса» (стр. 28). Сознавъ всю важность историческихъ изысканій, авторъ и обратилъ большую часть своего труда на эту сторону изслѣдуемаго имъ предмета, скромно называя свою историческую часть (главы III—VII) «опытомъ изслѣдованія нѣкоторыхъ только періодовъ исторіи смертной казни,—періода мести, вліянія рабства и привилегій на исторію наибольшаго развитія этого наказанія въ періодъ государственный, возникновенія сомнѣній и постепенной отмѣны смертной казни» (стр. 30). Этимъ-то центральнымъ вопросамъ посвящены главы III—VII, которымъ предшествуютъ изложеніе и критическая оцѣнка главнѣйшихъ теоретическихъ и утилитарныхъ доводовъ, приводимыхъ обыкновенно защитниками и противниками смертной казни. Эта глава не изъ лучшихъ въ изслѣдованіи, уступаетъ трудамъ Миттермайера и особенно Гольцендорфа и не представляетъ изъ себя ничего особенно оригинальнаго или выдающагося. Тѣмъ не менѣе для русскихъ читателей въ ней выдвигаются два безспорныя достоинства: 1) она отличается полнотою, такъ какъ въ ней собраны воедино всѣ pro и contra, и 2) есть первая по времени и обстоятельности въ *русской литературѣ* обработка указанной стороны ученія о смертной казни. Научный и фактическій интересъ изслѣдованія возрастаетъ съ III главы, выводами которой являются слѣдующія положенія автора: періодъ мести есть время наибольшаго употребленія

смертной казни, потому что первобытный человѣкъ не имѣетъ никакого понятія о вмѣненіи въ нынѣ господствующемъ смыслѣ; первымъ факторомъ уменьшенія смертныхъ казней является экономическій интересъ, убѣждающій человѣка въ томъ, что ему выгоднѣе получить за свою обиду и за свои потери матеріальное вознагражденіе; но и убійство въ отмщеніе и матеріальное вознагражденіе долго служатъ наказаніемъ за всякое преступленіе—какъ намѣренное, такъ равно неосторожное и случайное. Для установленія этого различія, вліяющаго на уменьшеніе смертныхъ казней, необходима была нейтральная сила, внѣ отношеній ближняго къ обидчику стоящая—общественная (государственная) власть, которая долго сама находилась подъ вліяніемъ народныхъ воззрѣній и лишь постепенно и медленно выполняетъ указанную выше задачу.

Еще лучше IV глава, въ которой авторъ, рядомъ историческихъ изысканій съ древнѣйшихъ временъ, дѣлаетъ выводъ, что *вся исторія рабства доказываетъ, что оно имѣло громадное, если не преобладающее вліяніе на смертную казнь, на объемъ и формы ея примѣненія* (стр. 123), особенно же въ томъ тяжкомъ видѣ рабства, при которомъ господинъ является безконтрольнымъ, абсолютнымъ владыкою своего раба (здѣсь рабство — обильнѣйшій источникъ смертныхъ казней). Рабство же второго вида (крѣпостное состояніе), перенося уже на государство власть наказывать раба за тяжкія преступленія и оставляя за господиномъ лишь право дисциплинарнаго наказанія за меньшія вины, влечетъ за собою, хотя постепенно, уменьшеніе смертныхъ казней, особенно по ничтожнымъ поводамъ (стр. 123—124). Такое уменьшеніе является также продуктомъ *привилегій меньшинства*, и изученію вліянія ихъ на смертную казнь посвящается цѣлый рядъ блестящихъ страницъ IV главы. О равенствѣ наказаній не можетъ быть рѣчи даже въ догосударственный періодъ, такъ какъ «кто сильнѣе, тотъ вѣрнѣе и жесточе мститъ, а кто богаче — легче избѣгаетъ кары» (стр. 147). Съ появленіемъ государства послѣднее долго «сохраняетъ, формируетъ и являетъ это неравенство въ видѣ законовъ», почему у всѣхъ народовъ въ первый періодъ ихъ государственной жизни существуютъ—народъ (большинство) и немногочисленные дворянскіе роды и духовенство; преступленія перваго класса преслѣдуются съ изумительною жестокостью, почему смертная казнь есть господствующее для него наказаніе, расточаемое de jure и de facto щедрою рукой за пустѣйшіе проступки, тогда какъ меньшинство, владѣющее всѣми родами власти, путемъ закона или практики, создаетъ для себя привилегію полнаго или, для большинства случаевъ, частнаго *изъятія* отъ смертной казни (стр. 150); послѣднее нельзя разсматривать какъ признакъ уваженія къ человѣческому достоинству, а можно характеризовать какъ проявленіе *безнаказанности* этого меньшинства. Понятно, что эта привилегія суживается и постепенно исчезаетъ по мѣрѣ развитія общегосударственной власти и отождествленія этой послѣдней съ понятіемъ общаго блага всего народа (стр. 151). Въ главѣ V проф. Кистяковскій изслѣдуетъ періодъ наибольшаго примѣненія смертной

казни во время господства общегосударственной власти, которая еще очень долго, явившись непосредственной наслѣдницей предыдущаго порядка, держалась началъ, обусловливавшихъ необходимость смертной казни за многія преступленія и по многимъ поводамъ, именно: за преступленія государственныя, религіозныя и противъ нравственности, на-ряду съ которыми даже до конца XVIII вѣка сохраняется обычай карать смертью за маловажныя вины. Отсюда—обиліе смертныхъ казней, поддерживаемое произволомъ судей и существенными недостатками судопроизводства (наприм., системою доказательствъ—пыткою). Глава VI—*лучшая въ цѣломъ изслѣдованіи*—излагаетъ исторію постепеннаго фактическаго и законодательнаго суженія сферы примѣненія, а затѣмъ и отмѣны смертной казни—сперва за преступленія противъ религіи, нравственности и собственности, а затѣмъ и за большинство другихъ преступленій, а въ нѣкоторыхъ кодексахъ и за всѣ уголовныя правонарушенія; при этомъ даже въ государствахъ, сохранившихъ это наказаніе, практика, вопреки закону, de facto отмѣняетъ смертную казнь во многихъ случаяхъ путемъ судебнаго смягченія наказанія или помилованія. Эта глава представляетъ особый интересъ и научную цѣнность потому, что, не ограничиваясь внѣшнею исторіей предмета, изучаетъ *внутреннюю его исторію:* анализируя вліяніе на постепенную отмѣну смертной казни факторовъ экономическаго, смягченія нравовъ, ученія объ умѣренности наказаній и о равенствѣ предъ закономъ, VI глава приводитъ автора къ заключенію, что отмѣна смертной казни была результатомъ «причинъ и событій, стоящихъ внѣ области уголовнаго права», именно—«коренного, реальнаго измѣненія матеріальнаго и умственно-нравственнаго строя обществъ»; отмѣна, являвшаяся плодомъ «теоретическихъ соображеній—долго не держалась» (стр. 237). Само научное опроверженіе справедливости и состоятельности смертной казни было «произведеніемъ фактическаго переворота, хотя еще не закрѣпленнаго закономъ, совершавшагося внутри европейскихъ обществъ». Ходъ же отмѣны совершался «приливами и отливами», причемъ жизнь «сдерживала слишкомъ смѣлые порывы впередъ и не позволяла возвращаться далеко назадъ, куда она сама не хотѣла и не могла возвратиться; въ концѣ же концовъ она сама медленно, но неизмѣнно «стремится достигнуть крайняго пункта», т.-е. полной отмѣны наказанія смертью (стр. 238). Наконецъ, въ VII главѣ проф. Кистяковскій—первый изъ изслѣдователей этого предмета—анализируетъ не только *формы совершенія смертной казни, но и характеръ ея исполнителей,* чтобъ еще болѣе подтвердить свое главное положеніе о томъ, что «существованіе и отмѣна смертной казни вполнѣ зависятъ отъ степени общественнаго развитія, стоящаго внѣ власти человѣка»: въ судьбѣ этихъ двухъ вопросовъ по словамъ автора, «всего ярче отражается стихійная сила прогресса, съ неудержимымъ могуществомъ уничтожающаго потребность въ смертной казни» (стр. 239). Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: изысканные способы совершенія казней и главнѣйшія ея формы, предшествуя образованію государства, выработались уже въ періодъ мести (стр. 239 и 259); эти

жестокія и изысканныя казни дикаго человѣка, явившись выраженіемъ его экономическаго, общественнаго и умственно-нравственнаго состоянія, унаслѣдованы позднѣе и государствомъ, какъ непосредственнымъ преемникомъ предыдущаго порядка; перемѣна же общественныхъ отношеній, умственное и нравственное развитіе и смягченіе нравовъ сопровождались исчезновеніемъ тѣхъ силъ, которыя творили и поддерживали изысканныя казни: отсюда — «всеобщая отмѣна квалифицированной смертной казни, уничтоженіе прежней ея публичности и все чаще проявляющееся въ обществѣ отвращеніе даже ихъ видѣть» (стр. 260). И нигдѣ коренной переворотъ въ убѣжденіяхъ народовъ не проявляется въ такомъ ясномъ свѣтѣ, какъ въ «исторіи палача». Такъ, въ древнихъ монархіяхъ Азіи исполненіе обязанностей палача нерѣдко брали на себя цари, еще чаще эти обязанности исполнялись первосвященниками и жрецами, а когда власть жрецовъ ослабѣла и юстиція секуляризовалась, обязанность палача перешла къ лицамъ, участвовавшимъ въ отправленіи правосудія. И даже въ то время, когда должность исполнителя казней превратилась постепенно въ ремесло, палачъ пользовался почетомъ (стр. 261—263); процессъ же перемѣны во взглядахъ на палача, ставшаго въ глазахъ народа «существомъ гнуснымъ и безчестнымъ», начавшись очень давно, длился долго, совершался незамѣтно, но въ настоящее время онъ есть фактъ, котораго никто не можетъ отрицать: «палачъ внушаетъ ужасъ и отвращеніе, одно прикосновеніе къ нему считается оскверненіемъ»; и если де-Местръ рѣшается утверждать, что «все величіе, все могущество, вся субординація покоится на палачѣ, который есть и ужасъ, и связь человѣческаго общества» и безъ котораго «порядокъ уступитъ мѣсто хаосу, троны разрушатся и общество исчезнетъ»,— то онъ «изобразилъ значеніе палача для нашего времени—по идеалу отжившей цивилизаціи» (стр. 267).

Извѣстный криминалистъ Люкасъ, всю жизнь свою ратовавшій за отмѣну смертной казни, утверждаетъ, что въ неизмѣнномъ европейскомъ движеніи въ пользу уничтоженія этого наказанія замѣчается нѣкоторая правильность, проявляющаяся въ томъ, что сначала его отмѣнили маленькія, затѣмъ среднія государства, и очередь осталась за великими державами, среди которыхъ Италія въ новомъ кодексѣ 1890 г. первая подала примѣръ полной ея отмѣны. Не наступила ли очередь и за Россіей, гдѣ проектъ новаго угол. уложенія сдѣлается, надо надѣяться, закономъ въ самомъ близкомъ будущемъ? Редакціонная коммиссія (см. «Объясненія къ проекту», т. I, стр. 14—27), изложивъ дальнѣйшіе доводы pro и contra, на основаніи, главнымъ образомъ, изслѣдованій Гетцеля, Миттермейера, Гольцендорфа и *Кистяковскаго* и подкрѣпивъ свои разсужденія статистикою числа осужденій и дѣйствительно состоявшихся казней въ важнѣйшихъ государствахъ Европы съ начала настоящаго столѣтія до 80-хъ годовъ (а для Россіи даже до 1890 г.), вынуждена была лишь присоединиться къ основному конечному выводу проф. Кистяковскаго, что смерт-

ная казнь «находится въ періодѣ вымиранія» и что, будучи еще въ недавнее время центромъ карательной системы, она теперь повсюду сохранила характеръ *исключительной* мѣры, примѣняемой, и то *болѣе какъ угроза закона*, къ наиболѣе тяжкимъ дѣяніямъ, направленнымъ противу основъ государственнаго строя или противъ жизни отдѣльныхъ лицъ, попытки же къ полной отмѣнѣ смертной казни повторяются все чаще и чаще, встрѣчая полную поддержку въ юридической литературѣ, гдѣ на сторонѣ отмѣны находятся почти всѣ авторитетныя имена. И коммиссія даетъ этому явленію то же объясненіе, которое мы нашли уже у проф. Кистяковскаго, находя его «въ измѣненіи условій современной государственной и соціальной жизни, а еще болѣе въ постепенномъ проникновеніи въ уголовныя законодательства и въ судебную практику сознанія о *нецѣлесообразности* этого наказанія» (стр. 21). Поэтому редакціонная коммиссія полагаетъ, что Россія могла бы сдѣлать «новый дальнѣйшій шагъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ прошлаго вѣка (съ царствованія Елизаветы), и не только по *возможности ограничить число случаевъ примѣненія смертной казни, но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка уголовныхъ наказаній*, налагаемыхъ по общимъ законамъ» (стр. 27). Впрочемъ, коммиссія признала болѣе цѣлесообразнымъ внести въ лѣстницу наказаній смертную казнь *для наиболѣе тяжкихъ государственныхъ преступленій*, предоставивъ рѣшеніе вопроса о полной ея отмѣнѣ государственному совѣту, въ виду того, что этотъ вопросъ, кромѣ чисто-юридической стороны, заключаетъ въ себѣ и *«весьма важную политическую сторону»*, долженствующую значительно вліять на признаніе своевременности или несвоевременности такой отмѣны (стр. 27). Здѣсь редакціонная коммиссія стоитъ, очевидно, на той же точкѣ зрѣнія, на которую сталъ и издатель изслѣдованія Кистяковскаго.

Проф. Кистяковскій выяснилъ съ полною убѣдительностью, что полная отмѣна наказанія смертью прочна лишь въ томъ случаѣ, когда она дѣлается не порывами, а постепенно, въ соотвѣтствіи со слагающимися нормальными условіями общественной и государственной жизни. Лучше медленнѣе, но навѣрняка, лучше отмѣнять ее за отдѣльныя преступленія, суживать постепенно кругъ дѣяній и лицъ, къ которымъ она примѣняется, постепенно же пріучая общество къ непользованію ею, чѣмъ, вычеркнувъ ее разомъ и цѣликомъ изъ кодекса, рисковать возможностью ея возстановленія для нѣкоторыхъ случаевъ подъ напоромъ руководящихъ сферъ, еще не окончательно подготовленныхъ къ полной отмѣнѣ. Необходимо, другими словами, въ новыхъ законодательствахъ идти такимъ путемъ: 1) *уменьшить* даже plus ultra *кругъ дѣяній*, облагаемыхъ ею; 2) *ограничить условія примѣненія* смертной казни къ указаннымъ дѣяніямъ и главнымъ образомъ *по отношенію къ лицамъ*, которыя могутъ быть подвергнуты ей, и 3) *внести, насколько это возможно, въ уголовный процессъ правила, ограничивающія возможность присужденія къ казни и гарантирующія правосудіе отъ ошибокъ*, ничѣмъ непоправимыхъ при

исполненіи наказанія смертью (безспорно, что непоправимость и невознаградимость исполненія смертной казни надъ невинно или сверхъ вины осужденнымъ—одинъ изъ серьезныхъ практическихъ аргументовъ противъ этого наказанія). Намъ кажется, что *коммиссія въ значительной мѣрѣ удовлетворила первымъ двумъ требованіямъ*. Дѣйствительно, смертную казнь предположено сохранить (см. ст. 59, 1 ч. 60, 2 ч. 61, 3 ч. 63 и 1 ч. 77 ст. «проекта улож.» за посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще на неприкосновенность Особы Царств. Императора, Императрицы или Наслѣдника, на низверженіе Императора съ престола (ст. 59), на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо части ея образа правленія или порядка наслѣдія престола, на воспрепятствованіе царствующему Государю самодержавно осуществлять права власти верховной, на отторженіе отъ Россіи какой-либо ея части (1 ч., 60 ст.),—за приготовленіе къ мятежу, указанному въ ст. 59; за наиболѣе тяжкіе виды измѣны (3 ч. ст. 63) и, наконецъ, за посягательство на жизнь члена Императорскаго Дома (1 ч. ст. 77). Въ отличіе отъ дѣйствующаго уложенія, приравнивающаго по наказуемости (смертною казнью) всѣ стадіи развитія преступной воли (даже единый «умыселъ», приготовленіе, покушеніе и оконченное преступленіе) по всѣмъ «преступленіямъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ», а также всѣ виды соучастія и прикосновенности, *проектъ приравниваетъ по наказуемости лишь совершеніе и покушеніе* и то *только для дѣяній, перечисленныхъ въ ст. 59 и 61*, а *«приготовленіе»—лишь въ случаѣ, указанномъ во 2 ч. ст. 61* (приготовленіе къ мятежу). Что же касается до соучастниковъ, то въ перечисленныхъ выше статьяхъ проекта нѣтъ указаній на примѣненіе къ нимъ общей статьи (43), опредѣляющей понятіе о соучастіи, изъ чего слѣдуетъ, что пособнику, наприм., «помощь коего была несущественна», наказаніе смягчается въ силу самаго закона, согласно правиламъ ст. 45 «проекта», а тотъ изъ соучастниковъ, который, отказавшись отъ участія въ сообществѣ, принялъ *своевременно* всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для предотвращенія преступнаго дѣянія, будетъ совершенно освобожденъ отъ наказанія (5 ч. ст. 43). Такимъ образомъ, проектъ, уменьшая кругъ дѣяній, облагаемыхъ смертною казнью (онъ исключилъ изъ него и такъ называемыя карантинныя преступленія) и ограничивая условія, заключающіяся въ матеріальномъ же правѣ для ея примѣненія, приближается въ этомъ отношеніи къ лучшимъ изъ новѣйшихъ уголовныхъ кодексовъ (особенно къ германскому), частью даже опередилъ ихъ, такъ какъ не знаетъ смертной казни для тяжкихъ видовъ лишенія жизни. Но онъ идетъ еще дальше ея, руководясь какъ указаніями историческаго опыта *въ Россіи*, такъ и соображеніями цѣлесообразности, проектируетъ постановленія, суживающія примѣненіе смертной казни другимъ путемъ, именно—*изъятіемъ отъ нея нѣкоторыхъ лицъ частью по возрасту, частью по полу*, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ постановленій, *не встрѣчаясь даже въ лучшихъ изъ европейскихъ законодательствъ*, являются шагомъ впередъ, оправдываемымъ исторіей

европейской и особенно русской практики. Такъ, согласно ст. 49 «Проекта», *смертная казнь для несовершеннолѣтнихъ отъ 17 до 21 года замѣняется во всякомъ случаѣ каторгою на 17 лѣтъ.* Постановленіе, соотвѣтствующее (въ отношеніи къ непримѣненію смертной казни) законодательствамъ Германіи, Австріи и т. п., отражающее законодательство Франціи и исправляющее нашу судебную практику, въ которой, за неполнотою и пробѣлами дѣйствующихъ законовъ, къ наказанію смертью не только *присуждались* лица, достигшія 17 лѣтъ, но иногда и подвергались ему на самомъ дѣлѣ (особенно въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ) эти предположенія проекта, какъ и вся предлагаемая имъ система «замѣны» наказаній для лицъ отъ 17 до 21 года, встрѣчена была сочувственно русскими практиками и особенно германскими учеными, отдававшими этимъ постановленіямъ проекта *преимущество* предъ германскою системою (напримѣръ, Гольцендорфъ, Гейеръ, Шютце). Были, правда, и возраженія: такъ, г. фонъ-Резонъ (см. «Объясненія», т. I, стр. 532) думаетъ, что ст. 49—«ничѣмъ не оправдывается», такъ какъ «особенности возраста (отъ 17 до 21 года) лишь *могутъ* имѣть значеніе при совершеніи преступленія, а потому *могутъ* быть приняты во вниманіе при оцѣнкѣ каждаго даннаго случая, но *неосновательно* утверждать, что эти особенности являются *всегда* и должны быть потому причиною смягченія наказанія ex officio: встрѣчаются «весьма часто» несовершеннолѣтніе, которые не могутъ сослаться въ свое оправданіе ни на одно изъ обязательствъ, указанныхъ коммиссіею, и которые, «по степени своей испорченности, не заслуживаютъ никакого снисхожденія»; и самый возрастъ уголовнаго несовершеннолѣтія (21 годъ)—«слишкомъ поздній»: нерѣдко лица, не достигшія его, находятся уже на государственной службѣ, въ войскѣ, и если особенности ихъ возраста не мѣшаютъ имъ исполнять ихъ служебныя обязанности, «то нѣтъ основаній предполагать, что онѣ могутъ быть особымъ препятствіемъ при исполненіи другихъ общественныхъ обязанностей, а слѣдовательно и требованій закона». Но г. фонъ-Резонъ, стоящій въ сущности, на той же точкѣ зрѣнія, которую имѣло въ виду французское законодательство, не знающее возраста абсолютной невмѣняемости, а требующее всегда постановки до 16 лѣтъ особаго вопроса о «discernement» (наше «разумѣніе»), упускаетъ изъ виду, что: 1) законодатель долженъ имѣть въ виду *средняго человѣка и обычныя условія его развитія*, а не случаи совершенно исключительные и во всякомъ случаѣ рѣдкіе, которые имѣетъ г. фонъ-Резонъ; 2) должно поэтому считаться съ указаніями психологіи и судебной психопатологіи, которыя (см., напримѣръ, Крафтъ-Эбингъ: *Учебникъ судебной психопатологіи*) объясняютъ намъ, что мозгъ человѣка достигаетъ своего *полнаго развитія* лишь съ истеченіемъ 21 года и психическая дѣятельность, а слѣдовательно и вмѣняемость зависятъ отъ степени развитія психическаго органа; 3) основное положеніе г. фонъ-Резона исходитъ изъ давно признаннаго несостоятельнымъ ученія римскихъ юристовъ «malititia suplet aetatem» (злость дополняетъ возрастъ): чрезвы

чайныя злодѣйства и порочность юнцевъ — плодъ или ненормальнаго, или психо-физическаго состоянія, или же (чаще всего) отсутствія воспитанія, дурной обстановки и скверныхъ примѣровъ, т.-е. обстоятельствъ, побуждающихъ къ смягченію наказанія, при томъ въ возрастѣ, подающемъ особыя надежды на исправленіе; 4) примѣненіе къ нимъ высшей, притомъ жестокой, невознаградимой кары (смертной казни) не встрѣчаетъ сочувствія въ обществѣ (даже въ простонародіи), а между тѣмъ законодатель, какъ вѣрно указалъ проф. Сергѣевскій въ своемъ *Учебникѣ*, можетъ руководится «ad legem ferendam» народными воззрѣніями, когда дѣло идетъ о тяжести наказанія, т.-е. онъ не долженъ вносить въ законъ кары, явно претящія народу, признаваемыя имъ за жестокія и чрезмѣрныя. Въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ тѣмъ, что суды (даже коронныя) будутъ обходить законъ и, избѣгая примѣнять его, нарушатъ его авторитетъ. Мы лично идемъ даже дальше проекта и поддерживаемъ мысль, высказанную нами еще въ 1883 году въ нашихъ замѣчаніяхъ на *Проектъ* (см. *Сводъ замѣчаній*, т. III, стр. 458), въ которыхъ мы предлагали *узаконить для примѣненія смертной казни особый повышенный возрастъ совершеннолѣтія* (въ 25 лѣтъ), съ обязательною замѣною этого наказанія въ возрастѣ отъ 11 до 25 лѣтъ—безрочною каторгою. Единовременно и совершенно самостоятельно ту же мысль высказали и чины ставропольскаго окружнаго суда (*Объясн. ред. ком.*, т. I, стр. 531), полагавшіе не примѣнять смертной казни до 30 лѣтняго возраста. Основанія къ тому выдвинуты нами слѣдующія: смертная казнь, какъ невозстановимое и непоправимое лишеніе высшаго блага (жизни), можетъ быть терпима лишь по отношенію къ лицамъ *вполнѣ зрѣлымъ и установившимся, безусловно опаснымъ*; это наказаніе примѣняется у насъ къ государственнымъ преступленіямъ, т.-е. къ такимъ именно, въ которыхъ увлеченіе, дурныя вліянія, преувеличенная вѣра въ свои силы, самонадѣянность и порывистость, при недостаточно развитой критической способности, односторонности и поверхностности знаній, столь распространенныя до наступленія зрѣлаго возраста, играютъ роль факторовъ, побуждающихъ къ ихъ совершенію и указывающихъ на неполную зрѣлость и вмѣстѣ съ тѣмъ и не безусловную опасность этихъ лицъ. Съ неменьшимъ основаніемъ *изъемлетъ Проектъ* (съ ст. 50 и 51) *отъ смертной казни лицъ обоего пола, достигшихъ 70 лѣтъ* (съ замѣною ея поселеніемъ), *а также женщинъ всѣхъ возрастовъ* (за исключеніемъ преступленія, указаннаго въ ст. 59 *Проекта*). Оба постановленія (см. т. I, стр. 533—537) не встрѣчаются въ иностранныхъ законодательствахъ. «Близость естественной смерти, оканчивающей всѣ земные разсчеты», не допускаетъ, по мнѣнію коммиссіи, примѣненія къ лицамъ достигшимъ 70 лѣтъ смертной казни». Это соображеніе встрѣчаетъ рѣшительнаго противника въ лицѣ г. фонъ-Резона, находящаго, что старость, не удерживающаяся отъ совершенія тяжкаго преступленія, несмотря на близость естественной смерти и на массу жизненнаго опыта, воспользовавшаяся, быть-можетъ, вліяніемъ, которое даютъ ему годы и опытъ, чтобы вовлечь въ преступленіе лю-

дей молодыхъ и пылкихъ, что такая старость не должна считаться обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину (возражаютъ противъ непримѣненія къ нимъ смертной казни и многіе другіе практики, напримѣръ, сенаторы Люце и Закревскій; см. ibidem, стр. 535). Напротивъ того проф. Шютце, Мейеръ, варшавскіе присяжные повѣренные, авторъ настоящей статьи (см. ibidem) одобряютъ предположеніе коммиссіи. Но мы примыкаемъ ко взгляду коммиссіи по инымъ соображеніямъ и полагаемъ, что если законъ снисходителенъ къ несовершеннолѣтнимъ, т.-е. къ неокрѣпшимъ умственно, физически и нравственно, то *по тѣмъ же основаніямъ* нельзя лишать снисхожденія и людей, находящихся въ томъ возрастѣ, когда всѣ психическія отправленія качественно ухудшаются, когда упадаютъ воля и самообладаніе, когда человѣкъ приближается, во многихъ существенныхъ отношеніяхъ къ положенію несовершеннолѣтняго, именно благодаря количеству прожитыхъ имъ лѣтъ. Принявъ же во вниманіе наши русскія условія, вліяющія на психическую и физическую организацію людей, мы рекомендовали даже взять возрастъ въ 65 лѣтъ (см. *Сводъ замѣч.*, т. III, и *Объясн. ред. ком.*, т. I, стр. 535). Что же касается до женщинъ, то *Проектъ*, сводя для нихъ число дѣяній, облагаемыхъ смертною казнью, лишь къ случаямъ, перечисленнымъ въ ст. 59, обосновываетъ освобожденіе лицъ этого пола отъ смертной казни тѣми же соображеніями, которыми коммиссія руководилась относительно несовершеннолѣтнихъ (ibidem, стр. 535 и 532—533), т.-е. частью отсутствіемъ жизненнаго опыта, частью же страстностью, способностью къ увлеченіямъ и т. д., которыя, исчезая или смягчаясь у мужчинъ съ достиженіемъ зрѣлаго возраста, задерживаются въ женщинахъ на всю жизнь, благодаря особенностямъ ихъ психо-физической организаціи и своеобразной постановкѣ женщины въ общественной средѣ. Не отрицая *нѣкоторой цѣны* за этой аргументаціей, мы полагаемъ (см. подробно мотивиров. мнѣніе наше—*Сводъ*, т. III, стр. 489, и *Объясн. ред. ком.*, т. I, стр. 536 и 537), что главными доказательствами въ пользу совершеннаго притомъ освобожденія женщинъ во всѣхъ случаяхъ отъ смертной казни должны служить соображенія историческія, особенно вѣскія для Россіи, этическія и бытовыя, коренящіяся въ воззрѣніяхъ народа на жестокость и, вообще, непримѣнимость этого наказанія къ лицамъ женскаго пола. И на западѣ, гдѣ законъ всюду распространяетъ на нихъ возможность примѣненія смертной казни, самые случаи приговора къ ней очень рѣдки. Даже въ Англіи, гдѣ всѣ законы, и особенно уголовные, соблюдаются и приводятся въ исполненіе съ безпощадною жестокостью, судьи избѣгаютъ постановлять смертные о женщинахъ приговоры, присяжные ходатайствуютъ предъ судьею объ испрошеніи предъ верховною властью смягченія приговора, самые же случаи помилованія осужденныхъ женщинъ—сопровождаютъ почти всѣ обвинительные о нихъ приговоры. Очень долго тамъ не былъ исполненъ ни одинъ смертный приговоръ надъ женщиной, и когда въ 1881 и въ 1894 годахъ казнь была приведена надъ женщинами, то это произвело въ обществѣ цѣлую сенсацію и возбудило даже въ прессѣ общій вопросъ о томъ,

не слѣдуетъ ли совсѣмъ отказаться отъ смертной казни, когда дѣло идетъ о женщинахъ преступницахъ. Во Франціи издавна установился въ присяжномъ судѣ обычай—давать женщинамъ «circonstances atténuantes», если же, подъ вліяніемъ страсти или раздраженія отъ небывалости преступленія, присяжные отказывали въ признаніи «смягчающихъ обстоятельствъ», то верховная власть выступала на помощь осужденнымъ женщинамъ. Помилованіе всегда давалось всѣми президентами, начиная съ Тьера, Наполеономъ III, и едва ли казнь Клемансъ Роберъ (въ 40 годахъ) не была послѣднею казнью лица женскаго пола по приговору ассизовъ, среди нормальнаго теченія общественной и государственной жизни. То же замѣчается въ Италіи (за послѣднія 30 лѣтъ до введенія кодекса 1890 г.), въ Пруссіи, и только въ Австріи изрѣдка приводились (въ 60 и 70 годахъ) въ исполненіе смертные приговоры надъ женщинами. Что же касается до Россіи, то вся наша исторія съ Екатерины II можетъ быть резюмирована такъ: *въ нормальномъ порядкѣ и на основаніи общихъ законовъ* de jure не исключавшихъ примѣненія этого наказанія къ женщинамъ, *послѣднія не подвергались ему даже за политическія преступленія*. Ихъ нерѣдко вѣшали и разстрѣливали во время пугачевщины, но эти факты были результатомъ военнаго положенія и дѣйствія чрезвычайныхъ правилъ и распоряженій среди открытаго мятежа, расправа чинилась почти всегда «delicto flagrante», сокращеннымъ порядкомъ, для устрашенія и «примѣра ради». Еще рѣже тоже чрезвычайнымъ порядкомъ казнились иногда женщины и при Александрѣ I, два-три случая разстрѣлянія по приговору военнаго суда можно насчитать и при Николаѣ I; при Государѣ Александрѣ II всѣ женщины, судившіяся военными судами за политическія преступленія, были помилованы, и лишь одна Перовская казнена при Императорѣ Александрѣ III. Нашъ народъ, отчасти подъ вліяніемъ этихъ историческихъ антицедентовъ, давно создалъ въ себѣ убѣжденіе, что женщины изъяты у насъ по закону отъ смертной казни и что «такъ и быть должно»; вотъ почему многіе недоумѣвали, какимъ образомъ военный судъ въ Кіевѣ присудилъ (въ 1879 г.) къ казни женщину. Во всякомъ случаѣ извѣстныя физическія, психическія и нравственныя особенности лицъ женскаго пола вызываютъ и оправдываютъ допущеніе особенностей въ отношеніяхъ къ нимъ уголовнаго законодательства, которое не должно быть жестоко и излишне сурово къ мужчинамъ, а тѣмъ менѣе къ женщинамъ. Нѣкоторыя изъ соображеній о нецѣлесообразности этого наказанія вообще получаютъ еще бо́льшую силу, когда заходитъ рѣчь о примѣненіи его къ женщинамъ: историческій опытъ указываетъ, что казнь женщинъ производила эффектъ еще менѣе желательный, въ интересахъ общества и государства, чѣмъ исполненіе смертнаго приговора надъ мужчинами, и смерть женщины на эшафотѣ всегда возбуждаетъ сильнѣйшее сожалѣніе въ толпѣ и раздраженіе противъ исполнителей (напримѣръ, казнь Маріи Антуанеты). Даже англичане, далеко не слезливые и не мягкіе по отношенію къ преступникамъ, особенно возмущались казнью женщинъ, а при казняхъ, практиковавшихся во времена

революціи во Франціи и Италіи (послѣ Вѣнскаго конгресса), нерѣдки были случаи, когда толпа бросалась на палачей и пыталась отнять у нихъ жертву. Изъ уголовныхъ же лѣтописей и различныхъ мемуаровъ можно убѣдиться, что сопротивленіе женщинъ исполненію надъ ними смертнаго приговора или потеря ими присутствія духа на эшафотѣ вызывали въ обществѣ чувства діаметрально противоположныя тѣмъ, вызвать которыя имѣли въ виду законъ и правительство, допустившее исполненіе приговора. Непубличное выполненіе послѣдняго, конечно, *смягчаетъ* это тягостное впечатлѣніе, испытываемое здоровыми элементами общества; но все же свѣдѣнія и слухи о свершившемся, проникающіе въ публику чрезъ лицъ, оффиціально присутствующихъ при казни, преувеличиваемые обыкновенно стоустою молвой, производятъ весьма зловредный эффектъ. Самостоятельно пришли къ тому же заключенію противъ примѣненія смертной казни къ женщинамъ и нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, которыя вообще допускаютъ смертную казнь (напримѣръ, чины нижегородскаго окружнаго суда, варшавскіе присяжные повѣренные, петерб. юрид. общество). Изъ нашихъ практиковъ высказались за безусловное примѣненіе къ женщинамъ этого наказанія г. фонъ-Резонъ и гг. сенаторы Люце, Фриде и Закревскій (*Объясн. ред. ком.*, т. I, стр. 537).

Остается еще сказать о тѣхъ процессуальныхъ условіяхъ, которыми обставляли иногда разбирательство преступныхъ дѣяній, угрожаемыхъ смертною казнью, въ видахъ опять же наиболѣе рѣдкаго, тщательно обдуманнаго примѣненія этого наказанія и въ болѣе отдаленныхъ цѣляхъ успѣшнаго пріученія и подготовленія какъ общества, такъ и самой власти къ окончательной отмѣнѣ смертной казни.

Начиная съ конца 70-хъ годовъ, въ виду чрезвычайныхъ политическихъ осложненій, пережитыхъ нашимъ отечествомъ, появляются спеціальные законы (временные), окончательно вылившіеся въ законодательствѣ 1881 г. (Положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ), которое предоставило высшей администраціи право *изъять всякое общее преступленіе* изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ и передать оное сужденію военнаго суда съ примѣненіемъ законовъ воинскихъ (и даже военно-полевыхъ). Благодаря этому, казни *за обыкновенныя* (общія) *преступленія*, совершенныя гражданскими лицами и притомъ не въ окраинахъ, а въ центрѣ мирной и спокойной Россіи, стали практиковаться и періодами даже довольно часто. Такъ, напримѣръ, въ 1883 г. въ Харьк. губ. казненъ (въ каторжной тюрьмѣ) нѣкто Юхновъ, а въ 1884 г.—въ самомъ Харьковѣ—нѣкто Бѣлоусовъ содержавшійся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ. Оба казнены, по приговору военнаго суда, за убійство младшихъ чиновъ тюремнаго персонала. Желательно не дѣлать впредь такихъ изъятій, которыя ничѣмъ не оправдываются въ мирное время и въ мѣстностяхъ спокойныхъ. Смертная казнь сохраняется по проекту лишь для вышеуказанныхъ государственныхъ преступленій, судиться такія дѣянія будутъ и впредь судебными палатами съ сословными представителями), особымъ присутствіемъ сената и верхов[illegible] съ

уголовнымъ судомъ (всѣ 3 учрежденія сохраняются и по предположеніямъ судебной коммиссіи).

Слѣдовательно, законодатель достаточно обезпечиваетъ примѣненіе смертной казни въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, для которыхъ онъ находитъ это наказаніе полезнымъ и неизбѣжнымъ. Но зачѣмъ же идти дальше и вводить смертную казнь тамъ, гдѣ законъ и жизнь признали ее, послѣ новой и тщательной повѣрки коммиссіею, выработавшей «Проектъ», несправедливою и нецѣлесообразною?

Въ нѣкоторыхъ сепаратныхъ нѣмецкихъ кодексахъ первой половины нашего вѣка установлялось, во избѣжаніе непоправимыхъ судебныхъ ошибокъ, правило, по которому смертная казнь не могла быть примѣняема къ лицамъ *несознавшимся* въ преступленіи. Такое процессуальное правило навряд ли можетъ быть рекомендовано, такъ какъ *оно ухудшаетъ положеніе сознавшагося*, т.-е. лица, проявляющаго нерѣдко большую мягкость характера, меньше испорченности, а иногда и раскаяніе, сравнительно съ упорнымъ, жесткимъ и эгоистическимъ человѣкомъ, не ощущающимъ ни сожалѣнія, ни рѣшимости не вводить правосудіе въ заблужденіе. Къ тому же при сознаніи, значеніе котораго весьма относительное (напримѣръ, процессъ рабочаго Райта въ Англіи), улики могутъ быть слабы, но ими довольствуются на судѣ именно въ виду сознанія, если только послѣднее не представляется явно неправдоподобнымъ; при отсутствіи же сознанія доказательства бываютъ нерѣдко прямыя и вполнѣ убѣдительныя. Практиковалось и другое правило, принятое немногими изъ тѣхъ же сепаратныхъ германскихъ кодексовъ, именно—присужденіе къ смертной казни возбранялось на основаніи однихъ *косвенныхъ* доказательствъ (уликъ); требовались непремѣнно доказательства *прямыя* (но не одно сознаніе обвиняемаго). Такой взглядъ почерпаетъ свое происхожденіе изъ теоріи формальныхъ доказательствъ, связывавшихъ судью, при оцѣнкѣ доказательствъ, для опредѣленія законными правилами большаго или меньшаго ихъ совершенства. Съ паденіемъ въ доктринѣ этой теоріи, вытѣсненной свободною судейскою оцѣнкой всѣхъ доказательствъ (по внутреннему убѣжденію), а также въ виду указаній судебнаго опыта, опирающагося и на логику уголовнаго процесса, придающаго все большее значеніе такъ называемымъ уликамъ, вышеуказанное правило, весьма трудно примѣнимое къ суду присяжныхъ, потеряло значительную часть своего кредита, хотя нельзя совершенно отрицать возможности его примѣненія въ томъ коронномъ судѣ, который будетъ исключительно вѣдать у насъ всѣ преступленія, угрожаемыя смертною казнью (особое присутствіе сената и судебная палата съ сословными представителями, верховный уголовный судъ). Такой судъ, обязанный *мотивировать* свои приговоры, можетъ раздѣлять и квалифицировать юридическія понятія о различныхъ доказательствахъ,—слѣдовательно, выдѣлять изъ нихъ улики; во избѣжаніе ошибокъ, его можно было бы, конечно, обязать не произносить смертнаго приговора при наличности однѣхъ уликъ. Но *противъ* принятія этого правила говорятъ другія соображенія: 1) оно введетъ полную *дисгармонію* въ

систему доказательствъ, допускаемую въ судахъ одного государства; 2) можетъ повлечь за собою вопіющія несправедливости: осужденіе однихъ, хотя и при наличности прямыхъ доказательствъ, но во всей ихъ совокупности менѣе убѣдительныхъ сравнительно съ такою полнотой уликъ въ другомъ случаѣ, которая, не оставляя никакихъ сомнѣній въ виновности, вынуждаетъ, однако, ограничиться каторгою для явно виновнаго на ряду съ присужденіемъ къ смерти въ первомъ случаѣ; 3) оно вызоветъ усиленное стремленіе слѣдователей къ полученію сознанія обвиняемаго, т.-е. къ извращенію понятія о силѣ доказательствъ и даже злоупотребленія; 4) это правило разрушаетъ весь строй современнаго ученія о доказательствахъ и идетъ въ разрѣзъ съ указаніями опыта, доказывающаго, что большинство сложныхъ и важныхъ дѣлъ строится на косвенныхъ доказательствахъ. Поэтому лучше рекомендовать помилованіе, какъ коррективъ, на случай произнесенія осудительнаго смертнаго приговора всякій разъ, когда верховная власть, по представленію суда или министра юстиціи, убѣдится въ отсутствіи полной убѣдительности уликъ по дѣлу. Хорошій въ принципѣ, но еще весьма мало на опытѣ испытанный способъ къ фактическому уменьшенію казней состоитъ въ узаконеніи извѣстнаго промежутка времени между исполненіемъ приговора и исполненіемъ казни. Такъ, въ штатахъ Мэнъ (съ 1837 г.) и Массачузетсъ (съ 1872 г.) осужденный на смерть долженъ былъ содержаться въ тюрьмѣ 1 годъ, по истеченіи котораго губернаторъ штатовъ рѣшалъ, принявъ во вниманіе свѣдѣнія о поведеніи осужденнаго въ тюрьмѣ, казнить ли его, или замѣнить казнь пожизненнымъ заключеніемъ. Мѣра, принятая въ Мэнѣ, дала хорошіе результаты, и смертная казнь тамъ отмѣнена въ 1876 г., въ Массачузетсѣ же это постановленіе, не давшее особо благопріятныхъ итоговъ, отмѣнено въ томъ же году. На указанную мѣру въ литературѣ и законодательствахъ обратили слишкомъ мало вниманія, между тѣмъ какъ она заслуживаетъ, въ нашихъ глазахъ, обдумыванія. Противъ нея можно представить серьезныя замѣчанія, что она тяжела для преступника, если онъ, долго томясь въ тюрьмѣ, мучается въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія своей участи; она ослабляетъ также быстроту репрессіи, столь необходимую для психологическаго воздѣйствія на общество, ожидаемаго отъ примѣненія смертной казни, и нѣсколько подрываетъ силу и авторитетъ уголовнаго закона, осуществляемаго долго спустя по совершеніи злодѣянія; если же срокъ «томленія» и ожиданія въ тюрьмѣ слишкомъ кратокъ, то самая мѣра теряетъ свой raison d'être. Но и въ пользу ея можно привести аргументы не менѣе вѣскіе: 1) срокъ (годичный) даетъ возможность успокоиться обществу, которое можетъ требовать казни подъ вліяніемъ страсти и возбужденія, выйти за предѣлы строго объективной оцѣнки дѣятеля и дѣянія; 2) онъ же открываетъ возможность *изученія* приговореннаго *преступника* и спокойнаго, болѣе правильнаго рѣшенія вопроса о степени его опасности, надежды, подаваемой имъ на исправленіе; 3) можетъ содѣйствовать открытію и выясненію *новыхъ обстоятельствъ*, доказывающихъ невинность осужденнаго

или чрезмѣрную суровость приговора надъ нимъ; эта мѣра особенно важна при осужденіи на основаніи *улик*ъ и могла бы съ успѣхомъ служить замѣною предыдущей, болѣе слабой мѣры, практиковавшейся, какъ выше указано, въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ; 4) указанная мѣра пріобрѣтаетъ спеціальную цѣну въ законодательствахъ, удерживающихъ смертную казнь за государственныя преступленія, при сужденіи которыхъ, какъ убѣждаетъ въ томъ опытъ всѣхъ временъ и народовъ, судъ, общество и правительство неизбѣжно проявляютъ нѣкоторую страстность и нервность, вредящія правосудію; осужденный имѣетъ не мало шансовъ быть помилованнымъ по истеченіи нѣкотораго времени; хорошо извѣстно, что многіе осужденные на смерть, но успѣвшіе спастись бѣгствомъ или получившіе помилованіе, не только получали впослѣдствіи полную свободу, но и достигали высшихъ должностей. *Понятіе о чисто-политическомъ преступленіи такъ измѣнчиво и условно,* что дѣяніе, сейчасъ тяжело караемое, можетъ весьма скоро обратиться въ дѣяніе средней важности, облагаемое меньшимъ наказаніемъ, а потомъ и въ совершенно безразличное съ точки зрѣнія уголовнаго закона.

Наконецъ, требованіе *единогласія* или *относительнаго* (условнаго) *большинства голосовъ для юридической силы приговора, осуждающаго на смертную казнь*. Это требованіе исполнимо даже въ присяжномъ судѣ, въ судѣ же коронномъ (съ присоединеніемъ къ нему народнаго элемента или безъ онаго) оно осуществимо безъ всякаго затрудненія. Это правило (о единогласіи), требуемое всегда въ Англіи для законности обвинительныхъ и оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ, представляющее громадную гарантію для обвиняемаго и всего правосудія, въ *нормальномъ порядкѣ* судопроизводства *не принято* ни въ одномъ изъ континентальныхъ европейскихъ законодательствъ. Но оно введено въ качествѣ корректива къ лишенію обвиняемаго другихъ процессуальныхъ гарантій въ *чрезвычайномъ порядкѣ* судопроизводства, знакомомъ австрійскому уставу подъ именемъ «Standrechtliches Verfahren», который отправляется «Standgericht'омъ». Согласно § 442 этого устава, для присужденія кого-либо указаннымъ судомъ къ смертной казни непремѣнно требуется *единогласіе судей*. Въ томъ же и въ германскомъ уставѣ (1876 — 77 г.) и судъ присяжныхъ, которому подлежатъ въ Австріи и въ Германіи дѣла по преступленіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь, долженъ, для дѣйствительности утвердительнаго рѣшенія *главнаго вопроса* о виновности, произносить вердикты $^2/_3$ голосовъ (8 изъ 12); но такое большинство требуется по всякимъ дѣламъ, хотя бы и не влекущимъ за собою смертную казнь.

Оставляя здѣсь въ сторонѣ споръ о достоинствахъ системъ единогласія относительнаго или абсолютнаго большинства голосовъ для законности судебныхъ приговоровъ по существу вопроса о виновности, мы полагаемъ все же, что требованіе *единогласія* можетъ быть separatim вполнѣ оправдано и рекомендуемо какъ по отношенію къ разрѣшенію вопроса о виновности, такъ и по вопросу о примѣненіи наказанія по всѣмъ дѣламъ, гро-

зящимъ присужденіемъ къ смертной казни. Требованіе единогласія: 1) не только не противорѣчитъ основаніямъ современнаго процесса, конечной цѣли его (in concreto)—найти истину въ дѣлѣ и охранить правовый порядокъ (in abstracto) и въ частности условіямъ для постановленія приговора, но, скорѣе вытекая изъ нихъ, даетъ лучшія гарантіи обвиняемому и твердые устои приговору справедливому и цѣлесообразному; это требованіе получаетъ наибольшій смыслъ и выдающееся значеніе, когда дѣло идетъ о признаніи виновности и о возможности присужденія къ смертной казни, которая, выражаясь въ лишеніи самаго высшаго и дорогого блага, не дастъ возможности исправить возможныя судебныя ошибки; 3) съ нимъ легко примирится совѣсть юриста и обыкновеннаго гражданина даже въ томъ случаѣ, когда единогласія не требуется законодателемъ при осужденіи по всѣмъ другимъ преступленіямъ, не влекущимъ за собою смертной казни; и, наконецъ, единогласіе приговора по такимъ дѣламъ, успокоивая общество, уменьшитъ необходимость для власти прибѣгать къ пользованію правомъ помилованія; невозможно отрицать справедливость и цѣлесообразность этого права вообще, но, во всякомъ случаѣ, пользованіе имъ всюду почти сопряжено съ характеромъ случайности, а въ нѣкоторыхъ государствахъ даже съ произволомъ (наприм. въ Англіи) или съ злоупотребленіями (въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки).

В. П. Даневскій.

Земледѣліе и горнозаводская промышленность въ Россіи.

О кризисѣ, переживаемомъ въ настоящее время землевладѣніемъ и земледѣліемъ западной Европы и Россіи, написано уже такъ много, что я не считаю нужнымъ сколько-нибудь подробно останавливаться здѣсь на этомъ предметѣ. Этотъ кризисъ распространяется мало-по-малу и на заокеанскія страны. Еще недавно было опубликовано изслѣдованіе о стоимости производства хлѣба въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, и изъ отвѣтовъ болѣе 25 тысячъ фермеровъ выяснилось, что издержки по обработкѣ акра земли подъ пшеницу не окупаются получаемой съ него выручкой, несмотря на то, что въ этой странѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо иной, машины и орудія, сталь, чугунъ и желѣзо получили полное право гражданства не только въ крупныхъ пшеничныхъ хозяйствахъ фабричнаго типа, но и въ хозяйствахъ небольшихъ фермъ. Проекты вродѣ Каницевскаго, предлагавшаго правительству Германіи монополизировать торговлю хлѣбомъ, высокія пошлины на хлѣбъ почти во всѣхъ странахъ Европы, съ цѣлью поднять сколько-нибудь цѣны на мѣстныхъ рынкахъ, все возрастающая задолженность не только русскаго *), но и европейскаго землевладѣнія, характеризуютъ въ достаточной степени переживаемое нами время. Я не принадлежу къ оптимистамъ и никакъ не могу согласиться съ оффиціальными представителями нашего земледѣлія и финансоваго вѣдомства, утверждающими, что настоящій кризисъ можно считать уже окончившимся. Само собою разумѣется, что временное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ еще ровно ничего не доказываетъ, а за послѣдніе 2 — 3 года не произошло ровно никакихъ измѣненій въ условіяхъ производства хлѣбовъ, на основаніи которыхъ можно было бы дѣлать такія оптимистическія заключенія. За послѣднія 25 лѣтъ хлѣбъ сдѣлался товаромъ мірового рынка. Нѣтъ въ настоящее время ни одного мѣсяца въ году, въ продолженіе котораго не происходила бы гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ уборка хлѣба и не грузили бы огромныхъ размѣровъ

*) Задолженность русскаго землевладѣнія возрастаетъ на 60 милліоновъ рублей въ годъ.

корабли для перевозки его туда, гдѣ, по полученнымъ по телеграфу свѣдѣніямъ, благодаря мѣстному недороду или какимъ-либо инымъ мѣстнымъ условіямъ, цѣны на хлѣбъ нѣсколько повысились. Все болѣе и болѣе развивающаяся сѣть желѣзныхъ дорогъ даетъ возможность быстро снабжать хлѣбомъ внутреннія рынки, и результатомъ этого является, во-первыхъ, постепенное уравненіе цѣнъ на хлѣбъ на главныхъ хлѣбныхъ рынкахъ и, во-вторыхъ, постепенное ихъ паденіе. Если мы примемъ цѣны единицы вѣса хлѣба въ Англіи равными 100, и сравнимъ между собою цѣны на хлѣбъ, по отношенію къ англійскимъ, французскія, германскія и русскія, то получимъ слѣдующую табличку *):

Въ десятилѣтіе.	Англія.	Германія.	Франція.	Россія.
1850—59 гг.	100	84	95	61 (1852—1861)
1860—69 »	100	85	96	75 (1862—1871)
1870—79 »	100	93	103	77 (1872—1881)
1880—88 »	100	111 (1881—84)	129	78 (1882—1888)

Для иллюстраціи движенія цѣнъ на хлѣбъ я приведу здѣсь лишь новѣйшія Германскія данныя **), какъ наиболѣе характерныя, ибо Германія, какъ извѣстно, систематически ограждала свое сельское хозяйство высокими ввозными пошлинами. За 1,000 kg. пшеницы платили въ Гамбургѣ (безъ пошлинъ):

въ 1873—75 г.	214,20	марокъ.
» 1876—78 »	211,90	»
» 1881—85 »	189,40	»
» 1886—90 »	152,70	»
» 1891—95 »	149,80	»

За 1,000 kg. ржи, ввозимой въ Гамбургъ изъ южныхъ портовъ Россіи, платили (безъ пошлинъ):

въ 1870 г.	165	марокъ.
» 1875 »	149	»
» 1880 »	176	»
» 1885 »	118,7	»
» 1890 »	127,30	»
» 1895 »	89,50	»

Эти цифры настолько краснорѣчивы, что нѣтъ, кажется, надобности дѣлать къ нимъ какія-либо поясненія. Всемірное производство хлѣба и міровой рынокъ для него создали такія условія, при наличности которыхъ цѣны на хлѣбъ опредѣляются стоимостью производства его не при наиболѣе худшихъ, а, наоборотъ, при наилучшихъ условіяхъ. Создать

*) См. статью автора въ *Journal des Economistes*. 1891, № 4. *Du prix de revient des principales céréales en Russie et en Allemagne*.

**) Общая сводка движенія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты въ Германіи сдѣлана проф. Конрадомъ въ первомъ дополнительномъ томѣ извѣстнаго словаря государственныхъ наукъ, издан. подъ его редакціей подъ словомъ Agrarkrisis in Deutshland. См. мою замѣтку въ *Русск. Вѣд.* 1896 г., № 42.

такія «наилучшія условія производства» является вопросомъ жизни и смерти сельскаго хозяйства каждой изъ странъ, конкурирующихъ между собою на всемірномъ рынкѣ. Тѣ крупныя мелioраціонныя работы, которыя предпринимаются все интенсивнѣе и интенсивнѣе разными государствами, стремятся именно къ созданію такихъ условій. Всѣ онѣ имѣютъ цѣлью доставить возможность земледѣлію возможно больше и полнѣе использовать даровыя силы природы, получить возможно больше продукта при возможно меньшей затратѣ труда и капитала, или, говоря простымъ языкомъ, удешевить производство.

Приспособить производство къ условіямъ рынка—очень трудная задача вообще, а въ сельскомъ хозяйствѣ въ особенности. Дѣло въ томъ, что цѣны на хлѣбъ, устанавливающіяся на всемірномъ рынкѣ, совершенно независимо отъ воли единичнаго сельскаго хозяина, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, громадное значеніе для всей системы единичнаго хозяйства. Чѣмъ больше онѣ падаютъ, тѣмъ меньшая возможность оказывается у единичнаго хозяина затрачивать необходимые капиталы въ свое хозяйство, а капиталы, затраченные ранѣе, тѣмъ менѣе возстановляются, и мало-по-малу страна бѣднѣетъ. Эта бѣдность выражается очень наглядно: громадныя пространства остаются невспаханными, постройки разрушаются, инвентарь—какъ живой, такъ и мертвый—становится все хуже и хуже, а это ведетъ за собою еще большій упадокъ въ техникѣ хозяйства, на которую, въ такія времена, казалось бы, всего болѣе слѣдовало бы обращать вниманія. Вотъ, въ общихъ чертахъ, тѣ соображенія, которыя, думается мнѣ, таились въ глубинѣ души всѣхъ тѣхъ сельскихъ хозяевъ, которые, собравшись на торгово-промышленный съѣздъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, такъ единодушно ходатайствовали передъ правительствомъ *объ удешевленіи ихъ капиталовъ*, ибо чугунъ, сталь, желѣзо, сельско-хозяйственныя орудія и машины—*это капиталы* *) сельскаго хозяина и притомъ,—я не боюсь высказать эту мысль,—гораздо болѣе важные для русскаго сельскаго хозяина, чѣмъ денежные. Вѣдь, главный русскій сельскій хозяинъ-крестьянинъ—не столько нуж-

*) Для многихъ, а въ томъ числѣ и для меня, остались неясными слова г. министра финансовъ С. Ю. Витте, сказанныя имъ на обѣдѣ, данномъ ему всероссійскимъ купечествомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время съѣзда. Г. министръ сказалъ: „что еслибы по вопросу о томъ, какими путями при посредствѣ покровительства достигнуть удешевленія продуктовъ, съѣздъ разсуждалъ цѣлый годъ, то и тогда онъ не сказалъ бы ничего такого интереснаго, чтобы я (т.-е. г. министръ) не нашелъ у себя дома, въ своей библіотекѣ. Есть, однако, вопросы недавняго происхожденія, о которыхъ ничего нѣтъ въ книгахъ: такъ, наприм., когда говорятъ, что при свободномъ доступѣ иностраннаго товара продуктъ дешевѣетъ, упускаютъ изъ вида, что за этотъ дешевый продуктъ платитъ Россія, а получаетъ заграница, и что, такимъ образомъ, устанавливается постоянно дѣйствующій насосъ, откачивающій капиталы изъ Россіи заграницу“ (цитирую по *Южно-русской сельско-хозяйственной газетѣ* 1896 г., № 38). Что разумѣлъ г. министръ подъ терминами „товаръ“, „продуктъ“ и „капиталъ“—неясно. Продуктъ можетъ быть, какъ извѣстно, и товаромъ, и капиталомъ, и предметомъ потребленія.

дается въ деньгахъ для веденія своего хозяйства, сколько въ землѣ и орудіяхъ производства, такъ какъ онъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не пользуется наемнымъ трудомъ.

Хозяева, собравшіеся на съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, вычисляли, сколько лишнихъ денегъ приходится переплачивать на пудъ зерна или на десятину обрабатываемой земли, благодаря пошлинамъ на желѣзо, сталь, чугунъ, сельско-хозяйственныя орудія и машины. Какъ ни интересны эти вычисленія, но они, относясь по преимуществу къ хозяйству владѣльческому, имѣютъ, на мой взглядъ, гораздо меньшее значеніе, чѣмъ тотъ безотрадный и уже много разъ констатированный фактъ, что нашъ главный земледѣлецъ-крестьянинъ, благодаря дороговизнѣ чугуна, стали, желѣза, сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, обусловливаемой высокою пошлиной на нихъ лежащею, очень мало покупаетъ эти необходимые для него предметы (капиталы) и, что несмотря на наши колоссальныя минеральныя богатства, несмотря на безпощадное истребленіе лѣсовъ, наша родина въ желѣзный XIX вѣкъ остается все еще деревянною и съ этимъ же названіемъ начнетъ и XX столѣтіе.

Изъ европейскихъ странъ только въ одной Италіи количество потребляемаго однимъ жителемъ страны чугуна меньше, чѣмъ въ Россіи, а именно—0,8 пуда, тогда какъ въ Россіи 1,06 пуда и только въ Испаніи и Италіи количество выплавляемаго на одного жителя чугуна меньше, чѣмъ въ нашей родинѣ, а именно: въ Испаніи—0,53 пуда, въ Италіи—0,02 пуд., а въ Россіи—0,66 пуд. Эти цифры могутъ быть названы прямо ничтожными, если сравнить ихъ съ цифрами количества потребляемаго и выплавляемаго чугуна въ другихъ. Такъ, Великобританія выплавляетъ 12 пуд. чугуна на жителя, а потребляетъ 4,5 пуд., Бельгія—выплавляетъ 7,4 пуд., потребляетъ 6,6 пуд., Германія—6,9 пуд. и 5,4 пуд., Соединенные Штаты Америки—6,0 пуд. и 6,8 пуд., и только во Франціи количество выплавляемаго и потребляемаго однимъ жителемъ чугуна спускается ниже 4-хъ пудовъ (3,0 и 3,4). Если имѣть въ виду, что съ окончаніемъ постройки Сибирской желѣзной дороги Россія займетъ первое мѣсто въ мірѣ по абсолютной длинѣ желѣзнодорожнаго пути, а также принять во вниманіе, что громадная часть чугуна, выплавляемаго въ Россіи, равно какъ и привозимаго въ видѣ его производныхъ—желѣза и стали—идетъ на удовлетвореніе потребностей обрабатывающей промышленности и военнаго и морского дѣла, то станетъ очевиднымъ, что количество «сельскаго» чугуна и его производныхъ въ Россіи крайне ничтожно и, при разсчетѣ на одного жителя, выразится не въ доляхъ пуда, а фунта.

Профессоръ Менделѣевъ, въ рѣчи своей, сказанной на минувшемъ тор гово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ защиту покров тельственныхъ пошлинъ на чугунъ, желѣзо, сталь и сельско-хозяйстве ныя орудія и машины, вспомнилъ, между прочимъ, старый афоризмъ, ч «страна только тогда вырабатываетъ свою экономическую независимос когда въ ней всякія отрасли промышленности развиваются». Современ

экономистъ, знакомый съ явленіями такъ называемаго общественнаго раздѣленія труда, не согласится, пожалуй, съ этой кажущейся истиной и скажетъ, что въ наше время говорить объ «экономической независимости страны» слѣдуетъ съ очень большою осторожностью. Уже давно отошла въ область исторіи та связь, которая сближала потребителя съ производителемъ, когда, благодаря отсутствію путей сообщенія и замкнутости производства въ предѣлахъ отдѣльныхъ группъ и корпорацій, каждая страна жила своею особою, національною экономическою жизнью. Всемірный рынокъ, о которомъ мы съ полнымъ правомъ говоримъ въ концѣ XIX вѣка, гораздо болѣе вліяетъ на все большую и большую дифференціацію производства не только въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, но и въ хозяйствахъ цѣлыхъ странъ и врядъ ли ради какой-то проблематической «независимости» можно въ самомъ дѣлѣ серьезно настаивать на необходимости развитія «всякой» отрасли промышленности въ каждой странѣ. Но несомнѣнно должно настаивать на развитіи той отрасли промышленности, которая ведетъ къ наиболѣе выгодному использованію тѣхъ даровыхъ благъ, которыя имѣются подъ руками въ каждой странѣ. Чѣмъ богаче страна такими даровыми природными благами, использованіе которыхъ составляетъ цѣль той или иной промышленности, тѣмъ умѣстнѣе въ ней и развитіе соотвѣтствующей промышленности, ибо при такихъ благопріятныхъ условіяхъ она можетъ производить и наиболѣе *дешево*. Не въ экономической независимости страны заключается, слѣдовательно, вопросъ, а въ дешевизнѣ ея произведеній.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ нашемъ отечествѣ даны всѣ условія для развитія желѣзной промышленности. Мы богаты и рудами превосходнаго качества, и минеральнымъ топливомъ, и даже, несмотря на хищническое пользованіе лѣсами, и древеснымъ топливомъ. По словамъ такого компетентнаго писателя, какъ г. Кулибинъ, наиболѣе крупныя и производительныя мѣсторожденія желѣза «имѣютъ выходы на поверхность земли и разрабатываются обширными открытыми работами». По словамъ этого же изслѣдователя, кромѣ богатѣйшихъ уральскихъ и криворожскихъ мѣсторожденій желѣза, руды этого рода встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, но главнымъ образомъ въ видѣ озерной руды, залегающей на днѣ озеръ слоями до 1 аршина толщиною, а также желѣзнаго блеска и бураго магнитнаго желѣзняка—на сѣверѣ Россіи. «При обиліи лѣсовъ и рабочихъ рукъ,— говоритъ г. Кулибинъ,— эти условія являются весьма благопріятными для развитія здѣсь горнаго промысла, чему способствуетъ также масса озеръ и рѣчекъ, облегчающихъ доставку грузовъ и, вмѣстѣ съ водопадами, дающихъ возможность пользоваться даровою силой для заводскихъ цѣлей» *). Но я не имѣю въ виду излагать здѣсь географію рудныхъ богатствъ Россіи. Для моихъ цѣлей важно отмѣтить лишь фактъ ихъ наличн-

*) Ст. *Производительныя силы Россіи*. Изд. министерства финансовъ, подъ ред. В. И. Ковалевскаго. Отд. VII, стр. 23—27.

ности, а также фактъ наличности другихъ благопріятныхъ условій, при которыхъ эти богатства, казалось бы, могли бы быть эксплоатируемы съ полнымъ успѣхомъ на благо всего населенія.

Сельскихъ хозяевъ Россіи часто упрекаютъ въ излишней теоретичности ихъ разсужденій, и такой упрекъ можетъ быть сдѣланъ въ особенности мнѣ, не столько практическому сельскому хозяину, сколько профессіональному теоретику. Чтобъ избѣжать этого упрека, я не стану задаваться вопросомъ, почему наша обрабатывающая промышленность вообще, а желѣзная въ частности, такъ запоздала въ своемъ развитіи по сравненію со своей старшей сестрой—западно-европейской обрабатывающей промышленностью. Мы можемъ себя утѣшить тѣмъ, что за послѣднее 25-лѣтіе мы шагаемъ гигантскими шагами въ этой области. Защитники идей протекціонизма нашей промышленности утверждаютъ, что не что иное какъ охранительныя пошлины были причиной такого роста. Я не думаю, чтобы ростъ промышленности могъ быть доказанъ лишь однимъ фактомъ существованія охранительныхъ пошлинъ, но готовъ признать, что охрана отечественнаго производства умѣренными пошлинами можетъ содѣйствовать росту мѣстнаго производства, и потому пошлины играютъ свою роль въ числѣ болѣе глубокихъ причинъ, обусловливающихъ развитіе промышленной дѣятельности страны. Но я снова впадаю въ область общихъ вопросовъ, «а всѣмъ хорошо извѣстно,—говоритъ въ своемъ докладѣ только что окончившемуся съѣзду горнопромышленниковъ горный инженеръ Авдаковъ,—что когда противникамъ пошлинъ приходится доказывать вѣрность своихъ взглядовъ, они игнорируютъ факты и дѣйствительность, удаляясь въ область болѣе общихъ отвлеченныхъ разсужденій» *). Обратимся же къ «фактамъ и дѣйствительности» и посмотримъ, находится ли наше желѣзное дѣло въ такомъ положеніи, что требованіе пониженія пошлинъ на чугунъ, желѣзо, сталь и сельско-хозяйственныя орудія и машины «все равно, что ломать фундаментъ дома, прочно построеннаго, но не подведеннаго подъ крышу,—какъ образно выражается г. Авдаковъ, поясняя: —ибо, очевидно, тогда весь домъ рухнетъ...» **)

Самые горячіе противники пониженія пошлинъ на интересующіе насъ матеріалы и предметы не отрицаютъ, что русская желѣзная промышленность находится въ настоящее время въ блестящемъ положеніи. «Наиболѣе вѣрнымъ показателемъ успѣховъ желѣзной промышленности въ странѣ,—говоритъ г. Кулибинъ,—служитъ, какъ извѣстно, выплавка чугуна—этого основного въ желѣзномъ производствѣ продукта, изъ котораго, путемъ дальнѣйшей его металлургической переработки, выдѣлывается какъ желѣзо, такъ и сталь».

Изъ таблички, приводимой г. Кулибинымъ, видно ***), что въ 1880 году

*) Ст. *Горнозаводская промышленность и земледѣліе*—горнаго инженера Авдакова, стр. 5.

**) Ibid., стр. 9.

***) Op. cit., стр. 23.

въ Россіи было выплавлено 28.418,339 пудовъ чугуна, въ 1885 г.—32.205,504 пуд., въ 1890 г.—56.560,074 пуд. и въ 1894 г. (по свѣдѣніямъ *Вѣстника Финансовъ*)—80.144,415 пуд., или, другими словами, за истекшія 14 лѣтъ производство чугуна увеличилось въ Россіи почти въ 3 раза (2,7 раза), въ нѣкоторыхъ же районахъ производства, а въ особенности въ южномъ, оно увеличилось болѣе чѣмъ въ 15 разъ. По даннымъ того же г. Кулибина *), ростъ производства желѣза и стали виденъ изъ нижеслѣдующихъ цифръ: въ 1880 г. было приготовлено на заводахъ имперіи 17.830,521 пуд. желѣза и 18.761,098 пуд. стали, въ 1885 г.—22.117,284 п. желѣза и 11.776,277 п. стали, въ 1890 г.—26.445,545 п. желѣза и 23.102,797 п. стали и въ 1893 г.—30.384,610 п. желѣза и 38.626,551 п. стали. Такимъ образомъ за 13 лѣтъ, съ 1880 по 1893 г., производство желѣза возросло на 70%, а стали—на 106%.

Производство стали идетъ быстрѣе, чѣмъ производство желѣза. Это объясняется тѣмъ, что заводы за послѣднее время были завалены заказами по изготовленію стальныхъ рельсъ,—съ одной стороны, а съ другой стороны замѣною сталью и литымъ желѣзомъ, такъ называемаго пудлинго-сварочнаго желѣза. Насколько велика дѣятельность заводовъ по изготовленію рельсовъ, видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ, относящихся къ 1893 году. Производство стали велось на 48 заводахъ Россіи, которые въ общей сложности дали 38.626,551 пудъ стали и литаго желѣза въ болванкахъ и отливкахъ. Изъ части полученнаго металла было прокатано 7,8 мил. такъ назыв. сортовъ и полосы; 2,8 мил. котельныхъ и другихъ листовъ и 14,0 мил. пуд. рельсовъ. Если прибавить къ послѣдней цифрѣ еще 1,9 мил. пудовъ стали, изъ которой были изготовлены колесные бандажи, такъ окажется, что заводы наши работаютъ сталь главнымъ образомъ на желѣзнодорожное хозяйство страны и, обезпечивъ себя выгодными заказами, производятъ относительно меньшую часть стали для другихъ потребностей народнаго хозяйства.

Въ особенности «неприспособленными», по выраженію автора статьи *Очерки южно-русской металлургической промышленности*, печатающейся въ *Вѣстникѣ Финансовъ*, къ удовлетворенію торговаго рынка потребными для него сортами желѣза и стали оказываются южные заводы. «Коренное назначеніе этихъ послѣднихъ,—продолжаетъ цитируемый авторъ,—удовлетворять не рынокъ съ его сложными потребностями, а желѣзнодорожное строительство». «Вслѣдъ за удовлетвореніемъ желѣзнодорожныхъ потребностей, производительность заводовъ стремится удовлетворить потребности быстро развивающейся въ настоящее время на югѣ фабрично-заводской промышленности, на долю же собственно рынка остается ничтожное количество». Сдѣлавъ весьма остроумный разсчетъ количества желѣза и стали, потребляемыхъ югомъ Россіи, и сопоставивъ полученную цифру (13 милліоновъ пудовъ) съ количествомъ металла здѣсь производимаго, авторъ

*) Ibid., стр. 29.

этихъ интересныхъ очерковъ приходитъ къ выводу, что южные заводы едва ли въ состояніи удовлетворить $^1/_4$ часть потребленія, даже если не принимать въ разсчетъ до $^1/_2$ милл. пудовъ мѣстнаго продукта, уходящаго за предѣлы юга *).

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что наша желѣзно-дорожная сѣть еще далеко не закончила своего развитія и что пройдетъ еще много лѣтъ, пока полотно желѣзной дороги пройдетъ черезъ наши глухія мѣстности Европейской Россіи, не говоря уже о Сибири. Желѣзно-заводчики могутъ быть, слѣдовательно, покойны. Заказами на рельсы и другія принадлежности желѣзно-дорожнаго хозяйства они еще долго обезпечены. Но они уже безпокоются.

Несмотря на постоянное повышеніе, съ 1884 года, пошлинъ на сталь, желѣзо и чугунъ, достигшихъ размѣра отъ 60 к. до 1 р. 70 к. (золотомъ) для желѣза и 2 р. (золотомъ) для стали и стальной проволоки по тарифу 1891 года, ввозъ иностраннаго чугуна, стали, желѣза и машинъ (пошлина на послѣднія значительно выше указанной, см. ниже) не только не уменьшался, но постоянно увеличивался. Уменьшился, но не прекратился, несмотря на пошлины, только ввозъ сырого чугуна.

Чтобы не загромождать этой статьи цифрами, ограничусь приведеніемъ лишь нижеслѣдующихъ данныхъ, заимствуя ихъ изъ *Вѣстника Финансовъ*:

Въ 1893 году было выплавлено чугуна въ Россіи . .	70	милл. пуд.
ввезено въ сыромъ видѣ	9,7	м. п.
ввезено въ видѣ издѣлій и машинъ . .	21,7	» »
Всего потреблено . . .	102,4	м. пуд.
Въ 1894 году выплавлено	80,1	милл. п.
ввезено въ сыромъ видѣ	9,4	» »
ввезено въ видѣ издѣлій и машинъ . .	38,0	» »
Итого потреблено . . .	127,6	милл. п.

Изъ этой таблички видно, что потребленіе чугуна увеличилось въ Россіи *въ одинъ годъ* болѣе чѣмъ на 25 милл. пудовъ. Сопоставленіе отдѣльныхъ цифръ таблички между собою съ ясностью обнаруживаетъ, что увеличеніе ввоза происходитъ главнымъ образомъ за счетъ русскаго производства издѣлій и машинъ. И понятно: русскіе желѣзно-заводчики производятъ главнымъ образомъ стальные рельсы и, обезпечивъ себя выгодными казенными заказами, игнорируютъ интересы сельскихъ хозяевъ. Это подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что производство желѣза въ Россіи, абсолютно возрастая, относительно падаетъ. Приведенныя данныя достаточно характеризуютъ положеніе нашей горнозаводской промышленности. Съ точки зрѣнія торговца, оно можетъ быть названо блестящимъ. Но, быть можетъ, эта промышленность требуетъ особой поддержки въ видѣ пошлинъ потому, что нужны еще особыя жертвы для привлеченія въ эту область капиталовъ, даже иностранныхъ, если для этой цѣли не хватаетъ

*) *Вѣстникъ Финансовъ* 1896 г., № 49.

національныхъ. На этотъ вопросъ должны были бы отвѣтить цифрами и «фактами дѣйствительности» защитники покровительственныхъ пошлинъ, заявляющіе, что представителямъ земледѣлія прежде, чѣмъ требовать снятія пошлинъ на эти металлы (т.-е. чугунъ, желѣзо и сталь), по всей справедливости слѣдовало бы детально разсмотрѣть въ данное время развитіе и направленіе желѣзной промышленности *). О развитіи, какъ кажется, сказано достаточно, о направленіи этой промышленности мы поговоримъ ниже, а пока позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о доходности этихъ предпріятій. Какъ извѣстно, промышленныя предпріятія, обязанныя отчетностью, обложены 5% государственнымъ налогомъ и отчеты ихъ публикуются въ *Вѣстникѣ Финансовъ*. Средняя цифра дивиденда, получаемаго акціонерами горнозаводскихъ предпріятій, не достаточно характеризуетъ ихъ выгоды по той простой причинѣ, что она, какъ мы увидимъ сейчасъ, является цифрой довольно фиктивной. Чтобы судить о доходности этихъ предпріятій, приходится обратиться къ самимъ отчетамъ. Это очень скучное дѣло, но оно даетъ весьма любопытные и иногда неожиданные результаты. Вотъ на удачу взятыя цифры изъ отчетовъ этихъ предпріятій: Коломенскій машино-строительный заводъ выдалъ въ 1895 году 16% на акціонерный капиталъ, 30 тысячъ рублей въ видѣ вознагражденія правленію и 60 тыс. руб. въ пользу учредителей общества. Общество машиностроительнаго и чугунно-литейнаго завода Рузскій и К° выдало 17% акціонерамъ и 24,787 р. 87 к. правленію. Общество Брянскаго рельсопрокатнаго, желѣзо-дѣлательныхъ и механическихъ заводовъ имѣетъ 70,875 акцій по 100 рублей каждая; 54,000 акцій первыхъ 6 выпусковъ получили 30 рублей на акцію, а остальныя по 8 руб. Въ Волынской губерніи есть небольшой чугунно-литейный и желѣзо-дѣлательный заводъ Денешевскаго товарищества. Въ 1895 году въ немъ было выплавлено 82,554 пуд. чугуна и выдѣлано 10,910 пуд. желѣза, и 372 пуда такъ-назыв. «обрѣзковъ» Изъ отчета этого завода мы узнаемъ, что пудъ чугуна обошелся ему за всѣми расходами въ 49,58 коп., желѣзо—1 р. 35 к. и обрѣзковъ—1 р. Продавалъ же заводъ свои издѣлія по такимъ цѣнамъ: пудъ чугуна отъ 75 до 80 коп., пудъ желѣза—1 р. 66 к. и пудъ обрѣзковъ—1 р. 20 к. Но доходы заводовъ, подобныхъ послѣднему, совершенно блѣднѣютъ передъ доходами болѣе крупныхъ, хорошо организованныхъ предпріятій. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ протокола общаго собранія акціонеровъ Новороссійской компаніи каменноугольнаго, желѣзнаго и рельсоваго производствъ съ ограниченною отвѣтственностью. Эта компанія имѣетъ правленіе въ Лондонѣ, управленіе въ Петербургѣ и предпріятіе въ Новороссіи. Общее собраніе акціонеровъ происходило въ Лондонѣ 7 мая 1895 года. Капиталъ общества составляютъ 6,000 акцій по 50 фунтовъ стерлинговъ каждая, изъ коихъ 35 привилегированныхъ. Общество имѣетъ ссуду отъ русскаго императорскаго правительства, какъ кажется, очень льготную, выплачиваемую

*) См. *Авдаковъ*; Op. cit., стр. 9,

полугодовыми платежами въ продолженіе 16 лѣтъ. Привожу дословную выписку изъ названнаго выше протокола, представляющую изъ себя и довольно любопытный образчикъ стиля и порядка составленія отчетовъ «русско-иностранныхъ» предпріятій. Общее собраніе акціонеровъ постановило, что «дивидендъ въ размѣрѣ 7½% за вычетомъ подоходнаго налога по привилегированнымъ акціямъ компаніи подлежитъ и назначается къ уплатѣ 13 іюня, составляя вмѣстѣ съ предварительнымъ (?!) дивидендомъ, уплаченнымъ 15 ноября 1894 года, полные 15% привилегированнаго дивиденда за годъ, окончившійся 12 января 1895 года, что дивидендъ, въ размѣрѣ 17½% свободный отъ подоходнаго налога, подлежитъ и симъ назначается по обыкновеннымъ акціямъ компаніи, состоявшимъ на 12 января 1895 года, что съ предварительнымъ дивидендомъ въ размѣрѣ 7½%, уплаченнымъ по обыкновеннымъ акціямъ 15 ноября 1894 г., составляетъ дивидендъ въ 25% на обыкновенныя акціи за годъ, оканчивающійся 12 января 1895 года».

Приведенныя цифры достаточно краснорѣчивы, и тѣмъ не менѣе и онѣ еще не соотвѣтствуютъ «фактамъ и дѣйствительности», въ незнаніи которыхъ г. Авдаковъ упрекаетъ сельскихъ хозяевъ. Какъ извѣстно, иностранные капиталы играютъ выдающуюся роль въ нашей горнозаводской, въ особенности южной горнозаводской промышленности. По сообщенію *Вѣстника Финансовъ*, изъ существующихъ здѣсь предпріятій чисто русскихъ можно назвать только два: Сулинскій заводъ Пастухова и Александровскій Брянскаго общества. Прочія же или принадлежатъ цѣликомъ иностранцамъ, или въ перемежку съ русскими. Такъ заводъ Новороссійскаго общества (Юза), о доходахъ котораго было только что упомянуто, принадлежитъ англичанамъ и, само собою разумѣется въ Англіи, а не въ Россіи остаются дивиденды акціонеровъ этого завода. Гданцевскій заводъ принадлежитъ французамъ, Днѣпровскій южно-русскаго общества — бельгійцамъ (главный акціонеръ Кокеркиль), дружковскій донецкаго общества—французамъ, Донецко-Юрьевскій—оффиціальные владѣльцы гг. Алчевскій и Гербертцъ, фактически же одна—германская фирма (Гютте?). Изъ строющихся и проектированныхъ Волынцевскій заводъ—русско-бельгійскій, Маріупольскій—французско-американскій, таганрогскій—французскій и т. д. «Обширная полоса Новороссіи вмѣстѣ съ Донецкимъ бассейномъ въ предѣлахъ развитія горной и горнозаводской промышленности буквально застраивается новыми рудниками, заводами и фабриками», пишетъ въ *Вѣстникѣ Финансовъ* горный инженеръ Авдаковъ. «Успѣхи, сдѣланные желѣзною промышленностью въ періодъ времени съ 1886 по 1896 г., вызвавшіе въ свою очередь быстрый подъемъ промышленности каменноугольной, продолжаетъ онъ далѣе,—обратили на себя вниманіе капиталистовъ, особенно иностранныхъ, которые подобно бурному потоку полились на югъ Россіи съ 1894-го и особенно съ прошлаго года».

Но... бурные потоки бываютъ разрушительны. Вмѣстѣ съ крупными камнями—въ данномъ случаѣ высокими дивидендами иностранныхъ акціонеровъ, они, эти бурные потоки, часто смываютъ и плодородныя почвы—

народнаго благосостоянія. «Бурный потокъ» иностранныхъ капиталистовъ врядъ ли озабоченъ развитіемъ этого благосостоянія. Это дѣятели минуты и, читая ихъ скучные и запутанные отчеты, можно убѣдиться въ этомъ. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ отчета правленія южно-русскаго металлургическаго общества за 1894—5 годъ. Основной капиталъ общества равенъ 5 м. р., а облигаціонный 2.364,350 р. Имущество общества, т.-е. земля, жилые дома, заведенія, строенія, машины и «устройство», стоило 8.826,000 р. Прибыль общества за 1894—5 годъ равнялась 3.650,000 р. Изъ этой суммы отчислено «въ погашеніе» имущества 1.156,000 р. и выдано дивиденда послѣ разныхъ «отчисленій» 6% обыкновеннаго (?) и 24% дополнительнаго (?!). Въ 1895—6 операціонномъ году чистая прибыль этого общества равнялась уже 5.011,790 р. 22 к., дивидендъ акціонерамъ былъ выданъ въ размѣрѣ *сорока* процентовъ, 635,014 руб. было отчислено «въ погашеніе», а управляющій дѣлами общества получилъ скромную цифру вознагражденія въ размѣрѣ... 92,303 р. 27 к.

Цивиль-листъ многихъ владѣтельныхъ князей Западной Европы оказывается скромнѣе, чѣмъ годовое вознагражденіе нѣкоторыхъ управляющихъ заводами въ Россіи... А вотъ неугодно ли другой примѣръ!

Общество Островицкихъ чугунно-плавильныхъ и желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ (предпріятіе въ Радомской губ.). Основной капиталъ одинъ милліонъ рублей. Прибыль общества за 1895—96 годъ равна 812,383 руб. 89 к., т.-е. болѣе 80% на основной капиталъ (конечно, акціонерный). Изъ этой суммы вычтено 10% на погашеніе стоимости машинъ, аппаратовъ и другого движимаго (?) имущества, 5% на погашеніе стоимости строеній и другого недвижимаго имущества, 5%—въ запасный капиталъ, 5%—государственнаго налога и передано въ распоряженіе общаго собранія акціонеровъ 621,473 р. Изъ этой суммы общее собраніе постановило: уплатить 30% на акцію въ видѣ дивиденда; выдать въ видѣ вознагражденія членовъ правленія, дирекціи и служащихъ (?) общества 132,295 р., а изъ остальныхъ 189,178 р.—35 тыс. перечислить въ спеціальный запасный и страховой капиталы и 154,178 р. 96 к. предоставить въ распоряженіе правленія для введенія усовершенствованій.

Надъ приведенными цифрами стоитъ задуматься. Онѣ показываютъ, что помимо колоссальныхъ дивидендовъ и всякихъ «отчисленій», производимыхъ акціонерами, послѣдніе ведутъ дѣло такъ, чтобы *погасить* свои основные капиталы въ какія-нибудь 10—15 лѣтъ, послѣ которыхъ можно, если то окажется выгоднымъ, просто бросить предпріятіе. А они и не пахали и не сѣяли, эти акціонеры, но за то очень обильно собираютъ въ житницы.

«Въ короткое время,—читаемъ мы въ интересной статьѣ горнаго инженера Авдакова, напечатанной въ *Вѣстникѣ Финансовъ*, цѣна на угольныя земли (въ южной Россіи) со 100—150 руб. за десятину дошла до 200—300 и даже 400 руб. за десятину. Есть случаи продать по 500—600 р. за десятину. Подъемъ цѣнъ на угольныя земли поднялъ цѣнность и неугольныхъ: прежде по 75—100 р. за десятину, нынѣ стоятъ 150—

200 р., а участки удобные для постройки завода или фабрики покупаются по 300, 400, 500 р. за десятину. Промышленное настроеніе проникло во всѣ слои населенія юга Россіи, отодвинувъ на второй планъ другіе интересы»,—заключаетъ свое повѣствованіе цитируемый авторъ. Онъ рукоплещетъ этому настроенію и совершенно упускаетъ изъ виду, что «промышленное настроеніе» это развилось какъ разъ въ періодъ наибольшаго угнетенія хлѣбнаго рынка, въ тѣ годы, когда Россія переживала всѣ послѣдствія неурожая 1892 года, когда, слѣдовательно, покупательныя силы населенія были въ величайшей степени ослаблены и требовалось усиленное напряженіе ихъ для восполненія тѣхъ милліоновъ, которые были затрачены для спасенія населенія отъ голодной смерти. Есть два термина, получившіе полное право гражданства въ наукѣ и практической жизни. Эти термины—спекуляція и грюндерство. Справедливо утвержденіе, что когда явленія, называемыя только что приведенными терминами, появляются на спокойной нивѣ народнаго хозяйства, то кликъ: cavant consules—болѣе чѣмъ умѣстенъ, ибо благодаря этимъ явленіямъ все народное хозяйство получаетъ нездоровое направленіе... Приливъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію сталъ усиливаться въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ иностранцы, убѣдившись въ миролюбивой политикѣ прошлаго царствованія, получили гарантію прибыльности помѣщенія капиталовъ въ Россіи, благодаря ея покровительственной политикѣ. Какъ люди образованные и умные, иностранцы обратили свое вниманіе на рудныя богатства Россіи, и нельзя было не привѣтствовать въ первое время этихъ образованныхъ техниковъ, явившихся сюда во всеоружіи знанія и показавшихъ нашимъ «литейнаго и желѣзнаго дѣла мастерамъ», какъ слѣдуетъ строить заводы и вести предпріятія. Еслибы не охранительная политика, то, безъ сомнѣнія, приливъ капиталовъ изъ-за границы въ Россію былъ бы гораздо болѣе умѣренъ, но за то и разработка нашихъ рудныхъ богатствъ не имѣла бы характера хищническаго, какой она, какъ то видно изъ сказаннаго, не замедлила принять. Установился взглядъ, что руда, содержащая въ себѣ менѣе 50% желѣза - руда негодная, и ее заваливаютъ непригодными породами. Всѣ почти южные заводы, возникшіе въ предѣлахъ Донецкаго каменно-угольнаго бассейна, питаются криворожскою рудою и въ то же время до сихъ поръ еще точно не знаютъ, надолго ли хватитъ этой руды. Основываются новыя предпріятія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, акціонерныя, въ мѣстностяхъ, въ которыхъ по условіямъ доставки руды и топлива веденіе предпріятія успѣшнымъ образомъ прямо сомнительно *). Охранительная пошлина даетъ возможность отчислять такія суммы въ «погашеніе», при

*) Въ органѣ нашего министерства финансовъ напечатано между прочимъ слѣдующее: „Въ Польшѣ руда небогата содержаніемъ желѣза, а угля (коксующагося) пригоднаго для доменной плавки совсѣмъ нѣтъ. Самое возникновеніе большинства польскихъ заводовъ было вызвано искусственными мѣрами нашей таможенной политики“ (*Вѣстникъ Финансовъ*, 1896 г., № 48). О дивидендахъ и прибыляхъ польскихъ заводовъ этого рода было сказано выше.

которыхъ затраченные капиталы быстро возмѣщаются, и тѣмъ самымъ для легкой наживы и спекуляціи открывается обширное поле дѣятельности. Стоитъ только вспомнить биржевую вакханацію, происходившую въ продолженіе 2-хъ послѣднихъ лѣтъ, особенно въ Петербургѣ, вспомнить только, какъ искусственно вздувались акціи металлургическихъ предпріятій, чтобы не раздѣлить оптимистическаго взгляда г. Авдакова относительно «промышленнаго настроенія», охватившаго всѣ слои населенія юга. Это не «промышленное настроеніе», скажемъ мы, а биржевая спекуляція и грюндерство. Свѣдѣнія о послѣднемъ рѣдко попадаютъ въ печать. Осторожный *Вѣстникъ Финансовъ* приводитъ однако нѣсколько примѣровъ. Такъ «въ одномъ изъ южныхъ городовъ,—журналъ не сообщаетъ, къ сожалѣнію, названія города,—строится паровозный заводъ.

«Акціи этого завода, *какъ это въ большинствѣ случаевъ водится,* быстро начали подниматься въ цѣнѣ съ момента начала постройки, и... основатели дѣла, не достроивъ завода, распродали свои акціи по валовой цѣнѣ и вышли изъ предпріятія. Да и какой резонъ этимъ «грюндерамъ» вести предпріятіе, когда можно, вздувъ цѣны акцій съ 250 руб. до 412, какъ это было съ акціями Волынцевскаго завода, продать ихъ за эту цѣну и купить ихъ снова за 310. И *Вѣстникъ Финансовъ* признаетъ, что такіе примѣры не единичны. Что же удивительнаго послѣ этого, что и земли какъ угольныя, такъ и не угольныя начинаютъ быть предметомъ усиленныхъ покупокъ, лишь бы онѣ находились въ районѣ, охваченномъ спекуляціей. Вѣдь одинъ только фактъ владѣнія землею—угольною или неугольною, это все равно—есть, такъ сказать, базисъ всякой спекуляціи *).

Къ изложенному приводитъ меня изученіе «фактовъ и дѣйствительности» нашей желѣзной промышленности. Если сказанное справедливо, то врядъ ли можно съ чистымъ сердцемъ говорить о томъ, что понизить пошлины на чугунъ, желѣзо и сталь—все равно, что ломать фундаментъ дома, прочно сооружаемаго. На мой взглядъ, понизить пошлины—значитъ упрочить производство тамъ, гдѣ природныя условія оказываются ему особенно благопріятными, значитъ прекратить спекуляцію и грюндерство и, главное, удешевить капиталы многомилліонному сельскому населенію страны. «Русскіе люди,— говорилъ проф. Менделѣевъ на съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ,— одинаково сходятся въ желаніи прогресса своему отечеству. Не только русскіе сельскіе хозяева, но и всѣ другіе сельскіе хозяева, — продолжаетъ знаменитый химикъ, — теперь страждутъ и находятся въ угнетенномъ со-

*) „Большая доходность южно-русскихъ крупныхъ заводовъ такъ настроила заграничные рынки, что достаточно въ фирму предпріятія вставить слово „донецкое", „днѣпровское", „южнорусское", „югъ Россіи", чтобы предпріятіе считалось вполнѣ прочнымъ и доходнымъ. Но и русскіе землевладѣльцы уже успѣли заразиться горячкой иностранныхъ предпринимателей. Стоитъ только на участкѣ появиться штейгеру для развѣдокъ, какъ земля въ глазахъ владѣльца пріобрѣтаетъ неимовѣрно высокую цѣну. Вѣдь были же случаи, когда угольныя земли продавались чуть не за 1,000 руб. за десятину" (*Вѣсти. Фин.* 1896 г., № 48).

стоянiи... Почему это? — Потому, что прежде они пользовались большими барышами, теперь постепенно ихъ уменьшаютъ». Я попросилъ бы проф. Менделѣева указать мнѣ періодъ, въ продолженіе котораго главная масса нашихъ сельскихъ хозяевъ—крестьяне—пользовались большими барышами? Врядъ ли онъ сумѣетъ сдѣлать это. «Развитіе желѣзной промышленности въ Россіи принимаетъ столь широкіе размѣры, — пишетъ горный инженеръ Авдаковъ, — что въ недалекомъ будущемъ русскій рынокъ будетъ переполненъ русскими металлами и конкуренція удешевитъ цѣны». Такъ ли это? 1 іюля 1884 года пошлина на чугунъ равнялась 9 коп. золотомъ съ пуда, 1 марта 1885 г. она была уже равна 12 коп., а 1 марта 1886 г. уже 15 коп. 20 апрѣля 1887 года на чугунныя издѣлія необдѣланныя наложена была пошлина въ 70 коп., а на обдѣланныя—въ 1 р. 40 коп. (золотомъ). Пошлина на чугунъ въ штыкахъ, привозимый моремъ, была возвышена до 25 коп., а на привозимый по сухопутной границѣ—до 30. Въ 1891 году послѣдовало увеличеніе этой пошлины еще на 5 коп. За этими мѣрами послѣдовало значительное сокращеніе ввоза чугуна изъ-за границы и увеличеніе выработки чугуна русскими заводами, но въ стоимости чугуна, по компетентному свидѣтельству министерства финансовъ, не послѣдовало никакого уменьшенія,—напротивъ, при громадномъ спросѣ его чугунолитейными и сталелитейными заводами, все время существуетъ стремленіе къ поднятію цѣнъ. Русскимъ механическимъ заводамъ чугунъ обходится въ 2—2½ раза дороже, чѣмъ иностраннымъ, и еще болѣе дороже сельскимъ хозяевамъ. Какія же даютъ намъ гарантіи удешевленія его въ будущемъ?—Ровно никакихъ. А примѣръ другой промышленности, точно также пользовавшейся и пользующейся особымъ покровительствомъ, даетъ возможность дѣлать совсѣмъ иныя предположенія. Когда русскій рынокъ будетъ переполненъ русскими металлами,—это, впрочемъ, будетъ еще не такъ скоро,—русскіе иностранно-подданные заводчики устроютъ между собою картель или, благозвучнѣе, синдикатъ, станутъ вывозить чугунъ, желѣзо и сталь за границу, а русскій обыватель будетъ утѣшать себя мыслью о необходимости развитія отечественнаго производства и съ завистью смотрѣть на иностранцевъ, обрабатывающихъ свои поля орудіями и машинами, сдѣланными изъ русскаго металла, подобно тому, какъ въ настоящее время онъ любуется, какъ свиньи въ Англіи откармливаются дешевымъ тамъ русскимъ сахаромъ *).

Когда говорятъ о пониженіи нашихъ охранительныхъ пошлинъ, противники этой мѣры тотчасъ выставляютъ на первый планъ интересы русскаго рабочаго класса. Я не буду на сей разъ останавливаться на этих

*) „Въ послѣднее время констатировано,— читаемъ мы въ 1 № *Харьковск. Г Вѣдомостей* за 1897 годъ, — что наши крупные заводы сельско-хозяйственныхъ ш..нъ—Эльвортн, Липгартъ, Гріевзъ, Шварцгофъ, Классенъ, Лешъ, Вальманъ и д (все *русскія* фамиліи!)—находятся въ стачкѣ съ иностранными нѣмецкими заводчиками и, быть можетъ, составляютъ съ ними картель, подобно тому, какъ англійс и нѣмецкіе желѣзнозаводчики составляютъ одну международную картель".

интересахъ и ограничусь замѣчаніемъ, что въ Россіи заработная плата меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Таковы «факты и дѣйствительность» нашей горнозаводской промышленности. Вопросъ о пониженіи пошлинъ на чугунъ, желѣзо и сталь не былъ поставленъ, какъ извѣстно, на обсужденіе торгово-промышленнаго съѣзда въ Нижнемъ-Новгородѣ. Министерство финансовъ предложило обсудить вопросъ въ слѣдующей формулировкѣ. «Въ какой мѣрѣ уменьшеніе пошлинъ на сельско-хозяйственныя машины и орудія можетъ служить воспособленіемъ интересамъ земледѣлія?» Сколько мнѣ извѣстно, въ представленныхъ съѣзду докладахъ вопросъ и трактовался въ поставленныхъ рамкахъ, но въ силу самыхъ вещей его пришлось расширить во время дебатовъ, и съѣздъ принялъ нижеслѣдующую резолюцію, предложенную проф. Ходскимъ: «дѣйствительность и выставка показали неравномѣрное вліяніе таможеннаго тарифа на разныя отрасли промышленности, особенно неблагопріятное для сельскаго хозяйства; высокія пошлины на чугунъ, желѣзо и сталь являются тормазами сельско-хозяйственнаго развитія; желательно пониженіе пошлинъ на сельско-хозяйственныя машины и матеріалы, необходимые для сельскаго хозяйства».

Полагаю, что харьковскому обществу сельскихъ хозяевъ *) слѣдуетъ вполнѣ присоединиться къ резолюціи нижегородскаго съѣзда и громко заявить объ этомъ. Харьковское общество сельскихъ хозяевъ является до нѣкоторой степени представителемъ сельскихъ хозяевъ южной Россіи, въ которой усовершенствованныя орудія и машины распространены не только среди частновладѣльческаго, но и крестьянскаго хозяйства болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной части нашей родины. Можно сказать, что изъ тѣхъ 38,7 мил. таможенной пошлины, которая вносится русскими обывателями за ввозъ въ Россію металловъ и металлическихъ издѣлій, большая уплачена именно южной Россіей. А если подсчитать, сколько лишнихъ денегъ переплачено при этомъ русскимъ производителямъ машинъ и орудій, не могущихъ производить уже потому, что они сами платятъ въ 2 — $2^1/_2$ раза дороже за необходимые матеріалы, чѣмъ иностранные производители, такъ станетъ понятнымъ, почему въ сельскомъ быту южной Россіи приходится очень часто мечтать даже о такихъ безобразныхъ въ техническомъ отношеніи орудіяхъ какъ букеръ, или машинахъ — какъ пресловутая жнея-лобогрѣйка. Необыкновенно характерна и поучительна исторія нашего сельскохозяйственнаго машиностроенія. Потребность въ орудіяхъ и машинахъ появилась въ началѣ 60-хъ годовъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, лишившихся съ отмѣною крѣпостного права даровыхъ работниковъ. Крестьяне продолжали первое время послѣ реформы вести свое патріархальное хозяйство, пользуясь тѣми же орудіями, которыми они обрабатывали свои земли еще въ XVII вѣкѣ. Но съ расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти, при необходимости имѣть довольно значительное количество денегъ для уплаты выкуп-

*) Эта статья была прочитана въ видѣ доклада названному обществу.

ныхъ и другихъ повинностей, русское сельское хозяйство быстро превращалось въ денежное. Рядомъ съ этимъ непрерывно возрасталъ ввозъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, составляя въ среднемъ за 4-лѣтіе 1869 1872 гг. 259,439 пудовъ въ годъ, за 1873—1876 гг.—566,306 пуд., за 1877—1880 гг.—629,551 пуд. и за 1881—1884 гг.—962,274 пуд. въ годъ. Въ то же время число механическихъ мастерскихъ, занимавшихся частью изготовленіемъ новыхъ орудій и частей ихъ, возросло съ 64 бывшихъ въ 1862 году до 340 въ 1885 году, съ производствомъ, оцѣнивавшимся на сумму 9 милліоновъ рублей въ годъ. Почти на такую же сумму ввозились орудія и машины изъ-за границы, и эти послѣднія служили образцами для русскихъ сельско-хозяйственныхъ машино-строителей, въ особенности кустарей.

Казалось бы, что русское сельско-хозяйственное машиностроеніе развивается совершенно правильно, тѣмъ болѣе, что образованныхъ техниковъ въ этой области у насъ не было, какъ нѣтъ и до сихъ поръ; но, начиная съ 80-хъ годовъ, наиболѣе крупныя мастерскія, принадлежащія по преимуществу иностранцамъ, стали осаждать правительство ходатайствами о воспособленіи отечественнаго производства. Первое время имъ не придавали значенія, ибо правительство придерживалось справедливаго взгляда на дѣло министра финансовъ Грейга, находившаго, что наложеніе пошлинъ «могло бы повлечь за собою возвышеніе цѣнъ на земледѣльческія орудія и машины и обременить наше сельское хозяйство, что едва ли было бы справедливымъ, въ виду увеличивающагося на западномъ рынкѣ соперничества русскимъ земледѣльческимъ продуктамъ». Ламентаціи заводчиковъ однако продолжались, и въ 1885 году установлена была пошлина въ размѣрѣ 50 коп. на пудъ. Насколько непропорціонально пошлинѣ возрасли цѣны, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1883 году я купилъ для имѣнія матери моей въ Черниговской губерніи партію плуговъ Сакка, платя за каждый по 28 руб. съ доставкой на мѣсто. Въ 1885 году я уже платилъ за тѣ же самые плуги по 36 руб. А пошлина все возрастала: въ 1887 г. она была повышена до 70 коп., въ 1890 году до 84 коп. Лишь съ 1891 г. начинается ея пониженіе до 70 коп. и по германо-русскому договору до 50 коп. съ пуда. Весьма любопытно, что ввозъ орудій и машинъ изъ-за границы, несмотря на пошлины, не переставалъ возрастать. Такъ въ 1888 г. было ввезено 506 тыс. пуд., въ 1893 г. 791 тыс. пуд. и кромѣ того локомобилей, оплачиваемыхъ пошлиною въ 1 руб. 40 коп. съ пуда, 223 тыс. пудовъ, въ 1894 г.—991 тыс. пуд. и 298 тыс. пуд. локомобилей и въ 1895 году 939,079 пудовъ машинъ и орудій. «Ввозъ орудій и машинъ, говорятъ защитники правительственнаго тарифа—возрасталъ потому, что пошлина слишкомъ мала, собственное же машиностроеніе должно быть развито потому, что «какъ бы ни была хороша машина, но употребленіе ея совершенно невозможно безъ рабочаго, а соотвѣтственныхъ рабочихъ нельзя будетъ найти, пока не будетъ существовать собственнаго машиностроенія». Послѣдній аргументъ принадлежитъ покойному Вышнеградскому. Онъ

можетъ быть принятъ лишь съ большими оговорками: классъ рабочихъ механическихъ мастерскихъ и классъ сельскихъ рабочихъ—имѣетъ между собою мало общаго, и, надо думать, покойный министръ, приводя этотъ аргументъ, не имѣлъ въ виду громаднаго класса рабочихъ землевладѣльцевъ крестьянъ, все болѣе и болѣе пользующихся завоеваніями техники, въ особенности въ южной части Россіи». «Русское сельско-хозяйственное машиностроеніе, — читаемъ мы въ изданномъ министерствомъ финансовъ *Сборникѣ*—«Производительныя силы Россіи»,—достигло уже значительнаго развитія въ отношеніи размѣровъ производства, во многомъ уступаетъ, однако, заграничному по отношенію къ качеству своихъ издѣлій. Прежде всего, самыя сложныя по конструкціи машины, каковы: жнеи, сноповязалки и паровыя молотилки, въ Россіи почти не дѣлаются, а многія и несложныя орудія, каковы, напримѣръ, многолемежные плуги, несмотря на значительность производства ихъ въ Россіи, все-таки привозятся въ огромномъ количествѣ изъ-за границы, и такъ какъ заграничныя орудія продаются дороже (хотя и незначительно) русскихъ копій, то существованіе значительнаго спроса на нихъ можно объяснить разницею въ качествѣ тѣхъ и другихъ. Худшее качество нѣкоторыхъ русскихъ машинъ сравнительно съ иностранными можетъ быть просто (?!) объяснено недостаткомъ у насъ хорошихъ техниковъ-машиностроителей, а во второмъ—недостаткомъ тѣхъ высоко-качественныхъ матеріаловъ, которые имѣются въ распоряженіи иностранныхъ заводчиковъ. Производство частей изъ литой стали и ковкаго чугуна,—читаемъ мы далѣе,—у насъ находится еще въ зачаточномъ состояніи. У насъ нѣтъ высоко-сортныхъ древесныхъ матеріаловъ, каковъ, напримѣръ, американскій гикори, наконецъ, и общій уровень желѣза, стали и чугуна, употребляемыхъ въ нашемъ машиностроеніи, ниже заграничнаго, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что лучшіе заводы наши работаютъ почти исключительно на заграничномъ металлѣ». Такъ написано въ оффиціальномъ изданіи.

Горькій опытъ учитъ, что таможенное покровительство не создаетъ контингента образованныхъ техниковъ, ибо доставляетъ достаточную выгоду рутинѣ, и отсутствіе порядочнаго желѣза, при наличности всѣхъ условій для развитія желѣзной промышленности, можетъ служить достаточной иллюстраціей вліянія пошлинъ и на иностранныхъ техниковъ, руководящихъ его производствомъ въ Россіи. Не такъ давно въ двухъ высшихъ техническихъ школахъ Россіи открыли каѳедры сельскохозяйственнаго машиностроенія и насъ утѣшаютъ, что мы быстро двинемся впередъ въ этой области. Давай Богъ! Но невольно приходитъ на память малороссійская пословица, читающаяся въ русскомъ переводѣ такъ: «Пока взойдетъ солнце—роса глаза выѣстъ».

И. Миклашевскій.

Гражданское уложеніе для Германской имперіи въ связи съ научными и общественными теченіями въ современной Германіи.

Книгѣ, которая издана въ іюлѣ 1896 г. подъ заглавіемъ *Гражданское уложеніе для Германской имперіи*, предшествовала популярность, какая рѣдко выпадаетъ на долю уже написанныхъ произведеній. Этою популярностью она обязана знаменитой полемической брошюрѣ, съ которою Савиньи въ 1814 году выступилъ противъ Тибо, доказывая, что гражданское уложеніе для Германіи не нужно и не возможно. Время показало, что правъ былъ Тибо; однако, та книга, которая издана теперь, отнюдь не имѣетъ того культурно-историческаго значенія, какое имѣло бы осуществленіе идеи Тибо въ 1814 году. Этотъ гейдельбергскій профессоръ и членъ-корреспондентъ «с.-петербургской коммиссіи для составленія уложенія» такъ изображаетъ тогдашнее состояніе Германіи. Нѣмецкіе народы переживаютъ трудное время. Они только-что съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ помогли своимъ большимъ и маленькимъ правителямъ снова подняться на развалинахъ наполеоновской имперіи; они съ правомъ могли бы разсчитывать на благодарность своихъ правителей. Но вмѣсто того, чтобы новыми мудрыми гражданскими установленіями обезпечить счастье своихъ подданныхъ, эти правители спѣшатъ на мѣсто французскихъ законовъ возстановить старыя злоупотребленія. Будущее, въ глазахъ Тибо, мрачно; правителей окружаютъ совѣтчики, принадлежащіе къ подонкамъ націи; вмѣсто мудрыхъ мѣропріятій раздаются безтолковыя властныя рѣчи. Тибо не хочетъ политическаго объединенія въ формѣ одного большого государства,—нѣтъ, пусть Германія остается при своемъ дробленіи на маленькія государства, но пусть маленькіе государи не подражаютъ большимъ въ своемъ отчужденіи отъ народа. Единственною гарантіей отъ произвола правителей было бы единое гражданское уложеніе; при этомъ подъ «гражданскимъ» Тибо разумѣетъ также и уголовное право и оба судопроизводства. Единое гражданское уложеніе соединитъ всю Германію сознаніемъ братства народовъ. Но Тибо не довѣряетъ отдѣльнымъ государямъ; для того, чтобы они не

могли снова отмѣнить однажды изданное гражданское уложеніе и возстановить царство произвола, нужно поставить это уложеніе подъ торжественную международную охрану великихъ иностранныхъ державъ. Тибо взываетъ къ лучшимъ изъ нѣмецкихъ государей: «зачѣмъ давать всегда своимъ подданнымъ чувствовать узду и шпоры дурного наѣздника: не лучше ли править спокойно на основаніи твердыхъ законовъ?» Итакъ, мало надѣясь на скорое введеніе обѣщанныхъ представительныхъ формъ правленія, Тибо въ единомъ гражданскомъ уложеніи видѣлъ хартію противъ деспотизма нѣмецкихъ правителей. Интересы *гражданскаго оборота* стояли для него на второмъ планѣ.

То гражданское уложеніе, которое должно вступить въ дѣйствіе 1 января 1900 года, преслѣдуетъ по необходимости болѣе скромныя задачи, чѣмъ идеальное уложеніе Тибо. Нѣмцы уже пользуются политическою свободой; культурное объединеніе—фактъ совершившійся. Не народы навязываютъ теперь гражданское уложеніе своимъ государямъ, а, наоборотъ, имперія, спѣша вколотить послѣдніе гвозди въ зданіе германскаго политическаго единства, вводитъ новое уложеніе и въ такихъ частяхъ страны, какъ Западъ, гдѣ дѣйствуетъ Code civil, и гдѣ въ перемѣнѣ кодекса не нуждаются. Это уложеніе не является результатомъ національнаго воодушевленія, какимъ было бы уложеніе Тибо: оно всецѣло—плодъ политическаго разсчета; и хотя многіе патріоты торопились возвести проектъ уложенія на степень закона именно въ юбилейный годъ имперіи, но обнародованіе уложенія такъ же мало свидѣтельствовало о народномъ воодушевленіи, какъ флаги въ дни воспоминаній о событіяхъ оффиціальной исторіи. Гражданское уложеніе является только послѣдовательнымъ законодательнымъ актомъ въ ряду другихъ имперскихъ законовъ, объединившихъ торговое, конкурсное, морское, авторское, патентное, уголовное и друг. права, и гражданское и уголовное судопроизводства. Задача новаго уложенія объединить основы гражданскаго порядка—вещное обладаніе, обязательства, семейный строй и наслѣдованіе. Оно предназначено устранить тѣ неудобства, съ которыми приходится до сихъ поръ считаться гражданскому обороту въ Германіи, благодаря чрезвычайной пестротѣ юридическихъ нормъ, дѣйствующихъ на ея протяженіи. Чтобы получить хотя бы приблизительное представленіе о томъ, что такое Германія въ смыслѣ разнообразія нормъ гражданскаго права, пусть читатель вообразитъ себя на воздушномъ шарѣ и съ высоты, съ которой деталей не видно, смотрящимъ на Германію въ поискахъ только нормъ гражданскаго права; она напомнитъ ему старый коверъ, сшитый изъ нѣсколькихъ большихъ полосъ, неровныхъ и краями своими заходящихъ одна въ другую. Въ средней, длинной и широкой, полосѣ дѣйствуетъ современное римское или пандектное право, какъ извѣстно, реципированное здѣсь съ XV вѣка; на востокъ тянется широкая полоса прусскаго ландрехта; между обѣими лежитъ клинъ саксонскаго права; а на западѣ раскинулась полоса французскаго права. Приблизившись затѣмъ настолько, чтобы видѣть и детали, зритель найдетъ западную полосу французскаго

права и саксонскій клинъ по-прежнему сплошными и однообразными, но въ двухъ большихъ полосахъ пандектнаго и прусскаго права (въ нихъ живетъ 76% населенія имперіи) его поразитъ обиліе лоскутьевъ, изъ которыхъ эти полосы составлены. Въ полосѣ пандектнаго права онъ насчитаетъ 30 большихъ лоскутьевъ (мелкіе можно не считать); частью это заплатки, которыя наложены были на коверъ; частью это—куски подкладки, которая вылѣзла наружу. Какъ образецъ права, которое выбилось наружу сквозь рецепированное римское право, назовемъ ютландское право 1240 г.; какъ примѣръ партикулярнаго права, которое легло поверхъ рецепированнаго римскаго права, назовемъ баварскій кодексъ 1756 г. На востокѣ, на прусскомъ коврѣ, можно насчитать 16 большихъ лоскутьевъ; лучшимъ примѣромъ мелкаго кусочка, который мы оставили внѣ этого счета, можетъ служить Берлинъ, гдѣ наслѣдственныя отношенія между супругами опредѣляются не прусскимъ ландрехтомъ 1794 года, а законами курфюрста Іоахима 1527 года. Въ общемъ на пространствѣ всей Германіи дѣйствуетъ болѣе 100 различныхъ правъ. Понятно, какимъ бѣдствіямъ должны подвергаться граждане въ странѣ, политически и въ особенности экономически объединенной, благодаря тому, что обыкновенно называютъ «коллизіей законовъ», а часто также благодаря полной недоступности источниковъ права для не спеціалистовъ, такъ какъ эти источники или написаны на латинскомъ или французскомъ языкахъ, или коренятся въ обычаяхъ и прецедентахъ, живущихъ преимущественно въ сознаніи старыхъ юристовъ-практиковъ. Теперь пестрота нормъ для *основъ* гражданскаго порядка прекращается. Мы говоримъ только для основъ, потому что кодификаторы оставили нерегулированными множество отношеній, также входящихъ въ сферу частнаго права; здѣсь не мѣсто разбирать, когда они руководились мудрымъ благоразумiемъ, которое препятствуетъ повальному нивелированію всѣхъ сложныхъ явленій жизни, какъ въ аракчеевскихъ поселеніяхъ, и когда они только останавливались предъ внѣшними препятствіями, живымъ партикуляризмомъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ,—какъ бы то ни было, но помимо такихъ отношеній, которыя будутъ еще регулированы въ недалекомъ будущемъ (страховой и издательскій договоры), уложеніе оставляетъ массу отношеній для дальнѣйшаго нормированія со стороны территоріальныхъ законодательствъ: горное, водное право, охоту, рыбную ловлю, экспропріацію, выкупъ сервитутовъ, положеніе домашней прислуги; въ общемъ, въ законѣ «о введеніи уложенія въ дѣйствіе», который изданъ одновременно съ уложеніемъ, болѣе 100 §§ посвящено этимъ изъятіямъ.

Изъ внѣшней исторіи кодификаціи намъ необходимо отмѣтить небольшое число фактовъ. Уложеніе составлялось болѣе 20 лѣтъ, съ 1874 го. Первоначально надъ его составленіемъ работали одни юристы, теоретики и практики. Въ 1888 году эта первая комиссія выпустила проектъ уложенія. Критика завладѣла проектомъ, разобрала его во всѣхъ подробностяхъ и осудила его. Тогда учреждена была вторая комиссія уже не изъ однихъ юристовъ, но также изъ представителей всѣхъ отраслей промы-

ленности и торговли и теоретической экономіи. Эта коммиссія занялась пересмотромъ проекта; она работала уже не въ тиши кабинета, а при ближайшемъ участіи критической литературы; всѣ ея предположенія тотчасъ же печатались во всеобщее свѣдѣніе, подвергались немедленному обсужденію въ странѣ, а критическія замѣчанія принимались во вниманіе коммиссіею при дальнѣйшихъ чтеніяхъ. Въ 1895 г. составлена была вторая редакція проекта. Она подверглась нѣкоторой передѣлкѣ въ союзномъ совѣтѣ, и въ началѣ 1896 года послѣдній внесъ въ парламентъ проектъ въ третьей редакціи. Послѣ перваго чтенія въ рейхстагѣ проектъ перешелъ въ руки парламентской коммиссіи изъ депутатовъ всѣхъ политическихъ партій; послѣ четырехмѣсячной работы парламентская коммиссія представила свои замѣчанія рейхстагу; въ іюнѣ 1896 года рейхстагъ во второмъ чтеніи обсудилъ проектъ союзнаго совѣта въ связи съ замѣчаніями своей коммиссіи и предложеніями меньшинства, принялъ проектъ въ третьемъ чтеніи, и Германія получила гражданское уложеніе. Мы привели эти внѣшніе факты потому, что имъ соотвѣтствовалъ порядокъ наслоенія тѣхъ вліяній, которыя отразились на уложеніи. Сперва шла работа чистой юриспруденціи романистическаго направленія; затѣмъ (во 2-й коммиссіи) воздѣйствіе экономическихъ интересовъ и юриспруденціи германистическаго направленія, счеты съ соціальнымъ движеніемъ, вліяніе политики и общественнаго мнѣнія; далѣе, въ коммиссіи при союзномъ совѣтѣ, преимущественно одностороннее вліяніе политическихъ соображеній; наконецъ, въ парламентѣ и въ его коммиссіи—совокупное вліяніе разнообразныхъ силъ и компромиссы.

Точка зрѣнія, на которую мы становимся для ознакомленія читателя съ новымъ уложеніемъ, иная, чѣмъ на какой стоитъ извѣстная намъ до сихъ поръ нѣмецкая критическая литература. Мы имѣемъ въ виду не ту литературу комментаріевъ, литературу ножницъ и клея, которая заполонила прилавки книгопродавцевъ послѣ того, какъ уложеніе стало закономъ; мы имѣемъ въ виду ученую литературу, которая вся относится ко времени до обсужденія проекта въ рейхстагѣ,—литературу de lege ferenda. И здѣсь насъ не интересуетъ литература практическихъ юристовъ, которые предпочитали какое-нибудь уложеніе никакому, а сочиненія юристовъ-теоретиковъ. Тонъ этой литературѣ задалъ еще въ 1888 году профессоръ Отто Гирке. Имя этого ученаго достойно перейти въ исторію въ связи съ уложеніемъ, хотя онъ не принималъ никакого участія въ работахъ коммиссій,—главнымъ образомъ, какъ примѣръ смѣлаго, убѣжденнаго протеста противъ господствующаго теченія. Гирке до послѣдней минуты не переставалъ писать, что принятіе проекта, хотя бы въ исправленномъ видѣ, будетъ національнымъ несчастіемъ. Проектъ, однако, принятъ; но и борьба Гирке не прошла безслѣдно. Не только измѣнены отдѣльныя постановленія, но и то, что написано или сказано апологетами проекта, прямо или косвенно, удачно или неудачно, направлено противъ Гирке. Въ короткихъ словахъ, критика Гирке сводилась къ тому, что хотя проектъ представляетъ блестящее

произведеніе ученой юриспруденціи, образецъ юридической техники, но, какъ дѣйствующій законъ, онъ не годится, потому что, во-первыхъ, онъ недоступенъ пониманію массъ, благодаря своей отвлеченности (наприм., въ первой редакціи проекта «отца» и «матери» не было, а былъ только абстрактный «носитель родительской власти»); во-вторыхъ, онъ игнорируетъ идеи національнаго германскаго права и насквозь пропитанъ римскими идеями, и, въ-третьихъ, въ немъ отсутствуютъ соціальныя идеи, т.-е. отраженіе того, что человѣкъ и въ сферѣ гражданскаго права не стоитъ изолировано отъ общества, а связанъ интересами отдѣльныхъ согражданъ и всего общества. То же въ сущности Гирке говорилъ и о проектѣ въ окончательномъ его видѣ. Нужно признать, что защитники проекта болѣе удачно отпарировали только обвиненіе въ презрѣніи къ германизму; здѣсь, дѣйствительно, Гирке во многомъ увлекался своими вкусами, какъ спеціалистъ въ области исторіи германскаго права. Упрекъ въ отвлеченности принятъ кодификаторами, повидимому, какъ заслуженный, но неизбѣжный, а на обвиненіе, что проектъ свидѣтельствуетъ о манчестерскомъ направленіи его составителей, послѣдніе отвѣчали ссылкою на нѣсколько постановленій, носящихъ «соціальный» характеръ; при этомъ апологеты проекта, въ свою очередь, впадали въ другую крайность и преувеличивали значеніе этой «соціальности» нормъ, какъ еслибы ими разрѣшался соціальный вопросъ. Гирке упрекалъ кодификаторовъ также въ отсутствіи творчества, т.-е. въ неумѣньи отыскать оригинальныя формы для жизненныхъ отношеній. Свою задачу кодификаторы сводили къ тому, чтобы выбрать изъ поля юридическихъ развалинъ камни для новой постройки, констатировать народившееся путемъ судебной практики право и удовлетворить опредѣлившейся потребности; они отрицали свою обязанность идти навстрѣчу будущему. Требованіе послѣдняго рода высказано было проф. Антономъ Менгеромъ въ его книгѣ *Объ уложеніи и неимущихъ классахъ;* онъ формулировалъ тѣ требованія, которымъ долженъ былъ бы удовлетворять проектъ, еслибы его составители приняли во вниманіе совершающееся въ Германіи перемѣщеніе общественныхъ силъ; но его критика не могла оказать вліянія на работы коммиссіи и только въ парламентѣ она вооружила нѣсколькими аргументами часть борцовъ.

Гражданское уложеніе теперь—законъ. Критика его de lege ferenda окончена и въ Германіи; общая критика de lege lata мало интересна для насъ, русскихъ, потому что намъ на практикѣ съ нимъ не придется считаться. Въ предлагаемомъ очеркѣ германское гражданское уложеніе разсматривается исключительно какъ научно-литературное произведеніе, въ которомъ отчетливо отразились важныя стороны современной нѣмецкой культуры. Съ помощью этого произведенія будущій историкъ сумѣетъ набросать яркую картину того переходнаго состоянія, въ которомъ находился общественный порядокъ Германіи въ концѣ XIX в. Мы хотимъ попытаться антиципировать эту работу будущаго историка. Съ этой точки зрѣнія характерныя черты германскаго уложенія всего лучше выступаютъ при сопоставленіи

его съ Code civil. Разница между обоими кодексами можетъ быть рельефно выражена такъ, какъ отношеніе между венеціанскими произведеніями Джіовани Беллини и римскими фресками Микель-Анжело. Джонъ Рёскинъ говоритъ по поводу двухъ Мадоннъ Беллини: «прежде всего, картины нарисованы красками безусловно прочными и не подверженными порчѣ; позолота на нихъ не настоящая, а сдѣлана красками; и, тѣмъ не менѣе, живопись настолько солидна, что 400 лѣтъ прошли надъ нею, а она не испытала никакихъ измѣненій. Но затѣмъ фигуры на этихъ картинахъ изображены въ состояніи безусловнаго покоя. Движеніе отсутствуетъ; даже маленькіе ангелы играютъ и поютъ безъ усилій и безъ перерывовъ, такъ же спокойно, какъ парки сидятъ за своею пряжей. Таковы существенныя условія величайшаго искусства—прочная и безошибочная техника и ясность въ покоѣ и дѣятельности». Если съ этимъ критеріемъ обратиться къ сикстинскимъ фрескамъ Микель-Анжело, то полное отсутствіе ясности въ покоѣ (наприм. Кумская Сивилла), страстныя движенія, искаженныя страданіями души или тѣла—лица и торсы и, прежде всего, непрочность полинявшихъ красокъ, заставятъ усомниться въ томъ, чтобы Рёскинъ своимъ опредѣленіемъ далъ канонъ для *всѣхъ* великихъ произведеній искусства. Съ той точки зрѣнія, на которую мы становимся для оцѣнки германскаго уложенія, Code civil напоминаетъ намъ картины Беллини, германское уложеніе—фрески Микель-Анжело. Прежде всего языкъ. Правило, что движимыя вещи предполагаются собственностью того, кто ими владѣетъ, Code civil выражаетъ съ геніальною лаконичностью, которая, какъ рѣзецъ на деревѣ, оставляетъ слѣдъ въ воспоминаніи: «En fait de meubles la posession vaut titre». Теперь посмотримъ то же правило въ нѣмецкомъ уложеніи: «Zu Gunsten des Besitzers einer beweglichen Sache wird vermuthet, dass er Eigenthümer der Sache sei», и тремя строками ниже опять: «Zu Gunsten eines früheren Besitzers einer beweglichen Sache wird vermuthet, dass er während der Dauer seines Besitzes Eigenthümer gewesen sei». На языкѣ красокъ—опредѣленіе блѣдное или выцвѣтшее. Но оставимъ внѣшность. У творцовъ Code civil было въ запасѣ нѣсколько идей, которыя ярко освѣщали имъ путь; на первомъ планѣ—égalité и liberté: равенство всѣхъ передъ закономъ, свобода собственности и договоровъ. Такихъ ясныхъ идей у новыхъ кодификаторовъ нѣтъ; ко всякому утвержденію примѣшивается доза скептицизма. Отрицать равенство и свободу столѣтіе спустя послѣ французской революціи никому не придетъ въ голову; но воодушевленіе давно исчезло и вѣра давно поколебалась. Мы увидимъ сейчасъ въ подробностяхъ, что сталось съ идеей равенства въ тѣхъ отношеніяхъ, гдѣ она однажды уже была формулирована; замѣтимъ мимоходомъ, что въ принципѣ кодификаторы и не могли дать всеобъемлющей формулы: на представителей аристократическихъ родовъ уложеніе распространяется только съ изъятіями. Идея свободы въ концѣ XIX в., послѣ того, какъ темныя стороны экономической свободы дали себя знать, также не могла больше воодушевлять кодификаторовъ. Отсюда—свобода въ принципѣ, ограниченіе ея на практикѣ; огра-

ниченіе слѣва въ интересахъ экономически-слабыхъ, но и ограниченіе справа въ интересахъ старыхъ историческихъ образованій (въ частности въ сферѣ поземельныхъ отношеній, тогда какъ Code civil никакихъ сословныхъ различій между имуществами не зналъ). Откуда это различіе между Code civil и германскимъ уложеніемъ? Объясненіе подъ рукою: Code civil написанъ въ эпоху, когда обломки стараго общественнаго строя затопила могучая волна, вынесшая на поверхность третье сословіе; далеко, далеко начиналось колыханіе водъ: четвертое сословіе еще не играло политической роли. Оттого Code civil носитъ отпечатокъ ничѣмъ не омраченныхъ идеаловъ третьяго сословія. Теперь видъ исторической поверхности другой; надвигается новая волна: четвертое сословіе въ Германіи, благодаря всеобщему обязательному обученію, всеобщей подачѣ голосовъ и всеобщей воинской повинности выросло и составляетъ силу, которая вступила въ борьбу за преобладаніе. Приходится укрѣплять позицію. Консервативный депутатъ, одинъ изъ докладчиковъ парламентской коммиссіи, Бухка, говорилъ въ рейхстагѣ: «Настало трудное время: политическая атмосфера насыщена соціальнымъ порохомъ; труднѣйшія экономическія задачи не рѣшены, глубокая рознь между нѣмецкими единоплеменниками съ каждымъ днемъ становится глубже, и мы, наконецъ, больше не понимаемъ другъ друга. Въ такое время, думаю я, дважды и трижды необходимо обезпечить намъ тѣ блага и пріобрѣтенія, которыя составляютъ общее и неотъемлемое достояніе всѣхъ преданныхъ національной идеѣ партій». И вотъ позиція укрѣпляется, и укрѣпляется разными мѣрами: то исканіемъ благосклонности противника (это мы увидимъ въ области договоровъ), то стягиваніемъ силъ (мы это увидимъ въ семейственномъ правѣ). Однако, при всемъ колоссальномъ значеніи соціальной борьбы, жизнь большого народа ею не исчерпывается. Оттого мы увидимъ, что на уложеніи отразились самыя разнородныя вліянія: государственной власти, которая стремится держать вѣсы между двумя сословіями; католической церкви, которая перестала быть царицею міра, но сохранила обаяніе надъ умами своихъ сыновъ; образованной женщины, которая добивается для себя экономической свободы. Не исчерпывая этимъ перечисленіемъ совокупности всѣхъ вліяній, мы переходимъ къ отдѣльнымъ институтамъ и нормамъ.

Въ половинѣ XIX вѣка въ государственномъ устройствѣ Германіи получилъ признаніе принципъ свободы ассоціацій. Мысль, что человѣкъ живетъ въ обществѣ не случайно, а въ силу своей природы, и что ему свойственно стремиться къ союзной организаціи, проникла во всеобщее сознаніе. Нѣмецкія правительства сами ощутили потребность въ развитіи ассоціаці потому что онѣ пробуждаютъ въ людяхъ сознаніе общественнаго благ вырабатываютъ практическую сноровку и помогаютъ государству въ р рѣшеніи важныхъ задачъ, которыя безъ частной иниціативы еще дол оставались бы неразрѣшенными. Помимо такихъ ассоціацій, которыя пр слѣдуютъ эгоистическія, промышленныя или хозяйственныя цѣли и вот рыя сами собою группируются вокругъ опредѣленнаго имущества (

этихъ ассоціаціяхъ мы здѣсь говорить не будемъ), народилось множеств ассоціацій, которыя имѣютъ свою raison d'être и безъ имущественнаго суб страта—ассоціаціи ученыя, литературныя, религіозныя, политическія, благотворительныя и т. д., кончая клубами для спорта, развлеченій и т. д.,— ассоціаціи съ идеальными цѣлями, мыслимыя и безъ имущества, но все же нуждающіяся въ немъ для достиженія своихъ задачъ. Форма юридическаго лица представляетъ, несомнѣнно, наиболѣе удобствъ для обладанія и управленія имуществомъ, а у ассоціацій съ идеальными цѣлями въ наличности всѣ элементы для того, чтобы быть самостоятельными носительницами имущественныхъ правъ. Возьмемъ для примѣра ученое общество: его цѣль далеко за предѣлами индивидуальности учредителей; оно разсчитано на существованіе независимо отъ смѣны членовъ: одни уходятъ, другіе приходятъ, оно само остается. Члены не претендуютъ на участіе въ имуществѣ, оно принадлежитъ обществу; уплативъ членскій взносъ, членъ этимъ исчерпалъ всѣ свои имущественныя отношенія къ ассоціаціи. Итакъ, способность у идеальныхъ ассоціацій быть юридическими лицами есть, потребность въ этомъ также, потому что только въ этой формѣ возможны устойчивость, прочная организація, увѣренность въ постоянствѣ существованія,—и вотъ передъ кодификаторами первой коммиссіи всталъ вопросъ: какъ наилучше регулировать пріобрѣтеніе правъ юридическаго лица ассоціаціями, преслѣдующими идеальныя цѣли? Справка съ пандектной теоріей и съ дѣйствующими законодательствами привела кодификаторовъ къ выбору между тремя системами возникновенія юридическихъ лицъ. Въ то время, какъ старыя законодательства и судебная практика въ полосѣ пандектнаго права держатся концессіонной системы, т.-е. правила, что для возникновенія юридическаго лица необходимо дозволеніе со стороны государства, наука въ лицѣ германистовъ и большинства пандектистовъ выработала взглядъ, что юридическое лицо возникло, разъ члены ассоціаціи выразили въ статутахъ желаніе быть корпораціей и выбрали себѣ представителя или бюро, и что затѣмъ никакой концессіи со стороны государства не нужно. Кромѣ этихъ двухъ противоположныхъ системъ кодификаторы застали третью систему, которая съ 60-хъ гг. появилась въ законодательной практикѣ имперіи и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствъ, систему *нормативныхъ опредѣленій* или систему *регистраціи*: ассоціація вырабатываетъ себѣ уставъ, выбираетъ бюро, сообщаетъ копію устава оффиціальному учрежденію для записи въ публичномъ реестрѣ, — и юридическое лицо возникло. Кодификаторы начали съ того, что отвергли вовсе концессіонную систему для ассоціацій съ идеальными цѣлями: при концессіонной системѣ правительственные органы заваливаются работою по разсмотрѣнію уставовъ; они подвергаютъ себя нареканіямъ въ стремленіи все опекать и во все вмѣшиваться; всякій отказъ въ утвержденіи устава родитъ подозрѣніе, что они руководились произволомъ; наконецъ, въ менѣе просвѣщенной части публики поддерживается мнѣніе, что государство отвѣтственно за солидность ассоціаціи; «для ассоціацій съ идеальными цѣлями концессіонная система рѣшительно

непригодна». Другая крайняя система также не встрѣтила сочувствія у кодификаторовъ: полная свобода возникновенія юридическихъ лицъ, думали они, опасна для гражданскаго оборота. Если это возникновеніе ничѣмъ извнѣ не констатируется, то не сразу видно, на что именно направлена воля членовъ ассоціаціи—желаютъ ли они учредить юридическое лицо, или простое товарищество, а знать это съ отчетливостью важно и для самихъ членовъ и для третьихъ лицъ. Осталась система нормативныхъ опредѣленій: «она не представляетъ неудобствъ концессіонной системы, потому что возникновеніе юридическаго лица не зависитъ отъ усмотрѣнія государственной власти, а внесеніе въ оффиціальные списки гарантируетъ гражданскій оборотъ. Итакъ, система нормативныхъ опредѣленій. Но тутъ начались оговорки. Первая коммиссія работала въ эпоху культуркампфа и исключительныхъ законовъ противъ движенія рабочихъ. Духъ, который навѣялъ эти законы, подулъ и въ коммиссіи. Если установить систему нормативныхъ опредѣленій, то, вѣдь, тогда всѣ ассоціаціи, которыя только не запрещены, потому что не преслѣдуютъ явно недозволенныхъ цѣлей, получатъ возможность самостоятельнаго существованія въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Но съ точки зрѣнія господствующаго публичнаго порядка многія ассоціаціи—религіозныя, политическія и соціально-политическія могутъ быть вредны, хотя и дозволены. Облегчить такимъ ассоціаціямъ способность пріобрѣтать имущества значитъ дать имъ въ руки такую силу, которую напередъ оцѣнить невозможно. «Названіе и цѣль, указанныя въ статутахъ, не служатъ ручательствомъ поведенія ассоціаціи въ будущемъ; закрытіе ассоціаціи за нарушеніе статутовъ не всегда можетъ поправить зло». Какъ же быть? Вернуться къ концессіонной системѣ?—это неловко, потому что Баварія и Саксонія уже отъ нея отступили и, слѣдовательно, пришлось бы открыто ступить на путь реакціи. Первые кодификаторы испугались практическихъ выводовъ изъ системы нормативныхъ опредѣленій и предпочли вовсе отказаться отъ рѣшенія задачи; они написали техническія правила для дѣятельности юридическихъ лицъ, но вопросъ о способѣ возникновенія юридическаго лица они рѣшили не вводить въ кодексъ, предоставляя каждому нѣмецкому государству регулировать этотъ способъ по-своему. Легко догадаться, что критика перваго проекта отнеслась неодобрительно къ такому малодушію, и во второй коммиссіи вопросъ сталъ на очередь снова. Концессіонная система была уже осуждена, борьба завязалась между системою свободы и системою регистраціи. Въ пользу системы свободы говорили, что она не представляетъ никакихъ практическихъ неудобствъ; разъ имѣются писанные статуты, сочлены могутъ изъ нихъ усмотрѣть, что это не обыкновенное товарищество, а корпорація; разъ имѣется бюро, — это знаютъ и третьи лица. Только для внесенія въ ипотечныя книги есть еще смыслъ въ требованіи регистраціи. Политическихъ неудобствъ система свободы также не представляетъ; охранять гражданское общество отъ опасности, которая связана съ такою свободой, должно *публичное* право, а не частное. Публичное право должно опредѣлить, какія ассоціаціи дозволены.

какія нѣтъ; но разъ ассоціація дозволена, создавать еще новыя затрудненія не послѣдовательно. Однако, большинство второй коммиссіи высказалось за систему регистраціи, находя въ ней больше гарантій для гражданскаго оборота. Но что же дѣлать съ тѣми ассоціаціями, регламентація которыхъ испугала первую коммиссію,—съ ассоціаціями политическими, религіозными и соціально-политическими? Здѣсь коммиссія придумала компромиссъ. Она предоставила администраціи налагать свое veto на внесеніе въ реестръ всѣхъ ассоціацій—религіозныхъ, политическихъ и соціально-политическихъ. Меньшинство коммиссіи повело борьбу противъ этого veto: оно не имѣетъ смысла, разъ ассоціація сама по себѣ не запрещена; это «veto есть въ сущности та же концессіоная система; наконецъ, если уже создавать контроль, то пусть онъ сосредоточивается въ рукахъ того же судьи, который ведетъ реестръ, а не въ рукахъ администраціи». Борьба оказалась безплодной, veto администраціи осталось. Въ такомъ видѣ второй проектъ поступилъ въ союзный совѣтъ, который пошелъ еще дальше по пути реакціи: veto распространено было на ассоціаціи съ цѣлями воспитанія и преподаванія. Разочарованіе въ литературѣ и парламентѣ было велико, и началась аттака противъ этого veto, въ защиту принципа нормативныхъ опредѣленій безъ изъятій. Вотъ что говорилъ профессоръ Зомъ въ своемъ рефератѣ въ берлинскомъ юридическомъ обществѣ (Зомъ самъ былъ членомъ второй коммиссіи, и потомъ въ парламентѣ онъ былъ въ числѣ правительственныхъ комиссаровъ, проводившихъ проектъ): «я мирюсь еще съ тѣми доводами, которые приводятся въ пользу veto относительно религіозныхъ и политическихъ ассоціацій». Доводы заключались въ томъ, что публичное право объ ассоціаціяхъ еще не разработано и многія нѣмецкія правительства лишены законныхъ средствъ противъ вредныхъ ассоціацій. «Но,—продолжаетъ Зомъ,—сомнительно, чтобы справедливо было вводить veto относительно соціально-политическихъ ассоціацій. Страхъ передъ соціалъ-демократическимъ движеніемъ руководилъ здѣсь перомъ законодателя, но страхъ всегда дурной совѣтчикъ. Думаютъ, что рабочимъ ассоціаціямъ затруднятъ существованіе, отказывая имъ въ юридической личности. Какая ошибка!—на силу рабочаго движенія эти отказы вліять не могутъ. Въ дѣйствительности, величайшая мудрость есть справедливость, и наилучшимъ средствомъ для сохраненія существующаго порядка является законодательство, которое равномѣрно распредѣляетъ между общественными классами солнце и вѣтеръ. Пусть и рабочее сословіе смотритъ на законодателя какъ на своего лучшаго друга, какъ на защитника своихъ справедливыхъ требованій, а свобода рабочей организаціи и есть справедливое требованіе». Гирке писалъ: «если полицейское право объ ассоціаціяхъ держится пассивно, то не слѣдъ гражданскому праву отправлять сторожевую службу. Ассоціаціи могутъ быть опасны и безъ всякой имущественной правоспособности. Что такое соціально-политическая ассоціація? Это всякая ассоціація, желающая такъ или иначе вліять на общественную жизнь; это благотворительныя, образовательныя ассоціаціи, общества для покровительства выпущенникамъ изъ испра-

тельныхъ заведеній, пріюты для дѣвушекъ, народныя кухни и, въ особенности, рабочіе и профессіональные союзы. Исключительный законъ противъ рабочаго класса нарушаетъ справедливость и требованія здравой соціальной политики». Въ парламентской коммиссіи большинство складывалось противъ всякихъ изъятій изъ принципа нормативныхъ опредѣленій, но правительство стояло на своемъ и даже заявило, что если парламентъ будетъ настаивать, оно совсѣмъ исключитъ изъ проекта отдѣлъ о юридическихъ лицахъ и даже совсѣмъ откажется отъ мысли осуществить гражданское уложеніе. Подъ этимъ давленіемъ центръ перешелъ на сторону правительства, которое уступило только въ одномъ,—отказалось отъ изъятій во вредъ ассоціаціямъ съ цѣлями воспитанія и образованія и, въ концѣ-концовъ, законъ прошелъ въ томъ видѣ, какъ его проектировала вторая коммиссія. Парламентъ улучшилъ проектъ въ томъ отношеніи, что у ассоціаціи, если она сошла съ пути, намѣченнаго въ ея статутахъ, можно отнять права юридическаго лица, но ее нельзя совсѣмъ распустить, какъ это предполагалъ второй проектъ. Такимъ образомъ въ результатѣ оказывается, что предоставленная самой себѣ чистая юриспруденція выпроводила въ одну дверь устарѣлое начало концессіи и впустила въ другую прогрессивный принципъ регистраціи; но подъ вліяніемъ мысли создать изъ кодекса оплотъ, начало концессіи, надѣвъ маску veto, вернулось, а égalité превратилась въ пустой звукъ. Но у дверей осталось третье, болѣе прогрессивное начало, которое будетъ стучаться, пока его не впустятъ.

Что идеѣ равенства нанесенъ чувствительный уронъ, это явствуетъ изъ слѣдующаго. Ассоціація—это въ сущности тѣ же физическія лица, A, B, C, которыя соединились для достиженія совмѣстными усиліями опредѣленныхъ цѣлей. Какова бы ни была вѣра отдѣльнаго физическаго лица, каковы бы ни были его политическіе или общественные взгляды,—его имущественная правоспособность неприкосновенна. Но этихъ лицъ соединилось семеро: соединеніе ихъ дозволено; публичная власть не видитъ ничего преступнаго въ томъ, что они дѣлаютъ, во что они вѣруютъ и о чемъ говорятъ. Если имъ понадобится купить домъ или принять пожертвованіе, т.-е. выступить въ гражданскомъ оборотѣ въ качествѣ носителей имущественныхъ правъ, то никто имъ не воспрепятствуетъ прибѣгнуть для этого къ формѣ товарищества, которая, однако, менѣе гарантируетъ ихъ имущественныя права, какъ ассоціаціи; но та форма, которая наиболѣе гарантируетъ эти права отъ случайностей человѣческаго существованія, отъ злоупотребленія довѣріемъ и т. д.—форма юридическаго лица, будетъ имъ открыта или нѣтъ, въ зависимости отъ того, что они думаютъ о разныхъ трансцендентальныхъ предметахъ или за кого они подаютъ голоса на выборахъ. Религіозная и политическая свобода обезпечена въ Германіи всѣмъ и каждому, какъ единичному лицу, такъ и ассоціаціямъ, доколѣ онѣ не считаются преступными; но когда заходитъ рѣчь объ учрежденіи корпораціи, то оказывается, что одни вѣрованія и убѣжденія даютъ на это право, другія нѣтъ. Такъ, въ первомъ гражданскомъ кодек-

сѣ XX столѣтія узаконяется неравенство гражданскихъ правъ въ зависимости отъ религіозныхъ, политическихъ и общественныхъ воззрѣній; въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ политическія стремленія имѣютъ національную основу (Эльзасъ, Познань, Шлезвигъ и Гольштинія), тамъ это неравенство должно ощущаться особенно болѣзненно.

Вопросъ объ égalité возникаетъ также въ связи съ важнымъ нововведеніемъ, вошедшимъ въ уложеніе. «Лица, которыя вслѣдствіе пьянства не въ состояніи заботиться о своихъ дѣлахъ или подвергаютъ себя или свою семью опасности попасть въ нужду, или же угрожаютъ безопасности другихъ лицъ, могутъ быть ограничены въ своей дѣеспособности и отданы подъ опеку»; пьяница ограничивается въ правахъ родительской власти и можетъ быть насильно помѣщенъ въ лѣчебницу. Эта норма явилась впервые въ проектѣ второй комиссіи, вслѣдствіе агитаціи со стороны представителей медицины, которые видятъ въ ней необходимое дополненіе къ мѣрамъ борьбы государства съ алкоголизмомъ. Однако эта, въ теоріи, повидимому, симпатичная норма наткнулась на сильныя возраженія со стороны представителей четвертаго сословія; на практикѣ, по ихъ мнѣнію, эта норма будетъ направляться противъ низшихъ слоевъ населенія, такъ какъ тамъ фактически пьянство всего болѣе развито: «лучше бороться съ алкоголизмомъ путемъ улучшенія соціальныхъ условій, вообще, создавая лучшій заработокъ и лучшія условія труда». Норма, однако, осуществилась. Гарантіею интересовъ пьяницы будетъ то, что инціатива въ учрежденіи надъ нимъ опеки будетъ принадлежать только его семьѣ, а никакъ не прокурорскому надзору.

Для того, чтобы видѣть отношеніе германскаго уложенія къ *идеѣ свободы* мы перейдемъ къ области договоровъ. Мы разсмотримъ договоры имущественнаго и личнаго найма, гдѣ обыкновенно дѣйствующими лицами являются представители разныхъ общественныхъ классовъ. Любопытно, что мы, русскіе, поставлены необыкновенно благопріятно, чтобы судить, что даетъ новаго въ договорѣ имущественнаго найма германское уложеніе. Читатель съ изумленіемъ узнаетъ, что нѣмецкіе юристы подчеркиваютъ какъ соціальное нововведеніе и такія нормы, которыя отчасти извѣстны намъ изъ нашего X т. св. законовъ. А такъ какъ возникновеніе нашихъ гражданскихъ законовъ объ имущественномъ наймѣ относится къ тому времени, когда на Руси царило крѣпостное право, то очевидно, что представленіе, будто съ помощью такъ называемыхъ соціальныхъ нормъ, въ противоположность индивидуалистическимъ, уложеніе сдѣлало шагъ впередъ для замиренія противниковъ гражданскаго порядка, есть совершенная иллюзія. Но какъ показатель того, что въ Германіи происходитъ перемѣщеніе общественныхъ силъ, внесеніе этихъ нормъ въ уложеніе имѣетъ несомнѣнное значеніе. Въ имущественномъ наймѣ мы видимъ на одной сторонѣ землевладѣльца крупнаго и средняго, на другой—арендатора, иногда также крупнаго, но чаще мелкаго; мы видимъ на одной сторонѣ домовладѣльца, на другой—квартиронанимателя. То право, которое господствовало

въ Германіи до сихъ поръ, защищало преимущественно интересы владѣльцевъ; новое право нѣсколько ослабляетъ односторонность этой защиты и создаетъ нѣсколько нормъ въ защиту арендаторовъ и нанимателей. Прежнія права падаютъ на степень интересовъ, интересы получаютъ видъ пріобрѣтенныхъ правъ. Но восторженное замѣчаніе проф. Зома въ цитированномъ рефератѣ, что «новое право протягиваетъ руку третьему и четвертому сословіямъ», по меньшей мѣрѣ наивно, потому что дома въ Германіи вовсе не принадлежатъ однимъ дворянамъ и духовенству, а право, которое протягиваетъ руку двумъ противникамъ, безсильно предотвратить столкновеніе. До сихъ поръ въ Германіи въ полосѣ пандектнаго права дѣйствуетъ правило, что продажа недвижимости влечетъ за собою уничтоженіе всѣхъ арендныхъ и квартирныхъ контрактовъ: Kauf bricht Miethe. Въ прусской и французской полосахъ дѣйствуетъ противоположный принципъ, но съ нѣкоторыми изъятіями. Въ Саксоніи и Баваріи дѣйствуетъ опять Kauf bricht Miethe, но арендатору дается срокъ на выселеніе. Первая коммиссія взяла принципъ, на которомъ воспитались ея члены романисты: Kauf bricht Miethe. Критика заставила вторую коммиссію перейти къ противоположному принципу Kauf bricht nicht Miethe, и, такимъ образомъ, отнынѣ въ Германіи арендные и квартирные договоры будутъ имѣть вещный характеръ, продажа земли или дома не будутъ влечь за собою прекращенія договоровъ найма, такъ что наступитъ тотъ порядокъ вещей, который извѣстенъ нашему X тому. Въ другомъ важномъ вопросѣ германское уложеніе по своей такъ называемой соціальности и сейчасъ остается позади нашего X тома. Въ Германіи, по наслѣдію отъ римскаго права, у собственника недвижимости въ обезпеченіе арендныхъ денегъ всегда существовало залоговое право на вещи нанимателя; право это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что уплата арендныхъ денегъ производится не впередъ, а послѣ прожитаго срока. Это залоговое право осталось въ новомъ уложеніи, несмотря на рѣзкія возраженія со стороны соціалъ-демократіи. Ея депутаты требовали полнаго уничтоженія этого права въ интересахъ маленькихъ людей, квартиронанимателей, у которыхъ, благодаря преимущественному праву домовладѣльцевъ на захватъ ихъ вещей, дѣйствительно не остается никакого имущества: «отсутствіе законной гарантіи минимальнаго комфорта должно препятствовать развитію въ пролетаріатѣ привычки къ домовитости и бережливости». Съ другой стороны, въ парламентской коммиссіи поднялся голосъ въ защиту интересовъ домовладѣльцевъ: «нужно, чтобы залоговое право было распространено даже на такія вещи крайней необходимости, которыя по уставу гражданскаго судопроизводства вовсе не подлежатъ аресту»; это, говорилось, «необходимо въ интересахъ хозяевъ, принадлежащихъ къ среднему сословію, такъ какъ иначе обыкновенно съ жильца нечего взять». Уложеніе не удовлетворило этимъ вожделѣніямъ, залоговое право владѣльцевъ недвижимостей подверглось нѣкоторымъ ограниченіямъ, но въ существѣ оно остается. Главнымъ мотивомъ за его сохраненіе служило соображеніе, что иначе квартиры не-

премѣнно вздорожаютъ, и собственники заставятъ платить арендныя деньги впередъ. Однако, изъ законодательныхъ матеріаловъ видно, что въ Берлинѣ, наприм., и сейчасъ обыкновенно квартирныя деньги взимаются впередъ. Очевидно, аргументъ не выдерживаетъ критики, а условія нашей жизни показываютъ, что домовладѣльцы отлично обходятся безъ залоговаго права. Ограниченіе свободы договора въ сферѣ имущественнаго найма сказалось на слѣдующей нормѣ уложенія: «Если квартира или другое помѣщеніе, въ которомъ должны находиться люди,—контора, мастерская, будутъ представлять значительныя опасности для здоровья, то наниматель можетъ съѣхать безъ всякаго предупрежденія и не стѣсняясь срокомъ, хотя бы при заключеніи договора онъ напередъ отказался отъ права нарушить контрактъ на этомъ основаніи». Опять и въ этой безспорно гуманной нормѣ нѣмецкіе юристы усматриваютъ показатель соціальныхъ тенденцій уложенія, а въ ограниченіи свободы договора они видятъ особое побудительное средство для болѣе санитарнаго устройства квартиръ. Можно подумать, что нѣмецкіе домовладѣльцы сдѣланы изъ другого тѣста, чѣмъ наши,—потому что, хотя у насъ нѣтъ прямого закона, но право съѣхать до срока изъ антисанитарной квартиры существуетъ, благодаря судебной практикѣ, и у насъ, и по силѣ 1529 ст. I ч. X т. ни одинъ судья не постѣснится у насъ уничтожить договоръ, даже если въ немъ будетъ сказано, что наниматель отказывается отъ права нарушить контрактъ, если помѣщеніе окажется антисанитарнымъ. Кодификаторы, конечно, хорошо сдѣлали, что внесли эту норму въ уложеніе, но о томъ, сколь наивенъ разсчетъ съ ея помощью разрѣшить квартирный вопросъ, какъ часть соціальнаго вопроса,—объ этомъ намъ, въ виду нашихъ условій, нечего распространяться. Въ уложеніи содержится также правило, что хозяинъ вправѣ отказать нанимателю и до срока, если наниматель пользуется не согласно съ договоромъ и тѣмъ нарушаетъ право хозяина. Въ парламентѣ прочитанъ былъ рядъ обычныхъ формуляровъ квартирныхъ договоровъ, гдѣ хозяева запрещаютъ жильцамъ стоять или сидѣть на лѣстницахъ, колоть дрова въ квартирѣ, стирку въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ, и даже ходить въ деревянныхъ туфляхъ по квартирѣ и лѣстницамъ. Ознакомленіе съ этими формулярами побудило парламентъ включить въ текстъ закона, что нарушеніе правъ хозяина должно быть «существенно» или «значительно»,—только въ такомъ случаѣ онъ вправѣ требовать досрочнаго прекращенія договора.

Еще болѣе признаковъ происходящей въ Германіи соціальной борьбы мы найдемъ въ законахъ, посвященныхъ договору личнаго найма. Кодификаторы отступили отъ римскаго права въ томъ, что уничтожили разграниченіе между черною работой, за которую нужно платить, и либеральнымъ трудомъ, за который, собственно говоря, брать деньги стыдно. Уложеніе знаетъ одинъ договоръ Dienstvertrag: одни служатъ, другіе платятъ за услуги. Уже названіе договора вызвало споры, показывающіе, насколько обострилась борьба. Мысль, высказанная въ работѣ Менгера, была под-

хвачена, и въ парламентѣ послышался горячій протестъ противъ термина Dienstvertrag, который, говорили въ парламентѣ, «унизителенъ для людей труда и свидѣтельствуетъ о стремленіи правящихъ классовъ держать рабочихъ въ зависимомъ положеніи». На рынкѣ, говорили далѣе, есть товаръ,—трудъ; одинъ его продаетъ, другой покупаетъ; потому и терминъ долженъ быть: *рабочій договоръ*. Однако, парламентское большинство стало на ту точку зрѣнія, что терминъ Arbeitsvertrag не обнимаетъ всѣхъ отношеній; что было бы слишкомъ непривычно подъ терминомъ Arbeitnehmer разумѣть учителя, адвоката или врача, а подъ терминомъ Arbeitgeber ученика, кліента или паціента. Затѣмъ проектъ кодификаторовъ подвергся рѣзкому осужденію за то, что отношенія горныхъ рабочихъ и особенно правила объ отношеніяхъ домашней прислуги (Gesindeordnung) не регулируются уложеніемъ, а предоставлены на неопредѣленное время регламентаціи со стороны партикулярныхъ законовъ. Уложеніе сдѣлало для домашней прислуги на протяженіи всей Германіи только то, что отмѣнило право господъ подвергать прислугу въ видахъ исправленія тѣлесному наказанію. Указывалось на то, что мѣстами къ домашней прислугѣ причисляются кельнеры, садовники, портье и даже сельскіе рабочіе. Представители четвертаго сословія настаивали, что въ интересахъ своихъ избирателей они также желаютъ единаго гражданскаго уложенія, но «съ уложеніемъ, которое не регулируетъ всего рабочаго договора въ полномъ объемѣ, они примириться не могутъ». Нужно, однако, замѣтить, что пробѣлы въ уложеніи происходятъ отчасти отъ того, что многіе виды рабочаго договора составляютъ предметъ спеціальныхъ законовъ. По существу нормъ, вошедшихъ въ уложеніе, нужно поставить кодификаторамъ въ заслугу подробную регламентацію договора личнаго найма; по возможности не оставлено мѣста для недоразумѣній по поводу взаимныхъ правъ и обязанностей. Такъ (хотя для Германіи это не ново) подробно перечислены сроки для взаимнаго предупрежденія нанимателя и служащаго объ отказѣ отъ мѣста или занятій. Такъ, въ законѣ указано, что «если работа не исполнена во время по винѣ нанимателя, то уплатить онъ все-таки обязанъ и не вправѣ требовать, чтобы работа была додѣлана»; такъ, въ законѣ указано, что «кратковременный перерывъ въ исполненіи работъ не лишаетъ права на вознагражденіе, когда дѣло идетъ о такомъ личномъ наймѣ, гдѣ служащій отдаетъ все или почти все свое время». Чувствуется, что идетъ борьба двухъ классовъ, и, какъ честные противники, ни одна сторона не хочетъ ничего оставить недосказаннымъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ два закона, дышащіе оба большою гуманностью; на нихъ отразилось вліяніе спеціальнаго законодательства о защитѣ рабочихъ. Кодификаторы внесли уже во второй проектъ правило, что «помѣщенія, приспособленія и орудія должны быть такъ устроены и содержимы, отправленіе услугъ должно быть такъ регулировано, чтобы гарантировать служащихъ отъ опасности для ихъ жизни и здоровья, насколько это возможно по характеру услугъ». Парламентъ это дополнилъ: «если служащій живетъ въ одной квартирѣ с

хозяиномъ, то помѣщенія для жилья и сна, столъ, распредѣленіе работъ и отдыха, должны быть такъ устроены, какъ это необходимо во вниманіе къ здоровью, нравственности и религіи служащаго». Наконецъ, по иниціативѣ парламента же въ уложеніе вошелъ законъ, что когда служащій живетъ въ семьѣ нанимателя и отношеніе ихъ длящееся, поглощающее все время, то наниматель обязанъ въ случаѣ болѣзни дать служащему медицинскую помощь и уходъ въ теченіе 6 недѣль». И, послѣдовательно, свобода договора ограничена и здѣсь: отрекаться отъ своихъ правъ служащій не можетъ. Эти законы настолько гуманны, что ихъ не могутъ не отмѣтить и хулители уложенія, но опять-таки—какая близорукость, когда въ одинъ рядъ съ этими законами ставятъ, надѣвъ на нее вывѣску—«соціальная», такую норму, которая остается далеко позади нашего X тома. По уложенію, «служащій, который нанялся на всю жизнь, имѣетъ право отказаться по прошествіи 5 лѣтъ»; въ первомъ проектѣ было: «по прошествіи 10 лѣтъ»; вторая комиссія поставила вмѣсто 10 лѣтъ—5 лѣтъ, но прибавила крошечную оговорку, которая незамѣтно, въ интересахъ помѣщиковъ, вводила крѣпостную зависимость,—именно, что «отказываться нельзя, если услуги такого рода, что могутъ быть исполнены и замѣстителемъ». Разумѣется, парламентъ эту оговорку вычеркнулъ. Вспомнимъ, что у насъ по X тому не то, что чрезъ 5 лѣтъ можно вернуть себѣ свободу, а прямо-таки нельзя наниматься болѣе, чѣмъ на 5 лѣтъ, и что это запрещеніе взято изъ уложенія царя Алексѣя Михайловича.

Теперь изъ тѣсной улицы договорныхъ отношеній, гдѣ лицомъ къ лицу стояли представители двухъ общественныхъ классовъ, мы выйдемъ на широкую площадь, гдѣ сталкиваются люди, какъ люди, безъ соціальныхъ ярлыковъ. Однако, и здѣсь мы услышимъ отголоски соціальной и политической борьбы. Гражданское право отводитъ каждому изъ насъ его особую сферу, гдѣ онъ одинъ свободно двигается, свободно развертываетъ свою индивидуальность и работаетъ надъ удовлетвореніемъ своихъ интересовъ. Nole me tangere. За анализъ этой юридической сферы кодификаторы выслушали обычный упрекъ въ доктринерствѣ; можетъ быть, упрекъ и заслуженъ, но юристу нельзя не испытать истиннаго эстетическаго наслажденія отъ тонкости этого анализа. Моя сфера опредѣляется, во-первыхъ, моими субъективными правами: не смѣйте трогать моихъ имущественныхъ правъ, не нарушайте моей личной свободы, не касайтесь моей чести. Моя сфера опредѣляется, во-вторыхъ, запретительными уголовными законами: не совершайте дѣйствій, запрещенныхъ подъ страхомъ наказанія. Кто ворвется въ мою сферу, кто нарушитъ мое субъективное право, кто нарушитъ уголовный запретъ, защищающій всѣхъ и меня въ томъ числѣ, тотъ совершитъ недозволенное дѣйствіе, за которое онъ отвѣтитъ въ размѣрѣ причиненнаго мнѣ вреда и убытковъ. Но этого мало: чужое дѣйствіе можетъ причинить мнѣ вредъ, хотя бы оно не нарушало ни моего субъективнаго права, ни уголовнаго запрета. Кто умышленно причинитъ мнѣ вредъ такимъ дѣйствіемъ, которое противно добрымъ нравамъ,—такимъ дѣйствіемъ,

которое всѣ порядочные люди назовутъ нелойяльнымъ, непорядочнымъ, — тотъ отвѣтитъ за убытки. Примѣръ: держатель векселя передалъ его третьему лицу для того, чтобы лишить должника возможности сдѣлать возраженія, которыя онъ имѣетъ къ первоначальному векселедержателю. Передача векселя не нарушаетъ субъективнаго права должника; она не запрещена и законами, но она нелойяльна. Благодѣтельное вліяніе Гирке сказалось, между прочимъ, въ томъ, что выброшена оговорка, стоявшая въ проектѣ, о безотвѣтственности того нелойяльнаго человѣка, кто ради одной шиканы осуществляетъ свое субъективное право (напримѣръ, кто перекопалъ дорогу въ своемъ имѣніи только для того, чтобы лишить меня возможности проѣхать): шикана не должна быть поощряема.

Первые кодификаторы построили отвѣтственность за вредъ и убытки на принципѣ *виновности*. Безусловное проведеніе этого начала навлекло на кодификаторовъ обвиненіе въ односторонне-романистическомъ направленіи. Во второй коммиссіи критика заставила поднять вопросъ, не слѣдуетъ ли вовсе отступить отъ принципа виновности и перейти къ принципу *причинности*: виноватъ—не виноватъ, вмѣняемъ—не вмѣняемъ, все равно — кто причинилъ убытокъ, тотъ и плати. Принципъ не новый: чрезъ головы тысячелѣтій онъ вернулъ бы гражданскій оборотъ къ примитивному состоянію юридическаго мышленія, которое пережито было правомъ всѣхъ историческихъ народовъ,—состоянію, когда работа мысли останавливалась на чувственномъ воспріятіи явленій. Эта претензія стараго принципа занять не подобающее ему мѣсто въ современномъ оборотѣ не могла не вызвать отпора. Что такое, въ концѣ концовъ, принципъ виновности, какъ не отраженіе идеи справедливости по отношенію къ отвѣтчику: дѣйствуйте такъ, чтобы при нормальной осмотрительности не вторгнуться въ чужую юридическую сферу; но и самое тщательное обсужденіе и взвѣшиваніе поступка не можетъ отвратить его вредоносности для ближняго. Постоянное трепетаніе, какъ бы не попасть въ отвѣтъ, сковало бы всякую дѣятельность. Безъ принципа виновности для опредѣленія отвѣтственности немыслимъ гражданскій оборотъ. А все же его одного недостаточно. Уже давно спеціальное законодательство объ отвѣтственности въ сферѣ промышленности выдвинуло принципъ, представляющій модификацію прямолинейнаго начала причинности. Это—*принципъ уравнительной справедливости:* кто получаетъ отъ предпріятія барыши, тотъ пускай несетъ и убытки. Въ какой мѣрѣ пора перенести этотъ принципъ изъ спеціальной области промышленности въ болѣе широкую сферу общегражданскихъ отношеній? Здѣсь этотъ принципъ уравнительной справедливости можетъ быть въ формѣ велѣнія выраженъ такъ: пусть терпитъ тотъ, кому матеріально легче снести послѣдствія. Вторая коммиссія вспомнила о нормѣ, которую знало уже прусское ландрехтъ. «Когда безумный или дитя моложе семи лѣтъ причинили вредъ»,—когда, слѣдовательно, принципъ виновности не допускаетъ отвѣтственности, потому что нѣтъ вмѣненія,—«и когда съ того, кто приставленъ къ безумцу или дитяти для присмотра, взять нечего, тогда съ ихъ иму-

щества взыскивается вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, но въ зависимости отъ обстоятельствъ даннаго случая, смотря также по имущественной состоятельности обѣихъ сторонъ и такъ, чтобы взысканіе не отняло у отвѣтчика средствъ къ продолженію прежняго образа жизни». Эта норма вошла въ уложеніе, но попытка коммиссіи проявить свое творчество дальше потерпѣла крушеніе въ союзномъ совѣтѣ. Вторая коммиссія проектировала слѣдующую норму: «Кто хотя и нарушаетъ чужое право или поступаетъ вопреки уголовному запрету, но за вредныя послѣдствія не долженъ подлежать отвѣтственности потому, что онъ дѣйствовалъ безъ умысла и не неосмотрительно»,—примѣръ: вы идете въ гололедицу по мостовой, вы поскользнулись, увлекли въ своемъ паденіи прохожаго, который тоже падаетъ, ломаетъ себѣ ногу, вслѣдствіе того лишается средствъ къ существованію, вы же благополучно встали и пошли дальше,—«тотъ (т.-е. вы въ данномъ случаѣ), тѣмъ не менѣе, долженъ возмѣстить вредъ, поскольку это будетъ справедливо по обстоятельствамъ даннаго случая, въ особенности по имущественной состоятельности обѣихъ сторонъ, и такъ, чтобы, вознаграждая потерпѣвшаго, отвѣтчикъ самъ не лишался средствъ продолжать жить сообразно со своимъ общественнымъ положеніемъ и содержать тѣхъ, кого онъ по закону обязанъ содержать». Въ такомъ объемѣ, однако, принципъ распредѣленія отвѣтственности за вредъ по способности нести тягости жизни, *принципъ уплаты страхового вознагражденія,* не встрѣтилъ сочувствія ни въ союзномъ совѣтѣ, ни у большинства парламента; здѣсь нашли, что принципъ этотъ не годится для частноправовыхъ отношеній, для споровъ о моемъ и твоемъ, и что въ концѣ концовъ норма приводитъ къ дискреціонной власти судьи, который, въ зависимости отъ своихъ взглядовъ, можетъ превратить эту норму въ орудіе для распредѣленія богатствъ, или же въ мертвую букву. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ вопросѣ объ отвѣтственности за вредъ и убытки законодательство подошло къ необходимости внести ограниченія въ идею гражданскаго равенства въ интересахъ экономически слабыхъ; пока эти ограниченія отвергнуты, но вопросъ остается живымъ.

Въ ряду случаевъ отвѣтственности за вредъ и убытки особаго вниманія заслуживаетъ отвѣтственность *должностныхъ лицъ.* Кромѣ общегражданской отвѣтственности, должностное лицо несетъ также отвѣтственность за вредъ отъ нарушенія имъ своихъ служебныхъ обязанностей. Уложеніе, однако, различаетъ. Должностное лицо отвѣтствуетъ только за вредъ отъ нарушенія такой служебной обязанности, которая дѣлаетъ его слугою не только учрежденія, которому оно служитъ, но и частнаго лица, которое имѣетъ съ нимъ дѣло. Условіе отвѣтственности опять-таки обще-гражданское — виновность; кодификаторы сдѣлали шагъ впередъ въ интересахъ публики въ томъ отношеніи, что схоластическое различіе между простою небрежностью и грубою небрежностью устранено, но за то въ случаѣ вреда только отъ небрежности должностного лица, безъ умысла, потерпѣвшій долженъ сперва попытаться возмѣстить свой убытокъ инымъ путемъ.

Въ парламентѣ выражено было требованіе, чтобы должностное лицо привлекалось къ гражданской отвѣтственности за всякій причиненный вредъ, чтобы оно не имѣло права оттовариваться отсутствіемъ умысла или небрежности; находили, что если граждане вообще не вправѣ оттовариваться незнаніемъ законовъ, то тѣмъ менѣе должны призванные слуги закона разсчитывать на извиненіе въ случаѣ нарушенія закона во вредъ гражданамъ. Большинство отвергло это расширеніе отвѣтственности должностныхъ лицъ, находя, что отрѣзать имъ возможность ссылаться на обстоятельства, исключающія вмѣненіе, значитъ создавать для нихъ privilegium odiosum. Въ частности парламентъ расширилъ отвѣтственность должностныхъ лицъ *судебнаго вѣдомства*. Въ принципѣ отвѣтственность судей должна быть, конечно, обставлена болѣе тѣсными условіями, такъ какъ боязнь подвергнуться отвѣтственности за всякій недосмотръ или всякое неправильное пониманіе закона должна сковывать мыслительную дѣятельность судьи. Отсюда проектъ установилъ отвѣтственность судьи лишь за такія нарушенія за которыя онъ отвѣчаетъ въ уголовномъ порядкѣ. Но парламентъ внесъ въ уложеніе важную поправку; онъ ограничилъ примѣненіе этого спеціальнаго закона одними *рѣшеніями* судей; всѣ неправильныя распорядительныя дѣйствія судьи (напримѣръ, несвоевременная посылка повѣстки), влекутъ за собою отвѣтственность при тѣхъ же условіяхъ, когда отвѣчаетъ всякое иное должностное лицо. Кромѣ того судья отвѣчаетъ за медленность и отказъ въ правосудіи.

Уложеніе не разрѣшило вопроса *объ отвѣтственности* государства, общинъ и вообще *юридическихъ лицъ публичнаго права* за вредъ, причиненный ихъ должностными лицами. Мы видимъ здѣсь одинъ изъ примѣровъ, какъ кодификаторы не всегда вѣрны своей программѣ — удовлетворить народившейся потребности. Въ парламентской коммиссіи выдвинуто было требованіе, чтобы государство и общины отвѣчали за своихъ должностныхъ лицъ, когда съ послѣднихъ, что обыкновенно бываетъ, взять нечего. Потребность въ созданіи этой субсидіарной отвѣтственности настолько созрѣла, что хотя требованіе формулировано было крайнею лѣвой, но оно встрѣтило сочувствіе въ большинствѣ парламентской коммиссіи, а затѣмъ и само правительство никакихъ принципіальныхъ возраженій не сдѣлало, но только указало, что вопросъ слишкомъ важенъ и сложенъ, въ виду огромнаго разнообразія категорій должностныхъ лицъ, чтобъ его можно было рѣшить попутно и однимъ почеркомъ пера. Министерство держалось взгляда, что удобнѣе регулировать вопросъ для каждаго вѣдомства особо; сообщивъ, что, по проекту вотчиннаго устава, государство будетъ отвѣчать за недосмотръ чиновниковъ даже не субсидіарно, какъ этого хочетъ лѣвая, а на первомъ планѣ, министръ сказалъ: «мы въ этомъ вопросѣ пойдемъ дальше, чѣмъ даже рѣшается предложить лѣвая, и, надѣюсь, вы изъ этого увидите, что правительство вовсе не намѣрено отнестись къ этому великому вопросу съ какой-либо предвзятой точки зрѣнія». Парламентъ согласился оставить вопросъ пока открытымъ.

Ограниченіе принципа *liberté* мы найдемъ и въ сферѣ *права собственности;* на первый взглядъ это ограниченіе представится намъ результатомъ старыхъ историческихъ образованій, съ которыми такъ радикально покончилъ Code civil, гдѣ никакихъ различій между крестьянскими и дворянскими имуществами нѣтъ. Но, вглядѣвшись глубже, мы и здѣсь увидимъ отраженіе новой соціальной борьбы. На этотъ разъ борьба сосредоточилась на вопросѣ о томъ, упоминать ли въ уложеніи *зайца,* или нѣтъ. Какъ это ни комично на первый взглядъ, но фактъ тотъ, что 24 оратора въ засѣданіи парламента 5 часовъ толковали о томъ, быть зайцу въ уложеніи или нѣтъ. Ни вопросъ о правахъ юридическихъ лицъ, ни рабочій договоръ, ни отношенія прислуги, ни равноправность женщины, ни судьба незаконныхъ дѣтей,—ни одинъ изъ этихъ великихъ вопросовъ гражданскаго порядка не волновали парламентъ такъ, если судить по количеству произнесенныхъ за и противъ рѣчей, какъ вопросъ о бѣдномъ грызунѣ. Конечно, не для зайцевъ пишутся гражданскіе законы; но за тѣнью этого не попавшаго въ уложеніе зайца стоятъ, съ одной стороны, сытый, жизнерадостный потомокъ феодала съ ружьемъ на плечѣ или верхомъ въ сопровожденіи борзыхъ, а съ другой—маленькій земледѣлецъ, огородникъ или садоводъ. Въ Германіи право охоты на собственной землѣ принадлежитъ только такому собственнику, у кого не менѣе 300 моргеновъ земли; всѣ болѣе мелкіе землевладѣльцы не имѣютъ права охотиться на собственныхъ земляхъ, а образуютъ принудительныя товарищества, которыя или сами осуществляютъ принадлежащее всему товариществу право охоты чрезъ наемнаго охотника, или сдаютъ это право въ аренду; мѣстами же это не аренда, а, въ силу закона, вещное право богатаго сосѣда, владѣльца окрестныхъ латифундій. Право охоты отнесено вообще, какъ уже упомянуто выше, къ числу тѣхъ институтовъ, которые должны быть регулированы мѣстными законодательствами, а въ уложеніе внесенъ только законъ объ отвѣтственности того, кому принадлежитъ право охоты, за вредъ, причиненный дикими животными, которыхъ охраняютъ для потѣхи любителей сильныхъ ощущеній. Исторія показываетъ, что раздраженіе противъ спортсменовъ, покровительствующихъ дикимъ животнымъ, играло не малую роль во время всѣхъ народныхъ возстаній: во время крестьянскихъ войнъ XVI в., во время французской революціи и даже въ 1848 г. въ Германіи. Вопросъ теперь, при составленіи уложенія, шелъ о томъ, отвѣчать ли владѣльцамъ права охоты за вредъ, причиненный полямъ, огородамъ и садамъ также и зайцами, или только за вредъ, причиненный тѣми животными, которыя названы были въ проектѣ. Говорили, что заяцъ, какъ одиноко живущій звѣрокъ, пожираетъ мало, что въ садовыхъ питомникахъ отъ него легко защититься колючею проволочною изгородью. Утверждали, что если придется платить за вредъ, причиненный зайцами, то понизится арендная плата за право охоты. На это возражали, что въ маленькихъ садахъ и огородахъ изгородь составляетъ непосильный расходъ, что если заяцъ жретъ мало, то и отвѣтственность за него ничтожна, а значитъ нечего и спорить о томъ, вклю-

чать ли его въ число запрещенныхъ звѣрей, или нѣтъ. Принципіально вопросъ, слѣдовательно, сводился къ тому, что скорѣе заслуживаетъ защиты, что выше: интересъ ли любителей охоты на чужихъ земляхъ, или интересъ мелкихъ собственниковъ. Въ концѣ концовъ побѣдили потомки феодаловъ: зайцу дали открытый листъ и пустили его гулять по чужимъ землямъ, пожирать чужіе посѣвы и молодыя деревья безъ того, чтобы собственникъ огорода или сада имѣли право его пристрѣлить. Во имя чего же велась такая ожесточенная борьба? Отнюдь не только во имя ближайшихъ матеріальныхъ интересовъ владѣльцевъ охоты, а главное— чтобъ устранить законный поводъ для процессовъ объ убыткахъ за поврежденія, процессовъ мелкихъ, не въ мѣру дорогихъ, но вносящихъ вѣчное раздраженіе въ отношенія сосѣдей. Огонь медленно тлѣетъ въ отношеніяхъ между сословіями; припомнимъ тотъ соціальный порохъ, о которомъ говорилъ депутатъ Бухка; господствующіе классы стремятся въ области гражданскихъ отношеній укрѣпить свою позицію, а для этого и старыя ненавистныя привилегіи оказываются одинаково пригодными, какъ и мѣры противоположнаго свойства.

М. Брунъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Школьныя кассы и школьныя столовыя во Франціи.

Однимъ изъ главныхъ, если не главнѣйшимъ, теченіемъ нашей общественной жизни за послѣдніе годы должно, безъ сомнѣнія, считать стремленіе ввести всеобщее народное образованіе. Нѣкоторыя земства уже приступили къ практическому осуществленію задуманнаго дѣла—открыть широко школьныя двери всему, жаждущему свѣта, молодому поколѣнію, иначе говоря—основать необходимое для населенія данной мѣстности число школъ. Мы считаемъ не безъинтереснымъ указать, какія обстоятельства мѣшали западно-европейскимъ государствамъ, уже издавна введшимъ у себя всеобщее образованіе, въ нѣкоторыхъ даже даровое и обязательное,— достигнуть вышеозначенной цѣли, какія условія народной жизни мѣшали, несмотря на многочисленныя административныя мѣры, многимъ дѣтямъ школьнаго возраста посѣщать школу. Намъ хотѣлось бы указать на предпринятую обществомъ борьбу съ этими неблагопріятными условіями и на результаты этой борьбы.

I.

Сто лѣтъ тому назадъ конституанта, законодательное собраніе и конвентъ разрушили камень за камнемъ зданіе стараго школьнаго режима, находившагося исключительно въ рукахъ духовенства, и установили принципъ обязательнаго, дарового, свѣтскаго народнаго образованія. Въ *Правахъ человѣка и гражданина* сказано: «образованіе является всеобщею потребностью, общество обязано всѣми средствами помогать просвѣтлѣнію умовъ, давая возможность всѣмъ гражданамъ получать образованіе». Декретъ 25 декабря 1793 года объявляетъ первоначальное образованіе обязательнымъ. Декретомъ 17 ноября 1794 года, представленнымъ Лаканалемъ, обязательное обученіе объявляется безплатнымъ, и школьные учителя—состоящими на государственной службѣ. Принципы школьнаго законодательства, выставленные Кондорсе, Лаканалемъ, Дантономъ и другими знаменитыми людьми первой республики, только отчасти осуществились на дѣлѣ, послѣ долгой, вѣковой борьбы съ постоянно возрождавшимися реак-

ціонными стремленіями. Законъ 1882 года дополняетъ мѣропріятія предыдущихъ годовъ, установивъ наказаніе для родителей, уклоняющихся посылать дѣтей въ школы, штрафомъ отъ 6 франковъ до 3-хъ мѣсяцевъ тюрьмы.

Несмотря на эти безпрестанныя усилія, въ 1882 году насчитывалось 10% дѣтей, не посѣщавшихъ школу *). По статистикѣ иммиграціоннаго бюро въ Нью-Іоркѣ констатировано за послѣдніе годы, что процентъ неграмотныхъ иммигрантовъ различныхъ націй оказался слѣдующимъ: португальцевъ — 67,35%, итальянцевъ — 52,93%, иммигрантовъ изъ русской Польши — 39,82%, изъ Россіи — 36,42%, Бельгіи — 15,22%, Финляндіи — 3,58%, *Франціи* — 3,5%, Швеціи — 0,74%, Швейцаріи — 0,6% и Даніи — 0,49% **). На послѣднемъ призывѣ къ отбыванію воинской повинности въ Сенскомъ департаментѣ, на 22.927 призывавшихся оказалось 247 человѣкъ, не умѣвшихъ ни читать, ни писать и 400 человѣкъ, не умѣвшихъ писать, т.-е. больше 1% первыхъ и почти 3% послѣднихъ ***).

Для надлежащей оцѣнки этой цифры не нужно забывать, что Сенскій департаментъ лучше всѣхъ другихъ обставленъ въ школьномъ отношеніи, что сюда стекаются наиболѣе предпріимчивые, развитые и, слѣдовательно, грамотные молодые люди изъ другихъ департаментовъ. Не нужно забывать еще того, что къ призыву въ этомъ году явились юноши, которыхъ уже коснулся законъ 1882 года объ обязательномъ обученіи. Къ этому числу безграмотныхъ нужно прибавить еще многихъ, переступившихъ за школьный возрастъ до того момента, когда впервые былъ введенъ этотъ законъ. Какія же цифры дали бы департаменты, въ которыхъ, какъ въ старыя времена, еще господствуетъ рутина и равнодушіе къ образованію!

Почему же такъ медленно подвигалось впередъ дѣло народнаго образованія? Непосредственныхъ причинъ этому, какъ во всякомъ соціальномъ явленіи, довольно много. Мы не остановимся ни на недостаткѣ въ школахъ, въ большинствѣ случаевъ самомъ незначительномъ, ни на упорномъ нежеланіи невѣжественныхъ родителей дать дѣтямъ элементарное образованіе, какъ на явленіи исключительномъ. Займемся разсмотрѣніемъ главнѣйшей, по нашему мнѣнію, причины, которую мы охарактеризуемъ именемъ «дѣтская нищета».

II.

Никто не станетъ оспаривать теперь того общепринятаго вывода науки, доказывающаго, что только организмъ, удовлетворившій своимъ матеріальнымъ потребностямъ, становится способнымъ воспринять духовную пищу. «Здоровый духъ — въ здоровомъ тѣлѣ», говоритъ старое педагогическое изреченіе; а такъ какъ лишь при достаточномъ питаніи, отдыхѣ, чистомъ воздухѣ и другихъ гигіеническихъ условіяхъ можетъ выработаться здоро-

*) *Beurdeley*: „École Nouvelle".
**) *Parti Ouvrier*, № 19 іюня 1896 г.
***) *La Petite République*, le 8 août 1896.

вый организмъ, то улучшеніе матеріальныхъ условій дѣтскаго организма является conditio sine qua non его интеллектуальнаго и моральнаго воспитанія. Сколько дѣтей приходитъ утромъ въ школу, ничего не поѣвши! Голодные, индифферентные къ окружающему, проводятъ они цѣлые часы на урокахъ и уходятъ изъ школы съ тѣмъ же запасомъ свѣдѣній, съ какимъ явились туда. Какъ могутъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣтскія головки воспринимать и усвоивать преподаваемое, когда вниманіе ихъ отвлечено мученіемъ голода?! Часто не имѣя возможности, за недостаткомъ обуви, выйти на улицу погулять со сверстниками, ребенокъ принужденъ цѣлые дни проводить въ темныхъ, сырыхъ конурахъ своихъ! А сколько еще дѣтей не можетъ посѣщать школы, потому что они съ малыхъ лѣтъ отданы въ услуженіе или на фабрику, чтобы своимъ заработкомъ, хоть и ничтожнымъ, увеличить скудныя средства семьи. Часто на улицахъ большихъ городовъ приходится видѣть малышей, продающихъ цвѣты, спички, газеты и др. мелочь. Нерѣдко встрѣтишь въ *Дневникѣ приключеній* любой газеты случаи безпощадной эксплуатаціи дѣтей не только своими хозяевами, но и родными. Вотъ одинъ изъ такихъ характерныхъ фактовъ: «Прохожіе по площади Vintimille 15 августа 1896 г. увидѣли горько рыдавшаго мальчика лѣтъ 14—15; на разспросы о причинѣ его слезъ мальчикъ отвѣтилъ, что отецъ его выгналъ изъ дому за то, что ему отказали отъ должности въ виду «мертваго сезона» *) (мальчикъ уже нѣсколько лѣтъ работалъ на фабрикѣ фортепіанъ). Газета, изъ которой взята эта выписка, прибавляетъ, что такіе факты происходятъ ежедневно.

Изслѣдованіе, сдѣланное въ 1882 году въ Брюсселѣ, въ кварталѣ Minimes, подняла одинъ уголъ завѣсы, скрывавшей дѣтскую нищету; изъ него мы увидимъ, какъ живутъ и питаются дѣти, посѣщающія школы. На первый, предложенный имъ, вопросъ: «что вы ѣли сегодня въ полдень, возвратившись изъ школы?»—были получены слѣдующіе отвѣты:

1-й ученикъ: супъ и тартинку; 2-й—половину копченой селедки и тартинку; 3-й—ракушки,—моя мать продаетъ ихъ, а остающіяся служатъ намъ пищей; 4-й—я не являюсь въ школу, такъ какъ ухаживаю за младшими братишками. Отецъ въ тюрьмѣ. Мать со вчерашняго дня не возвращалась. «Что вы ѣли сегодня?—Ничего.—Что вы будете ѣсть?—Не знаю.—Почему мать не посылаетъ васъ въ школу? — Потому, что она заставляетъ меня просить милостыню, и когда я хожу въ школу, мнѣ не даютъ ѣсть.—Есть у васъ братья и сестры? — Есть взрослая сестра. — Гдѣ она?»... Мы не сообщимъ его отвѣта, полнаго цинизма, въ которомъ мальчикъ передалъ душу возмущающую одиссею своей сестры. 5-й — большой кусокъ мяса; 6-й—картофель и американскую свинину; 7-й—каждый день я ѣмъ рыбу; отецъ продаетъ ее, а то, что не продается, съѣдается нами; 8-й—тартинку съ брюссельскимъ сыромъ; 9-й—ничего. Отецъ побилъ мать за то, что она пьяна, и мы ничего не ѣли. Вечеромъ мы съѣли на 10 сантимовъ картошки съ жиромъ, за которыми меня послалъ отецъ; 10-й—супъ и на 10 сан-

*) *P. R.*, le 16 août 1896.

тимовъ винтчу (обрѣзки и остатки мяса, кожи и костей, которые мясники продаютъ на горсть) и картофель съ уксусомъ.

Въ 1894 году другимъ изслѣдованіемъ, въ Брюсселѣ, въ школѣ № 7-й, было констатировано, что на 850 дѣтей, посѣщавшихъ школу, 239, почти $^1/_3$, являлись въ школу, не поѣвши ничего существеннаго. Въ этомъ же году коммиссія, организованная городомъ, въ составъ которой вошли учителя, городскіе врачи и полиція съ цѣлью изслѣдованія положенія дѣтей, посѣщавшихъ городскія школы (съ трехъ точекъ зрѣнія: питанія, одежды и жилищъ) дала слѣдующіе результаты: 3,031, или 20,97% школьнаго населенія, не имѣютъ достаточной пищи. Но что же служило нормой достаточнаго питанія? Мнѣнія врачей объ этомъ были несогласны: для однихъ—пищи недостаточно, если ребенокъ не получаетъ ежедневно мяса; для другихъ—если онъ не ѣстъ его, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Очевидно, изслѣдованіе дало только приблизительное вѣрное понятіе объ этомъ вопросѣ.

«Еслибъ изслѣдованіе коснулось не только дѣтей городскихъ школъ, но и частныхъ,—говоритъ Leo *), у котораго мы заимствовали вышеприведенныя цифры, — нѣтъ сомнѣнія, что число «недостаточно питающихся» удвоилось бы, такъ какъ элементъ, посѣщающій частныя школы, въ общемъ, гораздо бѣднѣе элемента городскихъ школъ». Вотъ одинъ изъ отчетовъ изслѣдованія, представленный городскимъ врачомъ: «Изъ многочисленныхъ разспросовъ, сдѣланныхъ мною, выяснилось, что средній режимъ большинства дѣтей состоитъ изъ:

«Воскресенье—бульонъ и вареное мясо; понедѣльникъ—говядина; вторникъ и среда — картофель и сало; четвергъ — свинина; пятница — рыба (сельдь, треска); суббота—требуха. Молоко употребляется въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Наиболѣе употребительнымъ мясомъ является конина. Масло замѣняется топленымъ свинымъ саломъ».

Въ школѣ № 18-й на 207 и въ школѣ № 5-й на 191 плохо питающихся дѣтей приходится 118 уч. въ первой и 101—во второй, пища которыхъ абсолютно недостаточна. Въ школахъ №№ 16, 7, 5 и 18 насчитывается 51%, 48%, 37% и 34% плохо питающихся учениковъ. Директоръ школы № 16 заявляетъ, что администраціи приходится часто кормить дѣтей, являющихся въ школу безъ всякихъ припасовъ, а многія дѣти, за неимѣніемъ ихъ, совершенно не приходятъ въ школу. Въ нѣкоторыхъ школахъ констатирована, въ большинствѣ случаевъ, недоброкачественность приносимой пищи въ виду того, что дешевые продукты, которыми приходится кормиться бѣдному населенію, часто фальсифицированы. Кто жилъ въ Парижѣ, тотъ могъ ежедневно видѣть, какъ у дверей казармъ и тюремъ ютятся на ряду со взрослыми десятки дѣтей въ возрастѣ отъ 5—10 лѣтъ съ грязною посудиной всевозможной формы въ рукахъ, дожидаясь распредѣленія остатковъ солдатскаго и тюремнаго обѣдовъ въ полдень и вече-

*) *Les cantines scolaires et les institutions similaires.* 1896. Bruxelles.

ромъ. Еслибъ эти дѣти и посѣщали школу, то, во всякомъ случаѣ, до полдня они принуждены были бы голодать; впрочемъ, и раздаваемая похлебка врядъ ли можетъ удовлетворить даже нетребовательный дѣтскій организмъ. «Нельзя себѣ достаточно ясно представить,—говоритъ Lucipia *), бывшій президентъ монмартрской школьной кассы и выдающійся парижскій муниципальный совѣтникъ, — ту ужасную нищету, на которую обречены дѣти во время болѣзни или безработицы родителей. Въ грязной и почти пустой конурѣ, изъ которой вся мебель постепенно перешла къ руки старьевщиковъ, валяются полуодѣтые ребятишки, грызя кость или жуя отбросы мяса, купленные на 10 сантимовъ для всей семьи.

Въ одной изъ статистикъ о вѣнскихъ школахъ, опубликованной нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было отмѣчено 1,500 учениковъ, страдавшихъ отъ голода. Печатая этотъ отчетъ, одинъ изъ вѣнскихъ журналовъ замѣтилъ, что бываютъ дни, когда дѣти во время уроковъ падаютъ въ обморокъ отъ голода. Въ другомъ изслѣдованіи, произведенномъ въ вѣнскихъ школахъ, констатировано, что 119 школьниковъ обоего пола не ѣдятъ въ полдень, 224—рѣдко обѣдаютъ въ полдень, 266—довольствуются сухимъ хлѣбомъ, 900—употребляютъ хлѣбъ съ кофе или съ овощами, 184—не ѣдятъ ничего горячаго. По увѣренію школьныхъ учителей, нищета сильно увеличивается къ зимѣ, во время которой въ одной изъ школъ оказалось болѣе 400 голодныхъ дѣтей. Въ 1890 году было сдѣлано изслѣдованіе относительно числа дѣтей, которымъ въ полдень не приносили пищи: 4,300 учениковъ оказалось безъ хлѣба. Докторъ Henri Euge, на основаніи изслѣдованія сдѣланнаго въ Лондонѣ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 30% дѣтей, *вѣроятно*, ѣдятъ ежедневно, 30%—*случайно*, 20%—ѣдятъ только мучное, 13% — пользовались достаточною пищей, 7% — ежедневно страдали отъ голода.

Ограничимся этими цифрами. Вездѣ, гдѣ существуютъ нужда и страданія вообще, тамъ и дѣти голодаютъ; тамъ, слѣдовательно, ни изобиліе школъ, ни прекрасный учительскій персоналъ не могутъ привлечь дѣтей въ школу. Не могутъ пользоваться школой и тѣ дѣти, которымъ приходится работать, ухаживать за младшими братьями и сестрами,— словомъ, всѣ тѣ, которые съ раннихъ лѣтъ начинаютъ уже нести ярмо безконечной трудовой жизни. Не служитъ ли лучшимъ доказательствомъ этого положенія тотъ фактъ, что самый бѣдный 13-й округъ въ Парижѣ далъ $^1/_5$ часть всѣхъ безграмотныхъ при вышеупомянутомъ призывѣ въ Сенскомъ департаментѣ? Нужда и нищета являются неизбѣжнымъ придаткомъ и слѣдствіемъ современнаго экономическаго развитія всѣхъ цивилизованныхъ странъ, и только съ улучшеніемъ быта недостаточныхъ классовъ могутъ исчезнуть эти печальныя явленія. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что, въ ожиданіи лучшаго будущаго, общество должно равнодушно смотрѣть на подобное положеніе вещей. Должно знать, что не въ полумѣрахъ спасеніе, но можно

*) *La caisse des écoles de Montmartre. 1889.* Paris.

и должно не забывать о настоящихъ страданіяхъ и по мѣрѣ силъ и возможности облегчить ту массу дѣтской нужды и дѣтскаго горя, которыя требуютъ помощи немедленно.

Хроническое или временное голоданіе—не единственное препятствіе для посѣщенія школы; къ нему нужно присоединить недостатокъ въ одеждѣ и обуви. Въ самомъ дѣлѣ, если голодъ чувствуется только голодающимъ, то скверная обувь и одежда бросаются въ глаза всякому, и вслѣдствіе этого ребенокъ, стыдясь насмѣшекъ товарищей, часто не является въ школу. Мать ребенка, въ свою очередь, желая скрыть свою бѣдность, предпочитаетъ оставить его въ невѣжествѣ, освободивъ ребенка отъ насмѣшекъ и себя отъ пересудовъ сосѣдей. André, инспекторъ народныхъ школъ въ Брюсселѣ, призналъ недавно въ одномъ изъ своихъ напечатанныхъ писемъ, что много дѣтей, посѣщавшихъ городскія школы, носило скверную обувь. Анкета 1894 г. дала слѣдующія цифры: 2.442 уч., или 16,89% школьнаго населенія, плохо обуты; 3.619 уч., или 25,04%, плохо одѣты. Изъ числа учениковъ, считавшихся хорошо обутыми, 2.749 дѣтей носили обыкновенные sabots (sabots—грубые башмаки на деревянной подошвѣ), 228 дѣтей въ самые сильные морозы носятъ туфли, 1.015—носятъ галоши и т. п. обувь; въ итогѣ получается 3.992 дѣтей, не имѣющихъ башмаковъ. Если къ послѣднему числу прибавить 2.442 уч., обозначенныхъ въ отчетѣ, какъ недостаточно обутые, то окажется, что 6.434 учащихся, или 44,52% всего населенія городскихъ школъ (въ 1894 г. числилось въ нихъ 14,450 уч.), нуждались въ обуви. Директоръ школы № 6-й приписываетъ наибольшее количество пропусковъ недостатку въ обуви и одеждѣ. А сколько еще дѣтей совершенно не посѣщаетъ школы по тѣмъ же причинамъ! Посмотримъ теперь, что было сдѣлано для облегченія тяжелой участи бѣдныхъ дѣтей.

III.

15 іюля 1793 года Робеспьеръ представилъ конвенту планъ національнаго воспитанія, редижированный Pelletier St.-Fargeau. Въ немъ значилось: «Скоро рожденіе ребенка перестанетъ быть бременемъ для родителей. Республика придетъ имъ на помощь. Отечество воспитаетъ, вскормитъ и одѣнетъ ребенка». Какъ и другіе декреты революціоннаго періода великой французской революціи, это обязательство государства воспитывать и кормить дѣтей школьнаго возраста осталось на бумагѣ. Только въ 1867 году во Франціи начинается новое движеніе въ этомъ направленіи, по средствамъ и цѣлямъ сильно уступавшее тому, о которомъ мечтали конвенціонисты. § 15 закона 10 апрѣля 1867 года гласитъ слѣдующее: «Рѣшеніемъ муниципальнаго совѣта, подтвержденнымъ префектомъ, *можетъ быть* учреждена въ каждой коммунѣ школьная касса, средства которой облегчали бы дѣтямъ посѣщеніе школы, оказывая матеріальную помощь нуждающимся и выдавая награды прилежнымъ ученикамъ». Въ сво-

емъ дополнительномъ циркулярѣ министръ народнаго просвѣщенія пояснилъ этотъ законъ слѣдующимъ образомъ: причиной, по которой дѣти не являются въ школу, служитъ часто то обстоятельство, что родители нуждаются въ ихъ помощи. Не можетъ ли касса выдавать имъ денежную помощь съ условіемъ, взамѣнъ ея, посылать дѣтей въ школу? Нельзя ли на средства кассы выдавать дѣтямъ одежду и обувь, за неимѣніемъ которыхъ они часто не посѣщаютъ школы? Обязанностью кассы является также выдача учебныхъ принадлежностей нуждающимся дѣтямъ. Жюль Ферри подобнымъ же образомъ комментировалъ этотъ законъ, ставшій обязательнымъ въ 1882 году: «При обязательномъ обученіи наибольшую услугу фактическому осуществленію его можетъ оказать институтъ школьныхъ кассъ, задача которыхъ—помощь бѣднымъ дѣтямъ одеждою, пищей, обувью и учебными принадлежностями». Разрѣшая и даже приглашая къ устройству кассъ, центральное правленіе, однако, не назначило никакой денежной помощи для осуществленія и поддержки этого дѣла. Всю заботу о немъ должна была взять на себя частная инициатива людей, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія, и отчасти коммунальное управленіе. Средства кассы должны были составляться изъ членскихъ взносовъ, субсидій отъ коммунъ и департаментовъ и частныхъ пожертвованій. Къ этимъ источникамъ дохода прибавился еще одинъ, изобрѣтенный муниципальнымъ совѣтомъ въ Hablay (департам. Seine et Oise), который рѣшилъ, что при каждомъ вѣнчаніи въ мэріи будетъ дѣлаться добровольный сборъ въ пользу кассы. Любопытно, что первый сборъ былъ сдѣланъ при вѣнчаніи учителя и учительницы этой коммуны, давшій 46 франковъ. Практика эта съ нѣкоторыми измѣненіями была введена во всѣхъ муниципальныхъ совѣтахъ; но, предоставленное частной иниціативѣ, оставаясь, слѣдовательно, отчасти филантропическимъ предпріятіемъ, дѣло кассъ не могло разрости́сь. Невѣжественному, эгоистичному индивидуалисту, какимъ является французскій крестьянинъ, казалось дикимъ жертвовать своими деньгами въ пользу бѣдныхъ дѣтей для того только, чтобы дать имъ возможность учиться. Незначительная распространенность кассъ зависѣла отчасти и отъ того, что ими, при господствѣ бюрократіи и духовенства до 1871 г., завѣдывали главнымъ образомъ чиновники и кюре *). Касса являлась не общественнымъ учрежденіемъ, а благотворительнымъ бюро. Подъ управленіемъ имперскихъ мэровъ, кюре и клерикальныхъ членовъ коммуны касса служила больше интересамъ духовенства и консерваторовъ, чѣмъ своей главной задачѣ. Возрожденіе дѣятельности кассъ, главнымъ образомъ въ Парижѣ, относится къ 1877 году, когда составилась федерація комитетовъ различныхъ кассъ и, по докладу Lacroix, былъ выработанъ новый уставъ **). Существенными его пунктами были: 1) большинство членовъ администраціи должно непремѣнно избираться членами кассы; 2) обязательный членскій взносъ уменьшенъ до 6 франковъ

*) *Beurdeley*: loc. cit.
**) *Lucipia*, loc. cit.

въ годъ. Этими двумя мѣрами обезпечивалась отчасти демократизація кассъ и правильное употребленіе фондовъ. Къ этому времени въ Парижѣ было 20 кассъ, а во всей Франціи только 639, изъ которыхъ функціонировали 511, да и то очень слабо. А между тѣмъ потребность въ этихъ кассахъ давала себя чувствовать все сильнѣе.

Во всѣхъ департаментскихъ докладахъ, представленныхъ на педагогическомъ конгрессѣ 1881 года *), единодушно указывалось на недостаточное посѣщеніе школъ и, какъ на одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ устраненію этого, на учрежденіе кассъ. Въ докладѣ департамента Юры сказано: «Конгрессъ долженъ высказаться за необходимость помочь нуждающимся семьямъ путемъ учрежденія школьныхъ кассъ, которыя дали бы возможность не только доставлять учебныя принадлежности (этимъ въ большинствѣ случаевъ ограничивалась дѣятельность кассъ), но давать дѣтямъ при приходѣ ихъ въ школу теплую пищу зимой и, по мѣрѣ возможности, необходимую одежду. Департаментъ Loire et Cher говоритъ о необходимости учрежденія школьныхъ кассъ съ обязательною субсидіей отъ коммунъ, департаментовъ и государства. Департаментъ Mayenne требуетъ обязательнаго устройства въ каждой коммунѣ школьной кассы, субсидированной коммуной и благотворительнымъ бюро для раздачи одежды, пищи и учебныхъ принадлежностей нуждающимся ученикамъ. Департаментъ Oise требуетъ, чтобы законъ 1867 г. о добровольныхъ кассахъ сталъ обязательнымъ для каждой коммуны. Подобнаго же рода требованія выставлены и всѣми остальными департаментами. Въ заключеніе конгрессъ единогласно принялъ слѣдующую резолюцію: 1) конгрессъ требуетъ, чтобы школьныя кассы являлись обязательнымъ учрежденіемъ и чтобы государство выдавало коммунамъ для ихъ функціонированія субсидію, размѣры которой соотвѣтствовали бы нуждамъ и субсидіи данной коммуны. 2) Учебныя принадлежности должны быть выдаваемы всѣмъ ученикамъ. 3) Учрежденіе безплатной медицинской помощи во всѣхъ школахъ.

Правительство пошло за требованіями общественнаго мнѣнія, и законъ 28 марта 1882 года объявляетъ школьныя кассы обязательными для всѣхъ коммунъ. Мы видѣли выше изъ объясненія Жюля Ферри, что и по новому закону назначеніе кассъ оставалось такимъ же, какъ оно было раньше по закону 1867 года. Но въ 1882 году государство обязалось отчислять ежегодно 100,000 франк. на субсидію коммунамъ. Величина субсидіи для каждой коммуны должна быть, по крайней мѣрѣ, равна суммѣ, жертвуемой самою коммуной на это дѣло.

Каковы же были результаты этого закона? Отчетъ Cadet **), столоначальника въ министерствѣ народнаго просвѣщенія о дѣятельности этихъ кассъ за періодъ отъ 1882—1889 гг. показываетъ, что есть законы и законы, какъ есть fagots et fagots. Законъ о школьныхъ кассахъ принад

*) Compte rendu du Congrès pédagogique de 1881.

**) *Cadet*: „Rapport sur les caisses des écoles". Paris, 1889.

лежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ можно не исполнять. На 36,117 коммунъ Франціи всего было учреждено муниципальными совѣтами 17,774 кассы, изъ которыхъ многія въ скоромъ времени закрылись: онѣ отцвѣли не успѣвши расцвѣсть. Во всѣхъ департаментскихъ отчетахъ за періодъ отъ 1882—1889 гг. говорится объ уменьшеніи числа этихъ кассъ. Въ департаментѣ Cher въ 1882 году муниципальные совѣты, возбужденные министерскими циркулярами и, въ надеждѣ на обѣщанную субсидію, открыли много кассъ, но скоро пришлось ихъ закрыть за недостаткомъ средствъ. Отчетъ департамента Іонны говоритъ, что въ 1887—1888 г. закрылось 4 кассы, а доходъ всѣхъ уменьшился на 6,229 франковъ. Отчетъ департамента Нижней Сены констатируетъ съ сожалѣніемъ, что изъ 759 коммунъ—200 не имѣютъ кассъ. Въ департаментѣ Вандеѣ въ 1886 г. было 155 кассъ, а въ 1887 г.—143 кассы. Комитеты не функціонируютъ и ограничиваются лишь выдачей учебныхъ принадлежностей. Въ департаментѣ Лозеръ кассы функціонируютъ только въ 12 школахъ. Отчетъ департамента Канталь констатируетъ, что 60 кассъ съ доходомъ въ 4,032 франка не въ состояніи много сдѣлать. Въ департаментѣ Орнѣ число кассъ увеличилось на 11, но доходы уменьшились на 2,060 фр. Всего въ этомъ департаментѣ кассы имѣютъ 27,593 фр. дохода; изъ нихъ 9,000 фр. приходится на городъ Алансонъ; поэтому только въ послѣднемъ и раздается учащимся одежда. Въ остальныхъ мѣстностяхъ приходится ограничиться только выдачей учебныхъ принадлежностей. Результаты функціонированія кассъ во всей Франціи за этотъ періодъ слѣдующіе:

Число кассъ.	Приходы.	Расходы.
Въ 1882 г.—16,207	3.061,181 фр.	1.526,663 фр.
» 1887 »—16,954	5.108,354 »	3.518,417 »

Въ среднемъ каждая касса въ 1882 г. тратила 93 фр. 80 сант., въ 1887 г.—206 фр. 30 сант. Послѣдняя цифра находится, повидимому, въ противорѣчіи съ вышесказаннымъ, но это противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что въ общій итогъ вошли и расходы парижскихъ кассъ, которыя, какъ мы увидимъ, развивались и разрастались и поэтому вліяли своимъ значительно повышавшимся бюджетомъ на среднюю цифру для всей Франціи.

Почему же не могъ развиться институтъ школьныхъ кассъ? Что мѣшало ихъ учрежденію и успѣшной дѣятельности ихъ? Главная причина, какъ справедливо замѣтилъ Cadet, заключалась въ томъ, что большинство кассъ не имѣло средствъ. Но почему же Франція, государство съ такимъ огромнымъ бюджетомъ, не могла доставить средствъ кассамъ, необходимость которыхъ само государство признало? Нельзя, вѣдь, считать серьезною помощью субсидію въ 100,000 фр., назначенныхъ на 15,000 коммунъ, которыя имѣли право на субсидію. Если раздѣлить всю сумму 100,000 франк. на вышеозначенное число коммунъ, то полученная субсидія въ 7 фр. на каждую кассу можетъ показать только, какъ мало заботится государство о нуждающихся. Классовый эгоизмъ французской буржуазіи,

олицетворенный въ оппортюнистическомъ правительствѣ, рѣзко проявляется въ этомъ фактѣ.

Отказавшись отъ заботъ о бѣдныхъ дѣтяхъ, государство предоставило очень широкую иниціативу обществу и муниципалитетамъ въ дѣлѣ устройства кассъ, снабженія ихъ средствами и функціонированія. Хотя и существуетъ рекомендуемый правительствомъ образецъ статутовъ такихъ кассъ, но законъ охотно допускаетъ частныя измѣненія его, и общество кассъ имѣетъ возможность сравнительно широко распоряжаться средствами *). Тамъ, гдѣ кассы устраиваются, какъ велитъ законъ, или субсидируются муниципальными совѣтами, тамъ члены кассъ, какъ, наприм., мэръ, помощникъ его, школьный инспекторъ,—должны по праву состоять въ администраціи, не подвергаясь выборамъ. Присмотримся однако ближе къ этой допускаемой общественной иниціативѣ, разберемъ, какіе элементы могутъ принимать и принимаютъ участіе въ этой области заботы о народномъ просвѣщеніи. Отвлечемся на время отъ Парижа и другихъ крупныхъ центровъ Франціи. Было бы очень странно, еслибъ кульминаціонные пункты высокоразвитой общественной жизни такъ же относились къ вопросамъ просвѣщенія, какъ мелкія коммуны. Всѣ энергичныя, дѣятельныя личности провинціи сосредоточены въ этихъ центрахъ, которымъ онѣ и посвящаютъ свои силы. Неудивительно поэтому, если дѣло школьнаго образованія вообще и въ частности дѣло кассъ развито и обставлено въ этихъ городахъ гораздо шире и полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но жизнь Франціи не кончается за предѣлами Парижа, Ліона, Марселя; Франція, по большей части, страна мелкихъ коммунъ. Задача именно заключается въ томъ, чтобъ изслѣдовать причины, по которымъ эти коммуны не могли ничего сдѣлать для бѣднаго дѣтскаго населенія.

Право участвовать въ кассахъ предоставляется по статутамъ лицамъ, платящимъ не менѣе 6 франковъ ежегодно. Но каждая касса можетъ по своему усмотрѣнію увеличить обязательный минимумъ; въ среднемъ для всей Франціи членскій взносъ достигаетъ 10—12 фр. въ годъ **). Этимъ обязательствомъ довольно значительнаго взноса бѣдному населенію закрывается возможность войти въ организацію кассъ, вліять своими требованіями и знаніемъ нуждъ своей среды на наиболѣе цѣлесообразное распредѣленіе средствъ. Съ другой стороны, состоятельный крестьянинъ не хочетъ поступить въ члены кассъ. Какъ уже было сказано, жертвовать своими деньгами, отдавать свой трудъ на помощь бѣдной дѣтворѣ онъ считаетъ лишь поощреніемъ «лѣни отцовъ». Да и для чего грамота бѣдняку? И безъ нея онъ проживетъ, какъ прожили его отцы. Если и удается иногда энергичному школьному учителю, просвѣщенному кюрэ или врачу возбудить на время жалость, а иногда и патріотизмъ богатѣевъ, то и они скоро устаютъ отъ долгой безплодной борьбы и складываютъ ору

*) Manuel pratique des lois sur l'instruction par Benoit Lévy.

**) *Maurice Block*: „Administration de la ville de Paris", 1884.

жіе. Касса прекращаетъ свою дѣятельность или функціонируетъ лишь для того, чтобы давать награды дѣтямъ тѣхъ же богатѣевъ. Другимъ источникомъ доходовъ является субсидія отъ муниципальнаго совѣта, который избирается изъ тѣхъ же состоятельныхъ крестьянъ. Послѣдніе стараются распредѣлять общественныя суммы если не исключительно на потребности своего сословія, то во всякомъ случаѣ на общія нужды всей коммуны, а не спеціально на бѣдныхъ членовъ ея. Вотъ каковы кажутся намъ главныя причины неуспѣха школьныхъ кассъ,—причины, коренящіяся и въ непониманіи обязательства коммунальной заботы о дѣтяхъ, и въ существующемъ сознательномъ антагонизмѣ имущихъ и неимущихъ.

Чтобъ дѣло кассъ стало, дѣйствительно, серьезной коммунальной реформой, нужно извѣстное самосознаніе нуждающихся въ этой реформѣ, нужно ихъ политическое воспитаніе. Заинтересованный въ реформахъ элементъ, ставъ у кормила коммунальныхъ дѣлъ, распредѣлялъ бы общественныя деньги на неотложныя важныя потребности большинства своихъ согражданъ. Средства, идущія на ненужныя украшенія мэрій, на разведеніе скверовъ, которыми десятки и сотни дѣтей не могутъ пользоваться по недостатку обуви, были бы распредѣлены на нужды первой необходимости. Но одной этой реформой не ограничивается коммунальная забота о благѣ большинства, нужна цѣльная реформаторская программа, за осуществленіе которой боролось бы большинство коммуны.

IV.

Какъ уже было сказано, законъ предоставляетъ школьнымъ кассамъ большую самостоятельность въ ихъ дѣятельности. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если эта дѣятельность существенно различается въ зависимости отъ нуждъ школьнаго населенія данной мѣстности и отъ большаго или меньшаго пониманія этихъ нуждъ членами кассъ.

Вслѣдствіе этого трудно представить среднія цифры и средній результатъ дѣятельности хотя бы только парижскихъ кассъ. Въ богатыхъ округахъ *) средства могутъ изобиловать, между тѣмъ, какъ потребности въ нихъ сравнительно мало. Въ другихъ, густо населенныхъ рабочихъ кварталахъ, много нужды, а средствъ мало. Намъ остается поэтому представить нѣсколько образцовъ кассъ, функціонирующихъ въ разнородныхъ мѣстностяхъ, описавъ предварительно общія имъ всѣмъ черты.

Членами кассъ могутъ быть, помимо платящихъ извѣстный ежегодный взносъ отъ 6—10 fr., еще и тѣ, кто единовременно вноситъ 120 fr.—сумму, которая ежегодно можетъ приносить 6 fr. процентовъ. Большинство администраціи непремѣнно должно выбираться членами кассъ; меньшинство въ ней является членами по праву. Это меньшинство составляютъ: мэръ, помощникъ его, муниципальные совѣтники даннаго участка и инспекторъ на-

*) Парижъ раздѣленъ на 20 округовъ (arrondissements).

родныхъ школъ; такъ, наприм., администрація школьныхъ кассъ Монмартра (18 arrondis.), работающихъ лучше и успѣшнѣе другихъ, состоитъ изъ 31 члена, 20 изъ нихъ избираются, а 11 засѣдаютъ по праву (мэръ, помощникъ мэра, инспекторъ, 4 муниципальныхъ совѣтника и 4 кантональныхъ делегата). Въ число членовъ кассъ женщины стали допускаться только съ 1884 года *).

Главнѣйшими приходами кассъ являются, въ зависимости отъ состава членовъ, а также и мѣстности,—то балы и народныя гулянья, то сборы съ новобрачныхъ, то завѣщанія, а то и субсидія отъ коммунъ. Нужно отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что членскіе взносы составляютъ минимальный процентъ всѣхъ доходовъ; очевидно, что даже въ парижскихъ кассахъ съ трудомъ собираются членскіе взносы. Чего же можно ждать отъ остальныхъ коммунъ? Обыкновенно школьныя кассы выдаютъ нуждающимся 2 раза въ году обувь и одежду (въ началѣ зимы и лѣта). Въ нѣкоторыхъ кассахъ опредѣленнаго срока для этого нѣтъ; круглый годъ изъ спеціально-устроеннаго склада выдаются, по предъявленію жетона, одежда и обувь. Вторымъ не менѣе важнымъ дѣломъ является устройство кассами школьныхъ увеселеній, прогулокъ въ окрестностяхъ и школьныхъ лѣтнихъ колоній. Кассы выдаютъ награды успѣвающимъ, а богатыя кассы и учителямъ, оказываютъ денежную помощь роднымъ учениковъ. Но наиболѣе важною услугой комитета школьныхъ кассъ является управленіе и надсмотръ надъ функціонированіемъ школьныхъ столовыхъ, о которыхъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ. Всѣ учащіеся могутъ пользоваться выгодами, представленными школьными кассами. Одни пользуются ими безвозмездно, другіе—за извѣстную плату. Просьба о даровой помощи подается директору или директриссѣ школы, послѣ чего нѣкоторымъ членамъ комитета предписывается изслѣдовать основательность просьбъ, отношеніе къ которымъ—довольно строгое. За основу большей или меньшей нужды принимается число дѣтей данной семьи. Сироты и дѣти, отцы которыхъ исчезли безслѣдно, подходятъ подъ категорію просителей, у которыхъ трое дѣтей. Если кассы не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ, признаннымъ основательными, какъ это случилось, напримѣръ, въ 1888 г. съ кассой 18-го округа, то пособіе выдается прежде всего семьямъ, у которыхъ наибольшее число дѣтей. Такое строгое отношеніе къ просьбамъ о помощи исчезаетъ зимой, когда не отказываютъ даже тѣмъ, у кого одинъ ребенокъ, но глава семьи боленъ или не имѣетъ работы.

Само собой разумѣется, что помощь выдается такимъ образомъ, чтобы дѣти не знали, кто изъ нихъ пользуется вспомоществованіемъ. Бѣдная дѣтвора избавляется, благодаря этому, отъ возможныхъ насмѣшекъ и оскорбленій. Администрація кассы занимается сборомъ средствъ, бухгалтеріей, надсмотромъ и организаціей всего присущаго кассѣ дѣла. Она же занимается распредѣленіемъ даровыхъ жетоновъ, основываясь на докладахъ

*) *Lucipia*: „Caisses de Monmartre".

членовъ, назначенныхъ для изслѣдованія основательности поступающихъ просьбъ.

Посмотримъ теперь, какъ распредѣляются доходы и расходы въ различныхъ мѣстностяхъ. За образцы возьмемъ богатый 8-й округъ *), сравнительно бѣдные 14-й **) и 18 округи ***) и деревенскій кантонъ Rebais въ департаментѣ Сены и Марны ****), состоящій изъ 11 коммунъ. Къ сожалѣнію, мы не могли достать отчеты всѣхъ этихъ кассъ за одинъ и тотъ же годъ; тѣмъ не менѣе мы считаемъ, что сравнительные результаты отъ этого существенно не измѣняются. Представимъ таблицу приходовъ и расходовъ вышеозначенныхъ кассъ (см. примѣч.).

ПРИХОДЫ:

СТАТЬИ:	1887—88 г. 18-й окр.	%	1886—87 гг. 14-й окр.	%	1894—95 г. 8-й окр.	%	1884—85 г. Rebais.	%
Членскіе взносы.	2.864	7	1.455	7,5	6.505	16	660	32
Завѣщанія, пожертвованія и проценты съ капит.	10.543	25	3.765	20	14.162	34	Государств. субсидія. 300	14
Балы и гулянья.	21.574	51	10.165	52,8	—	—	Коммун. субсид. 990	48
Сборъ съ новобрачныхъ.	1.296	3	3.827	19,7	22.355	50	Различные доходы	
Спеціальныя средства на школьныя путешествія и т. д.	5.964	14	—	—	—	—	180	—
Итого. . . .	42.241	—	19.212	—	43.022	—	2.130	—

Примѣчаніе: Очень мелкіе приходы и расходы не обозначены повсюду. Процентное отношеніе, поэтому, приблизительное и взято въ круглыхъ цифрахъ.

РАСХОДЫ:

СТАТЬИ.	1887—88 г. 18-й окр.	%	1886—87 г. 14-й окр.	%	1894—95 г. 8-й окр.	%	1884—85 г. Rebais.	%
Награды ученикамъ . . .	1.797	6	671	4	3.093	8,6	423	22
„ учителямъ . . .	—	—	—	—	2.200	6,2	—	—
Одежда и обувь.	17.033	52,5	5.500	31	8.774	24,5	819	42
Школьныя колоніи . . .	3.194	10	—	—	5.206	14,5	—	—
Экскурсіи и путешествія.	998	3	7.789	43	722	2	Гимнастич. конкурсъ.	
Администрат. расходы .	5.375	16,6	2.700	15	6.207	17,3	120	6,5
Добавочные курсы. . . .	—	—	500	3	7.958	22,1	Различные расходы.	
Помощь учителямъ . . .	—	—	—	—	1.060	3	169	7,5

*) Compte rendu de la caisse de 8-e arrond. 1894.

**) Annuaire de l'année scolaire 87—88 du XIV arrond.

***) Lucipia loc. cit.

****) Compte rendu de 1884.

Прежде всего въ представленной таблицѣ бросается въ глаза почти полное соотвѣтствіе процентныхъ отношеній доходовъ 14-го и 18-го округовъ; это и понятно, такъ какъ характеръ населенія того и другого участка—однородный; но отъ 8-го округа они рѣзко отличаются не только процентными отношеніями однихъ и тѣхъ же источниковъ доходовъ,—самые источники различнаго характера; такъ, мы видимъ, что около 50% доходовъ кассъ 14-го и 18-го округовъ составляетъ прибыль отъ устраиваемыхъ народныхъ гуляній, въ то время какъ тѣ же 50% дохода 8-го округа составляютъ сборъ съ новобрачныхъ.

Наименьшую статью дохода во всѣхъ округахъ составляютъ членскіе взносы: 7% въ 18-мъ окр., 7,5% въ 14-мъ, 16%—въ 8-мъ, 32% въ кантонѣ Ребэ. Двѣ послѣднія цифры хотя и довольно высокія въ сравненіи съ цифрами той же графы въ 14-мъ и 18-мъ округахъ, представляютъ все-таки наименьшую статью дохода въ сравненіи съ другими того же округа. Въ распредѣленіи дохода остается отмѣтить еще кантонъ Ребэ, гдѣ за исключеніемъ членскихъ взносовъ нѣтъ никакого другого источника дохода отъ частной иниціативы. Не этимъ ли объясняется сравнительно высокій процентъ женскихъ взносовъ? Весь остальной доходъ этого кантона составляется изъ субсидіи отъ государства и коммунъ. Какъ же распредѣляются доходы?

Сравнивая различныя группы кассъ, мы наталкиваемся на тотъ характерный фактъ, что всѣ онѣ тратятъ наибольшую сумму на одежду и обувь. Кажущееся исключеніе, представляемое 14-мъ округомъ, легко объясняется тѣмъ, что въ этомъ году учащіеся совершили далекое каникулярное путешествіе, расходы на которое и превысили слѣдующій за нимъ расходъ на обувь и одежду. Мы ясно видимъ, какъ были правы и конгрессисты 1881 года, и Жюль Ферри, указывая на первую послѣ пищи главную потребность въ одеждѣ и обуви; такъ, 18-й округъ тратитъ 17.000 франк., или 52,5% своихъ расходовъ на эту потребность; 14-й округъ—5.500 франк., или 31%; 8-й округъ — 8.774 фр., или 24,5%; кантонъ Ребэ — 819 фр., или 42% своихъ расходовъ. Укажемъ также на то, что въ то время, какъ парижскія кассы тратили на награды ученикамъ отъ 4%—8%, Ребэ тратилъ 22%, т.-е. значительный % своихъ расходовъ онъ тратилъ на предметы второстепенной важности. Интересно также отмѣтить, что процентъ административныхъ расходовъ всѣхъ 3 округовъ совпадаетъ, колеблясь между 15—17%. Въ отчетѣ 8-го округа насъ поражаетъ графа расходовъ, которой нѣтъ ни въ одномъ другомъ округѣ: это—2.200 фр., или 6,2% всего расхода, употребляемые на награды учителямъ; если къ этой цифрѣ прибавить еще расходъ на воспомоществованіе учителямъ, которой также нѣтъ въ другихъ отчетахъ, то окажется, что 3.260 фр., или почти 10% всего расхода, идетъ на учителей. Очевидно, что богатая касса· можетъ уклониться отъ своей прямой задачи—помощи дѣтямъ.

Не встрѣтимся мы въ другихъ отчетахъ и съ громаднымъ расходомъ въ 8,000 фр., т.-е. 22% всей расходуемой суммы, идущихъ на различны

добавочные предметы и вечерніе курсы языковъ. Очевидно, спросъ на предметы первой необходимости въ 8-мъ округѣ ничтоженъ, и касса распредѣляетъ свои средства на второстепенныя, хотя и полезныя дѣла. Главною статьей расхода почти повсюду является обувь. Изъ 17,000 фр., которые 18-й округъ тратитъ на одежду и обувь, 10,500 идутъ на послѣднюю. Въ 14-мъ всѣ 5,500 фр. пошли на покупку 2,558 паръ галошъ. Ребэ изъ 819 фр. тратитъ 549 фр., или $^2/_3$ всей суммы—на обувь. Даже 8-й округъ тратитъ 8,774 фр. на 86 паръ панталонъ, куртокъ и т. п. и на 1,497 паръ башмаковъ. Ясно, какъ велика нужда бѣдныхъ школьниковъ въ этихъ принадлежностяхъ туалета. Муниципальный совѣтъ города Рубэ, приступивъ къ управленію коммунальными дѣлами, счелъ первымъ долгомъ вотировать субсидію школьнымъ кассамъ. Старая администрація тратила въ 1891 г. на эти потребности 3,148 франк., въ 1892 г.—3,969 франк. Новый муниципалитетъ вотировалъ въ декабрѣ 1892 г.—14,484 франк., въ декабрѣ 1893 г.—18,906 франк., въ ноябрѣ 1894 г.—20,457 франк., въ 1895 г.—22,780 франк., въ 1896 г.—29,946 франк. Здѣсь, какъ и въ Парижѣ, какъ и въ кантонѣ Ребэ, расходы на обувь превышали всѣ остальные: такъ въ 1895 г. было роздано 5,200 паръ галошъ, 4,600 паръ чулокъ, 2,860 сорочекъ, 2,400 шерстяныхъ фуфаекъ, 800 паръ панталонъ и т. д. Расходы кассъ, за нѣкоторыми исключеніями, почти всегда распредѣляются по отдѣльнымъ графамъ въ томъ же отношеніи, какъ и въ приведенныхъ отчетахъ; такъ, предъ нами отчетъ Монмартрской кассы за періодъ отъ 1874—1888 гг. Изъ всей суммы расходовъ за этотъ періодъ 55% было потрачено на одежду и обувь (1887—1888 г.—52,5%). На награды ученикамъ, экскурсіи и школьныя колоніи пошло 18% (1887—1888 г.—19%). Расходы на администрацію составляли 18% (1887—1888 г.—16,6%).

Школьныя колоніи являются необходимымъ дополненіемъ всего характера дѣятельности кассъ. Пища и одежда, получаемыя ребенкомъ отъ кассъ, могутъ только поддерживать его существованіе, а не укрѣплять истощенный, измученный дѣтскій организмъ. Въ темныхъ, сырыхъ помѣщеніяхъ, въ грязной обстановкѣ—ребенокъ растетъ чахлымъ, блѣднымъ, безжизненнымъ. А между тѣмъ его организмъ такъ нуждается въ чистомъ воздухѣ, горячемъ солнцѣ. Понимая эту необходимость, муниципальный совѣтъ Парижа уже около 10 лѣтъ выдаетъ субсидію школьнымъ кассамъ, благодаря которой нѣсколько тысячъ дѣтей ежегодно лѣтомъ проводятъ по мѣсяцу на берегу моря или въ деревнѣ. Богатыя кассы часто на свои собственныя средства отправляютъ по 50—60 дѣтей каждая; такъ, школьная касса 8-го округа получила въ 1894 г. отъ города субсидію всего въ 773 фр.; тѣмъ не менѣе, она истратила на лѣтнія колоніи 5,206 фр., на которые 30 мальчиковъ и 35 дѣвочекъ провели цѣлый мѣсяцъ въ деревнѣ. Всего въ 1894 г. городомъ было отправлено въ колоніи 3,237 дѣтей изъ 158,000 дѣтей школьнаго населенія, или немного болѣе 2%. Въ 1895 г. школьными колоніями пользовались уже 3,268 дѣтей; на это было затрачено 217,959

фр. Въ 1896 г. отправлено было 4,037 дѣтей и, по сдѣланнымъ вычисленіямъ, расходы достигнутъ 252,909 фр.

Просьбъ объ участіяхъ въ лѣтнихъ колоніяхъ поступаетъ гораздо больше, чѣмъ кассы въ состояніи удовлетворить. Школьныя колоніи приносятъ громадную пользу тѣмъ немногимъ дѣтямъ, которыя принимаютъ участіе въ нихъ. Надышавшись вдоволь укрѣпляющимъ воздухомъ полей и лѣсовъ, проведши беззаботно мѣсяцъ въ прогулкахъ и играхъ, полубольныя, анэмичныя дѣти возвращаются поздоровѣвшими, окрѣпшими, съ румянцемъ на лицѣ. Въ лѣтнихъ колоніяхъ бѣдныя дѣти находятъ иллюзію хоть кусочка счастья, забывая на время о давящей домашней нуждѣ, о вонючихъ улицахъ и дворахъ своего, по большей части, грязнаго квартала.

Упомянемъ еще о томъ, что нѣкоторыя кассы организовали безплатную медицинскую помощь для всѣхъ, безъ исключенія, дѣтей и снабженіе бѣдныхъ даромъ необходимыми лѣкарствами.

V.

Раздача пищи бѣднымъ школьникамъ на средства коммунъ спорадически практиковалась съ давнихъ поръ. Съ 4 октября 1845 г. бельгійское правительство ассигновало изъ суммъ, назначенныхъ на первоначальное обученіе,—15,500 фр. для раздачи пищи бѣднымъ дѣтямъ. Въ 1847 году цифра эта была повышена до 30,000 фр. Тогда же была признана недостаточность этой суммы. Въ тотъ же годъ министръ Рожье *) обратился къ муниципальнымъ совѣтамъ и частнымъ филантропическимъ организаціямъ со слѣдующимъ циркуляромъ: «необходимо ввести, какъ общее правило, существующій въ нѣкоторыхъ коммунахъ обычай раздачи пищи бѣднымъ дѣтямъ. Такимъ образомъ создается одинъ изъ могучихъ стимуловъ посылать дѣтей въ школу. Число учениковъ значительно увеличивается, здоровье улучшается, и они получаютъ возможность съ большимъ успѣхомъ воспринимать преподаваемое».

Въ 1881 г. муниципальный совѣтъ Парижа рѣшаетъ устроить при школахъ столовыя, гдѣ дѣти имѣли бы возможность за незначительную плату или даромъ получать свѣжую, горячую, сытную пищу. Завѣдываніе этими столовыми поручено администраціи школьныхъ кассъ; въ вѣдѣніи послѣдней находится все дѣло организаціи столовыхъ. Инспектрисса, получающая жалованье, ежедневно наблюдаетъ за правильнымъ функціонированіемъ столовыхъ каждаго округа. Кромѣ этого, администрація кассы выбираетъ изъ своихъ членовъ нѣсколько дамъ, которымъ поручается, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю обходить назначенную каждой столовую, провѣрять счеты завѣдующихъ столовыми. Послѣдніе являются или хозяевами дѣла или служащими. Въ первое время учрежденія столовыхъ преобладала система завѣдующихъ хозяевъ. Но съ 1883 года монмартрская касса взяла на себя всю хозяйственную часть столовыхъ. Касса стала полнымъ хозяи

*) Циркуляръ отъ 17 ноября 1847 г.

номъ этого дѣла. Она покупаетъ всѣ припасы, платитъ жалованье наемной прислугѣ. Экономія сравнительно съ прежнею системой получилась очень большая. Въ 11½ час. дня выдается ученикамъ завтракъ по жетонамъ, принесеннымъ изъ дому. Родители, желающіе, чтобъ ихъ дѣти обѣдали въ школьной столовой, обращаются въ мэрію даннаго округа за жетонами, которые продаются по 10 сант. каждый. Нуждающіеся въ даровыхъ или за полцѣны жетонахъ обращаются со своими заявленіями къ директору школы, который передаетъ ихъ администраціи кассы. Послѣдняя, удостовѣрившись въ бѣдности просителя, выдаетъ ему требуемое число жетоновъ, хотя бы онъ даже не былъ пенсіонеромъ муниципальнаго благотворительнаго бюро. Жетоны платные и безплатные ничѣмъ не разнятся другъ отъ друга, такъ что дѣти не знаютъ, кто изъ нихъ пользуется даровыми обѣдами. Средства для столовыхъ доставляются почти исключительно субсидіей отъ муниципальнаго совѣта. Въ зависимости отъ нуждъ школьнаго населенія одни округи получаютъ больше, другіе меньше. Когда въ 1881 г. было вотировано въ принципѣ учрежденіе столовыхъ, монмартрская школа получила только 6,000 фр. для опыта. Въ отчетѣ за 1881—1882 г. числится 18,000 даровыхъ обѣдовъ. Въ отчетѣ за 1884—1885 г. было выдано 805,736 порцій*), изъ которыхъ платныхъ было 682,246 и даровыхъ—123,490, или 17% даровыхъ. Въ 1885 — 1886 г. уже выдано 1.110,827 порцій, изъ нихъ—736,526 платныхъ и 374,304 даровыхъ, или уже около 37,6%. Въ 1889 г. изъ 1.584,143 порцій было 923,783 платныхъ и 660,360 даровыхъ, или около 42% даровыхъ обѣдовъ. Въ 1891 г. всего выдано 2.450,492 порцій, изъ которыхъ 1.658,126 даровыхъ, т.-е. 67%. Не достаточно ли краснорѣчивы сами по себѣ эти цифры? Не говоритъ ли о настоятельной нуждѣ этотъ процентъ даровыхъ обѣдовъ? Мы—говоритъ одинъ изслѣдователь,—посѣтили школьныя столовыя въ Рубэ и воочію могли убѣдиться въ тѣхъ огромныхъ услугахъ, какія онѣ оказываютъ трудящемуся населенію. Нельзя, пройдя по столовой во время обѣда, не быть глубоко тронутымъ представляющимся предъ вашими глазами зрѣлищемъ!» **) Дѣтскія счастливыя лица, чистые столы съ пріятнымъ запахомъ пищи — все имѣетъ уютный, семейный видъ. Нѣтъ ни казарменной дисциплины, ни принудительнаго обращенія. За группой изъ 80 дѣтей присматриваетъ слуга. Столовыя являются по истинѣ матерью дѣтей. Если не во всѣхъ школахъ есть столовыя, то это происходитъ отъ недостатка мѣста, во избѣжаніе возможной негигіенической обстановки при тѣснотѣ нѣкоторыхъ школьныхъ помѣщеній. Муниципальный совѣтъ г. Рубэ вотируетъ на 23 устроенныхъ школьныхъ столовыхъ: въ 1892 г. 73,600 франк., на которые было выдано 161,132 обѣда; 1 обѣдъ обходился въ 17 сант.; въ 1893 г. — 92,000 франк., на которые было выдано 239,691 обѣдъ; 1 обѣдъ обходился въ 18 сант.; въ

*) Изъ нихъ ⅓ часть супъ, ⅓—мясо и ⅓—овощи.

**) Loc. cit. Roubaix socialiste.

1894 г. 52,000 фр., на которые было выдано 283,041 обѣдъ; 1 обѣдъ обходился въ 19 сант.

Всего муниципалитетъ вотировалъ за эти три года 217,000 фр., изъ которыхъ истрачено было 132,577 фр. Осталось въ кассѣ для слѣдующаго года 83,022 фр. Цѣна обѣда назначена въ 20 сант. Число платныхъ обѣдовъ очень незначительно; такъ въ 1892 г. на 161,130 обѣдовъ—платныхъ было всего 1,451, или меньше 1%; въ 1893 г. изъ 239,691 обѣдовъ было 2,329 платныхъ, или немного болѣе 1%. Таковы результаты дѣятельности столовыхъ въ Рубэ: всѣ нуждающіеся имѣли даровые обѣды. Характерно также постепенное увеличеніе расхода на каждый обѣдъ въ Рубэ; оно показываетъ улучшеніе въ качествѣ пищи, тѣмъ болѣе очевидное, что комитетъ столовыхъ не экономизировалъ на массовомъ приготовленіи въ виду увеличившагося спроса на обѣды. Отчеты о столовыхъ 7 парижскаго округа за періодъ отъ 1882—1886 гг.*) ясно показываютъ, что увеличеніе числа обѣдающихъ находится въ зависимости отъ улучшенія качества блюдъ. Въ школахъ этого участка средняя стоимость сноснаго обѣда въ 1882—1883 г. равна была 17 сант., тѣ изъ столовыхъ, которыя въ 1884—1885 г. старались по возможности уменьшить стоимость обѣда даже въ ущербъ качеству и количеству его, констатировали у себя уменьшеніе числа обѣдающихъ: такъ,

если обѣдъ стоилъ	то уменьшеніе числа обѣдающ. въ 1885 г. сравнительно съ 1883 г. было на
0,128 фр.	3,8%
0,117 »	28,7%
0,144 »	29,5%
0,108 »	37,4%

Въ дѣйствительности пропорціональное количество мяса, всякаго рода колбасы, свѣжихъ овощей — упало въ 1884 — 1885 г. по сравненію съ 1882—1883 г., въ то время какъ сухія овощи, различныя pâtés значительно увеличились въ тѣ же годы 1884—1885 въ сравненіи съ 1882—1883 г.

Приведемъ для образца «menu» за недѣлю въ столовыхъ Рубэ и Парижа. Въ Рубэ каждый ученикъ получалъ: понедѣльн., среда и суббота: 35 сантилитровъ бульону, 45 — 50 граммовъ говядины, 150 грам. картофеля, 70 грам. хлѣба и 1½ дециметра пива; во вторникъ: 35 сантилитровъ супу съ овощами, 40 — 45 граммовъ жаренаго мяса, 70 — 75 грам. гороху или бобовъ въ различныхъ видахъ, хлѣбъ и пиво; въ пятницу: 35 сантилитровъ молочнаго супу, яичницу, картофель, хлѣбъ и пиво. По четвергамъ и воскресеньямъ занятій въ школахъ не бываетъ. Средняя стоимость обѣда въ Рубэ обходится въ 18 сант., но стараніями муниципалитета цифра эта, какъ мы видѣли, постепенно повышается. Въ Парижѣ монмартрская касса выдаетъ ежедневно ученикамъ обѣды изъ супу, мяса

*) Rapport sur les cantines scolaires du VII arrondissement. 1886.

и овощей въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ Рубэ, въ виду того, что монмартрская касса имѣетъ опредѣленную субсидію, принуждена ограничивать величину порцій, чтобъ удовлетворить, по возможности, большему количеству просьбъ о даровыхъ обѣдахъ. Въ 1885—1886 году столовыя выдали 1.110,827 порцій, стоимостью въ 59,264 фр. 95 сант., т.-е. каждая порція обходилась въ 5,3 сант. Въ 1891 г., несмотря на увеличившееся количество выдаваемыхъ порцій, на представившуюся такимъ образомъ возможность экономіи, каждая порція обходилась въ 5,8 сант. Это повышеніе объясняется значительно увеличившеюся субсидіей при незначительномъ увеличеніи числа учащихся. На 13,000 дѣтей школьнаго населенія Монмартра около половины пользуются столовыми. Выше мы видѣли, какъ съ каждымъ годомъ увеличивается процентъ даровыхъ обѣдовъ. Изслѣдованіе объ основательности просьбъ показало, что всѣ онѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, вытекаютъ изъ настоятельной нужды и требуютъ удовлетворенія. Отмѣтимъ здѣсь также, что обѣдающіе принуждены приносить съ собою хлѣбъ. Факты показали, что много дѣтей не приносятъ его, и по изслѣдованіи этого явленія оказалось, что причиной этому служитъ крайняя нужда родителей. Поэтому въ 1882 г. было рѣшено выдавать такимъ дѣтямъ хлѣбъ. Въ 1889 г. администрація кассъ рѣшила выдавать тѣмъ же ученикамъ при приходѣ ихъ утромъ въ школу горячаго супу.

Поразительна разница въ стоимости каждаго обѣда богатаго округа и бѣднаго; такъ, богатый 8-й округъ въ 1894 г. выдалъ 9,642 обѣда на сумму 2,546 фр., т.-е. каждый обѣдъ обходился въ 26 сант.; бѣдный 14-й округъ въ 1887 г. выдалъ 409,000 порцій, изъ которыхъ было 54% даровыхъ, и каждый обѣдъ обходился въ 12 сант., т.-е. въ $2^1/_6$ меньше предыдущаго; правда, обѣдъ здѣсь состоялъ только изъ чашки бульону съ кускомъ говядины или изъ баранины съ овощами.

Ограничимся отчетами по отдѣльнымъ округамъ. Вообще можно сказать, что отношеніе даровыхъ и платныхъ обѣдовъ мѣняется въ зависимости отъ нужды населенія, стоимость каждаго обѣда—отъ большихъ или меньшихъ средствъ. Повсюду замѣчается растущій съ каждымъ годомъ процентъ даровыхъ обѣдовъ; увеличивается также съ каждымъ годомъ и количество платныхъ обѣдовъ. На встрѣчу этой нуждѣ муниципальные совѣты идутъ съ постепенно возрастающею субсидіей. Субсидія, выдаваемая гор. Рубэ на столовыя, настолько велика, что по удовлетвореніи всѣхъ нуждъ, какъ мы видѣли выше, оказался значительный излишекъ средствъ. Лильскій муниципальный совѣтъ, вотировалъ на устройство школьныхъ столовыхъ въ самомъ бѣдномъ юго-восточномъ кварталѣ города 48,000 фр., — сумму, которую они предполагаютъ достаточной для удовлетворенія предстоящихъ требованій. Парижъ съ каждымъ годомъ расходуетъ на свои столовыя все больше.

Въ 1892 г. субсидія достигала 688,600 фр., въ 1893 г.—764,900 фр., въ 1894 г.—800,000 фр., въ 1895 г.—около 1.000,000 фр.

За предѣлами Франціи институтъ школьныхъ столовыхъ существуетъ

почти во всѣхъ большихъ городахъ Западной Европы. Въ однихъ городахъ самъ муниципалитетъ считаетъ своею обязанностью заботиться о прокормленіи бѣдныхъ школьниковъ, въ другихъ—этимъ занимаются филантропическія общества, субсидируемыя по большей части городомъ. Цифры показываютъ, какъ незначительна была помощь однѣхъ филантропическихъ организацій безъ субсидіи муниципалитета; такъ, въ Вѣнѣ распредѣленіе пищи бѣднымъ ученикамъ находится въ вѣдѣніи центральнаго филантропическаго общества, засѣдающаго въ мэріи. Администрація общества состоитъ изъ 30 членовъ, въ числѣ которыхъ находится 8 муниципальныхъ совѣтниковъ, назначаемыхъ муниципалитетомъ. За 1893—1894 г. общество израсходовало на раздачу пищи 73,717 фр., изъ которыхъ 50,000 фр. далъ городъ. Частныя пожертвованія достигли 23,000 фр. Помимо этой организаціи существуютъ еще ясли, дневные пріюты (écoles gardiennes), главный контингентъ которыхъ составляютъ дѣти рабочаго населенія. Въ нихъ всѣ воспитанники получаютъ безплатно пищу. Въ Берлинѣ, Женевѣ, Цюрихѣ, Роттердамѣ муниципалитеты субсидируютъ частныя филантропическія общества, которыя занимаются этимъ дѣломъ.

Въ Христіаніи 4,000 учащихся пользуются зимой даровыми обѣдами. Городъ выдаетъ на это 50,000 фр. Въ Гентѣ расходуются городомъ большія суммы на раздачу пищи дѣтямъ въ дневныхъ пріютахъ. Даровой обѣдъ получаетъ всякій, кто за нимъ обращается. Въ Антверпенѣ въ дѣтскихъ садахъ дѣти получаютъ за 5 сант. чашку супу съ хлѣбомъ, что въ дѣйствительности обходится въ 8 сант.; вслѣдствіе этого получается дефицитъ въ 7,000 фр., который покрывается городомъ. Льежъ расходуетъ 20,000 фр. для пропитанія 2,000 малютокъ, посѣщающихъ дѣтскіе сады. Въ этомъ городѣ, какъ видно изъ доклада инспектора народныхъ школъ, институтъ столовыхъ въ дѣтскихъ садахъ функціонируетъ уже около 40 лѣтъ.

Въ Швейцаріи въ 1893 г. было рѣшено отчислять 10% частаго дохода отъ монополіи на алкоголь, на пропитаніе нуждающихся школьниковъ и на лѣтнія колоніи. Частная благотворительность уже издавна заботится о пропитаніи бѣднаго школьнаго населенія, и если она не достигаетъ тѣхъ же результатовъ, что коммуны, то все же благодаря ей немного облегчается положеніе бѣдныхъ дѣтей. Объ этой области филантропіи можно сказать то же, что и вообще о филантропіи: она безсильна предъ растущею нищетой бѣднаго люда. Кромѣ того она унижаетъ человѣческое достоинство не только родителей, но и дѣтей. Какъ часто учителя школъ филантропическаго общества «Oeuvre» въ Брюсселѣ констатировали отказъ бѣдныхъ родителей отъ полученія помощи. Нужно признать, что частная благотворительность въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, унижаетъ нуждающихся въ ней. Не служитъ ли лучшимъ доказательствомъ этого тотъ фактъ, что на-ряду съ существующимъ благотворительнымъ бюро въ Брюсселѣ принуждены были основать еще ассоціацію для помощи «стыдящимся» бѣднымъ. О незначительности благотворите-

ной дѣятельности можно судить по заявленію Непгу, президента филантропическаго «Progrès». Онъ считаетъ, что сумма въ 42,000 фр. едва достаточна, чтобы выдавать бѣднымъ школьникамъ ежедневно въ теченіе года только одинъ супъ. А для полнаго обѣда въ теченіе одной зимы тѣмъ же дѣтямъ необходимо 75,000 фр., въ то время какъ въ 1894 г. это общество издержало всего 13,566 фр. Въ Вѣнѣ частная благотворительность дала только 23,000 фр. на издержанные 73,000 фр.; въ Лiежѣ на 33,000 фр., потраченныхъ на школьныя столовыя, частная благотворительность дала только 9,000 фр. Чтобы покончить съ вопросомъ о благотворительности, приведемъ слова Buls'a *), бывшаго президента Progrès: «несмотря на всѣ наши усилія, наше общество не могло успѣшно работать за недостаткомъ средствъ. Какъ я уже говорилъ на одномъ изъ прошлыхъ засѣданій, суммы, жертвуемыя частною благотворительностью, въ большихъ городахъ, какъ и вездѣ, очень ограничены. Общество посвящаетъ ежегодно на благотворительныя дѣла извѣстную сумму, и сколько стараній мы ни прикладываемъ, сумма эта никогда не увеличивается въ значительной степени. Если создается новое благотворительное дѣло, то суммы, стекающіяся для него, уменьшаютъ настолько же приходъ другихъ благотворительныхъ обществъ. Я достаточно свѣдущъ въ этихъ дѣлахъ. Будучи членомъ-основателемъ многихъ филантропическихъ обществъ, я всегда наблюдалъ вышеприведенный фактъ».

Вездѣ, гдѣ функціонировали школьныя кассы и, особенно, столовыя, учительскій персоналъ съ удовольствіемъ констатировалъ прекрасные результаты этихъ учрежденій: 1) они способствовали увеличенію числа учениковъ и правильному посѣщенію школъ; 2) они оказываютъ благотворное вліяніе на здоровье дѣтей; 3) они даютъ дѣтямъ возможность извлекать бо́льшую пользу изъ преподаваемаго; 4) они развиваютъ чувство солидарности и товарищества между учениками. Наконецъ, результатомъ кассъ и столовыхъ является уменьшеніе количества требованій о помощи въ благотворительныхъ бюро со стороны родителей учениковъ. Будучи освобождены отъ заботы о пропитаніи дѣтей, они стараются своимъ нуждамъ удовлетворять заработкомъ. Очевидно, что при обязательномъ обученіи школьныя кассы и школьныя столовыя являются насущною потребностью.

У. Манскій.

---

*) Засѣданіе 18 декабря 1893 года.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1897 годъ.—Податныя льготы.—Низкія хлѣбныя цѣны потрясаютъ русское народное хозяйство.—Чрезвычайные успѣхи русской промышленности.—Особенности въ экономической эволюціи Россіи и Запада.—Денежная реформа.—Русско-китайская желѣзная дорога, какъ проводникъ русской культуры.—Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей.—† Е. И. Красноперовъ.—† В. Я. Ѳедоровъ.

Въ русской государственной росписи на 1897 годъ обыкновенные доходы опредѣлены цифрою слишкомъ 1,318⅓ милліоновъ рублей, чрезвычайные болѣе 3.808,000 р. и изъ свободной наличности государственнаго казначейства около 91.800,000 рублей. Обыкновенные расходы исчислены въ суммѣ до 1,285 милліоновъ, чрезвычайные—нѣсколько болѣе 129 милліоновъ. Выходитъ такимъ образомъ, что роспись сведена съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ 33½ милліоновъ рублей. Сравнительно съ росписью на 1896 годъ, ожидается доходовъ почти на 79 милл. руб. болѣе, а расходовъ—на 53¾ милліоновъ болѣе. Изъ суммы, отнесенной въ рубрику чрезвычайныхъ расходовъ, больше 61 милліона р. предназначено на постройку сибирской дороги, 3¼ милліона—на связанныя съ нею вспомогательныя предпріятія, до 33¾ милліоновъ на другія желѣзныя дороги и почти 31 милліонъ на пріобрѣтеніе подвижного состава.

Въ общей суммѣ доходовъ первое мѣсто принадлежитъ косвеннымъ налогамъ, итогъ которыхъ превышаетъ 555 милліоновъ; на второмъ мѣстѣ стоятъ доходы отъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ—до 329½ милл. Правительственныя регаліи образуютъ третью статью (до 110⅛ милліон.). Только на четвертомъ мѣстѣ мы находимъ прямые налоги (около 98 милліоновъ). За ними слѣдуютъ выкупные платежи, которыхъ ожидается 87⅔ милл. Сумма пошлинъ, которыя должны поступить, составляетъ не полныхъ 71 милліонъ. Небольшая сумма чрезвычайныхъ доходовъ слагается изъ двухъ статей: изъ 2.400,000 вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время и около 1½ милліона за проданное частнымъ лицамъ имущество въ Богословскомъ горномъ округѣ.

Согласно характеру росписей расходовъ за послѣдніе годы, и въ 1897 году наибольшія затраты будутъ сдѣланы по 4 статьямъ, болѣе 200 мил-

ліоновъ рублей каждая: военное министерство израсходуетъ до 284½ милліоновъ, государственный долгъ поглотитъ болѣе 269 милліоновъ, министерство путей сообщенія—около 227 милліоновъ и министерство финансовъ слишкомъ 204 милл. Просматривая статьи чрезвычайныхъ расходовъ, читатель видитъ, что наша желѣзнодорожная сѣть получила существенное приращеніе, что не только будетъ увеличено число верстъ въ рельсовыхъ путяхъ общаго значенія, но что будетъ израсходовано больше 10½ милліоновъ на мѣстныя желѣзныя дороги удешевленнаго типа.

Сводъ доходовъ и расходовъ не вызываетъ существенныхъ замѣчаній. Характеристика русскаго государственнаго и народнаго хозяйства, которую мы находимъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ, начинается похвалами по адресу русскаго финансоваго законодательства и финансоваго управленія. Такъ какъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, государственныя росписи исполнялись успѣшно, то были предприняты мѣры для облегченія податного бремени. Эти облегченія выразились въ пониженіи за послѣдніе два года поземельнаго налога, страховыхъ пошлинъ, въ разсрочкѣ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, въ освобожденіи отъ налога имуществъ, переходящихъ безвозмездно къ ближайшимъ родственникамъ и проч. Министръ финансовъ находитъ, что освобожденіе должно было коснуться именно прямыхъ налоговъ, такъ какъ они, подлежа взысканію въ заранѣе опредѣленныхъ окладахъ, наиболѣе стѣснительны. «Косвенные налоги, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, предоставляютъ плательщикамъ возможность довольно широкаго сообразованія платежей не только съ общимъ уровнемъ своей хозяйственной зажиточности, но и съ временными колебаніями въ прибыткахъ. Этимъ весьма драгоцѣннымъ свойствомъ не обладаютъ прямые налоги и пошлины». Споръ о сравнительныхъ достоинствахъ, о недостаткахъ прямого и косвеннаго обложенія—ведется не со вчерашняго дня. Мы не разъ имѣли случай высказываться за предпочтительность прямыхъ налоговъ. Не повторяя доводовъ, которые уже извѣстны нашимъ читателямъ, мы скажемъ только, что облегченіе податного бремени, на которое ссылается министръ финансовъ, не имѣетъ всеобщаго значенія, а если и имѣетъ для многочисленныхъ массъ, то выражается крайне незначительными цифрами. Отсрочка и разсрочка недоимокъ по выкупнымъ платежамъ не имѣютъ значенія для всего крестьянства, такъ какъ эти недоимки числятся не за всѣми крестьянами. Нельзя назвать эту отсрочку и разсрочку недоимокъ льготою даже по отношенію къ тѣмъ группамъ крестьянъ, которыхъ она касается: органы полиціи такъ усовершенствовались во взысканіи недоимокъ, что послѣднія накопляются только за крестьянскими дворами, стоящими на уровнѣ крайней нищеты; съ этихъ крестьянъ нельзя было взыскать недоимки, а потому и пришлось отсрочить ее. Нельзя считать льготами для массы населенія и другія льготы, которыя мы перечислили. Только пониженіе налоговъ на предметы всеобщаго потребленія: сахаръ, чай, вино, керосинъ, желѣзо и простѣйшія издѣлія изъ него (чрезъ уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ этого рода)—было бы такимъ смягченіемъ податного бремени, кото-

рое коснулось бы всѣхъ плательщиковъ и доставило бы выгоды бѣднѣйшимъ. Но это не такъ: акцизъ съ сахара, составлявшій въ началѣ 80-хъ годовъ только 65 коп. съ 1 пуда, поднялся теперь до 1 р. 75 к. Налоги на спиртные напитки и керосинъ также повысились. Наконецъ, высокій таможенный налогъ на желѣзо и издѣлія изъ него препятствуетъ удешевленію этихъ товаровъ.

Не раздѣляя мнѣніе министра финансовъ о томъ, чтобъ уменьшеніе перечисленныхъ податей было существеннымъ облегченіемъ для русскаго народнаго хозяйства, мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ, чтобы промышленность Россіи, поощряемая высокими таможенными пошлинами, сдѣлала особенно выдающіеся успѣхи. «Въ послѣднее двадцатилѣтіе,—читаемъ мы,—правительство твердо стояло на почвѣ покровительства народной производительности, и результаты, достигнутые за это время, вполнѣ оправдываютъ такую экономическую политику». Перечисляя отрасли промышленности, которыя подвинулись впередъ, всеподданнѣйшій докладъ отмѣчаетъ прежде всего «успѣхи металлургіи». Всѣмъ и каждому, даже при маломъ интересѣ къ вопросамъ народнаго хозяйства, извѣстно, что успѣхи промышленности опредѣляются не увеличеніемъ числа фабрикъ и заводовъ или рабочихъ (высокіе таможенные налоги могутъ искусственно увеличить число тѣхъ и другихъ), а большею доступностью товара, пониженіемъ его цѣны и возросшимъ потребленіемъ. Изъ-подъ пера нашего извѣстнаго статистика А. А. Радцига вышелъ недавно поучительный трудъ *Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта*. Мы находимъ въ этой книжкѣ цифры, которыя не позволяютъ намъ раздѣлять оптимизмъ министра финансовъ. Въ 1830 году производство чугуна опредѣлялось для Россіи съ Финляндіей въ 7.137,000 пудовъ, для Германіи—въ 7.930,000, Франціи—6.405,000 и Соединенныхъ Штатовъ—въ 10,248. За 1894 годъ мы находимъ это производство выраженнымъ такими цифрами: 80.144,000 пудовъ въ Россіи, 328.449,000 пуд. въ Германіи, 126.840,000 п. во Франціи и 412.758,000 п. въ Соединенныхъ Штатахъ. Иначе говоря, эта отрасль промышленности увеличилась во Франціи почти въ 20 разъ, въ Германіи въ 42 раза, въ Америкѣ въ 40 разъ, а въ Россіи только въ 11 разъ. Такимъ образомъ крайнее напряженіе таможенной политики не позволило намъ достигнуть столь крупныхъ результатовъ, какъ въ трехъ названныхъ странахъ. Сторонники усиленнаго протекціонизма приписываютъ успѣхи нашей промышленности высокимъ таможеннымъ налогамъ и утверждаютъ, что мы въ этомъ отношеніи дѣлаемъ только то, что доставило и продолжаетъ доставлять большія выгоды Соединеннымъ Штатамъ. Однако, наши таможенныя пошлины гораздо выше американскихъ. Въ металлическихъ копейкахъ съ 1 пуда взимается: за круглое желѣзо, полосовое и всякое сортовое, а также сталь 50 у насъ и 25 въ Америкѣ, за листовое желѣзо до № 25-го включительно, а также за сталь 65 у насъ и 32 до 37 въ Америкѣ, за стальные и желѣзные ресьсы 50 и 16, 30, за чугунъ—30 и 8, 30 коп. Хотя добыча у насъ чугуна увеличилась въ меньшей пропорціи, чѣмъ въ

названныхъ странахъ, однако, она увеличилась. Относительно же цѣнъ мы похвалиться не можемъ. Возьмемъ цѣны важнѣйшихъ желѣзныхъ товаровъ на Нижегородской ярмаркѣ за послѣднее 50-лѣтіе, и мы найдемъ, что онѣ или повышались, или почти не измѣнялись. Въ 40-хъ годахъ полосовое желѣзо стоило отъ 95 до 160 копеекъ кредитныхъ, а въ 90-хъ—его цѣна колебалась отъ 1 р. 35 к. до 2 р. 95 к. Листовое желѣзо опускалось въ 40-хъ годахъ до 1 р. 6 коп. за пудъ и не поднималось выше 2 р. 85 к., а для 90-хъ годовъ мы имѣемъ цѣну отъ 2 до 6 руб. за пудъ.

Для перваго періода цѣна пуда стали была между 1 р. и 2 р. 20 к., а для второго—отъ 1 р. 50 к. до 4 р. 80 к. Итакъ, потребитель желѣза въ Россіи долженъ былъ расходовать все больше и больше на эту важную статью потребленія. Совсѣмъ иное положеніе дѣлъ находимъ мы въ странахъ, относительно которыхъ слова «успѣхи промышленности» не являются только словами. Въ Англіи среднія годовыя цѣны клевеландскаго и бессемеровскаго чугуна составляли въ началѣ 70-хъ годовъ 30—59 коп. и 30—56 коп., а въ 90-хъ эти цѣны упали до 17—23 коп. для перваго и 22—24 коп. для второго. Въ Англіи же 1 пудъ стальныхъ рельсовъ, стоившій въ 70-хъ годахъ 70—80 к., стоилъ въ 90-хъ только 37—40 к. Подобные же факты наблюдаемъ мы и въ Бельгіи: въ 1845 году 1 п. чугуна стоилъ 44 мет. коп., а въ 90-хъ годахъ только 20—23 к. Однородное движеніе цѣнъ находимъ мы и въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ 1850 году чугунъ, сортовое желѣзо и машинные гвозди стоили 43, 124 и 172 метал. коп. за 1 пудъ, а къ 1895 году эти цѣны опустились до 27, 62 и 68 копеекъ. Подобныя же цифры могутъ быть приведены относительно Германіи, Франціи и другихъ странъ. Состояніе русской металлургіи, скажемъ мы, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что таможенное покровительство, осуществляемое съ тѣмъ малымъ вниманіемъ къ нуждамъ промышленности, съ какимъ оно было осуществляемо въ Россіи, приноситъ большой вредъ населенію. Въ книжкѣ г. Радцига мы находимъ также интересное вычисленіе того, сколько Россія переплатила за рельсы отъ 1884 по 1895 годъ. Въ теченіе этихъ 12 лѣтъ для желѣзныхъ дорогъ было куплено около 113 милліоновъ пудовъ рельсовъ, которые были изготовлены на русскихъ заводахъ. Еслибъ эти рельсы были куплены въ Англіи, то получилось бы сбереженіе въ 92 милліона рублей. Если прибавить къ этой суммѣ хотя половину премій, которыя были даны казною заводамъ, изготовлявшимъ рельсы, то получится переплата больше 100 мил. рублей. «На переплаченные съ 1884 года за рельсы свыше 100 мил. рублей могли бы быть выстроены новыя 2,000 верстъ дорогъ (по 50,000 рублей верста), постройка которыхъ дала бы населенію мѣстностей, черезъ которыя были бы проведены дороги, заработки» (*Радцигъ*, 56). Жалкое положеніе русской желѣзодѣлательной промышленности выражается и въ низкихъ цифрахъ потребленія у насъ желѣза: за послѣднее время на 1 жителя приходится ежегодно: 128 фунтовъ во Фран-

ціи, 220—въ Германіи, по 280—въ Англіи, Бельгіи и Соединенныхъ Штатахъ и 45 фунтовъ—въ Россіи.

Мы находимъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ похвальный отзывъ о Нижегородской выставкѣ, которая «дала обширнѣйшій матеріалъ для изученія современнаго состоянія и нуждъ различныхъ отраслей народнаго труда въ нашемъ отечествѣ. Въ обширныхъ трудахъ экспертныхъ комиссій... правительство получило весьма богатый матеріалъ какъ для оцѣнки нынѣшняго положенія промышленности, такъ и для выработки мѣръ по ея дальнѣйшему развитію». «Выставка 1896 года,—читаемъ мы,—вполнѣ удовлетворила требованіямъ», и не сомнѣваемся, что она удовлетворила требованіямъ министерства финансовъ, но сожалѣемъ, что похвальный отзывъ о выставкѣ отличается такою краткостью. Было бы интересно встрѣтить здѣсь указанія на то, что расходы по устройству выставки были не велики, что число посѣтителей соотвѣтствовало цифрѣ, которая входила въ смѣту при устройствѣ выставки, что, наконецъ, затративъ на выставку болѣе 10 милліоновъ рублей, государство дало этой суммѣ наиболѣе производительное назначеніе, болѣе производительное, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибъ, напримѣръ, эти милліоны были употреблены на стальное дѣло, на облѣсеніе или оводненіе мѣстностей, которыя въ томъ особенно нуждаются.

Министръ финансовъ, характеризуя наше сельское хозяйство, опирается на мнѣнія, которыя высказаны въ новомъ изданіи министерства финансовъ (*Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства*. Статьи Анненскаго, Григорьева, Каблукова и другихъ) и резюмированы во введеніи, принадлежащемъ перьямъ гг. Чупрова и Посникова. Эта характеристика, выдающая полную гармонію министерства финансовъ и многихъ представителей русской экономической науки (проф. А. И. Чупровъ стремится усилить авторитетность своихъ мнѣній обширною выдержкою изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи на 1895 годъ), выдаетъ оптимистическое настроеніе. Оно выражено, однако, не такъ ярко, какъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ на 1895 и 1896 годы. «Низкая расцѣнка хлѣбовъ, господствовавшая въ послѣдніе два года, поставила въ очень затруднительное положеніе нѣкоторую часть нашего сельскаго хозяйства, преимущественно частно-владѣльческаго... тамъ, гдѣ она не покрывала даже издержекъ производства, она была несомнѣннымъ зломъ, подрывавшимъ жизнеспособность самого промысла». На-ряду съ этимъ признаніемъ невыгоды, которая слѣдовала за низкими цѣнами земледѣльческихъ продуктовъ, мы находимъ и утѣшеніе: «за послѣдніе годы, сопровождавшіеся благопріятными урожаями, наше народное хозяйство, въ его цѣломъ, несмотря на паденіе цѣнъ, запасалось силами и въ своей обильной жатвѣ находило опору противъ потрясеній, исходящихъ изъ международнаго хлѣбнаго рынка». А къ концу характеристики сельскаго хозяйства мы встрѣчаемъ указаніе, что «поскольку приходится дѣлать общія,

нечныя заключенія о хозяйственномъ положеніи многомилліонной массы населенія, исполненіе бюджетовъ можетъ служить вполнѣ надежнымъ показателемъ». Эта мысль доказывается такимъ образомъ: при косвенномъ обложеніи, которое преобладаетъ у насъ, усиленное поступленіе налоговъ свидѣтельствуетъ о расширеніи потребностей. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ массы народа имѣютъ значительныя сбереженія, даже и при угнетенномъ состояніи народнаго хозяйства, предметы, обложенные косвенными налогами, могли бы быть потребляемы въ неуменьшенныхъ размѣрахъ, и именно на счетъ сбереженій, а потому исполненіе бюджета могло бы быть столь благопріятно и при дурномъ положеніи народнаго хозяйства. Въ странѣ, столь бѣдной сбереженіями, какъ Россія, ухудшившееся состояніе народнаго хозяйства тотчасъ же сокращаетъ потребленіе, а потому немедленно отражается и на доходахъ государства. А еще дальше мы читаемъ: «общая сумма прибытковъ населенія ея (Россіи) возрастаетъ. Конечно, это не отвѣчаетъ еще на вопросъ, получается ли возрастающая сумма прибытковъ путемъ равномѣрнаго подъема уровня благосостоянія всѣхъ классовъ, или же путемъ болѣе быстраго хозяйственнаго прогресса лишь нѣкоторыхъ группъ населенія. Нужно думать, что мы имѣемъ дѣло съ процессомъ второго рода, какъ это имѣло мѣсто и во всѣхъ другихъ странахъ, при переходѣ отъ чисто сельско-хозяйственнаго періода экономической жизни и системы натуральнаго хозяйства къ періоду промышленному и системѣ денежнаго хозяйства».

Этотъ отрывокъ показываетъ, что, оцѣнивая движеніе русскаго народнаго хозяйства, министръ финансовъ колеблется: то онъ говоритъ о подъемѣ благосостоянія всѣхъ классовъ населенія, причемъ группы, страдающія подъ давленіемъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, составляютъ незначительное меньшинство, то допускаетъ, что въ крестьянствѣ, образующемъ массу народа, выдѣлились немногочисленныя группы, которыя и достигли высшей ступени благосостоянія, причемъ условія жизни большинства, однако, не перемѣнились къ худшему. Подобная мысль подкупаетъ министра финансовъ, такъ какъ, думаетъ онъ, всѣ страны, опередившія насъ въ хозяйственномъ развитіи, пережили подобный переходъ.

Мы найдемъ выходъ изъ всѣхъ этихъ противорѣчій и неясностей, если намѣтимъ группы населенія, которыя не потеряли за послѣдніе годы, невзирая на пониженіе цѣнъ хлѣба. Напомнимъ при этомъ, что обильный урожай самъ по себѣ во всѣхъ случаяхъ долженъ быть признанъ отраднымъ явленіемъ, такъ какъ Россія является потребительницей исключительно собственнаго хлѣба. Рѣчь можетъ идти только о томъ, причиняютъ ли русскому народному хозяйству убытокъ низкія цѣны хлѣба, сопровождающія обильный или, по крайней мѣрѣ, средній урожай.

За послѣдніе годы и при низкихъ цѣнахъ хлѣба можно намѣтить группы населенія, которыя не потеряли или даже выиграли. Конечно, не потеряла вся масса чиновниковъ и другихъ лицъ, получающихъ опредѣленное содержаніе, не проиграли и даже выиграли группы населенія, прикосновен-

ныя къ отраслямъ промышленности, которыя усиленно поддерживаются таможенными налогами; не проиграли и даже выиграли тѣ группы крестьянства, которыя въ теченіе голодныхъ 1891—92 годовъ устояли и окрѣпли на счетъ разорившихся односельчанъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя утверждать, что низкія цѣны хлѣба поставили въ затруднительное положеніе нѣкоторую часть «нашего сельскаго хозяйства, преимущественно частновладѣльческаго». Нѣтъ, онѣ приводятъ въ разстройство большую часть нашего сельскаго хозяйства. Припомнимъ слѣдующія условія: 1) Хлѣбъ поступаетъ на рынокъ не только изъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ, но и изъ мелкихъ, т.-е. крестьянскихъ. 2) Хлѣбъ поступаетъ на рынокъ не только изъ крестьянскихъ хозяйствъ, которыя имѣютъ избытки его для продажи, но и изъ тѣхъ, которыя вовсе не располагаютъ избыткомъ, но вынуждены продавать осенью для уплаты податей, арендныхъ денегъ, чтобы затѣмъ покупать его по веснѣ по болѣе дорогой цѣнѣ. 3) Примемъ въ разсчетъ, что цѣны, которыя положены въ основаніе вычисленій, сдѣланныхъ статистиками министерства финансовъ *), слишкомъ высоки: для 1894 года цѣна пуда ржи опредѣлена не ниже 25 и 27 копеекъ (среднія черноземныя и нижневолжскія губерніи), цѣна 1 пуда овса для тѣхъ же губерній не ниже 28 копеекъ, между тѣмъ какъ крестьянинъ, обремененный долгами и принужденный ко взносу податей, продаетъ по цѣнамъ гораздо болѣе низкимъ. Примемъ все это въ разсчетъ, и мы скажемъ, что паденіе хлѣбныхъ цѣнъ приноситъ большія невыгоды обширнымъ слоямъ населенія, большей части хозяйствъ, производящихъ хлѣбъ. Невыгоды, причиняемыя рѣзкимъ пониженіемъ цѣнъ, для тѣхъ хозяйствъ, которыя продаютъ хлѣбъ осенью въ видахъ покрытія текущихъ потребностей, обнаружатся съ особенною ясностью, если вспомнимъ, что оклады податей не измѣняются, что сумма частныхъ долговъ и платежей по нимъ отличаются устойчивостью. Чѣмъ дешевле хлѣбъ, тѣмъ больше нужно продать его для этихъ спеціальныхъ цѣлей, тѣмъ больше приходится купить его весною по болѣе высокой цѣнѣ и тѣмъ больше нужно потерять на этомъ оборотѣ. Что населеніе Россіи не поднялось за послѣдніе годы въ благосостояніи, доказывается уменьшеннымъ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что онъ касается всѣхъ районовъ, какъ тѣхъ, гдѣ сельское хозяйство является наиболѣе преобладающимъ промысломъ (губерніи юго-западныя, среднія и южныя черноземныя), такъ и обѣ столичныя губерніи, гдѣ значеніе сельскаго хозяйства далеко оставляется въ тѣни ролью, которую играетъ заводская, фабричная и кустарная промышленность. Въ теченіе десятилѣтія (отъ 1885 до 1894 г.), какъ мы читаемъ въ изданіи министерства финансовъ **), потребленіе спирта уменьшилось для всей Европейской Россіи съ 28 до 23,2 градуса на 1 душу населе-

*) См. въ названномъ изданіи министерства финансовъ статью г. Анненскаго: *Стоимость производства хлѣба въ частно-влад. хозяйств.*, т. I.

**) *Кашкаровъ*: „Главнѣйшіе результаты государственнаго денежнаго хозяйства за послѣднее десятилѣтіе“. Изданіе мин. финанс. 1895 г.

нія. Наблюдаемое во всѣхъ районахъ, на которые принято дѣлить Россію, оно выступаетъ съ особенною рѣзкостью тамъ, гдѣ сельское хозяйство является почти исключительнымъ занятіемъ населенія: въ 6-ти восточныхъ губерніяхъ—съ 20 на 13,4 градуса, въ 3-хъ малороссійскихъ—съ 29 на 20,3 градуса, въ 3 юго-западныхъ—съ 41 до 27,4 градуса. И если, отмѣчая увеличеніе числа безлошадныхъ хозяйствъ, можно давать этому факту искусственное толкованіе, что онъ знаменуетъ эволюцію народнаго хозяйства, выражаетъ уменьшеніе земледѣльческаго населенія и переходъ значительной его части къ обрабатывающей промышленности, въ предѣлахъ ли деревни, или съ передвиженіемъ въ городъ, то уменьшенное потребленіе вина доказываетъ только пониженное благосостояніе нашего народа. Можно было бы приписать этотъ фактъ попечительной заботливости министерства финансовъ; но, развивъ въ Россіи заводскую и фабричную промышленность, оно только за послѣдніе годы стало на путь отрезвленія народа посредствомъ винной монополіи и насажденія обществъ трезвости. А потому нельзя и этимъ фактомъ объяснить уменьшившееся потребленіе вина. Этотъ процессъ, оффиціально удостовѣренный для 10-лѣтія, которое оканчивается 1894 годомъ, продолжался и въ 1895 году: потребленіе вина возросло за 1 годъ на $^1/_{240}$ (съ 24,3 милл. ведра на 24,8 милл.), тогда какъ населеніе возрастаетъ у насъ не меньше, какъ на 1%.

Усматривая въ этомъ фактѣ несомнѣнный признакъ того, что благосостояніе народа понизилось, мы не можемъ удовлетвориться утвержденіемъ министра финансовъ, что всегда и вездѣ экономическое развитіе страны не охватываетъ равномѣрно всѣхъ группъ населенія. Мы не знаемъ примѣра, чтобы всѣ общественныя группы хозяйственно поднимались въ одной и той же пропорціи. Но Россія болѣе, чѣмъ какая-либо другая страна, представляетъ данныхъ для неравномѣрнаго экономическаго преуспѣянія отдѣльныхъ частей населенія. На Западѣ торжество крупной промышленности надъ мелкою было результатомъ не одного поколѣнія. Параллельно съ успѣхами, которые дѣлали разныя отрасли производства благодаря усовершенствованію техники, мы видимъ очень крупныя и важныя пріобрѣтенія и въ другихъ сферахъ жизни: въ развитіи личной свободы, расширеніи правъ населенія, въ ростѣ народнаго образованія, развитіи повременной печати и разныхъ другихъ фактахъ, которые въ своей совокупности могли препятствовать обѣднѣнію народа. Словомъ, экономическое развитіе страны, насколько его выраженіями служатъ болѣе крупныя промышленныя единицы и большее разнообразіе отраслей промышленности, шло на Западѣ параллельно съ другими прогрессивными теченіями. У насъ же оно явилось особнякомъ, плодомъ усиленнаго таможеннаго покровительства. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ, способныхъ пояснить это положеніе. Нѣкоторыя отрасли русской промышленности (наприм. хлопчатобумажная) отстали отъ западно-европейскихъ только на 25—30—35 лѣтъ. Иначе говоря, нѣкоторыя отрасли стоятъ у насъ на той ступени техническаго развитія, на какой онѣ стояли въ Англіи въ началѣ 60-хъ или въ Германіи

въ началѣ 70-хъ годовъ. Но какая разница относительно другихъ условій общественнаго быта! 25—30 лѣтъ тому назадъ Германія имѣла превосходную начальную школу и очень малый % неграмотныхъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ Англія уже широко развила и производительныя ассоціаціи, и потребительныя артели, служащія отличною школой для общественнаго воспитанія. Чѣмъ болѣе гармонично развиваются всѣ стороны общественной жизни, тѣмъ болѣе обезпечено преуспѣяніе многочисленныхъ массъ населенія, тѣмъ болѣе ручательства, что будетъ замѣтно улучшаться бытъ большей части народа. У насъ мы не видимъ этого; у насъ мы наблюдаемъ гораздо большую разницу въ распредѣленіи имущества, чѣмъ на Западѣ. Главы крупныхъ промышленныхъ предпріятій въ хлопчатобумажномъ, шерстяномъ, сахароваренномъ, горнозаводскомъ дѣлѣ, по размѣрамъ имущества и дохода, не уступаютъ или немногимъ уступаютъ крупнымъ промышленникамъ Англіи и Соединеныхъ Штатовъ. А разсматривая таблицы потребленія, мы видимъ на Западѣ расширяющееся потребленіе всѣхъ товаровъ, которые вошли въ обычный обиходъ бѣднѣйшихъ классовъ, чего не замѣчается у насъ. Заканчивая все, сказанное по поводу того, поднялось ли благосостояніе русскаго народа, мы съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаемъ, что оно не поднялось, что оно даже опустилось, но что отдѣльныя группы выиграли въ значительной, а иногда и въ очень высокой степени.

Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ содержитъ также соображенія относительно перемѣнъ въ нашей валютѣ. Министръ финансовъ напоминаетъ, что въ серединѣ 50-хъ годовъ у насъ установилось обращеніе неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Финансовое управленіе всегда сознавало вредъ такого порядка вещей, но политическія и экономическія обстоятельства мѣшали до сихъ поръ упрочить денежное обращеніе. До восточной войны казалось предпочтительнымъ стремиться къ возстановленію металлическаго паритета бумажнаго рубля, но постепенно этотъ планъ былъ оставленъ и было рѣшено стремиться къ фиксаціи ихъ курса на золото. Эта мысль созрѣла къ 1887 году. «Въ этомъ году состоялось рѣшительное сужденіе комитета финансовъ о томъ, должно ли къ упроченію нашего курса стремиться путемъ постепеннаго возстановленія цѣнности кредитнаго рубля до нарицательной его стоимости, или же слѣдуетъ поставить себѣ задачей упроченіе цѣнности рубля посредствомъ размѣна его по курсу, близкому къ современному. Комитетъ финансовъ отдалъ рѣшительное предпочтеніе сему послѣднему способу, будучи убѣжденъ, что предметомъ всякихъ мѣропріятій въ отношеніи денежнаго обращенія можетъ быть не возстановленіе полной номинальной цѣнности кредитнаго рубля, а лишь установленіе этой цѣнности настолько прочно, чтобы былъ положенъ предѣлъ дальнѣйшимъ сколько-нибудь значительнымъ курсовымъ колебаніямъ». При этомъ комитетъ призналъ, что слѣдуетъ стремиться къ упроченію размѣна на золотую валюту «въ отношеніи близкомъ къ 1 р. 50 к.

кред. за 1 руб. метал.». Мнѣніе комитета финансовъ было подписано Рейтерномъ, Сольскимъ, Половцевымъ, Бунге, Вышнеградскимъ, Тернеромъ и Цимсеномъ». По мнѣнію министра финансовъ, теперь есть на лицо данныя, благопріятныя для денежной реформы. 1 января 1887 года въ обращеніи было кредитныхъ билетовъ на 1.046½ милліоновъ рублей, а общая золотая наличность, при переводѣ 1 рубля золотомъ на 1 рубль кредитныхъ, составляла 441,6 милл. А 16 декабря 1896 года выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ было 1.121,3 милл., а золота на 1.206 милліоновъ. Въ теченіе 1896 года были приняты нѣкоторыя мѣры, дабы укрѣпить денежное обращеніе: былъ заключенъ 3% внѣшній заемъ на 100 милліоновъ рублей золотомъ, дабы увеличить свободную наличность государственнаго казначейства; изъ правительственныхъ и банковыхъ кассъ было выпущено 693 милліона рублей золотомъ, а принято 668. Заключеніе реформы будетъ состоять въ томъ, чтобы возложить на государственный банкъ обязанность постояннаго размѣна кредитныхъ билетовъ на золото. «Основныя начала законопроекта, — заканчиваетъ министръ финансовъ эту часть доклада,— исподволь вошли уже въ жизнь страны и не представляютъ собою ничего новаго для народнаго хозяйства, такъ какъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото по курсу 1 р. 50 коп. кредитныхъ за 1 р. золота фактически существуетъ... главная и уже достигнутая цѣль реформы—фиксація цѣны кредитнаго рубля на золото не можетъ быть измѣнена».

Въ этой оцѣнкѣ министра финансовъ условій, среди которыхъ должно закончиться осуществленіе денежной реформы, есть пункты, вызывающіе недоразумѣніе. Такъ, во-первыхъ, нельзя согласиться съ тѣмъ, что основныя начала законопроекта уже вошли въ жизнь. Дѣлается намекъ на то, что въ оборотъ пущено довольно большое количество золотой монеты. Но цифры опровергаютъ это: оборотъ удержали только 25 милліоновъ золота и всѣ старанія привели къ тому, что получавшіе золото спѣшили обмѣнивать его въ правительственныхъ кассахъ на кредитные билеты, такъ какъ большинству представлялась цѣна, установленная за золото, слишкомъ высокою. И когда мы вдумаемся въ условія, при которыхъ явилась мысль о такой фиксаціи курса бумажныхъ денегъ, то придемъ къ заключенію, что этотъ курсъ установленъ ненормально низко. Финансовый комитетъ, на авторитетъ котораго ссылается министръ финансовъ, постановилъ фиксировать курсъ по 1 р. 50 к. кредитныхъ за 1 рубль золота въ 1887 году. А именно въ этомъ году кредитъ Россіи находился въ очень благопріятномъ положеніи и бумажныя деньги были крайне обезцѣнены: 160 марокъ за 100 рублей—гораздо ниже, чѣмъ когда-либо за все существованіе кредитнаго рубля. Не мудрено, если финансовый комитетъ, обсуждая денежную реформу при столь невыгодномъ положеніи, считалъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ достиженіе курсомъ того уровня, когда можно было бы фиксировать его по цѣнѣ 1 р. 50 к. кредитныхъ за 1 рубль золота (216 марокъ за 100 рублей). Однако, то, что

казалось идеаломъ въ 1887 году, не представляло въ 1890 году ничего блистательнаго, такъ какъ курсъ поднялся до 258 марокъ. Очень вѣроятно, онъ держался бы на уровнѣ значительно высшемъ его фиксаціи, еслибъ не принимались искусственныя мѣры къ удержанію его на этомъ уровнѣ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому пункту, замѣтимъ, что 3 января 1897 года изданъ законъ объ измѣненіи вида нашихъ золотыхъ монетъ: впредь имперіалы и полуимперіалы будутъ чеканиться тѣхъ же вѣса и пробы, какъ до сихъ поръ, но будутъ имѣть надпись 15 руб. и 7 р. 50 коп., для обмѣна ихъ на кредитные билеты рубль за рубль. Тѣмъ самымъ фиксація курса бумажныхъ денегъ на золото получаетъ внѣшнее выраженіе и въ самомъ видѣ золотой монеты.

Такимъ образомъ, денежная реформа совершилась. Она можетъ быть названа девальваціей въ обратномъ порядкѣ: при замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами цѣнность бумажныхъ денегъ была доведена до стоимости ихъ на золото. Теперь же, при сохраненіи бумажныхъ денегъ неизмѣнными, была понижена цѣнность золотой монеты до приравненія ея къ цѣнности кредитныхъ билетовъ. То неудобство, которое можетъ быть связано съ этою реформой, что оборотъ неохотно принимаетъ золото, не можетъ быть признано особенно существеннымъ: разъ русское общество освоится съ мыслью, что реформа осуществилась, то оно привыкнетъ къ золоту. Но одинъ важный вопросъ: удержится ли бумажный рубль на уровнѣ, на которомъ совершилась фиксація его курса? Если онъ удержится на этомъ уровнѣ безъ искусственныхъ усилій къ его поддержанію, то реформа будетъ усвоена русскимъ народнымъ хозяйствомъ и переработана имъ. Но это менѣе вѣроятно, чѣмъ одинъ изъ двухъ другихъ исходовъ, а именно пониженіе цѣнности кредитнаго рубля или же его повышеніе.

Есть вѣскія данныя въ пользу того, что золото уйдетъ за границу, а бумажный рубль подешевѣетъ. Такія данныя представляетъ нашъ разсчетный балансъ. Г. Оль въ только что вышедшей книгѣ *Цифровый анализъ разсчетнаго баланса Россіи за пятнадцатилѣтіе 1881—95 гг.*, на основаніи оффиціальныхъ матеріаловъ, выводитъ заключеніе, что разсчетный балансъ крайне неблагопріятенъ для Россіи. За 15 лѣтъ мы уплатили за границу по окончательному разсчетному балансу до 1.173½ милліоновъ рублей золотомъ. Какъ эти платежи, такъ и накопленіе наличности были возможны только вслѣдствіе возрастанія нашихъ долговъ. И относительно будущаго представляются факты, которые могутъ вызывать сильное сомнѣніе въ томъ, что разсчетный балансъ будетъ благопріятенъ для Россіи. Можетъ быть, внѣшняя задолженность не увеличится; можетъ быть, добыча золота въ Сибири будетъ не меньше, чѣмъ то было за послѣднее время; но внѣшняя торговля Россіи легко подвергнется серьезнымъ испытаніямъ. Сопоставляя цифры нашего отпуска въ началѣ 80-хъ годовъ, мы видимъ уменьшеніе вывоза по многимъ статьямъ, которыя занимаютъ видное мѣсто въ нашей отпускной торговлѣ—лѣса, льна, пеньки, шерсти, мѣховъ,

До послѣдняго времени уменьшеніе вывоза перечисленныхъ товаровъ парализовалось усиленіемъ хлѣбнаго отпуска; но пониженіе цѣнъ хлѣба и убыточность сельскаго хозяйства для очень многихъ производителей естественно приведутъ къ уменьшенію хлѣбнаго вывоза. При обсужденіи вопросовъ этого рода обыкновенно ссылаются на то, что естественныя богатства Россіи помогутъ намъ въ завоеваніи на міровомъ рынкѣ все болѣе обширнаго мѣста *). Но факты изъ соперничества между Англіей и Германіей показываютъ, какъ много условій нужно для того, чтобъ одерживать верхъ въ заграничной торговлѣ надъ народами, которые успѣли занять преобладающее положеніе. Еще два десятилѣтія тому назадъ Англія занимала на всемірномъ рынкѣ главное положеніе, но за послѣдніе годы оно было въ значительной степени поколеблено соперничествомъ Германіи. Не говоря о многихъ независимыхъ странахъ, ввозъ въ которыя изъ Англіи уменьшился на счетъ Германіи, даже въ австралійскія колоніи Англіи Германія увеличила отпускъ разныхъ товаровъ, вывозъ же ихъ изъ Англіи уменьшился. Эти успѣхи были сдѣланы за послѣднія 20—25 лѣтъ вслѣдствіе необычайнаго рвенія, съ которымъ промышленные и торговые классы Германіи старались усовершенствовать свое производство, слѣдуя примѣру Англіи: основаніе многочисленныхъ разнообразныхъ техническихъ и промышленныхъ училищъ, посылки во множествѣ молодыхъ людей въ Англію для занятія на фабрикахъ и заводахъ, лучшее, чѣмъ англичанъ, изученіе вкуса иностранныхъ покупателей, умѣлое пользованіе своими консулами для завязыванія торговыхъ сношеній и пр. Мы видимъ, такимъ образомъ, что многія страны, цѣлою системой мѣропріятій, воспитываютъ свои силы для соперничества на міровомъ рынкѣ съ другими народами, и безошибочно заключаемъ, что Россіи, которая стоитъ далеко отъ западныхъ сосѣдей во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, нельзя разсчитывать въ близкомъ будущемъ на расширеніе вывоза. А если такъ, то является весьма вѣроятнымъ отливъ отъ насъ золота, пріостановка размѣна и паденіе бумажнаго рубля ниже курса, по которому состоялась его фиксація.

Менѣе вѣроятенъ, но возможенъ и другой исходъ: благопріятный для насъ разсчетный балансъ въ теченіе довольно длиннаго ряда лѣтъ. Таковой можетъ быть всего скорѣе слѣдствіемъ неурожая хлѣба въ главныхъ странахъ, вывозящихъ хлѣбъ, при значительномъ урожаѣ въ Россіи, слѣдствіемъ повышенія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ и сохраненія хлѣбнымъ отпускомъ тѣхъ же размѣровъ, какіе онъ имѣетъ нынѣ. При такомъ положеніи дѣлъ у насъ будетъ увеличиваться наличность золота, и бумажный рубль будетъ имѣть наклонность повыситься по сравненію съ курсомъ своей фиксаціи. Если обнаружится такой процессъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени, то нужно будетъ уподобить денежную реформу

---

*) См. *Внутреннее обозрѣніе* за май 1896 г.

тѣмъ многочисленнымъ операціямъ съ монетами, которыя извѣстны намъ изъ исторіи денегъ любой страны. Какъ терялъ французъ при добромъ старомъ режимѣ, когда его увѣряли, что ливръ, уменьшенный въ вѣсѣ, стоитъ того же, чего и ливръ полновѣсный, такъ и русскіе люди будутъ чувствовать нѣкоторую неловкость, вынужденные обмѣнивать бумажный рубль на 66⅔ коп. золотомъ, если благопріятный разсчетный балансъ позволитъ ему дойти до 75 коп. Каковы бы ни были результаты, мы не нашли въ аргументаціи министра финансовъ доводовъ, способныхъ убѣдить въ необходимости такъ торопиться съ денежною реформой.

Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ заканчивается упоминаніемъ о концессіи, которую китайское правительство предоставило русско-китайскому банку на постройку и эксплоатацію китайской восточной желѣзной дороги, которая, пересѣкая Манджурію, должна связать по кратчайшему направленію забайкальскую дорогу съ южно-уссурійскою. Линія, проходящая по китайской территоріи, является звеномъ мірового пути, сооружаемаго черезъ материкъ Азіи. Министръ финансовъ находитъ, что «благопріятное разрѣшеніе этой задачи надлежитъ причислить къ крупнѣйшимъ успѣхамъ въ дѣлѣ мирнаго культурнаго развитія человѣчества».

Утвержденіе проекта китайской дороги было признано въ нашей печати торжествомъ русской политики, а потому и нужно разсмотрѣть, какихъ послѣдствій слѣдуетъ ждать отъ этого факта для русской культуры въ предѣлахъ Россіи, и для русской культуры, какъ начала, которое подчиняетъ другія страны своему доброму вліянію.

Проведеніе китайской дороги, несомнѣнно, уже доставило и впредь будетъ доставлять выгоды русско-китайскому банку, русскимъ капиталистамъ, которые прикосновенны къ нему, и тѣмъ русскимъ людямъ, которые найдутъ себѣ занятіе при постройкѣ и эксплоатаціи этой линіи. Оно явилось бы большимъ пріобрѣтеніемъ для русской промышленности лишь въ томъ случаѣ, еслибъ обезпечивало болѣе широкій рынокъ для русскихъ издѣлій. Не забудемъ, однако, что на пути къ этому встрѣчаются серьезныя препятствія. Наши издѣлія гораздо дороже заграничныхъ. Какъ бы ни были низки тарифы при перевозкѣ товаровъ изъ Европейской Россіи въ Китай, передвиженіе ихъ на разстояніи 6—7,000 верстъ все же будетъ удорожать ихъ въ чрезвычайной степени. А между тѣмъ морской путь съ его дешевыми фрахтами открытъ для англійскихъ, американскихъ, а за послѣднее время и для японскихъ товаровъ. Промышленность Японіи дѣлаетъ въ разныхъ отрасляхъ очень большіе успѣхи: въ недалекомъ будущемъ эта интересная страна будетъ снабжать заграницу даже своими машинами. Увеличивая вывозъ, она сдѣлается естественною поставщицей и Китая. Вообще, мы полагаемъ, промышленность Европейской Россіи имѣетъ мало данныхъ для пріобрѣтенія въ Китаѣ обширнаго рынка. Иное дѣло—русская промышленность въ Сибири; придвинувъ промышленность къ Китаю на нѣсколько тысячъ верстъ, можно было бы уменьшить расходы по

перевозкѣ русскихъ товаровъ и удешевить ихъ на китайскомъ рынкѣ. Но для этого нужно создать еще много условій и прежде всего довольно густое населеніе. А по этому пути дѣло не только не идетъ впередъ, но замѣчается какъ будто даже попятное движеніе. Постройка сибирской желѣзной дороги вызвала ожиданіе, что переселенческое дѣло будетъ организовано на широкихъ основаніяхъ, а между тѣмъ вышло совсѣмъ иначе. За послѣдніе годы правительство приняло нѣкоторыя мѣры для облегченія переселенцамъ пути, число ихъ возросло до 200,000 въ 1896 году. Но циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 20 января 1897 г. обнаруживаетъ намѣреніе правительства сузить этотъ потокъ и вести дѣло въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, нежели того можно было бы ожидать на основаніи числа переселенцевъ за послѣдніе годы. Мотивомъ къ этому является отмѣчаемый министерствомъ внутреннихъ дѣлъ недостатокъ въ Сибири земель, удобныхъ для водворенія выходцевъ изъ Европейской Россіи. Отлагая до другого раза обсужденіе условій, въ которыя новое распоряженіе ставитъ переселенческое дѣло, мы скажемъ только, что сдержаніе переселенческаго потока замедляетъ развитіе Сибири и ростъ въ ней тѣхъ отраслей промышленности, которыя могли бы овладѣть частью китайскаго рынка уже вслѣдствіе своей близости къ этому обширному царству. Чѣмъ болѣе же отдаляется время развитія разнообразныхъ производительныхъ силъ Сибири и приведеніе ихъ въ связь съ заграничными рынками,—повторяемъ, это можетъ сдѣлать только довольно густое населеніе,—тѣмъ болѣе времени выигрываютъ наши соперники по міровой торговлѣ для дальнѣйшаго приспособленія своей промышленности къ запросу китайскаго рынка, для дальнѣйшаго удешевленія морской перевозки товаровъ и для созданія такихъ торговыхъ комбинацій, которыя сдѣлаютъ нашихъ соперниковъ еще болѣе стойкими.

Однако, можно говорить и въ иномъ смыслѣ о цивилизующемъ вліяніи Россіи на Китай посредствомъ сибирско-китайской желѣзной дороги. Допуская, что русскіе товары не будутъ имѣть на китайскомъ рынкѣ наиболѣе виднаго мѣста, можно предположить, что новая дорога будетъ передвигать въ Китай довольно многихъ русскихъ людей, которые, оставаясь только продолжительное время или навсегда, внесутъ въ это сонное царство «начатки русской культуры». Одни перенесутъ туда свои капиталы для устройства фабрикъ и заводовъ и будутъ обучать китайцевъ болѣе совершеннымъ техническимъ пріемамъ, другіе—начнутъ обучать китайцевъ пріемамъ управленія государствомъ, третьи (почему не помечтать и объ этомъ!) познакомятъ китайцевъ съ лучшими образцами русской словесности... Всѣ такія предположенія не приводятъ къ особенно утѣшительнымъ выводамъ: Россія такъ бѣдна капиталами, что сама успѣваетъ развивать свою промышленность только потому, что въ наше народное хозяйство вливаются капиталы англійскіе, французскіе, бельгійскіе, германскіе. Вносить въ Китай образцы русской словесности и науки (независимо отъ

трудности такого вліянія на народъ, который имѣетъ богатую литературу и отличается довольно высокою грамотностью) некому, такъ какъ и для домашней-то работы на этомъ поприщѣ у насъ очень мало людей.

Въ концѣ декабря 1896 года утвержденъ *уставъ союза взаимопомощи русскихъ писателей при русскомъ литературномъ обществѣ*. Уставъ такъ перечисляетъ цѣли союза: объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессіональныхъ интересовъ, для установленія постояннаго между ними общенія и охраненія добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати; посредничество между авторами, сотрудниками періодическихъ изданій и переводчиками съ одной стороны, издателями и редакторами съ другой; посредничество и разсмотрѣніе личныхъ споровъ, возникающихъ въ печати между членами союза, а также между ними и сторонними лицами; представительство на русскихъ и иностранныхъ союзахъ; ходатайство предъ правительственными и общественными учрежденіями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея отдѣльныхъ представителей; матеріальная помощь членамъ. Въ этихъ видахъ союзъ имѣетъ право устраивать собранія для обсужденія докладовъ и соображеній по предметамъ профессіональнаго интереса, устраивать бюро справокъ по предмету спроса и предложенія литературнаго труда, устраивать кассы пенсіонныя, страхованія, взаимопомощи, санаторіи, потребительныя товарищества, принимать порученія отъ членовъ общества и органовъ печати для ходатайства въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, имѣть судъ чести, выпускать въ свѣтъ печатныя изданія, сборники и періодическія, созывать съѣзды дѣятелей печати, устраивать литературные вечера, концерты и чтенія. Завѣдываніе дѣлами союза возлагается на комитетъ изъ 12 членовъ съ 4 кандидатами къ онымъ. Судъ чести состоитъ изъ 7 лицъ съ 2 кандидатами къ нимъ. Въ составъ ревизіонной коммиссіи входятъ 5 членовъ и 2 кандидата. Судъ чести разбираетъ дѣла какъ между членами союза, такъ и въ случаяхъ, касающихся профессіональной дѣятельности членовъ союза по заявленіямъ частныхъ лицъ. А комитетъ можетъ передавать на разсмотрѣніе суда чести поступки члена союза, если въ нихъ усматривается противодѣйствіе цѣлямъ союза, плагіатъ, контрафакція, клевета или, вообще, что-либо противное чести писателя.

Даже бѣглый перечень функцій, въ которыя можетъ входить союзъ взаимопомощи русскихъ писателей, убѣждаетъ, что ему предоставлена широкая программа. Онъ можетъ послужить центромъ, способнымъ объединить многочисленные и разнообразные интересы тружениковъ печати и оказать имъ существенную поддержку. Членъ можетъ найти ее и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему понадобится матеріальная помощь; онъ найдетъ руководство при столкновеніи съ редакторомъ или издателемъ; онъ будетъ имѣть возможность отстаивать свои интересы предъ правительственными учрежденіями. Наконецъ, могутъ быть устраиваемы съѣзды для обсужде-

нія вопросовъ, которые касаются общихъ условій литературнаго труда и положенія людей, посвящающихъ этому труду свои силы. Значеніе союза, степень его вліянія на улучшеніе условій, въ которыя поставленъ русскій писатель, будутъ зависѣть отъ того, какъ поведутъ дѣло учредители, сумѣютъ ли избѣгать ненужныхъ недоразумѣній, не чувствовать мелкихъ уколовъ, которые неизбѣжно выпадаютъ каждому на долю въ общественной дѣятельности. Многое будетъ зависѣть отъ преданности и такта лицъ, которыя войдутъ въ составъ комитета.

Однако уставъ содержитъ положенія, которыя ставятъ права союза въ тѣсныя рамки. Союзъ имѣетъ право выпускать сборники и имѣть свой печатный органъ, однако «съ соблюденіемъ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ». Но, вѣдь, съ соблюденіемъ этихъ правилъ не возбраняется и любому благополучному россіянину издавать газету или журналъ. Не отличаясь, такимъ образомъ, отъ частныхъ лицъ, союзъ поставленъ менѣе выгодно, чѣмъ нѣкоторыя ученыя общества, имѣющія свою цензуру. Союзъ имѣетъ право устроить читальню и библіотеку, но съ «соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для библіотекъ». А эти правила, налагая запретъ на пріобрѣтеніе многихъ книгъ, очень стѣснительны; они могутъ быть особенно стѣснительны для членовъ союза уже по принадлежности ихъ къ литературной профессіи. Разрѣшеніе с.-петербургскаго градоначальника необходимо даже для тѣхъ литературныхъ чтеній, которыя разрѣшены цензурой. Дабы пополнить музыкальное произведеніе, не изданное въ печати, необходимо разрѣшеніе начальства. Комитетъ союза увѣдомляетъ мѣстное полицейское начальство о всѣхъ собраніяхъ. Всякаго рода вспомогательныя кассы могутъ быть устраиваемы союзомъ только съ разрѣшенія подлежащаго начальства. Съѣзды дѣятелей печати могутъ быть созываемы союзомъ только съ надлежащаго разрѣшенія. Созваніе съѣздовъ дѣятелей печати можетъ быть признано наиболѣе существеннымъ пунктомъ устава. Но, конечно, это право получаетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если на съѣздахъ будутъ обсуждаться дѣла, дѣйствительно, большой важности, прежде всего дѣла, касающіяся положенія печати предъ лицомъ закона и ея отношенія къ администраціи. Будущее покажетъ, будутъ ли разрѣшаемы съѣзды съ программой, которая заслуживаетъ того, чтобы писатели съ разныхъ концовъ Россіи съѣзжались для совмѣстнаго труда. Въ жизни нашихъ ученыхъ обществъ есть прецеденты, которые показываютъ, что созваніе съѣздовъ совершается въ иномъ порядкѣ, чѣмъ предположило данное общество. Высочайше утвержденное общество для содѣйствія русской промышленности и торговли хотѣло созвать торгово-промышленный съѣздъ при нижегородской выставкѣ. Министерство финансовъ не разрѣшило этого съѣзда и поручило чиновникамъ организовать таковой.

Въ уставѣ есть, однако, одно важное право, пользованіе которымъ не поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія подлежащаго начальства: это—право союза ходатайствовать въ правительственныхъ учрежденіяхъ по дѣламъ членовъ общества и органовъ печати.

---

14 января скончался, не достигнувъ и 50 лѣтъ, извѣстный статистикъ пермскаго земства, Егоръ Ивановичъ Красноперовъ. Покойный занялъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ русской статистики. Съ половины 70-хъ годовъ онъ издалъ цѣлый рядъ изслѣдованій о крестьянскомъ хозяйствѣ и кустарныхъ промыслахъ Пермской губерніи. Нѣкоторыя изъ его работъ, напримѣръ—описаніе Енотаевской волости, должны быть отнесены къ лучшимъ земскимъ статистическимъ изданіямъ. Въ устройствѣ пермскаго кустарно-промышленнаго банка Красноперовъ также принималъ дѣятельное участіе. Глубоко проникнутый любовью по земскому дѣлу, Е. И. былъ рѣдкимъ, неутомимымъ труженикомъ.

---

3 февраля скончался Веніаминъ Яковлевичъ Ѳедоровъ, долгое время предсѣдательствовавшій въ московскомъ цензурномъ комитетѣ. Человѣкъ съ обширнымъ образованіемъ, мягкій, привѣтливый, онъ съ большимъ тактомъ исполнялъ свои трудныя обязанности, принимая близко къ сердцу интересы литературы. Какъ справедливо замѣтили *Русскія Вѣдомости*, покойный относился къ печатному слову съ большимъ уваженіемъ и высоко ставилъ его значеніе. Никогда и никакая инициатива стѣсненія печати не исходила отъ Веніамина Яковлевича. Онъ возставалъ лишь противъ того, что унижало достоинство печатнаго слова. Добрая память остается за покойнымъ въ Москвѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: *Подорожникъ*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Е. Гославскаго. —*Кумиръ*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Н. А. Борисова).

Г. Гославскій—писатель, по нашему мнѣнію, довольно талантливый,—во всякомъ случаѣ, болѣе талантливый, чѣмъ многіе изъ его коллегъ драматурговъ, значащихся таковыми въ спискахъ общества драматическихъ писателей, и если послѣдняя пьеса г. Гославскаго провалилась съ такимъ необычайнымъ трескомъ и шипѣніемъ, то въ этомъ не талантъ автора виноватъ и, конечно, не повинны артисты, а вся непріятность, очень крупная для писателя, исполнителей и публики, произошла отъ того, что авторъ недостаточно подумалъ надъ тѣмъ, что писалъ, сочинилъ и даже пересочинилъ свою пьесу и потащилъ ее на сцену съ большимъ опозданіемъ, лѣтъ, примѣрно, на тридцать. Что или кого разумѣетъ авторъ подъ названіемъ *Подорожникъ*, ясно всякому при бѣгломъ просмотрѣ афиши, и почти не остается сомнѣній и въ томъ, что авторъ намѣревается продѣлать съ своимъ «подорожникомъ». Вотъ афиша: Нудищевъ, помѣщикъ — г. Ленскій, Анна Владиміровна, его жена—г-жа Уманецъ-Райская, Борисъ, ихъ сынъ — Садовскій 2-й, Варвара Денисовна, сестра Нудищева — г-жа Яблочкина 2-я, Евдокія Степановна, его теща — г-жа Каратыгина, Гребецкій, богатый помѣщикъ — г. Горевъ, Колесовъ, офицеръ — г. Южинъ, Вероника Николаевна Сѣдова-Думнова, гувернантка въ домѣ Нудищева — г-жа Лешковская, Микиткинъ, сельскій учитель — г. Яковлевъ, затѣмъ слуги и гости. Читатель угадалъ, гувернантка — «подорожникъ». Зритель, входя въ театръ, догадывается: изъ-за богатаго жениха — конфликтъ между гувернанткой и сестрой хозяина дома; изъ-за офицера—конфликтъ, вѣроятно, съ хозяйкою дома; скромный «подорожникъ» топчутъ, быть можетъ, закидываютъ грязью; но тутъ есть сельскій учитель, навѣрное, преисполненный благородства, онъ нѣжно расправляетъ лепестки помятаго «подорожника», чистыми слезами смываетъ съ него грязь,—и добродѣтель торжествуетъ, порочные обличены и посрамлены... и лавровый листъ на каркасѣ размѣрами въ большое каретное колесо. Это старо и просто. Г. Гославскій нашелъ нужнымъ обветшалую фабулу значительно дополнить и

хватилъ черезъ край, въ первомъ же дѣйствіи доказалъ зрителямъ, какъ легко попасть въ просакъ, полагаясь на афишу и на свою догадливость. Въ первомъ дѣйствіи объясняются въ любви гувернанткѣ: офицеръ, богатый помѣщикъ, сельскій учитель, гимназистъ Борисъ и хозяинъ дома, старикъ Нудищевъ. Гувернантка, по мѣрѣ силъ своихъ, отмахивается отъ всѣхъ «любителей». Офицеру она говоритъ: «вы не женитесь, вамъ не то нужно...» или что-то равнозначущее. Богачу Гребецкому: «вы не женитесь, васъ женятъ», — намекаетъ на Варвару Нудищеву, которая за-одно съ братомъ ловитъ жениха-милліонера. Учителю она объясняетъ, что имъ, бѣднякамъ, нельзя жениться, не подобаетъ плодить нищихъ, и учитель соглашается съ разумностью такихъ доводовъ. Гимназисту гувернантка внушаетъ, что ему учиться слѣдуетъ, а не влюбляться. Старому сатиру Нудищеву отвѣчаетъ тоже чѣмъ-то весьма наставительнымъ... Не погнѣвайтесь, читатель,—упомнить всѣ эти фразы нѣтъ никакой возможности. Подъ конецъ дѣйствія гувернанткѣ подаютъ письмо отъ Гребецкаго. Влюбленный богачъ пишетъ: «Меня *женятъ*... Но васъ я люблю, не могу видѣть, въ какомъ вы живете положеніи... Я богатъ, скажите только одно слово, и я измѣню ваше положеніе на самое блистательное...» Молодая дѣвушка, видимо неравнодушная къ Гребецкому, приходитъ въ очень понятное негодованіе отъ неправдоподобно-грубаго и дикаго предположенія зазнавшагося богача, воображающаго, будто ему достаточно тряхнуть своимъ кошелемъ для того, чтобы понравившаяся ему женщина сейчасъ же кинулась ему на шею. За это во второмъ дѣйствіи она осыпаетъ его насмѣшками, издѣвательствами и даже прямо бранью, вообще ведетъ себя крайне неприлично и, между прочимъ, бросается на шею офицеру Колесову, не преминувши заявить ему, что дѣлаетъ это вовсе не изъ любви, а съ досады и со злости... Въ третьемъ дѣйствіи выясняется, что вся эта «канитель» есть плодъ жалкаго недоразумѣнія, происшедшаго отъ неумѣнія Гребецкаго выражаться общепонятнымъ человѣческимъ языкомъ. Онъ хотѣлъ предложить руку и сердце, хотѣлъ написать: «согласитесь быть моею женой»,—а написалъ... чортъ знаетъ, что! Но какъ-ни-какъ, недоразумѣніе разъяснилось, Вероника Николаевна согласна осчастливить богатаго помѣщика; они женихъ и невѣста. А тутъ, какъ на грѣхъ, появляется офицеръ. Гувернантка вспоминаетъ вчерашніе поцѣлуи и спасается бѣгствомъ въ кусты. Гребецкой спѣшитъ сообщить пріятелю о своемъ счастьи. Колесовъ очень удивленъ, а затѣмъ повергаетъ всю публику въ неописуемое удивленіе тѣмъ, что разсказываетъ Гребецкому о томъ, какъ «вчера, на этомъ самомъ мѣстѣ», онъ цѣловался съ его невѣстой. Гувернантка выходитъ изъ кустовъ и объясняетъ, что это въ самомъ дѣлѣ было, но сдѣлано ею «съ досады и со зла». Офицеръ подтверждаетъ, что такъ именно она и говорила. Гребецкой и Вероника, да и самъ Колесовъ, не сознаютъ, повидимому, всей гадости того, что сдѣлалъ этотъ послѣдній,— ни женихъ, ни невѣста не говорятъ ему, что порядочные люди такъ не поступаютъ. Гребецкой спрашиваетъ только Веронику, не цѣловалась ли

она еще съ кѣмъ-нибудь и ограничилась ли только поцѣлуями «со зла»? И, успокоенный отвѣтомъ дѣвушки, вновь сіяетъ счастьемъ и представляетъ ее въ качествѣ своей невѣсты всей семьѣ Нудищевыхъ. Старикъ Нудищевъ, разсчитывавшій бракомъ сестры съ богачомъ-сосѣдомъ поправить свои разстроенныя дѣлишки, приходитъ въ совершенное неистовство и взводитъ позорнѣйшую клевету на гувернантку, объявляя, что она «многократно клялась ему, Нудищеву, въ вѣчной любви». Всякій мало-мальски неглупый человѣкъ махнулъ бы рукой на ошалѣвшаго старичишку, взялъ бы подъ руку дѣвушку и увелъ бы ее въ домъ мѣстнаго священника впредь до бракосочетанія. Не такъ поступаетъ Гребецкой, онъ начинаетъ допрашивать молодую дѣвушку, требовать отъ нея объясненій и оправданій, доказательствъ, что никогда не было того, въ чемъ обвиняетъ ее Нудищевъ. Тутъ уже не выдерживаетъ самъ офицеръ Колесовъ, вступается за оскорбленную Веронику и вызываетъ Гребецкого на дуэль... Въ четвертомъ дѣйствіи дуэли не произошло, все разъяснилось, всѣ покаялись, Нудищевъ признался въ томъ, что все налгалъ, Гребецкой протягиваетъ руки Вероникѣ, опять называетъ ее своею невѣстой. На этотъ разъ дѣвушка рѣшительно отказываетъ ему и заявляетъ, что послала уже за подводой и уѣзжаетъ безотлагательно. Колесовъ задерживаетъ ее, предлагаетъ себя въ мужья. Она отказываетъ Колесову. Учитель Микиткинъ останавливаетъ Веронику такимъ же предложеніемъ. Она отказываетъ Микиткину и на прощанье говоритъ опять о «подорожникѣ», перечисляетъ всѣ профессіи, доступныя женщинамъ,—гувернантокъ, учительницъ, фельдшерицъ, конторщицъ, продавщицъ, телеграфистокъ и т. д., — ставящія бѣдныхъ и беззащитныхъ дѣвушекъ въ положеніе придорожной травки, которую люди топчутъ, а пыль грязнитъ... но травка оживетъ, ее обмоетъ «роса Божья». Этою «росой» и дѣло кончается.

Добрыя намѣренія были у г. Гославскаго, и «хорошія» слова онъ знаетъ, только,—къ большому сожалѣнію,—простой сюжетъ, старенькій, но не лишенный жизненности, онъ усложнилъ неудачными выдумками до того, что утратился всякій смыслъ «басни сей». Вся исторія произошла изъ-за нелѣпаго и въ дѣйствительности невозможнаго письма Гребецкого. Напиши онъ это посланіе по-человѣчески, и положеніе гувернантки оказалось бы блестящимъ, на зависть всѣхъ невѣстъ цѣлой губерніи и обѣихъ столицъ, пожалуй. Слѣдовательно, дальнѣйшія приключенія Вероники Николаевны не отъ того, что она гувернантка, а отъ того, что влюбленный въ нее богатый помѣщикъ не умѣетъ написать короткую записку вразумительно. Но и это еще небольшая была бы бѣда, еслибъ сама Вероника не оказалась барышней слишкомъ скоропалительнаго темперамента и потребовала бы отъ Гребецкого объясненія его грубости и глупости прежде, чѣмъ зря кидаться на шею офицеру. Хозяйка дома, Анна Владиміровна Нудищева,—какъ то изображено въ пьесѣ,—очень любитъ и цѣнитъ Веронику Николаевну, называетъ ее своею «правою рукой», «единственною помощницей», относится къ ней совершенно по-дружески. Всего проще и естественнѣе было бы мо-

лодой дѣвушкѣ обратиться къ хозяйкѣ за разъясненіемъ недоразумѣнія, за защитой отъ незаслуженныхъ оскорбленій. Въ дѣйствительной жизни это такъ и бываетъ. Но для замысла г. Гославскаго такой нормальный ходъ дѣла непригоденъ, и авторъ на протяженіи еще полутора дѣйствія (по афишѣ—двое сутокъ) оставляетъ зрителей въ недоумѣніи, подъ вліяніемъ придуманнаго имъ «экивока». Такихъ шутокъ публика не любитъ и расплачивается за нихъ такъ, какъ раздѣлалась она съ г. Гославскимъ. Впечатлѣніе недовольства нарастаетъ отъ дрянной выходки офицера Колесова и отъ совершенно невозможнаго неистовства старика Нудищева. Первый своимъ разсказомъ о поцѣлуяхъ, ничѣмъ не мотивированнымъ, второй—отвратительною клеветой заявляютъ себя людьми, лишенными самой элементарной порядочности, всякаго понятія о чести, — такими негодяями, какихъ не потерпитъ въ своей средѣ никакое общество. Въ результатѣ всѣхъ этихъ несообразностей и невѣроятностей получается такой выводъ, что печальное, на самомъ дѣлѣ, положеніе молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ авторъ величаетъ «подорожникомъ», обусловливается совсѣмъ не тѣмъ, что изобразилъ г. Гославскій въ крайне грубой и не совсѣмъ пристойной формѣ.

Въ пьесѣ есть всего одинъ характеръ, богача Гребецкаго, достаточно выдержанный и превосходно переданный г. Горевымъ. Это человѣкъ нерѣшительный, вѣчно сомнѣвающійся во всемъ и во всѣхъ, и въ себѣ въ томъ числѣ,—человѣкъ обезволенный богатствомъ, обезсиленный съ дѣтства отсутствіемъ какой-либо борьбы, ненадобностью труда и напряженія энергіи, занимающійся кое-чѣмъ и кое-какъ изъ чистаго дилетантизма, отъ нечего дѣлать да отъ скуки. Въ такой личности, мастерски изображенной г. Горевымъ, чувствуется начало вырожденія, которому обречены всѣ, наслѣдственно довольные и мягкодушные, ненаходящіе себѣ дѣла, требующаго серьезной работы. Изъ гувернантки-подорожника, при всемъ стараніи выдающейся артистки, г-жи Лешковской, ничего не вышло. Фигура эта написана настолько неопредѣленно и блѣдно, что даже очень большой талантъ не могъ оживить ее... Такъ же точно весь блескъ игры г. Ленскаго привелъ лишь къ тому, что художественностью воспроизведенія прикрывается грубость карикатуры. Такую же карикатуру, не менѣе аляповатую, мы видимъ въ лицѣ тещи Нудищева, очеловѣчить которую, хотя сколько-нибудь, не удалось г-жѣ Каратыгиной, но,—спѣшимъ добавить,—отнюдь не по винѣ артистки, дѣлавшей героическія усилія для того, чтобы сгладить шаржъ, напущенный авторомъ. При несообразности словъ и, въ особенности, поступковъ Колесова, г. Южинъ сдѣлалъ изъ него типическаго офицера, поскольку это было возможно. Къ большому удовольствію нашему, г-жа Яблочкина 2 очень хорошо исполнила роль сестры Нудищева. Г-жѣ Уманецъ-Райской выпала на долю прискорбная обязанность участвовать въ представленіи и изображать жену Нудищева, не имѣя никакой роли, настолько безцвѣтна эта Анна Владиміровна. Г. Садовскій 2 отлично изобразилъ гимназиста, а г. Яковлевъ сдѣлалъ даже типичнымъ сельскаго учителя. Къ сожалѣнію, матеріалъ, данный для этого авторомъ,

весьма плохъ: учитель Микиткинъ—это какой-то загнанный, приниженный человѣчекъ, жалкій, конечно, но и довольно противный своимъ вѣчнымъ трепетомъ передъ «господами». Какъ видитъ читатель, артисты дѣлали все, что могли,—а читатели знаютъ, что̀ наши артисты въ силахъ сдѣлать,—и тѣмъ не менѣе пьесы г. Гославскаго они не спасли. Послѣ четвертаго акта, при появленіи на сценѣ автора, вызваннаго нѣсколькими голосами съ «верховъ», раздалось такое громкое и многоголосое шиканье, что драматургъ убѣжалъ со сцены... Отмѣчаемъ это для того, чтобы предупредить авторовъ о томъ, какъ осторожно надо относиться къ вызову немногими голосами и какъ не слѣдуетъ поддаваться соблазнительнымъ предложеніямъ идти раскланиваться съ публикой, апплодирующей исполнителямъ.

29 января, въ бенефисъ г. Рыбакова, шла новая комедія Н. А. Борисова—*Кумиръ* и потерпѣла не меньшее фіаско, чѣмъ *Подорожникъ*, только провалилась она болѣе заслуженно, чѣмъ пьеса г. Гославскаго. То была просто плохая пьеса, а такія произведенія, какъ *Кумиръ*, ставить на сцену стыдно и смотрѣть противно: рѣшительно не знаешь, въ какое общество мы попали, куда завелъ насъ драматургъ. Пусть читатель посудитъ: первое дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Вѣры Павловны Ровинской (г-жа Ермолова), живущей въ розни съ мужемъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Ровинскимъ (г. Горевъ), «Николинькой, человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій»,—какъ значится въ афишѣ. Принимая у себя каждый день законнаго мужа, Вѣра Павловна состоитъ давно въ любовной связи съ инженеръ-механикомъ Александромъ Леонидовичемъ Кирѣевымъ (г. Южинъ). Это извѣстно всѣмъ, начиная съ мужа «Николиньки», всѣми признано за совершенно нормальное положеніе, вполнѣ одобряется старикомъ, отцомъ механика, «отставнымъ инженеромъ» Леонидомъ Егоровичемъ Кирѣевымъ (г. Рыбаковъ), который обращается съ замужнею любовницей сына какъ съ настоящею законною и нѣжно любимою дочерью. Само собою разумѣется, что всѣмъ знакомымъ и не знакомымъ извѣстна сущность отношеній «Вѣрунчика» и «Шуры», какъ называетъ старикъ Кирѣевъ возлюбленную сына и своего *кумира* инженеръ-механика. Нѣкто Тольхъ (г. Ильинскій), общій другъ-пріятель Шуры, Николиньки и многихъ другихъ, какъ увидимъ дальше, ухаживаетъ за Вѣрой Павловной, объясняется ей въ любви и занимается сватовствомъ Александра Кирѣева съ какою-то Карской, внучкой князя Таманова, наслѣдницей его огромнаго состоянія. И сватовство это не секретъ, о немъ знаютъ «благородный» отецъ, «чистый душою» старикъ Кирѣевъ, и «добродѣтельная» Вѣра Павловна,—знаютъ и одобряютъ, сами принимаютъ живое участіе въ такомъ сватовствѣ изъ обожанія своего *кумира*. Вѣра Павловна самоотверженно отстраняетъ отъ себя Александра, говоритъ ему, что любовь ея остыла, прошла, осталось только уваженіе, что имъ надо разстаться, причемъ она, Вѣра, всегда будетъ «самымъ искреннимъ, самымъ вѣрнымъ другомъ» Кирѣева. Она только спрашиваетъ у Тольха, добрая ли, хорошая ли дѣвушка та особа, съ которою усваты-

ваютъ Александра. Утвердительные отвѣты Тольха успокоиваютъ Вѣру, и она выражаетъ желаніе сама познакомиться съ Риммой Николаевной Карской. Тольхъ съ своей стороны убѣждаетъ Кирѣева не пропускать случая и дѣлать скорѣе предложеніе. Кирѣевъ не заставляетъ себя долго упрашивать, отправляется обѣдать къ князю, чтобы покончить дѣло, а про Вѣру, съ которою прожилъ 10 лѣтъ, говоритъ:—«Кажется, ей Тольхъ нравится... ну, что-жъ, отлично...» Въ дверяхъ его останавливаетъ «милѣйшій человѣкъ» Николинька и проситъ взаймы три рубля... Хороша компанія! Дальше, впрочемъ, еще лучше.

Второе дѣйствіе въ «роскошной» гостиной Риммы Николаевны Карской (г-жа Яблочкина 2). Хозяйствомъ распоряжается «тетенька» (г-жа Садовская). Деньги на «роскошную» квартиру, на «роскошный» столъ, на «роскошные» наряды, на брилліанты, на содержаніе и на всякіе расходы выдаетъ безъ счета и отказа «чрезвычайно богатый человѣкъ» князь Тамановъ (г. Правдинъ), очень дальній и очень старый,—до ветхости старый,—родственникъ Риммы. На обѣдъ къ этой внучкѣ князя являются знакомиться съ невѣстой Александра Кирѣева его благодушный родитель, его самоотверженная возлюбленная подъ ручку съ своимъ мужемъ «Николинькой». Князь присутствуетъ на правахъ почтеннаго родственника, Тольхъ—на правахъ друга дома, молодой Кирѣевъ—въ качествѣ жениха. Изъ разговоровъ между отдѣльными парами явствуетъ, что Римма — просто-на-просто на содержаніи у одряхлѣвшаго и почти выжившаго изъ ума князя, что «тетенька» прикрываетъ это своею очень сомнительною респектабельностью, что общій другъ Тольхъ хлопочетъ о сватовствѣ за чекъ на крупную сумму, который тотчасъ же вручаетъ ему старикашка князь. «Николинька» выпрашиваетъ у едва знакомаго князя взаймы 25 рублей, подкарауливаетъ, какъ «тетенька» крадетъ со стола забытыя Риммой деньги и вымогаетъ часть ихъ на свою долю. Вѣра Павловна высказываетъ старику Кирѣеву свои опасенія за будущее счастье Александра съ слишкомъ развязною внучкой князя. Леонидъ Егоровичъ ничего не видитъ, ничего не замѣчаетъ, всѣмъ и всѣми очарованъ. Между 2-мъ и 3-мъ дѣйствіемъ проходитъ полгода, вся компанія въ сборѣ въ подмосковномъ имѣніи князя. Вѣра Павловна и ея законный супругъ «Николинька» живутъ рядомъ на дачѣ вмѣстѣ со старикомъ Кирѣевымъ. Кумиръ «Шуринька» работаетъ на заводѣ, построилъ какую-то диковинную машину собственнаго изобрѣтенія. Молодая жена Александра, Римма Николаевна, ухаживаетъ за больнымъ княземъ, растираетъ его по ночамъ цѣлебными мазями. «Тетенька», оскорбленная недостаточною благодарностью Риммы, пытается разъяснять старику Кирѣеву отношенія Риммы къ названному дѣдушкѣ. Старикъ ничего не понимаетъ, а «Николинька» все знаетъ и помалчиваетъ, занимая у князя аккуратно по 25 рублей въ недѣлю. Римма подслушиваетъ тѣ гадости, которыя говоритъ про нее «тетенька», и устраиваетъ такъ, что князь выгоняетъ «тетеньку» изъ дому. За весьма прозрачными намеками тетеньки слѣдуетъ уже нѣчто совершенно положительное: Тольхъ проситъ

у Александра Кирѣева взаймы 50 тысячъ, тотъ не далъ, и Тольхъ въ отместку разсказываетъ все на чистоту Вѣрѣ Павловнѣ и доказываетъ справедливость своихъ словъ письмомъ князя, изъ котораго явствуетъ, что Александра женили на «завѣдомой любовницѣ» стараго богача. Вѣра въ ужасѣ сообщаетъ объ этомъ Леониду Егоровичу. Они вмѣстѣ хотятъ вырвать Александра изъ позорнаго положенія. Александръ очень спокойно заявляетъ папашѣ и бывшей возлюбленной, что всю эту исторію онъ зналъ до свадьбы и женился изъ-за денегъ, чтобы выйти изъ положенія «пресмыкающагося и стать силой, большою величиной»... Старикъ впадаетъ въ совершенное отчаяніе. Александръ старается утѣшить родителя тѣмъ, что «все это прошлое», что «нельзя ставить всякое лыко въ строку», что «женятся же на вдовахъ» и что, наконецъ, «князь скоро умретъ и все состояніе оставляетъ по завѣщанію Риммѣ»... Безумiемъ было бы «бросить все наканунѣ, когда дѣло идетъ о 10 милліонахъ»... Старикъ Кирѣевъ отказывается отъ сына и уходитъ съ Вѣрой Павловной. Въ этомъ дѣйствіи нѣсколько разъ говорится о томъ, что противъ дачи Кирѣева есть въ рѣкѣ «омутъ и водоворотъ». Для зрителя остается на 4-е дѣйствіе открытымъ одинъ вопросъ: кого и какъ собирается авторъ отправить въ «омутъ»? Но пьеса названа «комедіей» и, слѣдовательно, надо думать, что бросившагося изъ воды вытащутъ и все покончится благополучно. На дѣлѣ выходитъ, однако, не совсѣмъ такъ. На дачу къ убитому горемъ старику Кирѣеву является сынъ подъ ручку съ женой ублажать отца, убѣждать его помириться съ ними, не продолжать тяжелой для всѣхъ ссоры изъ-за «пустяковъ». Александръ, а тѣмъ паче Римма не понимаютъ даже, чего ради такъ волнуются и убиваются Леонидъ Егоровичъ и Вѣра Павловна. Римма предлагаетъ «обезпечить» бывшую любовницу своего мужа и папашѣ принесла денегъ... Оба предложенія, разумѣется, отклонены, и молодые удаляются, не теряя, впрочемъ, надежды настоять на своемъ современемъ. Старикъ, оставшись одинъ послѣ сцены съ Вѣрой и съ Николинькой, оплакиваетъ погибшаго для него сына, тоскуетъ о низверженномъ *кумирѣ* и направляется къ двери, чтобъ утопиться въ омутѣ... Утопится или нѣтъ? Помѣшаютъ или раздумаетъ самъ? — Это остается неизвѣстнымъ, и пьеса оказывается не конченною, а оборванною... Да и Богъ съ нею: помимо того, что она необычайно грязна, комедія эта и скучна томительно, и въ результатѣ отъ нея ничего не остается, кромѣ самыхъ непріятныхъ чувствъ досады и гадливости. Есть, конечно, нетребовательные люди, довольствующіеся избитымъ оправданіемъ подобныхъ произведеній тѣмъ, что такъ бываетъ въ дѣйствительной жизни и что случай, изображенный авторомъ, не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго. На это имѣется настолько же старое и давно извѣстное выраженіе: не дозволительно тащить въ повѣсть, а тѣмъ болѣе на сцену, всякую житейскую дрянь,—мало ли какіе «скверные анекдоты» бываютъ въ дѣйствительности. А въ данномъ случаѣ всего важнѣе то, что въ дѣйствительной жизни ничего подобнаго не бываетъ и быть не можетъ. Ни для кого не новость, что находятся и будутъ нахо-

диться молодые люди, женящіеся ради «карьеры» на богатыхъ невѣстахъ, не стѣсняясь тѣмъ, какимъ способомъ пріобрѣтено приданое. Только совершенная несодѣянность, что нѣжный отецъ и беззавѣтно любящая женщина допускаютъ женитьбу своего кумира на неизвѣстной имъ особѣ, не освѣдомившись предварительно о томъ, кто предлагаемая невѣста и что она такое. Вѣра Павловна ограничивается очень неопредѣленными свѣдѣніями, сообщенными вскользь Тольхомъ, что она «добрая» и «хорошая», когда у Вѣры Павловны есть подъ руками шелопай Николинька, готовый всюду мчаться и развѣдать всю подноготную за пять рублей. Къ тому же и для самого Николиньки любовникъ его жены — тоже «кумиръ». Неправдоподобно и неестественно и то обстоятельство, что *всѣ* вѣрятъ въ огромное богатство Риммы на томъ основаніи, что она беретъ деньги безъ счета изъ бумажника князя и что старикашка обѣщалъ сдѣлать ее своею наслѣдницей. Такой основательный выжига, какъ Александръ Киѣевъ, не можетъ удовлетвориться какими-то неопредѣленными надеждами. Необъяснимо, а слѣдовательно и невѣроятно «самопожертвованіе» Вѣры Павловны. Мы готовы допустить, что экзальтированная женщина способна отстранить себя и восторженно уступить любимаго человѣка другой женщинѣ, въ которую ея «кумиръ» страстно влюбленъ и безъ которой онъ жить не можетъ. Въ первыхъ двухъ актахъ нѣтъ и помина о любви Александра къ Риммѣ, и впечатлѣніе получается такое, что всѣ его усватываютъ невѣдомо ради какихъ причинъ. Киѣевъ-отецъ, старый, мягкотѣлый и добродушно-глуповатый, ничего не видитъ и не понимаетъ, тогда какъ Вѣра Павловна, неглупая женщина,—какъ полагаетъ авторъ,—смекаетъ кое-что недоброе во второмъ актѣ, говоритъ объ этомъ старику и тотчасъ же успокоивается. Въ дѣйствительной жизни это немыслимо: всякая женщина въ ея положеніи, заподозривши то, что ей показалось неладнымъ, неукоснительно потянула бы къ отвѣту Тольха и Николиньку, употребила бы всѣ средства къ тому, чтобы добраться до правды, и ни передъ чѣмъ не остановилась бы для того, чтобы разстроить свадьбу и спасти отъ позора своего божка. Такимъ образомъ вся первая половина пьесы оказывается сплошною несообразностью, до крайности плохою выдумкой автора, не имѣющею ни малѣйшаго сходства съ дѣйствительною жизнью. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ проходитъ полгода. Молодые Киѣевы успѣли съѣздить за границу, устроить диковинный заводъ, пустить въ ходъ необычайныя изобрѣтенія. Вѣра Павловна живетъ съ Николинькой рядомъ съ усадьбой князя, продолжаетъ безпрерывно видаться съ Тольхомъ, оба эти молодца знаютъ доподлинно, въ какую яму залѣзъ Александръ К рѣевъ, и ни тотъ, ни другой не проговорились объ этомъ Вѣрѣ Па. ловнѣ до того момента, когда авторъ нашелъ *нужнымъ* это сдѣлат Должно быть, за эти полгода между Вѣрой, Николинькой и Тольхом ни разу не было помина о ихъ отсутствующемъ, а потомъ вернувшем ся, другѣ. Четвертый актъ, по существу дѣла ни на что ненужный, з нятъ сплошь необыкновенно скучнымъ, жеманно сдѣланнымъ нытье

старика Кирѣева... Конецъ акта просто забавенъ своею наивностью... Такому сокрушенію ослѣпленнаго любовью родителя можно, пожалуй, повѣрить съ нѣкоторою натяжкой. Но мы рѣшительно отказываемся вѣрить тому, что Вѣра Павловна, прожившая *десять* лѣтъ чуть не въ супружескомъ союзѣ съ Александромъ, не разобрала, что это за господинъ.

Отецъ могъ, какъ-никакъ, завопить: «мнѣ его подмѣнили». А для Вѣры Павловны «подмѣнилъ его» авторъ по щучьему велѣнію, по своему измышленію... Что такое дѣйствующія лица, собранныя въ букетъ г. Борисовымъ? Кирѣевъ-отецъ—простакъ въ «розовыхъ очкахъ», сохранившій до 60-лѣтняго возраста умъ 5-лѣтняго младенца. Его въ сторону,—онъ добръ, скученъ и глупъ. Дружественное тріо: «Вѣрунчикъ», ея любовникъ и мужъ, живущіе въ «умилительномъ» согласіи, — весьма противно, именно, такимъ сожительствомъ, не менѣе гадко, чѣмъ другое такое же тріо — Римма, ея мужъ и дряхлый любовникъ. Между ними Тольхъ и «тетенька» представляютъ собою парочку, занимающуюся такою профессіей, опредѣлить которую однимъ весьма извѣстнымъ словомъ не дозволяетъ пристойность. Очевидно, излюбленный авторомъ «Николиньки»— гаденькій прохвостъ самаго мелкаго пошиба, довольствующійся рублевыми подачками «на выпивку». Тольхъ — прохвостъ, немного покрупнѣе, требующій за свои услуги не «пятищницы», а чеки, и протягивающій свои лапки къ 50 тысячамъ. Кумиръ-Александръ — еще болѣе крупный прохвостъ, торгующій собой и своей молодою женой за большую сумму. Князь—престарѣлый негодяй, развращающій 16-лѣтнюю дѣвочку, свою дальнюю родственницу, при содѣйствіи «тетеньки», и покупающій своей содержанкѣ браваго мужа, при помощи подкупленныхъ пріятелей этого послѣдняго... Хороша компанія! — Результатъ: князь поживетъ всласть сколько ему положено, умащаемый по ночамъ цѣлебными мазями нѣжными ручками своей «внучки» и выкидывая ежедневно подачки всякимъ паразитамъ, и отойдетъ въ вѣчность, оберегаемый милою супружескою парочкой отъ покушеній измѣнить свое завѣщаніе. Геніальный механикъ Кирѣевъ будетъ продолжать свою «механику», терпѣливо ожидая того вожделѣннаго времени, когда его милая супруга освободится отъ своихъ «родственныхъ» обязанностей и передастъ ему благопріобрѣтенные милліоны. «Тетенька» будетъ получать отъ щедротъ князя пожизненную пенсію и, несомнѣнно, найдетъ молоденькую племянницу, съ которою распорядится— какъ выше писано. Тольхъ безпечально проживетъ сватовствомъ и маклерствомъ до тѣхъ поръ, пока на его долю не выпадетъ такое же счастье, какимъ ловко воспользовался его добрый другъ Шура. Николинька будетъ еженедѣльно занимать у князя по 25 рублей, а по его кончинѣ будетъ пользоваться такимъ же благосклоннымъ кредитомъ у бывшаго любовника жены. Вѣра Павловна будетъ культивировать свою высокую добродѣтель и любоваться собой, какъ она до сихъ поръ непрестанно любовалась. Утопится или не утопится старикъ Кирѣевъ, этого мы не знаемъ и предугадать не можемъ, какъ нельзя предвидѣть, застрѣлится или нѣтъ человѣкъ,

заряжающій пистолетъ. Чего же ради авторъ поднимаетъ и вытаскиваетъ на сцену всю эту грязь? Изъ его пьесы нельзя выжать ни само-малюсенькой идеи, ни даже того, что «подававшій надежды» молодой человѣкъ превратился въ сущаго «идола» потому, что папаша и близкіе люди сдѣлали его своимъ «кумиромъ». Превращеніе совершилось далеко до начала пьесы, въ которой не объяснено — какъ и въ силу какихъ причинъ оно произошло, если только было на самомъ дѣлѣ какое-либо превращеніе... Крайне плохая пьеса г. Борисова не даетъ рѣшительно никакого матеріала артистамъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что даже такіе исполнители, какъ г-жи Ермолова и Садовская и гг. Южинъ, Рыбаковъ и Горевъ, изъ ничего не смогли сдѣлать что-нибудь. Переигралъ только одинъ г. Правдинъ, изобразившій князя почти выжившимъ изъ ума старикомъ, настолько дряхлымъ, что онъ вотъ-вотъ разсыплется. Мы думаемъ, что князь Тамановъ, единственная въ пьесѣ фигура, не совсѣмъ ординарная и шаблонная, изъ которой, при иной интрепретаціи, можно было сдѣлать нѣчто похожее на типъ стараго богача, утратившаго всякое нравственное чувство по милости своихъ милліоновъ и вслѣдствіе привычки всѣхъ покупать и отъ всего откупаться деньгами, невозмутимо и презрительно говоря только одно слово: «сколько?»

Ан.

Программа шестого симфоническаго собранія главнымъ образомъ состояла изъ произведеній Вагнера. Были исполнены: увертюра къ оп. «Морякъ-Скиталецъ», заключительная сцена изъ музык. драмы «Гибель боговъ». Кромѣ этихъ произведеній въ этотъ вечеръ исполнялись: увертюра къ оп. «Ифигенія въ Авлидѣ»—Глюка (съ окончаніемъ Вагнера); симфоническая поэма «Festklange»—Листа и пѣсни и романсы Шуберта, Шумана, Сенъ-Санса, Масенэ, исполненные г. Ореліо, пѣвшаго партію Вотана въ «Валькиріи». Музыка Вагнера если и не поражаетъ оригинальностью идей и строгостью разработки, то во всякомъ случаѣ освѣщеніе ихъ настолько своеобразно, что взрѣдка слушать его произведенія даже поучительно. Для Вагнера музыкальные звуки были только матеріаломъ для выраженія его своеобразныхъ тенденцій на цѣлую область искусства — музык. драму, а не матеріаломъ для передачи душевныхъ настроеній, драматическаго или лирическаго характера. Вслѣдствіе этого, музыка Вагнера не трогаетъ слушателя, а поражаетъ своею сильною преднамѣренностью. Уже по инструментовкѣ можно судить, что музыка для Вагнера не самостоятельное искусство, а прикладное, усиливающее впечатлѣніе драмы. Насколько Вагнеръ успѣлъ въ этомъ, обсуждать здѣсь не мѣсто, но во всякомъ случаѣ онъ указалъ новый путь примѣненія музыки къ сценическимъ представленіямъ. Исполненіе вышепоименованныхъ произведеній Вагнера отличалось большою старательностью. Увертюра Глюка имѣетъ только прелесть стиля старинныхъ мастеровъ и послѣ вагнеровскихъ произведеній кажется бѣдною по инструментовкѣ и однообразною по содержа-

нію. Увертюра эта, отдѣленная отъ оперы для самостоятельнаго исполненія, имѣетъ окончанія Моцарта и другихъ композиторовъ. Поэма Листа наглядньмъ образомъ изображаетъ торжество звуковъ надъ талантливостью автора къ писанію оркестровыхъ произведеній. Можетъ быть, болѣе выдающееся исполненіе поэмы и помогло бы намъ уяснить художественныя достоинства ея, но теперь они для насъ пока скрыты. Пѣвецъ г. Ореліо имѣетъ голосъ не важный, но поетъ музыкально и производитъ впечатлѣніе пѣвца съ опредѣленною школой.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1797 году, въ Вѣнѣ родился одинъ изъ геніальныхъ представителей музыкальнаго искусства—Францъ Шубертъ. Бѣдность, малая извѣстность, разныя неудачи преслѣдовали при жизни основателя нѣмецкой художественной пѣсни. Только послѣ смерти, благодаря содѣйствію Шумана и другихъ знаменитыхъ собратовъ по искусству, — произведенія Шуберта начинаютъ пріобрѣтать популярность и находить издателей. Въ наши дни произведенія Шуберта изучаются въ консерваторіяхъ, входятъ въ составъ классическаго репертуара выдающихся артистовъ и служатъ украшеніемъ программы солидныхъ концертовъ и симфоническихъ вечеровъ. Его геніальность оцѣнена теперь достаточно, и онъ поставленъ въ ряду великихъ музыкантовъ Бетховена, Шумана и другихъ. Въ седьмомъ симфоническомъ собраніи исполнена была его лучшая симфонія C-dur, про которую Шуманъ, говорятъ, отозвался, что это десятая муза, послѣ девяти бетховенскихъ. Дѣйствительно, это перлъ симфонической музыки, несмотря даже на свойственный Шуберту недостатокъ—растянутость содержанія. Исполнена она была настолько удачно, что мы примиряемся съ недостатками исполненія, зависящими отъ личности дирижора. Въ этотъ вечеръ солистами были: волторнистъ Луи Саваръ и піанистъ г. Сапельниковъ. Г. Саваръ исполнилъ концертъ для волторны E-dur, соч. 106—Моцарта; въ исполненіи онъ выказалъ прекрасный тонъ, отличную технику (стоката) и довольно рѣдкую принадлежность виртуозной техники на волторнѣ—трель. Въ общемъ исполненіе г. Савара произвело на публику пріятное впечатлѣніе и, онъ долженъ былъ повторить послѣднюю часть концерта. Г. Сапельниковъ сыгралъ концертъ Бетховена G-dur, соч. 58 и на бисъ рапсодію Листа и Berceuse—Шопена. Игра его производитъ тоже хорошее впечатлѣніе, онъ имѣетъ блестящую технику, пріятный тонъ и нужную для исполненія экспрессивность. Въ заключеніе вечера было исполнено геніальное попури «Ночь въ Мадридѣ»—Глинки; это произведеніе настолько изобилуетъ непосредственнымъ творчествомъ и чудными испанскими мелодіями, что его всегда послушать можно съ удовольствіемъ, а нетрудность исполненія даетъ возможность дирижору быть на своемъ мѣстѣ, не рискуя попасть въ просакъ.

Шестой симфоническій концертъ находился подъ управленіемъ дирижора г. Никодэ и съ участіемъ віолончелиста г. Кленгеля. Г. Никодэ оказался прекраснымъ дирижоромъ и отлично провелъ произведеніе Берліоза—эпизодъ изъ жизни артиста. Главное достоинство его дирижированія заклю-

чается въ ясной и отчетливой распланировкѣ деталей художественнаго произведенія. Общая картина исполненія, можетъ быть, и страдаетъ нѣсколько отсутствіемъ вдохновенія, но за то бываютъ моменты дѣйствительно художественныя. Исполняя свои симфоническія варіаціи для оркестра, г. Никодэ показалъ себя солиднымъ музыкантомъ-композиторомъ, имѣющимъ изящный вкусъ въ инструментовкѣ и хорошую техническую подготовку. Если произведеніе и не блещетъ новизною мыслей и способомъ выраженія, то слушать его все-таки очень пріятно. Юліусъ Кленгель—віолончелистъ съ громадною техникой, но его тонъ и выразительность исполненія оставляютъ желать еще многаго. Эти недостатки невольно заставляютъ слушателя сосредоточивать свое вниманіе только на ловкости пальцевъ и смычка исполнителя. Исполненный имъ собственный концертъ для віолончеля (D-moll, № 2), выдающагося по музыкѣ ничего не представляетъ; техническая же сторона исполненія передана была превосходно. Колыбельная пѣснь—Годара и Perpetuum mobile—Фицентагена сыграны очень хорошо, въ особенности послѣднее произведеніе.

Поставленная въ Солодовниковскомъ театрѣ опера «Псковитянка», представляетъ изъ себя весьма оригинальное и самобытное художественное явленіе. Обособленность ея художественнаго значенія проявляется въ томъ, что по стилю она не можетъ быть причислена ни къ одному изъ существующихъ оперныхъ стилей итальянскаго, французскаго, нѣмецкаго (съ Вагнеромъ во главѣ) характеровъ, ни даже русскаго послѣ-глинковскаго періода. Стиль оперы получается фантастичнымъ, не принадлежащимъ какой-либо опредѣленной школѣ, а можетъ быть причисленъ всѣмъ школамъ, временамъ и народамъ понемногу. Сюжетъ оперы заимствованъ изъ драмы Мея, того же названія, и вкратцѣ заключается въ слѣдующемъ: Ольга, пріемная дочь намѣстника въ Псковѣ, Токмакова, влюблена въ посадничьяго сына Михаила Тучу, но просватана за боярина Матуту; городъ Псковъ, взволнованный появленіемъ царя, раздѣляется на партіи, вслѣдствіе чего Туча долженъ былъ удалиться изъ города; этимъ временемъ Матута похищаетъ Ольгу, но объ этомъ узнаетъ царь и распутываетъ дѣла по-своему; отъ Токмакова онъ узнаетъ, чья Ольга дочь, и признаетъ ее за свою; Туча, провѣдавъ, что Ольга находится въ ставкѣ царя, собирается выручить ее оттуда; попытка Тучи кончается неудачею, а Ольга погибаетъ подъ выстрѣломъ во время нападенія на ставку. Музыка оперы основана вся на мелодическомъ речитативѣ и аріозномъ пѣніи; закругленныхъ арій и законченныхъ музыкальныхъ моментовъ въ ней нѣтъ. Хоры и ансамбли, существующіе въ оперѣ, тоже являются не самостоятельными въ своемъ теченіи, а только продуктами сценическихъ положеній, но и въ этомъ видѣ мало развиты. Внутреннее богатство оперы зиждется на разнообразіи аккордовыхъ комбинацій, и уже съ первыхъ аккордовъ увертюры слышится большая изобрѣтательность автора въ гармоническихъ сочетаніяхъ.

Тѣ мелодическіе оазисы, которые попадаются въ оперѣ и которые, мо-

жетъ быть, вслѣдствіе рѣдкости начинаютъ заинтересовывать слушателя, являются только въ качествѣ національнаго характера оперы. Написана опера въ смыслѣ историческаго рисунка и правильности голосоведенія, — превосходно и безподобно инструментована. Такое впечатлѣніе произвелъ на насъ этотъ шедевръ музыкальнаго знанія и большой композиторской опытности. Захватывающихъ моментовъ драмы и трогающихъ душу лирическихъ изліяній, а также истиннаго музыкальнаго вдохновенія — мы въ оперѣ не нашли; но за то во всемъ видѣли недюжинный умъ автора и усидчивую, кропотливую технику. Надъ такими произведеніями нужно учиться, слушать же ихъ въ смыслѣ художественнаго удовольствія нечего. Слишкомъ много въ нихъ холоднаго ума, и непосвященной въ тонкости искусства публикѣ трудно проникнуть и оцѣнить ихъ достоинства. Клавираусцугъ оперы изданъ муз. фирмой Бессель, переложенъ партитурнымъ способомъ, для игры неудобенъ и стоитъ дорого. Объ исполнителяхъ можно сказать, что они въ сущности всѣ плохи; нѣсколько выдѣлялся своею дикціей г. Шаляпинъ, но по типу, изображая грознаго царя, скорѣе напоминалъ выпившаго крестьянина съ манерами итальянскаго трагика дурного пошиба.

Опера *Опричникъ*, Чайковскаго, поставленная въ томъ же театрѣ, — одно изъ первыхъ его произведеній въ этомъ жанрѣ. Опера носитъ слѣды талантливой молодости, еще не отступающей прямо отъ образцовъ другихъ оперныхъ мастеровъ. Въ ней есть аріи, дуэты и всякіе ансамбли съ хорами включительно, не претендующіе на оригинальность и самобытность, хотя и имѣющіе задатки самостоятельнаго будущаго. Проредактированная въ болѣе поздній періодъ творческой дѣятельности, она является передъ нами хотя молодымъ, но законченнымъ цѣлымъ. Сюжетъ оперы заимствованъ изъ трагедіи то же имени Лажечникова. Молодой боярин Морозовъ, влюбленный въ дочь князя Жемчужнаго, желая пріобрѣсти ее въ жены, а также достать себѣ богатство и почетъ, — дѣлается опричникомъ у Грознаго; его мать вдова, Морозова, благосклонно смотритъ на любовь сына, но, узнавъ, что онъ перешелъ въ опричину, проклинаетъ его князь Вязьминскій, пылая местью къ Морозовымъ, устраиваетъ всякія помѣхи молодому Морозову, а когда онъ, наконецъ, женится на Натальѣ, то разлучаетъ ихъ, отводя новобрачную къ Грозному, а Андрея на плаху опера оканчивается смертью матери Морозовой и торжествомъ князя Вязьминскаго. Музыка оперы по характеру мало имѣетъ русской самобытности, хотя нѣкоторые обороты мелодій и отрывки мотивовъ русскіе. Общая концепція оперы нѣсколько напоминаетъ мейерберовскій стиль. Внимательно вслушиваясь въ музыку оперы, можно сказать, что если она и не представляетъ высокаго художественнаго произведенія опредѣлившагося таланта, то во всякомъ случаѣ даетъ возможность судить о размѣрахъ его. Если бы Чайковскій писалъ всѣ свои оперы по образцу *Опричника*, то и тогда онъ могъ бы дописаться до полной оригинальности. Исполненіе оперы намъ совершенно не понравилось. Если оно не было сплошь плохимъ, то

и моменты хорошаго были настолько рѣдки, что составляли какое-то пріятное заблужденіе, о которомъ навѣрно не вѣдали и сами исполнители. Постановка оперы во внѣшнемъ, декоративномъ отношеніи, въ различныхъ аксессуарахъ, тоже требуетъ многихъ разъясненій. Впрочемъ, отъ частной антрепризы можно этого строго и не требовать, нужно было только повнимательнѣе отнестись къ содержанію. Хорошая частная опера въ Москвѣ необходима, нужно только, чтобы во главѣ дѣла стояли люди вполнѣ компетентные, и тогда предпріятіе навѣрно будетъ имѣть успѣхъ.

Въ этомъ же театрѣ мы слышали оперу *Богема* въ 4 дѣйствіяхъ, музыка Д. Пуччини. Постановка этой оперы еще разъ подтверждаетъ, что администрація театра больше заботится о новостяхъ, не заботясь о хорошемъ, общемъ и детальномъ ихъ исполненіи. Ставить такія произведенія вовсе нѣтъ нужды, хотя, быть можетъ, за границею они и имѣютъ свой raison d'etre. У насъ есть своихъ достаточно хорошихъ оперъ, стоитъ только ихъ болѣе обдуманно ставить.

Авторъ оперы если и имѣетъ нѣкоторый музыкальный талантъ, то въ дѣлѣ оперной фактуры онъ плохо еще смыслитъ. Нельзя писать оперы на сюжетъ, отчего зимою снѣгъ бываетъ, а лѣтомъ дождь идетъ; а если уже такой сюжетъ попался подъ руку, то нужно это дѣлать съ полнымъ знаніемъ оперная искусства въ частности и музыкальной компетентности въ общемъ. Публика, слушая эту оперу, могла только удивляться долготерпѣнію гг. артистовъ, выучившихъ такую галиматью. Впрочемъ и охотниковъ для оцѣнки этого артистическаго дѣйствія находилось мало.

Эжень д'Альберъ и Іосифъ Гофманъ, давшіе концерты въ прошломъ мѣсяцѣ, представляютъ два интереснихъ типа современной фортепіанной виртуозности. Расцвѣтающій талантъ Гофмана видимо начинаетъ концентрироваться въ направленіи глубокаго передаванія содержанія произведеній. Техника у него превосходная, тушэ даетъ возможность легко передавать экспрессію пѣнія, вдумчивость при передачѣ произведеній,—даютъ въ общемъ очень поэтическую фигуру молодого артиста. Талантъ д'Альбера находится въ полной силѣ своего развитія. По феноменальной техникѣ и колоссальной силѣ онъ не можетъ быть и сравниваемъ съ другими виртуозами. Мы не слыхали Листа, но, по преданію, игрою своей онъ изображалъ цѣлый оркестръ, невольно заставляя слушателей забывать, что онъ сидитъ за роялью. Вотъ и д'Альберъ, играя невѣроятныя трудности съ легкостью, доступною только развѣ собранію людей въ оркестрѣ, и тонъ и тушэ имѣетъ совершенно оркестровыя. Его воздушное піаниссимо, гигантское форте и ласкающая нѣжность моментовъ чувствительности—все имѣетъ характеръ изображенія на ф.-п. оркестровыхъ эффектовъ и впечатлѣній. Кто больше правъ въ своихъ интерпретаціяхъ, имѣя въ виду свойство инструмента? Мы стоимъ на сторонѣ д'Альбера. По нашему мнѣнію, рояль—инструментъ не для исполненія психическихъ тонкостей и глубокаго чувства,—для этого у него нѣтъ протяженности звука и изліянія его силы. Это инструментъ, могущій изобра-

жать эскизно, только общую картину музыкальныхъ образовъ, не затрогивая сущности ихъ, глубины. Напрасно піанисты кривляньемъ пальцевъ и потряхиваніемъ головы думаютъ придать своему исполненію душу и возбудить въ слушателяхъ трогающее художественное чувство. Природу инструмента имъ побѣдить не удастся, для этого нужно изобрѣсти что-нибудь новое, а положеніемъ своимъ за роялью они возбуждаютъ только несправедливыя толкованія не понимающихъ ихъ. Публика своимъ посѣщеніемъ видимо отдавала предпочтеніе Гофману, что объясняется его молодостью и уже выдающеюся виртуозностью; къ д'Альберу же относилась въ высшей степени несправедливо, такъ какъ онъ по своей артистической зрѣлости во всякомъ случаѣ первый піанистъ въ мірѣ.

Александръ Барсовъ.

Двѣ грядущія годовщины.

Близится столѣтіе со дня рожденія двухъ величайшихъ славянскихъ поэтовъ: 24 декабря 1798 года родился Мицкевичъ, 26 мая 1799 года—Пушкинъ. Творцу *Евгенія Онѣгина* Россія уже воздвигла въ Москвѣ «мѣдную хвалу». Теперь настала очередь для такой же хвалы другу нашего великаго Пушкина.

Издающаяся въ Петербургѣ польская газета *Kraj* *) перепечатала изъ *Газеты Радомской* статью, въ которой возбужденъ вопросъ о чествованіи Мицкевича въ будущемъ году и о постановкѣ ему памятника въ Варшавѣ. Мы охотно присоединились бы къ мысли воздвигнуть статую Мицкевича въ Москвѣ, противъ памятника Пушкину, но, конечно, Варшава имѣетъ первенствующее право почтить великаго польскаго поэта. Постановка памятника Мицкевичу теперь, когда польское и русское общественное мнѣніе возмужало, когда великіе интересы нашего государства повелительно требуютъ справедливыхъ и доброжелательныхъ отношеній съ братскимъ народомъ, была бы актомъ и вполнѣ заслуженной благодарности, и большого политическаго такта. До сихъ поръ раздаются, къ сожалѣнію, въ нашей печати злобные голоса, кричащіе о томъ, что «горе побѣжденнымъ». Но не въ духѣ русскаго народа эти крики, постыла русскому сердцу политика, направленная къ тому, чтобы насильственно обрусить какой бы то ни было народъ. На нашемъ *государственномъ* языкѣ писали Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ; представители этого языка, Тургеневъ, Толстой,—пріобрѣли всемірную знаменитость. *Такой* языкъ не нуждается въ полицейскомъ содѣйствіи. Мы вполнѣ признаемъ, что русскій языкъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, долженъ быть обязателенъ для всѣхъ народностей, населяющихъ имперію; но мы считаемъ безнравственнымъ и нелѣпымъ стремленіе вытѣснить нашею рѣчью родную рѣчь этихъ народностей.

Подумали ли серьезно враги честнаго, безпристрастнаго соглашенія съ поляками, какую великую силу прибавило бы такое соглашеніе нашему государству? Неужели наши доморощенные Макіавелли и Ришельѣ не по-

*) *Kraj*, 31 января.

нимаютъ, что правило: живи и другимъ давай жить,—прекрасное и благоразумное по отношенію къ отдѣльному человѣку, имѣетъ еще большее значеніе въ отношеніяхъ народа къ народу? Публицисты, неустанно увѣряющіе своихъ читателей, что они-то именно и являются истолкователями смысла русской исторіи и указателями ея дальнѣйшихъ путей, и ссылающіеся при этомъ на славянофиловъ,—не помнятъ или совсѣмъ не знаютъ развѣ отношенія къ польскому вопросу Хомякова или Аксакова? Говоря объ освобожденіи крестьянъ въ Польшѣ, Аксаковъ писалъ въ *Днѣ*: «Развитію *польской* народности положено на-днях *Россіей* такое новое широкое основаніе, котораго до сихъ поръ не могла выработать вся тысячелѣтняя исторія Польши». По поводу этой и другой статьи въ *Днѣ*, по польскому же вопросу, покойный Страховъ, котораго такъ превозносятъ *Московскія Вѣдомости*, *Русское Обозрѣніе* и ихъ единомышленники, высказывалъ полное согласіе со взглядами Аксакова. Страховъ писалъ, что нѣтъ въ мірѣ прочной побѣды, кромѣ побѣды нравственной, что всякія соображенія государственной пользы поведутъ только ко вреду, если они основываются не на возвышеніи и укрѣпленіи нравственнаго достоинства подданныхъ, а на его извращеніи. Такъ говорили люди, которыхъ нынѣшніе «охранители» облыжно называютъ своими учителями.

Еще разъ привѣтствуемъ мысль о польской, русской и вообще славянской подпискѣ на памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ.

В. Гольцевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Намъ приходилось нѣсколько разъ указывать на неудовлетворительность дѣйствующей во Франціи системы налоговъ. Преобладаніе косвенныхъ податей, и притомъ на предметы необходимости, ясно свидѣтельствуетъ о неравномѣрности налоговаго бремени. Кабинетъ Леона Буржуа приступилъ было къ серьезнымъ преобразованіямъ въ этомъ отношеніи, но встрѣтилъ упорное противодѣйствіе со стороны заинтересованныхъ классовъ и принужденъ былъ выйти въ отставку. Министерство Мелина-Ганото, напирая на иностранную политику, въ которой оно подчеркиваетъ дружественное согласіе съ нашимъ отечествомъ, старается полууступками и компромиссами достигнуть временнаго улучшенія бюджета. Уже много разъ при этомъ подымалась рѣчь о монополіи продажи спиртныхъ напитковъ. Въ январьской книжкѣ *Политическаго и Парламентскаго обозрѣнія* *) напечатана интересная статья, посвященная этому вопросу. Ея авторъ, сенаторъ Эрнстъ Буланже, указываетъ, что на финансовую политику правительства сильно вліяла заинтересованная въ барышахъ сторона, т.-е. заводчики и продавцы спиртныхъ напитковъ. Теперь однако, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выработанъ законопроектъ, который ходитъ изъ палаты депутатовъ Французской республики въ сенатъ и обратно. Этотъ законопроектъ имѣетъ въ виду уменьшить на 13 милліоновъ франковъ обложеніе пива и уничтожить акцизъ съ розничной продажи вина на 130 милліоновъ. Взамѣнъ предполагается рядъ сборовъ на разрѣшеніе винной продажи, на ликеры и т. д., примѣрно на 68 милліоновъ, и увеличеніе налога на алкоголь. Буланже считаетъ эти предположенія неточными и весьма оптимистическими. Предложеніе ввести во Франціи монопольную казенную продажу спиртными напитками встрѣчаетъ также сильныя возраженія. Противники этой монополіи доказываютъ, что государство—плохой продавецъ, что не слѣдуетъ питейному доходу отводить сколько-нибудь значи-

*) E. Boulanger: *La réforme des Boissons*, étude financière (*Revue Politique et Parlementaire*, 10 janvier: 1897). Въ этомъ журналѣ печатаются изслѣдованія по вопросу о торговлѣ спиртными напитками въ другихъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи.

тельное мѣсто въ ряду государственныхъ доходовъ. Съ послѣднею мыслью нельзя не согласиться. Основныя финансовыя требованія должны быть согласованы съ требованіями нравственности, физическаго здоровья и экономическаго благосостоянія, и несомнѣнно поэтому, что государство должно стремиться къ уменьшенію потребленія спиртныхъ напитковъ, а стало быть и дохода отъ нихъ на пользу казны.

При нынѣшней палатѣ и въ министерство Мелина,—мы уже высказывали это мнѣніе,—мудрено разсчитывать на сколько-нибудь крупныя экономическія и финансовыя реформы во Франціи. Поучительно познакомиться съ мнѣніями просвѣщенныхъ представителей умѣренной республиканской партіи, которые не скрываютъ трудностей настоящаго положенія и нелегкихъ задачъ ближайшаго будущаго. Къ числу такихъ республиканцевъ принадлежатъ Марсель Фурнье, директоръ *Политическаго и Парламентскаго Обозрѣнія*. Въ концѣ прошлаго года, на банкетѣ, данномъ этимъ журналомъ, послѣ горячаго привѣтствія его редакціи, которое было сказано министромъ внутреннихъ дѣлъ, Барту, Фурнье произнесъ программную рѣчь.

Когда былъ основанъ названный журналъ,—а онъ, замѣтимъ мы, выходитъ только четвертый годъ,—большая правительственная республиканская партія (grand parti républicain de gouvernement) была почти не организована. Фурнье и его товарищи задались цѣлью создать такую организацію. Для этого они начали издавать *Revue Politique et Parlementaire*, приступили къ устройству для депутатовъ особаго бюро для справокъ и изученія законодательныхъ вопросовъ и имѣютъ въ виду заняться дѣятельною пропагандой политическихъ знаній, въ подражаніе тому, что дѣлается англичанами и американцами (*Extension University Movment*). *Обозрѣніе,* по словамъ его основателя, пользуется большимъ успѣхомъ и авторитетомъ. Бюро открыто съ января нынѣшняго года. Оно заключаетъ въ себѣ старые и новые законы и проекты по всѣмъ отраслямъ французской парламентской дѣятельности, отчеты, парламентскіе дебаты и т. д. Если дозволятъ средства, къ французскимъ документамъ этого рода будутъ присоединены иностранные. Въ другомъ отдѣленіи бюро будутъ систематически сосредоточиваться политическія программы, рѣчи, статьи и заявленія выдающихся политическихъ дѣятелей.

Для правильной постановки пропаганды политическихъ идей,—говоритъ Фурнье,—партія, къ которой онъ принадлежитъ, ничего еще не сдѣлала, забывши великій примѣръ и завѣты Гамбетты. Ничего не можетъ сдѣлать она, по недостатку средствъ, и въ ближайшемъ будущемъ. На это можно возразить, что въ такомъ случаѣ или Фурнье съ его товарищами вовсе не выражаютъ цѣлей и стремленій своей партіи, или партія эта вовсе не великая правительственная партія. Иначе средства нашлись бы.

А пока само *Обозрѣніе* выражаетъ неудовольствіе на то, что бюджетъ не былъ во время разсмотрѣнъ и принятъ въ парламентѣ, гдѣ преобладаетъ именно *великая правительственная партія*. Не совсѣмъ довольно

оно и иностранною политикою правительства. Въ иностранной политической хроникѣ журнала Ф. Прессансе, соглашаясь, что терпѣніе есть добродѣтель сильныхъ, замѣчаетъ однако, что избытокъ этой добродѣтели выгоденъ для недобросовѣстнаго противника. Въ такихъ отношеніяхъ находятся въ настоящее время великія европейскія державы и Турція. Дипломатія старалась вразумить султана, что для его же собственнаго спасенія, для предотвращенія крушенія Оттоманской имперіи, необходимы реформы и для христіанскаго, и для магометанскаго населенія Турціи. Султанъ слушалъ эти совѣты, обѣщалъ исполнить желанія европейскихъ державъ и въ то же время занимался попустительствомъ и подстрекательствомъ невѣжественныхъ фанатиковъ. Военныя европейскія суда стоятъ передъ Константинополемъ, а улицы этого города обагряются кровью... То же самое происходило и на островѣ Критѣ. Въ то время, когда пишутся эти строки, дипломатическій темпъ событій былъ внезапно ускоренъ вмѣшательствомъ Греціи, которая послала эскадру къ несчастному острову. Переписка была прервана пушечными выстрѣлами. Надо надѣяться, что теперь Европа отъ словъ перейдетъ къ дѣлу. Конечно, вмѣшательство Греціи неблагоразумно и въ интересахъ европейскаго мира необходимо не допустить войны между Турціей и Греціей; но нельзя не сочувствовать этой попыткѣ вырвать у палача его жертву. Что можемъ въ особенности мы, русскіе, возразить противъ помощи, которую православные греки королевства стремятся оказать православнымъ грекамъ, избиваемымъ въ мусульманской имперіи? Не мы ли, по тѣмъ же благороднымъ и великодушнымъ побужденіямъ, освободили и сербовъ, и румынъ, и болгаръ?

Дипломатовъ старой школы очень пугаетъ мысль о томъ, что подобнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Турціи колеблятся консервативныя начала, умаляется авторитетъ государственной власти. Но развѣ теперешнее состояніе Турціи соединимо съ понятіемъ о нормальной государственной власти? При теперешнихъ порядкахъ въ ней невозможно жить не только христіанамъ, но и магометанамъ, разъ они предъявляютъ къ общественной жизни минимальныя общеевропейскія требованія. Въ этомъ отношеніи любопытенъ меморандумъ, разосланный державамъ, подписавшимъ парижскій и берлинскій трактаты отъ разныхъ группъ, требующихъ введенія въ Турціи реформъ, торжественно обѣщанныхъ этими трактатами. Царствованіе Абдулъ-Гамида, говорится въ меморандумѣ, до сихъ поръ принесло оттоманскому народу только потерю территорій, избіенія, паденіе нравственнаго уровня, матеріальное разореніе. Меморандумъ жалуется на то, что европейскія державы ограничивались до сихъ поръ энергическими по формѣ, но совершенно безплодными протестами. «Арабы, греки, турки, армяне, всѣ оттоманскіе подданные, мусульмане и не мусульмане,—мы страдаемъ отъ тѣхъ же золъ, отъ тѣхъ же преслѣдованій и несправедливостей, и мы всѣ стремимся къ нормальному состоянію, приносящему серьезное равенство, безопасность жизни, чести и имущества, гарантіи и контроль, на которыя имѣетъ право въ этомъ

столѣтія каждое общество» *). Меморандумъ указываетъ, что дѣло дошло теперь до остраго кризиса и дальнѣйшія дипломатическія проволочки приведутъ неизбѣжно къ глубокому потрясенію.

Съ понятною тревогой слѣдитъ за развитіемъ событій въ Турціи ея ближайшая сосѣдка, Австро-Венгрія. Распаденіе оттоманской имперіи застигаетъ ее врасплохъ. Дѣло «умиротворенія» Босніи и Герцеговины, ихъ австро-нѣмецкая «цивилизація» далеко еще не закончена. Славянское населеніе этихъ областей терпитъ отъ онѣмечивающей политики правителя графа Каллая, но жалобы эти населенія не принимаются императоромъ. Въ случаѣ катастрофы, Австро-Венгрія пожелаетъ помѣшать усиленію Сербіи и Черногоріи, а для этого ей придется захватить на Балканскомъ полуостровѣ новыя территоріи. Но такой захватъ влечетъ за собою и опасности: славянское населеніе Габсбургской монархіи, и безъ того превышающее нѣмецкое и мадьярское, получитъ новое приращеніе; сербы, которыхъ можетъ присоединить къ себѣ Австро-Венгрія, не перестанутъ тяготѣть къ Черногоріи и сербскому королевству. Соперничество между болгарами, сербами и греками въ Македоніи еще болѣе усложняетъ положеніе. Можно надѣяться, что дѣло не дойдетъ до войны, такъ какъ наше правительство не ищетъ никакихъ пріобрѣтеній на счетъ Турціи и твердо рѣшилось охранять европейскій миръ.

Внутреннее положеніе самой Австро-Венгріи если и далеко отъ кризиса, то во всякомъ случаѣ переходное, исполненное многообразныхъ затрудненій. Предстоящіе выборы въ парламентъ, по новому закону, приведутъ, по предположенію компетентныхъ людей, къ усиленію въ рейхсратѣ клерикальныхъ и славянскихъ элементовъ. Густавъ Конъ, въ *Revue Politique et Parlementaire*, полагаетъ, что изъ 72 новыхъ депутатскихъ мѣстъ собственно рабочему классу достанется не болѣе двѣнадцати. Но и это, конечно, будетъ на первый разъ значительнымъ успѣхомъ.

Если, какъ говорятъ австрійскія газеты, состоится въ дѣйствительности соглашеніе, въ виду наступающихъ выборовъ, между младо- и старочехами, то оно явится залогомъ серьезнаго улучшенія въ положеніи Богеміи. Тогда, быть можетъ, несмотря на протесты нѣмцевъ-централистовъ, императору Францу-Іосифу придется снова признать чешское государственное право и короноваться въ Прагѣ чешскимъ королемъ. Въ такомъ случаѣ федералистическая идея приблизится къ торжеству. Естественно, что установленіе правильныхъ отношеній между національностями, живущими въ Австро-Венгріи, самымъ благопріятнымъ образомъ отразилось бы на ея экономическомъ и вообще культурномъ развитіи. Сократились бы и военныя издержки, на которыя теперь истощается государство, имѣя въ виду не одну безопасность, но и обширные наступательные планы.

Въ современной французской печати рѣдко можно встрѣтить искренній и мужественный голосъ по вопросамъ международнаго характера. Намъ

*) *Justice*, 28 Janvier.

понятенъ, конечно, источникъ этой сдержанности, этого отреченія отъ великодушныхъ идей, прославившихъ французское имя. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ прочли мы въ *Фигаро* *) статью Е. М. де-Вогюэ объ армянскихъ дѣлахъ. Авторъ говоритъ въ началѣ статьи о публичной лекціи Альберта Вандаля объ этихъ дѣлахъ. Сорвать въ данномъ случаѣ печать молчанія,—замѣчаетъ Вогюэ,—полезно и необходимо, потому, что эта печать молчанія долго и тяжело лежала на старомъ представленіи о французскомъ великодушіи. Въ наше время ускоренныхъ сношеній желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ можно было, — продолжаетъ французскій публицистъ,—на глазахъ у представителей европейскихъ державъ, вырѣзать систематически цѣлый народъ. «Каковы бы ни были причины нашего невѣдѣнія и нашего равнодушія (т.-е. французскаго), будущіе историки не найдутъ, чтобы онѣ служили къ нашей чести». Вогюэ обвиняетъ въ убійствахъ и звѣрствахъ не весь турецкій народъ, а главнымъ образомъ самого султана. Нравственную отвѣтственность, по его мнѣнію, должно возложить на всѣ европейскіе народы, великіе и малые, потому что Европа допустила ужасающее избіеніе десятковъ и даже сотенъ тысячъ неповинныхъ людей. Только Англія выступила было въ благородной роли защитника гонимыхъ и истребляемыхъ, но она очень заинтересована на Востокѣ, міръ привыкъ, — говоритъ Вогюэ,—что этотъ адвокатъ человѣчности беретъ очень большой гонораръ, и поэтому отнесся къ нему съ недовѣріемъ. «Среди насъ, Франція, каждый знаетъ, какъ донъ-Кихотъ сломалъ себѣ ноги и почему онъ не можетъ сѣсть на коня при первомъ крикѣ о помощи, который его зоветъ».

На противоположномъ съ Турціей концѣ Европы другое государство переживаетъ также тяжелыя времена. Испанское владычество поколеблено на Кубѣ, возстаніе на Филиппинскихъ островахъ еще не подавлено, республиканское движеніе растетъ внутри страны. Консервативный кабинетъ Кановаса безсиленъ въ борьбѣ съ центробѣжными элементами, старый укладъ расшатывается все болѣе и болѣе. Смерть вождя кубанскихъ инсургентовъ Масео, вызвавшая ликованіе въ Испаніи, на первыхъ порахъ пріостановила успѣхи возстанія, но послѣднія извѣстія говорятъ объ его оживленіи. Въ Пиноръ дель-Ріо, гдѣ теперь свирѣпствуютъ эпидемическія болѣзни, испанскіе отряды продолжаютъ гоняться за отдѣльными бандами, и телеграфъ почти ежедневно приноситъ извѣстіе о новыхъ стычкахъ. Провинція, очевидно, далеко не усмирена и не успокоена. Въ провинціяхъ Ласъ-Вильясъ, Матансѣ и Гаваннѣ дѣла еще хуже, и 19 января самъ Вейлеръ выѣхалъ на мѣсто дѣйствій въ Ласъ-Вильясъ. Потери испанцевъ въ битвахъ, даже по оффиціальнымъ извѣстіямъ, довольно значительн отрядъ полковника Наріо въ 2,500 человѣкъ при Сабана-Бессера потеря убитыми 4 офицеровъ, 7 солдатъ и 76 ранеными; Сегури при Мансани потерялъ 20 офицеровъ и 300 солдатъ убитыми и 400 ранеными; Кали

*) *Figaro*, 2 février.

Гарсіа (вождь одного изъ инсургентскихъ отрядовъ) при аттакѣ форта около Мансанильо нанесъ испанцамъ большой уронъ: 30 убитыхъ и 300 раненыхъ. Возстаніе усилилось на востокѣ Кубы, въ С.-Яго и Санта-Кларѣ. Генералъ Бошъ имѣлъ тамъ двѣ значительныя битвы при Хаканбанѣ.

Кромѣ этихъ битвъ и стычекъ, происходило много другихъ, причемъ пострадали и нѣкоторыя испанскія канонерки. Множество солдатъ больны (по оффиціальнымъ даже свѣдѣніямъ до 25 тысячъ человѣкъ). «Безконечная кубанская война,—замѣчаютъ *Петербургскія Вѣдомости*,—требующая все новыхъ и новыхъ жертвъ, начинаетъ, наконецъ, серьезно утомлять испанцевъ, несмотря на всю ихъ воинственность и національную гордость. Среди рекрутовъ, назначаемыхъ на Кубу, замѣчаются случаи протеста: 18 января произошло возмущеніе на пароходѣ «Фернандесъ Сансъ», который перевозилъ новобранцевъ изъ Пасахесъ въ Сантапуеръ для отправленія на Кубу. Возмутившіеся потребовали, чтобы пароходъ повернулъ къ берегамъ Франціи. Лишь при помощи случайно встрѣтившагося военнаго судна возмутившіеся были усмирены и заключены въ тюрьму ближайшаго города. Этотъ фактъ обнаруживаетъ, до нѣкоторой степени, народное настроеніе».

Печать въ Испаніи сбавила тонъ по отношенію къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, и ходятъ упорные слухи, что кабинетъ Кановаса вступилъ въ переговоры съ правительствомъ республики о необходимыхъ для Кубы реформахъ. Многіе авторитетные испанскіе политическіе дѣятели высказываются теперь за дарованіе острову широкой автономіи. Но возникаетъ вопросъ: не опоздаетъ ли испанское правительство съ этими уступками, не будутъ ли теперь инсургенты стремиться къ полной независимости отъ метрополіи.

Правительство Салисбюри-Бальфура, которое не могло провести своего школьнаго билля въ прошлую парламентскую сессію, снова внесло его въ палату общинъ. Какъ читатели знаютъ, консервативный кабинетъ имѣетъ цѣлью улучшить финансовое положеніе школъ, находящихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ англійскаго духовенства и содержимыхъ на добровольныя пожертвованія. По правительственному законопроекту, эти конфессіональныя школы должны получить добавочную субсидію въ 660,000 фунтовъ стерлинговъ (почти по пяти шиллинговъ на ученика). Нужно замѣтить, что большинство конфессіональныхъ школъ обставлено вполнѣ удовлетворительно и вовсе въ средствахъ не нуждается. Естественно поэтому, что билль встрѣчаетъ сильное сопротивленіе со стороны либераловъ. Оппозиція указываетъ на то, что правительственное пособіе слѣдовало бы направить на бѣдныя школы, конфессіональныя или свѣтскія (комитетскія) Она выдвигаетъ противъ билля и такой выводъ: субсидія въ 6.600,000 руб. берется изъ общегосударственныхъ средствъ, а додавать ее правительство намѣрено только школамъ англиканской церкви, такъ что шотландское, напримѣръ, духовенство (пресвитеріанское) ничего изъ нея не получитъ.

Кромѣ того, нѣтъ никакихъ гарантій, что деньги пойдутъ на улучшеніе преподаванія.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что британскій парламентъ принялъ во второмъ чтеніи билль, предоставляющій женщинамъ политическія права. Если этотъ билль получитъ силу закона, то онъ внесетъ переворотъ въ государственную жизнь Англіи. Либералы были въ большинствѣ случаевъ противъ предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ. Очевидно, они опасаются, что большинство избирательницъ усилитъ ряды консерваторовъ и клерикаловъ. Но въ такомъ случаѣ исходъ одинъ: необходимо позаботиться о всеобщемъ распространеніи и правильной постановкѣ женскаго образованія.

В. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Февраль. 1897 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы.—Путешествія, географія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники, дѣтскія книги. II. **Періодическія изданія:** «Русскій Вѣстникъ», *декабрь*.—«Русское Обозрѣніе», *ноябрь — декабрь*. «Сѣверный Вѣстникъ», *январь*.—«Русское Богатство», *декабрь*. — «Міръ Божій», *январь*. — «Вѣстникъ Европы», *январь*.—«Всходы», *№№ 1 и 2*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1897 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Волчья сыть“. Романъ *Вас. Немировича - Данченко*. — „Въ мірѣ отверженныхъ“. *Л. Мельшина*.—„Повѣсти и разсказы“ *А. Н. Плещеева*.

Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. В. Немировича-Данченко. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1897 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Большинство читателей не знаетъ, вѣроятно, что означаетъ выраженіе *волчья сыть*, какъ не зналъ этого до прочтенія романа г. Немировича-Данченко пишущій сіи строки. Да и самъ авторъ узналъ впервые это выраженіе во время одной изъ своихъ экскурсій въ захолустный уѣздный городишко отъ мѣстнаго обывателя изъ мастеровыхъ.— „Волчья сыть,—это, видите ли, объяснялъ мѣщанинъ,—когда господа на лѣто наѣдутъ въ деревню, съ ними до пропасти псовъ разныхъ. На легкомъ воздухѣ собачки еще пуще расплодятся. Къ зимѣ — господа назадъ, а потомство отъ барскихъ трезорокъ на произволъ судьбы остается, стаями округъ деревни бѣгаетъ до ноября. Въ ноябрѣ новые господа жалуютъ—волки, и въ мѣсяцъ все очистятъ, ни одной собачки отъ городского приплода не уцѣлѣетъ. Оттого и имя ему: волчья сыть. Такъ вотъ-съ и нашъ городъ для купца Безмѣнова та же самая волчья сыть. Ужъ онъ наполовину ободралъ насъ, а коли Господь Богъ купца Безмѣнова не утихоморитъ кондрашкой, онъ и другую половину съ аппетитомъ слопаетъ“. Купецъ Безмѣновъ съ сыновьями занимаетъ центръ картины уѣзднаго разоренія, написанной авторомъ очень ярко, мѣстами даже слишкомъ рѣзко, настолько форсированными тонами, что изображенія переходятъ въ карикатуры, въ шаржъ, изъ-за котораго едва просвѣчиваетъ видѣнное авторомъ въ дѣйствительности. Такого рода преувеличенія отразились всего болѣе на фигурѣ отставного генерала Узорнаго и въ значительной мѣрѣ на личности забравшагося въ литературу „обличителя“ и „критика“ Игнатія Елисейскаго. Купецъ Безмѣновъ и его сынки такіе типичные „живоглоты“, что ихъ крайне трудно написать мягкими тонами и нѣжными

контурами. Такіе „дѣятели“ нашихъ провинцій пострашнѣе всякихъ волковъ: это—озвѣрѣлые отъ жадности „чумазые“, въ которыхъ погоня за наживой истребила всякое человѣческое чувство. Наглотавшись всякой „волчьей сыти“, какая попадается имъ на зубы, они до того свирѣпѣютъ въ своей алчности, что перестаютъ различать своихъ отъ чужихъ: сынъ деретъ шкуру съ отца, отецъ рветъ въ клочья сына, братъ скалитъ зубы на брата, выжидая удобнаго случая схватить его за горло. Это звѣрье ненасытное, и сынки оказываются много превосходнѣе родителя, положившаго большія старанія на то, чтобы воспитать усердныхъ помощниковъ и вѣрныхъ хранителей и умножателей капиталовъ, нажитыхъ ни передъ чѣмъ не останавливавшимся грабежомъ. Эта часть картины вышла необыкновенно мрачною, мѣстами потрясающею своею реальностью. На противоположной сторонѣ, въ качествѣ типа положительнаго, стоитъ Анна Степановна Козельская, вдова-помѣщица, представляющая собою въ первой половинѣ романа нѣчто напоминающее Костонжогло въ юбкѣ. Оставшись молодою вдовой, нищей, послѣ смерти мужа, умершаго въ страшной нуждѣ, Козельская наживаетъ какимъ-то чудомъ, необъясненнымъ авторомъ, очень большое состояніе въ фантастически короткое время. Она, носительница самыхъ свѣтлыхъ идеаловъ, „завѣтовъ молодости“, неустрашимо выступаетъ на бой съ кулачествомъ и волчьими инстинктами всѣхъ „чумазыхъ“, смиряетъ самого Безмѣнова, готоваго расправиться съ цѣлымъ краемъ, какъ съ „волчьей сытью“. Въ концѣ концовъ, однако, и эта сильная и смѣлая женщина дѣлается добычей успѣвшаго заматерѣть волка, старшаго сынка Безмѣнова, уже слопавшаго своего родителя и покушающагося проглотить весь уѣздъ. Козельская сдалась подъ напоромъ страшнаго голода, нѣсколько лѣтъ назадъ разразившагося надъ нашими хлѣбородными губерніями. Все крупное состояніе свое она истратила на прокормленіе голодающаго народа, опять осталась нищею и снова принялась за трудовую жизнь изъ-за скуднаго заработка, не отступая отъ „завѣтовъ молодости“. Другая женщина, Настасья Гурьевна Буйновидова, забавная своею внѣшностью, нѣсколько карикатурная поборница женской эмансипаціи, становится настоящею героиней, одушевленная идеей служенія народу въ годину бѣдствій, и умираетъ, заразившись тифомъ во время борьбы съ эпидеміей, открывшейся вслѣдствіе голода. По поводу этихъ двухъ героинь авторъ пишетъ: „Передъ моими глазами прошли дивныя и смѣлыя подруги солдатъ, умиравшія въ военныхъ лазаретахъ на Шипкѣ и подъ Плевной, мірскія печальницы, слѣдовавшія за переселенцами въ пустыри Зауралья и Алтая... И мы, русскіе, кому Богъ и исторія дали такихъ матерей, сестеръ и женъ, осмѣливаемся швырять грязью въ нихъ, писать гнусныя и скверныя книжонки, издѣваться надъ сердцами, исходящими для насъ кровью. До поры, до времени, въ смрадномъ угарѣ пренебреженія и насмѣшекъ, эти мірскія печальницы покорно несутъ свою долю; но приходитъ моментъ, когда историческій катаклизмъ или народное горе вызываютъ ихъ на дѣло, на трудъ, на подвиги. И въ этихъ оболганныхъ сердцахъ вдругъ воскресаютъ такія силы, такъ щедро эти сестры и матери сѣютъ кругомъ добро, правду и красоту, что даже литературные сквернавцы притихаютъ и смущаются... куда-то прячутся...“ „Но не надолго. Все приходитъ въ порядокъ, вступаетъ въ будничную обстановку, вчерашнія героини возвращаются къ скромнымъ домашнимъ очагамъ, и опять начинается...“ издѣвательство „сквернавцевъ“,—по крѣпкому выраже

нію г. Немировича-Данченко. Одного изъ таковыхъ онъ изображаетъ весьма безпощадно въ лицѣ преуспѣвающаго литератора, обличителя и критика Игнатія Елисейскаго. Есть въ романѣ и совсѣмъ мастерски написанная фигура старика-монаха, о. Дамаскина, могучаго духомъ представителя высшихъ христіанскихъ добродѣтелей. Къ сожалѣнію, ограниченность отведеннаго намъ мѣста и нѣкоторыя иныя соображенія не дозволяютъ намъ остановиться надъ болѣе подробною характеристикой этой интересной, хотя и эпизодической, личности въ романѣ, слишкомъ рѣзкій тонъ котораго обусловливается, быть-можетъ, страстнымъ призывомъ къ добру и правдѣ и покрывается истинно гуманною идеей.

Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Л. Мельшина. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство". Спб., 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. На первой страницѣ напечатано такое примѣчаніе къ *Введенію*: „Считаю не лишнимъ предупредить читателя, что предлагаемыя его вниманію записки отнюдь не принадлежатъ перу нижеподписавшагося, въ руки котораго онѣ попали совершенно случайно, и который является не болѣе какъ ихъ издателемъ. Л. Мельшинъ". Со времени появленія во свѣтъ *Записокъ изъ мертваго дома*, Достоевскаго, у насъ бывали въ рукахъ описанія „острожной" жизни, странствованій по тюрьмамъ и этапамъ, невольнаго странствованія въ кандалахъ на о. Сахалинъ и т. под. Но намъ не доводилось читать такого обстоятельнаго, искренняго, изложеннаго въ беллетристической формѣ разсказа о „каторгѣ", написаннаго пережившимъ всѣ ея ужасы, какимъ оказываются *Записки*, изданныя г. Мельшинымъ. По силѣ и художественности, онѣ далеко уступаютъ, конечно, знаменитому произведенію Достоевскаго. Изъ лежащихъ передъ нами повѣствованій нельзя и той идеи вывести, которая такъ ясно вытекаетъ изъ написаннаго Достоевскимъ. Авторъ повѣствованія о „мірѣ отверженныхъ" даетъ, несомнѣнно, правдивую и очень яркую картину быта приговоренныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ со времени вступленія приговора о нихъ въ законную силу до ихъ окончательнаго водворенія въ одной изъ каторжныхъ тюремъ Сибири, гдѣ осужденные употребляются на работы въ рудникахъ. На одномъ изъ такихъ рудниковъ авторъ пробылъ два года, и на этомъ обрываются его записки. Въ нихъ сплошь проходитъ одна высоко-гуманная идея глубокаго сочувствія, возвышающагося до истинной любви, къ „несчастнымъ", угнетеннымъ и страждущимъ, хотя и преступнымъ людямъ... Авторъ на первыхъ же страницахъ говоритъ съ весьма естественнымъ чувствомъ ужаса объ уцѣлѣвшемъ въ нашихъ законахъ постановленіи, на основаніи котораго приговоренному къ лишенію всѣхъ правъ состоянія передъ отправленіемъ въ Сибирь выбриваютъ половину головы и потомъ заковываютъ ссылаемаго въ кандалы. „Давно, кажется, пора бы понять,—пишетъ авторъ,—что никогда и никому не мѣшали бѣжать и скрыться кандалы и бритая голова..." „Кандалы и бритье головы, несомнѣнно, имѣютъ одну только цѣль—надруганія надъ достоинствомъ человѣка, лишеннаго всѣхъ правъ..." „Бритье головы, кромѣ нравственной муки, причиняетъ обыкновенно и чисто-физическую боль..." Вся отвратительная процедура бритья „превращала въ подлинную пытку тѣ минуты, когда приходилось ждать своей очереди, чтобы быть также ошельмованнымъ и также изувѣченнымъ!"... На что же нужно,—повторимъ мы за авторомъ,—и совмѣстно ли съ гуманнымъ направленіемъ законодательства подобное издѣвательство надъ

людьми и безъ того глубоко несчастными, обреченными на многіе годы жестокихъ страданій? Въ Москвѣ у автора „отобрали рѣшительно *все свое* и отправили въ дорогу въ одномъ казенномъ одѣяніи, отнявъ даже иголку и нитку...“ и ему „пришлось страшно зябнуть, простужаться и вынести много ненужныхъ ни для кого лишеній и страданій. Казенныя вещи не приспособлены ни къ перемѣнамъ погоды и климата, ни къ особенностямъ отдѣльныхъ индивидовъ; все подведено подъ одинъ ранжиръ—и ростъ, и здоровье, и привычки...“ Описаніе положенія отправляемыхъ въ ссылку женщинъ, дѣвушекъ, подростковъ и дѣтей приводитъ читателя въ такое же содроганіе, въ какое могутъ привести лишь нѣкоторыя картины Дантовскаго *Ада*!... Настаивать на этомъ мы не будемъ и отсылаемъ къ самой книгѣ тѣхъ, кто этимъ интересуется, и тѣхъ, кто этимъ интересоваться долженъ, имѣя возможность облегчить страданія гибнущихъ существъ. И, наконецъ, не только въ видахъ нравственныхъ, но и въ санитарныхъ, необходимо обратить самое серьезное вниманіе на то, что такъ правдиво изображено въ *Запискахъ бывшаго каторжника*. Авторъ многократно и весьма доказательно настаиваетъ на томъ, что „терроризирующій режимъ каторги“ никого не исправляетъ и, наоборотъ, „испорченнаго человѣка только окончательно развращаетъ...“ „и арестантъ, выходя въ вольную команду или на поселеніе, начинаетъ новую жизнь по тому же шаблону, по какому и раньше жилъ, съ тою только разницей, что старается вести дѣло *чище*, осторожнѣе, не оставляя по возможности слѣдовъ и уликъ...“ чему въ тюрьмѣ его отлично обучаютъ. Въ *Запискахъ* очень подробно разсказана вся жизнь каторжниковъ, переданы всѣ порядки и безобразія этаповъ и тюремъ, принудительныхъ работъ и взаимныхъ отношеній между арестантами и ихъ начальствомъ. Прекрасно сдѣланы нѣкоторыя характеристики несчастныхъ, попавшихъ на каторгу и, по милости острожнаго сидѣнія, утратившихъ всякое „понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, о правѣ, объ униженіи“. Такую книгу тяжело читать, но за то—поучительно, особливо для тѣхъ, кто можетъ повліять на измѣненіе тюремъ и всякихъ уголовныхъ каръ, на приведеніе ихъ въ лучшее соотвѣтствіе съ цѣлями закона, имѣющаго въ виду исправленіе людей, впавшихъ въ преступленіе, а не окончательное заколачиваніе въ нихъ нравственнаго чувства.

Повѣсти и разсказы А. Н. Плещеева. Подъ редакціей П. В. Быкова. Томъ первый. Изд. А. А. Плещеева. Спб., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к. Этому изданію предпосланъ *Біографическій очеркъ*, тщательно составленный г. Быковымъ и выясняющій какъ личность писателя, такъ и значеніе его произведеній. Нашей, такъ называемой, „большой публикѣ“ покойный А. Н. Плещеевъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ талантливый и симпатичный поэтъ, стихотворенія котораго, прекрасныя по формѣ, проникнуты нерѣдко искреннимъ гуманнымъ чувствомъ. Прозаическія произведенія Плещеева, вошедшія въ первый томъ, печатались въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, въ *Современникѣ* и въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ 1849 г. въ Петербургѣ происходили многочисленные аресты по дѣлу Петрашевскаго,—по дѣлу, въ свое время извѣстному подъ наименованіемъ „заговора коммунистовъ“. По словамъ А. И. Пальма, кружокъ молодежи собирался у Мих. Вас. Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ всѣ увлекались чтеніемъ произведеній Сенъ-Симона, Фурье, Кабе, „отца“ Анфантена, Ламне, Луи Блана и Прудона. „Мы, сами того не замѣчая,—говоритъ Пальмъ,—становились на весьма

скользкую покатость... Замѣчательнѣе всего, что юные сенъ-симонисты, фурьеристы и коммунисты отлично мирились со своимъ настоящимъ общественнымъ положеніемъ... Если въ частныхъ бесѣдахъ, преимущественно въ спорахъ, было много рѣзкости и юношеской запальчивости, то положительно можно сказать, что конкретныхъ, твердо намѣченныхъ цѣлей ни у кого не было..." Плещеевъ, принадлежавшій къ этому кружку, былъ арестованъ въ Москвѣ, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость и приговоренъ военнымъ судомъ къ разстрѣлянію. „По конфирмаціи императора приговоръ былъ смягченъ, и Плещеева приговорили къ ссылкѣ рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія". Плещееву было въ это время 24 года, онъ родился въ ноябрѣ 1825 г. Въ 1857 г., въ царствованіе императора Александра II, Плещееву возвращены права потомственнаго дворянства, а потомъ разрѣшено было жить въ столицѣ. Послѣ восьмилѣтняго перерыва снова началась литературная дѣятельность Плещеева, помѣщавшаго свои стихотворенія въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Вслѣдъ затѣмъ появились въ разныхъ журналахъ его повѣсти: *Наслѣдство, Отецъ и дочь, Будневъ, Ломбардный билетъ, Неудавшаяся афера*, и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ два разсказа: *Благодѣяніе и Чиновница*. Всѣ эти произведенія вошли въ лежащій передъ нами первый томъ сочиненій А. Н. Плещеева. Въ перечисленныхъ повѣстяхъ и разсказахъ авторъ изображаетъ преимущественно бытъ мелкихъ чиновниковъ петербургскихъ и провинціальныхъ, причемъ первыя его произведенія, написанныя до ссылки, очень легкія по содержанію, проникнуты безобиднымъ и живымъ юморомъ. Тотъ же характеръ имѣетъ и большая часть его послѣдующихъ повѣстей, написанныхъ по возвращеніи въ Москву. Но въ нихъ уже изъ-за шутливой иногда формы выдвигаются тяжелыя драмы, тихо и мало замѣтно переживаемыя мелкимъ людомъ обездоленныхъ, къ которымъ авторъ неизмѣнно относится съ самымъ теплымъ сердечнымъ сочувствіемъ. Въ повѣствованіяхъ А. Н. Плещеева—все просто, заурядно, жизнь тянется самымъ обыкновеннымъ образомъ, будничная и сѣренькая, разсказъ о ней ведется спокойно и безъ претензій, безъ громкихъ словъ и безъ эффектовъ, а въ общемъ получается впечатлѣніе очень сильное, мелкія и какъ бы незначительныя фигуры дѣйствующихъ лицъ проходятъ безукоризненно реальными, по настоящему живыми и потому достаточно яркими, глубоко трогательными своею горькою участью или очень забавными своими комическими неудачами. Истинная доброта, душевная незлобивость автора сказывается даже тамъ, гдѣ идетъ дѣло о людскихъ порокахъ и о злобныхъ дѣяніяхъ. И эта мягкость, ничуть не скрашивая дурного, вызываетъ въ читателѣ благодушное настроеніе и гуманное отношеніе къ слабымъ и порочнымъ.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Очеркъ психологіи". *В. Вундта.*—„Дедуктивная и индуктивная логика". *В. Минто.*—„О воспитаніи дѣвицъ". *Фенелона.*—„Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи". *А. П. Аримакова.*—„Вешніе всходы". Кн. III и IV. Сост. Д. И. Тихомировъ. — „Волшебный фонарь въ народной школѣ". *Н. И. Борисова.*— „Отчетъ Сибирской безплатной народной библіотеки-читальни въ память И. А. Гончарова".— „Народный театръ". Сборникъ, изд. *Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ.*

Очеркъ психологіи. В. Вундтъ. Пер. съ нѣм. Г. А. Паперна. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1897 г.—Очеркъ психологіи. Вильгельмъ Вундтъ. Перев. Д. В. Викторовъ подъ редакціей, съ предисл. и примѣч. проф. Н. Я. Грота. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. М., 1897 г. Съ именемъ Вундта связывается представленіе о психологіи, какъ о наукѣ, поставленной на твердую почву эксперимента. Нѣмецкій ученый, долго и упорно работая въ своей области, создалъ цѣлую школу послѣдователей и вмѣстѣ съ ними оригинально освѣтилъ многія стороны душевной жизни. Развитіе его, какъ мыслителя и психолога, проходило на глазахъ у серьезно читающей публики, и оно не закончилось до сихъ поръ. Вундтъ все еще находится, какъ говорятъ его соплеменники, im Werden, и въ каждомъ новомъ произведеніи онъ дополняетъ, перерабатываетъ, а иногда и болѣе или менѣе замаскированно измѣняетъ свои взгляды. Его послѣдній трудъ *Grundriss der Psychologie* является наиболѣе систематичнымъ и полнымъ. Въ немъ собраны и объяснены—съ точки зрѣнія волюнтаризма—тѣ данныя, которыя экспериментація добыла о человѣческой психикѣ, въ ея индивидуальныхъ и общественныхъ выраженіяхъ. Руководящая идея Вундта заключается въ томъ, что всякій опытъ есть по существу опытъ психологическій, такъ какъ онъ состоитъ изъ ряда процессовъ, въ которые въ тѣсной связи другъ съ другомъ входятъ элементы нашего субъективнаго міра и элементы объективной дѣйствительности; самымъ типичнымъ процессомъ служитъ волевой, и наши стремленія и чувствованія мыслимы только при наличности представленій о внѣшнихъ предметахъ. Соединяя такимъ образомъ въ глубокомъ синтезѣ субъектъ познанія съ его объектами, теоретическое пониманіе міра съ дѣятельностью въ немъ, Вундтъ видитъ въ психологіи необходимое дополненіе естествознанія, основу всѣхъ наукъ о духѣ и эмпирическое введеніе въ философію. На этихъ положеніяхъ зиждется вся его книга, строго-научная, продуманная, искупающая недостатки изложенія вдумчивостью и силой анализа. Ее нельзя рекомендовать начинающимъ, но тѣ, кто умѣетъ уже ориентироваться въ задачахъ психологіи, вынесутъ изъ чтенія ея великую пользу. Она почти одновременно появилась въ двухъ русскихъ переводахъ, и оба они несомнѣнно найдутъ себѣ читателей. По устойчивости и выдержанности терминологіи и точномъ воспроизведеніи оригинала переводъ г. Викторова далеко оставляетъ за собой работу г. Паперны, который зато въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ книги читается легче своего конкуррента. У г. Паперны встрѣчаются существенные промахи, пропуски и даже грубыя, непонятныя ошибки: такъ, слово *Schreibewegung* (крикъ) онъ перевелъ „такъ называемыя *пишущія движенія*" (§ 20, 1). Вообще, переводъ г. Паперны, въ цѣломъ удовлетворительный и плавный, носитъ на себѣ однако слѣды какой-то торопливости и недостаточнаго вниманія къ подлиннику; иныя трудныя мѣста *Grundriss*'а г. Паперна оставилъ совсѣмъ не переведенными или искаженными (наприм., § 22, 2

или § 23,4), а въ стилистическомъ отношеніи грѣшитъ такими терминами, какъ *„посредственный* опытъ", „чувственное чувствованіе" и друг. Отъ подобнаго рода изъяновъ свободенъ трудъ г. Викторова, редактированный проф. Гротомъ. Изданіе Психологическаго Общества открывается предисловіемъ и статьей Н. Я. Грота *Основанія экспериментальной психологіи*, гдѣ выясняется то общее, что есть между психологическимъ наблюденіемъ и самонаблюденіемъ.

Дедуктивная и индуктивная логика. В. Минто. Переводъ съ англійск. **С. А. Котляревскаго. Подъ редакціей** В. Н. Ивановскаго. **Второе исправл. и дополн. изд. М., 1896** г. Библіотека **для самообразованія.** Эта въ высшей степени полезная и содержательная книга за короткій промежутокъ времени потребовала второго изданія, и оно вѣроятно не будетъ послѣднимъ. Она представляетъ собой не учебникъ сухой дисциплины, отъ которой для многихъ вѣетъ схоластикой,—она въ живомъ и увлекательномъ изложеніи анализируетъ человѣческій умъ и неизмѣнные законы его дѣятельности. Англійскій авторъ знакомитъ читателей съ логикой силлогизма и индукціи въ ея историческомъ развитіи и въ ея современномъ отношеніи къ наукѣ; онъ показываетъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ и условій изъ умственной игры, которой наполняли свои досуги соотечественники Аристотеля, постепенно выработалась опора теоретическаго мышленія и практической жизни; онъ на множествѣ яркихъ примѣровъ изъ дѣйствительности и литературы обнаруживаетъ ту благотворную силу логики, которая вскрываетъ ошибки и противорѣчія, побѣждаетъ «въ насъ нашего „внутренняго софиста" и предостерегаетъ отъ ложныхъ выводовъ и заключеній. Съ одинаковой обстоятельностью и талантомъ разобраны у Минто какъ дедуктивный, такъ и индуктивный методы, и въ результатѣ получается цѣльная и полная картина той лабораторіи ума, изъ нѣдръ которой выходятъ наши разсужденія и мысли. Одного упрека, впрочемъ, заслуживаетъ авторъ: онъ нигдѣ не устанавливаетъ глубокой и внутренней связи между дедукціей и индукціей, объединяетъ ихъ только общимъ для нихъ внѣшнимъ признакомъ—ихъ стремленіемъ изгонять интеллектуальныя заблужденія, и искусственно разсѣкаетъ умъ на двѣ половины. Онъ видитъ ошибку Милля въ томъ, что знаменитый мыслитель слишкомъ тѣсно слилъ индукцію съ дедукціей и не совсѣмъ отчетливо разграничилъ ихъ сферы (стр. 336); но взамѣнъ этого самъ Минто впалъ въ противоположную крайность и дѣлитъ на части то, что по природѣ своей цѣльно и едино; онъ злоупотребляетъ своимъ спорнымъ и недостаточно мотивированнымъ тезисомъ, что наблюденіе явленій и ихъ объясненіе—два совершенно различныхъ процесса.

Отличный переводъ темы для логическихъ упражненій, систематическій указатель содержанія и прекрасная внѣшность книги—все это дѣлаетъ русское изданіе труда Минто очень симпатичнымъ и заслуживающимъ вниманія образованной публики.

Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ. Переводъ съ **французскаго В. Недачина. Съ портретомъ Фенелона и краткой его біографіей. Москва, 1896 г. Цѣна 75 коп.** Сочиненіе Фенелона *О воспитаніи дѣвицъ*, равно какъ и другая, еще болѣе знаменитая его книга *Телемакъ*—давно уже отжили свое время. Теперь оба эти сочиненія, насчитывающія себѣ болѣе 200 лѣтъ со времени ихъ перваго появленія въ свѣтъ, имѣютъ почти исключительно историческое значе-

ніе. Въ наши дни среди образованныхъ людей найдется не много „антиковъ“, которые станутъ подтверждать излюбленную и даже основную мысль трактата, переведеннаго г. Недачинымъ, что женщина должна знать только кухню, дѣтскую и столовую и не смѣть „умничать“, и не смѣть вообще свое сужденіе имѣть о вопросахъ, требующихъ просвѣщеннаго ума.

Въ книгѣ Фенелона всего болѣе говорится о воспитаніи религіозныхъ чувствъ и хозяйственныхъ наклонностей у женщины. Тѣ же положенія, которыя относятся къ воспитанію нравственному и умственному, выражены слишкомъ общо; въ наше время они уже всѣмъ извѣстны, и въ обширной педагогической литературѣ, появившейся послѣ трактата Фенелона въ теченіе двухъ вѣковъ, они успѣли подвергнуться болѣе подробному и обстоятельному анализу, освященному уже научными данными, и въ такомъ болѣе развитомъ видѣ сдѣлались уже всеобщимъ достояніемъ.

Несмотря на все это, книга Фенелона имѣетъ серьезный интересъ, и нельзя не сочувствовать появленію ея перевода. Какъ у всякаго крупнаго человѣка съ сильнымъ умомъ и высокимъ талантомъ, у Фенелона мы находимъ не мало блестящихъ, свѣтлыхъ мыслей, и мѣткихъ наблюденій и притомъ выраженныхъ въ формѣ необыкновенно живой и простой, въ формѣ непринужденной бесѣды.

Знакомство съ произведеніемъ Фенелона важно и по другимъ соображеніямъ. Всякій просвѣщенный человѣкъ долженъ знать, чѣмъ онъ обязанъ дѣятелямъ прошлыхъ дней. Только при этомъ условіи онъ и можетъ оцѣнить смыслъ и значеніе умственныхъ движеній своего вѣка. Главная педагогическая заслуга Фенелона заключается въ гуманномъ характерѣ его взгляда на ребенка и на задачи и пріемы его воспитанія, а въ особенности его горячая борьба противъ жестокой системы тѣлесныхъ наказаній, укоренившихся въ школѣ въ средніе вѣка и не прекращавшейся и въ новое время. Что̀ продѣлывали педагоги надъ дѣтьми во времена Фенелона, это видно изъ мемуаровъ той эпохи, отрывокъ изъ которыхъ приведенъ въ примѣчаніяхъ къ переводу этого трактата: „сентября 20 1661 г. (получилъ дофинъ, воспитанникъ Боссюэта, тогда 10-лѣтній мальчикъ) два раза удары по рукамъ; 21 утромъ и вечеромъ—удары; 22 утромъ тоже, 25 утромъ г. Montausier, гувернеръ принца, далъ ему столько „хорошихъ ударовъ, что у принца распухла рука, причемъ боль и дрожаніе руки настолько ему мѣшали, что онъ не могъ продолжать и окончить своего scriptum“. Руководствомъ для педагоговъ того времени служила книга достопочтеннаго Père de la Salle *О веденіи христіанскихъ дѣтей*, которая содержала въ себѣ указанія правильныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ физическихъ наказаній.

Локкъ и Фенелонъ первые подняли руку на эту ложную, безчеловѣчную систему воспитанія человѣка, а потому потомство не должно забывать и ихъ великой заслуги передъ человѣчествомъ, и ихъ славныхъ трудовъ. И нельзя не пожелать успѣха предпріятію гг. Тихомирова и Адольфа, издавшихъ въ переводѣ на русскій языкъ цѣлый рядъ знаменитыхъ трактатовъ о воспитаніи: Амоса Коменскаго, Локка, Песталоцци, Руссо, Канта и другихъ, и обѣщающихъ продолжать и далѣе выпускъ за выпускомъ такъ удачно начатой ими „Педагогической библіотеки“.

Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. А. П. Аргамакова. Полоцкъ, 1896 г. Цѣна 1 руб. Читая эту книгу,

невольно вспоминаешь поговорку: „на муху съ обухомъ“. Огромнѣйшій арсеналъ цитатъ изъ сочиненій Брюнетьера, пресловутаго соціолога г. Щеглова, романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, сочиненій Ломброзо и Бинэ, постоянныя ссылки на Карла Шмидта, Бэкона, Локка, Дюринга, — все это безъ достаточной связи, — производитъ на васъ хаотическое впечатлѣніе. А для какой цѣли все это собрано? Чтобы убѣдить читателей въ такихъ спорныхъ и новыхъ истинахъ, что воспитывать дѣтей надо; что младенцевъ и кормить, и воспитывать должна сама мать; что нужно поставить въ связь воспитаніе съ обученіемъ; что постановка школьнаго дѣла у насъ неудовлетворительна. И все это слишкомъ общо, и все это слишкомъ шаблонно, а громкое заглавіе внушало намъ нѣкоторыя свѣтлыя надежды, особенно по вопросу о будущемъ воспитаніи. Но авторъ, въ сущности, не сказалъ ничего, т.-е., если хотите, онъ сказалъ и очень много,— его книга занимаетъ 218 страницъ, и о чемъ только тамъ нѣтъ?... Но, по правдѣ сказать, все это—легкіе разговоры—„о томъ, о семъ, а больше... ни о чемъ“.

Вешніе всходы. Третья и четвертая книга для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и семьѣ. Составилъ Д. И. Тихомировъ. Изданіе редакціи „Дѣтское Чтеніе“. Москва, 1896 г. Цѣна 60 коп. Мы уже говорили своевременно о первыхъ двухъ книгахъ этой хрестоматіи. Лежащій передъ нами томъ состоитъ изъ статеекъ и беллетристическихъ вещей, написанныхъ болѣе книжнымъ языкомъ, чѣмъ матеріалъ предшествующихъ двухъ книгъ. Оно и понятно: здѣсь имѣются въ виду учащіеся, уже не первый годъ читающіе литературу съ толкомъ и разборомъ, а потому подготовившіеся къ болѣе сложному и трудному литературному языку и, пожалуй, къ болѣе серьезнымъ вопросамъ, подымаемымъ помѣщенными здѣсь статейками, разсказами и стихотвореніями.

Первая статья озаглавлена *Воспитаніе*. Разсказывается о томъ, какъ отецъ выростилъ хорошее дерево, благодаря тщательному уходу за нимъ, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать своему сыну приличное наставленіе: „Видишь ли,— сказалъ онъ,— какое хорошее дерево выросло при моемъ уходѣ! — Дай Богъ, чтобъ и ты такъ же отблагодарилъ меня за мои заботы о твоемъ воспитаніи“. За этимъ разсказомъ слѣдуетъ задача, которую г. Тихомировъ предлагаетъ учащимся: „сказанное объ яблонѣ и садовникѣ примѣнить къ людямъ“. А потомъ задается письменная работа, заключающаяся въ короткихъ отвѣтахъ на вопросы, исчерпывающіе содержаніе разсказа.

За этимъ слѣдуетъ стихотвореніе Измайлова, которое приведемъ, чтобы показать, какими произведеніями поэзіи пользуется подчасъ составитель хрестоматіи съ цѣлію проведенія извѣстнаго цикла идей въ дѣтскую среду: „*Пожеланіе ребенку*. Родяся, плакалъ ты, малютка, въ колыбели. Съ улыбкой радостной мы на тебя смотрѣли. Дай Богъ, чтобы ты жизнь съ улыбкой прекратилъ, и слезы на своей могилѣ заслужилъ“.

Далѣе слѣдуютъ стихотворенія и прозаическіе разсказы, могущіе послужить поводомъ къ бесѣдамъ съ дѣтьми о сиротствѣ, нищетѣ, молитвѣ и о томъ, какую надежду посылаетъ Господь въ крестѣ. Послѣдній вопросъ подымается по поводу четырехъ строкъ поэта Козлова, озаглавленныхъ: *Крестъ*.

Послѣ этого слѣдуютъ разсказы, вызывающіе бесѣды объ одиночествѣ и бѣдности, о жизни въ чужихъ людяхъ, о сущности счастья, о

томъ, какая разница между взглядами Господа Бога и взглядами людей на жизнь и человѣка (этотъ послѣдній вопросъ обсуждается по поводу стихотворенія Мея *Сиротворенный*), о происхожденіи бѣдности и горя, о подражаніи Богу (см. *Завѣтное кольцо*), о силѣ любви (по поводу разсказа изъ жизни апостола Іоанна), о трудѣ, о просвѣщеніи (послѣдній вопросъ по поводу басенъ Крылова), о смерти за родину (по поводу разсказа изъ событій послѣдней нашей войны) и пр.

Очень много статей помѣщено по исторіи Россіи, причемъ дается вкратцѣ понятіе о *Наказѣ* императрицы Екатерины II, объ освобожденіи крестьянъ, гласномъ судѣ и всесословномъ земствѣ. Есть нѣсколько статей по отечествовѣдѣнію и по естествознанію.

Волшебный фонарь въ народной школѣ (По даннымъ Александрійскаго уѣзднаго земства за 1889—1895 годы). Н. И. Борисова. Изданіе херсонской губернской земской управы. Херсонъ, 1896 г. Въ числѣ средствъ, такъ называемаго, внѣшкольнаго образованія народа, чтеніямъ съ волшебнымъ фонаремъ предстоитъ занять одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Могущественное образовательное значеніе фонаря заключается въ его доступности для неграмотнаго населенія, а также въ той наглядности, которая такъ особенно необходима и плодотворна при сообщеніи любыхъ свѣдѣній по всякому отдѣлу знанія толпѣ, непросвѣщенной даже и простою грамотностью. Къ счастью, употребленіе волшебнаго фонаря при народныхъ чтеніяхъ признается у насъ полезнымъ, кажется, всѣми безчисленными вѣдомствами, которымъ только поручено руководительство дѣломъ просвѣщенія народа, и если чтенія съ фонаремъ не получаютъ еще въ нашемъ отечествѣ того быстраго развитія, какого они заслуживаютъ сами по себѣ, то виною является дороговизна фонаря и картинъ, а также, частью, и чрезмѣрная скудость каталога разрѣшенныхъ чтеній. Тѣмъ не менѣе, приходится довольствоваться и малымъ, и несовершеннымъ (въ отношеніи литературныхъ качествъ разрѣшенныхъ „чтеній“). Кто слѣдитъ за провинціальными газетами, тотъ знаетъ, что въ настоящее время волшебный фонарь дѣлаетъ свое скромное дѣло во множествѣ уголковъ нашего отечества. Брошюра Н. И. Борисова, посвященная обстоятельному историческому очерку внѣдренія чтеній въ Александрійскомъ уѣздѣ, является, поэтому, какъ нельзя болѣе современною. Прочтя ее, всякій земскій дѣятель воочію убѣдится въ томъ многознаменательномъ фактѣ, что деревенскій людъ, который такъ любятъ обвинять въ пьянствѣ ничего не дѣлающіе для него его „друзья“ изъ букѣевской орды, валомъ-валитъ, отъ стара до-мала, на чтенія, забывая при этомъ не только кабаки, но даже такія важныя событія, какъ свадьбы („вечеринки отъ насъ не втичуть“). И слушаетъ эта тѣсная толпа незамысловатыя чтенія, затаивъ дыханіе и простаивая на ногахъ по четыре часа подъ-рядъ и со слезами умиленія дивуется на „дыво“ или „волшебную штуку съ ловкими картинами изъ тумана“. Но чудодѣйственный фонарь не только просвѣщаетъ толпу, не только отвлекаетъ ее отъ кабака и вредной праздности, но и укрѣпляетъ нравственную связь этой толпы со школой, побуждаетъ родителей посылать въ нее своихъ дѣтей, старшіе представители которыхъ такъ искусно повторяютъ по картинамъ содержаніе прочитаннаго и такъ умѣло помогаютъ учителямъ во время чтенія, ловко справляясь съ хитрой механикой фонаря. И этого мало: тѣ же чтенія служатъ, по отзывамъ учителей и учительницъ, прекраснымъ повторительнымъ курсомъ для окончившихъ уже курсъ народной школы и своего рода публичнымъ

экзаменомъ для учащихся. „Еслибы,— пишетъ одинъ учитель,— была возможность производить чтенія каждую субботу, то *все населеніе* легко и наглядно могло бы усвоить себѣ событія изъ священной исторіи...“ Вообще, помимо дѣловой и цифровой части труда г. Борисова, интереснѣйшую часть брошюры представляютъ приложенныя къ ней *Извлеченія изъ отчетовъ завѣдующихъ школами о чтеніяхъ съ туманными картинами въ 1889—92 гг.* (68 отчетовъ по 45-ти школамъ). Познакомившись съ этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, а также и съ тѣмъ, что за семь лѣтъ на 854-хъ чтеніяхъ въ Александрійскомъ уѣздѣ перебывало посѣтителей 163,777 человѣкъ (въ среднемъ по 192 челов. на одномъ чтеніи), въ числѣ которыхъ было: 84,816 чел. взрослыхъ, 29,347 чел. неучащихся и 49,614 учащихся, всякій земскій дѣятель смѣло положитъ свой шаръ за широкую организацію чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ сельскихъ школахъ, а когда нужно, то и окажетъ этому дѣлу свое личное и непосредственное содѣйствіе.

Отчетъ Симбирской безплатной народной библіотеки-читальни въ память И. А. Гончарова за 1895 годъ. Симбирскъ, 1896 г. 1895 годъ—третій существованія этой библіотеки, основанной на родинѣ нашего писателя. Къ концу этого года библіотека располагала 2,825 экземплярами книгъ и брошюръ, изъ которыхъ наибольшее количество падало на беллетристику (828) и книги религіозно-нравственнаго содержанія (263); книгъ научнаго содержанія имѣлось къ тому же времени 192, историческаго (и біографическаго) — 79 и учебныхъ пособій — 47. Кромѣ того періодическихъ изданій было 1,406 томовъ. Бюджетъ библіотеки составлялся въ 1895 г. изъ 300 р. пособія отъ городской думы, 155 р. 94 к. пожертвованій и 91 р. 25 к. сбора со спектакля, всего 547 р. 19 к., что вмѣстѣ съ остатками отъ предыдущаго года (220 р. 93 к.) равнялось 768 р. 12 к. Почти вся эта сумма и была израсходована, за исключеніемъ 13 р. 59 к., причемъ на покупку книгъ и выписку газетъ и журналовъ пошло 220 р. 32 к., на переплетъ книгъ—139 р. 10 к., на жалованье служащимъ—265 руб. и т. д. Пользуются услугами этого учрежденія 1,548 подписчиковъ (1,047 мужского пола и 501 женскаго); преобладающій возрастъ читателей отъ 8 до 15 лѣтъ (943 ч.), затѣмъ отъ 15 до 20 лѣтъ (292 ч.) и отъ 20 до 25 лѣтъ (121 ч.); обращаются въ библіотеку болѣе всего мѣщане (711) и крестьяне (410) и довольно значительное число дворянъ и чиновниковъ (238), менѣе всего—военные (40). Что касается до распредѣленія кліентовъ библіотеки по занятіямъ, то крупнѣйшую цифру даютъ учащіеся, (1,004 человѣка), изъ числа которыхъ 838 челов. учится въ начальныхъ школахъ и городскомъ училищѣ, а 166—въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вторую крупнѣйшую цифру даютъ ремесленники, рабочіе, прислуга и пр. — 345 челов. Книги выдаются или подъ залогъ, который былъ внесенъ 168 лицами въ количествѣ 107 р. 1 к., или же по поручительствамъ (1,380 человѣкъ). По словамъ отчета, читатели вообще относятся добросовѣстно къ библіотекѣ. По числу требованій первое мѣсто занимала беллетристика (9,293), второе—обще-литературные журналы (5,071), третье—приложенія къ журналамъ (4,126), четвертое—дѣтскіе журналы, пятое—иллюстрированные журналы (2,520) и шестое—газеты (1,230). Книгъ религіозно-нравственнаго содержанія было выдано 700 экземпляровъ, по географіи (и путешествію)—384, для народа и солдатъ—359, историческихъ—283, по естествознанію — 207 и по сельскому хозяйству всего 25. Въ частности, изъ числа писателей требовался болѣе всего Тургеневъ

(722 выдачи), Григоровичъ (509 выд.), Гончаровъ (457 выд.), Л. Толстой (369 выд.), Гоголь (356 выд.), Лажечниковъ (333 выд.), Островскій (250 выд.), Пушкинъ (194 выд.), Лермонтовъ (177 выд.) и т. д. Изъ иностранныхъ читались: Вольтеръ-Скоттъ—121 выдача, Диккенсъ—103 выд., Шекспиръ—90 выд., Байронъ—45 выд. и Гёте—26 выдачъ. Сочиненія Гоголя и Гончарова, по отчету, были постоянно на рукахъ и требованій на нихъ библіотека не могла удовлетворять. Нельзя не отмѣтить одного характернаго явленія изъ жизни библіотеки: она получала отъ многихъ лицъ пожертвованія книгами. Такихъ пожертвованій поступило всего въ отчетномъ году 248 на сумму 166 р. 30 к., но при этомъ оказалось, что 175 книгъ изъ общаго числа *не допущены въ библіотеку* дѣйствующими правилами. Къ числу послѣднихъ относятся, напримѣръ, такія книги: *Бѣсы* Достоевскаго, 13 томъ „Сочиненій“ Л. Толстого, затѣмъ нѣкоторые журналы.

Народный театръ. Сборникъ. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. М., 1896 г. Ц. 2 руб. Печальная участь выпала у насъ въ Россіи на долю народнаго театра.

Кое-что дѣлается по этой части то тутъ, то тамъ; но все это совершается вразбродъ, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, какъ-то робко и словно неувѣренно, въ видѣ слабыхъ попытокъ и далеко не всегда прочныхъ начинаній. Такъ въ Петербургѣ существуютъ уже 10 слишкомъ лѣтъ общедоступный театръ и гулянья для рабочихъ на Васильевскомъ островѣ.

Изъ другихъ скромныхъ начинаній слѣдуетъ указать на существующій тоже болѣе 10 лѣтъ театръ за Невской заставой, въ селѣ Александровскомъ, учрежденный невскимъ обществомъ устройства народныхъ развлеченій, и театръ въ Одессѣ. Затѣмъ, начинаютъ кое-гдѣ и въ деревняхъ устраивать сцену для народа: имена г. Бунакова и г-жи Лавровой въ этомъ отношеніи достаточно извѣстны всѣмъ, кто маломальски интересуется этимъ вопросомъ. Новость дѣла и недостаточная опытность его устроителей служатъ причиной тому, что до сихъ поръ не установились какіе бы то ни было твердые и прочные принципы по вопросу о задачахъ народнаго театра и о мѣрахъ его осуществленія. Эта невыясненность дѣла отразилась и на характерѣ помѣщенныхъ въ сборникѣ статей: нельзя сказать, чтобы въ нихъ было полное единство мысли или опредѣленный взглядъ на вещи. Казалось бы, что статья предисловія, принадлежащая перу редактора сборника г. Тимковскаго, должна была бы играть роль profession de foi редакціи, выражать основную идею всего сборника. Однако, здѣсь же помѣщена статья г. Степанова который смотритъ на дѣло нѣсколько иначе, а подчасъ по весьма существеннымъ вопросамъ высказываетъ взгляды, прямо противоположные идеямъ какъ г. Тимковскаго, такъ и остальныхъ сотрудниковъ сборника.

Авторъ предисловія признаетъ пользу театра, какъ отвода отъ кабака, какъ мѣру борьбы противъ пьянства—во-первыхъ, и какъ союзника школы—во-вторыхъ. Той же мысли держится и г. Бунаковъ въ помѣщенной здѣсь статьѣ *Размышленія по поводу выставки народнаго театра, устроенной въ Москвѣ въ 1895 г.* Онъ даже ссылается на такихъ популярныхъ представителей духовенства, какъ о. Рождественскій и о. Янышевъ, которые видятъ въ театрѣ союзника церкви.

Г. Бунаковъ первою задачей народнаго театра ставитъ благородный отдыхъ и увеселеніе,—однимъ словомъ, удовольствіе для народа, утомленнаго денной работой, а г. Степановъ въ этомъ же самомъ сборникѣ

горячо возстаетъ противъ такого взгляда. Цѣль народной сцены сводится у него къ одному,—провести ту или иную опредѣленную и ясную *мысль*. Можно подумать, что говорится не о драматическихъ художественныхъ произведеніяхъ, а о какихъ-нибудь научныхъ или публицистическихъ трактатахъ. И знаете ли, какую пьесу всего болѣе восхваляетъ г. Степановъ? *Мельника-колдуна*—Аблесимова! А какія произведенія бракуетъ?—Ни болѣе, ни менѣе, какъ творенія Гоголя и Мольера.

Г. Степановъ не согласенъ и съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ предисловіи—о значеніи театра въ борьбѣ противъ пьянства и кабака. Онъ объявляетъ себя вынужденнымъ „*категорически* отвѣтить, что театръ не можетъ бороться съ кабакомъ“ (стр. 224). Такимъ образомъ, передъ нами два категорическихъ мнѣнія: одно выражено въ руководящей статьѣ, а другое, совсѣмъ ему противоположное—въ статьѣ г. Степанова.

Г. Щегловъ настаиваетъ на односторонности того взгляда, будто народу нужно показывать на сценѣ народный бытъ; а г. Степановъ утверждаетъ какъ разъ противоположное.

Г. Степановъ замѣтилъ, что народъ относится скептически къ основной мысли пьесъ, взятыхъ изъ чуждаго крестьянину быта, а сталобыть и иностранныхъ. „Ну, это не у насъ“,—вотъ что, по его мнѣнію, замѣчаютъ зрители-простолюдины, выслушавъ пьесу изъ иностраннаго переводнаго репертуара (стр. 229). Какъ разъ обратное тому высказываетъ г. Щегловъ, возстающій противъ бытового репертуара, какъ „непрошеннаго напоминанія“ народной сѣроты и бѣдноты. И приводитъ въ примѣръ успѣхъ Шекспировскаго *Отелло* у сѣрой публики Васильевскаго театра. „Сермяжный зритель,—говоритъ онъ,—казалось, явно былъ поглощенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что великолѣпный генералъ Отелло ревнуетъ и мучается на островѣ Кипрѣ совершенно такъ же, какъ ревнуетъ и мучается его землякъ Никита изъ Тульской губерніи Веневскаго уѣзда, и это любезное совпаденіе, помимо личнаго удовольствія, какъ бы пріобщало его къ общей жизни человѣчества“ (стр. 82).

Г. Степановъ считаетъ Мольера безнравственнымъ писателемъ съ вредными идеями. Комедіей *Жоржъ-Дандэнъ*, которую очень не любитъ г. Степановъ, Мольеръ, по мнѣнію его, хотѣлъ провести мысль; „не въ свои сани не садись“ и еще другую, болѣе опасную, что „ловкая жена всегда заставитъ мужа плясать по своей дудкѣ“. Внушать подобныя возмутительныя идеи народу—крайне нежелательно, проповѣдуетъ г. Степановъ, желающій наводнить сцену однѣми тенденціозными пьесами, а гг. Бунаковъ и Поповъ въ этомъ же сборникѣ не находятъ словъ, чтобъ убѣдить читателей, что всякія пьесы, написанныя съ цѣлью поученія, вызываютъ въ зрителяхъ одну невыносимую скуку и отваживаютъ ихъ отъ театра.

Между тѣмъ, г-жа Лаврова помѣстила въ сборникѣ статью о постановкѣ именно только-что упомянутой пьесы Мольера на деревенской сценѣ и въ восторгѣ отъ того благотворнаго дѣйствія, которое оказывала эта комедія на зрителей, возбудивъ въ нихъ живой обмѣнъ мыслей по вопросамъ нравственной категоріи. Никто, рѣшительно ни одинъ человѣкъ, вопреки предположенію г. Степанова, не выражалъ сочувствія супругамъ Сотенвилямъ и ихъ дочери за то, что она одурачила Дандена. Что касается до его личности, то одни ему прямо сочувствовали, другіе называли дуракомъ. „Чванство и глупость родите-

лей, злая хитрость дочери были оцѣнены по достоинству" (стр. 215). Пьеса, вообще говоря, была понята очень хорошо.

Очень жаль, что въ сборникѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о народномъ театрѣ на Западѣ, кромѣ крошечной статейки, скорѣе—замѣтки А. Н. Веселовскаго о чешскомъ народномъ театрѣ. Но г. Веселовскій не даетъ намъ никакого понятія ни о характерѣ репертуара этой сцены, ни объ отношеніи публики къ этому репертуару,—однимъ словомъ, ничего, чѣмъ бы можно было воспользоваться, какъ примѣромъ, на нашей русской народной сценѣ.

Вообще, нельзя не сознаться, что мы, все-таки, еще остаемся очень бѣдными фактическимъ матеріаломъ. И намъ не пришлось бы жаловаться на эту бѣдность, еслибъ у насъ побольше было такихъ статей, какъ *Музыка въ деревнѣ* г-жи Сѣровой (стр. 86—99), воспоминанія г. Беккаревича, сообщенія г-жи Лавровой, г. Бунакова и нѣкоторыя другія. Г. Беккаревичъ даетъ чрезвычайно интересное и поучительное сообщеніе о попыткѣ устройства профессіональнаго театра въ селѣ. Это было въ 1886 году. Шесть юныхъ начинающихъ артистовъ, въ томъ числѣ и авторъ, отправились въ село Балаково (на Волгѣ), Самарской губ., и тамъ на площади выстроили досчатый балаганъ; съ самаго же начала дѣла противъ артистовъ начались гоненія. Мѣстный священникъ въ проповѣдяхъ внушаетъ толпѣ идею, что театръ—явленіе вредоносное, чуть не хуже кабака. Мало того: считая актеровъ за чертей, онъ отказывается г. Беккаревича вѣнчать, и молодой человѣкъ вынужденъ былъ отложить свадьбу на неопредѣленное время, пока не попалъ въ Оренбургъ, гдѣ нашелся болѣе просвѣщенный священникъ и обвѣнчалъ его. Никто не хотѣлъ пускать лицедѣевъ въ домъ въ качествѣ жильцовъ. И только тогда они были приняты, когда уплатили всѣ деньги впередъ и дали слово ни подъ какимъ видомъ не употреблять дьявольскаго зелья, т.-е. не курить. Не особенно лестно отнеслось къ актерамъ и начальство. Такъ и уѣхали актеры по окончаніи лѣтняго сезона, не въ силахъ будучи побороть равнодушія публики и враждебнаго отношенія мѣстныхъ заправилъ. Это не помѣшало г. Беккаревичу сдѣлать новую поѣздку и даже двѣ въ то же богоспасаемое село. Но тутъ ему уже посчастливилось. И самъ онъ пріѣхалъ съ болѣе обширной труппой,—уже не вшестеромъ, а въ 12 человѣкъ. И публика-то успѣла за первый сезонъ болѣе свыкнуться съ актерами, привѣтливо ихъ встрѣтила и охотно стала посѣщать.

Отрадные факты приводитъ намъ далѣе г. Беккаревичъ. Всего болѣе успѣха имѣла *Гроза* Островскаго. По окончаніи представленія въ публикѣ царило гробовое молчаніе, и она долго не двигалась съ мѣста, видимо глубоко потрясенная содержаніемъ драмы. Молодому артисту, понимающему высокое назначеніе сцены, доставляло великую радость и счастье убѣдиться, какъ еще не испорчены и чисты вкусы простого, сѣраго зрителя. Плѣнявшая Москву и Петербургъ извѣстная пѣвичка „Шура-молдаванка" не имѣла въ Балаковѣ никакого успѣха: сельска[я] публика стыдилась ее слушать, и артистка обманулась въ своихъ н[а]деждахъ на поддержку со стороны мѣстнаго купечества. Г. Беккар[е]вичъ даетъ намъ и еще другое утѣшительное свѣдѣніе, что не тольк[о] въ Балаковѣ, но и во всѣхъ другихъ селахъ, гдѣ только ему прих[о]дилось бывать, публика относится съ явнымъ несочувствіемъ къ л[е]кому репертуару въ духѣ коршевской сцены.

Въ результатѣ своихъ артистическихъ поѣздокъ по селамъ г. Бе[к]каревичъ вынесъ то убѣжденіе, что въ селѣ можно прекрасно прос[у]

ществовать и профессіональнымъ актерамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заявляетъ, что играть въ селѣ неизмѣримо интереснѣе, чѣмъ въ городѣ, потому что здѣсь сразу чувствуется тѣсная связь артиста съ зрителемъ, что далеко не часто бываетъ въ городѣ. „Кончились эти поѣздки тѣмъ,—говоритъ г. Беккаревичъ,—что я сейчасъ знаю двухъ-трехъ актеровъ, которые отказываются отъ выгодныхъ мѣстъ лѣтомъ и охотно ѣдутъ въ село". И въ добрый часъ!

Деревня нуждается въ молодыхъ, энергичныхъ дѣятеляхъ, а потому примѣръ г. Беккаревича и труппы его сотоварищей очень симпатиченъ и долженъ вызвать подражанія со стороны остальныхъ актеровъ обширной Россіи, которыхъ такъ много, которые такъ часто жалуются, что имъ негдѣ играть, потому что конкурренція огромна и предложеніе неизмѣримо превышаетъ спросъ, а между тѣмъ забываютъ, что ихъ съ распростертыми объятіями встрѣтила бы простая русская деревня и не допустила бы, чтобъ они голодали такъ, какъ голодаютъ теперь многіе и многіе актеры, остающіеся безъ ангажемента.

Редакція *Сборника* очень хорошо поступила, что помѣстила для образца нѣсколько пьесъ, дающихся на народной сценѣ, причемъ каждая относится къ какому-нибудь особому типу пьесъ. Очень интересна комедія *Царь Максиміанъ*. Читая ее, вы легко начинаете понимать, почему она издавна пользуется такой обширною популярностью у народа: она вся полна живого юмора, юмора чисто-русскаго, народнаго, и вся проникнута народнымъ міросозерцаніемъ. И, право, автору, или вѣрнѣе—авторамъ ея должны были бы очень позавидовать тѣ интеллигентные составители комедій для народа, произведенія которыхъ помѣщены въ сборникѣ: гг. Максимовъ и Тимковскій, юморъ которыхъ слишкомъ натянутый и искусственный и которые своими пьесами скорѣе наводятъ на васъ скуку, чѣмъ веселое настроеніе. За то комедія *Шемякинъ судъ*, взятая изъ стариннаго народнаго сказанія, читается съ большимъ интересомъ и написана г. Поповымъ достаточно живо. Но передѣлка Лермонтовской *Пѣсни о царѣ Иванѣ Васильевичѣ*, сдѣланная г. Арбатовымъ, очень неудачна. Она не годится для сцены: въ ней нѣтъ никакого движенія; нѣтъ живыхъ діалоговъ, а есть длинныя рѣчи, произносимыя поочередно: Грознымъ, Кирибѣевичемъ, Калашниковымъ и т. д. Какая же это пьеса?

Для всѣхъ, кто интересуется вопросомъ о народномъ театрѣ, о его задачахъ, о положеніи дѣла въ настоящую минуту и о его прошломъ,—книга, изданная г-жей Лавровой и г. Поповымъ,—можетъ послужить единственной пока у насъ настольной книгой и принесетъ имъ несомнѣнно серьезную пользу.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts" *Von A. Brückner.* — „Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія". *Вл. Каллаша.* — „Императрица Екатерина II". Очеркъ *А. Бориневича.*—„Избранныя сочиненія Императрицы Екатерины II". Подъ ред. *Н. С Карцева.*—„Императрица Екатерина Вторая Великая". *П. Борзаковскаго.* — „Русская классная библіотека Чудинова". Вып. XIX.—„Исторія искусствъ". *П. Гнѣдича.* Т. I, вып. I.

Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts. Von A. Brückner. Band I. Ueberblick der Entwickelung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha. Friedrich Andreas Perthes. 1896. Покойный А. Г. Брикнеръ до послѣднихъ дней своей жизни не покидалъ

сотрудничества въ нашемъ журналѣ; напечатанной въ сентябрьской и ноябрьской книжкахъ статьи *Записки графа Ланжерона о русскомъ войскѣ* ему уже не удалось увидать. Брикнеръ принадлежалъ къ числу историковъ старой школы, онъ не гонялся за очередными вопросами современной исторіографіи, остановился на той точкѣ историко-философскаго міровоззрѣнія, съ какой приступалъ къ своимъ историческимъ работамъ, и, все-таки, надо признаться, что смерть застала его некстати и не во-время, какъ разъ среди работъ, которыя не могли не интересовать русскаго читателя, привыкшаго цѣнить въ Брикнерѣ яснаго, точнаго, обстоятельнаго и живого историческаго разсказчика: его исторіи Петра Перваго, Екатерины Второй и князя Г. А. Потемкина остаются пока незамѣнимыми въ нашей литературѣ и можно сказать единственно доступными для средней читающей публики. Брикнеръ очень не мало сдѣлалъ у насъ для историческаго развитія послѣдней; въ этомъ заключается его большая заслуга предъ русскимъ обществомъ, тѣмъ болѣе любопытная, что его научно-популярная дѣятельность началась гораздо ранѣе, чѣмъ таковая превратилась въ моду, какъ то мы наблюдаемъ сейчасъ. Послѣдній его трудъ—*Исторія Россіи до конца XVIII столѣтія*—также принадлежитъ къ числу широко задуманныхъ научно-популярныхъ сочиненій по общей исторіи Россіи и въ то же время является итогами его плодовитой исторической работы. Едва ли кто не знаетъ, что наша историческая литература крайне нуждается въ такомъ сводномъ сочиненіи, которое охватывало бы всю исторію Россіи, не утомляло бы читателя нагроможденіемъ массы фактовъ, но, давая стройное, законченное и объединенное опредѣленною точкой зрѣнія на предметъ изложеніе, было бы вполнѣ доступно для читателей очень невысокаго образовательнаго уровня. Книга Брикнера, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу такихъ сочиненій, и передѣлка ея для русскаго изданія намъ представляется необходимой. Ея первый томъ охватываетъ время до смерти Петра I включительно, второй—до смерти Екатерины II. На подобіе извѣстной книги П. Н. Милюкова *Очерки по исторіи русской культуры* первый томъ сочиненія Брикнера съ подзаголовкомъ—„обзоръ историческаго развитія Россіи до конца петровской реформы"—представляетъ собою нѣсколько продольныхъ разрѣзовъ по исторіи Россіи, установленныхъ сообразно вкусамъ автора. Само собою разумѣется, что мы не безъ умысла сопоставляемъ *Очерки по исторіи русской культуры*, и *Исторію Россіи до конца XVIII столѣтія* и совсѣмъ не думаемъ, что это—двѣ равныя величины; мы хотимъ только сказать, что для нашей публики было бы необходимо общее сочиненіе, которое служило бы преддверіемъ въ *Очерки*, и что такимъ превосходнымъ преддверіемъ можетъ служить именно русская переработка *Исторіи Россіи* Брикнера. Пять главъ, на которыя подраздѣляется первый томъ разбираемой *Исторіи Россіи*, составляютъ пять совершенно самостоятельныхъ очерковъ, связанныхъ между собой единствомъ мысли и логической послѣдовательностью содержанія.

Первая глава (стр. 1 — 165) — *Европа и Россія*, очеркъ постепеннаго ознакомленія иностранцевъ съ Россіей, начиная съ глубокой древности и кончая Винценомъ и Лейбницемъ. Читатель узнаетъ здѣсь, какъ „западный культурный міръ" мало-по-малу открывалъ Россію, какою она ему представилась и въ чемъ замѣчена была разница между этимъ западно-европейскимъ культурнымъ міромъ и азіатскимъ государствомъ на восточно-европейской равнинѣ.

Особый раздѣлъ посвященъ характеристикѣ положенія иноземныхъ пословъ въ московскомъ государствѣ, причемъ для большей яркости иллюстраціи авторъ касается въ свою очередь роли московскихъ пословъ за границей. Роль эта, какъ извѣстно, очень своеобразная, полная цѣлой серіей анекдотическихъ разсказовъ, изъ которой авторъ сумѣлъ сдѣлать остроумный выборъ и, не стѣсняясь, отмѣтилъ въ то же время, что наблюденія иноземныхъ пословъ въ Московіи не могли быть особенно глубокими, разъ съ ними обращались тамъ почти какъ съ плѣнниками. Русскаго читателя заинтересуетъ въ первой главѣ книги Брикнера и небольшой раздѣлъ (стр. 73—90), посвященный *восточному вопросу*, который излагается здѣсь дѣловито и просто. *Вторая* глава (стр. 166—280)—*Страна и народъ*—посвящена характеристикѣ русской территоріи и этнографическаго состава населенія, причемъ обращаютъ на себя вниманіе раздѣлы, посвященные варяжскому вопросу (стр. 226—241) и вопросу о смертности русскаго населенія. Третья (стр. 281—440) и четвертая (стр. 441—532) главы излагаютъ роль и значеніе Византіи и татарщины въ русской исторіи; въ нихъ разсыпано не мало замѣчаній, очень не новыхъ для спеціалистовъ, но крайне любопытныхъ для русскаго читателя, привыкшаго къ традиціонному и фальшивому изложенію затронутыхъ вопросовъ въ русскихъ изданіяхъ.

Глава пятая и послѣдняя—*Россія и Европа*—составляетъ противоположеніе первой; матеріалъ трехъ предшествующихъ главъ является лишь иллюстраціей и оправданіемъ той основной мысли, которую всегда высказывалъ и высказываетъ въ данномъ случаѣ авторъ при обсужденіи русскаго историческаго прошлаго, начиная съ реформы Петра I. Послѣдняя глава—очеркъ поворота Московскаго государства къ Западу и постепеннаго проникновенія въ русскую жизнь началъ западно-европейскаго культурнаго государства. Характеристики русскихъ западниковъ XVII столѣтія сопровождаются у Брикнера тщательнымъ выясненіемъ роли иноземцевъ въ русской жизни. Брикнеръ еще разъ въ своихъ итогахъ является горячимъ апологетомъ реформы Петра, его *диктатуры*, выросшей на подготовленной предшествующими поколѣніями почвѣ. Никто настойчивѣе Брикнера не изучалъ любопытнаго вопроса о постепенномъ пересозданіи нашей страны изъ азіатской въ европейскую, никто такъ обстоятельно и научно не подчеркивалъ громадной роли иноземнаго вліянія и иноземцевъ въ нашей исторіи,—и въ то же время едва ли найдется серьезное мнѣніе, которое стало бы утверждать, что бывшій дерптскій профессоръ русской исторіи былъ тенденціознымъ. Тенденціозно не изложеніе Брикнера, а выборъ основного сюжета для изученія; но, вѣдь, выборъ сюжета дѣло личнаго вкуса и ученаго направленія, вся суть въ томъ, чтобы разъ избранный сюжетъ былъ изученъ всесторонне и изложенъ объективно. Брикнера едва ли можно упрекать за рѣзкое отсутствіе объективности; мы станемъ утверждать, что онъ куда объективнѣе многихъ русскихъ историковъ, которые при первомъ несогласіи съ ихъ взглядами кричатъ о тенденціозности своего противника и стараются уколоть его очень ржавымъ и истрепаннымъ оружіемъ, говоря, что у такого то NN, взявшагося за изученіе русской исторіи, нѣтъ русскаго духа или національнаго чувства. Одинъ изъ русскихъ историковъ сурово положилъ предѣлъ подобнаго рода разглагольствованіямъ о возможности объяснять что-либо изъ особенностей національнаго характера при нынѣшнемъ состояніи науки русской исторіи. Національныя особенно-

сти, говоритъ онъ, конечно, кладутъ свою печать на исторію и видоизмѣняютъ основную тенденцію историческаго процесса, но вліяніе этого рода никакъ не можетъ играть значительной роли. Сами эти національныя отличія, національный типъ и характеръ—не есть нѣчто искони данное, а благопріобрѣтенное въ теченіе того же историческаго процесса,—не первичное, не основное, а лишь вторичное историческое явленіе. Сложившись разъ, это явленіе можетъ оказывать свою долю вліянія на историческій процессъ, вліяніе главнымъ образомъ задерживающее, какъ все унаслѣдованное отъ прошлаго; въ своей исходной точкѣ это явленіе само есть итогъ исторіи, результатъ другихъ болѣе основныхъ условій исторической жизни. Но поскольку національныя особенности сами оказываютъ вліяніе на исторію, оцѣнка этого вліянія сильно затрудняется какъ неуловимостью характера подобныхъ вліяній, такъ и тѣми преувеличеніями, къ которымъ склонно въ этомъ вопросѣ національное самолюбіе и противъ котораго особенно долженъ держаться на-сторожѣ историкъ. „При настоящемъ состояніи нашей науки объяснять что-либо изъ особенностей національнаго характера, значитъ признаться въ незнаніи и въ безсиліи дать надлежащее объясненіе“. Приведенная сейчасъ точка зрѣнія, которую мы раздѣляемъ вполнѣ, дастъ читателю возможность отнестись критически здраво къ *послѣднему* труду Брикнера, усердно нами рекомендуемому и въ случаѣ перевода на русскій языкъ нуждающемуся въ сильной передѣлкѣ.

Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія. Вл. Каллаша. Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М., 1896 г. На страницахъ этой брошюры въ яркомъ и образномъ изложеніи характеризуется просвѣтительная дѣятельность знаменитой государыни. Съ полной объективностью, безъ панегирическаго, юбилейнаго восторга и безъ слѣпого отрицанія указываетъ авторъ на размѣры и историческое значеніе того, чѣмъ подарила русскую культуру „Матушка Екатерина“; для того, чтобы рельефнѣе выяснить ея заслуги, онъ рисуетъ предшествовавшую ей и современную ей эпоху, на фонѣ которой такъ рѣзко выдѣлялись ея начинанія. Г. Каллашъ удѣляетъ много мѣста времени Петра, безъ котораго было бы непонятно время Екатерины, и читатель видитъ, какъ постепенно и съ колебаніями оживлялись созданныя Петромъ „тѣла“ и принимали въ себя созданныя Екатериной „души“ Въ литературу о русской императрицѣ очеркъ г. Каллаша не вноситъ крупной и особенно важной лепты; изъ него нельзя вынести новыхъ фактовъ и взглядовъ, но все до сихъ поръ разработанное въ этой области исторической науки нашло себѣ въ трудѣ автора умѣлую группировку и правильное освѣщеніе.

Императрица Екатерина II. Новороссія и Одесса. Общедоступный очеркъ А. Бориневича. Одесса, 1896 г. Г. Бориневичъ далъ очень сжатый, скучно и сухо написанный очеркъ дѣятельности Екатерины и не особенно искусно связанныя съ нимъ краткія историческія свѣдѣнія о Новороссіи и Одессѣ. О характерѣ этого очерка можно судить на основаніи такихъ, наприм., выдержекъ: „по смерти Елизаветы Петровны *царевичъ* Петръ Ѳеодоровичъ былъ на престолѣ недолго, всего полгода, и *отказался отъ него въ пользу* своей супруги Екатерины Алексѣевны“ (стр. 6); „она писала и въ журналѣ *Собесѣдникъ*, который издавался *другомъ* ея, кн. Дашковой“ (стр. 8); „заботясь о здравіи населенія, она лично подавала примѣры огражденія себя отъ болѣзней“ (стр. 12) и пр. Книга украшена плохими портретами Екатерины, Потемкина и де-Рибаса.

Избранныя сочиненія Императрицы Екатерины II. Подъ редакціей Н. С. Карцева. Спб., 1896 г. Это—полезная, общедоступная выборка изъ сочиненій Екатерины. Объяснительныя замѣтки и примѣчанія составлены въ общемъ недурно. Пробѣловъ, впрочемъ, довольно много: объясняя, наприм., на стр. 64 „Клевеланда", г. Карцевъ ни слова не говоритъ объ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* и даже печатаетъ ихъ съ маленькой буквы. Трудно согласиться съ нѣкоторыми замѣчаніями автора: „одно то, что существуетъ, хотя и недолго, полемика противъ журнала *Всякая Всячина*, который завѣдомо руководился самой императрицей, достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что для мысли писателя нѣтъ уже прежнихъ стѣсненій" (стр. 52); невѣрно освѣщено отношеніе Екатерины къ Шекспиру и ея стремленіе къ народности (стр. 143); плохо изложены комедіи противъ сектантовъ (?)—масоновъ (стр. 141—2).

Императрица Екатерина Вторая Великая (1729—1762—1796 гг.). П. Борзаковскаго. Одесса, 1896 г. „Въ декабрѣ 1761 года скончалась Императрица Елизавета Петровна. На престолъ вступилъ Императоръ Петръ III Ѳеодоровичъ. Царствованіе его *однако* (почему—однако?) было непродолжительно. *Черезъ полгода онъ отрекся отъ престола въ пользу своей супруги; послѣ этого скоро скончался. Тогда* на престолъ вступила Императрица Вторая" (стр. 4). Вотъ какъ пишется исторія! Мы думаемъ, что г. Борзаковскій перехватилъ пальму первенства даже у г. Иловайскаго.

Вся небольшая брошюра г. Борзаковскаго переполнена такими историческими курьезами и сдобрена до тошноты дешевымъ патріотизмомъ. Въ концѣ приложены случайные, по большей части неудачно выбранные отрывки изъ сочиненій Екатерины. Своеобразное впечатлѣніе производитъ примѣчаніе г. Борзаковскаго: „Отрывки печатаются по изданію А. Смирдина... съ сохраненіемъ правописанія подлинника". Неряшливость, даже безграмотность изданій Смирдина—общеизвѣстный фактъ. Неужели онъ остался тайною для г. Борзаковскаго?

Русская классная библіотека Чудинова. Вып. XIX (Древне-русскіе повѣсти и романы). Свѣтскіе элементы древне-русской литературы, очень цѣнные съ научной точки зрѣнія, до сихъ поръ еще игнорируются нашею учебною литературой: давая болѣе или менѣе подробную характеристику подражательной церковной письменности, она останавливается только на немногихъ, самыхъ крупныхъ памятникахъ свѣтской литературы. Не указывая связи литературныхъ произведеній съ современною имъ общественною жизнью, смѣны литературныхъ направленій, не разъясняя исторіи идей и литературной техники, упуская изъ виду наиболѣе живыя черты литературы, она вноситъ въ свое изложеніе исторіи до-петровской словесности тотъ мертвенный, томительно-скучный характеръ, который такъ тяготитъ молодое поколѣніе.

Изданіе г. Чудинова, такимъ образомъ, восполняетъ крупный пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ. Въ немъ даны тексты слѣдующихъ повѣстей: Бова, Повѣсть о созданіи и плѣненіи Троискомъ, Девгеніево дѣяніе, Соломонъ и Китоврасъ (повѣсть-апокрифъ), Слово о Басаргѣ купцѣ, повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ, Списокъ съ суднаго дѣла у Леща съ Ершомъ. Въ качествѣ объяснительной статьи напечатано извлеченіе изъ замѣчательнаго труда акад. Веселовскаго. Къ сожалѣнію, восточныя, фантастическія и дидактическія повѣсти совсѣмъ не представлены; нѣтъ и отрывковъ изъ *Александріи*, Саввы Грудцына, Фрола Скобѣева, Великаго Зерцала, Римскихъ Дѣяній и Фацецій: только тогда

бы древне-русская повѣсть была представлена надлежащимъ образомъ. Статью акад. Веселовскаго слѣдовало пополнить извлеченіемъ изъ его же труда о славяно-романскихъ повѣстяхъ и прекраснаго труда акад. Буслаева *Перехожія повѣсти*. Все это—существенные пробѣлы, которые повредятъ успѣху счастливо задуманнаго изданія, по какой-то таинственной причинѣ снабженнаго портретомъ Аѳанасьева.

Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1893 годъ. Спб., 1896 г. Запоздавшій на 3 года отчетъ Публичной библіотеки, кромѣ обычныхъ данныхъ о дѣятельности библіотеки, содержитъ, въ приложеніяхъ, довольно любопытныя письма Шевырева къ Гоголю и Кюхельбекера къ кн. Одоевскому. Въ письмахъ Шевырева попадаются очень характерныя мѣста: „во время болѣзни я прочелъ и *Портретъ*, тобою передѣланный. Ты въ немъ такъ раскрылъ связь искусства съ религіей, какъ еще нигдѣ она не была раскрыта. Ты вносишь много свѣта въ нашу науку и доказываешь собою на зло нѣмцамъ, что творчество можетъ быть соединено съ полнымъ сознаніемъ своего дѣла" (стр. 6); „ты слишкомъ вводишь личное начало въ религію, и въ этомъ увлекаешься тѣмъ, что тебя окружаетъ. Римское католичество ведетъ къ тому, что человѣкъ не Бога начинаетъ любить, а себя въ Богѣ. Даже молитва въ немъ переходитъ въ какое-то самоуслажденіе" (стр. 40). Письмо Кюхельбекера (1845 г.) прекрасно обрисовываетъ его грустное положеніе, настроеніе послѣ 20-лѣтней ссылки, литературные вкусы и отношенія.

Исторія искусствъ, П. Гнѣдича. Томъ I, выпускъ 1-й. Съ 4 раскрашенными таблицами и 163 рисунками въ текстѣ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. Цѣна за все изданіе въ 12 выпускахъ 12 руб., съ перес. 14 руб. Лежащій передъ нами первый выпускъ *Исторіи искусствъ* изданъ необыкновенно роскошно, на отличной бумагѣ, прекраснымъ шрифтомъ, со множествомъ художественно исполненныхъ снимковъ съ произведеній зодчества и ваянія Египта, Вавилона, Ассаріи, древней Персіи и Греціи. Такое изданіе можетъ служить украшеніемъ библіотеки любителя и пособіемъ при урокахъ исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, гдѣ до сихъ поръ слишкомъ мало, по нашему мнѣнію, обращаютъ вниманія преподаватели на культуру народовъ, на ихъ духовное развитіе, довольствуясь тѣмъ, что юноши заучиваютъ имена царей и полководцевъ, нѣкоторые эпизоды войнъ и хронологію событій. Мы думаемъ, что для пониманія заученныхъ событій необходимо такое пособіе, какое издано въ настоящее время г. Марксомъ. Авторъ начинаетъ свою книгу разсказомъ объ искусствѣ древняго Египта и на первой страницѣ говоритъ: „Здѣсь именно, въ этой таинственной странѣ фараоновъ явились зачаточныя формы искусства, пустившія постепенно ростки и вѣтви вокругъ себя — и въ Азію, и въ Европу..." Относительно Европы и нѣкоторыхъ странъ Азіи, каковы Финикія и Палестина, это правильно, конечно. Но египетское искусство никоимъ образомъ не могло вліять на болѣе далекія страны, каковы Вавилонъ, а тѣмъ паче Индія и Китай, о которыхъ помина нѣтъ въ книгѣ г. Гнѣдича, тогда какъ эти страны несомнѣнно оказали въ свое время не малое вліяніе на дальнѣйшее развитіе зодчества во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Изъ дальнѣйшаго изложенія трудно уловить какую-либо связь между „зачаточными формами" Египта и тѣми образцами зодчества и ваянія, которые дошли до насъ отъ Эллады и открыты въ раскопкахъ Трои, Вавилона и Ниневіи. Авторъ говоритъ, между прочимъ: „Колоссальныя *сидячія* статуи боговъ, богинь, царей

и царицъ были самыми излюбленными египетскими изображеніями". „Излюбленными"—можетъ быть, но отнюдь не исключительно сидячія фигуры дошли до насъ. Въ пальмовой рощѣ близъ развалинъ Мемфиса лежатъ наружи двѣ колоссальныя статуи Рамзеса (какъ ихъ называютъ), изображеннаго стоящимъ. Перечисляя обелиски съ іероглифами, вывезенные въ Европу, г. Гнѣдичъ забылъ упомянуть про обелискъ, стоящій на площади въ Константинополѣ. Про колоссальнаго сфинкса около ближнихъ пирамидъ авторъ говоритъ, будто видна только его голова, а все туловище занесено пескомъ. Это ошибка, сфинксъ былъ занесенъ, теперь онъ весь на виду съ пьедесталомъ. Въ главахъ о греческомъ искусствѣ пропущены надгробные памятники, представляющіе собою интереснѣйшіе образцы древне-греческихъ барельефовъ и горельефовъ... Въ книгѣ, посвященной не зодчеству и ваянію только, а „искусствамъ" вообще, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, упомянуть о монетахъ и подробнѣе поговорить о музыкальныхъ инструментахъ. Быть-можетъ, авторъ предполагаетъ сдѣлать это впослѣдствіи и посвятитъ этимъ отраслямъ искусства особыя главы. Указанные нами пропуски не умаляютъ, впрочемъ, достоинствъ книги, написанной легкимъ, живымъ языкомъ, съ указаніями литературы трактуемаго предмета, что въ высшей степени полезно и важно для всякаго, кто пожелалъ бы ближе познакомиться съ тѣмъ, что его особенно заинтересуетъ. Въ виду изящества изданія, назначенная за него цѣна можетъ почитаться весьма умѣренною.

ПУТЕШЕСТВІЯ, ГЕОГРАФІЯ.

„На скалахъ Валаама". *Ивана Шмелева.* — „Путеводитель по Волгѣ". Изданіе *Ив. Иванова.*

На скалахъ Валаама. Путевые очерки (съ рисунками). Ивана Шмелева. Москва, 1897 г. Цѣна 80 коп. Монастыри, расположенные на группѣ острововъ Ладожскаго озера, представляютъ собою монашеское царство, совершенно обособленное отъ міра и непохожее на большинство русскихъ монастырей. Г. Шмелевъ не описываетъ подробно устройства этихъ своеобразныхъ общежитій; онъ въ живыхъ очеркахъ и сценахъ передаетъ лишь тѣ впечатлѣнія, которыя производили на него встрѣчи на пароходахъ съ богомольцами, отправлявшимися на Валаамъ, бесѣды съ разными обывателями монастырей, монастырскія гостиницы, трапезы, мастерскія и т. д. При этомъ авторъ обнаруживаетъ достаточную наблюдательность, чуткость къ видѣнному и слышанному, умѣнье обратить вниманіе на болѣе существенное и разсказать обо всемъ, имъ отмѣченномъ, въ занимательной для читателя формѣ. Молодой туристъ,—г. Шмелевъ былъ на Валаамѣ студентомъ,—вступалъ въ разговоры съ монахами-гостинниками, съ послушниками, со скитскими отшельниками, съ монахами-схимниками, съ присланнымъ за провинность „подъ началъ" священникомъ, съ игумномъ,—всѣхъ пытался выспросить, старался все вызнать, чтобы составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ, чѣмъ держатся подобныя общины и что составляетъ ихъ силу. До „сути" дѣла на Валаамѣ не легко добраться, какъ, впрочемъ, и во многихъ монастыряхъ, всегда охраняющихъ тщательно свою настоящую, интимную жизнь отъ постороннихъ глазъ и ушей. „Надо замѣтить,—говоритъ авторъ,—что монахи валаамскіе люди особеннаго душевнаго склада: они скрытны, неразговорчивы, особенно если

начнешь разспрашивать объ интимной жизни монастыря"... Очевидно, что авторъ попалъ на Валаамъ новичкомъ-туристомъ, а кто пострaнствовалъ по монастырямъ, скитамъ и пустынямъ, тотъ подивится даже разговорчивости и откровенности валаамскихъ отцовъ и братій. Г. Шмелевъ говоритъ:—„Я прожилъ на Валаамѣ недѣлю и за это короткое время успѣлъ убѣдиться въ искренности и справедливости словъ брата Василія (послушника при гостиницѣ)... Въ человѣкѣ не затирали души, хотя требовали отъ него отсѣченія воли. Человѣкъ оставался независимымъ, хотя и терялъ волю, ибо отсѣченіе воли—идея, выработанная тѣми, кто пришелъ охотой на Валаамъ. Человѣка не били по загривку, не унижали,—напротивъ, давали возможность развиваться его стремленіямъ, давали ему въ руки то дѣло, которое онъ знаетъ"... Авторъ вѣритъ искренности брата Василія, мы вѣримъ искренности автора, и сами искренно убѣждены въ томъ, что г. Шмелевъ не доглядѣлъ и ошибается, что̀ не умаляетъ достоинствъ его очерковъ, такъ какъ изъ приводимыхъ въ нихъ примѣровъ явствуетъ совсѣмъ не то, что имъ сказано выше. Ошибка автора доказывается тѣмъ, что произошло съ талантливымъ художникомъ, превращеннымъ въ иконописца, или—съ о. Дамаскинымъ, или съ монахомъ, обреченнымъ на „молчальничество", и тѣмъ, что происходитъ съ дѣтьми, мальчиками 10—12 лѣтъ, отдаваемыми въ монастырь. Полное незнакомство автора съ жизнью монастырей обнаруживается его вопросомъ: „подчиняются ли монахи какимъ-нибудь полицейскимъ правиламъ?"—Монахъ, разумѣется, разсердился, ткнувъ себя въ грудь, и сказалъ:—„Вотъ гдѣ у насъ полиція!... Видали въ гостиницѣ на стѣнѣ бумага подъ стекломъ виситъ,—уставъ старца Назарія,—вотъ наша полиція"...—И это сущая правда, только *не вся*, такъ какъ самъ г. Шмелевъ убѣдился въ существованіи „дозорщиковъ", неослабно наблюдающихъ за точнымъ исполненіемъ „устава" и неукоснительно доносящихъ о. игумну о малѣйшемъ нарушеніи его не только монастырскими людьми, но и богомольцами. И въ такихъ случаяхъ о. игуменъ пресѣкаетъ и „началитъ" каждаго, какъ то установлено.—„Работа для Бога—могучій двигатель Валаамской обители. Не будетъ ея—и всѣ мастерскія развалятся, и иноки валаамскіе исчезнутъ съ лица земли. Но пока идея валаамскаго монаха жива, онъ сохранитъ въ себѣ аскета, и валаамская духовная община едва ли выродится въ артель, едва ли явитъ когда общину съ соціальнымъ устройствомъ"... Не то что „едва ли", а никогда этого не будетъ и быть не можетъ, „пока жива идея", да еще—пока есть кому поддерживать эту идею такъ же убѣжденно и твердо, какъ то дѣлаютъ отцы игумны Дамаскинъ, Іонафанъ и Гавріилъ. Не станетъ такихъ сильныхъ духомъ, право правящихъ начальниковъ, и Валаамскую обитель постигнетъ такая же духовная немощь, какую авторъ видѣлъ въ Коневецкомъ монастырѣ на томъ же Ладожскомъ озерѣ... Несмотря на указанныя нами ошибки, *Путевые очерки* г. Шмелева прочитываются съ большимъ интересомъ и, въ общемъ, даютъ достаточно ясное представленіе о жизни на Валаамѣ.

Путеводитель по Волгѣ. Изданіе Ив. Иванова. Казань, 189[illegible] Цѣна 30 коп., съ пересылкой 40 коп. Заглавіе книги не совсѣ точно,—это *Путеводитель* отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани. Та называемый „Верхній плесъ" отъ Твери до Рыбинска и отъ Рыбин до Нижняго не вошелъ въ изданіе г. Иванова. Въ *Путеводителѣ* перечислены города, пристани и крупныя селенія, лежащіе по берега рѣки, переданы сказанія и легенды объ основаніи городовъ, кото

разсказано кое-что изъ ихъ исторіи, перечислены замѣчательныя въ нихъ зданія, преимущественно монастыри и церкви, учебныя и общественныя учрежденія и т. под. Но въ книгѣ нѣтъ очень многаго, что требуется путешественнику, отправляющемуся въ незнакомыя ему мѣста, а именно: не указано, гдѣ путнику голову преклонить, гостиницъ не указано (кромѣ Нижняго и Астрахани), гдѣ туристу покормиться, не названо ресторановъ, лучшихъ магазиновъ, не указано способовъ сообщенія пристаней съ городами, ни цѣнъ на извозчиковъ. Однимъ словомъ, это не „путеводитель", а „взглядъ и нѣчто" о поволжскихъ городахъ отъ Нижняго до Астрахани. Для всего, недостающаго въ книжкѣ и нами указаннаго, мѣста было болѣе чѣмъ достаточно на цвѣтныхъ листкахъ, отчасти занятыхъ совершенно случайными объявленіями и отчасти—заимствованными изъ юмористическихъ журналовъ „анекдотиками", очень сомнительнаго достоинства, неумѣстными въ путеводителѣ, которымъ особенно охотно интересуются на пароходахъ подростки и дѣти. На первой страницѣ *Отъ издателя* высказываются обѣщанія значительно дополнить въ 1897 г. „описаніе городовъ" и дать „обширныя свѣдѣнія относительно справочныхъ и торгово-промышленныхъ *адрессовъ*"... Слово адресъ г. Ивановъ пишетъ съ двумя *с*, а свое обѣщаніе заканчиваетъ характерною фразой: „я съ своей стороны приму всѣ мѣры къ возможно широкому *распространенію* рекламы, чтобы дѣлать ее болѣе *распространенною* (!), удешевляя цѣну *Путеводителя*". Такую книжку какъ ни удешевляй, она все равно никому не нужна и годится только пассажирамъ третьяго класса „на цыгарки".

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей".— „Наслѣдство и раздѣлъ". Сост. *Я. В. Абрамовъ*. — „Охранительное судопроизводство". *С. Г. Громачевскаго.*

Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей. Составлено V-мъ отдѣленіемъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговли. Спб., 1896 г. Появленіе разсматриваемой книжки, изданной подъ редакціей проф. А. А. Исаева, надо признать весьма умѣстнымъ при все усиливающемся за послѣднее время стремленіи нашихъ крестьянъ земледѣльцевъ и кустарей соединяться въ артели для огражденія себя отъ поглощенія крупными частными предпріятіями. Составители книжки поставили себѣ задачей собрать всѣ справочныя свѣдѣнія, необходимыя для дѣйствующихъ артелей и въ особенности для артелей возникающихъ. Указавъ вкратцѣ тѣ условія, которыя должны быть приняты во вниманіе при образованіи артелей, а именно: осторожное привлеченіе въ артель участниковъ, столь же осторожный выборъ промысла, въ которомъ возникаетъ новый союзъ, такъ какъ устройство артелей во многихъ кустарныхъ промыслахъ, сильно стѣсненныхъ фабриками и заводами, является очень затруднительнымъ, образованіе артельныхъ капиталовъ взносами членовъ или ссудами, достаточное число членовъ артели и, наконецъ, правильное внутреннее устройство, составители привели цѣлый рядъ договоровъ и уставовъ, которые могли бы служить образцами при образованіи новыхъ артелей; при этомъ указывается, какимъ образомъ договоръ можетъ быть обращенъ въ уставъ и обратно. Далѣе

въ книжкѣ помѣщенъ списокъ какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ учрежденій, обществъ и лицъ, которыя могутъ содѣйствовать артелямъ, указаны источники полученія ссудъ, приведены законы, относящіеся къ кустарнымъ и земледѣльческимъ артелямъ. Послѣдняя глава „Изъ жизни артелей", по выраженію составителей, „предназначается для чтенія"; въ ней мы находимъ рядъ не лишенныхъ интереса данныхъ о существовавшихъ и существующихъ артеляхъ во Франціи, Германіи и Россіи.

Въ общемъ *Справочная книжка* можетъ быть рекомендована, какъ весьма полезное пособіе при устроеніи артелей и дальнѣйшемъ ихъ развитіи.

Наслѣдство и раздѣлъ. Составилъ Я. В. Абрамовъ. Популярно-юридическая библіотека. № 2. Спб., 1896 г. Въ этой небольшой брошюрѣ авторъ соединилъ всѣ важнѣйшіе законы, находящіеся въ I ч. X т. и V т. Св. Законовъ, въ Уст. Гр. Суд., а также въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, касающіеся наслѣдованія по закону и раздѣла наслѣдства, и пополнилъ ихъ цѣлымъ рядомъ разъясненій на основаніи кассаціонныхъ рѣшеній; въ приложеніи помѣщены многіе образцы различныхъ прошеній и заявленій. Составлена книга г. Абрамова очень толково и дѣльно и можетъ быть рекомендована, какъ хорошее пособіе лицамъ, желающимъ ознакомиться съ условіями наслѣдованія по закону. Низкая цѣна книги — 25 коп. — дѣлаетъ ее вполнѣ общедоступной.

Охранительное судопроизводство. Практическое пособіе къ веденію безспорныхъ дѣлъ. С. Г. Громачевскаго. Спб., 1896 г.— Духовное завѣщаніе С. Г. Громачевскаго. 1896 г. „Охранительныя дѣла,— говоритъ авторъ въ предисловіи къ первой изъ разсматриваемыхъ книгъ, — по своей безспорности, столь несложны, что провести въ судѣ большинство изъ нихъ вполнѣ возможно каждому, заинтересованному лично, безъ помощи повѣреннаго". Между тѣмъ, въ виду почти полнаго отсутствія въ публикѣ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній объ условіяхъ производства дѣлъ въ охранительномъ порядкѣ, о срокахъ, о судебныхъ формахъ и обрядахъ, большинство изъ подаваемыхъ въ судъ самими заинтересованными лицами прошеній оставляются безъ послѣдствій. Авторъ и поставилъ себѣ задачей составить такое практическое руководство, изъ котораго всякій не-юристъ могъ бы получить всѣ свѣдѣнія, необходимыя для успѣшнаго веденія дѣлъ въ охранительномъ порядкѣ. Съ этой задачей авторъ справился весьма удачно. Онъ собралъ въ своей книгѣ съ большою полнотой всѣ законы, касающіеся охранительнаго судопроизводства, сенатскія рѣшенія и циркуляры. Согласно IV книгѣ Уст. Гр. Суд., г. Громачевскій подъ охранительное производство подводитъ производство по охраненію и утвержденію наслѣдственныхъ правъ, по раздѣлу наслѣдства, по вводу во владѣніе, удостовѣренію безвѣстнаго отсутствія, узаконенію и усыновленію; къ этому авторъ присоединяетъ производства по уничтоженію довѣренности и обезпеченію доказательствъ; однако, послѣднее, являясь однимъ изъ видовъ воспріятія судомъ въ исковомъ производствѣ доказательствъ, но лишь внѣ указанныхъ закономъ условій ихъ допустимости, никакъ не можетъ быть отнесено къ охранительному производству.

Такую же, какъ и въ разсматриваемомъ сочиненіи, чисто-практическую цѣль преслѣдуетъ г. Громачевскій и въ другой своей брошюрѣ; въ ней авторъ излагаетъ порядокъ составленія духовныхъ завѣщаній

и порядокъ ихъ судебнаго утвержденія, присоединивъ въ началѣ брошюры общія разсужденія о значеніи духовныхъ завѣщаній, а въ концѣ—благіе совѣты о необходимости „избѣгать разныхъ проходимцевъ, въ изобиліи снующихъ по улицамъ, постоялымъ дворамъ и вблизи суда, выдающихъ себя за адвокатовъ и старающихся поймать въ свои руки простого человѣка, чтобы высосать изъ него все, что можно". Составлена брошюра эта весьма небрежно. Авторъ отчего-то изъ особенныхъ завѣщаній говоритъ только о крестьянскихъ (стр. 31), совершенно не упоминая о всѣхъ прочихъ: больничныхъ, походныхъ и т. д.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Основныя начала общей зоологіи". *В. Заленскій.* — „Программы и наставленія для наблюденій и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣдѣнію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидрологіи". — „Извѣстія С.-Петербургской біологической лабораторіи".

Основныя начала общей зоологіи. Принципы строенія и развитія животныхъ. Теорія эволюціи. В. Заленскій. 8°, стр. II+253. Съ 63 рис. Одесса. Ц. 1 р. 20 к. Книга эта представляетъ собою курсъ публичныхъ лекцій, которыя были читаны авторомъ въ 1895 году въ Новороссійскомъ университетѣ и составляли введеніе въ болѣе спеціальный курсъ зоологіи. Содержаніе книги касается главнымъ образомъ эволюціонной теоріи, какъ центральной теоріи біологическихъ наукъ нашего времени. Становясь на сторону дарвинизма, авторъ въ то же время замѣчаетъ, что борьба между этимъ ученіемъ и ламаркизмомъ составляетъ характерную черту современнаго положенія научной зоологіи, что борьба эта еще далеко не окончена и что трудно предрѣшить исходъ ея при современномъ состояніи вопроса о механизмѣ эволюціи органическаго міра. Въ первой половинѣ книги авторъ излагаетъ основы ученія о клѣткѣ, тканяхъ, исторіи развитія организмовъ и классификаціи ихъ, такъ что человѣкъ совершенно незнакомый съ біологическими науками, прочитавъ внимательно первыя шесть главъ, получитъ возможность сознательно отнестись къ изложенію различныхъ біологическихъ теорій. Это обстоятельство выгодно отличаетъ книгу проф. Заленскаго отъ тѣхъ книгъ и статей, которыя излагаютъ біологическія теоріи, не подготовляя читателя къ пониманію ихъ путемъ сообщенія главныхъ фактовъ, добытыхъ современною наукой и служащихъ основаніемъ всѣхъ теорій. Изложена книга вполнѣ общедоступно и можно только пожелать, чтобы цѣлый рядъ вопросовъ общей зоологіи, не затронутыхъ авторомъ въ этой книгѣ, какъ, наприм., полиморфизмъ, симбіозъ, паразитизмъ, инстинктъ, былъ изложенъ въ слѣдующемъ выпускѣ.

Программы и наставленія для наблюденій и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣдѣнію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидрологіи. Спб., 1896 г. 8°, стр. I—XII+1—566. Съ 18 табл. и съ 30 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р. Настоящее четвертое изданіе *Программъ*, составленныхъ особою коммиссіей по порученію Императорскаго общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ, является значительно расширеннымъ сравнительно съ предыдущими. Нѣкоторыя статьи написаны совершенно заново, другія значительно передѣланы. Планъ „программъ" настолько широкъ, что всякій, въ какомъ бы то ни было отношеніи интересую-

щійся изученіемъ природы найдетъ въ нихъ что-либо касающееся его спеціальности, но далеко не всѣ отдѣлы написаны съ одинаковой подробностью и полнотою. Особою детальностью наставленій отличаются отдѣлы, касающіеся коллектированія безпозвоночныхъ, въ особенности же насѣкомыхъ, и надо сознаться, что часто самыя мелочныя указанія являются самыми полезными, и авторамъ нѣкоторыхъ черезчуръ схематично составленныхъ отдѣловъ „программъ" слѣдовало бы имѣть это въ виду. Книга написана при участіи двадцати трехъ спеціалистовъ по различнымъ отдѣламъ естественныхъ наукъ, что исключаетъ возможность какихъ бы то ни было крупныхъ промаховъ, указывать же на мелочные недосмотры мы считаемъ неудобнымъ въ неспеціальномъ изданіи. Чрезвычайно хорошо, что составители нѣкоторыхъ отдѣловъ позаботились о подробныхъ указателяхъ литературы данной области знаній. Наибольшею полнотой отличается указатель энтомологической литературы. Жаль, что нѣкоторые изъ авторовъ отнеслись небрежно къ этому вопросу и дали отрывочныя и притомъ неточныя указанія, что особенно бросается въ глаза, напримѣръ, въ указаніяхъ на литературу о пресмыкающихся и земноводныхъ. Въ общемъ книга эта можетъ быть рекомендована всякому любителю природы и коллектору какъ лучшее, что имѣется въ русской литературѣ на эту тему.

Извѣстія С.-Петербургской біологической лабораторіи. Изданіе совѣта лабораторіи подъ редакц. П. Лесгафта. Т. I. Вып. I. Спб., 1896 г. Изъ перваго выпуска новаго научнаго изданія мы прежде всего узнаемъ интересную исторію того учрежденія, органомъ котораго должно служить это изданіе, и знакомимся съ уставомъ и отчасти съ программой дѣятельности этого учрежденія. Несомнѣнно, весьма интереснымъ фактомъ нашей общественной жизни, фактомъ пока еще мало извѣстнымъ, является возникновеніе спеціальнаго научнаго учрежденія, имѣющаго цѣлью содѣйствовать распространенію свѣдѣній по естествознанію путемъ предоставленія лицамъ съ медицинскимъ или естественно-историческимъ образованіемъ возможности безплатно пользоваться услугами научно обставленной лабораторіи и указаніями опытныхъ лицъ для производства спеціальныхъ научныхъ работъ по разнымъ отраслямъ біологіи. Возникло это учрежденіе по частному почину проф. П. П. Лесгафта и его ученика И. М. Сибирякова, который своими средствами и обезпечилъ существованіе учрежденія независимо отъ какихъ-либо субсидій со стороны казны или общества. Кромѣ устава и отчетовъ лабораторіи въ первомъ выпускѣ ея извѣстій помѣщена статья П. Лесгафта пожизненнаго директора лабораторіи, въ которой онъ пытается выяснить характеръ научной дѣятельности новаго учрежденія, но дѣлаетъ это не совсѣмъ удачно, ибо ограничивается рядомъ общихъ фразъ о цѣляхъ научныхъ работъ вообще и выписками общеизвѣстныхъ цитатъ изъ Ламарка и Дарвина, программы же будущихъ работъ мы не видимъ въ этой вступительной статьѣ редактора новаго спеціальнаго научнаго органа. Что касается помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ работъ, то ихъ двѣ, и обѣ носятъ тотъ характеръ, которымъ отличаются почти всѣ работы проф. Лесгафта и его учениковъ: это изслѣдованія по вопросамъ анатомической механики, составляющей спеціальность почтеннаго анатома. Одна работа принадлежитъ перу самого П. П. Лесгафта и посвящена вопросу о механизмѣ движеній языка, а другая работа написана А. Аничковымъ и касается челюстнаго сочлененія человѣка и животныхъ. Обѣ работы носятъ совершенно спеціальный характеръ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„О разведеніи ягодныхъ кустовъ въ крестьянскихъ огородахъ. О теплыхъ и полутеплыхъ парникахъ". Сост. *И. Елинъ.*— „Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой". Сост. *М. Е. Филипченко.*

О разведеніи ягодныхъ кустовъ въ крестьянскихъ огородахъ. О теплыхъ и полутеплыхъ парникахъ. Составилъ И. Елинъ. Изд. „Посредника". М., 1896 г. Ц. 1½ к. Совершенно общедоступная брошюра г. Елина заключаетъ въ себѣ небезполезныя начальныя указанія о способахъ разведенія смородины, малины и крыжовника, а также о парниковомъ разведеніи огурцовъ, дынь, арбузовъ, земляники и малины. Распространеніе ягодныхъ садовъ могло бы оказать небольшое вліяніе на измѣненія страшно однообразной крестьянской діэты въ смыслѣ нѣкотораго обогащенія ея вкусовыми веществами, а тепличный промыселъ можетъ явиться подспорьемъ къ добыванію денегъ, какъ это изстари имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ хозяйствахъ Клинскаго уѣзда.

Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой. Составилъ М. Е. Филипченко. Кіевъ, 1896 г. Ц. 4 р. Описаніе Шпиковскаго имѣнія Н. П. Балашева. Немировъ, 1896 г. Подробныя описанія отдѣльныхъ русскихъ хозяйствъ имѣютъ серьезное значеніе для выработки основаній устройства и оцѣнки нашихъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій; въ настоящее время, какъ извѣстно, это устройство и оцѣнка опираются преимущественно на отвлеченные выводы и на нѣкоторыя данныя заграничной практики. Между тѣмъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ теоретическія положенія товарной экономіи должны встрѣчать множество оговорокъ, вызываемыхъ присутствіемъ непродажныхъ продуктовъ. Наша литература имѣетъ очень немного примѣровъ такого обстоятельнаго детальнаго изображенія конкретной сельско-хозяйственной единицы, какимъ является книга, написанная М. Е. Филипченкомъ для Нижегородской выставки и посвященная большому Мошногородищенскому имѣнію. Это имѣніе, расположенное въ Черкасскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, болѣе 10 лѣтъ состоитъ въ управленіи автора и знакомо ему, конечно, до послѣднихъ мелочей. Многочисленнымъ посѣтителямъ имѣнія извѣстна выдающаяся энергія, съ которою ведетъ свое трудное дѣло г. Филипченко. И по литературному изложенію можно уже догадаться о внимательномъ отношеніи администратора-автора къ сельско-хозяйственному дѣлу и къ научнымъ вопросамъ, соприкасающимся съ сельско-хозяйственною промышленностью. Кромѣ обширнаго текста, въ составленіи котораго принимали участіе И. Ф. Власовъ и гг. Браунсдорферъ и Вишневскій, книга заключаетъ въ себѣ очень много таблицъ и отдѣльное приложеніе съ проектами построекъ и сооруженій. За свою выдающуюся работу М. Е. Филипченко получаетъ медаль отъ перваго отдѣленія Вольнаго Экономическаго Общества.

Другое Балашевское имѣніе Шпиково, находящееся въ Брацлавскомъ и Ямпольскомъ уѣздахъ, описано, по порученію Московскаго общества сельскаго хозяйства И. В. Лещенкомъ, теперешнимъ секретаремъ Кіевскаго общества. Въ этомъ описаніи, помимо многихъ интересныхъ отдѣловъ, особаго вниманія заслуживаютъ тридцатилѣтнія данныя объ урожаяхъ главныхъ растеній и о доходности имѣнія.

МЕДИЦИНА.

„Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ". *Дм. Цвѣтаева.*

Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ. Дм. Цвѣтаева. Варшава, 1896 г. Очеркъ г. Цвѣтаева даетъ нѣсколько не безъинтересныхъ данныхъ по исторіи русской культуры допетровскаго и петровскаго періода.

Профессіональные врачи появляются у насъ въ княженіе Іоанна III. „Раціональная медицина продолжительное время была у насъ вся цѣликомъ западно-европейскаго привоза и приготовленія и, какъ таковая, долго была недоступна и богатымъ боярскимъ домамъ. Подобную роскошь даже въ XV, XVI и началѣ XVII вѣковъ могъ дозволить себѣ лишь одинъ великокняжескій—царскій домъ, имѣвшій при себѣ докторовъ, которые, съ царскаго разрѣшенія, иногда лѣчили и лицъ придворныхъ или близкихъ ко двору; кромѣ государей, къ концу XVI в. содержали иностранныхъ лѣкарей и фельдшеровъ, насколько извѣстно, только богатые купцы Строгановы на своихъ отдаленныхъ заводахъ" (стр. 11).

„Прямою обязанностью лейбъ-медиковъ было наблюденіе за здоровьемъ государя и его семьи, и они обыкновенно не были обременены занятіями, если изъ ихъ высокихъ паціентовъ никто не болѣлъ. Побывавъ утромъ въ царской аптекѣ для совѣщаній, въ остальное время, по свидѣтельству современника, они отдыхали въ своихъ жилищахъ. На вопросъ, что они дѣлаютъ дома, ихъ обычнымъ отвѣтомъ было: „постоянно изучаемъ книги, чтобы лучше охранять здоровье его царскаго величества" (стр. 13).

Большинство изъ нихъ обживалось на Руси; нѣкоторые женились даже, хотя у нихъ дома остались жены. Одна изъ нихъ, между прочимъ, прислала въ Россію письмо съ такимъ адресомъ: „сія грамота да отдастся измѣнному доктору Григорію Карбонарію, въ его проклятыя руки, на Москвѣ" (стр. 13).

Къ концу XVII в. число докторовъ прогрессивно увеличивается. Расширяется кругъ ихъ дѣятельности: ихъ разсылаютъ по полкамъ „для лѣченія ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей" (стр. 16).

Состоявшіе на русской службѣ иностранцы посылали своихъ дѣтей въ заграничныя школы для обученія медицинѣ на счетъ правительства. „Опытъ сталъ слишкомъ дорогъ, и правительство, охотно разрѣшая иноземцамъ, жившимъ въ Россіи, посылать своихъ дѣтей за границу для обученія медицинѣ, старается приготовить врачей безъ отсылки туда, и притомъ изъ природныхъ русскихъ. Къ иноземцамъ-медикамъ приставляются, кромѣ переводчиковъ, русскіе ученики, преимущественно дѣти московскихъ стрѣльцовъ. Съ новыхъ медиковъ, въ особенности съ полковыхъ, уже прямо брали обязательство къ прилежному ихъ обученію. „За то ево государево жалованье,—писалъ и подписывалъ вступавшій тогда на службу,—служити мнѣ вѣрно городскую, полковую службу и гдѣ великій государь укажетъ, и учениковъ, которые мнѣ для ученья даны будутъ, учить съ великимъ прилежаніемъ". Опредѣляемому на должность „дишпилятору" наказывалось „изучать (учениковъ) со всякимъ тщаніемъ и ничего отъ нихъ не таить" (стр. 16—17).

Ученики усвоивали себѣ медицинскую премудрость, зазубривая на память страницы рукописныхъ переводовъ медицинскихъ сочиненій.

Въ 1682 г. составляется проектъ объ устройствѣ въ Москвѣ двухъ широко организованныхъ госпиталей, гдѣ младшіе лѣкаря имѣли бы постоянную и правильную практику; въ главномъ госпиталѣ, подъ начальствомъ дворянина, должны состоять докторъ, три или четыре лѣкаря со многими учениками, аптека, штатъ служителей и пр.

Петръ Постниковъ, „первый русскій докторъ“ и „врачефилософъ“ (стр. 61), получилъ элементарныя медицинскія познанія еще въ Россіи и довершилъ свое медицинское образованіе въ Падуѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ: „тако убо,—по словамъ русскаго перевода этого диплома,—крайнею съ похвалою и честію множайшею предреченный урожденный и изящнѣйшій господинъ Петръ Постниковъ ко крайнему учительска сана верху во философіи и врачествѣ (Богу содѣйствующу) достиже“ (стр. 8).

При Петрѣ онъ былъ нашимъ дипломатическимъ агентомъ въ Парижѣ. Исторію его дипломатическихъ злоключеній подробно пересказалъ года два тому назадъ проф. Шмурло и, по его книгѣ, покойный Брикнеръ въ фельетонѣ *Русскихъ Вѣдомостей*. Г. Цвѣтаевъ почти ничего не прибавилъ къ нарисованной имъ картинѣ.

УЧЕБНИКИ, ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Дополненіе къ краткому курсу алгебры“. *В. Гебеля.*— „Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній“. *Е. Рихтера.*—„Зарницы“. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—„Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани“. *Е. Балобановой.*

Дополненіе къ краткому курсу алгебры. Геометрическая прогрессія и логариѳмы съ приложеніемъ таблицъ пятизначныхъ логариѳмовъ и задачъ. В. Гебеля. Ц. 30 к. Этимъ дополненіемъ въ видѣ отдѣльной книжки составитель превращаетъ свой краткій курсъ въ обыкновенный, уже не столь краткій, но все-таки значительно сокращенный. Въ общемъ отдѣлѣ приведены типическія задачи и кромѣ того нѣкоторыя изъ предлагавшихся на экзаменахъ зрѣлости. Текста въ этой книжкѣ всего 25 страницъ, отдѣльныя задачи и таблицы логариѳмовъ. Замыселъ автора — дать въ трехъ тоненькихъ книжкахъ, цѣною 85 к., курсъ алгебры и алгебраическій задачникъ заслуживаетъ полнаго сочувствія и можно только пожелать, чтобы гг. преподаватели и учебное начальство отнеслись къ этому почину съ благорасположеніемъ. Давно бы слѣдовало посократить курсы среднихъ учебныхъ заведеній и не затруднять безполезно головы чрезмѣрнымъ количествомъ свѣдѣній, большая часть которыхъ, все равно, не усвоивается и выбрасывается, какъ непереваренная пища. Лучше пройти поменьше, да съ толкомъ.

Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Е. Рихтера. Ц. 1 р. 40 к. Въ предисловіи авторъ высказываетъ свои взгляды на преподаваніе геометріи, сущность которыхъ сводится къ тому, что первыя начала геометріи, какъ и всякой науки, слѣдуетъ пройти весьма основательно, съ соблюденіемъ строгой послѣдовательности, съ разъясненіемъ всего, что должно и можетъ быть разъяснено. Но когда учащіеся уже усвоили себѣ первыя начала науки и, до нѣкоторой степени, научились послѣдовательно, безъ перерыва, выводить одно умозаключеніе изъ другого, тогда слишкомъ подробныя разъясненія того, что легко можетъ быть усмотрѣно, будутъ не только неумѣстны, но даже вредны. Отъ этого тормазилась бы самодѣятель-

ность учащихся, и они лишились бы возможности самимъ доискиваться до причинъ и выводить слѣдствія. И чѣмъ болѣе скрѣпнуть познанія, хотя и небольшія, тѣмъ важнѣе для успѣшности дальнѣйшаго курса, чтобы они доходили до разъясненія вновь изучаемаго собственнымъ уразумѣніемъ тамъ, гдѣ это возможно. Вотъ та исходная точка, которая принята г. Рихтеромъ при составленіи курса геометріи. Сначала онъ все разъясняетъ подробно, но уже, начиная съ построеній въ кругѣ, воздерживается отъ этого, а въ статьяхъ стереометріи всѣ лишнія разсужденія совсѣмъ откинуты. По мнѣнію автора, ученики сами должны все узнавать, и часто для этого достаточно одного намека. Авторъ умышленно не вполнѣ разъясняетъ причины полученныхъ выводовъ, будучи увѣренъ, что ученики сами въ состояніи найти ихъ, безъ затрудненія. Вообще составителемъ этого учебника *руководимо желаніе облегчить обучающемуся усвоеніе обязательнаго курса геометріи.* Уже изъ предисловія видно, что г. Рихтеръ человѣкъ опытный и въ дѣлѣ преподаванія вполнѣ самостоятельный. Рекомендуемый имъ пріемъ, повидимому, педагогиченъ и долженъ дать на практикѣ прекрасные результаты.

Мы думаемъ, однако, что этимъ путемъ нельзя достичь желаемыхъ успѣховъ и возбудить въ ученикахъ самодѣятельность уже по той причинѣ, что для большинства ихъ геометрія, какъ и большинство изучаемыхъ наукъ, вовсе не источникъ здоровыхъ и пріятныхъ умственныхъ упражненій, а тяжелая ноша, отъ которой они всегда съ удовольствіемъ готовы отказаться. Методъ, принятый г. Рихтеромъ, предполагаетъ, что ученикъ интересуется предметомъ, слѣдитъ за нимъ и усвоиваетъ его шагъ за шагомъ, безъ пропусковъ, и притомъ усвоиваетъ вполнѣ самостоятельно. Но, скажите, когда же это бываетъ, чтобы ученики съ такимъ невѣроятнымъ прилежаніемъ занимались геометріей или какимъ-нибудь другимъ предметомъ? Если такой случай когда-нибудь, гдѣ-нибудь и встрѣтился, то это былъ рѣдкій и замѣчательный случай, все-таки, однако, малодоказательный для системы, рекомендуемой г. Рихтеромъ. Итакъ, большинство учениковъ по разнымъ причинамъ (по болѣзни, по лѣни, по усталости) сдѣлаетъ пропуски, кто не будетъ знать одного, кто другого, кто третьяго, кто будетъ знать только что-нибудь одно, а кто не будетъ знать и совсѣмъ ничего. Зады обыкновенно всегда и у всѣхъ хромаютъ (они, наконецъ, вылетаютъ изъ головы со временемъ). Какъ же, спрашивается, вся эта ватага можетъ самостоятельно до всего доходить своимъ умомъ? Это было бы, пожалуй, возможно только въ томъ случаѣ, еслибъ въ гимназіи проходили только одну геометрію и только первые ученики. Обыкновенно же вотъ что выходитъ изъ предположенія, что ученикъ все предыдущее знаетъ и настоящее схватитъ поэтому на-лету: приходитъ онъ домой со списанными съ доски голыми выводами и бьется надъ ними безъ толку по цѣлымъ часамъ. Учитель ничего не объяснилъ, а ученикъ ровно ничего не понялъ. Вотъ обычный и вѣроятный результатъ подобной системы. Задаваться мыслью, что все предыдущее хорошо извѣстно, никогда не слѣдуетъ, въ особенности тѣмъ, кто хочетъ облегчить работу ученикамъ. Несмотря на солидныя купюры, книга все-таки обнимаетъ 343 страницы. Это, въ сущности, довольно объемистый учебникъ. Руководство г. Рихтера отличается многими достоинствами, но для учениковъ, можетъ быть, мѣстами, особенно тамъ гдѣ разсчитывалось на ихъ самодѣятельность, онъ будетъ не совсѣмъ

доступенъ по изложенію. Книга издана превосходно (шрифтъ четкій, чертежи исполнены изящно) и стоитъ очень недорого.

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". Д. Н. Маминъ-Сибирякъ: „Зарницы". Второй сборникъ разсказовъ для старшаго возраста. М., 1897 г. Ц. 75 к. Въ заглавіи справедливо сказано: „для старшаго возраста". Это надо понимать въ томъ широкомъ смыслѣ, что книга вполнѣ подходитъ ко всѣмъ читателямъ, вышедшимъ изъ младшаго возраста, а стало быть, ее должны читать не только подростки отроческихъ лѣтъ, но и всякій юноша, и всякій взрослый, и интеллигентный читатель.

Когда-то было принято, да и теперь не перестали, впрочемъ, смѣяться надъ тѣми, выражаясь по-старинному, прекраснодушными романами и повѣстями, въ которыхъ добрые авторы, стараясь вліять на молодежь, давали ей образцы высокихъ добродѣтелей: мужества, энергіи, любви къ ближнему, самоотреченія и гражданскихъ подвиговъ. Право, дѣло было не такъ смѣшно, какъ думаютъ. Книги такого рода производили свое дѣйствіе на юныя воспріимчивыя души и подчасъ очень серьезно вліяли на ихъ развитіе, пробуждая въ иномъ добрыя чувства, въ другомъ—работу мысли, исканіе правды, жажду полезнаго труда.

Передъ нами книжка прелестныхъ разсказовъ; всѣ они трогаютъ, а иные, напримѣръ, *Жидъ*, потрясаютъ вашу душу, заставляютъ ее умиляться, а подчасъ и изумляться передъ примѣрами добра, любви къ людямъ, общественной дѣятельности, самоотверженной просвѣтительной работы интеллигентнаго человѣка въ средѣ простого народа, высокихъ и свѣтлыхъ порывовъ къ идеалу, и, все-таки, въ тенденціозности упрекнуть автора нельзя никоимъ образомъ: онъ до конца остается художникомъ чистой пробы, онъ пишетъ яркія картины жизни и пишетъ ихъ такъ, какъ онѣ встрѣчаются на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему *Зарницы* должны оказать высокое воспитательное вліяніе на молодежь, заставляя ее мыслить надъ величайшими вопросами бытія: надъ вопросами о долгѣ человѣка, о томъ, какъ жить, какъ быть полезнымъ, въ чемъ добро, въ чемъ зло. Авторъ, не давая своего рѣшенія, заставляетъ призадуматься и надъ такимъ великимъ культурнымъ вопросомъ, который представляетъ собою издавна источникъ тяжелыхъ думъ, ночей безсонныхъ и мучительныхъ сомнѣній для всѣхъ молодыхъ людей съ развитою гражданскою совѣстью, ищущихъ истины и вдумывающихся въ явленія жизни: чему отдать предпочтеніе, о чемъ слѣдуетъ раньше думать, когда видишь бѣдность и невѣжество, взаимно зависящія другъ отъ друга—о помощи ли матеріальной, экономической, или о дѣятельности просвѣтительной, объ открытіи школъ, напримѣръ. Да и масса другихъ вопросовъ. Но авторъ не предлагаетъ ихъ вамъ отъ себя; нѣтъ, у него другое орудіе вліянія, болѣе сильное: онъ нарисуетъ вамъ такую картину нищеты и мора отъ голода и холода, что вопросъ встанетъ передъ вашимъ воображеніемъ самъ—со всей своей строгой неумолимостью и требованіемъ—какого бы то ни было, но яснаго и честнаго отвѣта на него.

При всей глубокой серьезности подымаемыхъ здѣсь вопросовъ, г. Мамину-Сибиряку удается во многихъ очеркахъ доходить до необыкновенной объективности: вы видите передъ собою живыхъ людей, самыхъ разнообразныхъ, вы на моментъ входите совершенно въ ихъ положенія и ощущаете вмѣстѣ съ ними ихъ чувства, ихъ радости и горе,—вы словно даже раздѣляете ихъ вѣру и ихъ понятія, какъ бы они ни были несхожи у различныхъ лицъ и у васъ самихъ. Вы слѣдите за страданіями башкирца Бухарбая, оплакивая его горе, уложившее его въ

могилу: потерю любимаго коня (*Акъ-Бозатъ*). Вы совершенно дѣлаетесь на время старосвѣтскими старичками съ ихъ примитивною наивностью и благодушіемъ (*Отъѣздъ*). И сквозь всѣ описанныя авторомъ жизненныя передряги, драмы и трагическія коллизіи проглядываетъ мѣстами чудный юморъ, примиряющій васъ съ черными пятнами на болѣе или менѣе блѣдномъ фонѣ нашей житейской дѣйствительности. А нерѣдко выступающій въ разгарѣ бесѣдъ и мечтаній дѣйствующихъ лицъ высокій и свѣтлый идеализмъ міросозерцанія сообщитъ чистой и дѣвственной душѣ молодого читателя неудержимую и страстную жажду честнаго труда и подвига. И повторитъ онъ за поэтомъ-энтузіастомъ, провозгласившимъ въ годы юности своей: „я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать".

Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Е. Балобановой. Спб., 1896 г. „Старая Бретань умираетъ; бретонскіе пѣвцы исчезаютъ: одни умираютъ со своей родиной, другіе уже поютъ по-французски", сказалъ г. Ольденбургъ по поводу „Легенды смерти въ Нижней Бретани" ле-Браза.

„Однако,—оговаривается г-жа Балобанова,—есть уединенные уголки Бретани, гдѣ хотя и перевелся народный пѣвецъ, но не перевелся еще народный разсказчикъ, „сказатель" (сказитель?), которымъ всегда такъ славились кельтскія страны—Бретань и Ирландія. Еще до сихъ поръ, или по крайней мѣрѣ въ недалекомъ прошломъ, можно было встрѣтить почти профессіональныхъ разсказчиковъ, которыхъ всѣ знали и къ которымъ направляли интересующихся этимъ дѣломъ".

Отъ такихъ-то разсказчиковъ записала г-жа Балобанова рядъ поэтическихъ легендъ и напечатала ихъ „для любителей народной поэзіи, преданій, пересказанныхъ... свободно, не стѣсняя себя требованіемъ точности, необходимой для научныхъ цѣлей, но часто портящей впечатлѣніе, благодаря непоэтическимъ подробностямъ и частностямъ, вплетеннымъ въ дѣйствительно поэтическій сюжетъ": г-жа Балобанова не можетъ „ручаться въ научномъ отношеніи за достовѣрность" собраннаго ею матеріала, да и не желаетъ „придавать своей работѣ никакого научнаго значенія". Оговорка очень цѣнная, но не совсѣмъ ясная: по нашему мнѣнію, въ предисловіи нужно было точнѣе оговориться о степени переработки записаннаго матеріала.

По словамъ г. Ольденбурга, „безусловная, ни въ чемъ не сомнѣвающаяся вѣра и глубокое примиреніе съ неизбѣжнымъ — вотъ суть бретонской души, которая успѣла слиться и сжиться съ природою, ожививъ ее смертью". Бретонскія легенды объединяются идеей уничтоженія, всемогущества смерти; передъ слушателемъ постоянно мелькаютъ „церковные своды, гдѣ въ чаду кадилъ, при мерцаніи свѣчей, раздается *вѣчная память*: пришелъ конецъ, которому нѣтъ конца!"

Напечатанныя г-жей Балобановой легенды тоже главнымъ образомъ говорятъ о смерти, невозвратномъ прошломъ, въ нихъ также слышится голосъ безусловной вѣры и глубокаго примиренія съ неизбѣжнымъ, но звучитъ мѣстами и иное настроеніе: „не смерть въ нихъ царитъ, а кипитъ жизнь, все побѣждающая новая жизнь"; „развалины замка утопаютъ въ зелени, весной — здѣсь поетъ соловей, зимой вѣтеръ разсказываетъ свои старыя сказки; память о прошломъ встаетъ изъ могилъ"; „года быстро и незамѣтно, какъ лѣтнія тучки, проносятся надъ этими сѣрыми ландами и темными развалинами, сгладятъ они понемногу всѣ слѣды прошлаго, но новая жизнь разовьется въ этомъ царствѣ смерти, хотя намъ и не суждено уже ее видѣть".

А все-таки старая Бретань умираетъ, и въ ея пѣснѣ и сказкѣ зву-

читъ грустный похоронный мотивъ. Царство жизни отодвигается къ далекому будущему, въ памяти о прошломъ часто много горечи. Въ этомъ сказалась вся многовѣковая грустная исторія кельтовъ.

Нѣжный, задумчивый колоритъ бретонской легенды увлечетъ читателя симпатичной книжки г-жи Балобановой — и взрослаго, и юнаго. Въ ней много свѣжести, непосредственности, неуловимаго, тонкаго аромата народнаго преданія, который часто недоступенъ испорченному излишествами и избалованному вкусу, къ которому, по нашему мнѣнію, нужно пріучать юныхъ читателей и привлекательностью образца, и увлекательностью комментарія.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русскій Вѣстникъ“, *декабрь*. — „Русское Обозрѣніе“, *ноябрь* и *декабрь*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *январь*.—„Русское Богатство“, *декабрь*.—„Міръ Божій“, *январь*.—„Вѣстникъ Европы“, *январь*.—„Всходы“, №№ 1 и 2.

Наша журналистика переживаетъ теперь какую-то странную и тяжелую полосу,—не то разочарованія въ чемъ-то, не то какой-то прострація. Причины такого состоянія довольно трудно опредѣлимы. Несомнѣнно одно, что эти причины не только внѣшнія, но отчасти и внутреннія. Можетъ быть, до значительной степени онѣ таятся именно въ тѣхъ надеждахъ, за которыми послѣдовало разочарованіе. Другое дѣло, имѣлись ли какія-либо основанія для того, чтобы питать какія-то тамъ надежды, но самый фактъ существованія надеждъ едва ли можетъ быть отрицаемъ. Какъ этотъ фактъ, такъ и фактъ разочарованія констатируются и хроникеромъ *Вѣстника Европы*. „Годъ тому назадъ,—говоритъ онъ,—можно было ожидать нѣкотораго поворота въ сторону законности. Эти ожиданія не оправдались. Вѣрнымъ, хотя и пассивнымъ, показателемъ господствующихъ теченій служила, по обыкновенію, печать, пережившая въ минувшемъ году одинъ изъ тѣхъ критическихъ моментовъ, которыми такъ богата ея новѣйшая исторія. Разрѣшеніе нѣсколькихъ безцензурныхъ изданій едва ли предвѣщаетъ само по себѣ наступленіе лучшихъ временъ для печати. Важно не столько количество періодическихъ изданій, сколько юридическое и фактическое ихъ положеніе, т.-е. размѣръ предоставленныхъ имъ закономъ правъ. Двадцать ли, тридцать ли газетъ издается безъ предварительной цензуры—это вопросъ второстепенный, пока всѣ онѣ остаются въ прежнемъ положеніи, пока провинціальныя газеты издаются подъ цензурой“.

Было бы ошибочно полагать, что разочарованіе и прострація охватили только органы такъ называемые „либеральные“ и что соотвѣтственно такому состоянію этихъ органовъ органы консервативной печати ликуютъ и преисполнены побѣднымъ настроеніемъ и побѣдными кликами. Общій тонъ консервативной печати отнюдь не таковъ. Онъ какой-то смущенный, нерѣшительный. Люди какъ будто задумались надъ чѣмъ-то, что-то хотятъ усчитать, хотятъ какъ будто разобраться въ собственномъ своемъ багажѣ и взвѣсить его. Разумѣется, мы сказали бы: въ добрый часъ,—еслибъ багажъ-то этотъ не оказывался и черезчуръ легковѣснымъ, и черезчуръ недоброкачественнымъ. Навряд ли изъ такой разборки багажа консервативной печати можетъ произойти что-либо, кромѣ значительнаго усиленія смрада и путаницы, которыхъ и раньше было въ нихъ предостаточно.

Русскій Вѣстникъ, напримѣръ, перебравшись на свое старое непе-

лище въ Москву, какъ будто утратилъ всю свою пикантность, свой прежній человѣконенавистническій характеръ. Съ исчезновеніемъ съ его страницъ разныхъ развязныхъ молодцовъ, вродѣ г. Медвѣдскаго, онъ превратился просто въ пустой и скучный сборникъ не только безталантныхъ, а даже просто-таки горемычныхъ статей о разныхъ сапогахъ въ смятку...

Гораздо, любопытнѣе эволюція, совершаемая другимъ консервативнымъ журналомъ, *Русскимъ Обозрѣніемъ*. Съ исчезновеніемъ съ его страницъ Spectator'a, журналъ началъ уподобляться нѣкоей саламандрѣ, окруженной пламенемъ, или взбѣсившемуся скорпіону, испускающему накопившійся ядъ въ свое собственное тѣло и въ тѣла своихъ собственныхъ собратій. Прелюбопытныя признанія и заявленія начали встрѣчаться на страницахъ этого журнала.

Читателю извѣстно, вѣроятно, имя г. Розанова,—того самаго г. Розанова, который обращался съ публичнымъ увѣщаніемъ возвратиться на стезю православнаго благочестія къ Л. Н. Толстому,—того самаго г. Розанова, котораго г. Соловьевъ заклеймилъ прозвищемъ Іудушки Головлева. Такъ вотъ сей пустопорожній писатель дѣлаетъ такое любопытное признаніе: „Юродство и кликушество въ такой модѣ, что автору, противъ котораго направлена филиппика г. Буренина (т.-е., какъ надо думать, самому г. Розанову) было почти отказано въ сотрудничествѣ арендаторомъ журнала (т.-е. *Русск. Вѣстн.*); т.-е. отъ *хлопотливаго хлѣба* (ахъ, какъ мило! о, господа литераторы!) былъ полуотлученъ большой кусокъ, и нуженъ былъ трудъ, хлопоты, *унизительныя увѣренія на будущее*, чтобъ этотъ кусокъ не обломился больше...“ Искренно сожалѣемъ, что г. Розанова чуть было не лишили куска хлѣба, о которомъ онъ такъ заботится; но не можемъ не сказать, что въ консервативной Аркадіи творится что-то совсѣмъ неладное.

А, впрочемъ, было бы даже и не особенно удивительно, еслибъ консервативная печать лишила г. Розанова его кусочка хлѣба. Дѣло въ томъ, что онъ не только большой мастеръ въ составленіи семинарскихъ хрій, не только маленькій инквизиторъ, отвергающій всякое „самочинное мышленіе“, не только, наконецъ, юродствующій пророкъ и проповѣдникъ, натягивающій на свои тощія плечи рясу покойнаго К. Леонтьева, но и enfant terrible россійскаго консерватизма. Нѣтъ-нѣтъ да иногда и выпалитъ онъ такое, отъ чего консерваторы поневолѣ должны въ смущеніе прійти. Наприм., въ своей статьѣ о *Духоборческомъ теченіи русск. раскола* г. Розановъ вдругъ проговаривается такими тирадами: „духоборчество есть симптомъ, показующій и отрицающій пассивность всѣхъ нашихъ состояній,—пассивность, достигшую великой степени уже къ концу московскаго періода и съ тѣхъ поръ все увеличивающуюся. Не выноситъ этого душа человѣческая—и она начинаетъ „вертѣться“. Невыносимо это для души человѣческой потому, что природа души человѣческой есть жизнь, акція, инціатива. Между тѣмъ у насъ все творчество, всякая инціатива взята ископившимися духоборцами. Мы не должны забывать о милліонахъ; мы можемъ фантазировать, буйствовать, „вертѣться“ съ перомъ въ рукѣ (ну, это, положимъ, буйствовать-то цензурный уставъ не разрѣшаетъ. Тамъ даже и статья такая особая на сей счетъ имѣется). Но и остальнымъ нужно въ чемъ-нибудь вывертѣть свой духъ. Дайте сотворить человѣку, иначе онъ умретъ или завертится“.

Это хоть бы и Щапову впору. Пусть г. Розановъ потомъ спохватывается, надѣваетъ снова благочестивую византійскую личину и го-

ворить о „необходимости податься въ сторону древняго типикона праведнаго житія...“ Слово, вѣдь, что воробей: вылетѣло — не поймаешь. Оно уже смутило сообщниковъ г. Розанова и, пожалуй, снова лишитъ сего несчастнаго автора его ломтика...

Наши консерваторы, смущенные разными происходящими среди нихъ самихъ явленіями, хотѣли бы, какъ мы сказали выше, перебрать, перетрясти свой багажъ, опредѣлиться и отдѣлиться. Это довольно любопытная картина выходитъ. Г. Юзефовичъ въ своей статьѣ: *Наши направленія въ обществѣ и печати*—дѣлаетъ такое заявленіе: „Политическіе идеалы обѣихъ партій далеко не такъ различны, какъ объ этомъ принято думать; и консерваторы, и либералы равно хотѣли бы видѣть свое отечество благоденствующимъ. Они расходятся не въ цѣляхъ, а въ программѣ...“ Повидимому, кроткимъ и смиреннымъ либераламъ остается только благодарить за такое великодушное признаніе и принять протянутую имъ руку... „Консерваторы, — продолжаетъ г. Юзефовичъ,—не отрицаютъ христіанскаго значенія принципа равенства и братства; но на практикѣ должны быть установлены преимущества для людей нравственныхъ предъ негодяями, для людей дѣятельныхъ предъ праздношатающимися и т. д. А такъ какъ дѣло идетъ о привилегіяхъ дворянства, о равенствѣ всѣхъ гражданъ предъ закономъ и судомъ, то изъ сего, очевидно, слѣдуетъ, что многомилліонная масса нашего народа, вся, за исключеніемъ дворянства, состоитъ изъ негодяевъ и праздношатающихся... Понятно, что либералъ, несмотря на все свое смиреніе, дальше не читаетъ опредѣленій г. Юзефовича“...

Выше мы сказали, что консервативные скорпіоны испускаютъ накопленный ими ядъ человѣконенавистничества и доносительства въ свое собственное тѣло. Дѣлаютъ ли они это въ виду отсутствія другого объекта, или въ силу чрезмѣрнаго переполненія ядомъ ихъ организма, или по инымъ какимъ-либо причинамъ—это ужъ ихъ дѣло. Г. Владиміровъ въ своей статьѣ *Исторія расположенія западно-русскаго костела* являетъ изъ себя именно такого самоуязвляющагося скорпіона. Предметъ, о которомъ пишетъ г. Владиміровъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу многихъ предметовъ, заповѣдныхъ для всякой иной печати, кромѣ чисто- и безпримѣсно-консервативной. Потому тутъ ей, этой послѣдней печати, и книги въ руки, а мы будемъ скромно поучаться. Надо отдать справедливость г. Владимірову, что основную его точку зрѣнія на вопросъ можно было бы признать вполнѣ правильной, еслибъ онъ не былъ скорпіономъ, переполненнымъ ядомъ злодыхательства и ненависти. Подъ нижеслѣдующими положеніями съ готовностью подписался бы, вѣроятно, всякій скромный либералъ, опять-таки если бы... А эти положенія такія:

1) Планъ расположенія западно-русскаго костела стоитъ на почвѣ національной, а не религіозной; 2) правительство не имѣетъ вражды къ католицизму; 3) оно не желаетъ обратить планъ расположенія въ средство религіозной пропаганды и 4) оно не желаетъ вмѣшиваться во внутренній бытъ католицизма. И далѣе: никто не желаетъ вводить русскій языкъ въ католическое богослуженіе у поляковъ, а только у русскихъ; положеніе, что Русь и православіе синонимы—ложно. Въ Россіи много толковъ, которые не могутъ быть названы православными, и кто же усомнится въ ихъ русской народности? Ученіе о тожественности вѣры и народности—вредное ученіе и т. д. Однимъ словомъ, г. Владиміровъ въ излагаемомъ имъ вопросѣ становится на вполнѣ, повидимому, вѣрную точку зрѣнія желательности того, чтобы люди удовлетворяли

свои религіозныя потребности на родномъ ихъ языкѣ. Мы говоримъ: „повидимому“ потому, что г. Владиміровъ вездѣ говоритъ о *русскомъ* языкѣ, какъ будто въ западномъ краѣ нѣтъ поляковъ, бѣлоруссовъ, у которыхъ свое нарѣчіе, жмуди и литовцевъ, а только одни русскіе. Впрочемъ, не это теперь занимаетъ насъ, а методъ, употребляемый авторомъ при полемикѣ съ своими единомышленниками. Вотъ тутъ онъ и является самоуязвляющимся скорпіономъ. Не особенная, разумѣется, бѣда, что авторъ именуетъ *Новое Время* флюгеромъ, *Русск. Вѣстн.* скорбнымъ невѣждой... Но что сказать о такой, напримѣръ, выходкѣ г. Владимірова противъ *Гражданина*: „такъ говорить можетъ только или газетный авантюристъ, продающій свое перо кому угодно, или человѣкъ польской крамолы, яко тать прокрадывающійся въ русскую публицистику. Въ это время,—продолжаетъ самоуязвляющійся скорпіонъ,—въ редакціи *Гражданина* свила себѣ гнѣздо клика петербургскихъ поляковъ и полякующихъ; особенно замѣтнымъ въ ней былъ полякъ К...“ Что же это такое, какъ не прямое доносительство? И на сей разъ оно направлено противъ своихъ.

Всю эту журнальную грязь мы преподносимъ читателю, разумѣется, не затѣмъ только, чтобъ онъ порадовался а затѣмъ, чтобы показать ему, что въ консервативной Аркадіи далеко не все благополучно, что аркадійцы смущены чѣмъ-то, дезорганизованы и совершенно потеряли почву изъ-подъ ногъ. Это же доказывается и разными довольно странными,—съ консервативной, конечно, точки зрѣнія,—признаніями, которыя такъ часто начали попадаться на страницахъ консервативныхъ журналовъ.

Русск. Об. напечатало, правда, съ примѣчаніемъ редакціи о ея несогласіи съ авторомъ, статью г. Дашкевича объ *Объединеніи народныхъ школъ*. Почтенный авторъ рѣшительно отказывается понимать вражду и разъединеніе двухъ типовъ школъ въ нашей бѣдной силами и образованіемъ родинѣ. Самый вопросъ о двухъ типахъ школъ, по его утвержденію, основанъ на недоразумѣніи. Воспитаніе и обученіе въ начальномъ образованіи нераздѣлимы. Наши культурные классы готовы безкорыстно, чистосердечно и горячо служить народу. Церковь не земное и не юридическое учрежденіе, она есть совокупность церковниковъ и мірянъ. Никто не лишенъ высокаго права учить своихъ братьевъ, и потому нельзя отождествлять церковную школу со школами, находящимися въ исключительномъ завѣдываніи одного духовенства. „Можетъ быть, духъ жизни, — продолжаетъ г. Дашкевичъ, — уже животворитъ тамъ, гдѣ мы думаемъ, что лежитъ мертвое тѣло. Чтобы не задержать его первыя вѣянія, надо разобрать искусственную стѣну раздѣленія. Вопросъ о церковной школѣ только частный вопросъ общаго вопроса объ органическомъ соединеніи разрозненныхъ частей церкви. Другія частности этого вопроса: возсоединеніе приходской общины и уничтоженіе бюрократизма въ церкви (господа Тихомировы, Розановы и tutti quanti, чего же вы смотрите? Вѣдь это же несомнѣнное самочинное мышленіе). Мы своей враждой къ земской школѣ, — продолжаетъ [illegible] торъ,—только сбиваемъ съ толку народъ и внѣдряемъ въ него [illegible] ныя понятія. Когда во время весеннихъ экзаменовъ представитель з[illegible] ства и церковный наблюдатель гоняются цѣлыми днями одинъ за д[illegible] гимъ, часто по тѣмъ же селамъ, чтобы въ каждомъ допросить 8 ма[illegible] чиковъ, не приходитъ ли имъ на умъ вся вздорность раздѣленія?“

Это просто и человѣчно... и во всякомъ случаѣ не консервати[illegible] Г. Дашкевичъ не дѣлаетъ никакого практическаго вывода изъ сво[illegible]

посылокъ. Но выводъ напрашивается самъ собой; онъ неизбѣжно такой: нѣтъ надобности создавать какой-либо иной типъ школы, когда уже въ теченіе тридцати лѣтъ создался типъ школы земской, сдѣлавшей такъ много добраго, несмотря на всѣ препоны. Но что скажутъ гг. консерваторы по поводу такого вывода изъ положеній ихъ же соратника?

Мы боялись бы надоѣсть читателю приведеніемъ новыхъ и новыхъ доказательствъ факта растерянности и смущенія, господствующихъ въ консервативномъ лагерѣ, еслибы не считали это явленіе чрезвычайно важнымъ и даже чреватымъ крупными общественными послѣдствіями. Потому пусть читатель не сѣтуетъ на насъ, что на сей разъ мы почти все свое обозрѣніе посвятимъ обсужденію этого явленія.

Любопытныя и неожиданныя признанія дѣлаетъ г. В. Р. въ своей статьѣ *Очерки Привисляньи*. Въ разбираемыхъ книгахъ *Русск. Об.* эти очерки посвящены дѣлу народнаго образованія въ Привисляньи. Оказывается, что въ 1893 году народныхъ училищъ было только 2,569, такъ что одна школа приходилась на 2,100 жителей, а одинъ учащійся на 38 человѣкъ, причемъ по истеченіи перваго года ученья выходятъ изъ школы 750 учащихся. Грамотныхъ ежегодно прибываетъ по одному на 800 жителей. Эти цифры особенно печальны по сравненію съ ходомъ дѣла народнаго образованія у протестантовъ и евреевъ. У первыхъ одинъ оканчиваетъ курсъ на 750 человѣкъ, а между вторыми почти нѣтъ неграмотныхъ. Но прискорбнѣе всего то, что съ годами процентное отношеніе учащихся къ населенію не увеличивается, а даже падаетъ. Въ 1882 г. одинъ учащійся приходился на 35 жителей, а въ 1893 г. одинъ на 38. Одна изъ причинъ такого печальнаго положенія сельской школы состоитъ, безъ сомнѣнія, въ томъ, что расходы на школы въ Привисляньи несетъ почти исключительно только одно крестьянство, а не всѣ обыватели уѣзда, какъ въ земскихъ губерніяхъ. Но эта причина не единственная. Поневолѣ, — говоритъ авторъ, — приходится допустить тотъ грустный фактъ, что въ средѣ польскаго крестьянства съ начала восьмидесятыхъ годовъ выступаетъ явленіе несочувствія къ школѣ и недовѣрія къ ней. Причину этого явленія авторъ видитъ въ отношеніи къ школѣ католическаго духовенства, которое мы сами возстановили противъ сельской школы, лишивъ ее права преподаванія правилъ вѣры. Въ 1891 году изъ 2,863 начальныхъ училищъ ксендзы преподавали законъ Божій только въ 154. Мы не можемъ не указать на другую, болѣе важную и болѣе общую причину: на денаціонализацію школы, руссификацію ея. Такіе серьезные ученые, какъ покойный Потебня, вполнѣ основательно доказывали всю убыточность для дѣла умственнаго развитія народа денаціонализаціи его. Денаціонализація школы, лишеніе населенія его роднаго языка, неизбѣжно ведетъ къ нравственному и главное—къ умственному вырожденію и отдаетъ народъ въ руки пришельцевъ, въ данномъ случаѣ нѣмцевъ и отчасти евреевъ, сохранившихъ свой языкъ. Эти народности и становятся тогда господствующими, по крайней мѣрѣ экономически. Глубоко интересны сообщаемые консервативнымъ журналомъ факты, показывающіе, къ чему мы идемъ сами и куда мы ведемъ одну изъ частей нашей родины, съ нашей системой руссификированія и располяченія.

Не лучше обстоитъ дѣло средняго образованія. Государство не жалѣетъ средствъ на воспитаніе подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ польской интеллигенціи; но оправдались ли надежды правительства, окупились ли матеріальныя жертвы страны? Привлекли ли мы пу-

темъ школы интеллигенцію на сторону правительства? Сумѣли ли мы привить ей чувства единства съ имперіей?—спрашиваетъ авторъ.

На всѣ эти вопросы онъ отвѣчаетъ отрицательно. Правительственная гимназія не только не имѣетъ этого вліянія на воспитывающіеся въ ней интеллигентные классы польскаго народа, но, наоборотъ, усиливаетъ ихъ ненависть къ намъ. Дѣло въ томъ, что живучесть народовъ, даже самыхъ слабыхъ, во много разъ превышаетъ живучесть отдѣльныхъ лицъ. Можно уничтожить государство, но уничтожить народъ немыслимо. Народъ можетъ утерять способность къ самостоятельному политическому существованію и тѣмъ не менѣе сохранить всѣ свои отличительные расовые признаки, и духовно жить полною жизнью. Уничтожить же народъ, имѣющій свою многовѣковую исторію, свой вполнѣ выработанный языкъ, свои достигнувшія высокаго развитія литературу и искусство—затѣя неосуществимая. Да, наконецъ, что мѣшаетъ нормальнымъ отношеніямъ поляковъ къ русскимъ? Неужели ихъ принадлежность къ польскому племени? Полякъ, оставаясь полякомъ по вѣрѣ, языку, нравамъ, можетъ быть добрымъ русскимъ подданнымъ. Г. В. Р. по обычаю всѣхъ публицистовъ своего лагеря не дѣлаетъ выводовъ изъ невольно-признаваемыхъ имъ фактовъ и изъ волей-неволей высказываемыхъ положеній. Онъ заключаетъ не къ уничтоженію ложной и вредной для обѣихъ великихъ народностей системы руссификаціи, не къ равноправію Привислянья съ остальными частями имперіи, не къ введенію тамъ земскихъ учрежденій и національной школы, низшей и средней, а къ распространенію техническаго и профессіональнаго образованія. Выводъ жалкій... Но что намъ до него за дѣло? Для насъ важны только невольныя признанія, къ которымъ, наконецъ, вынуждена консервативная журналистика.

Происходящее на нашихъ глазахъ разрушеніе консервативной Аркадіи до значительной степени объясняется внѣшними причинами. Но только до значительной степени, а не всецѣло. Имѣются причины и внутреннія. Нѣкоторый намекъ на эти внутреннія причины мы найдемъ, внимательно читая переписку пророка и вѣдуна консервативной печати, возводимаго ею въ рангъ великаго писателя, К. Леонтьева. Вообще, по нашему мнѣнію, *Русское Обозрѣніе* оказываетъ положительную услугу русскому обществу, печатая его переписку.

Въ одномъ изъ писемъ Леонтьева послѣ того, какъ онъ, по своему христіанскому смиренію, пожелалъ, чтобы *профессоровъ сѣкли* (ибо не въ этомъ сосредоточено все достоинство человѣческое), встрѣчается такое любопытное мѣсто: „Съ Катковымъ сладить вовсе не легко, потому что онъ съ Т. И. Ф. ни по греко-болгарскому, ни по старообрядческому вопросу не согласенъ, потому что онъ, Катковъ, *боится* именно того, чего мы съ Ф. желаемъ—чрезмѣрнаго въ будущемъ усиленія вселенской патріархіи, въ случаѣ присоединенія Царьграда и неизбѣжной нужды сосредоточить церковное управленіе православія. Катковъ опасается того, чего нужно желать, т.-е. *оппозиціи церкви Русскому государству*; эта возможность оппозиціи, эта сила и свобода церкви и есть единственная годная для Россіи и для всего православнаго Востока конституція. Ибо только церковь можетъ въ будущемъ спасать государственную власть отъ какихъ-нибудь анаѳемскихъ новыхъ либеральностей".

Мы выписали эту длинную цитату потому, что въ ней, по нашему мнѣнію, заключаются корень и основаніе того разложенія, которымъ теперь на нашихъ глазахъ охватило всю консервативную партію. Дѣло

въ томъ, что эта партія никогда не была единой, никогда не обладала прочно-установленными общими принципами; она съ самаго начала своего существованія была искусственно слѣплена изъ двухъ, совершенно разнородныхъ и въ основахъ даже враждебныхъ другъ другу, элементовъ. Первый изъ нихъ—это наши клерикалы, византійцы, жаждавшіе порабощенія государства церковной іерархіи. Наиболѣе яркимъ представителемъ этой группы, не имѣющей рѣшительно никакихъ корней ни въ нашей исторіи, ни въ нашемъ современномъ обществѣ, и былъ К. Леонтьевъ. Рваную мантію, упавшую съ его плечъ, теперь подобрали гг. Тихомировъ и Розановъ. Плохо она пришлась къ ихъ слабымъ плечамъ.

Другой элементъ, руководимый Катковымъ и его преемниками,—это приверженцы сильной государственной власти, давящей своимъ могуществомъ все, не исключая и церкви... Нечего и говорить, что эта группа имѣла реальныя основанія для своего существованія и въ нашей исторіи, и въ нашей дѣйствительности. Насколько прочны эти основанія—это уже другой вопросъ.

Понятно, что два элемента, столь разнородные, столь даже враждебные по своимъ основнымъ принципамъ, могли сдерживаться вмѣстѣ только случайными историческими условіями, достаточно извѣстными, чтобъ о нихъ стоило распространяться. Съ исчезновеніемъ этихъ условій разложеніе дѣлается неизбѣжнымъ. И чѣмъ оно скорѣе произойдетъ, тѣмъ лучше. А намъ остается только быть спокойными наблюдателями любопытнаго процесса самоистребленія ядовитыхъ скорпіоновъ россійскаго журнальнаго консерватизма и ждать, когда они преблагополучно пожрутъ сами себя.

Какъ извѣстно, *Съв. Вѣст.* придерживается совершенно особой манеры въ своихъ критическихъ и полемическихъ статьяхъ. Образчикомъ можетъ служить заявленіе обозрѣвателя журнала, будто „либеральная“ *Русская Мысль* въ своихъ взглядахъ по вопросу о регулированіи крестьянской жизни сходится съ гг. Щеглятьевыми. Чѣмъ объяснить подобный полемическій пріемъ почтеннаго журнала? Неумѣньемъ ли читать, или не желаніемъ понимать читаемое? Дѣло шло о статьѣ г. Стиваля объ *Узаконеніи крестьянской жизни*. Г. Стиваль, какъ противникъ всякой регламентаціи, выставлялъ *любовь*, какъ единственный принципъ, долженствующій руководить нами въ нашемъ отношеніи къ крестьянской жизни. Мы замѣтили на это, что, по нашему мнѣнію, подстановка моральныхъ принциповъ, даже самыхъ возвышенныхъ, въ отношеніяхъ юридическихъ, правовыхъ, на практикѣ ровно ни къ чему не приводитъ. Мы утверждали, что въ дѣлѣ деревенскихъ отношеній главное не въ моральныхъ принципахъ, а въ *учрежденіяхъ*. Это, какъ видите, тоже не старый споръ, который когда-то велся на страницахъ нашего журнала Шелгуновымъ съ *Недѣлей*,—споръ объ относительномъ значеніи личности и учрежденій въ дѣлѣ общественнаго развитія. Чтобы не было никакихъ сомнѣній въ защищаемой нами точкѣ зрѣнія, мы указывали, что дѣятели эпохи освобожденія тоже создавали *учрежденія*, не рѣшаясь довѣрять судьбу крестьянства одной только развивающейся моральной личности, что теперь эти созданныя тогда учрежденія, притомъ расшатанныя позднѣйшими добавленіями, не соотвѣтствуютъ болѣе дѣйствительнымъ потребностямъ населенія и потому желательно созданіе новыхъ *учрежденій*. Мы указали даже, какія именно учрежденія желательны. Это — безсословная волость безъ ценза, съ правомъ голоса всѣхъ обывателей, какъ основная ячей-

ка управленія, суда и всей земской жизни. Полагать надо, что гг. Щеглятьевы отнюдь не солидарны съ такимъ пожеланіемъ *Русской Мысли*. Возражать намъ можно было, только становясь на почву текущей дѣйствительности. Можно было утверждать, что наше пожеланіе при современныхъ условіяхъ есть утопія и не имѣетъ никакихъ шансовъ на осуществленіе. Еслибъ полемика *Сѣвер. Вѣст.* стояла на такой почвѣ, мы, разумѣется, согласились бы съ возраженіемъ и замѣтили бы только, что мы не одинъ разъ заявляли, что, по нашему мнѣнію, обязанность публициста состоитъ не въ томъ, чтобъ обращаться съ „практическими“ совѣтами и мнѣніями къ сферамъ, отъ которыхъ зависитъ осуществленіе того или другого проекта, а въ томъ, чтобъ излагать и пропагандировать общіе принципы, признаваемые публицистомъ вѣрными. Вопросы объ осуществимости и неосуществимости совсѣмъ не должны входить въ поле зрѣнія истинно-принципіальной журналистики. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, *такое* возраженіе понятно и пріемлемо. Надо годить,—какъ говорилъ нашъ сатирикъ,—ну, и будемъ годить. Но зачѣмъ же лгать-то и передергивать? Къ чему это нужно? Неужели и это дѣлается во славу „идеалистической“ философіи и „этическихъ“ принциповъ? Любопытно, какими именно „этическими“ принципами руководился *Сѣвер. Вѣст.*, печатая „русскую повѣсть“ г. М. Бѣлинскаго: *Тараканій бунтъ*. Давно уже въ нашей литературѣ, даже въ журналахъ консервативныхъ, мы не встрѣчали ничего равнаго по кавалерственно-нахальному отношенію къ народу. Бывали у насъ времена, когда мужика изображали „святой скотиной“, но до сихъ поръ даже разные литературные проходимцы не рѣшались изобразить народную массу стадомъ, состоящимъ сплошь изъ идіотовъ, олуховъ и негодяевъ. Только ловкая и искусная рука такого, съ позволенія сказать, литератора, какъ М. Бѣлинскій, могла святотатственно заклеймить весь русскій народъ, всю сѣрую, мужицкую Русь. Это даже не легкомысліе, это даже не „Ванькина литература“, а нѣчто худшее. Это нѣчто такое, для чего и названія не подберешь.

Вообще, наша журнальная беллетристика отличается порядочностью тона. Такія произведенія, какъ „русская повѣсть“ г. М. Бѣлинскаго, составляютъ рѣдкое исключеніе. Но въ большинствѣ случаевъ эта беллетристика отличается какой-то вялостью, дряблостью; она страдаетъ то старческимъ маразмомъ, то почти дѣтской неумѣлостью. Такія свойства портятъ часто вещи, сами по себѣ могшія бы выйти недурными.

Это приходится сказать и о повѣсти г. Куприна *Молохъ* (*Русск. Бог.*) По замыслу повѣсть г. Куприна могла бы выйти недурной, нѣкоторыя мѣста, какъ, напримѣръ, описаніе работъ на заводѣ, выписаны тщательно и даже красиво. Но фабула испортила все впечатлѣніе. По замыслу, *Молоху*, олицетворенному личностью нѣкоего члена правленій разныхъ акціонерныхъ обществъ, массивнаго колосса Квашнина, получающаго триста тысячъ годового дохода и представляющаго собой громадное животное, пожирающее цѣлыя груды яствъ и питій и требляющее громадное количество живого женскаго мяса, — эт чудовищу приносится въ жертву *все*. Таковъ замыселъ автора,— мыселъ, какъ видите, интересный. Но дѣло въ томъ, что это приносится въ жертву Молоху только въ замыслѣ автора и разсужденіяхъ благороднаго инженера съ обнаженными нервами, рова. Всѣ эти разсужденія, разумѣется, съ большимъ успѣхомъ ч тель прочтетъ въ любомъ изслѣдованіи о бытѣ фабрично-заводск

рабочихъ. Въ дѣйствительности же, въ фабулѣ разсказа, въ жертву Молоху приносится только живое мясо легкомысленной кокетки, дрянной кисейной барышни Нины. Да и жертвы-то даже нѣтъ никакой—Нина сама съ огромнѣйшей охотой продаетъ себя Молоху. Не удивительно, что читатель остается въ полномъ недоумѣніи, изъ-за чего г. Купринъ весь этотъ огородъ городилъ. Читателю при видѣ убивающагося инженера съ обнаженными нервами, вспрыскивающаго себѣ морфій, невольно приходятъ въ голову такія мысли: эхъ, слизнякъ ты несчастный! ты бы лучше судьбу благодарилъ, что она отнесла отъ тебя эту кисейную барышню. Вѣдь, все равно, еслибъ ее не продали или еслибъ она не продалась Молоху, такъ она для перваго же попавшагося „калегварда“ тебя бросила, а то просто превратилась бы въ противную и кислую бабу, которая тебѣ всю жизнь отравила бы. Таково необходимое впечатлѣніе, получаемое читателемъ отъ повѣсти г. Куприна.

Въ томъ-то и дѣло, что обыкновенно нашихъ беллетристовъ хватаетъ только на замыселъ, а не на его исполненіе. Они способны найти или заимствовать изъ жизни идею произведенія; но у нихъ не хватаетъ творческой способности, чтобы слить ее съ образомъ. Они въ большинствѣ случаевъ разсказываютъ, а не показываютъ, излагаютъ, а не изображаютъ. И, все-таки, въ способности излагать г. Куприну отказать нельзя, и при бѣдности нашей беллетристики даже такія произведенія читаются съ нѣкоторымъ, хотя и чисто внѣшнимъ, интересомъ.

Другое подобное же, чисто внѣшнее произведеніе—это разсказъ г. Быстренина: *Намаялся* (*Міръ Божій*). Разсказъ написанъ очень живо, но онъ представляетъ почти ученическое подраженіе разсказамъ Глѣба Успенскаго,—подражаніе, доходящее даже до сходства языка. У намаявшагося мужика Герасима, котораго женили на восемнадцатомъ году, баба ушла къ управляющему, а его самого начало метать въ разныя стороны. „Метнетъ въ сторону, метнетъ въ другую, только глаза пучишь, а никакого средствія не знаешь,—говоритъ онъ, погружаясь въ мрачный фатализмъ.—Главная зацѣпка въ томъ, что ничего мы опредѣлить не можемъ, что, значитъ, къ какой статьѣ слѣдствуетъ“. Дѣло кончается нѣкоторымъ мужицкимъ благополучіемъ. Намаяло мужика, а потомъ и метнуло въ такую сторону: жена, узнавъ о болѣзни сына, бросаетъ своего управляющаго и возвращается къ брошенному мужу—конечно, съ нажитымъ ей добромъ. Когда смущенный нѣсколько этимъ обстоятельствомъ Герасимъ спрашиваетъ ее, „въ какихъ, къ примѣру, смыслахъ это понимать надо“,—баба довольно-таки, по нашему мнѣнію, нагло отвѣчаетъ: „али ты вовсе одурѣлъ? Что же, по-твоему, у меня ни мужа, ни дома нѣтъ? Будетъ ужъ, поскиталась, оченно даже довольно“. И когда собесѣдникъ Герасима спрашиваетъ его: а какъ же съ управляющимъ-то, то намаявшійся мужикъ отвѣчаетъ: „Прасковья—баба сурьезная. Ужъ коли вернулась домой, такъ будь спокоенъ: никакой глупости не будетъ. Я Прасковью уважаю, потому въ ней умственность есть; ужъ ежели она что положитъ на сердцѣ, такъ это ужъ у нея, будь спокоенъ, крѣпко“. А главное: „нонче хлѣбца всѣмъ будетъ до сыта; будетъ ужъ, натерпѣлись“.

Такъ вотъ онъ фаталистъ какой—этотъ Герасимъ, и вотъ какъ г. Быстренинъ подражаетъ Глѣбу Успенскому (ср. разсказъ: *Перестала*). Только не клевещетъ ли онъ на мужика-то? Бываетъ, разумѣется, всякое бываетъ. Только такъ ли оно бываетъ, какъ разсказываетъ

г. Быстренинъ? Правда, что мужикъ часто „ничего опредѣлить не можетъ“, но въ простыхъ нравственныхъ вопросахъ онъ, пожалуй, не хуже насъ знаетъ, что „къ какой статьѣ слѣдствуетъ“. Очень ужъ вы, господа, простые психологическіе пріемы къ мужику примѣняете, черезчуръ несложную психическую жизнь вы въ немъ предполагаете.

Въ *Вѣст. Евр.* напечатано начало новаго большого романа г. Боборыкина: *По другому*. На сей разъ нашъ почтенный и мастистый беллетристъ избралъ очень удачно свою тему: это сопоставленіе людей трехъ или даже четырехъ поколѣній и ихъ взаимныя отношенія. Трудно, разумѣется, по началу судить о томъ, насколько успѣшно выполнитъ г. Боборыкинъ свою интересную задачу. Его значительныя свѣдѣнія въ исторіи нашего недавняго прошлаго, его рѣдкая наблюдательность (въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ *дѣйствительно* наблюдалъ, а не *схватывалъ* характерныя черты, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, изъ окна вагона, на основаніи случайныхъ встрѣчъ и т. д.), наконецъ, его безспорное стилистическое мастерство, мастерство старой школы — все это позволяетъ надѣяться, что авторъ дастъ намъ что-нибудь похожее на прежніе и лучшіе его романы, вродѣ, наприм., *Дѣльцовъ* или *Солидныхъ добродѣтелей*. Представитель перваго поколѣнія, извѣстный беллетристъ Токаревъ, человѣкъ шестидесятыхъ годовъ. По нашему мнѣнію, тутъ маленькая ошибка въ опредѣленіи эпохи. Токаревъ, судя потому, что онъ баринъ и эстетикъ, потому, что семидесятникъ Разсудинъ, тоже писатель, побывавшій на сѣверѣ и положившій тамъ свое здоровье, отзывается о немъ такъ: „онъ въ общемъ честный писатель... Да и съ годами, кажется, отъ многихъ своихъ умничаній отучился. Въ настоящее время и этакіе на рѣдкость“,—такъ судя по такому отзыву, говоримъ мы, Токаревъ скорѣе не шестидесятникъ,—о шестидесятникахъ такъ не отзываются,—а человѣкъ той переходной эпохи между людьми сороковыхъ и людьми шестидесятыхъ годовъ, которая не имѣла у насъ исторіи въ нашей художественной литературѣ. Люди этой переходной эпохи представляли изъ себя нѣчто смѣшанное, нѣчто гибридное, если можно такъ выразиться. Отъ своихъ старшихъ сверстниковъ, людей сороковыхъ годовъ, они,—въ пятидесятыхъ годахъ они были юношами,—заимствовали свою склонность къ метафизическому мышленію, къ идеалистической философіи, къ эстетикѣ... Младшими своими сверстниками, настоящими людьми шестидесятыхъ годовъ, они въ великую и горячую эпоху реформъ были увлечены на служеніе общественной идеѣ; и это увлеченіе было столь сильно—въ этомъ заслуга людей этого переходнаго типа, что общественная идея крѣпко засѣла въ нихъ, такъ сказать, приросла къ нимъ, и они понесли ее въ жизнь до сѣдой старости, вопреки своему эстетизму, вопреки своимъ несомнѣнно мѣшающимъ дѣлу метафизическимъ увлеченіямъ, вопреки даже личной и часто озлобленной борьбѣ съ новыми направленіями мышленія и дѣланія... Пронесли—и унесутъ въ могилу. И надъ ихъ могилой, какъ вполнѣ резонно надѣется Токаревъ, умолкнутъ всѣ споры, прекратятся всѣ *анкроморскія* битвы; останется только несомнѣнное, истинно вѣчное—ихъ общественныя идеи и общественная борьба. Исторія воздастъ должное этому поколѣнію, поскольку оно слилось въ одну общую массу тружениковъ на полѣ общественнаго развитія съ подлинными шестидесятниками. Намъ кажется, что Токаревъ принадлежитъ именно къ этому поколѣнію.

Побывавшій въ Якутской области публицистъ и беллетристъ Р-

судинъ—истый семидесятникъ, имѣвшій когда-то столкновенія съ Токаревымъ, ведшій съ нимъ анкроморскую битву,—вѣроятно, именно по тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ Токаревъ отличался отъ шестидесятниковъ. Но теперь онъ также, какъ и Токаревъ, старикъ по отношенію къ новымъ поколѣніямъ. И онъ и Токаревъ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ новымъ людямъ, и, несмотря на свои бывшія анкроморскія битвы, отлично сознаютъ это, хотя безъ столкновеній они, все-таки, и теперь обойтись наврядъ ли могутъ, наприм., по своимъ различнымъ отношеніямъ къ этимъ самымъ новымъ людямъ. Отношеніе Разсудина къ нимъ можетъ быть только отрицательное, а отношеніе Токарева отчасти недоумѣвающее, отчасти сочувственное (нѣкоторымъ сторонамъ направленія новыхъ людей), а отчасти просто эстетически наблюдательное. Разсудинъ все же, несмотря на свою исторію, несмотря на свою болѣзнь, борецъ — и борцомъ онъ и въ могилу ляжетъ. А Токаревъ — баринъ, и эстетикъ, такъ называемый широкій человѣкъ; онъ менѣе склоненъ къ борьбѣ и болѣе къ наблюденію и уясненію. Не темпераментъ только, а идея, направленіе—составляетъ такую разницу между ними. Представителями новыхъ людей въ романѣ г. Боборыкина выступаютъ: декадентъ и символистъ Анемоновъ, чистѣйшій продуктъ современной парижской литературы и современной парижской улицы, существо изнѣженное, полугермафродитное, съ мужской головой и чуть не женскимъ тѣломъ, и съ извращенною душой. Его настоящее мѣсто не среди нашего культурнаго общества, какъ оно ни искалѣчено всяческими символическими теченіями, а въ Notre Dame de Lorette. Далѣе, прерафаэлистка Студенцова, „новая“ русская барыня, всего ищущая, ко всему стремящаяся, жаждущая новыхъ впечатлѣній и новыхъ теченій, всѣмъ интересующаяся (въ смыслѣ и направленіи внутренней красоты всякаго явленія), и въ этомъ стремленіи къ красотѣ доходящая даже до изученія Петронія. Однимъ словомъ это—не пристроившаяся ни къ чему, вполнѣ неуравновѣшенная натура искательницы того, чего, можетъ быть, и не существуетъ. И тутъ г. Боборыкинъ даетъ намъ одну очень тонкую и чисто-художественную черточку, снятую съ натуры: Студенцова—галлюцинатка. Далѣе, кандидатъ университета и унтеръ-офицеръ Шпандинъ, велосипедистъ, атлетъ, Антиной, эфебъ, съ божественнымъ торсомъ, съ грудью Геркулеса, съ божественной тонкостью связокъ. Декадентъ Анемоновъ влюбленъ въ него почти какъ въ женщину. А на самомъ дѣлѣ это безсознательное, грубое и органически нахальное животное, нагло прущее впередъ по житейской улицѣ, расталкивая своими могучими локтями обыкновеннымъ смертныхъ, видящее въ женщинѣ просто кусокъ сочнаго и вкуснаго мяса. Бѣда тому, кто встрѣтится на его дорогѣ. Всякую подлость, всякое насиліе такіе господа, какъ Шпандинъ, совершаютъ безсознательно, ни надъ чѣмъ не задумываясь. Это вполнѣ новый человѣкъ. Онъ похожъ на героевъ вѣка Екатерины II, выроставшихъ, какъ грибы, при первомъ расцвѣтѣ крѣпостной культуры. Похожъ, но не совсѣмъ. У тѣхъ все же была своя совѣсть и своя честь. У такихъ сыновъ конца вѣка, какъ Шпандинъ, ничего этого не имѣется. Они безнадежны. Это не люди и даже не звѣри, а какая-то, выработанная въ реакціонной ретортѣ, квинтъ-эссенція звѣрства.

Наконецъ, въ романѣ г. Боборыкина есть еще одинъ представитель новыхъ людей, молодой ученый Шемадуровъ. Этотъ тоже, ничтоже сумняшеся, претъ въ пространство, не не такъ, какъ Шпандинъ, а по-своему. Это одинъ изъ такъ называемыхъ „русскихъ учениковъ“, желающихъ переварить русскаго мужика въ фабричномъ котлѣ. Фигу

ра догматическая, довольно наглая, но чисто-книжная. Трудно сказать о немъ что-нибудь кромѣ того, что онъ дерзокъ, самонадѣянъ и страш но упоренъ. Молодежь его любитъ именно за эти свойства; но такимъ людямъ, какъ Разсудинъ, онъ ненавистенъ прямо органически уже тѣмъ однимъ, что у него водилась замашка передъ человѣкомъ, не признающимъ его коньковъ, пускать „тоны". Съ оттѣнкомъ ироніи, что голосъ у него тогда фистулой, усмѣшка особенная и глаза подмигиваютъ... Впрочемъ, Шемадуровъ является въ романѣ только мелькомъ и наврядъ ли будетъ играть въ немъ какую-либо роль. Оно и лучше: мы сильно сомнѣваемся, чтобы г. Боборыкинъ детально изучилъ этотъ типъ новаго человѣка.

Изъ нашего краткаго изложенія читатель можетъ усмотрѣть, что новый романъ г. Боборыкина имѣетъ интересъ прямо-таки захватывающій. Все дѣло въ дальнѣйшемъ развитіи темы.

Рекомендуемъ читателю внимательно прочитать превосходный очеркъ г. Кони о докторѣ Гаазѣ. Чтеніе этого очерка должно быть особенно поучительнымъ для тѣхъ, которые склонны игнорировать или только умалять значеніе учрежденій въ исторіи человѣческаго развитія и полагаться на возвышенныя моральныя силы личности, на ростъ чувства любви. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ людей, достигшихъ теперь преклоннаго возраста и знакомыхъ хоть немного съ „міромъ отверженныхъ", не знаетъ имени и подвиговъ—да, именно подвиговъ, а не дѣйствій—Ѳедора Петровича, „святого доктора", „Божія человѣка"? Въ мірѣ отверженныхъ даже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ объ этомъ „Божіемъ человѣкѣ" ходили цѣлыя легенды. И вотъ теперь, читая превосходный очеркъ г. Кони, намъ становится больно, тяжело,—тяжело и больно за человѣка. Гаазъ былъ, дѣйствительно, святой человѣкъ, праведникъ и подвижникъ, человѣкъ не только большого ума, но и великаго сердца, необычайныхъ духовныхъ силъ... И что же? Куда ушла вся эта великая душевная сила? На спасеніе несчастныхъ отъ арестантскаго прута посредствомъ закованія ихъ въ легкія „гаазовскія" ножныя кандалы, на улучшеніе временнаго пребыванія арестантовъ въ Москвѣ, на оставленіе ихъ въ больницѣ на излѣченіе, наконецъ, на благородныя слова и дѣла утѣшенія падшимъ!... Хорошо оно, спору нѣтъ, и въ особенности красиво, но, право же, обидно за человѣка, больно за него. Развѣ только это сдѣлали бы великія силы души Гааза, еслибъ онъ не былъ окруженъ извѣстною средой, еслибъ онъ жилъ и дѣйствовалъ при другихъ учрежденіяхъ? Вѣдь, человѣкъ такого духа, такой вѣры горами двигать бы могъ, а онъ... ходилъ по своей комнатѣ закованнымъ въ свои „облегченныя" кандалы, проходилъ въ нихъ по комнатѣ разстояніе, равное первому этапному переходу до Богородска, чтобы знать, каково имъ идти въ такихъ кандалахъ. Больно за человѣка, до нестерпимости больно... И досадно, что все еще находятся наивные люди, рѣшающіеся говорить о любви, какъ регуляторѣ человѣческихъ отношеній при какихъ бы то ни было учрежденіяхъ. Гаазъ-то былъ правъ предъ Богомъ и людьми, такъ какъ вполнѣ искренно могъ н помнить этапному начальнику „о высшемъ судѣ, предъ которымъ м оба не минуемъ предстать вмѣстѣ съ сими людьми, кои тогда изъ та кихъ подчиненныхъ будутъ страшными обвинителями". Онъ былъ только правъ, но и утѣшенъ. Ну, а нынѣшніе-то? О чемъ они, э люди любви, напомнить могутъ? Чѣмъ они могутъ быть утѣшены, к да отрицаютъ значеніе учрежденій?

Г. Южаковъ въ своемъ *Дневникѣ журналиста* по поводу треть о тома *Капитала* Маркса дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о ме

дахъ разсужденія его русскихъ учениковъ. Онъ разбираетъ книгу г. Гурвича о русской деревнѣ. „Это пока почти единственная попытка нарисовать на основаніи фактическихъ данныхъ ходъ современнаго экономическаго развитія Россіи, какъ оно понимается представителями этой группы“,— замѣчаетъ г. Южаковъ. Въ этой „широкой картинѣ“ двѣ стороны: упадокъ народнаго хозяйства и ростъ и укрѣпленіе капиталистическаго земледѣлія. Упадокъ народнаго хозяйства и шатаніе общины—это не тотъ порохъ, который изобрѣли наши экономическіе матеріалисты. Еще сорокъ лѣтъ тому назадъ Аксаковъ въ критикѣ Положенія указывалъ на опасность для развитія общины административной опеки, а *Современникъ* видѣлъ опасность въ недостаткѣ надѣловъ. Далѣе шла научная литература 70-хъ годовъ: книга Флеровскаго, работы Елисеева, Лалоша, Чаславскаго, Васильчикова, Янсона. Общество того времени не отставало отъ литературы: въ 76-мъ году екатеринославское земство возбудило ходатайство о дополнительномъ надѣлѣ крестьянъ землею; въ 78 году одесскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ указывалъ на необходимость расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Работы семидесятыхъ годовъ, дѣйствительно, давали „широкую картину“ деревни, но онѣ оставляли въ сторонѣ властное вторженіе капитализма въ экономическую жизнь Россіи. Въ широкой картинѣ настоящаго и будущаго деревни, — говоритъ г. Южаковъ, — первая часть давно написана другими, и г. Гурвичемъ только переписана. Народное хозяйство приходитъ, дѣйствительно, въ упадокъ; община, артель, кустарные и домашніе промыслы, натуральное хозяйство, дѣйствительно, подвергаются ударамъ капитализма; дѣйствительно, они обречены на вымираніе, *если мы не сумѣемъ найти въ своей умственной и нравственной культурѣ, въ своихъ организованныхъ общественныхъ силахъ, въ своихъ руководящихъ классахъ достаточно разума и совѣсти, знанія и патріотизма, чтобы спасти наше отечество отъ горестныхъ путей западно-европейскаго экономическаго развитія.*

Всходы, *№№ 1* и *2*. Изданіе это, выпускаемое основательницей почтеннаго журнала *Міръ Божій*, г-жей Давыдовой, уже успѣло пріобрѣсти въ юной публикѣ популярность, хотя оно существуетъ всего одинъ годъ. И нельзя не отнестись къ нему съ сочувствіемъ: редакція старается сдѣлать свой журналъ интереснымъ, доступнымъ для дѣтскаго возраста, содержательнымъ и вообще серьезнымъ и полезнымъ орудіемъ воздѣйствія на юные умы и сердца. А имя лица, принимающаго непосредственное участіе въ редактированіи *Всходовъ*, г-жи Анненской, извѣстной писательницы для дѣтей, даетъ намъ право отнестись къ журналу съ серьезной и строгою критикой, такъ какъ мы увѣрены, что почтенная редакція распоряжается достаточными силами для того, чтобы вести журналъ къ постоянному совершенствованію, къ необходимымъ улучшеніямъ и къ исправленію тѣхъ изъяновъ, которые она замѣтитъ сама или на которые ей укажутъ компетентные и безпристрастные судьи.

Лучшая вещь въ первомъ выпускѣ—разсказъ г. Потапенка *Месть*. Только намъ кажется, что авторъ напрасно нагустилъ красокъ въ изображеніи перваго періода жизни своего юнаго героя, періода порока и злобы, и меньше далъ мѣста психологіи его нравственнаго перерожденія и исправленія. Въ педагогическихъ интересахъ слѣдовало бы менѣе ярко рисовать черты отрицательнаго свойства въ человѣкѣ, но за то не жалѣть красокъ для живого, но, конечно, не преувеличеннаго изображенія положительныхъ явленій жизни. И это оттого, что дѣти очень воспріимчивы и слишкомъ переимчивы.

Въ дѣтской литературѣ почему-то вкоренился обычай—разсказывать на святкахъ непремѣнно страшные, ужасные разсказы и называть ихъ при этомъ „рождественскими“, хотя рѣшительно нельзя понять, что общаго между праздникомъ Христа, праздникомъ мира и спасенія, и содержаніемъ такихъ разсказовъ, отъ которыхъ морозъ подираетъ по кожѣ. А таковъ очеркъ *Циклонъ*, написанный въ духѣ разсказовъ, которыми переполненъ журналъ *Вокругъ Свѣта*. Тутъ очень вяло разсказывается избитый сюжетъ—буря на морѣ и всякіе ужасы, случившіеся при этомъ съ пассажирами...

Мы не ожидали отъ такой извѣстной писательницы, какъ г-жа Чюмина, такого неотдѣланнаго, неуклюжаго стихотворенія, какъ *Джонъ—Ячменное Зерно*. На обложкѣ книги сказано, что это переводъ изъ *Р. Борнса*, а въ текстѣ, подъ заглавіемъ, заявляется, что это — баллада *Р. Беренса*. Кстати сказать, опечатокъ въ обоихъ выпускахъ журнала необыкновенно много: безъ преувеличенія можно сказать, что онѣ попадаются въ немъ на каждомъ шагу. Наприм., въ этомъ же самомъ стихотвореніи такая орѳографія: „отъ всюду“. Кромѣ того, очевидно, по недосмотру корректора, пропущено наборщиками цѣлое слово, благодаря чему вышла строка безъ соотвѣтствующаго размѣра, т.-е. вмѣсто четырехъ ямбическихъ стопъ вышло всего три: „И въ ровъ съ водой его“. А чтобы показать, насколько это стихотвореніе неуклюже, приведемъ, для примѣра, первую строфу: „Земель восточныхъ короли, три витязя, давно *на гибель Джона обрекли Ячменное Зерно*“. Дѣти-читатели могутъ прійти въ большое недоразумѣніе. „Какъ это понять?—спросятъ они:—три витязя обрекли какое-то Ячменное Зерно на гибель какого-то Джона?...“ Вообще, очень грустно, что такая чудная, знаменитая баллада, въ высокой степени благородная по мысли,—апоѳеозъ крестьянскаго труда,—передана дѣтямъ въ такомъ видѣ, что они вмѣсто восторга вынесутъ изъ чтенія ея одно ощущеніе скуки и тягостное представленіе о чемъ-то неясномъ, смутномъ.

Романъ *Печать Цезаря* переведенъ г-жей Шелгуновой неправильнымъ, языкомъ. Напримѣръ: „Это былъ *сухой* человѣкъ“ (стр. 55). (Переводчица должна была сказать: сухощавый, худой; она забыла, что слово *сухой* въ примѣненіи къ людямъ у насъ употребляется обыкновенно для обозначенія интеллектуальнаго явленія, въ смыслѣ человѣка педантическаго, холоднаго, не увлекающагося ничѣмъ и т. п. Въ народѣ, впрочемъ, можетъ быть, и употребляется это слово въ томъ смыслѣ, какъ у г-жи Шелгуновой, по аналогіи съ выраженіемъ героини Островскаго: „я—женщина сырая“; но это, во всякомъ случаѣ, терминъ нелитературный.) „*Двадцать лѣтъ совмѣстной жизни... кончились окровавленнымъ прахомъ*“ (стр. 104).

Статья г-жи Анненской *Дѣтская благотворительность* очень хороша и поучительна. Побольше бы такихъ статей.

Въ концѣ перваго выпуска помѣщенъ для родителей критическій указатель текущей дѣтской литературы. Этотъ отдѣлъ принесетъ несомнѣнную пользу при выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля 1897 г.

Алексѣевъ, д-ръ. О пьянствѣ. Съ предислов. Л. Толстого. Изд. 2-е „Посредника“. М., 1896 г. Ц. 60 к.

Baginsky, проф. Гигіеническія основы Моисеева законодательства. Рѣчь, произнесенная въ Берлинѣ. М., Ц. 35 к.

Вонвала, Габріэль. Невѣдомая Азія. Путешествіе въ Тибетъ. Ташкентъ, 1897 г. Ц. 80 к.

Варанцевичъ. Борцы. Романъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Баронъ. Учебникъ этимологіи нѣмец. языка для среднихъ учебн. заведеній. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Барыкова. Стихотворенія и прозаическія произведенія. Изд. „Посредника“. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бертенсонъ. Виноградарство на песчаныхъ почвахъ. Одесса, 1897 г.

Бертельонъ. Курсъ административной статистики. Ч. I. Москва, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блэкъ. Мозговая работа и переутомленіе. Перев. съ англ. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

Бобынинъ. Изслѣдованія по исторіи математики. Т. II и III. М., 1896 г. Ц. 50 к. и 1 р. 50 к.

— Математико-астрономическая и физическая секціи. Ч. I. Москва, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Борнсъ, Робертъ. Стихотворенія. 1897 г. Ц. 40 к.

Брандтъ. Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Кіевъ, 1897 г. Ц. 60 к.

Буль. Борьба за землю въ древнемъ Римѣ. Библ. обществен. знаній. Одесса, 1897 г. Ц. 20 к.

Бунинъ, Ив. На краю свѣта и другіе разсказы. Изд. Поповой. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Бэрдъ (Ch. Beard). Реформація XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Культурно-истор. библ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бюловъ, Гансъ. Лекціи. Съ примѣчаніями Буховцева. М., 1896 г.

Вагнеръ. Мужество, какъ идеалъ дѣятельной жизни. Перев. съ франц. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Вахтеровъ. Всеобщее обученіе. 1897 г. Ц. 1 р.

Вельяминовъ. Новѣйшіе способы укрѣплять память. Изд. 2-е. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства. Подъ ред. Чупрова. Т. I и II. Спб., 1897 г. Ц. 5 р.

Водовозовой. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Чехи, поляки, русины. Спб., 1897 г. Ц. 40 к.

Вормсъ. Общественный организмъ. Съ предисл. проф. Трачевскаго. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

В. Ф. Москва. Краткіе очерки городского благоустройства. М., 1897 г. Ц. 40 к.

Ганслікъ, Эд. О музыкально-прекрасномъ. Перев. съ нѣм. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Геникъ, Ростиславъ. Исторія фортепіано. Ч. I. Эпоха до Бетховена. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гебель. Начало алгебры и собраніе задачъ. М., 1897 г. Ц. 35 к.

Герцбергъ. Исторія Византіи. Пер. и прим. Безобразова. Москва. 1897 г. Ц. 4 р.

Гоголь-Яновскій. Виноградники и винодѣліе во Франціи и Германіи. Тифлисъ, 1897 г. Ц. 1 р.

Гольмсъ. Великіе люди и ихъ великія

произведенія. 77 иллюст. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Графъ Шуваловъ въ польской печати. Спб., 1897 г.

Григорьевъ. Русскіе герои нашего вѣка. Стихи. Харьковъ, 1896 г. Ц. 30 к.

Гротъ, Н. Я. Очеркъ философіи Платона. Изд. „Посредника". М., 1897 г. Ц. 60 к.

Гусевъ. Справочный церковно-славянскій словарь. Изд. 2-е. М., 1897 г. Ц. 5 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Сочиненія. Полное собраніе въ 10 томахъ. Т. X. Спб., 1897 г. Ц. т. 1 р. 50 к.

Для путешествующихъ по Европ. Россіи и Азіи (совѣты). Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Дмитріевъ. Сборникъ образцовъ русской словесности. Казань, 1897 г. Ц. 25 к.

Дрентельнъ. Не слишкомъ ли много мы лѣчимъ нашихъ дѣтей. Харьковъ, 1896 г. Ц. 20 к.

Жеденовъ. Дѣти-работники. Разсказъ. Спб. Ц. 30 к.

Забелло. Гордые люди. Повѣсть. Изд. „Посредника". 1896 г. Ц. 10 к.

Закъ, Л. Народныя переписи. Библ. обществ. знаній. Общедост. очеркъ. Серія 1, вып. XI. Одесса, 1897 г. Ц. 30 к.

Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова. Ч. I и II. М., 1897 г. Ц. по 1 р.

Злотчанскій. Погода и предсказаніе ея. Научно-популярный очеркъ. Одесса, Ц. 30 к.

— Возвышеніе въ степень многочленовъ и чиселъ и извлеченіе корней. Одесса. Ц. 30 к.

Золотаревъ. Что говоритъ наука о половой потребности. М., 1897 г. Ц. 30 к.

— Мимолетныя связи и бракъ. М., 1897 г. Ц. 30 к.

Ильинскій, А. Конспектъ географіи всеобщей русской и элементарной математической. Изд. 2-е дополн. Воронежъ, 1896 г. Ц. 80 к.

Итогъ жизни. Популяр.-біологич. очеркъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Кантъ, И. Критика практическаго разума. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кейръ, Фр. Воспитаніе характера. М., 1897 г. Ц. 10 к.

Киддъ, Бенжаменъ. Соціальная эволюція. Съ предислов. Михайловскаго. Переводъ съ англійскаго. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Киплингъ. Разсказы для дѣтей. Книжка 2-я. Съ англійск. М., 1897 г. Ц. 40 к.

Козинцовъ. Алкоголизмъ и обществен. борьба съ нимъ. Стародубъ, 1896 г. Ц. 25 к.

Коринѳскій, Ап. На ранней зорькѣ. Сборн. стихотв. для дѣтей. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Кругловъ. Полканъ Собакевичъ. Повѣсть. М. Ц. 1 р.

Крушеванъ, П. Дѣло Артабанова. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Призраки. М., 1897 г. Ц. 2 р.

Лейкинъ, Н. А. Среди причта. Романъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Лоранъ, Эмиль, д-ръ. Тюремный міръ. Пер. съ франц. Спб. Ц. 1 р. 60 к.

Маминъ - Сибирякъ. Исповѣдь. Разсказъ. Спб., 1897 г.

Мейснеръ. Стихотворенія. Самара, 1897 г. Ц. 50 к.

Минскій. При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изд. 2-е. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

де-Мопасанъ, Гюи. Чудный другъ и другіе разсказы. Съ предислов. Толстого. Изд. „Посредника". М., 1897 г. Ц. 1 р.

Навроцкій. Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Наумовъ, проф. Иллюстрированная всеобщая исторія музыки. 20 вып. Спб., 1896 г. Ц. 10 р.

Наумовъ, Н. И. Собраніе сочиненій. Въ 2-хъ томахъ. Спб., 1897 г. Цѣна за оба тома 3 р. Спб., 1897 г.

Некрасовъ, проф. Приложеніе алгебры къ геометріи. Москва, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи. 1896 г.

Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Платонъ, его жизнь и философская дѣятельность. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біограф. очеркъ Орлова. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Плоссъ, д-ръ. Женщина. Антропологическое изслѣдованіе. Т. I. 20 вып. Спб., 1896 г. Ц. 10 р.

Поссе. На холерѣ. Изд. „Посредника". М., 1896 г. Ц. 40 к.

Поѣздки къ бывшимъ волжскимъ столицамъ. Къ развалинамъ Бл. г. Царева. Изд. Суворина. Спб., Ц. 75 к.

По замѣчательнымъ мѣстамъ Поволжья. Изд. Суворина. Ц. 1 р.

Пржевальскій. Проектъ уголовнаго уложенія и современная наука уголовнаго права. Спб., 1897 г.

Протопоповъ. Мысли и образы въ сочиненіяхъ И. С. Тургенева. Харьковъ, 1897 г. Ц. 50 к.

Путеводитель по Волгѣ, Камѣ, Окѣ. Съ рисунк. Изд. Суворина. Спб. Ц. 75 к.

Рафаловичъ. Что говорятъ противъ биметаллизма. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Рахмановъ, д-ръ. Общедоступный лѣчебникъ. Съ рисунк. Изд. „Посредника". М. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Земля и люди, всеобщая географія. Кн. XVI. Соединенные Штаты. Съ рисунками. Спб., 1896 г. Цѣна за т. 8 р.

Риманъ, Гуго. Катехизисъ исторіи музыки Ч. I и II. М., Ц. 1 р.

Русскій астрономическій календарь на 1897 годъ. М., 1897 г. Ц. 75 к.

Рустикъ. Городъ Болховъ, Орловской губерніи. Орелъ, 1897 г. Ц. 80 к.

Сабатье, Арманъ. Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

Самойловичъ. Трубадуръ. Изъ средневѣковаго быта. Изданіе „Посредника". М., 1897 г. Ц. 3 к.

Селивановъ. Что есть истина. Философскій очеркъ. 1896 г.

Семеновъ. Вѣрное средство. Изд. „Посредника". 1896 г. Ц. $1^1/_2$ к.

Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы 1848 — 1892 гг. Изд. 3-е.

Соловьевъ. Искусство выразительнаго чтенія. Ц. 15 к.

— Сборникъ образцовъ русской литературы. Казань, 1897 г. Ц. 15 к.

Соколовъ. Новый способъ быстраго разведенія яблонь. Ц. $1^1/_2$ к.

— Кормовыя средства для скота. Ц. 8 к.

Спенсеръ. Классификація наукъ. М., 1897 г. Ц. 50 к.

Сто разсказовъ изъ жизни животныхъ. Перев. съ англ. Журавской. Книга для дѣтей. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Сутуловъ. Лукъ рѣпчатый и парей. Изд. „Посредника". 1896 г. Ц. 3 к.

Тарасовъ. Очеркъ науки полицейскаго права. М., 1897 г. Ц. 4 р. 50 к.

Телешовъ. За Уралъ. Изъ скитаній по Западной Сибири. М., 1897 г. Ц. 75 к.

Тобилевичъ (Карпенко). Драмы и комедіи. Томъ I. Одесса, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трухачевскій. Записки. Крейцерова соната исполнителя. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Федотьевъ. Добываніе цоташа изъ золы. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Федонъ. Разговоръ Платона. Перев. Лебедева. Изд. 2-е „Посредника". М., 1896 г. Ц. 40 к.

Фламмаріонъ. Живописная астрономія. Съ рисунк. Спб., 1897 г. Ц. 3 р.

Фре, Г. Экспериментальная психологія и спорные вопросы педагогики. Перев. съ нѣм. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.

Фэдо. Научныя забавы. Съ рисунками. Спб. Ц. 60 к.

Шакинъ. Практическая русская грамматика. Вып. I. Варшава, 1897 г. Ц. 25 к.

Шестакова. Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности. Казань, 1897 г. Ц. 35 к.

Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Перев. Вейнберга. Вып. XVII и XVIII. Москва.

Шюкэ, Артуръ. Ж.-Ж. Руссо. Изд. „Посредника". М., 1897 г. Ц. 40 к.

Юрьинъ. Искатель новыхъ впечатлѣній. Повѣсть. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ярмонкинъ. Основы неограниченной монархіи. Спб., 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Волчья сыть". Романъ *Вас. Немировича-Данченка.*—„Въ мірѣ отверженныхъ". *Л. Мельшина.*—„Повѣсти и разсказы" *А. Н. Плещеева* . 53

Философія, психологія, педагогика: „Очеркъ психологіи". *В. Вундта.*—„Дедуктивная и индуктивная логика". *В. Минто.*—„О воспитаніи дѣвицъ". *Фенелона.* — „Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи". *А. П. Аримакова.*—„Вешніе всходы". Кн. III и IV. Сост. *Д. И. Тихомировъ.*—„Волшебный фонарь въ народной школѣ". *Н. И. Борисова.* — „Отчетъ Сибирской безплатной народной библіотеки-читальни въ намять И. А. Гончарова". — „Народный театръ". Сборникъ, изд. *Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ* 58

Исторія, исторія литературы: „Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts". *Von A Brückner.* — „Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія". *Вл. Каллаша.* — „Императрица Екатерина II". Очеркъ *А. Боргневича.* — „Избранныя сочиненія Императрицы Екатерины II". Подъ ред. *Н. С. Карцева.* — „Императрица Екатерина Вторая Великая". *П. Борзаковскаго.*—„Русская классная библіотека Чудинова". Вып. XIX.—„Исторія искусствъ". *П. Гнѣдича.* Т. I, вып. I. 67

Путешествія, географія: „На скалахъ Валаама". *Ивана Шмелева.*—„Путеводитель по Волгѣ". Изданіе *Ив. Иванова.* 73

Юридическія книги: „Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей".—„Наслѣдство и раздѣлъ". Сост. *Я. В. Абрамовъ.*—„Охранительное судопроизводство". *С. Г. Громачевскаго.* 75

Естествознаніе: „Основныя начала общей зоологіи". *В. Заленскій.*—„Программы и наставленія для наблюденій и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣдѣнію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидроліи". — „Извѣстія С.-Петербургской біологической лабораторіи" 77

Сельское хозяйство: „О разведеніи ягодныхъ кустовъ въ крестьянскихъ огородахъ. О теплыхъ и полутеплыхъ парникахъ". Сост. *И. Елинъ.*— „Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой". Сост. *М. Е. Филипченко* 79

Медицина: „Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ". *Дм. Дятлаева* 80

Учебники, дѣтскія книги: „Дополненіе къ краткому курсу алгебры". *В. Гебеля.*—„Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній". *Е. Рихтера.*—„Зарницы". *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—„Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани". *Е. Балобановой* 81

II. Періодическія изданія.

„Русскій Вѣстникъ", *декабрь.* — „Русское Обозрѣніе", *ноябрь — декабрь.* — „Сѣверный Вѣстникъ", *январь.*—„Русское Богатство", *декабрь.*—„Міръ Божій", *январь.*—„Вѣстникъ Европы", *январь.*—„Всходы", *№№ 1 и 2.* . . . . . .

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысл съ 1 января по 1 февраля 1897 г.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя составленіе народныхъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ, высылаетъ учебныя пособія, волшебные фонари, картины къ нимъ и проч. Книги по желанію могутъ быть высланы въ простыхъ дешевыхъ переплетахъ (для народныхъ книгъ переплеты отъ 4 коп.). Лица, выписывающія книги въ большомъ количествѣ, благоволятъ сообщать самый точный адресъ для высылки книгъ самымъ дешевымъ способомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Книжный магазинъ принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Третье изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
— Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.
— Камо грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремизова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Юнóша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 75 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль". Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ) Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?" Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекоменд. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женск.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Подписчики „Русской Мысли" на всѣ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, обозначены *.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

***Козловъ, П. А.** Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

***Столѣтовъ, Т. Г.** Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.

Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.

— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Альбовъ, М. Юбилей. Цѣна 1 р.

Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Цѣна 1 р.

Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.

Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 40 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ редакція лишена возможности приложить къ февральской книжкѣ подвижной каталогъ книжнаго магазина, какъ это всегда дѣлалось, а потому гг. подписчики получатъ исправленный каталогъ особымъ приложеніемъ къ мартовской книжкѣ журнала.

Открыта подписка на новое изданіе

О. Н. ПОПОВОЙ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

«ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА» будетъ выходить серіями по одной въ годъ, заключающими въ себѣ 10 книжекъ по 8—12 печатн. листовъ небольшого формата плотной печати.

Подписная цѣна на каждую серію 3 рубля.

ВЪ ПЕРВУЮ СЕРІЮ ВОЙДУТЪ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ:

Проф. И. М. Сѣченовъ: «Физіологическіе очерки».

Проф. К. А. Тимирязевъ: «Историческій методъ въ біологіи».

Проф. Н. Карышевъ: «Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ».

Э. Клоддъ: «Картина міра и дѣтство человѣка» и проч.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ изданій (Спб., Невскій, 54, библ. Черкесова) и въ ея отдѣленіи (Спб., Спасская, 15, редакція журнала «Новое Слово»); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ «Трудъ» (Тверская, д. Спиридонова).

НОВОЕ ИЗДАНІЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Вышелъ 1-й выпускъ сочиненія НАНСЕНА

Во мракѣ ночи и во льдахъ.

Путешествіе норвежской экспедиціи на кораблѣ „Фрамъ“ къ сѣверному полюсу.

Полный переводъ со шведскаго М. Вечеслова, подъ редак. Н. Березина. Съ 4-мя рисунками. Цѣна 30 коп.

Подписная цѣна на все сочиненіе (до 15-ти вып.) 3 р., съ пересылкой 4 р. 50 к. Подписка принимается въ конторѣ изданій (Спб., Новскій, 54, библ. Черкесова) и ея отдѣленіи (Спб., Спасская, 15, редакція журнала «Новое Слово»).

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ".

Открыта подписка на 1897 годъ.

Январьская книжка до праздника Рождества.

Цѣна 5 р. безъ пересылки, 6 р. съ пересылкою въ Россіи, 8 р. за границу; на полгода 3 р. съ пересылкою.

Подписка принимается: Москва, Тверская ул., д. Гиршманъ, кв. 40.

Издательница *Е. Н. Тихомирова.* Редакторъ *Д. И. Тихомировъ.*

Продаются новыя книги изданія „Дѣтскаго Чтенія": „Вешніе всходы", книга для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій—въ школѣ и дома—**годъ первый**, третье изданіе, ц. 30 к.; **годъ второй**, третье изданіе, ц. 40 к. Обѣ книги **допущены** Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Просв. для употребленія въ низшихъ школахъ. **Третья книга** „Вешніе всходы", ц. 60 к. Руководство для учителя, ц. 30 к. **Допущено** Уч. Ком. Мин. Народн. Просв. въ учительскія библіотеки. *Пушкинъ А. С.* Избранныя сочиненія для дѣтей школьнаго возраста, томъ первый. Младшій возрастъ. Второе изданіе. 1896 г. Ц. 30 к. Одобрено Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ начальныхъ и городскихъ училищъ.—„Васька-горнистъ". Разсказъ *Г. А. Мачтета.* Съ четырьмя рисунками. Ц. 20 к.—„Ручей и его жизнь". (По Элизе Реклю). *Д. А. Коропчевскаго.* Съ рисунками. Ц. 50 к. „Драма на дворѣ". Повѣсть для дѣтей. *И. Н. Потапенка.* Съ рисунками. Ц. 60 к. „Погибель Іерусалима". Историческій разсказъ. *Д. Л. Мордовцева.* Ц. 10 к.

Открыта подписка на 1897 г. на ежемѣсячный литературный и научный журналъ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемое Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

Подписная цѣна: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р., безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ 8 р., за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала—Бассейная ул., 10. **Въ Москвѣ**—въ отдѣленіи конторы—Никитскія ворота, д. Гагарина.

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе допускается разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики „**Русскаго Богатства**" пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книжкѣ журнала на первыхъ страницахъ.

Редакторы: **П. Быковъ, С. Поповъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г.

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„СТЕПНОЙ КРАЙ",

Выходящую въ г. Омскѣ два раза въ недѣлю.

Посвященная разработкѣ вопросовъ мѣстной жизни, газета будетъ обращать особенное вниманіе на городское и общественное самоуправленіе, школьное и переселенческое дѣло, инородческій вопросъ и экономическое положеніе края.

Въ газетѣ будутъ принимать участіе: **Гриневичъ, П. Ф.; Дѣдушка Мазай; Евгешинъ, А. А.; Ивановъ, Александръ (Потаповъ, А. И.); Илличъ, В. С.; Кауфманъ, А. А.; Клеменецъ, Д. А.; Курскій, М. О.; Марусинъ, С. (С. П. Швецовъ); Мельшинъ, Л.; Митричъ, В. Д.; Потанинъ, Г. Н.; Рафаиловъ, М.; Семевскій, В. И.; Хотымскій** и др.

Въ главныхъ городахъ Сибири газета будетъ имѣть постоянныхъ корреспондентовъ.

Условія подписки: Для городскихъ подписчиковъ годовое изданіе: безъ ежедневныхъ телеграммъ — **5 руб.**, съ телеграммами — **7 руб.** Для иногороднихъ: безъ ежедневныхъ телеграммъ — **5 руб. 50 к.**, съ телеграммами — **7 руб. 50 коп.**

Допускается помѣсячная подписка и разсрочка въ платежѣ.

Отдѣльные номера въ розничной продажѣ 7 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ, а также розничная продажа №№ производится въ **Омскѣ**: въ редакціи „Степного Края"; въ **Тюмени**: въ магазинѣ „Польза"; въ **Барнаулѣ**: въ Обществ. библ. и въ магаз. Тернера и К°; въ **Томскѣ**: у И. Г. Короленко, Милліонная ул., д. Кипріяновой.

Редакціей возбуждено ходатайство о разрѣшеніи выпускать газету ТРИ раза въ недѣлю.

Издатель **И. Г. Сунгуровъ.** Редакторъ **И. Ѳ. Соколовъ.**

VIII-й годъ изданія. **Открыта подписка на 1897 годъ** VIII-й годъ изданія.

6 р. в о д ъ. НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ **3 р. 50 к.** полгода.

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ.

Въ 1897 году „Русскій Листокъ" будетъ выходить **по значительно расширенной программѣ**, равной по объему съ большими и дорогими столичными изданіями.

Въ программу „Русскаго Листка" входятъ: 1) Правительственныя распоряженія и придворныя извѣстія; 2) Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства и собственныхъ корреспондентовъ; 3) Передовыя (руководящія) статьи по внутреннимъ вопросамъ и внѣшней политикѣ; 4) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя; 5) Хроники: Московская, Петербургская и внутренняя; 6) Извѣстія изъ иностранныхъ газетъ; 7) Дневникъ печати; 8) Театръ, музыка и живопись; 9) Критика и библіографія; 10) Судебная хроника; 11) Биржевая хроника; 12) Фельетоны: литературные, научные и общественной жизни; 13) Спортъ; 14) Мелкія замѣтки, разныя извѣстія и смѣсь; 15) Портреты, рисунки, планы и чертежи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой остается прежняя:

на годъ—6 р., на 6 мѣсяцевъ—3 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—70 к.

Адресъ конторы и редакціи: **Москва, Неглинный проѣздъ, д. Гонецкаго.**

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

Абаза, В. А. Исторія л.-гв. конной артиллеріи. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Адріановъ, Н. Способъ домашняго приготовленія броможелатиновыхъ и хлорожелатиновыхъ и аристотипныхъ пластинокъ и бумаги. Изд. 2-е. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Арефа, Н. И. Положенія и правила о земскихъ участковыхъ начальникахъ, городскихъ судьяхъ и волостномъ судѣ. Изд. 4-е, исправ. и дополн. Спб., 1897 г. Ц. 4 р.

Барыкова, А. П. Стихотворенія и прозаическія произведенія. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вердъ, Ч. Реформація XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вертильонъ, Ж. Курсъ административной статистики. Ч. I. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вильдерлингъ, П. А. Бесѣды по земледѣлію. Съ 18-ю рисунками. Спб., 1897 г. Ц. 40 к.

Вложкъ, Д. Мозговая работа и переутомленіе. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

Врайтвинъ, Элиза. Дружба съ природой. Разсказы въ изложеніи Дм. Кайгородова. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Буль, Генрихъ. Борьба за землю въ древнемъ мірѣ. Одесса, 1897 г. Ц. 20 к.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее обученіе. М., 1897 г. Ц. 1 р.

Венгерова, Зин. Литературныя характеристики. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вопросы матеріальнаго обезпеченія отставныхъ чиновниковъ общихъ гражданскихъ вѣдомствъ и ихъ семействъ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Данилевскій, М. Г. Невольникъ любви. Повѣсть-быль. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

Денисовъ, Л. Бѣлая лилія. Разсказъ для дѣтей. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Джеромъ, К. Джеромъ. Новый способъ писать романы. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Додю, Гастонъ. Исторія монархическихъ учрежденій въ латино-іерусалимскомъ королевствѣ (1099 — 1291 г.). Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Жеденовъ, Н. Дѣти-работники. Разсказъ. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

Женщина и ея роль въ жизни. В. П. Оренбургъ, 1895 г. Ц. 30 к.

Кидд. Соціальное развитіе. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Кругловъ, А. В. Стихотворенія. Москва, 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кукъ, Дж. П. Новая химія. Москва, 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Лазарильо изъ Тормесъ и его удачи и неудачи. Перев. съ испанскаго Н. Гливенко, съ предисловіемъ Морель-Фассіо. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Лаланд, А. Этюды по философіи наукъ. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Лассаль, Ф. Біографич. очеркъ Классена. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.

Львовъ, К. У камелька. Очерки и разсказы изъ фантастической и реальной жизни. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

Мамин-Сибиряк, Д. Исповѣдь. Разсказъ. Спб., 1897 г. Ц. 5 к.

Мейснеръ, Алекс. Стихотворенія. Самара, 1897 г. Ц. 50 к.

Минье. Исторія французской революціи. Изд. 3-е. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Мисль, Рустемъ. Персія при Насръ-Эдинъ-Шахѣ съ 1882—1888 г. Очерки въ разсказахъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Молчановъ, В. А. Краткій курсъ гигіены. Пособіе для учащихся. Спб., 1896 г. Ц. 35 к.

Де-Морье, Жоржъ. Трильби. Романъ въ 8-ми частяхъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Нансенъ, Фритіофъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Полный перев. со шведскаго М. Вечеслова, подъ ред. Н. Березина. Спб., 1897 г. Вып. I. Ц. 30 к.

Науковъ, Н. И. Собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ. Спб., 1897 г. Ц. 3 р.

Пинкій, Н. Н. Хорекъ, горностай и ласка. Спб., 1897 г. Ц 10 к.

Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки. Т. 5-й. Изд. 2-е. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Покровская, М. И. Санитарный надзоръ надъ женщинами и санитарная организація въ различныхъ государствахъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Починскій, Н. С. Новый простой способъ рѣшенія численныхъ уравненій какъ угодно цѣлыхъ степеней. Отд. I. Рѣшеніе уравненій съ однимъ неизвѣстнымъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Путешествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ 13 авг.—19 окт. 1896 г. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Раттаузъ, Д. Пѣсни сердца. Стихотворенія 1893—1897 гг. Москва, Ц. 1 р.

Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 годъ. Ц. 3 р.

Скабичевскій, А. И. Исторія новѣйшей русской литературы. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

Общедоступныя лекціи и рѣчи Александра Григорьевича Столѣтова. Съ фототипическ. портретомъ и біографич. очерк., сост. К. Тимирязевымъ. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уле, Отто. Почему и потому. Учебникъ физики въ 440 вопросахъ и отвѣтахъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р

Чезасъ. Уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чичинадзе, Д. В. Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Чичинадзе, Д. В. Уставъ о прямыхъ налогахъ (Св. зак. т. V). Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Шопенгауэръ, А. Міръ какъ воля и представленіе. Перев. Черниговца. Критика Кантовской философіи. Добавленіе къ 1-му тому. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

Эвальдъ. Лѣченіе электрическимъ свѣтомъ ревматизма, невралгіи и т. п. Спб., 1897 г. Ц. 40 к.

ВЫШЛА ЧЕТВЕРТАЯ, ЯНВАРЬСКАЯ, КНИЖКА НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НОВОЕ СЛОВО“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Мірская вдова. Драма изъ крестьянской жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Евг. Карпова. 2) Задачи соціологіи и теоріи исторіи. Н. Карѣева. 3) Животная проза и декадентская поэзія. Стихотвореніе. Алексѣя Жемчужникова. 4) Обѣтованная земля. Романъ. Ч. I. I—IV. Генриха Понтопидана (Съ датскаго). 5) Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина (Ихъ переписка). 6) Въ чужомъ гнѣздѣ. Романъ. VII—XVI. К. Ельцовой. 7) Думы и отклики. Стихотворенія. П. Я. 8) Въ сумеркахъ. Разсказъ. Л. Авиловой. 9) Профессоръ философіи. Романъ. XI—XVIII. Е. Грей Вильрайтъ. Перев. О. П. 10) Очерки изъ исторіи сектантскихъ движеній въ Екатеринославской губерніи. В. Бородаевской-Ясевичъ. 11) Жизнеспособно ли крестьянское хозяйство? 12) Наша книга на базарѣ житейскомъ. Н. Пружанскаго. 13) Новыя книги. 14) Обозрѣніе внутренней жизни. Наши исправительныя колоніи. С. Ж—кина.—Къ вопросу о всеобщемъ обученіи. К. Левина.—Финансовые итоги 1895 г. А. Котельникова.—По поводу государственной росписи на 1897 г. М. Слобожанина.—Письма изъ провинціи. Съ Урала (Результаты покровительственныхъ пошлинъ). В. В—аго.—Изъ Козловскаго уѣзда (Земскія картинки. Власть писаря). П. П—ва.—Изъ Суздальскаго уѣзда (Къ вопросу о положеніи народнаго учителя). Учителя.—Грайворонъ, Курск. губ. (Земское собраніе).—Изъ Воронежа (О земской эмеритурѣ). Земскаго служащаго. 15. Обзоръ заграничной жизни. I. Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ. II. Интересы дня. III. Между журналами и газетами. В. Т. 16) Народныя библіотеки Парижа. С. Ан—скаго. 17) Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ (Критическія письма). Письмо 7-е. Вольные герои больной литературы. А. Скабичевскаго. 18) Отъ редакціи. 19) Новыя книги, присланныя въ редакцію въ декабрѣ. 20) Объявленія. 21) Приложеніе: Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Соч. Ж. Жюссерана.

Годовая подписка на „Новое Слово“ (отъ 25 до 30 печ. лист.) принимается съ 1-го октября 1896 г. по 1-е октября 1897 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 10 руб., на полгода 5 руб., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., безъ пересылки на годъ 9 руб.; за границу на годъ 12 руб.; за ту же цѣну можно выписывать журналъ и за 1-й годъ, съ 1 октября 1895 г. по 1 октября 1896 г.

Контора редакціи: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб., Невскій пр., д. 54, **Библіотека Черкесова.**

Въ Москвѣ: Отдѣленіе конторы журн. „Новое Слово“, книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская, д. Спиридонова.

Подписка на полгода и на 3 мѣсяца допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія. Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій **О. Н. Поповой**, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе въ Спб., за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно.

Редакторъ А. Н. Поповъ. **Издательница О. Н. Попова.**

1897 годъ. На-дняхъ выйдетъ въ свѣтъ 1-я (январь—февраль) книга журнала годъ VIII.

„Вопросы Философіи и Психологіи",

издаваемаго Московскимъ Психологическимъ Обществомъ.

Предполагаемое содержаніе ея: *Б. Н. Чичеринъ.* «Нѣсколько словъ о философско-историческихъ воззрѣніяхъ Грановскаго».—*М. С. Корелинъ.* «Очерки развитія философской мысли въ эпоху Возрожденія. Міросозерцаніе Франческо Петрарки».—*В. В. Ивановскій.* «Общество и государство».—*Кн. С. Н. Трубецкой.* «Ученіе о Логосѣ въ древней философіи въ связи съ развитіемъ идеализма».—*В. О. Ключевскій.* «Западное вліяніе въ Россіи XVII в. (Историко-психологическій очеркъ)».—*В. Джонстонъ.* «Шри-Шанкара-Ачарія, мудрецъ индійскій».—*А. Н. Бернштейнъ.* «О воспріятіи постоянныхъ и перемѣнныхъ раздраженій».—*Кн. С. Н. Трубецкой.* «Къ библіографіи исторіи религій».—*В. Н. Ивановскій.* «Къ исторіи ученія объ апперцепціи».—*Н. И. Карѣевъ.* «Экономическій матеріализмъ и закономѣрность соціальныхъ явленій».—*П. Б. Струве.* «Свобода и историческая необходимость».—*Критика и библіографія.*—*Психологическое Общество.*

Открыта подписка на 1897 годъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1 января 1897 г. по 1 января 1898 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ перес. въ другіе города—**7** р., за границу—**8** р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается **только** въ конторѣ редакціи.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конт журнала: **МОСКВА, Большая Никитская, д. 2—24** (въ помѣщеніи ж нала «Русская Мысль»).

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества **Н. Я. Гротъ.**

Редакторы: **Л. М. Лопатинъ.** **В. П. Преображен**

ОТЪ РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ

„РУССКІЙ ТРУДЪ“.

Двадцатилѣтней литературной дѣятельности достаточно, чтобы дать имени писателя вполнѣ опредѣленное значеніе. Поэтому бывшему сотруднику И. С. Аксакова и редактору „Русскаго Дѣла“ нѣтъ нужды выступать съ политической исповѣдью, или рекомендовать себя публикѣ.

Послѣ невольнаго восьмилѣтняго молчанія, или блужданія по разнымъ чужимъ органамъ, мы вновь получили право слова, и съ 15 января основываемъ въ Петербургѣ еженедѣльную *безъ предварительной цензуры* газету „Русскій Трудъ“, съ программой достаточно обширной.

Наши друзья, сотрудники и постоянные читатели „Русскаго Дѣла“ поймутъ и раздѣлятъ нашу радость новой съ ними встрѣчи, а для новыхъ читателей, думается намъ, будетъ достаточно перваго номера, чтобъ оцѣнить наше направленіе, литературные пріемы и задачи. Номеръ этотъ выпускается въ значительномъ числѣ экземпляровъ и будетъ высланъ безплатно каждому желающему.

Открываемъ подписку и, съ чистой совѣстью оглядываясь на пройденный путь, считаемъ себя вправѣ ждать отъ русскихъ людей той же искренней и теплой поддержки и того же довѣрія, какія имѣлъ и нашъ первый органъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ годъ съ доставкой и пересылкой 8 руб., полгода 4 руб., три мѣсяца 2 руб. Разсрочка по соглашенію. Редакція и контора въ С.-Петербургѣ, Эртелевъ пер., 18.

Редакторъ-издатель **Сергѣй Шараповъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г.

на большую ежедневную политическую и литературную газету

„БЕССАРАБЕЦЪ“

Издаваемую въ г. Кишиневѣ.

Ростъ общественной жизни и интеллектуальныхъ силъ провинціи съ каждымъ годомъ все болѣе расширяетъ задачи провинціальной газеты. Безпрерывная смѣна текущихъ вопросовъ и быстрота, съ которой телеграфъ разноситъ извѣстія о выдающихся событіяхъ, позволяютъ мѣстному органу печати разрабатывать своевременно главныя темы жизни всей страны, давая своимъ читателямъ возможность слѣдить за всѣми интересными явленіями современной жизни ранѣе, чѣмъ ихъ можно почерпнуть изъ столичныхъ органовъ печати.

Руководясь этимъ, редакція „Бессарабца“ ставитъ своей главною цѣлью отражать въ газетѣ возможно полно и своевременно выдающіяся явленія какъ русской жизни, такъ и міровой, разрабатывая параллельно и краевыя злобы дня во всѣхъ ихъ проявленіяхъ.

Задача „Бессарабца“ — проведеніе въ жизнь тѣхъ культурныхъ, общественныхъ и нравственныхъ началъ, на которыхъ зиждется мирное развитіе, благосостояніе и единеніе всей русской семьи, сплотившейся подъ знаменемъ великой Россіи.

Въ газетѣ „Бессарабецъ“ постоянно будутъ принимать участіе какъ мѣстныя литературныя силы, такъ и крупныя силы столичныхъ органовъ печати. Программа большихъ газетъ. Еженедѣльныя литературныя приложенія въ форматѣ печатнаго листа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 3 р. съ пересылкой или доставкой. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р. и и въ іюнѣ 4 р.

Подписчики „Бессарабца“, выписывающіе сочиненія П. А. Крушевана: Что такое Россія (ц. 2 р.), Призраки (ц. 2 р.) и Дѣло Артабанова (ц. 1 р. 25 к.), за пересылку не платятъ.

Редакторъ-издатель П. А. Крушеванъ.

Продолжается подписка на 1897 г. (IV годъ изданія).

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Съ 1897 года „НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" будетъ выходить ежемѣсячно, въ увеличенномъ объемѣ, а именно книжками обыкновеннаго журнальнаго формата, не менѣе 200 стр. каждая. Программа расширена (добавленъ отдѣлъ общественныхъ наукъ). Задача журнала остается прежнею: обзоръ новѣйшихъ успѣховъ науки и статьи, представляющія общенаучный интересъ. Отдѣлы библіографіи и научныхъ новостей будутъ увеличены. Журналъ предназначенъ для общаго круга интеллигентныхъ читателей; поэтому редакція стремится совмѣстить строго-научный характеръ статей съ доступностью изложенія.

СОДЕРЖАНІЕ *январской книги*:—I. Невидимые спутники звѣздъ, проф. *Глазенапа*.—II. Инстинктъ и разумъ, проф. *Н. Холодковскаго*.—III. Общества животныхъ, доц. *В. Вагнера*.—IV. Философъ XVIII в. (Гольбахъ). *П. Б—това*.—V. Соціологическое ученіе Маркса. *М. Филиппова*.—VI. Внутренность земли. *В. Бельше*.—VII. Солнечное затменіе 1896 г. *В. Тюрина*.—VIII. Справедливость, проф. *Кокена*.—IX. Научныя новости.—X. Критическое обозрѣніе.—XI. Хроника.—XII. Библіографія.—XIII. Новости иностранной литературы.—XIV. Обзоръ журналовъ.—XV. Объявленія. Приложеніе *Спенсеръ*.

Подписная цѣна: на годъ 7 р. (за границу 10 р.),—на полгода 4 р. При обращеніи въ редакцію допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ. Народнымъ учителямъ и учительницамъ, фельдшерамъ и фельдшерицамъ—уступка (5 руб. въ годъ, съ разсрочкой по желанію).

АДРЕСЪ ред. и главн. конторы: С.-Петербургъ, Екатерининская ул., д. 6, кв. 8.
Журналъ выходитъ 15 числа каждаго мѣсяца.

Ред.-изд. д-ръ философіи **М. Филипповъ**.

ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО

КІЕВСКАЯ

ежедневная, литературная, политическая и художественная газета

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ ВЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ

И СЪ ДВУХЪ-НЕДѢЛЬНЫМИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ,

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1897 Г. ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

Условія подписки:

на 1 годъ 8 руб., на 6 м.—5 руб., на 3 м.—3 руб., на 1 м.—1 руб.; безъ доставки: на 1 годъ—6 руб., на 6 м.—3 р. 75 к., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—75 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—4 руб., къ 1 мая—2 руб., и къ 1 іюля—2 руб., а для служащихъ въ административныхъ, судебныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ главной конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная улица, № 8—А (Музыкальный пер.).

Редакторъ-издатель *М. Е. Крашенскій*.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

S

DUE JUL 25 '32

SEP 25 62 H